

содержание седьмой канжки:

I.

исторія одного паука и двухъ пріятелей. Повъсть $B.\ P.\ 3omosa.$ три стихотворенія. $H.\ \Pi.\ \Gamma$ рекова.

- 1. Тополь.
- 2. Мелодія.
- 3. Какъ ты разительно похожа на нее.

эйстапъ блего. Повъсть Эйженя Берслу.

п. История и теория ис вы

ВТАЛЬЯНСКАЯ ЖИВОПИСЬ ОТЪ ЕЯ НАЧАЛА ДО НЫНВШНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

(Статья третья).

III. CMECS

1. Парижекія письма. Апполинарія Бонавентуры.

- 2. Изъ журнала русскаго путешественника, П. М. Новосильскаго.
- 3 Историческій очеркъ Молдавін и Валахін. В. В. Т.

4. Бълоруссія въ характерическихъ описаніяхъ и фантастическихъ по-

5. Призракъ. Разсказъ.

Cu. Hana

6. Инсьма изъ-за границы. Венеція. Н. И. Мундта.

каранданом: 4 ловенкие рассказы о каспийском рыболовстве

COBPEMENHOE.

ТИТЕРАТУРА: Проперцій и писатели времень Августа (статья вторая и посльдиля). — Вильмень и его сочиненія (статья Густава Планша). ОТКРИТІЯ ВЪ НАУКАХЬ И ПРОМЫШЛЕНОСТИ: Фотографическіе портреты луны. — Походная поваренная машина. — Подводное судоходство. — ЕСКУССТВА, МУЗЫКА. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ-АНЕКДОТЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ: Турецкая дисциплина. — Французь и Англичанинь. — Вопросы и отвёты изь одного разговора о любви. — Разсказь нутешественника по Альпійскимъ горамь. — Азардныя игры въ Азіи. — Какъ иногда составляются литературныя репутаціи. — Путевыя впечатлівнія оригинала. — Провинціяль и парижанки. — Маленькія тайны великихъ писателей. — Хитрость соперника. — Ласточка съ золотымь ожерельемь (разсказь). Прогулка на островь Эгину (изъ записокъ путешественника).

ν.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВВСТНИКЪ.

І. ЛИТЕРАТУРА.

1. ЖУРНАЛИСТИКА.

«Иснытаціе» романь В. Крестовскаго. — Литературная двятельность этого писателя. — Журнальные отзывы. — Отличительныя свойства автора и достоинства его. — Мысли и чувство. — Характеры двйствующихъ лицъ. — Іюльская книга «Отечественныхъ Запи сокъ.» — Переводъ Антигоны. — Стихи г. Шестакова. — Статья г. Тихонравова. — Последнія книги Современника. — Стихотворенія. — Г. Лонгиновъ, собиратель школьныхъ стиховъ Лермонтова. — Хорошія и слабыя статьи журнала. — Новый поэтъ и критика. — Господинъ, палимый лучами идеала. — Сервилія и Апронія. — Отчего новый поэтъ такъ мало изучалъ стараго?

2. БИБЛІОГРАФІЯ.

«Всъ сочиненія» Василія Александровича Вонлярлярскаго. 4 тома. С. П. Бургг. 1854.

И. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Прошедшее и настоящее Крестовскаго острова. — Ивановъ день и древнее его значеченіе. - Пұмецкое гулянье на Крестовскомъ острову и его отличительный характеръ. - Русскіе между нъмдами. - Гулянье на Елагиномъ острову. - Бенефисъ г. Гунгля въ Павловскъ. – Начало блестящихъ вечеровъ на Минеральныхъ водахъ, бенефисъ г. Излера в новыя его занятія для удовольствія публики. - Неоправдавшееся извістіе объ Іоаннії Гунглів. - Вечеръ съ лотереею алегри. - Вечеръ въ честь прекраснаго пола. - Бенефисъ Шиндлера въ Полюстровъ.-Танцовальные вечера на полюстровскихъ жельзныхъ водахъ. - Дъятельность прочихь загородныхь увеселительныхь дачь.—Великольный вечерь въ лътнемъ ивмецкомъ клубъ. - Опера на Каменно-островскомъ театръ. - Особенныя лъгнія увеселенія: уженіе п тони. - Препровождение дня въ наше время и препровождение дня римскихъ львицъ. - Раздъление дня у древнихъ грековъ. - Англо-французский флотъ. - Новое путевое сообщение между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ. - Разсказъ о томъ, что преданіе, будто Орфей могъ все покорить себъ звуками, чуть было не оказалось справедливымъ, или новый искусственный способъ распространять свою славу. - Маленькій разсказь о иткоторомъ Степанычь или не всякому удается слава. Профанація славныхъ именъ. Куплеты изъ новой патріотической пьесы г. Григорьева 1-го.-Празднество на Кронштадскомъ рейдъ.-Стихотворные спичи.-Старинная пъсня про Наполеона, сложенная самими французами. - Спускъ новаго фрегата. -Народное гулянье на пороховыхъ заводахъ, на Охтъ и Смоленскомъ кладбищъ. - Розовые топазы въ Россіи. -- Художественныя новости и стихотворная біографія Барона Остенъ-Сакена. — Четвертый листокъ «Райка», издаваемаго въ Москвъ. — Выставка картинъ профессора Айвазовскаго въ Петергофъ -- Подробная генеральная карта С.-Петербургской желъзной дороги г. Сергъева. – Сооружение памятника В. А. Жуковскому. – Новая создатская пъсня.

VI.

вести изъ провинцій.

Переводы Финскихь стрълковыхъ батальоновъ въ Гельзингфореъ.—Стихи и проза по этому случаю.—Патріотизмъ и благотворительность по случаю нынъшней войны. — Провинціальные спектакли и концерты. — Русская пароходная фабрика. — Пароходство между Тверью и Рыбинскомъ. — Великолъпный концерть въ Тифлисъ, въ пользу раненыхъ воиновъ. — Кантата гр. Сологуба. — Письмо изъ Одессы о дняхъ ея бомбардированія непріятельскими флотами.

VII.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 7.

порывъ и страсть или два женскія сердца. Драма въ двухъ дъйствіяхъ, передъланная съ французскаго и. с. юрьевой.

HPHAOMEHIA: - OTCYTCT BYOT

- 1. Музыка: Плутовскіе глазки полька-мазурка, Соч. клеры берту.
- 2. Электрическій галопъ. Соч. Л. РЕВІУСА.

Портреты будуть даны вмѣстѣ при слѣдующей книжк

TAHTEOHTS

ЖУРНАЛЪ

З ЗСО ЛПТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, В ЗДАВЛЕНИЙ

оедоромъ кони.

TOMB XVI.

◆№ 1ЮЛЬ. — КНИЖКА СЕДЬМАЯ. В◆ 1854.

печатать позволяется

съ тъмъ, чтобы по напечатани представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Августа 9-го 1854 года.

Ценсоръ Ю. Шидловскій.

T.

исторія одного паука и двухъ пріятелей.

I.

На Матисовомъ островъ, въ Перевозной улицъ, недалеко отъ того мъста, гдъ она выходитъ на набережную Пряжки, въ маленькомъ деревянномъ домикъ, много лътъ тому назадъ, жили три лица, судьбу которыхъ мы хотимъ разсказать читателямъ и о которыхъ упоминается въ названіи нашего разсказа. Житель важныхъ частей Петербурга не прочтетъ этой исторіи; она не будетъ имъть для него никакого интереса; ему могутъ показаться дикими самыя названія мъстности, гдъ обитали герои нашего разсказа; онъ, пожалуй, даже никогда не слыхалъ о такихъ островахъ, ръкахъ и улицахъ. Впрочемъ, мы сами пишемъ эту исторію не для Невскаго проспекта, и будемъ довольны, если скромныя части города займетъ наше безхитростное повъствованіе, върное въ малъйшихъ подробностяхъ быта, нами описываемаго.

Для городских и иногородных лицъ, незнакомых съ Петербургомъ, мы можемъ впрочемъ прибавить, что Матисовымъ островомъ называется неофиціально небольшая полоса земли, начинающаяся въ томъ мъстъ, гдъ отъ Мойки отдъляется ръчка Пряжка, и оканчивающаяся тамъ, гдъ эта ръчка впадаетъ въ Неву двумя каналами, прорытыми около Сальнаго Буяна. На этомъ маленькомъ островъ, названномъ такъ по бывшей здъсь нъкогда чу-

4

хонской деревнъ Метилле или Матиса, и соединенномъ съ твердою землею четырьмя мостами: Бердовымъ, Баннымъ, Кузнечнымъ или Матисовымъ и Сухарнымъ, всего три улицы: Мясная, Заводская и Перевозная, и два переулка: Кузнечный и Банный. Изъ замъчательныхъ зданій на островъ находятся, кромъ уже упомянутаго нами Сальнаго Буяна — Исправительное заведеніе, лъсопильный заводъ Берда, Бълильный, Друри, и бани Крашениникова, называемыя въ общежитіи Сухарными. Если мы прибавимъ, что здъсь есть еще площадь—Матисово Болото, и деревянная набережная на Пряжкъ, то получимъ полное топографическое описаніе этого малоизвъстнаго въ Петербургъ уголка, гдъ происходила наша странная исторія.

Домикъ, въ которомъ жили наши герои, стоялъ, какъ мы говорили, недалеко отъ Пряжки и принадлежалъ одному изъ заводскихъ, какъ называютъ въ этой сторонъ всъхъ работающихъ на заводъ Берда, и по преимуществу населяющихъ эту часть города, гдъ большая часть земли и даже домовъ принадлежитъ Берду. Въ этомъ домикъ, весьма небольшомъ, но чистомъ и красивомъ, кромъ хозяйской, были всего двъ квартиры, и въ одну изъ нихъ мы попросимъ войти читателя, чтобъ познакомить его съ жильцами скромнаго домика.

Въ маленькой и свътлой комнаткъ, на простомъ кожаномъ диванъ лежалъ молодой человъкъ лътъ 25-ти, довольно обыкновенной физіономіи, въ которой замътнъе всего былъ длинный тонкій носъ и волосы, до того бълокурые, что казались почти бълыми. Не смотря на раннее время дня, молодой человъкъ былъ почти совсъмъ одътъ: ярко вычищенные сапоги, бълая манишка, воротнички безукоризненной бълизны, выставлявшіеся изъ-за чернаго галстуха даже слишкомъ высоко; цъпочка новаго золота, застегнутая крючкомъ за пуговицу чернаго атласнаго жилета, все доказывало, что молодой человъкъ готовится куда нибудь идти. Только вмъсто сюртука или фрака на героъ надъто было довольно истертое и поношенное пальто, замънявшее, по всей въроятности, должность халата.

Видно было также, что бъловолосый хозяинъ квартиры ждалъ чего-то, и даже сильно безпокоился этимъ ожиданіемъ. Въ чертахъ лица его выражались досада и нетерпъніе; онъ бормоталъ довольно громко и скоро отрывистыя фразы; то поднимался съ дивана въ волненіи, смотря на дверь, то опять бросался на диванъ такъ сильно, что тотъ трещалъ и гнулся.

По временамъ молодой человъкъ окидывалъ глазами комнату, какъ будто желая удостовъриться, что онъ былъ въ ней точно одинъ. Комната эта была довольно просторна, въ три окна, заставленныя горшками ерани, золотаго и восковаго дерева, олеандровъ и кактусовъ. Обои на стънахъ неопредъленнаго цвъта, не то свътло-сърые, не то свътло-зеленые; между двумя окнами большой письменный столь; въ углу бюро стариннаго фасона, комодъ и шкапъ подъ оръховое дерево; у двери стънные часы; вдоль ствны противъ оконъ - два дивана, извъстные въ продажъ подъ названіемъ голландскихъ, обтянутые темною кожей; на одномъ изъ нихъ лежалъ молодой человъкъ; на другомъ была постлана простыня, положены двъ подушки и одъяло. Правильное, симметрическое положение этихъ вещей доказывало, что на приготовленную постель еще никто не ложился; въ этомъ еще болъе убъждали туфли, чинно стоявшіе у дивана и халатъ, аккуратно сложенный и повъшенный на спинку стула.

Остальное убранство комнаты состояло изъ четырехъ массивныхъ стульевъ съ кожаными подушками и двухъ креселъ, стоявшихъ у стола и обтянутыхъ краснымъ драдедамомъ. У средняго окна вистла клътка съ канарейкой, трещавшей безъ умолку; въ промежуткъ между диванами небольшое зеркало; въ переднемъ углу образъ въ золоченой ризъ; надъ диванами и надъ столомъ нъсколько литографій и аква-тинтъ, средней руки. Между этими картинами замъчательны были въ особенности двъ: одна - портретъ какого-то господина глубокомысленной наружности, съ маленькимъ кокомъ и огромными воротничками, сидъвшаго у стола и положившаго руку на книгу... Другая фигура изображала женскую головку въ чепчикъ странной формы. Головка эта была бы недурна, если бъ художникъ не загнулъ ее назадъ въ весьма неловкомъ и неестественномъ положении и не нарисовалъ ей глаза черезъ чуръ на выкатъ. Подъ головкой было подписано по-французски: Extase. Картина эта была замъчательна еще тъмъ, что въ противоположность другимъ картинамъ, висъла вовсе не симметрично, на странномъ мъстъ между потолкомъ и крайнимъ окномъ, надъ угломъ письменнаго стола.

Все это: и мебель, и картины, и вещи—было далеко не ново, но въ порядкъ; въ комнатъ во всемъ было довольство, но вмъстъ съ тъмъ нельзя было сказать, чтобъ она отличалась чистотою. На крашеномъ полу были мъстами темныя пятна, изъ-подъ шкапа и комода выглядывали клочки бумажки и разный соръ, на горшкахъ съ цвъ-

тами валялись окурки папиросъ, на прессъ-папье, книгахъ, статуэткъ Пушкина и другихъ вещахъ на столъ былъ порядочный слой пыли. На шкапъ изъ-за кордонки со шляпой виднълись веревки и груда бумагъ, наваленныхъ кое-какъ. Наконецъ, въ углу подъ стуломъ лежалъ старый сапогъ, которому неотыскивалось товарища въ цълой комнатъ.

Молодой человъкъ продолжалъ по-прежнему вертъться на диванъ, перекладывая поперемънно одну ногу на другъю. Вдругъ часы начали бить; онъ приподнялся съ дивана, сълъ и сталъ считать удары: пробило шесть; пока часы били, все въ комнатъ замолкло; притихла даже канарейка, которой въроятно также надо было узнать который часъ. За то, когда отголоски послъднято дребезжащаго звука замерли въ комнатъ, молодой человъкъ вскочилъ съ дивана и сталъ говорить съ жаромъ и увлечениемъ, ударивъ себя предварительно по колънкамъ:

— Это ни на-что не похоже! Седьмой часъ, а его еще нътъ! Просто безсовъстно. Что онъ можетъ тамъ дълать такъ долго? Непостижимо, невъроятно, непонятно! Если онъ все въ карты играетъ—я ужъ не знаю, что онъ послъ этого, и послъ всъхъ словъ его!. Гдъ же характеръ у этого человъка? Да и я глупъ, что безпокоюсь объ немъ въ то время, какъ онъ думаетъ обо мнъ столько же, какъ о китайскомъ богдыханъ, если еще онъ только въ состояни теперь о чемъ нибудь думать.

И молодой человъкъ началъ въ волненіи ходить по комнать, останавливаясь однако же всякій разъ у дверей и внимательно прислушиваясь. Нъсколько минутъ продолжалъ онъ говорить въ томъ же духъ и тонъ, то начиная фразы вслухъ и оканчивая ихъ мысленно, то вдругъ произнося такія слова, которыя очевидно относились къ тому, о чемъ онъ думалъ, но чего не говорилъ. Среди самыхъ жаркихъ разсужденій о людской неблагодарности, онъ вдругъ остановился, не кончивъ фразы, и лице его приняло выраженіе безпокойства и печали.

— Ну, а если съ нимъ что нибудь случилось? сказалъ онъ испуганнымъ тономъ: если онъ захворалъ, или по дорогъ на него лошади наъхали...

И молодой человъкъ торопливо сбросилъ съ себя старое пальто, надълъ фракъ со свътлыми пуговицами, лежавшій на стулъ, приставилъ стулъ къ шкапу и полъзъ доставать изъ кордонки шляпу. Но въ эту самую минуту у наружной двери раздался звонокъ такъ тихо и осторожно, что его едва можно было разслышать.

Хозяинъ услышалъ однакоже этотъ скромный и боязливый звонъ, и соскочилъ со стула, сказавъ:

— Наконецъ!.. это върно онъ, и звонитъ такъ тихо, думая, что я не услышу. Не въ первый разъ! Меня не проведешь. Кромъ его не-кому такъ звонить: нищій смълъе за колокольчикъ дернетъ, а это хозяинъ домой возвращается!

И молодой человъкъ съ видомъ упрека покачалъ головою, но въ выражении его лица проглядывала радость, какъ ни старался онъ замънить ее строгимъ и недовольнымъ видомъ.

Онъ простоялъ нъсколько минутъ въ раздумьи посреди комнаты. Звонокъ раздался во второй разъ чуть-чуть погромче, но въ томъ же боязливомъ тонъ.

 Этакъ онъ до завтра у дверей простоитъ, сказалъ хозяинъ. Прохоръ не услышитъ, хоть бы и вдесятеро сильнъе звонили.

И отворивъ дверь, молодой человъкъ вышель въ другую комнату меньше первой, занимавшую роль гостиной, судя по красному дивану въ формъ кушетки и бълымъ кисейнымъ занавъсамъ у окна. Слъдующая затъмъ комната была вмъстъ и передней, и кухней, только послъдняя отдълялась отъ первой перегородкой, не доходившей до потолка, со стеклами на верху. Изъ-за перегодки слышалось густое храпъніе.

— Такъ и есть, сказалъ молодой человъкъ, отворяя дверь на крымьцо: Прохора теперь полъномъ не добудишься. Впущу самъ безсовъстнаго. Какими-то глазами онъ посмотритъ на меня.

И распахнувши широко дверь, онъ остановился въ трагической позъ передъ вошедшимъ человъкомъ, не говоря ни слова.

Это былъ впрочемъ не очень молодой человъкъ, но еще и не старый, лътъ тридцати двухъ, высокій, худой, съ бакенбардами, въ коротенькой шинелъ, надътой криво на одно плечо; фуражка его была черезъ чуръ молодецки заломлена на бекрень; лице отливалось не совсъмъ естественнымъ румянцемъ; красноватые глаза лъниво обращались подъ опухшими въками; физіономія выражала смущеніе.

Нъсколько минутъ молча простояли эти два лица, смотря другъ на друга. Одинъ все больше и больше хмурилъ брови и старался казаться чрезвычайно сердитымъ, другой заставлялъ себя улыбаться какъ можно веселъе и непринужденнъе.

- Чтожъ ты тутъ до завтра стоять будешь на порогъ?
 спросилъ наконецъ молодой человъкъ у своего пріятеля.
- Я-то? отвъчалъ тотъ, прокашлявшись? А вотъ я сейчасъ... Я ничего, а ты что, здоровъ, Па́ша?

И вошедшій, снявъ шинель, сталъ въшать ее на крюкъ, въ то время какъ Паша запиралъ дверь.

По какой-то странной неловкости, другой хозяинъ, вернувшійся домой, никакъ не могъ однакоже зацъпить крюкомъ за ремешекъ шинели, и Паша, оттолкнувъ его несовсъмъ учтиво, повъсилъ самъ шинель, сказавъ ръзкимъ, строгимъ голосомъ:

- Не брался бы ужъ, коли самъ на ногахъ еле держишься.
- Помилуй, Паша, отвъчалъ пріятель обиженнымъ тономъ: съ чего ты это взялъ?.. Я просто такъ не могъ попасть; да и что за бъда?.. Стыдно было бы тебъ...
- Не знаю, кому изъ насъ стыднъе, прервалъ Паша. Да ну же, ступай въ комнаты, что ты тутъ остановился? или хочешь, чтобъ Прохоръ на тебя полюбовался?
- Да за что ты сердишься, Паша, сказаль другой пріятель плаксивымъ тономъ. Что я такого дурнаго сдълаль? въ карты заигрался. . Развъ ужъ это такое преступленіе?
- Ступай же, ступай! продолжалъ Паша, повертывая пріятеля лицемъ къ двери. Нечего тутъ въ передней объясняться, чтобъ человъкъ слышалъ, а послъ о баринъ нехорошее подумалъ. Иди въ спальню.

Новоприбывшій хозяинъ пошелъ черезъ гостиную нетвердыми шагами, опустивъ голову и изръдка поворачивая ее назадъ, чтобъ взглянуть на Пашу. Тотъ шелъ молча и важно, плотно запирая за собою всъ двери.

Прійдя въ спальню, Паша торжественнымъ жестомъ показалъ на часы, въ то время какъ пріятель его усаживался на диванъ, чрезвычайно довольный тъмъ, что отыскалъ наконецъ точку опоры. Увидя жестъ Паши, онъ однакоже выпрямился, и закрывая ротъ рукою, сказалъ, щурясь на циферблатъ:

- Четверть седьмаго! Скажите пожалуйста. Ну, хоть убей, думалъ всего часъ четвертый, много пятый. Вотъ оно что значить съ табелькой играть. Поставили по шестидесяти ремизовъ, а глядишь у всъхъ четверыхъ до пятисотъ насчиталось. Насилу разыграли.
- Что ты мит тутъ о ремизахъ поешь, отвъчалъ Паша съ запальчивостью. Будто я не вижу, что ты не заигрался, а заку-

тился. Это, братъ, Саша, и гръшно, и стыдно. Не выпей ты лишняго—не смълъ бы играть до бълаго дня. Я думаю на прохожихъто и взглянуть было совъстно, что возвращался домой въ такое время и въ такомъ видъ. Посмотрись въ зеркало, на что ты похожъ! Спроси у всякаго, коли мнъ не въришь. Всякій скажетъ, что отъ тебя такъ и разитъ водкой.

- Ну, ужъ вотъ и не водкой, сказалъ съ достоинствомъ Саша. Мы хересъ пили, восьмигривенный!
- Вотъ еще нашелъ извиненіе, продолжалъ Паша, болье и болье одушевляясь. Не все равно чъмъ ни напиться. Постыдился бы ты хоть стънъ, коли людей не стыдно. Можно ли послъ этого назвать тебя порядочнымъ человъкомъ, коли ты своего слова не держишь. Кто объщалъ мнъ не пить больше трехъ рюмокъ, и не сидъть въ гостяхъ дольше перваго часа?
- Ну, ну, виноватъ, загулялся одинъ день, бъда еще не такъ велика. Гръхъ да бъда на комъ не живетъ. Разъ проштрафиться еще не велика важность. Докторъ нашъ говоритъ, что даже очень полезно изръдка дать толчокъ своей натуръ. Мнъ и стыдится-то некого было по дорогъ, потому что сосъди еще не проснулись, а что на улицахъ давно свътло и солнце—это неудивительно, нотому что теперь май мъсяцъ. Мы со втораго часа безъ свъчей играли.
- Если ты не видишь ничего дурнаго въ своемъ поведения, мнъ нечего и говорить съ тобою, сказалъ Паша, отворачиваясь отъ пріятеля и отправляясь на шкапъ за шляпой.
- Куда же ты? спросилъ тотъ, слъдя съ безнокойствомъ ва его движеніями.
 - Что тебъ за дъло, отвъчалъ отрывисто Паша.
 - Но... я бы, можетъ быть, пошелъ съ тобою.
- Тебъ надо прежде всего выспаться. Если ты незаботишься о себъ, то мнъ совъстно будетъ показать другимъ, каковъ у меня пліятель.

Саша опустилъ голову, и не зная что отвъчать, спросилъ:

- Можеть быть, тебъ нельзя сказать, куда ты идешь?
- Очень, можно. Я одълся идти въ церковь.
- Такъ рано?
- Я пойду къ Знаменью; въ такую погоду пріятно прогуляться, и по дерогѣ зайду къ одному знакомому. Впрочемъ если и очень рано будетъ, я лучше лишній часъ прохожу по улицѣ, чѣмъ останусь дома съ человѣкомъ, который ведетъ себя подобнымъ образомъ.

- Но, когдажъ ты вернешься? спросилъ въ сильномъ волненіи Саша.
- Я не вернусь сегодня вовсе, отвъчалъ тотъ ръзко, дълая шагъ къ дверямъ.
- Гаѣжъ ты будешь объдать?
- Гдъ нибудь, хоть вовсе не буду, лишь бы только не быть вмъстъ съ тобою.
- Но за что же ты такъ сердишься? вскричалъ въ совершенномъ отчаяніи Саша. Въдь я говорилъ тебъ, что виноватъ, просилъ у тебя прощенія.
- Не просилъ, прервалъ Паша.
- Ну, такъ теперь прошу. Чего же еще тебъ нужно?
- Такъ не просятъ прощенья. Я вижу, что ты вовсе не раскаиваешься въ своемъ поступкъ. Ты сейчасъ защищалъ его, оправдывалъ себя. Я не могу жить съ такимъ человъкомъ, который почитаетъ пустяками подобныя дъла, и не держитъ своихъ объщаній.

При этихъ словахъ Паша отворилъ дверь въ гостиную, но Саша бросился къ нему, схватилъ за руки и увлекая обратно на диванъ, сказалъ голосомъ, прерывающимся отъ волненія:

- Паша, милый мой! полно дуться, сдълай милость! Ну, я кругомъ виноватъ, я просто скотъ безчувственный, только ты не сердись, пожалуйста не сердись. Я буду тебя слушаться, буду дълать все, что тебъ угодно. Я виноватъ больше всего не въ томъ, что загулялъ у товарища, но что о тебъ не подумалъ. Ты, я думаю, всю ночь ждалъ меня; можетъ быть, всего какихъ нибудь часа два уснулъ, безпокоился обо мнъ!..
- Какъ же! стану я дълать такія глупости, прервалъ Паша не совсъмъ твердымъ голосомъ, отворачиваясь отъ пріятеля, усадившаго между тъмъ на диванъ своего строгаго ментора и не перестававшаго обнимать его.
- Знаю ужъ! сказалъ съ чувствомъ Саша, знаю, какъ ты меня любишь, какая у тебя добродътельная душа. Оттого-то мнѣ и больно, что я огорчилъ тебя, право неумышленно. Просто дурь такая пришла. Съ кѣмъ же она не бываетъ, развѣ только съ тобою. Ты ужъ такой человѣкъ примѣрный. Просто тебя надо подъ стеклянный колпакъ поставить, за деньги показывать. Вотъ я въ прошломъ году видѣлъ на Александринскомъ театрѣ водевиль: Чудо девятнадцатаго вѣка. Тамъ какая-то хорошая женщина выставлена была, необманщица. Что тутъ жен щина! Вотъ оно гдѣ чудо-то девятнадцатаго вѣка, подлѣ меня сидитъ!

- Полно пожалуйста вздоръ молоть, прервалъ опять Саша, защищаясь отъ объятій пріятеля. Раздъвайся скоръе, да ложись спать. Коли виноватъ, такъ лучше всего молчать. А то это въ тебъ хересъ говоритъ.
- Да ты скажи, простилъ ли меня, сокровище души моей? бормоталъ уже черезъ чуръ разчувствовавшійся пріятель.
 - Простилъ, простилъ, только успокойся и раздъвайся.
- Нътъ, ужъ я лучше не стану раздъваться. Что за сонъ! Какой теперь сонъ, повторялъ Саша, едва побъждая дремоту. Я только такъ, прилягу на часокъ. А ты что будешь дълать?
- Все таки пойду гулять и потомъ къ объдни. Къ объду я разбужу тебя. Ты върно позабылъ, что насъ звали Чушковы.
- Какъ забыть! при мнѣ Акинфій Семенычъ говорилъ: прикодите, я вамъ какихъ аладьевъ испеку!.. Или нѣтъ, это Катерина Акинфіевна говорила объ аладьяхъ, а Акинфій Семенычъ говорилъ... что бишь онъ говорилъ?..
- Да ну, ложись, послъ вспомнишь. Не хочешь совсъмъ раздъваться, сними покрайней мъръ сертукъ и галстухъ. Да на свой диванъ не зачъмъ ложиться: простыню ногами перепачкаешь, уснешь и на моемъ.
- Хорошо, только позови пожалуйста Прохора: у меня чтото съ сертукомъ сдълалось: не лезетъ съ плечъ, да и только.
- Очень нуженъ тутъ Прохоръ, чтобъ послѣ о тебѣ по мелочнымъ лавочкамъ сплетни заводить. Давай, я помогу тебѣ раздъться и улечься.

И Паша уложилъ, какъ ребенка, своего пріятеля, начинавшаго уже сильно заговариваться отъ утомленія и хереса. Молодой менторъ снялъ съ подгулявшаго Телемака даже то, о чемъ тотъ не просилъ, и укутавъ его одъяломъ, на ципочкахъ вышелъ изъ спальни, затворивъ за собою дверь.

Въ кухнъ онъ разбудилъ Прохора и не велълъ ему ни подъ какимъ видомъ входить въ спальню, сказавъ что Александръ Иванычъ болънъ и нельзя его безпокоить. Самъ онъ объщалъ вернуться послъ объдни.

II.

Паша, или какъ звали нашего героя, Павелъ Петровичъ Зеленьковъ, дъйствительно гулялъ больше часа по набережной Пряжки, въ глубокой задумчивости. Около восьми часовъ онъ

перешель черезъ Банный мость и отправился въ Лоцманскую улицу.

Подходя къ срединъ улицы, къ чистенькому, двухъ-этажному деревянному домику съ желтыми ставнями, Павелъ Петровичъ за мътно пошелъ тише, не смотря по сторонамъ и опустивъ голову. Поравнявшись съ крайнимъ окномъ домика, онъ вдругъ поднялъ голову, остановился, какъ будто пораженный неожиданностью, снялъ шляпу и низко поклонился кому-то, кто тотчасъ же мелькнулъ и скрылся въ густыхъ листьяхъ ерани, которою было заставлено все окно.

Зеленьковъ постоялъ съ минуту въ неръшимости у окна, потомъ пошелъ дальше, еще медленнъе прежняго и поминутно оглядываясь.

Не усивлъ онъ сдълать пяти шаговъ, какъ сильный стукъ въ стекло окна заставилъ его вернуться. Раздвинувъ листья ерани, Зеленькову улыбалась и кланялась старуха съ морщинистымъ, но добродушнымъ лицомъ, дълая знаки, чтобъ онъ вошелъ въ домъ. Павелъ Петровичъ изъявивъ знаками глубочайщую признательность и совершенное почтеніе, вошелъ въ калитку и позвонилъ у крыльца, тотчасъ же выходившаго во дворъ.

Дверь отперла женщина, назвавшая гостя по имени, и низко ему поклонившаяся. Зеленьковъ также назвалъ ее Матреной, и вошелъ въ комнату, гдъ за самоваромъ сидълъ старикъ въ съдыхъ усахъ съ трубкою, и старуха, только что кланявшаяся изъ окна. Она хозяйничала теперь на диванъ, гремя чашками и ложками, а на ея мъстъ у окна сидъла невысокаго роста, полная дъвушка, съ яркими пухлыми щечками и живыми съренькими глазками, которые, при входъ гостя, съ особеннымъ вниманіемъ устремились на какую-то филейную работу.

- Э! э! обатюшка, закричаль старикь въ то время, какъ Веленьковъ раскланивался и освъдомлялся о здоровьи. Такъ добрые люди не дълаютъ: идетъ мимо окна, и не только не думаетъ зайти къ пріятелямъ, даже головы не подымаетъ. Хорошо, что Катя увидъла, да сказала моей старухъ. Не застучи та въ стекло, вы бы и мимо проъхали.
- Виноватъ! думалъ, что обезпокою. Время раннее! бормоталъ раскраснъвшійся гость.
- Раннее да не для насъ, отвъчалъ старикъ. Я въ седьмомъ встаю, да и вы чай не позже. У меня въ домъ и бабы-то встають спозаранку; старуха иной день раньше меня поднимется.

Одна Катерина Акинфіевна у насъ, нечего гръха таить, иногда изволить таки довольно долго Морфеемъ заниматься.

- Ну, ужъ, папа, сейчасъ и жаловаться! сказала улыбаясь и краснъя дъвушка. Вы никакъ не можете начать дня безъ того, что- бы не побранить меня.
- И кончить тоже, отвъчаль старикъ, смъясь громкимъ и добродушнымъ смъхомъ. Что же дълать, коли ты у меня такая характерная, непослушная. Право, ужъ не знаю, что съ тобою и дълать.
- Въ старые годы, прибавила старуха, подавая гостю стаканъ чаю, говаривали, что на ослушныхъ дъвушекъ двъ острастки: шелковая плетка да строгій мужъ.
- Правда! правда! вскричалъ старикъ, смѣясь все больше и громче: только теперь къ первой острасткъ кажись ужъ поздно прибъгать. Развъ не попробовать ли второй?

При этихъ словахъ дъвушка покраснъла; покраснълъ также, неизвъстно отъ чего, и Павелъ Петровичъ. Она встала и отошла отъ окна, сказавъ почти съ досадой: ну, ужъ выдумали! Онъ началъ такъ быстро мъшать ложечкой въ стаканъ, что обрызгалъ себъ колъни чаемъ. Желая поправить свою оплошность, онъ, какъ всегда бываетъ, только увеличилъ ее, и отправившись въ карманъ фрака за платкомъ, за одно уже выплеснулъ себъ на клътчатые... колъни еще достаточное количество чаю, заставившее его поспъшно вскочить. Начались хлопоты: старуха стала предлагать гостю полотенце, старикъ совътовалъ не растирать намоченнаго, а дать ему просохнуть, чтобъ пятна не осталось; гость краснълъ и бормоталъ извиненія, прикрывая платкомъ ошпаренное мъсто; дъвушка, стоя у окна, кусала губы, чтобъ не разсмъяться. Взглянувъ на нее украдкой и замътивъ это, бъдный молодой человъкъ сконфузился еще болъе и совершенно упалъ духомъ.

Когда все успокоилось и пришло въ прежній порядокъ, гостя заставили усъсться и допить свой чай. Начался разговоръ о предметахъ житейскихъ, обыденныхъ, но какъ ни разшевеливали гостя, онъ отвъчалъ не совсъмъ связно, а вопросовъ не предлагалъ вовсе, и словоохотливымъ старикамъ приходилось почти однимъ поддерживать бесъду. Дъвушка тоже принимала въ ней очень мало участія, сидъла у своего окна за филе, и по временамъ, при взглядъ на гостя, на губахъ ея мелькала веселая улыбка, что еще болъе смущало Павла Петровича.

Ему сдълалось наконецъ такъ неловко, что улучивъ минуту,

въ которую разговоръ прекратился, онъ всталъ и молча поклонился старикамъ, взявъ въ тоже время шляпу.

- Это что? куда же вы? спросилъ съ удивленіемъ Чушковъ.
- Да такъ-съ... къ объдни итти сбираюсь, такъ нужно...

Старикъ не далъ ему окончить фразы и закричалъ:

- Къ объдни? да до нее еще добрыхъ два часа. Мы и сами тоже пойдемъ. Въдь и вы къ Покрову тоже? Значитъ вмъстъ и отправимся.
- Но есть еще одно дъло... началъ было Зеленьковъ. Хозинъ опять прервалъ:
- Особенными дълами въ праздникъ не занимаются, на то будни. А обыкновенныя дъла есть у всякаго изъ насъ. Вотъ мнъ нужно до объдни побриться, да письмо одно написать, а старухъ моей о воскресномъ пирогъ похлопотать.
- Оттого-то, чтобъ не безпокоить васъ... началъ въ третій разъ Зеленьковъ, но также неудачно, какъ и въ первые два раза.
- И не обезпокоите! вскричалъ старикъ. Намъ, кажись, церемониться не приходится. Мы не невско-проспектники, и пойдемъ по своимъ дъламъ со старухой, а вы все-таки у насъ останетесь, и никакого резонту на этотъ счетъ отъ васъ не примется. И не отговаривайтесь, коли не хотите на въкъ поссориться. Если и есть у васъ какое дъло, справите завтра, а сегодня вы нашъ на цълый день. Объдать васъ мы и безъ того ужъ давно звали; пришли съ утра—на себя пеняйте, и утро просидите. А чтобъ вамъ не очень скучно было Катерина Акинфіевна вамъ компанію составитъ. У нея можетъ быть такое же важное дъло, какъ и у васъ, ну, да ужъ она, какъ въжливая хозяйка, оставитъ его и займетъ гостя.

И съ улыбкой, немножко лукавой, старикъ ударилъ по плечу гостя, и поклонившись съ комическою важностью своей дочери, ушелъ, шаркая туфлями, въ то время, какъ старуха отправлялась съ ложками и чашками въ другую дверь, въ сопровождени горничной, кухарки тожъ.

Минутное неудовольствіе, набъжавшее на лицо дъвушки при послъднихъ словахъ отца, сохранялось еще нъсколько мгновеній и въ то время, когда она осталась одна съ Зеленьковымъ. Онъ замътилъ это и еще ниже опустилъ голову, стоя посреди комнаты все въ той же позъ, какую принялъ, прощаясь со старикомъ.

Дъвушка, видя его замъщательство, сначала улыбнулась, потомъ ей стало жаль гостя, и она почувствовала, что онъ и въкъ не ободрится, если она не будетъ съ нимъ поласковъе. Поэтому придавъ своему оживленному личику самое веселое выраженіе, что, сказать мимоходомъ, было ей очень не трудно сдълать, она подошла къ гостю и сказала голосомъ, полнымъ искренняго участія:

— Что задумались, Павель Петровичь? Не о чемъ вамъ скучать. Пойдемте-ка лучше въ нашъ садикъ. Я покажу вамъ какія у насъ утромъ чудесные левкои распустились, а вы мнъ опять что нибудь про мошекъ и бабочекъ разскажете. Вы знаете, какъ я люблю слушать объ естественной исторіи.

Эти слова, сказанныя самымъ непринужденнымъ тономъ развеселили и ободрили гостя. Онъ забылъ о своей неловкости, и улыбаясь пошель за дъвушкою въ крошечный садъ, занимавшій за домомъ Чушкова десятка два саженъ, съ единственною дорожкою, обходившею весь садъ, посрединъ засаженный кустами крыжовника, смородины и молодыми яблонями. Нъсколько клумбъ съ цвътами и навъсъ надъ однимъ изъ угловъ, гдъ можно было объдать и пить чай въ хорошую погоду, составляли все украшеніе этого сада, какихъ, впрочемъ, все-таки немного въ Петербургъ.

Гость и молодая хозяйка пошли по узкой дорожкъ, на которой пробивалась свъжая травка, хотя вторая половина мая только что начиналась. День быль ясный, солнечный; молодые люди шли довольные, веселые, часто сталкиваясь другъ съ другомъ на тъсной тропинкъ. Она съ такою радостью смотръла на молодую зелень, пробивавшуюся вездъ пахучими свъжими отпрысками, удивлялась, какъ рано, какъ въ одну ночь могло распуститься столько свътло-зеленыхъ липкихъ листиковъ, столько жетлаго цикорія, столько упругихъ травокъ; онъ смотрълъ на ручку, поднимавшую эти листики, на губки, изъ которыхъ вырывались восклицанія удовольствія, на глазки, блестъвшіе дътскимъ счастіємъ при видъ какого нибудь новаго цвътка, и чувствовалъ, что на сердцъ его развивается съ такою же силою молодое, свъжее чувство, отъ котораго ему казались и цвъты краше, и солнце ярче, и вся жизнь полнъе и лучше...

Она показывала ему левкои, купленные наканунъ у разносчика, оказавшіеся, по счастію, съ корнями, посаженные въ клумбу, и подъ утро распустившіеся. Онъ принималь во всемъ этомъ огромное участіе. Толкуя о всякомъ вздоръ, они усълись наконецъ подъ навъсомъ, защищавшемъ ихъ отъ солнца, которое уже начало немного пригръвать, не смотря на раннюю пору.

Отъ весны ли, отъ солнца ли, отъ участія ли и откровенно.

сти Катерины Акинфіевны, отъ всего ли этого вмѣстѣ, Зеленьковъ сдѣлался необыкновенно смѣлъ и развязенъ и рѣшился высказать то, что давно уже лежало у него на́-сердцѣ. Но въ ту самую минуту, когда онъ принялъ это намъреніе, твердость вдругъ оставила его и онъ остановился на полуфразѣ, придуманной, казалось, очень хорошо и кстати введенной въ разговоръ.

Катенька, подождавъ окончанія фразы и потомъ спросивъ, что онъ хотълъ сказать, была чрезвычайно удивлена смущеніемъ своего собесъдника, совершенно растерявшагося и сидъвшаго съ опущенною головой на скамейкъ. Онъ еще болъе сконфузился, когда въ ушахъ его раздался звонкій, веселый смъхъ дъвушки.

— Да что съ вами, говорила она. Вы просто сегодня на себя не похожи. Больны, что ли вы? скажите маменькъ, какая у васъ бользнь: она разныя хорошія средства знаетъ. Вотъ на прошлой недъль, нашу сосъдку, старую чиновницу отъ жабы вылечила—какъ рукой сняло; или горе у васъ какое?.. И на этотъ счетъ папенька можетъ хорошій совътъ подать: онъ васъ такъ любитъ, все сдълаетъ, что можетъ... Вы слышите, что я вамъ говорю? прибавила она, видя, что Зеленьковъ все еще не поднимаетъ головы.

При этомъ вопросъ онъ вздрогнулъ и отвъчалъ едва слышно:

- Слышу, но вы все смъетесь...
- Какъ же мнѣ не смѣяться? Вы такой странный... Вотъ и давича .. ну, что за бѣда, что чаемъ себѣ облили... колѣни. Такъ нѣтъ, надо было и сконфузиться, и домой уйти хотѣли. Теперь тоже съ вами что-то сдѣлалось. Давича я еще могла удержаться, а теперь мнѣ право нельзя было не разсмѣяться... Неужто вамъ и это обидно? Кажется мы съ вами не первый день знакомы.

Зеленьковъ пробормоталъ въ отвътъ что-то до того несвязное, что дъвушка поняла необходимость не настаивать на его странностяхъ и перемънила разговоръ.

- Не будемте говорить объ васъ, если это вамъ такъ непріятно. Разскажите мнъ что нибудь другое... хоть о комарахъ. Помните, третьяго дня вы мнъ говорили, какъ они водяными червячками родятся, и потомъ выйдя изъ куколки, ждутъ, чтобъ ихъ вътромъ прибило къ берегу, и можно было имъ упереться во что нибудь твердое и улетъть въ воздухъ.
- Извините, я теперь ничего не въ состоянии разсказывать, не читалъ ничего новаго, отвъчалъ молодой человъкъ, по немногу собираясь съ духомъ.

- Какой же вы, право, несносный сегодня! сказала Катенька, надувъ немного губки. О чемъ же говорить съ вами? Ну, скажите мнъ хоть здоровъ ли вашъ пріятель, Александръ Иванычъ Копельниковъ.
 - Слава Богу! сказалъ Зеленьковъ.
- Ну, и слава Богу! сказала Катенька, замолчавъ въ свою очередь.

Эти простыя слова вдругъ развили въ гостъ новую, свътлую мысль; онъ увидълъ средство выпутаться изъ затруднительнаго положенія и узнать то, о чемъ вопросъ такъ занималъ его, котя онъ и не могъ высказать этого вопроса. Давно уже любилъ онъ эту дъвушку, порядочно капризную и вспыльчивую, но все таки очень привлекательную. Не смъя высказать этой любви прямо, онъ вздумалъ воспользоваться именемъ своего друга, и сказалъ довольно смъло въ то время, когда Катенька, потерявшая уже терпъніе, поднималась со скамейки:

- Я оттого разсъянъ и задумываюсь, что меня очень безпокоитъ одно намърение Копельникова.
 - Что же отъ сбирается сдълать?
 - Одно важное дъло.
 - Какое же именно?
 - Онъ хочеть... жениться! сказалъ ръшительно Зеленьковъ.
- Жениться? повторила съ удивленіемъ дъвушка. Какъ же такъ неожиданно?.. А на комъ?
- Вотъ видите-ли, прежде всего я попрошу васъ никому не говорить объ этомъ, сказалъ молодой человъкъ, избъгая прямаго отвъта. Онъ открылъ мнъ это подъ секретомъ, и потому мнъ бы хотълось, чтобъ вашъ папенька, и маменька тоже, и никто, кромъ васъ не зналъ объ этомъ.
- Если это такой секретъ, зачъмъ же вы мнъ говорите его?
 спросила дъвушка.
 - Потому, что мнъ хотълось бы знать ваше мнъніе объ этомъ.
- Но ... мнъ, право, странно... какое я могу дать мнъніе о женидьбъ...
- Я вамъ сейчасъ все объясню. Мой другъ еще ничего не говорилъ дъвушкъ, которую онъ любитъ, и его тревожитъ мысль, что ему могутъ отказать; то какъ вы думаете?.. можно ли полюбить моего друга?

Голосъ Зеленькова сильно дрожалъ, когда онъ говорилъ эти слова; удивление дъвушки возрастало все болъе и болъе.

- Что за сомнъніе! отвъчала она: отчего же и не полюбить, въдь онъ не уродъ какой нибудь.
- Но онъ очень похожъ на меня, сказалъ со вздохомъ и трепетомъ Зеленьковъ.
 - Ну, не очень, улыбаясь отвъчала Катенька.
- Правда, онъ лучше меня, продолжаль онъ, почти съ отчаяніемъ: онъ и ростомъ выше, и волосы у него черные. Дамы больше любятъ брюнетовъ.
 - Отчего же? ужъ будто блондины не могутъ и нравиться?
 - Вы... вы это серьезно говорите?
- Конечно, серьезно. Развъ только одни брюнеты женятся? Вопросъ этотъ доказалъ повидимому Зеленькову всю нелогичность его сомнъній, и онъ особенно радостнымъ тономъ сказаль:
- Значить, пріятель мой можеть получить согласіе дъвушки и жениться?
- Вы знаете, что одного этого согласія мало для женитьбы;
 нужно, чтобъ не мъшали и другія обстоятельства.
- Ваша правда, продолжалъ онъ, уже не прежнимъ веселымъ тономъ. Но... вы и въ этомъ случав скажете мнъ ваше мнъніе. Саша... вы знаете, что я привыкъ такъ называть его, живя семь лътъ вмъстъ съ нимъ, Саша получаетъ двъ тысячи пятьсотъ жалованья, столько же какъ и я, да награды къ новому году рублей полтораста серебромъ. Этимъ жить можно, особенно если...

Тутъ Зеленьковъ остановился. То, что ему оставалось досказать, казалось до того яснымъ, что смълость опять его покинула. Но любопытство его собесъдницы было уже сильно возбуждено, и потому она спросила почти съ нетерпъніемъ:

- Что же вы не доканчиваете?
- Да... я хотълъ сказать, что у той, кого онъ любитъ, есть...
- Большое приданое?
- Нътъ, но она одна дочь у родителей и... отецъ ея говорилъ не разъ, что не иначе отдастъ ее замужъ, какъ съ условіемъ, чтобъ зять жилъ вмъстъ съ ними.

Зеленьковъ окончилъ эту фразу едва внятнымъ голосомъ, но щеки дъвушки покрылись яркимъ румянцемъ, и она въ свою очередь сильно смутилась. Нъсколько времени длилось молчаніе, тягостное для обоихъ. Наконецъ Катенька нашлась сдълать вопросъ:

— Какъ же это вы, такіе примърные друзья, ръшились бы разойтись и жить порознь?

— Зачъмъ же намъ расходиться?.. Если бъ одинъ изъ насъ женился, другой могъ бы найти уголокъ въ томъ же домъ, и попрежнему видъться каждый день съ пріятелемъ.

Оба опять замолчали, хотя одному оставалось еще высказать и узнать главное, а другой хотълось сдълать множество вопросовъ. Чувствуя однакоже, что молчать тяжелъе, чъмъ говорить, Катенька сказала смъясь, принужденно:

- И върно вашъ Саша выбралъ себъ тезку?
- Нътъ, отвъчалъ Зеленьковъ въ волненіи.
- И... я не знаю ее... эту дъвушку? спросила она, глядя въ землю.

Онъ собралъ всъ силы и отвъчалъ только одно слово.

- Знаете.
- Кто же она?.. Если это не секретъ, сказала Катенька почти шенотомъ.
- Это... это... началъ Зеленьковъ, не зная въ состояніи ли онъ будеть окончить фразу. Онъ и дъйствительно не кончилъ ее, потому что въ эту минуту въ саду показался Акинфій Семеновичъ.

Старикъ шелъ весело, помахивая тростью, застегнувъ сертукъ на всъ пуговицы, надъвъ шляпу немного на бекрень. Полное, здоровое лице его дышало удовольствіемъ; онъ улыбался не совсъмъ простодушно, и лъвый глазъ его прищуривался немного насмъшливо. Еще не доходя до скамейки, онъ закричалъ бесъдовавшимъ:

— О чемъ это важномъ вы заговорились, что и благовъсти не слыхали? эдакъ, пожалуй, къ вечерни зазвонятъ, а вы все будете объдни дожидаться.

Зеленьковъ точно обрадовался, услышавъ голосъ старика и быстро вскочилъ со скамейки. Катенька осталась сидъть одна, опустивъ голову, будто не замъчая прихода отца. Въ лицъ ея было выражение грусти, смъщанной съ досадой.

Только тогда уже, когда старикъ былъ отъ нихъ въ двухъ шагахъ, она быстро встала и спросила тихо, но смъло и ръшительно:

— Въдь вы это обо мнъ говорили? отвъчайте скоръе.

Поступокъ ея былъ такъ неожиданъ, голосъ такъ твердъ, что растерявшійся Зеленьковъ неимълъ духа отвъчать. Въ эту минуту Акинфій Семенычъ стоялъ уже передъ ними, удивляясь немного не замъщательству гостя, а досадъ и нетерпънію дочери, ко-

two touss.

торыхъ она и не думала скрывать. Видя, что оба они молчать, онъ счель нужнымъ спросить вторично, о чемъ они разговаривали. Зеленьковъ только улыбался принужденно, но не могъ отвъчать ни слова. Тогда Катенька, посмотръвъ на него почти съ упрекомъ, сказала громко и спокойно:

— Чтожъ вы не отвъчаете, Павелъ Петровичъ? Скажите папенькъ, что вы *обо миъ* говорили.

Гость пришелъ окончательно въ ужасъ при такой смълости, но принужденъ былъ отвъчать заикаясь:

— Да-съ!.. Я говорилъ объ васъ!..

Ръшившись въ свою очередь на такой смълый поступокъ, онъ за одно ужъ взглянулъ украдкой на Катеньку и пришелъ въ совершенное отчаяніе, видя, что на оживленномъ лицъ дъвушки ясно выразились печаль и сожалъніе.

Смыслъ этихъ словъ, этой нъмой сцены былъ непонятенъ для старика, и онъ спросилъ, подозрительно посмотривая на Зеленькова:

- И что же такое вы говорили моей дочери? Върно совъты давали.
- Напротивъ, онъ просилъ у меня совъта, быстро сказала Катенька.
- Вотъ какъ! любопытно, какой ты можешь дать совътъ, спросилъ старикъ.
- Очень благоразумный. Павелъ Петровичъ спрашивалъ меня: можетъ ли одинъ его знакомый жениться на дъвушкъ, которую я тоже знаю; и въ то время, какъ вы подходили, я хотъла только отвъчать, что мой совътъ: не думать ему объ этой дъвушъть, потому что она не пойдетъ за него.

Зеленьковъ, какъ убитый, опустился на скамейку, не слушая старика, начавшаго что-то толковать о незрълости дъвичьихъ сужденій.

Она все поняла! сказалъ онъ самъ себъ съ отчаяніемъ.
 Теперь для меня нътъ никакой надежды!

actions within term terminates and the out on state .-

Вернувшись изъ церкви, Зеленьковъ ушелъ домой, не смотря на просьбы старика, впрочемъ не очень настаивавшаго на томъ, чтобъ гость остался. Онъ видълъ ясно, что молодой человъкъ разстроенъ и озабоченъ, что Катенька скучаетъ и капризничаетъ, и потому отпустилъ его, взявъ только съ него слово явиться къ объду вмъстъ съ своимъ пріятелемъ, Копельниковымъ.

Въ странномъ положении засталъ онъ своего пріятеля. Въ халатъ, съ растрепанными волосами, сидълъ тотъ на неубранной постелъ, заложивъ ногу на ногу, опершись локтемъ на колъно, положивъ подбородокъ на ладонь этой же руки. Онъ такъ сильно задумался, что едва обратилъ вниманіе на вошедшаго пріятеля, остановившагося передъ нимъ съ выраженіемъ укора и негодованія.

— Чтожъ это, Саша? сказалъ Зеленьковъ съ досадой и упрекомъ. Не выспался ты, что ли? До котораго же часу будешь ты силъть тутъ, небритый, неумытый? Постыдился бы хоть порядочныхъ людей. Въдь сегодня воскресенье, или все еще отъ вчерашней пирушки не опомнился?..

Копельниковъ, повидимому, не слыхалъ словъ пріятеля, и очнулся только при звукахъ его голоса. Быстро вскочилъ онъ съ постели и бросился обнимать его, крича:

- Паша, душа моя! виновать, не сердись! Сейчась выбръюсь и одънусь.. Я всталь давно, но все думаль, долго думаль. Я ръшился... я исправлюсь:.. самъ увидишь... я твердо ръшился.
- Да что ты, сумасшедшій, что съ тобой? говориль Зеленьковъ, съ трудомъ освобождаясь изъ объятій пріятеля. Опомнись! чего ты орешь? Сосъди услышать.
- Ничего! только ты не сердись. Увидишь, каковъ я буду.
 Ръшился окончательно.
 - Да на что ръшился? говори толкомъ.
 - Жениться ръшился! сказалъ торжественно Копельниковъ.
 - Жениться! повторилъ удивленный Зеленьковъ.
- Ну, да! Я все обдумалъ. Ты слишкомъ добръ со мной. Мы столько лѣтъ живемъ вмѣстѣ; я привыкъ къ тебѣ; жена станетъ меня удерживать. Мнѣ будетъ совѣстно передъ ней сдѣлатъ что нибудь нехорошее. Пусть она меня даже въ руки возьметъ; это еще лучше будетъ. И потомъ все у насъ въ домѣ пойдетъ акуратнѣе. Ты хорошій хозяинъ, конечно, но женщина, знаешь, какъ-то все субтильнѣе устраиваетъ. Ты не подумай пожалуйста, чтобъ я женившись могъ безъ тебя житъ. Я первымъ словомъ скажу моей невѣстѣ: у меня есть пріятель, котораго я люблю тоже больше всего на свѣтѣ; семь лѣтъ жили мы съ нимъ душа въ

душу, и оставить его я ужъ никакъ не могу. Мы дадимъ ему одну комнату въ нашей квартиръ, зала у насъ будетъ общая; знакомые у насъ и безъ того одни и тъже; объдать и чай пить онъ станетъ вмъстъ съ нами; не на хлъбахъ мы его будемъ держать, а какъ своего роднаго. Если вамъ не угодно, чтобъ онъ жилъ съ нами, то и мнъ васъ не надо. Вотъ что я ей скажу! Впрочемъ она дъвушка добрая и върно не станетъ упрямиться. Да и тебъ одному не такъ скучно будетъ. Ты въдь върно согласишься? Такъ ли, Паша, душа моя, хорошо я прилумалъ?

Но Паша не отвъчалъ ни слова. Онъ все еще съ недовърчивостью и удивленіемъ глядълъ на пріятеля, говорившаго съ жаромъ и съ сильными жестами, и, можетъ быть, приписывалъ его экзальтацію и самую идею женитьбы не совсъмъ еще исчезнувшимъ изъ головы его пара́мъ вчерашней пирушки. Только настоятельные вопросы пріятеля о томъ, согласенъ ли Паша на его женитьбу, заставили его спросить въ свою очередь:

- Да что ты все эго серьезно говоришь миъ, что ли?
- Еще бы не серьезно! Помилуй! Какія же тутъ шутки, и можно ли шутить этимъ? Говорю тебъ, что я давно ужъ проснулся и все обдумалъ, вспомнивъ о вчерашнемъ. И для этого, видишь ли, мнъ необходимо жениться. Ръже въ гости ходить буду. Женатаго человъка не станутъ удерживать. Самому совъстно будетъ загуляться. Я только и ждалъ, чтобъ ты пришелъ и согласился. Коли скажешь, чтобъ я женился, и дашь слово жить со мною, сейчасъ же иду свататься.

Въ словахъ Копельникова было столько ръшимости, что Зеленьковъ не могъ сомнъваться въ твердости его намъренія. Его удивляло вирочемъ не самое намъреніе, а его неожиданность. Онъ самъ не разъ думалъ, что пріятелю его не худо бы жениться при его слабомъ характеръ, способномъ увлекаться дурнымъ примъромъ и вліяніемъ, но еще болье способнымъ подчиниться во всемъ другой воль, болье твердой и ръшительной. Зеленьковъ чувствовалъ, что такой воли нътъ въ немъ, что не смотря на ихъ дружбу, сходство характеровъ именно и мъшало ему имъть благотворное вліяніе на пріятеля. Паша былъ, конечно, хозяинъ въ домъ, но его власть простиралась только на матеріяльную сторону ихъ жизни. Ихъ занятія и мысли были очень несходны. Паша былъ неразговорчивый домосъдъ, проводившій цълые вечера за книгою или играя на скришкъ, два занятія, въ которыхъ Саша не понималъ ровно ничего; поэтому, немудрено, если скучая съ

пріятелемъ, онъ отправлялся искать развлеченія въ кругу своихъ товарищей, гдѣ бесѣды оканчивались иногда довольно бурно. Отъ этихъ холостыхъ наклонностей, разумѣется, лучше всего могло излечить вліяніе женщины. Въ желаніи Копельникова, чтобъ пріятель жилъ у него и женатаго, также не было ничего страннаго. Въ ихъ кругу была не рѣдкость встрѣтить нахлѣбника даже въ небогатой семьѣ. Обоюдныя выгоды часто соединяли въ такомъ случаѣ нѣсколько лицъ, отчего же было не допустить подобнаго соединенія, основаннаго на искренней привязанности?

Обдумавъ все это, Зеленьковъ сдълалъ, для очистки совъсти, нъсколько возраженій своему пріятелю, которыя тотъ опровергнулъ съ большою твердостью и логичностью. Они потолковали нъсколько на счеть неудобствъ и удобствъ общаго хозяйства, и оказалось, что послъднихъ было больше; однимъ словомъ, чъмъ болъе судили они о женитьбъ Копельникова, тъмъ возможнъе и необходимъе представлялась она со всъхъ точекъ зрънія, и Зеленькову не оставалось ничего болъе, какъ дать пріятелю полное и совершенное согласіе на этотъ фундаментальный шагъ въ жизни, какъ выражался будущій супругъ, любившій кстати и некстати вставить въ разговоръ иностранное словцо, перенятое имъ у болъе начитанныхъ его товарищей по службъ.

- Значить скръплено и подписано! сказаль торжествующій женихъ, заключая пріятеля въ сотый разъ въ свои объятія. Ты совершенно согласенъ?
- Да, если только ты выбралъ хорошую дъвушку, не вътренницу, не мотовку, не модницу.
- Нисколько. Это удивительная дъвушка. Ты ее знаешь. Мы увидимъ ее сегодня, и я сдълаю предложение. Это Катенька Чушкова.

Бъдному Зеленькову пришлось при этихъ словахъ остолбенъть еще больше, нежели при первомъ извъстіи о женитьбъ пріятеля. Въ заботъ о его судьбъ онъ позабыть о собственномъ несчастіи, о недавней потеръ всъхъ надеждъ, о своемъ тяжеломъ горъ, и одно слово пріятеля снова раскрывало рану его сердца, снова заставляло обливаться кровью это сердце, еще недавно пораженное страшнымъ ударомъ. Онъ едва имълъ силы спросить, надъясь, что еще, можетъ быть, какъ нибудь ослышался.

- Ты говоришь, на Чушковой, то-есть на Катеринъ Акинфіевнъ?
- На комъ же больше? Я думаю, что ты долженъ быть доволенъ моимъ выборомъ: лучше этой дъвущки нътъ между наши-

ми знакомыми. Мнт она ужъ давно нравится.. Только ты кажется не согласенъ со мною... Развъ ты слышалъ объ ней что нибудь дурное?

- Нътъ, но мнъ странно... Ты никогда не говорилъ объ ней ... и она согласна?
- Это мы узнаемъ сегодня же. Послъ объда Акинфій Семенычъ и Дарья Макаровна лягутъ спать, ты оставишь насъ однихъ на минуту, а я тутъ ей декламацію и сдълаю.
- Какъ же такъ, вдругъ? спросилъ Зеленьковъ, неизвъстно чего испугавшись.
- Да такъ же, очень просто. Долго тутъ думать не о чемъ: Катерина Акинфіевна, осчастливьте! давно по васъ страдаю, — оно, знаешь, хоть и не правда, да всегда такъ говорится: разръшите просить у вашего папеньки благословенія, если я вамъ не противенъ, ну, и такъ далъе.

Вдохновившись собственнымъ красноръчіемъ, Копельниковъ говорилъ еще долго, доказывая необходимость женитьбы, представляя въ привлекательной картинъ ихъ будущую жизнь. Зеленьковъ почти не слушалъ его, думая о томъ, какъ скоро рушились всъ его надежды. Онъ боялся, чтобъ пріятель его не получилъ отказа, боялся еще болъе при мысли, что согласятся на его предложеніе. Обдумывая ближе свое положеніе, онъ видълъ только, что ему нельзя быть сегодня у Чушковыхъ, что ему неловко будетъ въ этомъ домъ. Поэтому, какъ ни упрашивалъ его пріятель, онъ объявилъ ръщительно, что не пойдетъ съ нимъ.

- Скажи, что я немного захворалъ, и потомъ, послъ объда... то-есть, когда у васъ уже все будетъ кончено, приходи скоръе домой... Мнъ хочется знать, какой отвътъ дадутъ тебъ.
- Разумъется будутъ рады, отвъчалъ не безъ фатовства Копельниковъ, начиная приводить въ порядокъ свой туалетъ. Чъмъ я не женихъ? Двъ тысячи пятьсотъ въ годъ на полу не поднимещь. Катенькъ, я думаю, ужъ около двадцати пяти; дожидаться ей нечего, замужъ пора; а впрочемъ и откажутъ—не бъда, найдемъ другую. Здъсь невъстъ не занимать стать.

Зеленькову сильно не нравился тонъ, съ которымъ его пріятель отзывался о Катенькъ, но онъ не сказалъ ни слова, обдумывая, пока тотъ одъвался, какъ бы разсказать ему о своемъ собственномъ неудачномъ сватовствъ. Собравшись съ духомъ, онъ наконецъ сказалъ ему.

- Знаешь ли, отчего я недумаю, чтобъ согласились на твое предложение?
 - Отчего?
- У Катеньки ужъ долженъ быть женихъ. Я сегодня... такъ, шутя, въ разговорѣ спросилъ ее: пошла ли бы она замужъ, напримѣръ, хоть за меня..
- Что же она отвъчала? спросилъ Копельниковъ видя, что пріятель не можетъ продолжать отъ волненія.
- Отвъчала, что не пойдетъ, сказалъ тотъ, стараясь засмъяться.

Копельниковъ пристально посмотръль на пріятеля, какъ будто стараясь угадать его настоящія мысли и чувства, что было однакоже очень трудно, потому что догадливости въ немъ было не много. Послъ нъсколькихъ минутъ обсужденія, не понявъ все таки ничего, онъ спросилъ:

- А развъ тебъ нравится Катенька Чушкова?
- Нътъ, нисколько!.. Я говорю тебъ, что спросилъ ее только шутя, говорилъ Зеленьковъ не своимъ голосомъ.
- А можетъ быть она тебъ тоже въ шутку отказала, тогда какъ еслибъ ты серьезно...
- Нътъ, я очень хорошо видълъ, что вовсе ей ненравлюсь, быстро прервалъ пріятель. Ты понимаешь, что это мнѣ все равно, прибавилъ онъ, стараясь казаться какъ можно развязнѣе.
- Такъ можетъ быть ты и мнв не посовътуещь свататься?
- Напротивъ, твое предложение будетъ серьезное... Съ тобой она была всегда такъ любезна.
- Конечно! отвъчалъ Копельниковъ, съ гордымъ видомъ поглаживая бакенбарды, но если она тебъ очень ненравится—я не женюсь на ней. Что за удовольствіе будетъ для тебя всякій день видъть подлъ себя непріятную особу!

Зеленьковъ съ минуту задумался. Онъ готовъ уже быль сказать, чтобъ Саша отказался отъ своего намъренія, но мысль, что онъ изъ одного эгоизма помъщаетъ счастію пріятеля, что его можно будетъ сравнить съ собакою на сънъ въ извъстной баснъ, въволновала его деликатныя чувства. Къ этому присоединилось еще желаніе узнать: предпочтетъ ли Катенька одного пріятеля другому, и онъ сказалъ твердо и ръшительно

— Все это пустяки! поъзжай къ Чушковымъ и сватайся Если тебъ откажутъ, тогда мы оба, какъ обиженные, можемъ перестать ходить къ нимъ. Копельниковъ, не совсъмъ понялъ, чъмъ же тутъ обижаться его пріятелю, но привыкнувъ соглашаться всегда съ его митніями, отправился одинъ въ Лоцманскую улицу, объщая какъ можно скоръе принести отвътъ Зеленькову.

Оставшись одинъ, Павелъ Петровичъ сильно задумался. Въ его тихой, спокойной жизни этотъ день произвелъ большую перемѣну, подъйствовалъ на него тяжело и глубоко. Сколько онъ помнилъ себя, никогда еще не приходилось ему испытывать такого потрясенія. Характеръ ли его образовался въ следствіе того, что жизнь его была совершенно спокойна, или жизнь эта казалась ему безмятежна въ следствіе того, что онъ не замечаль ся волненій, по вялости своего характера, - только до этого дня Зеленьковъ не зналъ тревогъ, не испытывалъ волненій. Странно сказать, но онъ былъ всегда счастливъ, если счастіемъ можно назвать довольство своею участью. Онъ почти никогда не желалъ ничего лучшаго и большаго, а если и случалось ему иногда сказать самому себъ: какъ бы хотълось мнъ имъть то-то, или быть тъмъто, это желаніе ограничивалось одними словами; онъ не старался осуществить его и черезъ нъсколько часовъ совершенно забывалъ объ немъ.

Зеленьковъ проследилъ мысленно всю свою жизнь. Она была очень не сложна, очень обыкновенна. Сынъ небогатаго чиновника, жившаго однимъ жалованьемъ безъ всякихъ постороннихъ доходовъ, онъ съ малольтства сроднился съ жизнью ограниченною, но безбъдною, незнавшею нуждъ и недостатковъ. Онъ быль одинъ сынъ у отца, успъвшаго не только дать ему порядочное образованіе въ гимназіи, но и руководить его первыми шагами на служебномъ поприщъ. Когда старикъ умеръ, жена его могла жить почти также безбъдно своимъ маленькимъ пенсіономъ, потому что сынъ получалъ уже въ то время жалованье; когда же со смертью матери Зеленьковъ долженъ былъ жить своимъ хозяйствомъ, онъ привыкъ уже хозяйничать очень расчетливо и получалъ столько, что могъ жить одинъ почти также, какъ жилъ его отецъ. Смерть отца и матери, конечно, опечалила его, но въ томъ и въ другомъ случат онъ былъ подготовленъ уже къ потерт ихъ продожительною бользнью. Когда въ нашихъ глазахъ любимое существо угасаетъ постепенно, мы свыкаемся съ мыслыю о необходимости, о неизбъжности утраты, и послъдняя минута разставанья не поражаетъ насъ такъ сильно, какъ потеря мгновенная и неожиданная. Быстрая смерть хороша для того, кто умираеть, не для того, кто остается.

Зеленькову быль двадцатый годъ, когда онъ остался одинъ хозяиномъ въ отцовскомъ домъ. Съ жалованьемъ помощника столоначальника трудно было бы заводиться хозяйствомъ, но его отецъ и мать скопили столько вещей и мебели, что молодому человъку достало бы всего на долгую жизнь. Не смотря на довольно апатическій характеръ, застѣнчивость и неразговорчивость, онъ вскоръ соскучился жить одинъ, и былъ очень радъ, когда ему предложилъ жить вмъстъ одинъ изъ его сослуживцевъ, Копельниковъ, человъкъ не дальняго ума, небольшаго образованія, но добрый, веселый балагуръ, полюбившій искренно Зеленькова, несмотря на то, что быль старше его почти семью годами, и прожившій съ нимъ мирно и согласно уже семь лътъ. Эта дружба возбуждала сначала по обыкновенію, легкія насмъшки ихъ товарищей. Имена: Ореста и Пилада, Низуса и Эвріала, Дамона и Питіаса, щедро раздавались молодымъ пріятелямъ, но видя, что они дъйствительно семь лътъ живутъ, какъ говорится, душа въ душу, что ни сердечные, ни денежные интересы не могли нарушить ихъ согласія, сослуживцы друзей убъдились, что привязанность ихъ непоколебима и ненарушима, и поэтому оставили ихъ въ покоъ.

Друзья жили дъйствительно примърно, никогда не ссорясь. Зеленьковъ былъ не взыскателенъ, Копельниковъ уступчивъ, оба не прихотливы; несовствить сходные характеры ихъ сходились какъ нельзя лучше въ мелочныхъ сторонахъ домашней жизни. Только въ послъднее время, когда содержание ихъ увеличилось вмъстъ съ повышеніемъ ихъ должностей и званій, и когда скромная жизнь ихъ позволяла имъ откладывать на свои удовольствія гораздо болъе прежняго, Копельниковъ началъ чаще ходить въ гости и возвысилъ курсъ своей игры въ преферансъ. Зеленьковъ, напротивъ, управляя хозяйствомъ съ особенной экономіей, и издерживая на всъ домашніе расходы однажды утвержденную сумму, остальное копилъ, изръдка позволяя себъ покупать ноты и книги. Въ дътствъ, одаренный отъ природы върнымъ слухомъ, онъ почти самоучкой выучился играть на скрипкт, и съ тъхъ поръ не оставлялъ этого искуства. Не слъдя за успъхами современной скрипичной школы, онъ даже не пробовалъ передавать на своемъ инструментъ всъхъ пальцеломныхъ фокусовъ, визжанья и мяуканья струнъ, царапанья смычкомъ чуть не по нижней сторонъ скрипки, всего, чъмъ славятся разные штукари, которыхъ земляки величаютъ геніями не столько для того, чтобъ возвысить самихъ скрипичныхъ фокусниковъ, какъ для того, чтобъ въ лицѣ ихъ унизить истинныхъ музыкантовъ другихъ, болѣе благородныхъ націй. Зеленьковъ никогда не игралъ «блистательныхъ» концертовъ, не
дѣлалъ «ослѣпительныхъ» пассажей, не бралъ «изумительныхъ»
нотъ; его игра спокойная и правильная, не отличалась бѣглостью
и одушевленіемъ. Любимыми его композиторами были артисты
конца прошлаго столѣтія и начала нынѣшняго. Часто, нѣсколько
мѣсяцевъ сряду, онъ игралъ одну и ту же пьесу, почему либо
особенно ему понравившуюся, и игра его, если нисколько не
занимала Копельникова, то и немѣшала ему. Онъ умѣлъ очень спокойно засыпать подъ музыку пріятеля, когда не уходилъ въ гости.

Книги Зеленьковъ любилъ тоже съ первыхъ лътъ молодости, но книги серьезныя: путеществія, исторію и болъе всего естествознаніе. Изъ встхъ отраслей естественныхъ наукъ, любимымъ предметомъ его была зоологія. Онъ и самъ не зналъ, отчего и какъ пристрастился къ ней, только съ самыхъ первыхъ дней дътства онъ очень любилъ разсказы и книги о нравахъ животныхъ, а въ гимназіи занимался болъе всего естественною исторією. Міръ живыхъ существъ съ его разнообразными проявленіями, изумительными организмами, непостижимыми фактами, занималь его въ высшей степени. Въ особенности изучалъ онъ жизнь низшихъ видовъ творенія отъ пресмыкающихся до насъкомыхъ и инфузорій съ ихъ странными метаморфозами. Собственно анатомическую и физіологическую часть естественной исторіи онъ зналъ плохо, но жизнь, привычки и наклонности животныхъ были очень хорошо ему знакомы. Онъ не могъ назвать по-латини какого нибудь насъкомаго, не могъ по родовымъ признакамъ причислить его къ тому или другому семейству, но зналъ, какъ оно живеть, какія превращенія испытываеть во время своего существованія. Въ особенности любилъ онъ анекдотическую сторону жизни животныхъ, и ему становилось жаль, когда строгія изслъдованія науки уничтожали какое нибудь поэтическое преданіе о свойствахъ насъкомаго. Фантастическая зоологія занимала его болъе научной.

Онъ перечиталъ все, что было написано на русскомъ языкъ по этой части; по-французски онъ читалъ съ трудомъ, съ помощью дексикона, и ученыя сочиненія были для него еще недоступнъе по множеству техническихъ терминовъ. Романовъ и повъстей онъ не читалъ ни на какомъ языкъ, говоря, что въ нихъ пишутъ всегда одно и тоже ѝ всегда вздоръ, заключеніе, съ которымъ мы не можемъ не согласиться.

Въ этотъ день Зеленьковъ пообъдаль очень рано и безъ особаго апетита. Послъ объда, онъ снялъ старое пальто, служившее ему халатомъ, засучилъ рукава рубашки, досталъ изъ футляра скрипку, выдвинулъ изъ-за шкапа пюпитръ къ письменному столу, положилъ на него цедурный концертъ Пьера Роде и началъ разъигрывать его стоя, выбивая тактъ ногою, нагнувши голову на итвое плечо весьма не граціозно, согнувъ лъвую руку и пальцы вовсе не по правиламъ скрипичнаго искусства. Онъ игралъ очень усердно и старательно, слушая себя со вниманіемъ, останавливаясь и передълывая пассажи по нъскольку разъ, игралъ долгош по-видимому достигъ наконецъ цъли своей игры: забылъ свои неутъщительныя думы въ настоящемъ; по крайней мъръ на лицъ его, до той поры грустномъ и озабоченномъ, явилось выраженіе удовольствія, происходящаго отъ побъжденія трудностей. Онъ предался весь и исключительно своей игръ.

Въ то время какъ онъ съ особеннымъ тщаніемъ выдълывалъ двойныя ноты рондо, въ комнатъ явился незамътно одинъ слушатель его музыки. Надъ самымъ пюпитромъ, стоявшимъ въ углу у окна и письменнаго стола, висъла картина «Extase», какъ мы уже замъчали, на весьма странномъ мъстъ: въ верхнемъ простънкъ между окномъ и потолкомъ. Изъ-за этой картины, висъвшей сверхъ того въ наклонномъ положеніи, показался порядочной величины паукъ изъ породы, называемой у насъ «крестовиками». Пробъжавъ по нижней полоскъ картинной рамы, онъ покачался нъсколько времени на невидимой паутинъ, перебирая дапками и потирая ими животъ въ томъ мъсть, гдъ начинаются отверзтія, изъ которыхъ выходить микроскопически тонкая нить паутины, постепенно ссучиваемая до того, что дълается видимою простому глазу. Выпуская понемногу такую нить, прикрапленную къ рамъ, пробуя нъсколько разъ ея плотность и тягучесть, паукъ сталъ тихо спускаться надъ самымъ пюпитромъ и остановился наравнъ съ головою музыканта. Тогда подрожавъ на нити и уцепившись за нее задними лапами, онъ остановился неподвижно въ воздухъ, и сталъ по-видимому слушать музыку съ большимъ удовольствіемъ.

Въ жару игры виртуозъ не замътилъ сначала страннаго ме ломана, но остановившись на одномъ пассажъ, чтобъ перевести духъ, увидълъ прямо передъ глазами своего слушателя, и нисколько не удивился этому. Онъ взглянулъ на него, папротивъ, съ радостію, и началъ играть съ большимъ жаромъ и одушевленіемъ. Паукъ оцѣнилъ вполнѣ оказываемое ему вниманіе, спустился еще немного ниже, потрясся на нити, перебралъ по ней всѣми лапками и опять сталъ слушать со вниманіемъ и безъ движенія, и Зеленьковъ увлекся опять своимъ концертомъ, позабывъ обо всемъ на свѣтѣ.

Вдругъ сильный шумъ въ комнатъ, хлопанье дверей и знакомый голосъ, кричавшій ему издали: Паша! заставили музыканта остановиться. Онъ оглянулся: въ комнату влетълъ Копельниковъ въ шляпъ, надътой на бекрень, съ раскраснъвшимися щеками, съ взъерошенными бакенбардами. Онъ бросился обнимать пріятеля, крича на весь домъ:

— Па́ша! душа моя! поздравь меня! все кончено! согласились! Ударили по рукамъ: она—женихъ, я—невъста! Посылали за шампанскимъ... Вышили на радости!

Зеленьковъ могъ видъть самъ и безъ послъднихъ словъ, что дъйствительно вышили, но его поразили первыя слова пріятеля, и онъ опустилъ голову и руки, не слушая, что говорилъ дальше Копельниковъ, путавшійся въ словахъ и не слишкомъ удачно связывавшій фразы.

Когда Паша пришель въ себя, сердце его сжалось чъмъ-то похожимъ на отчаяніе. Онъ все время надъялся, что его пріятелю откажутъ, какъ отказали ему; онъ не понималъ, какъ могли такъ скоро согласиться и спросилъ, собравшись съ силами:

- Неужто такъ, съ первыхъ словъ и согласились?
- Еще бы нътъ! отвъчалъ съ пренебрежениемъ пріятель, бросаясь на диванъ и отдуваясь.
- И... она сама сказала тебъ это?
- Конечно... то есть не совствить. Я, признаться, сначала думаль даже отложить объясненіе. За объдомъ они вст сидъли такіе надутые. Катенька не говорила ни слова. Старикъ только и дълаль, что мит хересу подливаль точно зналь, что мит куражъ нуженъ. Вотъ я немножко и пріободрился къ концу-то объда. Вышли въ садъ, старики походили немножко, да и на-боковую. Я остался одинъ съ милашкой. Что же, думаю, головы въдь не оторвуть, да, не посмотръвъ на то, что она мит о стручкахъ чтото разсказывала бухъ прямо съ предложеніемъ: осчастливьте! сколько лътъ страдаю! Увънчайте пламень тоскующей души, и еще тамъ много въ этомъ же родъ. Она будто ждала этого, посмотръла на меня такъ выразительно и отвъчала:

«Потрудитесь обратиться къ папенькъ.

«Но я хотълъ бы знать, если вашъ папенька согласится, получу ли я ваше согласіе, могу ли надъяться на это?

«Можете! отвъчала она коротко и ясно. Я, разумъется, пришелъ въ совершенную фантазію, началъ отпускать разныя грасы. Она сильно задумалась, отвъчала не совсъмъ впопадъ, дъло натуральное въ такихъ обстоятельствахъ. И вдругъ спросила про тебя.

- Про меня? вскричалъ Зеленьковъ, и кровь бросилась ему въ лицо.
- Ну, да. Надо тебъ сказать, что еще прежде, когда я объявиль, что ты не здоровъ и не будешь къ объду, она сказала: я это знала. Отчего бы она могла знать это?
- Что жъ дальше? сказалъ съ нетерпъніемъ Паша, видя, что пріятель готовъ тоже сильно задуматься надъ этимъ вопросомъ и уже началъ наклоняться къ подушкъ дивана.
- Дальше?.. ты меня спрашиваешь, что дальше за объдомъ подавали?
- Я спрашиваю, что говорила про меня въ саду Катерина Акинфіевна.
- Въ саду-то. Да, она спросила: не думаешь ли и ты тоже послъдовать моему примъру и на комъ нибудь жениться.
 - Что же ты отвъчалъ?
- Я-то?.. Что бишь!.. Да, я отвъчаль, что ты върно никогда не женишься, потому что у тебя спартанское сердце и, сколько я тебя знаю, тебъ никогда не нравилась ни одна женщина. А эна мнъ вдругъ на это во второй разъ: я это знала! Просто непостижимо, отчего она знала все это?
- Пожалуйста не задумывайся и говори поскоръе, какъ все дальше было! говорилъ раздражительнымъ тономъ Зеленьковъ, стоя передъ пріятелемъ и мъшая ему принять горизонтальное положеніе на диванъ.
- Дальше было то, что она ущла и оставила меня одного въ саду, говорилъ съ трудомъ Копельниковъ. Я присълъ на скамей-ку и задумавшись о своемъ счастіи, кажется немножко вздремнулъ, или старикъ спалъ очень недолго, только онъ вдругъ всталъ передо мной, какъ листъ передъ травой. Я сначала повелъ ръчь стороной, тонкой политикой, думая, если мой старикъ будетъ сидъть такъ же насупившись какъ за объдомъ, я до другаго раза объясненіе. Не тутъ-то было: онъ такъ меня на него самъ и под-

талкиваеть, и глаза щурить и подемвивается, и спрашиваеть: о чемь-то я такъ жарко въ саду съ его дочкой разсуждаль, что его даже разбудиль. Такая аллегорія! Я тотчасъ вижу, чего ему кочется, и, не думая долго, брякъ съ объясненіемъ: уполномочень, говорю, отъ прелестной Катерины Акинфіевны просить вашего благословенія нашему соединенію.

- Ну, а онъ? закричалъ Зеленьковъ, видя, что пріятель сильно наклоняетъ голову.
- Онъ почти не далъ мнъ кончить, бросился обнимать меня, говорить: хересу! нътъ, шампанскаго!.. или нътъ, прежде сказалъ: очень радъ, назвалъ меня своимъ сыномъ, началъ жать мнъ руку, налилъ полную рюмку шампанскаго... Дарью Макаровну съ ключами поцъловать заставилъ... Еще цълую бутылку... Ну и тамъ, все какъ слъдуетъ... Вино хорошее было. Я тебъ послъ все акуратно разскажу, а теперь, знаешь, отдохнуть хочется. Ночь-то я не доспалъ... Все еще со вчерашняго.
- Какъ же, со вчерашняго! пробормоталъ въ полголоса Зеленьковъ въ то время, какъ пріятель его, снявъ фракъ, располагался на диванъ самымъ комфортабельнымъ образомъ.

Черезъ нъсколько минутъ въ комнатъ раздалось глухое храпъніе, не прерывавшее однако же горькихъ думъ Паши; онъ все еще стояль, опустивь голову подлѣ спящаго пріятеля. Въ первый разъ въ теченіи семи лътъ, онъ почувствовалъ къ Копельникову что-то похожее на недоброжелательство, на несправедливость. Онъ мысленно сравнивалъ себя съ нимъ, и ему было досадно, что Катенька предпочла того, кто былъ, конечно, не умнъе, не лучше, не добръе его, кто гораздо меньше любилъ ее, если его чувство можно еще было назвать любовью. Въ голову отвергнутаго любовника приходили всв фразы о коварствъ женщинъ, о странности ихъ вкусовъ, о темной сторонъ ихъ сердца. Все это однако же нисколько не утвигало его. Онъ твердилъ себъ, что ему следуетъ презирать Катеньку, и ничего похожаго на презрѣніе не шевелилось въ его сердцъ. Снова думалъ онъ развлечься музыкой, позабыть за нотами свое горе, — Копельникова онъ не боился разбудить, сна пріятеля не прервали бы пушечные выстралы,-но рука его какъ-то вяло водила смычкомъ, другая лъниво прижимала струны, ноты прыгали съ линъйки на линъйку, фальшивые звуки еще болъе раздражали его нервы. Онъ взглянулъ вверхъ: паука уже не было на прежнемъ мъстъ: онъ сидълъ на нижней рамъ картины и неодобрительно покачивался

всъмъ туловищемъ. Зеленьковъ въ досадъ бросилъ скрипку и на-

Вскоръ ему сдълалось душно. Онъ взялъ шляпу и пошелъ бродить по Пряжкъ. Выходя изъ комнаты, онъ съ гнъвомъ взглянулъ на Копельникова.

 Хоть бы сапоги сняль, безчувственный! сказаль онь, ръзкимъ движеніемъ надвигая шляпу на самыя брови.

Копельниковъ проснулся довольно поздно вечеромъ и удивился, узнавъ, что Зеленьковъ еще не возвращался съ прогулки. Онъ подождалъ его съ часъ; одному ему было скучно. Вспомнивъ кстати, что онъ женихъ, онъ счелъ необходимымъ разсказать объ этомъ своимъ пріятелямъ-сослуживцамъ, и не смотря на позднее время, отправился сообщить имъ объ этомъ радостномъ событіи...

Часу въ пятомъ утра, когда было уже совершенно свътло, у дверей пріятелей раздался точно такой же осторожный звонъ какъ наканунъ, и точно также Зеленьковъ, не спавшій почти всю ночь, отворилъ двери своему запоздавшему пріятелю, вернувшемуся точно въ такомъ же положеніи, какъ и наканунъ.

Копельниковъ ждалъ упрековъ, чувствовалъ, что заслужилъ ихъ, но видя, что пріятель не говоритъ ни слова, самъ началъ смягчать его гнъвъ самымъ ласкательнымъ тономъ:

- Пашечка, душечка! это ужъ, божусь тебъ, въ самый последній разъ. Самъ посуди: надо же было сватовство спрыснуть. Пошелъ Свищову сказать, онъ ушелъ къ Еропкину; отправляюсь туда, тамъ цълая компанія: и Карасенко, и Чуйковскій, и Груздевъ, и всъ наши! Поздравить было необходимо; придрались; хозяину, говорять, не-изъ-за чего для тебя убытчиться. Ты женихъ, посылай за шампанскимъ! Дъло такое, что отказаться нельзя. Важный шагь, говорять, дълаешь. Разменяль десяти-рублевую; сдачи принесли три двугривенныхъ. Чуйковскій, тамъ и другіе шампанскаго не пьють: нужно было и за хересомъ послать. Какъ водится начались поздравленія, тосты. И за тебя, и за мою будущую жену выпили, и за встхъ дтей, какія будуть, по одиначкъ... Нельзя же, случай такой вышель! Жениться, говорять, не всякій день приходится. Надо было прилично отпраздновать... Вотъ оно и вышло, что со стороны кажется будто много выпито: ничего не бывало, все пустяки!.. Друзья говорять, что ни въ одномъ глазъ... Ты вотъ только у меня такой строгій!.. Сейчасъ подумать можешь, что будто ужъ и въ головъ шумитъ... Право, только губы въ винъ помочилъ... А если и кажется что нибудь такое, это все со вчерашняго!.. Плюнь ты на того, кто тебъ скажеть будто я пьянъ. А ты мнъ, только одному мнъ, своему другу повърь. Я тебъ вотъ что скажу...

— Будеть тебъ разсказывать, прерваль Зеленьковъ тихимъ голосомъ, видя, что пріятель не думаєть удержать потока своего красноръчія. Раздъвайся скоръе и ложись. Завтра на службу надо. Въ чемъ тутъ оправдываться? Что за бъда, что выпилъ на радости. Разумъется, слъдовало пріятелей угостить по этому случаю, а самъ выпилъ лишнее, это тоже не преступленіе. Нечего объ этомъ и разговаривать.

Провинившагося Копельникова такъ поразила эта снисходительность его судьи, что онъ не могъ сказать ни слова, потомъ заплакалъ отъ умиленія.

— Ръдкая ты душа, Паша, бормоталъ онъ, мъшая слова со вехлипываніями, покамъсть тотъ раздъвалъ его и помогалъ улечься. Сокровище ты неоцъненное! Фениксъ ты аравійскій! Цъны тебъ люди не знаютъ. Отецъ ты мой нъжнъйшій, а не другъ. Мать за мной такъ не ходила!.. Не столоначальникомъ тебъ быть, а цълымъ свътомъ ворочать!.. Дай ты мнъ только случай, гдъ бы я за тебя голову сложилъ!.. Найди ты мнъ такого человъка, чтобы меня на мелкія части за тебя разорвалъ... Глазомъ не мигну, увидишь! Найди ты только его!..

И не смотря на всъ успокоенія пріятеля, расходившійся Копельниковъ долго еще колотилъ кулакомъ въ подушку, твердя самымъ настоятельнымъ образомъ: найди мнъ его! приведи мнъ его!

На другое утро Зеленьковъ самъ разбудилъ пріятеля, самъ налилъ ему стаканъ кофе, и не упоминая ни слова о прошедшемъ, началъ очень спокойно толковать о разныхъ городскихъ новостяхъ. Копельниковъ былъ въ восторгъ отъ доброты души своего пріятеля.

По дорогѣ въ должность, Паша сказалъ пріятелю, что такъ какъ онъ вечеромъ, конечно, пойдетъ къ своей невѣстѣ, то ему слѣдуетъ окончательно переговорить съ нею и съ ея отцомъ обо всемъ, что необходимо для свадьбы.

Это были первыя слова, сказанныя Зеленьковымъ о вчерашнемъ. Они такъ поразили Копельникова, какъ будто онъ забылъ, что наканунъ посватался.

- О свадьбъ-то! повторилъ онъ почти испуганнымъ тономъ. А развъ надо скоро жениться?
- Зачъмъ же откладывать, коли ужъ разъ ръшился? отвъчалъ тъмъ же спокойнымъ тономъ Зеленьковъ. Конечно, это будетъ за-

висъть и отъ твоего будущаго тестя, но ты все таки долженъ просить его поторопиться.

- А ты пойдешь со мной?
- Нътъ, неловко. Вчера только сказался нездоровымъ. Къ тому же, въ первое время я буду лишній между вами: жениху нужно о многомъ переговорить съ невъстой. Ты извинишь меня, а дней черезъ пять, шесть я зайду къ нимъ поздравить невъсту.

Копельниковъ не отвъчалъ ничего, и расговоръ объ этомъ предметъ не возобновлялся до самаго вечера, когда женихъ сталъ сбираться къ невъстъ. Еще разъ попросилъ онъ пріятеля пойти вмъстъ съ нимъ, и получивъ отказъ, отправился одинъ, повидимому не совсъмъ довольный.

А Зеленьковъ точно также какъ вчера принялся разъигрывать концертъ Роде, и точно также какъ вчера надъ нимъ закачался паукъ, любитель музыки.

Женихъ вернулся домой рано, и очень веселый. Прежде всего онъ объявилъ, что свадьба будетъ черезъ два мъсяца, что въ мать не хотятъ маяться, въ іюнъ постъ, и поэтому обвънчаются въ началъ іюля. Зеленьковъ не отвъчалъ ни слова, не спрашивая ни о чемъ. Словоохотливый пріятель самъ разсказалъ весь разговоръ свой, въ которомъ впрочемъ не было ничего замъчательнаго. Невъста спрашивала между прочимъ о здоровьи Паши и о томъ, какъ называется эта странная болъзнь, которая позволяетъ ходить утромъ въ должность, а мъщаетъ вечеромъ быть въ гостяхъ.

Паша и на это не сказалъ ничего.

Черезъ недълю, въ одинъ вечеръ онъ явился наконецъ къ Чушковымъ вмъстъ съ женихомъ. Старики приняли его радушно, какъ всегда, дочь учтиво, но сухо и принужденно. За то съ его пріятелемъ она была необыкновенно любезна; можно было подумать, что она любитъ его страстно. Копельниковъ пришелъ въ совершенный восторгъ. Пріятель его былъ скученъ весь вечеръ, неразговорчивъе обыкновеннаго, и вернулся домой очень рано. Старикъ требовалъ, чтобы пріятели посъщали его по-прежнему не меньше двухъ разъ въ недълю. Зеленьковъ исполнилъ это желаніе, но всъ послъдующіе вечера походили на первый. Пріятель жениха былъ ръшительно не въ своей тарелкъ—грустнъе и блъднъе обыкновеннаго. Онъ объяснялъ самъ это нездоровьемъ, и Копельниковъ началъ върить, что пріятель его дъйствительно нездоровъ.

Такъ прошло около мъсяца. Зеленьковъ былъ необыкновенно

внимателенъ и снисходителенъ къ жениху. Не было и помину о прежнихъ неудовольствіяхъ и нравоученіяхъ, хотя пріятелю и случалось въ это время раза два, три возвращаться домой весьма веселымъ, въ слъдствіе празднованія имянинъ и другихъ семейныхъ и общественныхъ торжествъ. Женихъ былъ очень счастливъ. Сначала довольно равнодушный къ невъстъ, онъ начиналъ уже приходить въ восторгъ отъ ея ума и любезности, и говорилъ объ ней неиначе, какъ въ высоко-патетическомъ тонъ. Его безпокоила только постоянная молчаливость и болъзненный видъ пріятеля.

Однажды въ первыхъ числахъ іюня, въ то время какъ Копельниковъ бралъ шляпу, чтобъ итти къ невъстъ, Зеленьковъ остановилъ его словами:

- Погоди съ полчаса, мнъ нужно сказать тебъ слова два.
- Мы можемъ поговорить дорогой. Развъ ты не пойдешь со мною? отвъчалъ женихъ, порывавшійся къ невъсть.
 - Нътъ, я останусь.
- Ты нынче такъ ръдко бываєшь у Чушковыхъ. Хоть бы для меня пошелъ. Право, когда ты тамъ—Катенькъ веселъе, и со мною она гораздо больше любезничаетъ. Я тебъ ужъ замъчалъ это, да ты не хочешь върить.

Зеленьковъ горько улыбнулся и отвъчалъ:

 Жениху съ невъстой мъшать не нужно. Къ тому же мнъ все нездоровится.

Копельниковъ съ досадою хлопнулъ шляпою, ставя ее на столъ, и подойдя къ пріятелю сказалъ съ жаромъ:

- Нътъ, ужъ ты меня извини, а коли дъло пошло на правду, такъ я самъ тебъ напомню, что такъ по пріятельски не поступають. Мнъ тоже нужно сказать тебъ слова два, и ты прежде послушай мою рацею. Вотъ ужъ скоро мъсяцъ какъ ты просто на себя не похожъ; ходишь нахохлившись, точно не солоно хлебалъ; говоришь, будто каждое слово тебъ рубля стоитъ; сидишь чуть не всякій вечеръ дома, да только на скрипкъ пиликаещь, своего паука забавляещь. Что это за жизнь, въ самомъ дълъ? Смъхъ сказать кому нибудь постороннему, сумасшедшимъ назовуть. Не нравится тебъ, что ли, что я жениться сбираюсь—скажи прямо. Самъ же ты соглашался на мою женитьбу и находилъ, что я хорошо дълаю. Передумалъ, что ли?
- Помилуй, съ чего ты взялъ, сказалъ быстро встревоженный Зеленьковъ. Что за глупости тебъ въ голову входятъ. Я очень радъ твоей свадьбъ.

- Этого что-то незамътно, продолжалъ тъмъ же ръзкимъ тономъ Копельниковъ. Ты радуешься словно покойника отпъваешь, да и у самого тебя лице, точно ты въ могилу сбираешься. Нужно это чъмъ нибудь кончить. Болънъ ты, такъ лечись, возьми доктора. Я тебъ ужъ двадцать разъ предлагалъ это.
- Напрасно ты такъ горячишься, я именно объ этомъ и хотълъ говорить съ тобою. Докторъ мнъ совътовалъ другимъ, чистымъ воздухомъ подышать. Вотъ я и хочу подать на двадцать восемь дней въ отпускъ, и уъхать въ Финляндію.

Эти слова въ одно мгновеніе успокоили Копельникова, но его поразила новая мысль: разлука съ пріятелемъ, съ которымъ онъ въ семь лѣтъ не разставался на семь часовъ сряду.

- А я-то какъ же, съ тобой поъду? сказалъ онъ испуганнымъ тономъ.
- Какъ это можно! Ты женихъ, тебъ надо къ свадьбъ готовиться. Ты же, слава Богу, здоровъ, и лечиться тебъ не отчего.
 - Все это такъ, только какъ же я безъ тебя одинъ останусь?
- Развѣ ты ребенокъ! Жилъ же ты и безъ меня прежде. Пора тебѣ привыкать и своимъ хозяйствомъ жить; у тебя будетъ жена, семейство...

Копельниковъ былъ въ большомъ раздумьи. Онъ понималъ справедливость словъ пріятеля и слушалъ молча его наставленія, какъ жить безъ него и управлять хозяйствомъ.

— Ты однакоже понимаешь, что я тебя буду ждать къ свадьбъ и не женюсь, пока ты не вернешься? сказаль онъ, пристально глядя на Зеленькова.

Тотъ смутился немного, подумалъ съ минуту и отвъчалъ:

— Даю тебъ слово. Этимъ временемъ ты привыкнешь жить безъ меня, а когда ты женишься, я найму квартиру, какъ можно ближе къ тебъ, чтобъ видъться съ тобою какъ можно чаще.

При этихъ словахъ, сказанныхъ не совсъмъ спокойнымъ голосомъ, Копельниковъ поблъднълъ, бросился къ пріятелю, схватилъ его за руки, и голосомъ, дрожащимъ отъ гнъва и волненія, вскричалъ:

- Это еще что за новость!.. Ты не хочешь жить вмъстъ со мною?
- Не могу, отвъчалъ твердо Зеленьковъ, опустивъ голову. Чъмъ больше я обдумывалъ прежнее наше предположение, тъмъ яснъе видълъ, что его нельзя исполнить. Третье лицо между мужемъ и женой будетъ всегда лишнее. Мы будемъ только связы-

вать другъ друга. Мы забыли также, что Чушковъ выдаетъ дочь замужъ съ тъмъ условіемъ, чтобъ зять жилъ у него въ домъ. Требовать, чтобъ онъ принялъ въ свое семейство и пріятеля зятя, было бы несправедливо. Я давно ужъ хотълъ сказать тебъ объ этомъ, и ты самъ, когда обдумаешь все хорошенько, увидишь, что я правъ. Тысяча причинъ не позволяютъ намъ жить вмъстъ.

Зеленьковъ говорилъ еще долго и благоразумно обо всъхъ неудобствахъ жизни втроемъ, доказывая ясно и положительно невозможность этой жизни. Копельниковъ слушалъ его, не дълая возраженій, только губы его были сжаты, а глаза горъли огнемъ
сильнаго гнъва. Онъ однакоже далъ спокойно кончить пріятелю
его ръчь, и только когда тотъ истощилъ всъ аргументы и доводы,
сказалъ глухимъ голосомъ:

- Я понимаю теперь, отчего ты прежде говорилъ совершенно другое. Ты думалъ я такъ глупъ, что ужъ ничего не замъчу. Очень ошибаешься. Изъ тысячи причинъ ты не сказалъ мнъ самой главной, почему не хочешь жить со мной, когда я женюсь, но я знаю эту причину и безъ твоихъ словъ. Прощай!
- Куда же ты? спросилъ въ страхъ Зеленьковъ, видя, что пріятель схватилъ шляпу.
- Какъ, куда? Развъ я не женихъ? отвъчаль тотъ съ какимъто страннымъ смъхомъ. Иду къ невъстъ. Можетъ быть она скажетъ мнъ причину, которую скрываетъ отъ меня мой деликатный пріятель.
- Но помилуй, что ты хочешь дълать? вскричалъ совершенно растерявшійся Зеленьковъ, поблъднъвъ какъ полотно. Прошу тебя, если ты хоть немного любишь меня, останься, одумайся! Съ чего ты взялъ твои подозрънія?.. Развъ тебъ будетъ не стыдно сдълать сцену изъ ничего, обидъть дъвушку, цълое семейство, надълать скандалу... Саша, другъ мой! я умоляю тебя!..

И бъднякъ кръпко сжималъ руки своего пріятеля, упрашивая его дрожащимъ голосомъ, съ трудомъ удерживая слезы, готовыя брызнуть изъ глазъ. Копельниковъ нъсколько успокоился и отвъчалъ отрывисто, освобождаясь изъ рукъ пріятеля:

- Напрасно ты такъ безпокоишься; я вовсе не хочу дълать ни какихъ сценъ, не думаю обижать ни Катеньки, ни ея отца; я не сумасшедшій. Я хочу только объясниться, узнать всю правду; надо же чъмъ нибудь это кончить.
- Но что же ты будешь спрашивать, что ты думаешь, о чемъ хочешь объясняться? твердилъ въ отчаяніи Зеленьковъ.

 Узнаешь, отвъчалъ тотъ трагическимъ тономъ, силою освобождая руки отъ пожатій пріятеля и быстро уходя изъ комнаты.

Зеленьковъ хотълъ броситься за нимъ, но на порогъ остановился въ раздумьи.

— Ну, что жъ, сказалъ онъ самъ себъ: Копельниковъ правъ. Надо же ему сказать своей невъстъ, что въ нее влюбленъ его пріятель. Она, разумъется, отвътить, что не можетъ запретить мнъ сходить съ ума, но что отъ сумасшедшаго все таки надо избавиться. Результатъ будетъ тотъ же. Тъмъ лучше. Еслибъ Копельниковъ не узналъ истины, онъ могъ бы долго грустить о томъ, что я оставлю его. Теперь онъ увидитъ самъ, что это необходимо.

И онъ опустился въ совершенномъ изнеможении на диванъ, отирая крупныя капли холоднаго пота...

Съ полчаса провелъ онъ почти въ забытьи, потомъ началъ мало по малу обдумывать свое положеніе. Оно показалось ему безвыходнымъ. Разлука съ другомъ была неизбъжна; она казалась еще тяжелъе послъ потери той, кого онъ любилъ. Въ этотъ мъсяцъ онъ убъдился, что привязанность эта была гораздо сильнъе нежели онъ думалъ, что ему невозможно будетъ видъть Катеньку всякій день—женою другаго.

Онъ сталъ думать о томъ, какимъ образомъ пріятель его узналъ его тайну, и что будетъ говорить Катенькъ. Потомъ онъ началъ раскаяваться, что отпустиль его къ Чушковымъ въ ту минуту, когда тотъ былъ такъ взволнованъ. Чъмъ болъе онъ думалъ объ этомъ, тъмъ яснъе казалось ему, что онъ самъ долженъ былъ предупредить объяснение Копельникова, сказать Катенькъ, почему имъ нельзя жить вмъстъ, и попросить ее убъдить къ этому своего жениха. Она, конечно, могла сдълать это скоръе нежели Зеленьковъ. Объясненіе съ Катенькой было бы для него очень тяжело, но даже и теперь, послъ того, что ей скажетъ Копельниковъ, оно было неизбъжно. Не лучше ли разомъ кончить всъ затрудненія, и чъмъ скоръе, тъмъ лучше?.. Онъ вздумалъ тотчасъ же отправиться къ Чушковымъ, и если уже поздно предупредить пріятеля, то по крайней мъръ сколько возможно уладить возникшую между ними ссору, уговорить его, вмъстъ съ Катенькой, даже вмъстъ со всъмъ семействомъ ея, уступить очевидной необходимости. Зеленькову казалось, что при другихъ онъ будетъ смълъе, красноръчивъе, что при чужихъ и самъ Копельниковъ будетъ тише и скоръе склонится на убъжденія,

Размышленія его кончились тъмъ, что онъ одълся на-скоро и чуть не бъгомъ пустился въ Лоцманскую улицу.

V.

Чъмъ ближе подходилъ Зеленьковъ къ цъли своего путешествія, тъмъ ръшимость его становилась слабъе. Экзальтація духа улегалась; онъ сталъ даже думать: хорошо ли сдълалъ, что принялъ это намъреніе, и къ чему поведеть его визитъ; сталъ сомнъваться въ успъхъ своего красноръчія, въ необходимости объясненія, во всемъ, въ чемъ за минуту передъ тъмъ онъ былъ такъ непоколебимо убъжденъ.

Поэтому, перейдя чрезъ Банный мостъ самымъ тихимъ шагомъ, онъ не ръшился итти тотчасъ же по Пряжкъ въ Лоцманскую улицу, а повернулъ налъво по Офицерской съ тъмъ, чтобъ выйдя на Екатерининскій каналъ, повернуть въ Лоцманскую улицу отъ Калинкина моста, то есть съ совершенно противуположной стороны. Какъ ни тихо шелъ онъ, но обощелъ наконецъ и этотъ кругъ, въ продолженіе котораго столько разнородныхъ мыслей перебывало у него въ головъ, что онъ и самъ не могъ бы дать въ нихъ отчета. Къ дому Чушковыхъ онъ подходилъ однако же сердясь на свою неръщительность, и принимая снова твердое намъреніе поговорить съ Катенькой.

Въ передней Матрена встрътила его извъстіемъ, что господа куда-то ушли, а барыщня дома одна.

- Какъ одна? А Александръ Иванычъ? спросилъ Зеленьковъ.
- Заходили на часокъ, да тоже ушли, отвъчала кухарка.
- Съ Акинфіемъ Семенычемъ?
- Нътъ-съ, одни, и прежде ихнево. Баринъ сами по себъ съ барыней пошли.

Зеленьковъ никакъ не предполагалъ не застать своего пріятеля. Онъ остановился въ недоумъніи.

- Да что же вы-съ. Пожалуйте, я барышнъ скажу. Да и господа велъли сказать, что скоро вернутся. Катерина Акинфіевна въ залъ сидятъ.
- Нътъ, ужъ я послъ зайду. Ты клацяйся только, говорилъ посътитель, испугавшійся мысли остаться на единъ съ Катенькой. Но кухарка растворила уже въ это время дверь въ комнату, и гость совершенно сконфузился, увидъвъ на порогъ Катеньку, говорившую самымъ привътливымъ тономъ:

— Павелъ Петровичъ! Что же это вы? Съ которыхъ поръ не были, и даже на минуту войти не хотите. Папенька съ маменькой немножко пройтиться пошли и сейчасъ будутъ. Пожалуйте въ залу.

Голосъ дъвушки показался гостю такъ ласковъ и нѣженъ, что онъ ръшился взглянуть на нее, но тотчасъ же смутился еще болъе. Катенька смотръла на него такъ весело, съ такимъ участіемъ, что у него вдругъ отлегло на сердцъ. Съ сильнымъ біеніемъ сердца послъдоваль онъ за нею въ залу, и сълъ противъ нея у окна, за которымъ она всегда работала въ пяльцахъ. Усъвшись, онъ ръшился даже спросить ее о здоровьи, и потомъ сказалъ замъчанія два объ удивительной погодъ. Катенька отвъчала улыбаясь и лукаво посматривая на гостя. Онъ сдълалъ еще нъсколько необходимыхъ вопросовъ о главахъ семейства и нотомъ замолчалъ, потому что предисловіе къ разговору было уже истощено. Ему стала помогать сама Катенька.

- Вы не встрътились съ Александромъ Иванычемъ, когда шли къ намъ? спросила она самымъ спокойнымъ тономъ.
- Нътъ-съ, отвъчалъ гость не своимъ голосомъ.
- Какъ же вы разошлись? Онъ именно сказалъ мнъ, что пооъжитъ къ вамъ.
- Я гулялъ, и пришелъ отъ Калинкина моста.
- Въ такомъ случат вы конечно не могли встрътиться.

Зеленьковъ не отвъчалъ ничего, но поднялся съ своего мъста.

- Куда же вы? спросила съ удивленіемъ Катенька.
- Домой. Если Саша такъ торопился ко мнъ, върно ему нужно сказать мнъ что нибудь важное.
- Я и сама могу вамъ сказать это, отвъчала она, также вставая. Пойдемте въ садъ. Тамъ лучше воздухъ и удобнъе разговаривать.

И, не дожидаясь отвъта, она быстро пошла черезъ столовую въ садикъ, знакомый Зеленькову, но гдъ онъ не былъ со дня своего объясненія. Съ опущенною головой шелъ онъ за нею, спотыкаясь на ровномъ мъстъ, собирая всъ силы для предстоящаго разговора, предчувствуя, что онъ будетъ важный и ръшительный.

Дъвушка съла на скамейку, также знакомую гостю. Въ саду было также тепло и хорошо, какъ въ то утро, когда онъ въ первый разъ посътилъ эти мъста. Только петербургская флора развилась въ полномъ блескъ; кустъ бузины красовался бълыми цвътками, мъсто желтаго цикорія заступили одуванчики, на акаціи

также желтъли мелкіе цвъты; широкая ромашка, кажется, приглашала загадать: любить ли меня извъстная особа и даже какъ любить: очень, немного, страстно или нисколько не любить.

- Васъ върно очень интересуетъ узнать, что хотълъ сказать вамъ пріятель, если вы такъ домой заторопились, сказала Катенька, смотря съ боку на своего кавалера и играя въткой жимолости.
- Да, я хотълъ бы знать это, отвъчалъ едва слышно Зеленьковъ.
- А вы въроятно знаете, что онъ говорилъ мнъ?
- Не совствит... Я думаю... я подозртваю...
- Признаюсь, меня очень удивили его слова. . Върно онъ не говорилъ вамъ, о чемъ будетъ объясняться со мною. Иначе вы бы остановили его.
- Я затъмъ и шелъ сюда, думая, что онъ, можетъ быть, не такъ понялъ, не такъ объяснилъ вамъ.
- Нътъ, я все поняла очень хорошо, какъ ни странно было мнъ слышать подобныя вещи. Знаете ли съ чего онъ началъ. Едва поздоровавшись со мною, онъ сказалъ мнъ самымъ грознымъ тономъ: Паша не хочетъ жить со мною, когда я женюсь. Онъ привелъ мнъ на это тысячу глупыхъ причинъ, —извините, это я его слова повторяю, —не сказалъ только одной главной, не сказалъ, потому что онъ очень деликатенъ, но я угадалъ ее. Причина эта—вы.

У Зеленькова потемнъло въ глазахъ. Онъ сидълъ, какъ приговоренный къ смерти, ждя послъдняго удара.

— Да, вы, продолжала Катенька, подражая нъсколько голосу Копельникова. Вы ненавидите Пашу и не стараетесь отъ него скрыть это, обходитесь съ нимъ съ самымъ обиднымъ пренебрежениемъ, тогда какъ онъ искренно уважаетъ васъ, какъ будущую жену своего друга.

Зеленьковъ, не довъряя своимъ ушамъ, поднялъ глаза на Катеньку, думая не смъется ли она.

— И за что вы такъ не любите Пашу? продолжала декламировать дъвушка: изъ-за одного кокетства. Вамъ досадно, что онъ не обращаетъ на васъ вниманія, что онъ когда-то посмъялся надъвами, въ шутку спросивъ, пойдете ли вы за него замужъ.

Она остановилась. Онъ опять смутился, вспомнивъ, что дъйствительно говорилъ это пріятелю. Катенька сказала, посмотръвъ на него пристально:

— Позвольте спросить, когда же это вы мнѣ, хоть шутя, дѣлали подобное предложеніе?

- Навърное не помню, но, мнъ кажется... въ то самое утро... на этомъ самомъ мъстъ.
- Мы говоримъ здъсь всего во второй разъ, и я очень хорошо помню, что мнъ было сказано въ первый. Вы сватали тогда мнъ вашего пріятеля.
- Но я говорилъ это только такъ... аллегорически... Вы хорошо поняли меня, сказавъ, чтобъ пріятель мой, то есть я, и не думалъ о женитьбъ. Если бы вы думали, что я говорилъ о Сашъ, то несогласились бы такъ скоро, на другой же день, выйти за него замужъ.

Краска досады вспыхнула на щекахъ дъвушки. Она отвъчала почти съ гнъвомъ:

— Аллегоріи неумъстны тамъ, гдѣ дѣло идетъ о чувствѣ, особенно если это чувство серьезное. Мнѣ еще простительно было не понять вашихъ обиняковъ. Если же я вечеромъ рѣшилась выйти за того, кому утромъ отказывала, то потому, что потеряла надежду выйти за кого хотѣла, и думала показать ему этимъ скорымъ рѣшеніемъ, что женихи у меня всегда будутъ, и я могу, когда мнѣ вздумается выйти замужъ.

Катенька говорила горячо и быстро, не обдумывая фразъ, не замъчая, что онъ яснъе, нежели бы слъдовало. Зеленьковъ, ожидавшій вовсе не этого, пораженный совершенно неожиданнымъ оборотомъ разговора, переходилъ въ одно мгновеніе отъ радости къ опасенію, отъ счастія къ отчаянію. Не помня себя, онъ вскричалъ въ волненіи:

- Стало быть между нами было только недоразумъніе, и если бы я говорилъ въ тотъ день за себя...
- Я, можеть быть, не отвъчала бы вамъ того, что просила передать вашему пріятелю, сказала Катенька краснъя, видя, что онъ не въ состояніи окончить фразы.

У Зеленькова захватило духъ отъ восторга. Онъ хотълъ уже броситься къ дъвушкъ съ слезами благодарности и счастія, какъ вдругъ страшная мысль мелькнула въ головъ его и заставила поблъднъть.

- И вы все это сказали Сашъ? спросилъ онъ въ ужасъ.
- Я сказала ему только, что не вы сватались за меня, а напротивъ, предлагали его въ мужья... Тогда онъ, наконецъ, кажется все понялъ, по крайней мъръ сильно ударивъ себя въ лобъ, закричалъ; вотъ она настоящая причина и отказа жить со мною

и бользни, и всего! Потомъ онъ убъжалъ отъ меня какъ сумасшедшій, крича: гдъ Паша! я бъгу къ Пашъ.

— Вы меня простите, но я долженъ сдълать тоже самое! вскричалъ Зеленьковъ, задыхаясь отъ волненія чувствъ. Я боюсь за Сашу, и долженъ прежде всего найти его.

И онъ точно также почти бъгомъ бросился изъ сада, едва не опрокинувъ входившаго туда Чушкова, едва успъвъ пробормотать какое-то извиненіе.

- Да что они оба съ ума что-ли сошли? сказалъ старикъ, съ удивленіемъ обращаясь къ дочери. Давича одинъ, теперь другой, летятъ сломя голову, точно бълены объълись!
- Если Павелъ Петровичъ и сходитъ съ ума, то его можно легко вылечить, сказала Катенька, смъясь и вздыхая въ тоже время.
- Да объясни ты мнъ, изъ чего они оба бъснуются сегодня?
- Объясню, когда все кончится. До сихъ поръ мы еще все точно какой водевиль разыгрываемъ.
- Ахъ, матушка! жизнь чаще бываетъ похожа на водевиль, чъмъ водевиль на жизнь, сказалъ старикъ, поднимаясь опять на крыльцо и сталкиваясь въ дверяхъ съ новымъ гостемъ.
- Вотъ тебъ разъ! Александръ Иванычъ! вскричалъ совершенно остолбенъвшій Чушковъ.

Катенька съ удивленіемъ взглянула на блѣдное, встревоженное лице Копельникова, вернувшагося такъ неожиданно.

— На два слова, Акинфій Семенычъ, сказалъ онъ глухимъ, торжественнымъ голосомъ. Васъ, Катерина Акинфіевна, я также прошу не удаляться. Дъло идетъ о ръшеніи судьбы двухъ искреннихъ, но несчастныхъ друзей.

И, послъ такого великолъпнаго приступа, онъ важно сошелъ въ садъ, приглашая жестомъ слъдовать за собою отца и дочь.

Зеленьковъ, вбъжавъ къ себъ въ комнату, не зналъ что и подумать, когда увидълъ, что Саши нътъ дома.

- Развъ онъ еще не возвращался? спросилъ онъ у Прохора.
- Были, да опять ушли; сказали, что скоро вернутся, отвъчалъ лакей.

Это нъсколько успокоило Пашу, хотя онъ и не понималъ, куда могъ уйти его пріятель. Оставалось дожидаться его, и Зеленьковъ ждалъ терпъливо, думая о Катенькъ, о счастіи быть любимымъ ею. Эти мечты нарушала однако печальная мысль, что любовь его напрасна, счастіе невозможно, что еслибъ даже между

ними и не было недоразумънія, онъ бы долженъ былъ пожертвовать своею любовью для счастія друга.

Когда наконецъ въ передней раздался скрипъ двери и голосъ Копельникова, Паша вздрогнулъ и глубоко вздохнулъ, но поднялся съ дивана съ видомъ ръшительнымъ, съ твердымъ намъреніемъ. Онъ приготовился слушать выговоры пріятеля, видъть его печальнымъ и раздраженнымъ. Одного боялся онъ только, чтобъ Саша не отправился къ товарищамъ своимъ съ горя, какъ бывало отправлялся съ радости, и не вернулся бы опять въ такомъ видъ, когда всякое объясненіе становилось невозможнымъ. Каково же было его удивленіе, когда онъ увидълъ, что лице пріятеля сіяло удовольствіемъ, и что онъ напрасно старался придать своей физіономіи серьезное и важное выраженіе.

- Ты давно меня дожидаешься! сказалъ онъ, садясь подлъ Паши. Извини, думалъ что скоръе все кончу. Долго надо было объяснять, да растолковывать.
 - Развъ ты не гулялъ? спросилъ съ удивленіемъ Паша.
- Я быль у Чушковыхъ, отвъчалъ тотъ торжественнымъ тономъ.
 - Во второй разъ?
 - Во второй разъ.
- Но я самъ былъ у нихъ, и только недавно вернулся.
- Не недавно, а часа два тому назадъ. Я пришелъ тотчасъ послъ тебя.
- Какъ же мы не встрътились?
- Я не хотълъ встръчаться съ тобою. Узнавъ, что ты у Чушковыхъ, я выждалъ за воротами, пока ты уйдешь, видълъ какъ ты полетълъ домой и вошелъ вслъдъ за тобою.
- Но для чего же это? зачъмъ ты вернулся къ Чушковымъ, когда уже былъ дома?
- Всего вдругъ не придумаешь Не найдя тебя дома, я обдумалъ на досугъ наше положеніе, ръшилъ, что надо дълать, и какъ для этого необходимо было согласіе Чушковыхъ, то и отправился опять къ нимъ, чтобъ кончить сегодня же эту исторію, эти экивоки, которые и безъ того ужъ были слишкомъ продолжительны.
- Но какую исторію, какіе экивоки? говорилъ Зеленьковъ въ удивленіи.

При этомъ вопросъ Копельниковъ вскочилъ съ дивана и сталъ передъ пріятелемъ въ несовсъмъ живописной позъ, раздвинувъ ноги, сложивъ руки на груди.

- Чтожъ ты думаешь, я слъпъ, я безчувственъ? вскричалъ онъ съ жаромъ. Ничего не вижу, ничего не понимаю? Да еслибъ это и было, развъ не твоя обязанность открыть мнъ глаза, сказать все прямо и откровенно пріятелю? Развъ такъ поступаютъ истинные друзья? Для чего же ты столько времени разъигрывалъ со мной комедію?
- Какую комедію? спросилъ едва слышно Зеленьковъ.
- Какую? А развъ ты не любишь Катеньку Чушкову? Развъ ты не отъ этого хотълъ бросить меня?

И подождавъ нъсколько времени отвъта пріятеля, покраснъвшаго до-нельзя, Копельниковъ продолжалъ ораторскимъ тономъ:

- Если я не догадывался объ этомъ, развъ ты не долженъ былъ предупредить меня? Развъ хорошо было съ твоей стороны заставлять меня свататься на дъвушкъ, которую ты любилъ и которая тебя любила?
- Это неправда... Если она мнъ и нравилась, то я не говорилъ ей объ этомъ ни слова.
- Очень нужны туть слова. Ты бы могь прямо говорить ей, что терпъть ее не можешь, и она все-таки не повърила бы тебъ. На это у дъвушекъ особое чутье есть.
 - Но она не могла полюбить меня.
- Объ этомъ ты ужъ предоставь мнъ судить. Если бы она не любила тебя, то не согласилась бы такъ скоро выйти эа тебя замужъ.
- Что ты сказалъ? вскричалъ Зеленьковъ почти въ испугъ.
- А то, что завтра же утромъ мы отправимся вмѣстѣ къ Чушковымъ, и я представлю тебя твоей невъстѣ и тестю. А чтобъ и эта свадьба не могла разстроиться, то вечеромъ старики рѣшили сдѣлать обрученіе.

Паша посмотрълъ на пріятеля такъ, какъ будто тотъ серьезно предлагалъ ему мъсто богдыхана.

— Что ты на меня уставился, точно думаешь, что я брежу. Говорять тебъ, что все уже ръшено и устроено! Неужели ты полагаль, что я приму отъ тебя жертву, захочу сдълать тебя несчастнымъ? Ты знаешь, что мнъ все равно было на комъ ни жениться. Я всегда могу сдълать это, когда вздумается, потому что мнъ нужна только жена, а не именно Катенька. Я ни минуты не задумывался, когда узналъ, что вы любите другъ друга; но надо было уговорить стариковъ на перемъну жениха, и вотъ зачъмъ я

вернулся во второй разъ къ Чушковымъ, подумавъ, что тебъ самому трудно объясняться, и что будетъ лучше, если я самъ все обдълаю. Я такъ и сдълалъ: разсказалъ старику все недоразумъніе, отказался отъ Катеньки и просилъ замънить меня тобою. Правда, сначала старикъ упрямился, говорилъ, что это нехорошо, что объ этомъ будутъ дурно отзываться знакомые, что такъ только въ театръ дълаютъ. Надо было долго его уговаривать. Я попросилъ Катеньку помочь мнъ, и дъло было тотчасъ же слажено. Право, ты не стоишь того, чтобъ и она и я такъ любили тебя!

Вмъсто отвъта Зеленьковъ бросился на шею къ пріятелю и слезы градомъ брызнули изъ глазъ его.

- Нѣтъ, Саша, нѣтъ, я не приму этой жертвы! говорилъ онъ, рыдая и судорожно обнимая Копельникова.
- Какъ же! такъ тебя и будутъ слушаться! отвъчаль тотъ, взволнованный не меньше Паши. Да я бы тогда тебя тутъ же бросилъ, въ глаза бы назвалъ неблагороднымъ человъкомъ. Разомъ бы ты и невъсту, и пріятеля потерялъ. Лучше и не говори мнъ о своихъ деликатностяхъ. Все это одна дребедень. Никакихъ тутъ резоновъ быть не можетъ. Будешь много разговаривать, такъ я тебя насильно женю!

Паша нашелъ однакоже нъсколько резоновъ, и Копельникову предстоялъ еще трудъ опровергать ихъ. Пріятель впрочемъ защищалъ очень слабо свои возраженія. Кончилось, разумъется, тъмъ, что на другой день Зеленькова обручили, и свадьба была назначена въ первыхъ числахъ іюля.

VI.

Исторія наша могла бы кончиться счастливою свадьбою, какъ обыкновенно оканчиваются почти вст исторіи, но кромт двухъ героєвъ ея въ ней былъ еще одинъ герой—паукъ, о которомъ мы почти ничего не говорили, хотя онъ уже являлся на сцену.

Разсказъ нашъ пойдетъ теперь быстро, потому что онъ будетъ неутъщителенъ, а обо всемъ, что неутъщительно, не зачъмъ распространяться. Зачъмъ подробно описывать такія картины, которыя и въ жизни невесело видъть? Въ жизни еще онъ имъютъ свой смыслъ, свое значеніе; онъ тамъ часто необходимы для полнаго впечатлънія, производимаго всею жизнью, для поученія неръдко высокаго и нравственнаго, которое можно извлечь изъ исторіи цълой жизни. Въ короткомъ разсказъ, представляющемъ только

одинъ эпизодъ, печальныя картины могутъ произвести тяжелое впечатлъніе, не достигнувъ своей цъли.

Въ нашемъ разсказъ впрочемъ нътъ другой цъли, кромъ той, чтобъ передать читателямъ происшествіе, случившееся нъкогда на Матисовомъ островъ и въ Лоцманской улицъ, и пусть отъ него неожидаютъ ничего, кромъ того, что имъ объщало заглавіе, то есть «Исторіи одного паука и двухъ пріятелей.»

Въ концъ лъта оба пріятеля были необыкновенно счастливы. Одинъ былъ женатъ на хорошенькой и повидимому доброй дъвушкв, другой радовался счастью своего друга и утвшался мыслью, что онъ главный виновникъ этого счастія. Жили они вмъстъ, въ деревянномъ домикъ съ желтыми ставнями, въ Лоцманской улицъ, жили въ довольствъ веселые, спокойные. У молодыхъ была своя особая комната, у пріятеля своя, у тестя и тещи тоже; общими комнатами была зала и столовая, куда вст члены семейства сходились по нъскольку разъ въ день объдать, пить чай, принимать гостей, толковать между собою. Молодая была очень мила и перемъняла въ день по пяти чепчиковъ. О Зеленьковъ и говорить нечего: онъ просто всякій день плакалъ отъ умиленія. Старики не могли нарадоваться на своихъ детей. Копельниковъ пересталъ ходить по вечерамъ въ гости къ товарищамъ и не думалъ о женитьбъ, говоря, что ему такъ хорошо въ этомъ семействъ, что своего заводить ровно не для чего.

Тоже самое было и въ концъ осени. Гамлетъ сказалъ бы, что эдакъ можно, пожалуй, поручиться и за годъ человъческаго счастія. Года однакоже оно не выдержало.

Къ первой семейной буръ послужило поводомъ обстоятельство, случившееся еще до свадьбы. Невъста пріъзжала не разъ съ отцомъ или матерью къ своему жениху, на Матисовъ островъ. Въ одно изъ такихъ посъщеній, когда женихъ толковалъ о чемъ-то съ тестемъ въ другой комнатъ, а пріятель показывалъ невъстъ ихъ хозяйство и объяснялъ занятія, Копельниковъ сказалъ, показывая на пюпитръ съ нотами:

- А вотъ здъсь, Паша, бывало, на скрипкъ по цълымъ часамъ игралъ; теперь конечно ему не до того; коли не съ вами амурится, такъ по васъ вздыхаетъ; совсъмъ забылъ свою музыку. То-то я думаю его паукъ скучаетъ.
 - Паукъ? Какой паукъ? вскричала въ испугъ невъста.
- Да тотъ, что за картиной сидитъ. Развъ вамъ Паша не разсказывалъ, что у него есть ручной паукъ?

- Какъ, ручной?.. Что это значитъ?.. Я ничего не знала, говорила Катенька, блъднъя все болъе и болъе.
- A я думалъ, что онъ, толкуя съ вами о разныхъ букашкахъ, и о паукъ разсказывалъ, сказалъ добродушно пріятель.
- Нътъ, никогда. Я говорила, что терпъть не могу этихъ отвратительныхъ животныхъ... На что онъ себъ паука завелъ?
- Онъ не заводилъ его, а увидълъ разъ, года четыре тому назадъ, какъ паукъ висълъ надъ нимъ, когда онъ на скрипкъ игралъ. Сначала это его заняло; онъ не велълъ трогать паука, потомъ такъ привыкъ къ нему, что самъ сталъ объ немъ заботиться, таскалъ ему мухъ, и паукъ сдълался такой ручной, что даже сидълъ у него на рукъ.
- Фи, какая гадость! закричала невъста пронзительнымъ дискантомъ. Павелъ Петровичъ! Павелъ Петровичъ!

Испуганный женихъ прибъжалъ на этотъ крикъ вмъстъ съ тестемъ. Она обратилась къ нему съ вопросомъ и упреками:

— Что это? помилуйте, Павелъ Петровичъ... Какъ вамъ не стыдно? Зачъмъ это вы паука у себя откармливаете?... Онъ ядъ изъ себя выпускаетъ... чудовище этакое!

Неизвъстно, къ пауку или къ Зеленькову относилась послъдняя фраза, но Зеленьковъ сильно поблъднълъ, также неизвъстно, отъ гнъва ли невъсты, или боязни за участь паука. Трепещущимъ голосомъ началъ онъ объяснять, что невсъ пауки ядовиты, что, напротивъ, это очень интересное насъкомое, очень умное, любитъ музыку, и что самъ онъ очень привыкъ къ нему; невъста не хотъла слушатъ никакихъ возраженій, сказала, что со стороны жениха очень гадко держать у себя паука, и что она будетъ очень рада избавиться отъ такого сквернаго звъря, когда Зеленьковъ переъдетъ къ нимъ, гдъ ужъ она, конечно, не позволитъ ему разводить пауковъ.

Женихъ опустилъ голову послѣ такого рѣшительнаго приговора. Пріятель его подумаль что невѣста-то съ характеромъ, тесть замѣтилъ, что его дочка «немножко съ душкомъ», что теперь ей это простительно, потому что дома ее всегда баловали, но что мужъ, конечно, передѣлаетъ ее, заставитъ плясать по своей дудкъ. На это Зеленьковъ не отвѣчалъ ничего, но пріятель его очень основательно замѣтилъ, что Паша плохо играетъ даже на скрипкъ.

Объ этомъ непріятномъ обстоятельствъ, пробъжавшемъ тънью между женихомъ и невъстой, въ послъдствіи не было вирочемъ

и помину. Только когда начали перевозить вещи въ домъ невъсты, женихъ спросилъ ее самымъ нъжнымъ голосомъ: можетъ ли онъ новъсить надъ письменнымъ столомъ, въ углу кабинета, отдъленнаго отъ спальни молодыхъ не глухою перегородкою, картину, изображавшую «экстазъ»?

Невъста нахмурила немножко брови и отвъчала:

— Какую это? Не ту ли, за которой сидълъ вашъ паукъ? Нътъ, ужъ сдълайте одолженіе, оставьте ее тамъ вмъстъ съ паукомъ. Она же вовсе не такъ прилична, чтобъ ей висъть у женатаго человъка. Я вамъ за это подарю пейзажъ, который рисовала пятнадцати лътъ. Это будетъ самое приличное украшеніе надъващимъ письменнымъ столомъ.

Зеленьковъ поцъловалъ еще руку за такой пріятный подарокъ отъ невъсты,—и пейзажъ, въ золоченой рамкъ, изображавшій какую-то башню съ ручейкомъ внизу и облаками наверху, рисованный чернымъ карандашемъ, гордо вознесся надъ письменнымъ столомъ молодаго. А бъдный «Экстазъ» былъ подаренъ одному знакомому, большому любителю литографій, на которыхъ разныя дъвицы надъваютъ чулки или шнуруются.

Только въ последнюю ночь, проведенную женихомъ въ его старой квартиръ, когда Копельниковъ спалъ самымъ сладкимъ сномъ, отпраздновавъ вечеромъ въ послъдній разъ прощанье пріятеля съ холостою жизнью, почти въ совершенно опустълой комнать, подъ окномъ, надъ которымъ печально висъла одинокая картина, долженствовавшая на утро переменить владельца;-въ эту ночь, довольно темную, потому что на дворъ была гроза съ проливнымъ дождемъ-неожиданно раздались тихіе звуки скрипки, на которой подъ сурдину игралъ что-то заунывное кто-то весь въ бъломъ. Сквозь неясный сумракъ іюльской ночи, сдълавшейся еще темнъе отъ грозовыхъ тучъ, можно было съ трудомъ различить, что дълала эта фигура, остановившаяся послъ нъсколькихъ минуть игры, протянувшая руку къ верху, потомъ быстро сжавшая эту руку, и неслышными шагами отправившаяся къ дивану, на которомъ обыкновенно спалъ Зеленьковъ, при чемъ раздался дегкій стукъ, какъ будто кто нибудь быстро захлопнулъ картонную коробочку. Ночь и буря заглушили и скрыли все въ ту минуту, какъ бълая фигура подходила къ дивану.

На другой день утромъ женихъ одинъ устраивалъ все окончательно у себя въ кабинетъ и остался всъмъ чрезвычайно доволенъ. Съ тъхъ поръ прошло около пяти мъсяцевъ, и ясный горизонтъ супружескаго счастія не помрачался ни однимъ облакомъ. Если жена была иногда немножко капризна, за то мужъ былъ уже слишкомъ уступчивъ, а въдь говорятъ же, что для полнаго супружескаго счастія необходимы контрасты въ характерахъ.

Прежде встхъ однако же перемънился Копельниковъ. Уступая невъсту пріятелю, онъ увъряль его, что не чувствуеть къ ней никакого расположенія. Въ жару самоотверженія онъ старался убъдить самъ себя, что совершенно равнодушенъ къ ней, хотя въ теченіи почти мъсяца, видясь съ нею всякій день по праву жениха, онъ привязался къ ней, какъ только могла привязаться его натура. Конечно, не обладая такою тонкостью чувствъ какъ Зеленьковъ, онъ не видълъ необходимости бъжать отъ Катеньки, но нередко въ разговоре съ нею ему делалось до того тяжело, что онъ уходилъ изъ дому бродить куда глаза глядять, думать о томъ, отчего изъ встать рекомендуемыхъ невтесть ни одна не похожа на Катеньку. Иногда даже приходила ему мысль: хорошо ли онъ сдълаль, что принесъ такую жертву человъку, который любиль какъ-то спокойно и вяло; это заключаль онъ изъ того, что Паша никогда ни при комъ не ласкалъ свою жену, и обходился съ нею вообще очень застънчиво. Саша иначе понималъ любовь, и говориль, что онъ съ своей женой просто всякую бы минуту цъловался. Катерина Акинфіевна смъялась и находила, что это уже слишкомъ, и что нужно же чъмъ нибудь и другимъ заниматься.

Въ самой Катенькъ не было замътно особенной перемъны. Она была очень ласкова съ мужемъ, хотя и не показывала этого при другихъ. Принявъ съ первыхъ же дней свадьбы тонъ полной госпожи въ домъ, она не терпъла противоръчій, но какъ ихъ и оказывали ей, то она не имъла случая выказать ту сторону характера, которую отецъ такъ снисходительно называлъ «душкомъ». Этотъ недостатокъ, соединенный съ особымъ пристрастіемъ къ чепчикамъ, которыхъ она развела огромное количество, и съ нъкоторою наклонностью къ лъни—выкупался въ ней мастерскимъ умъньемъ хозяйничать и управлять цълымъ домомъ.

Не смотря на совершенное, повидимому, счастіе, влюбленный по уши въ жену свою, Зеленьковъ однако же измѣнился еще замѣтнѣе. Онъ до того подчинился женѣ, что, казалось, не только во всемъ слушался, но даже боялся ее. Иногда эта робость переходила просто въ испугъ, особенно когда она неожиданно заставала его одного въ кабинетъ и обращалась къ нему съ ка-

кимъ нибудь вопросомъ. Сама Катерина Акинфіевна находила даже, что это не хорошо и странно. Онъ почти совсъмъ оставилъ также скрипку, на что, впрочемъ, не жаловалась его жена, немного любившая и еще меньше понимавшая музыку. Въ теченіе этихъ пяти мъсяцевъ онъ едва ли пять разъ брался за скрипку, и то въ такое время, когда жены не было дома. Тогда онъ запирался въ кабинетъ, принималъ всъ предосторожности, чтобъ его никто не увидълъ, и игралъ свои старинные концерты. Игра его была неровна и отрывиста, и онъ никогда уже не предавался ей съ прежнимъ увлеченіемъ, напротивъ поминутно останавливался, вздрагивалъ и боязливо оглядывался по сторонамъ, какъ будто боясь, чтобъ кто нибудь его не подслушаль. Жена застала его однажды за этимъ занятіемъ, но сперва должна была стучаться къ нему въ кабинетъ, сильно нахмурила брови и сказала, что запираться на заможь вовсе не следуеть, и что могуть подумать будто онъ невъсть-что дълаетъ. Супругъ съ тъхъ поръ не запирался, но за то и не брался почти за скрипку.

Однажды, въ концъ декабря, Зеленькову нездоровилось. Его жена съ отцемъ и матерью отправились на имянины къ знакомымъ, гдъ хотъли пробыть весь вечеръ. Зеленьковъ остался въ цъломъ домъ одинъ; Копельниковъ былъ тоже въ гостяхъ.

Пашъ сдълалось отчего-то очень грустно. Долго сидълъ онъ въ раздумьи; мысли его улетали невъсть куда. Ему вздумалось, какъ въ прежнее время, поиграть на скрипкъ въ такомъ тяжеломъ расположении духа. Онъ зажегъ свъчку, придвинулъ къ письменному столу пюпитръ и разложилъ на немъ запыленные, давно забытые ноты цедурнаго концерта Роде.

Въ этотъ вечеръ Зеленьковъ игралъ съ особеннымъ чувствомъ, чего съ нимъ давно не было. Слезы давили ему грудъ, наплывали на глаза; онъ принужденъ былъ остановиться отъ волненія...

Тогда увидълъ онъ, что передъ его глазами качается знакомый паукъ, выползшій изъ-за пейзажа въ золоченой рамъ. Если бъ Паша замътилъ его раньше, онъ увидълъ бы, что паукъ очень недовърчиво совершалъ свое путешествіе, и даже теперь, спустившись по паутинъ, цъплялся за нее всъми восемью лапками, готовый при малъйшей опасности убраться на верхъ.

Зеленьковъ бросилъ скрипку и обратился къ пауку съ трагическимъ монологомъ:

— Что, отаднякъ? Не весело тебт въ этой комнатъ, за этой золоченой картиной? Нътъ тебт прежняго пріюта и довольства. Долженъ ты цълый день прятаться, и только ночью бродить по пустымъ карнизамъ, гдъ не встрътишь ни одной порядочной мухи. И играть-то я не смъю, боясь, что ты того и гляди, покажешься при комъ нибудь послушать моей музыки, такъ тебя, пожалуй, со свъта сживутъ. Жаль мнъ тебя, а дълать нечего. Только ты мнъ одинъ и остался памятью прежняго времени; оттого я такъ и берегу тебя. Не могу я по старому видъться съ тобою, такъ по крайней мъръ, не позволяю никому и гнать тебя, и на этотъ счетъ ты можешь быть спокоенъ: отъ цълаго свъта защищу тебя. Поди же ко мнъ, бъднякъ, вспомни старое.

И Паша протянуль къ пауку руку, на которую тотъ влѣзъ однако же не тотчасъ, а сомнительно покачавшись на паутинъ и опустивъ поперемънно на ладонь сначала первую пару лапокъ, потомъ вторую, третью и наконецъ четвертую. Зеленьковъ началъ одобрять его разными ласкательными именами; паукъ очевидно не очень довърялъ уменьшительнымъ и нъжнымъ названіямъ.

Вдругъ въ ту самую минуту когда Паша, принявъ паука на ладонь, подносилъ его ближе къ лицу, пронзительный крикъ оглушилъ всю комнату. И у паука и у Зеленькова отъ страха подогнулись ноги; первый опомнился скоръе и быстро полъзъ вверхъ по паутинъ спрятаться за пейзажъ. Паша оглянулся: передъ нимъ съ пылающими глазами и щеками стояла его жена, за нею Копельниковъ, смущенный и испуганный не менъе хозяина.

— Вотъ оно что! кричала Катерина Акинфіевна, совершенно выходя изъ себя. Вотъ вы чъмъ здъсь одни занимались! Вотъ для чего вы и прежде запираться изволили! Вотъ какъ вы меня любите и слушаетесь. Притащить сюда этого мерзкаго паука, спрятать его въ моей комнатъ, за моей картиной, моимъ подаркомъ! Слыханное ли это дъло!.. Смъете ли вы послъ этого инъ въ глаза смотръть?..

Катерина Акинфіевна остановилась, потому что задыхалась отъ крика и волненія. Зеленьковъ не могъ сказать ни слова. Онъ никогда еще не видалъ свою жену такою грозною и не понималъ, отчего съ нею могла произойти такая перемъна.

— Что же вы мнѣ ничего не говорите? продолжала супруга. Совъсть у васъ языкъ отняла. Я хочу знать, чѣмъ вы оправдаете ваше поведение въ отношении ко мнъ? Чѣмъ вы можете оправдать его?

- Но помилуй, Катенька, изъ чего такъ сердиться? сказалъ наконецъ Паша. Что я за преступленіе сдълалъ? Что за обда, что я паука сюда перенесъ. Я привыкъ къ нему; онъ былъ причиной, что я порядочно на скрипкъ играю; видя какъ онъ слушаетъ меня, я чаще игралъ и старался больше развивать свой вкусъ...
- Скажите, пожалуйста, какія милыя оправданія! прервала супруга, обращаясь на этоть разъ къ Копельникову. Онъ привыкь! Онъ черезъ паука музыкъ научился!.. Но какое мнъ дъло до вашихъ привычекъ, до вашей музыки. Вы знали, что я тернъть не могу пауковъ. Отвъчайте знали ли вы это?
- Я даже именно просила васъ этого паука оставить на вашей старой квартиръ. Вы помните это?
 - Помню, только...
- Туть нъть никакихъ ни ио, ни только. Вы знали и поменили, стало быть для васъ нъть оправданія. Вы виноваты кругомъ. Я давно подозръвала, что вы скрываете отъ меня что нибудь, что у васъ есть тайна отъ меня, что вы меня обманываете низкимъ образомъ. Я давно подсматриваю за вами, и очень рада, что поймала наконецъ при свидътеляхъ. Теперь вамъ долго надо будетъ вымаливать и заслуживать у меня прощенія, и я не знаю, прощу ли я васъ когда нибудь, если вы мнъ не докажете самато полнаго и искренняго раскаянія... Вы начнете съ того, что сію минуту при моихъ же глазахъ достанете изъ-за картины вашего отвратительнаго паука и сами разда́вите его на этомъ же мъстъ.

Холодный потъ выступилъ на лбу Зеленькова; онъ поблъднълъ какъ мертвецъ, и отвъчалъ глухимъ, дрожащимъ голосомъ:

— Я никогда и не за что на свътъ не сдълаю этого.

Катерина Акинфіевна поблъднъла въ свою очередь. Стиснувъ зубы, подошла она къ Пашъ и сказала самымъ зловъщимъ тономъ:

- Вы не сдълаете этого?
- Нътъ! отвъчалъ ръшительно супругъ.
- Хорошо же. Вы сами уничтожаете послъднюю надежду, чтобъ я простила васъ. Найдутся другіе люди, которые окажутъ мнъ эту услугу и избавять меня отъ гадкаго паука.

И обратившись къ Копельникову она сказала ему голосомъ, вдругъ перемънившимся на самый нъжный и очаровательный: — Александръ Иванычъ! Вы върно не откажетесь сдълать мнъ самое чувствительное одолженіе, за которое я буду вамъ въчно благодарна, и убъете это мерзкое животное.

Копельниковъ, съ самаго начала этой сцены игравшій незавидную роль, смутился еще болье отъ неожиданнаго предложенія и взглянуль на пріятеля съ умоляющимъ выраженіемъ. Тотъ отвъчаль за него спокойнымъ тономъ:

— Саша никогда не сдълаетъ этого. Онъ знаетъ, что исполнить вашу просьбу — значитъ не только огорчить меня на всю жизнь, но разорвать навсегда нашу дружбу, уничтожить всъ сношенія между нами.

Копельниковъ опустилъ голову и молчалъ.

— Я понимаю, что просьбы женщины для васъ равно ничего не значать, сказала Катерина Акинфіевна, подождавъ съ минуту отвъта. Но ваше потворство моему мужу заставляеть меня прибъгнуть къ помощи людей.

И ставъ въ дверяхъ она ръзкимъ, сильнымъ голосомъ закричала:

— Матрена! Прохоръ!

Люди явились, испуганные неожиданнымъ призывомъ, странною сценою, гиъвомъ барыни. Она приказала имъ тотчасъ же достать изъ-за картины паука и раздавить его.

— Перваго, кто дотронется до этой картины я выгоню въ ту же минуту, сказаль хозяинъ.

Люди остановились въ недоумъніи. Катерина Акинфіевна потеряла ръшительно всякое терпъніе. Она начала жаловаться на судьбу, сердиться на людей, кричать на Пашу. Почувствовавъ все неприличіе этой сцены, Зеленьковъ выслаль людей изъ комнаты такимъ тономъ, что они не посмъли непослушаться.

— Вамъ осталось только меня выгнать! вскричала супруга, совершенно выходя изъ себя. Я однакоже не доставлю вамъ этого удовольствія и уйду сама, но съ тъмъ, чтобъ никогда сюда не возвращаться. Александръ Иванычъ! я прошу васъ уступить мнъ вашу комнату, и занять эту; надъюсь, что дружба не можетъ помъщать вамъ исполнить покрайней мъръ эту просьбу?

Саша молча поклонился.

— Вы потрудитесь теперь же помочь мнъ и людямъ перенести все необходимое, чтобъ провести какъ нибудь сегоднишнюю ночь. Завтра мы устроимся какъ слъдуетъ.

И обратясь къ Пашъ, она прибавила голосомъ задыхающимся отъ гиъва:

— Желаю вамъ счастливо оставаться съ вашимъ паукомъ, который для васъ дороже жены. Помните, что съ этой минуты все между нами кончено!

И разгиъванная супруга отправилась за перегодку забирать свои чепчики и другія принадлежности. Зеленьковъ стояль безъ движенія во все время покамъсть продолжалось переселеніе. Онъ не слыхаль ничего, ни возгласовъ жены, немогшей удержать своего гиъва, ни увъщаній пріятеля, совътовавшаго ему уступить желанію Катеньки, ни просьбъ и уговоровъ стариковъ, вернувшихся позже съ имянинъ и также явившихся мирить супруговъ. Онъ не отвъчаль ни слова, и видя его безмолвное отчаяніе, старики ръшились оставить его въ поков до завтрашняго дня.

Зеленьковъ до разсвъта просидълъ неподвижно на стулъ у своего пюпитра. Копельниковъ, потерявшій надежду склонить его на уступку, ушелъ спать за перегородку.

Съ первыми лучами свъта Паша одълся и ушелъ, заперевъ сначала дверь перегородки, (изъ спальни былъ другой выходъ въ столовую) потомъ другую дверь къ себъ въ кабинетъ и ключъ взялъ въ карманъ.

Тоже самое дѣлалъ онъ потомъ всякій день неизмѣнно и акуратно. Съ этихъ поръ рушился навсегда семейный миръ между супругами. Ихъ могли только уговорить не дѣлать огласки, не расходиться, и для свѣта жить попрежнему. Впрочемъ въ гости они ѣздили порознь, у себя принимали гостей тоже порознь, и то и другое дѣлалось кромѣ того въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Дома они сходились только за обѣдомъ и то не всегда, потому что Паша часто необѣдалъ. Здоровье его, никогда не бывшее въ цвѣтущемъ положеніи, было сильно потрясено этимъ происшествіемъ и дѣлалось замѣтно слабѣе и слабѣе. Онъ сдѣлался еще неразговорчивѣе и угрюмѣе, и даже пріятель часто не могъ добиться отъ него ни одного слова.

Такъ прошло больше мъсяца. И тесть, и теща, и дочь ихъ, и даже пріятель надъялись, что Паша уступитъ наконецъ и принесеть паука въ жертву покрайней мъръ семейному спокойствію. Паша не уступалъ.

Тогда Катерина Акинфіевна прежде всего рѣшилась достигнуть своей цѣли и для достиженія ея выбрала своимъ орудіемъ Копельникова. Была ли это простая прихоть, или она хотѣла вдвойнѣ наказать Пашу, заставивъ его пріятеля погубить паука,—исторія объ этомъ умалчиваетъ.

Зеленьковъ, возвратившись однажды изъ должности, нашелъ на своемъ письменномъ столъ раздавленнаго паука, акуратно положеннаго на бълой бумажкъ.

Бъднякъ упалъ какъ пораженный громомъ. Его подняли и привели въ чувство. Первымъ вопросомъ его было:

— Саша! это ты?

Саша опустилъ голову. Съ Пашей сдълалась сильная горячка. Его спасли, но выздоровление продолжалось нъсколько мъсяцевъ. Жена ходила за нимъ и говорила, что теперь, когда причина ихъ ссоры не существуетъ, она все прощаетъ ему, все забываетъ; больной не отвъчалъ ни слова. Другъ плакалъ у его постели, просилъ прощенія, твердилъ что страшно виноватъ передъ нимъ, что постарается всею жизнью искупить свое невольное преступленіе, больной молчалъ и отворачивался.

Когда онъ всталъ съ постели, доктора объявили, что ему надобно долго беречься и не выходить на воздухъ, тъмъ болъе, что зима въ тотъ годъ стояла морозная съ сильными вътрами. Но Зеленьковъ на другой же день, не смотря на всъ просьбы, слезы и увъщанія, взялъ съ собою свое маленькое имущество и переъхалъ куда-то на Пески...

Не долго однакоже пожилъ онъ своимъ домомъ. Весь конецъ зимы онъ прохворалъ, а съ первыми днями весны умеръ, какъ только прошелъ невскій ледъ.

Передъ смертью, къ нему не разъ прівзжала жена и пріятель; оба плакали горько и просили вовсемъ прощенія. Зеленьковъ простиль жену, но не хотьль простить пріятеля.

Въ короткое время Копельниковъ перемънился до того, что его нельзя было узнать. Онъ не скрывалъ ни передъ къмъ, что его страшно мучаетъ совъсть, и что онъ часто по ночамъ видитъ одинъ и тотъ же ужасный сонъ: огромный паукъ, ростомъ съ быка, опутываетъ его толстыми, клейкими сътями, изъ которыхъ Копельниковъ никакъ не можетъ вырваться, обхватываетъ его восемью мохнатыми ногами и начинаетъ страшными клещами рвать его голову и сосать изъ нея кровь... Бъднякъ говорилъ, что невозможно словами передать страданій, какія онъ испытываетъ во время этого сна. Онъ не могъ оставаться въ Петербургъ, и послъ полугодовой жизни въ этомъ городъ, уъхалъ куда-то въ Сибиръ, гдъ пропалъ безъ въсти.

Говорятъ, что передъ его отътздомъ молодая вдова дълала ему вовсе не темные намеки на то, что вотъ теперь она свободна,

что онъ быль уже прежде ея женихомъ и имъеть большія права на ея руку; называла его даже неблагодарнымъ и безчувственнымъ, но все это не помогло, и Копельниковъ все таки уъхалъ. Впрочемъ, это говорятъ враги Катерины Акинфіевны, а ея друзья не нахвалятся любезностью и обходительностью молодой вдовы, теперь уже, повидимому, совершенно забывшей и о Копельниковъ, и о Пашъ, и о паукъ, ничтожной причинъ, отъ которой произошли такія важныя послъдствія...

CONTRACTOR BUT OF THE OTHER CHARGE TO LOOK AND THE CONTRACTOR OF T

Construções e especiales de la composição de la composição de la construção de construções de construções de construções de la construções

anuti verinak aktista eksem i samak in 43 is Asista di to pilat de asist

esione de 1690e estructura arten en la latera esta esta esta en la latera en la latera en la latera en la late La latera en la late

The man arma on the country and one of a sample of the country of the country of

erion arcon decara Oquicil and historia and angul on an Origin of a

виадимиръ зотовъ.

три стихотворенія

on and Antonio de la laboración de contra contra con esta contra activa de la contra c

н. п. грекова.

to the other posts homenate to make an any colors and

TOHOAL.

Теполь стройный, тополь южный Надъ могилою стоитъ:
Онъ ее росой жемчужной Утро каждое кропитъ;
И порой онъ весь трепещетъ, Будто полонъ грусти онъ, Будто листьями онъ шепчетъ Про могильный, тихій сонъ. Но когда сольетъ свой пламень Утра съ небомъ голубымъ:
Осъняя дикій камень,
Тихо плачетъ онъ надъ нимъ.

RILONAM.

Весной, волшебною весной Мит снится много сновъ: То вижу лучъ я за рткой, То тънь густыхъ лъсовъ, То слышу, какъ шумитъ волна, Какъ свищетъ соловей...

И все она, вездѣ она,

И все стремлюсь я къ ней!
И вмѣстѣ мы идетъ туда,
Гдѣ лугъ и свѣтлый прудъ,
Гдѣ идутъ липы въ два ряда
И ландыши ростутъ.
И долго милыя черты
Мнѣ грезятся потомъ...
А ужъ надъ ней блестятъ цвѣты
На холмѣ гробовомъ!..

Какъ ты разительно похожа на нее И красотой своей, и станомъ, и ръчами! О, какъ ты увлекла знакомыми чертами Воображение кипучее мое!

Я съ жадностью ловилъ твой каждый взоръ и звукъ, И взоромъ каждое слъдилъ твое движенье; Я на тебя смотрълъ съ восторгомъ упоенья, Я слышалъ ръчь твою съ волненьемъ тайныхъ мукъ.

Увы! въ мгновенья тѣ, когда твои уста Знакомымъ голосомъ такъ сладко мнѣ звучали: Уста, которыя тебя напоминали Давно уже, давно умолкли навсегда!

Они ужъ кончили съ страданьями борьбу; Они ужъ отцвъли,—и сердце, гдъ таилось, Тамъ много нъжныхъ чувствъ: давно уже не билось, Давно точилъ его могильный червь въ гробу!

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНЪ

. И. ПЕЦА, нынъ ф. СТЕЛЛОВСКАГО.

въ Большой-Морской, въ домп Лауферта.

для пънія.

АЛЯБЬЕВЪ. Не задумывайся мой другь. (50 к.) БУЛАХОВЪ. Колыбельная пѣсенка. (50 к.)

ВЕЛЬБОЛ. Романсы и пѣсни: № 1. Я васъ любила безнадежно. (70 к.) № 2. Ахъ зачѣмъ меня силой выдали. (70 к.) № 3. Дуэтъ «Моряки». Не людимо наше море. (1 р. 15 к.) № 4. Взошелъ на небо мъсяцъ ясный. (75 к.) № 5. Волшебный мракъ отрадной ночи. Дуэтъ. (1 р. 15 к.)

вителяро. Кто слышаль, тоть вась не забудеть. Экстромть, написанный въ отвъть романсу: «Ты скоро меня позабудень.» (75 к.) Віють витры, віють буйны. Малороссійская пъсня. (40 к.)

ГЕЙТЕНЪ. Я любилъ васъ сердцемъ. (40 к.)

ГЛИНКА. Прощаніе съ Петербургомъ. Собраніе 12-ти романсовъ, слова Кукольника. Новое изданіе. № 1. Кто она и гдѣ она. (60 к.) № 2. Съ горныхъ странъ палъ туманъ. (50 к.) № 3. О дѣва чудная моя! (85 к.) № 4. Давно ли роскошно. (85 к.) № 5. Спи, мой ангелъ, почивай. (85 к.) № 6. Дымъ столбомъ, кипитъ, дымится пароходъ. (1 р. 40 к.) 7. Стой мой вѣрный бурный конь. (1 р. 30 к.) № 8. Уснули голубыя. (85 к.) № 9. Прости! (60 к.) № 10. Жаворонокъ. (85 к.) № 11. Не требуй пѣсень отъ пѣвца. (85 к). № 12. Прощайте, добрые друзья. (85 к.) Романсы и пѣсни. Новое изданіе: Не называй ее небесной. (1 р.) Сомнѣніе: Уймитесь волненія страсти. (85 к.) Къ ней! Романсъ-Мазурка. (75 к.) Не искушай меня безъ нужды. (50 к.) Только узналъ я тебя. (50 к.)

ГУРИЛЕВЪ. Богъ съ вами! романсъ. (50 к.) Майскія ночи. (70 к.) Разскажи миѣ старичекъ. (40 к.) Минуту свиданья лови! (50 к.) Долго ли же будешь, сердце, ты томиться. (50 к.) Съ пѣсней душа улетитъ. (60 к.) Мѣсяцъ всталъ и озаряетъ садъ. (60 к.) Нѣтъ, красавица, напрасно. (60 к.) Однозвучно гремитъ колокольчикъ. (60 к.)

ДАРГОМЫЖСКІЙ. Я все еще его люблю. Любимый романсъ. Новое изданіе. (50 к.) Къ чему веселые друзья. (50 к.) Поцёлуй. (50 к.) Бушуй и волнуйся глубокое море. (75 к.) Лихорадушка. (40 к.) Богъ помочь вамъ. (50 к.) Мельникъ. (40 к.) Мечты (75 к.) Скажи что такъ задумчивъ ты. Тріо. (1 р. 50 к.)

дерфельдтъ. Мечты любви. (50 к.) Прекрасной. (60 к.)

дюръ. О милый другь изъ-за могилы. (55 к.)

копьевъ. Не говори ни да, ни нътъ. (40 к.)

котляревскій. Три п'всни изъ малороссійской оперетки Москаль-чаровникъ (69 к.)

МАРКОВЪ. Вотъ на пути село большое. Цыганская пѣсня на два голоса. (40 к.) РОМБЕРГЪ. Когда бъ онъ былъ теперь со мной. (40 к.) Этотъ же романсъ съ акомпаниментомъ віолончели. (85 к.) Темнорусыя кудри милаго. (60 к.) Этотъ же романъ съ аккомп. віолончели. (85 к.) Младые дни. (60 к.) Этотъ же романъ съ аккомп. віолончели. (85 к.) Дайте крылья мнѣ. (60 к.) Этотъ же романсъ съ аккомп. віолончели. (1 р. 50 к.)

шиловская. Зачёмъ? (60 к.)

ТИТОВЪ Волна катится за волною. (50 к.) Гусли. Новое изданіе. (50 к.) Казачья колыбельная пъснь. (50 к.) Вътка. Новое изданіе. (30 к.) Небо чисто, небо ясно. (30 к.) Ахъ не листъ осенній. (40 к.)

Въ томъ же магазинъ можно получать всъ музыкальныя сочиненія, гдъ и къмъ бы ни было изданныя или объявленныя въ какомъ-либо каталогъ на слъдующихъ условіяхъ: выписывающіе нотъ не менъе какъ на три рубля серебромъ, получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе не менъе какъ на десять руб. сер., получаютъ тъ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку. Выписывающіе же болъе чъмъ на двадцать руб. сер., получаютъ гораздо больше уступки. Магазинъ И. Пеца точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій пріобрълъ лестное расположеніе и довъріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болъе семидесяти лътъ. Также и на будущее время всъ требованія гг. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью и всегда съ первою отходящею почтою. Каталоги какъ для пънія, такъ и для всъхъ инструментовъ, а равно и прейсъ-куранты разсылаются при посылкахъ безденежно.

on programme de la companya de la c La companya de la co

эйсташъ блеро.

повъсть

Эйженя Берсіу.

e place emineral resta queron a permito

party and the land of the country and the control of the country o

The source of the children white the control of the light of the control of

Лътомъ, въ самый знойный часъ дня, когда солнце палитъ траву и въ воздухъ какъ будто сверкаютъ огненныя искры, въ деревнъ невозможно бороться съ утомленіемъ, съ непреодолимою, тягостною лънью. Въ полдень настаетъ точно такая же тишина, какъ и въ полночь. Птички не поютъ въ зелени деревъ, вътеръ стихаетъ; земледълецъ предается сну; все умолкаетъ, погружается въ бездъйствіе, только во ржи раздается, среди всеобщей тишины, однообразное, убаюкивающее пъніе кузнечика.

Если вамъ случится въ этотъ часъ быть подлѣ какого нибудь парка, у каменной стѣны, раскаленной солнцемъ, то вы ни за что въ мірѣ не устоите противъ чувства лѣни, апатіи, которыя овладѣютъ вами насильно, уничтожатъ волю, сомкнутъ вѣки, и вы заснете.

Это самое случилось съ живописцемъ Эйсташемъ Блеро, подлъ парка маркизы де Вандъ, въ Туринъ.

Онъ путешествовалъ уже болъе мъсяца, съ цълью усовершенствовать свой талантъ, подобно многимъ артистамъ, которые покидаютъ Парижъ, какъ скоро появляются ласточки. Онъ вышелъ утромъ изъ сосъдняго города, прошелъ четыре мили съ ящикомъ

красокъ подъ мышкой, и очарованный красотою мъстоположения, остановился здъсь, чтобъ набросить эскизъ.

Эйсташъ любилъ свое искусство и работалъ прилежно. Но солнце пекло невыносимо; тишина, господствовавшая вокругъ, казалось, манила къ отдохновенію. Онъ опустилъ голову; кисть выскользнула изъ руки, глаза закрылись, и Эйсташъ заснулъ на травъ кръпкимъ сномъ.

Маркиза де Вандъ гуляла одна въ паркъ. Она подошла къ стънъ и заглянула въ поле. По сърой блузъ, соломенной шляпъ и толстымъ башмакамъ она приняла было сидящаго художника за какого нибудь крестьянина, наслаждающагося полуденнымъ отдыхомъ. Но полотно съ начатымъ эскизомъ возбудило ея любопытство. Маркиза была очень хорошенькая, двадцати-пяти-лътняя женщина, живая, веселая, немножко капризная, и потому легко увлекалась минутнымъ впечатлъніемъ или прихотью. Этотъ пустой случай тъмъ болъе занялъ ея воображение, что въ настоящее время она была почти одна въ замкъ, куда обыкновенно ея красота, богатство и титулъ вдовы привлекали многочисленное общество. Она наклонилась надъ стъною, чтобъ разсмотръть картину, но картина была слишкомъ далеко. Надо было какъ нибудь преодолъть затрудненіе. Маркиза недолго думала: она отворила калитву и вышла въ поле, краснъя отъ своей смълости и гордясь ею, какъ школьникъ, вырвавшійся украдкой на свободу. Она подощла къ картинъ осторожно, на ципочкахъ. Эскизъ былъ очень удаченъ, онъ изображаль окружные холмы. Полюбовавшись картиной, надо было посмотръть и на живописца.

Онъ былъ некрасивъ собою, но въ его простой, естественной позѣ было что-то граціозное. Темные, раскинутые волосы, развязанный галстухъ, выраженіе спокойствія и беззаботности на лицѣ, освъщенномъ яркими лучами солнца, все это придавало ему какую-то особенную оригинальность, довольно привлекательную. Рука у него была маленькая и красивой формы.

Маркиза хотъла было уйти, но наступила на камень, который подвернулся ей подъ ногу. Она испугалась, слегка вскрикнула, и чтобъ удержаться за что нибудь, схватилась за руку сидящаго артиста. Эйсташъ проснулся, и какъ-то инстинктивно, невольнымъ движеніемъ сжалъ эту маленькую ручку.

Оба были въ странномъ положеніи, и живописецъ нарисоваль бы изъ ихъ позы занимательную картину. Γ -жа де Вандъ, сильно наклоненная впередъ, не могла стать прямо и не хотъла упасть.

Бълокурые локоны ея распустились и вились вокругъ хорошенькаго личика, полу-улыбающагося и полу-испуганнаго. Грудь подымалась высоко.

Нечаянность происшествія немножко озадачила ее, и она не знала еще хорошенько, что ей дълать, смъяться или сердиться. Она походила на птичку, нагнувшуюся съ вътки надъ источникомъ, въ которомъ собирается пить. Эйсташъ, облокотясь на локоть, смотрълъ на нее, и лицо его выражало самое наивное изумленіе. Онъ не смъль говорить изъ опасенія, чтобъ не исчезло это милое, граціозное видъніе. Но глаза его выражали такой восторгъ, что самолюбіе маркизы, даже противъ ея въдома. было вполнъ удовлетворено. Она выслушала на своемъ въку много комплиментовъ, видъла много поклонниковъ, но это было въ Парижъ, среди многолюдныхъ залъ, при блескъ люстръ, среди блестящаго, свътскаго разговора. Здъсь, подъ этимъ яркимъ солнцемъ, въ полъ, облитомъ его лучами, среди обширной, безмолвной равнины, ей говорили сама природа и истина. Она поняла это. Звонкій, серебристый смъхъ ея разрушиль очарованіе. Эйсташъ проснулся вполнъ.

— Извините мою неловкость, сказала маркиза, я чуть не упала и разбудила васъ. И говоря это она высвободила свою руку изъруки артиста.

Эйсташъ поклонился печально, потому что его очаровательное видъніе сдълало уже нъсколько шаговъ впередъ и готово было исчезнуть.

Въ наружности молодаго человъка не было ничего дерзкаго; онъ не пытался удерживать маркизу, и наконецъ опять принялся за кисть, которая очень върно и искусно передавала полотну окрестности замка.

Всѣ эти обстоятельства вдругъ заговорили въ его пользу въ умѣ г-жи де Вандъ. Она собралась съ духомъ, и возвратилась къ начатой картинъ.

— Я признаюсь вамъ откровенно, сказала она Эйсташу, что меня привело сюда любопытство. Теперь, увидъвъ вашу работу, мнъ хотълось бы купить ее, если вы согласны кончить ее для меня. Вы путешествуете, и въроятно устали, потому что заснули; върно вы не откажетесь воспользоваться гостепріимствомъ, которое я обязана предложить вамъ за прерванное отдохновеніе, и окончите картину у меня въ замкъ.

Все это было сказано веселымъ тономъ, и Эйсташъ изъ всего

поняль только одно, что онъ будеть жить подъ одною крышею съ этой восхитительной женщиной.

На его лицъ выразилась радость. Онъ проворно собралъ свои кисти, полотно, ящикъ съ красками, и пошелъ за маркизою скорымъ шагомъ. Они прошли чрезъ калитку въ паркъ.

II.

Эйсташу Блеро было тридцать лътъ, когда онъ встрътился съ маркизой. До сихъ поръ жизнь его не была счастлива.

Онъ осиротълъ въ младенчествъ, и когда вступилъ въ коллегію, товарищи, увидъвъ некрасиваго собою, блъднаго, дурно одътаго мальчика, застънчиваго и неловкаго, встрътили его насмъшками.

Онъ понялъ свое положеніе, и робость его дошла до того, что онъ боялся обнаруживать свои природныя способности. Онъ сдѣлался молчаливъ и затаилъ въ себѣ жажду привязанности. Это еще болѣе отдалило отъ него товарищей. Ихъ сердила постоянная грусть новаго воспитанника. Они не разсуждали о томъ, что сами же подали къ ней поводъ. Они стали смѣяться надъ его забавнымъ прозваніемъ Блеро, и даже упрекали въ бѣдности, потому что многіе изъ нихъ принадлежали къ богатымъ семействамъ, а у Эйсташа было тысяча двѣсти франковъ дохода, собираемаго безпечнымъ опекуномъ.

Природа дала Эйсташу пламенное сердце. Можно понять, сколько страданій было для него въ этомъ существованіи паріи, въ такія лѣта, когда мы сильно чувствуемъ необходимость въ покровительствъ и дружбъ. Много слезъ проливаль онъ по ночамъ на свою подушку, прежде, чѣмъ научился сдерживать предъ всеобщей несправедливостью сердечные порывы, которые не смѣлъ обнаружить, и скрывать мысли, которыхъ въ немъ не подозрѣвали. Но онъ понялъ наконецъ, что въ одиночествъ упорство только раздражаетъ преслъдователей, примирился наружно съ своею участью и привыкъ скрывать сердечныя бури подъ апатическимъ безстрастіемъ дикаря.

Онъ сохранилъ сердечную доброту, но за то борьба отняла у него всю энергію.

Въ послъдствіи, въ мастерской, куда привела его любовь къ искусству, его встрътилъ тотъ же пріемъ, тъ же страданія. Юношу живописца оцънили также несправедливо, какъ прежде школь-

ника. Ръшили, что онъ добрый товарищъ, но безъ блестящаго дарованія и безъ громкой будущности.

Эйсташъ вынесъ этотъ приговоръ не возмущаясь, потому что недовърчивость другихъ убила въ немъ сознаніе собственныхъ силъ.

Никто не замътитъ, что эта робкая натура боялась дать себъ волю, и все таила въ себъ, какъ черепаха, которая при приближеніи опасности спъщила скрыться въ свой черепъ. Можетъ быть, одобреніе развернуло-бы его талантъ, охлажденный въчнымъ принужденіемъ. Впрочемъ, такъ какъ его грусть никого не обижала и никто не боялся встрътить въ немъ соперника, то его никто не ненавидълъ, и вообще его терпъли въ мастерской съ равнодушіемъ привычки.

Изъ товарищей Эйсташа, Дюберъ, Шариларъ и Симонъ были съ нимъ короче другихъ. Шариларъ, человъкъ съ дурнымъ сердцемъ, привязался къ нему, какъ палачъ къ своей жертвъ, радуясь, что нашелъ существо, которое могъ мучить подъ предлогомъ дружбы. Шариларъ обладалъ тою легкостью кисти, которой удивляются въ превосходныхъ копіяхъ, но у него не было самобытнаго таланта. Онъ былъ довольно уменъ, чтобъ понять это; злой и завистливый, онъ мстилъ за это всъмъ несправедливыми приговорами, ядовитыми колкостями и злыми выходками противъ чужихъ талантовъ. Всъ его ненавидъли въ мастерской, но всъ боялись его высокаго роста и физической силы.

Совершенно противуположное чувство покровительства и симпатичнаго состраданія сблизило Дюбера съ Эйсташемъ. Дюберъ могъ бы сдълаться его искреннимъ другомъ и развить понемногу его скрытый талантъ одобреніемъ и теплотою участія. Но Дюберъ былъ слишкомъ непостояненъ. Онъ былъ добръ, не лишенъ таланта, но всъ его качества терялись въ вътренности его характера.

Сегодня онъ работалъ съ увлеченіемъ, съ жаромъ, съ любовью, завтра это ему наскучало. Онъ забывалъ о другѣ, какъ и о гепdezvous, смѣялся сегодня надъ тѣмъ, что трогало его вчера, и былъ способенъ не вспоминать въ продолженіе полугода о существѣ, которому жертвовалъ собою въ продолженіе часа. Что касается до Симона, то это былъ человѣкъ, какъ и всѣ, ничѣмъ не отличавшійся отъ толпы, восхищавшійся тѣмъ же, чѣмъ и она, какъ и она осуждавшій несправедливо, присвоившій себѣ всю ея мелочность и пошлость.

Его талантъ не выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ талантовъ, и онъ самъ ничъмъ никогда и нигдъ не отличался отъ другихъ. Его жизнь должна была пройти незамътно въ общемъ потокъ.

Таковы были три лица, описанныя нами, и различіе ихъ характеровъ обнаруживалось въ выраженіи голоса, какимъ они произносили фразу, сдълавшуюся общею въ мастерской:

— Этотъ бъдняга Эйсташъ! Прекрасныя феи первой любви часто порхаютъ около жесткаго ложа артиста. Но увы! Ихъ маленькія ручки возлагаютъ вънцы только на беззаботное, веселое чело. Очарованіе этихъ богинь не увлечетъ сердца сосредоточеннаго въ самомъ себъ, истерзаннаго страданіемъ!

Эйсташъ Блеро, мечтая о чудномъ идеалъ любви, не находилъ его. Несчастіе дълаетъ требовательнымъ, а уединеніе строгимъ въ выборъ. Однажды хорошенькая жидовка Лейба, съ античнымъ профилемъ, натурщица, знаменитая по красотъ своей во всъхъ мастерскихъ, изъ жалкой прихоти дала замътить Эйсташу, что онъ ей нравится. Но бъдный художникъ не возгордился этой неожиданной милостью. Онъ вспомнилъ, что Лейба была любимицею Шарилара, и не захотълъ соперничествовать съ нимъ. Никто въ мастерской не оцънилъ его деликатности; Лейба сохранила къ нему за то непріязненное чувство, и самъ Шариларъ смъялся надъ нимъ безпощадно.

Вскоръ послъ того Эйсташъ, которому уже надоъли въчныя насмъшки, и который довольно уже ознакомился со всъми таин ствами искусства, завелъ собственную мастерскую, на чердакъ отдаленной улицы.

Въ домъ, гдъ онъ поселился, была привратницей вдова Мали, вспомоществуемая своею дочкою Гладіей. Крестный отецъ при крещеніи даль ей имя Одиліи, которое въ послъдствіи ея безграмотная семья измънила въ Годилію и потомъ окончательно въ Гладію, благодаря произношенію мадамъ Мали.

Когда Эйсташъ поселился въ ихъ домѣ, Гладія почувствовала жалость къ печальному, блѣдному молодому человъку.

Ей было двадцать лътъ, она была здороваго, кръпкаго сложенія, съ румяными щеками и бълокурыми волосами. Въ мужчинъ она цънила только смълость, ръшительность и веселость—качества, которыми вовсе не обладалъ Эйсташъ. Но онъ былъ кротокъ, степененъ, и обращался съ уваженіемъ съ госпожею Мали и ея дочкой. У Гладіи было доброе сердце. Ея состраданіе къ ар-

тисту, въ которомъ просвъчивалась иногда насмъщливость, перемънилось въ нъжное покровительство.

Она завладъла Блеро съ самою тиранскою заботливостью. Она занималась его хозяйствомъ и самодовольно подчинила своему распоряжению его домашнюю жизнь. Она назначала Лейбъ часъ для позы, пожимая плечами и ворча за такую лишнюю трату денегъ.

Когда артистъ за работою забывалъ объ отдыхъ, она посылала его въ Люксанбургскій садъ, подышать воздухомъ, прибавляя:

— Завтра мы кончимъ эту картину. Будеть на сегодня, мы довольно поработали!

Она же наконецъ заставила Эйсташа разстаться съ Парижемъ, въ жаркое лътнее время, и артистъ улыбаясь на откровенные, безцеремонные совъты Гладіи, отправился въ путь, гдъ суждено ему было встрътиться съ маркизою де Вандъ.

III.

Когда лакей, которому маркиза поручила проводить Блеро въ его комнату, вышель и оставиль его одного, первою мыслью молодаго человъка былъ вопросъ: «Дъйствительно ли все это случилось съ нимъ?» Тъ, кто подобно ему, живутъ въ уединеніи, далеко отъ свъта, воображаютъ, что доступъ въ него труденъ, и встръчають первыя его обольщенія съ радостнымъ удивленіемъ. Среди изящнаго устройства комнаты, въ этой атмосферъ комфорта и роскоши, сердце Эйсташа встрепенулось, какъ птичка, пригрътая теплымъ солнечнымъ лучемъ. Онъ вспомнилъ о своемъ грустномъ прошедшемъ, о своихъ страданіяхъ, о своей мрачной, холодной мастерской, о Шариларъ и о Гладіи, и поддался вліянію счастія, которое какъ будто привътствовало его въ этомъ домъ. Свъжій, благоухающій воздухъ, врывающійся волнами въ комнату, веселые берега Лоары, озаренные лучами яркаго солнца, все говорило ему о наслажденіи, о надеждъ. Онъ чувствоваль, что прозябеніе кончилось, и что новая жизнь началась для него. Онъ не безъ гордости думалъ о томъ, что вся эта роскошь, это счастіе, предложены ему самою очаровательною женщиной, какую онъ только встръчалъ на землъ.

Войдя въ залу онъ нашелъ маркизу въ легкомъ лътнемъ на

рядъ, который, какъ нельзя больше, гармонировалъ съ ея кра-

Она была окружена своимъ ежедневнымъ обществомъ. Въ глубокой бержеркъ сидъла почтенная старушка, бабушка маркизы; она жила въ замкъ и проводила одинъ день какъ другой, занимаясь то бисернымъ вязаньемъ, то чтеніемъ журнала, прерывая его порою жалобами на несчастія, испытанныя ею въ первую революцію. Она была чрезвычайно добра, ровнаго характера и принадлежала къ лучшему кругу общества. Подлъ нея сидълъ ея современникъ, одинъ изъ ея самыхъ старинныхъ друзей. Въ немъ можно было видеть типъ сельскаго дворянина летъ за сто тому. Волосы его, бълые какъ снъгъ, напоминали пудру. Но онъ сохранилъ всв аристократические приемы, всю утонченную въжливость, отличавшую когда-то французское дворянство. Онъ жилъ постоянно въ своихъ земляхъ, но бывалъ при дворъ Людовика XVI и научился въ салонахъ Версальскихъ грандіозному тону прошедшаго стольтія. Если върить изустнымъ хроникамъ, то дружба Шевалье съ бабушкой маркизы началась болъе нъжною связью. Но какъ бы то ни было, пріятно было смотръть на этихъ красивыхъ стариковъ и на внимательность, которую Шевалье выказываль на каждомъ шагу своей семидесятильтней подругь. Почтенный старичекъ впрочемъ былъ не столько уменъ, сколько имълъ свътскаго навыка; но пустота его разговора выкупалась такимъ тактомъ, такимъ стараніемъ быть занимательнымъ, что невозможно было не простить ему его ничтожества за любезность. Третій собесъдникъ былъ деревенскій пасторъ. Онъ былъ необразованъ; родители его были простыми мызниками, но онъ былъ прекрасный, добрый человъкъ, гораздо проницательнъе, нежели казался въ салонахъ, куда имълъ доступъ по-своему званію. Онъ мало говориль, но слушалъ внимательно, и ежеминутно готовъ былъ оказывать маленькія услуги, чтобъ придать себѣ болѣе цѣны.

Такому обществу скромный, застънчивый Эйсташъ долженъ былъ понравиться.

За объдомъ, послъ дружеской бесъды о разныхъ предметахъ, Эйсташъ, видя, что всъ хорошо расположены къ нему, ободрился до такой степени, что ръшился заговорить о своемъ искусствъ. Онъ видълъ, что его слушали, и высказался вполнъ. Онъ былъ остроуменъ, когда большіє глаза маркизы выражали удовольствіе, и занимателенъ, когда ея ръзвый смъхъ и тонкія возраженія возбуждали въ немъ веселость. Успъхъ былъ полный. Три дня спустя

онъ былъ фаворитомъ бабушки, искреннимъ другомъ пастора, а Шевалье принялъ его подъ свое покровительство.

Что касается до маркизы де Вандъ, то она видъла съ удовольствіемъ, что ея общество умножилось человъкомъ съ талантомъ, въ которомъ не было никакихъ странностей, свойственныхъ артистамъ. Однажды вечеромъ они гуляли въ паркъ. Маркиза шла, куда глаза глядъли, безпрестанно оставляя Эйсташа то для птички, которая пъла гдъ нибудъ въ зелени листьевъ, то для цвътка, растущаго гдъ нибудь въ тъни. Разговоръ ихъ также безпрестанно мънялъ направленіе. Наконецъ онъ коснулся любви и ея вліянія на жизнь артистовъ.

— Да, сказалъ Эйсташъ: любовь была всегда для геніяльныхъ талантовъ опорою, двигателемъ, ихъ главною силою. Безъ Лауры не было бы Петрарки; Данте, сокрушенный страданіями, опирается на Беатриче, и вопль отчаянія раздается въ поэмъ, прославившей ея имя. Рафаэль любилъ Фарнарину, Тиціанъ Віаланту; Леонардо да Винчи жилъ мыслью о своей Жокондъ.

Какъ были велики эти люди! Они шли по жизненному пути съ челомъ, сверкающимъ върой въ свое призваніе, съ безграничною любовью въ сердцъ, рука въ руку съ благородною подругой, ихъ утъщителемъ въ земныхъ скорбяхъ. Въ нашъ въкъ артисты съ громкой славой появляются ръдко; виноваты въ томъ мы сами. Мы не понимаемъ ни любви, ни въры въ искусство!

А между тъмъ какъ высоко, какъ чисто было назначение этихъ обожаемыхъ созданій! Онъ дарили генію счастіе, и онъ, въ благодарность, передавалъ потомству ихъ имена!

- Да, отвъчала маркиза, увлеченная чувствомъ, звучавшимъ въ голосъ Эйсташа: это чудная роль, и какъ ни прозаиченъ нашъ въкъ, но я думаю, нътъ женщины, которая не взялась бы за нее съ гордостью!
- Вы, можеть быть! вскричаль Эйстангь. Глаза его сверкали, сердце сильно билось. Онъ готовъ быль высказать свою тайну.
- Я, какъ и всъ, отвъчала маркиза. Но, прибавила она со смъхомъ, мы увлекаемся мечтами, какъ дъти. Вы сами сказали, что нынче не върятъ любви и не любятъ. Пойдемте въ замокъ, пора играть въ вистъ; тетушка, я думаю, сердится отъ нетерпънія.

Она убъжала по боковой аллеъ, какъ испуганная лань, ос-

тавивъ артиста въ восторгъ. Онъ вообразилъ, что ея отвътъ от-

Чрезъ два дни Эйсташъ увхалъ въ Парижъ. Маркиза также должна была скоро отправиться туда. Эйсташъ собирался много работать; онъ строилъ великолъпные планы; ему хотълось быть геніяльнымъ художникомъ, какъ Леонардо да Винчи, и онъ мечталъ какъ Данте о своей Беатриче.

IV.

Въ Парижъ главный вопросъ въ существованій бъднаго живописца— его мастерская. Онъ не можетъ, какъ поэтъ или музыкантъ, поселиться въ первомъ попавшемся уголкъ, который ему нравится.

Эйсташъ страстно влюбился въ маркизу.

Эта любовь, вспыхнувшая внезапно, разгорѣлась быстро, потому что сердце артиста было дъвственно. Сначала его поразила красота маркизы, потомъ ея грація, умъ, любезность совершенно очаровали его. Онъ видѣлъ ее каждый день, жилъ въ ея обществѣ, дышалъ однимъ съ нею воздухомъ, въ деревнѣ, въ уединеніи, гдѣ допускается нѣкоторая короткость въ обращеніи, онъ, бѣдный труженикъ, до сихъ поръ непонятый, осмѣянный. Этого было для него слишкомъ много. Онъ влюбился до безумія. Но его любовь, боязливая, какъ всѣ глубокія привязанности, выражалась только въ краснорѣчивомъ молчаніи, въ безпредѣльномъ уваженіи.

Можеть быть маркиза и замътила, какое чувство питалъ къ ней Эйсташъ, но его робость успокоила ее. Она даже не подозръвала всей глубины и искренности его привязанности, гдъ четыре стъны и крыша спасаютъ его отъ закона, преслъдующаго бродягъ, неимъющихъ постояннаго жилища. Живописцу необходима комната на съверъ съ большими окнами, пропускающими ровный, яркій свътъ. Вообще въ Парижъ мало мастерскихъ, соединяющихъ эти условія, и потому за нихъ платятъ дорого. Большею частью онъ находятся въ какихъ нибудь отдаленныхъ кварталахъ столицы.

Эйсташъ Блеро жилъ въ высокомъ домѣ мрачной наружности. На тѣсномъ дворѣ росли два чахотные вяза и находился колодезь. Лѣстница въ сто тридцать ступеней, въ которую свѣтъ проникалъ только начиная съ четвертаго этажа,

вела въ мастерскую художника. Это была большая, высокая комната, хорошо освъщенная полукруглымъ окномъ, выложеннымъ кирпичами, изъ коихъ многіе давно вывалились.

Эта комната составляла всю квартиру артиста.

Здѣсь, въ этихъ четырехъ стѣнахъ, выкрашенныхъ сѣрой краской, онъ жилъ, какъ въ ящикѣ. Въ окно проникалъ воздухъ и виднѣлось небо. Больше ничего не было видно, и никакой наружный шумъ не достигалъ сюда. Бѣдность Эйсташа отражалась въ его жилищѣ. На голыхъ стѣнахъ мѣстами висѣли начатые очерки, по угламъ на двухъ полкахъ стояли кой-какія модели. Нѣсколько мальбретовъ, плавильная печь съ длинною трубой, соломенные стулья и въ углу, за зеленой занавѣсью, кухонная посуда—вотъ все, что было въ этой комнатъ.

Единственнымъ собесъдникомъ Эйсташа былъ сърый котъ, по прозванию Корсаръ, котораго Гладія подарила ему въ день его рожденія. Корсаръ часто спасалъ жизнь своему хозяйну, напоминая ему объ объдъ. Иногда, если случалось, что Гладія, задержанная въ кануркъ привратника отсутствіемъ г-жи Мали, забывала что насталъ часъ объда, котъ поднимался съ стараго пальто, на которомъ всегда лежалъ, смотрълъ съ упрекомъ на своего хозяина, и спускался по лъстницъ. Гладія, увидъвъ его, тотчасъ прибъгала наверхъ.

- Что жъ вы не сказали, чтобъ вамъ дать объдать? говорила она Блеро. Или вы сегодня не хотите кушать?
 - Да развъ ужъ пять часовъ? отвъчалъ Блеро.
 - Разумъется, потому что Корсаръ сошелъ внизъ.
 - Видите, какъ онъ васъ любить!

Гладіи никогда не приходило въ голову, что котъ любитъ объдъ еще больше своего хозяина.

Спальня артиста была устроена на воздухѣ, въ углу мастерской, въ десяти футахъ отъ пола, подобно корабельнымъ койкамъ. Онъ взлъзалъ туда по лъсенкѣ, которую днемъ отстанавливалъ къ стънъ.

Это жалкое существованіе поглощало большую часть доходовъ Блеро.

Внезапное возвращение его въ Парижъ было громовымъ ударомъ для Гладіи. Что побудило его возвратиться такъ скоро, когда лъто еще не прошло, и деньги, которыя она собственноручно положила ему въ карманъ, въроятно не были еще издержаны? Неужели онъ промоталъ ихъ? Не случилось ли съ нимъ чего на дорогъ, не захворалъ ли онъ?

Гладія терялась въ этихъ догадкахъ. Эйсташъ увхалъ печа выній, блідный, равнодушный къ жизни, и возвратился перерожденнымъ. Глаза его сверкали энергіей, голосъ пріобрівль звучность. Онъ самъ распоряжался какъ хозяинъ, и не поддаваясь боліве угнетівнію, въ какомъ держала его Гладія по праву дружбы, хотівлъ жить самъ собою, собственно для себя. Вмісто прежняго ребенка, котораго она приняла подъ свое покровительство изъ состраданія, въ немъ обнаружился молодой человівкъ съ силой, съ волей, способный самъ покровительствовать въ свою очередь.

Удивленіе Гладіи возрасло до послъдней степени, пока Эйсташъ, никогда прежде не смъявшійся, отвъчаль со смъхомъ на ея распросы и объявилъ, что начнетъ большую картину.

Вскоръ слухъ о такихъ событіяхъ распространился по всему околотку и проникъ во всѣ мастерскія въ окрестности. Всякій толковалъ новость по-своему, прибавляя и дополняя ее. Говорили, что Эйсташъ Блеро возвратился въ Парижъ перерожденный. Онъ жилъ, говорилъ, пълъ, чуть ли даже не танцовалъ. Выдумали даже, что будто онъ съълъ Корсара въ фрикасъ, и свергнувъ съ себя иго Гладіи, послъдовалъ за колесницей одной хорошенькой наъздницы Ипподрома. По словамъ другихъ, онъ по цълымъ ночамъ работалъ надъ огромными картонами, за которые какой-то англійскій набобъ платилъ ему несмътныя суммы, съ тъмъ, чтобъ эти рисунки остались тайной.

Имя артиста дълалось извъстнымъ, по крайней мъръ, его часто произносили.

Вскорѣ узнали, что онъ отослалъ, не окончивъ, портреты нѣкоторыхъ лавочниковъ изъ околотка, его единственныхъ кліентовъ до сихъ поръ. Лейба, которую онъ позвалъ, чтобъ служить ему моделью, бросила всѣ свои занятія и прибѣжала скорѣе изъ любопытства, нежели изъ желанія оказать ему услугу. Она объявила взволнованному міру художниковъ, что Эйсташъ началъ большую историческую картину, что онъ работаетъ смѣло, съ увѣренностью, и кажется не сомнѣвается въ успѣхѣ.

— Что же касается Гладіи, прибавила Лейба, то право, жаль бъдняжку: она похожа на курицу, которая высидъла утенятъ.

- Блеро върно получилъ наслъдство, сказалъ Симонъ: онъ возгордился и хочетъ пуститься въ большой свътъ.
- Нътъ, возразилъ Нерамаръ, еслибъ онъ получилъ наслъдство, то не сталъ бы работатъ.

Онъ хитрецъ. Онъ всъхъ насъ провелъ. Онъ ъздилъ въ провинцію къ какому нибудь депутату, и тотъ выхлопоталъ ему большой заказъ отъ министерства. Только ему бъднягъ не удастся, мы увидимъ его торжественное паденіе.

Дюберъ пошелъ къ Эйсташу и откровенно спросилъ, что за превращение случилось съ нимъ.

— Ничего, отвъчалъ Эйсташъ, кромъ того, что до сихъ поръ я спалъ, а теперь проснулся!

Всякій судилъ артиста по себъ, и всъ терялись въ догадкахъ. Только Лейба, какъ женщина, и еще женщина, самолюбіе которой было оскорблено, наблюдала за нимъ и изучала его внимательнъе другихъ.

- Я знаю теперь, что съ вашимъ Блеро, сказала она Гладіи, встрътившись съ нею на лъстницъ, по выходъ изъ мастерской.
 - Что, онъ боленъ? спросила Гладія.
 - Нътъ, онъ влюбленъ, отвъчала натурщина.

V

Блеро, перерожденный любовью, вздумаль на первый разъ испробовать свои силы въ огромной исторической картинъ, въ двадцать футовъ длины, и какъ всъ геніяльные таланты, находящіе наслажденіе въ томъ, чтобъ бороться съ трудностями и преодолъвать ихъ силою воли, выбралъ смълый, исполненный затрудненій. предметь: именно смерть Агриппины.

Вся эта картина, проникнутая мрачною страстью, выступала на темномъ фонѣ, мѣстами прорѣзанномъ яркимъ, багровымъ свѣтомъ факеловъ. Эта картина внушала ужасъ. Она была задумана и исполнена геніяльно. Фигуры дышали, говорили. Посреди ночной темноты, какъ будто слышались вопли, проклятія, рыданія.

Особенно превосходно быда исполнена фигура Агриппины. Она до такой степени поразила Лейбу, служившую ей моделью, что она спросила Блеро не во снъ ли онъ видълъ такую женщину. Онъ дъйствительно создалъ ее въ воображеніи, и голова его

была такъ же занята, какъ и сердце. По необъяснимой игръ фантазіи, изображая Агриппину, сильную, могущественную и грозную, какъ мифологическая Юнона, Блеро мечталъ о маркизъ де-Ванъ, бълокурой, граціозной, стройной двадцати льтней красавицъ, съ крошечною ножкой и изящно кокетливыми пріемами. Этихъ женщинъ раздъляль цълый міръ. Но этотъ контрастъ не остановилъ художника. Въ своихъ пылкихъ мечтахъ онъ соединялъ объихъ женщинъ въ нъчто цълое, дополнялъ одну другою, и все болъе и болъе влюблялся въ маркизу, по мъръ того, какъ Агриппина, во всемъ блескъ своей мрачной красоты возраждалась на полотнъ подъ его кистью.

Все, что ни дълалъ Блеро, имъло отнынъ цълью одну маркизу, эту обворожительную женщину, внесшую новый энергическій элементь въ его существованіе. Для нея онъ трудился, для нея мечталъ о словъ. Убъдившись однажды, до какой степени онъ ее любитъ, онъ задалъ самъ себъ вопросъ: какими средствами возбудить въ ней сочувствіе? Онъ измѣрилъ глубину раны со всъмъ хладнокровіемъ, къ какому былъ способенъ, и взвъсилъ безпристрастно всъ выгоды и невыгоды своего положенія въ отношеніи къ маркизъ. Еслибъ онъ былъ хорошъ собою, молодъ, богатъ, онъ смотрълъ бы на маркизу какъ на равную себъ. Но его находили некрасивымъ; онъ былъ бъденъ, фамилія его была Блеро. Значить туть нечего было надъяться. Единственное средство спасенія заключалось для него въ очарованіи славы, и Эйсташъ не долго разсуждая, ръшился просто сдълаться великимъ художникомъ. Всегда робкій и недовърчивый къ собственнымъ силамъ, Эйсташъ вдругъ вдохновился необыкновенною энергіей. Любовь дала ему силу воли.

Всѣ энергическіе характеры преслѣдують обыкновенно какую нибудь мечту, и на ея мягкихъ крыльяхъ переносятся чрезъ всѣ терніи, овраги и пропасти, неизбѣжные на жизненномъ пути. Всѣхъ вообще влечетъ какое-то пламенное, постоянное желаніє, магнитъ, притягивающій тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе усталъ путникъ.

Отнимите эту мечту, странникъ останавливается и предается отдохновенію.

Воть почему въ жизни встрвчается много людей лвнивыхъ, утомленныхъ, которые не дълаютъ ни шага впередъ и безпечно смотрятъ, какъ мимо ихъ проходятъ другіе.

Эйсташъ, до сихъ поръ отдыхавшій при дорогь вмъсть съ

другими, выведенъ былъ изъ апатіи чудною мечтою, мечтою любви. Онъ увлекся. Это внезапное потрясеніе измънило совершенно его понятія, привычки, характеръ. Онъ всталъ какъ пилигримъ, котораго жаркіе полуденные лучи пробудили отъ поздняго сна, и который видя, что потерялъ много времени, спъщитъ вознаградить его. Метаморфоза, совершивщаяся съ Эйсташемъ, открыла ему глаза на многія вещи, которыхъ не замъчаль онъ прежде. Онъ понялъ злость Шарилара и отрицательныя достоинства Симона. Онъ заперъ бы имъ двери своей мастерской, но его останавливало презрѣніе къ нимъ.

Потомъ взглядъ его упалъ на Гладію. Онъ увидълъ, что она трудилась и хлопотала о его благосостояніи, въ чемъ, по ея мнѣнію, заключалось все земное счастіе. Онъ поблагодарилъ добрую дъвушку улыбкою теплаго участія.

Только одинъ Дюберъ, не смотря на свою вътренность, вызвалъ его довъренность.

Эйсташъ зналъ, что Дюберъ пойметъ его, и повърилъ ему свою тайну, тайну любви и проснувшагося генія, но не назваль по имени своей вдохновительницы. Онъ высказалъ свои чувства, потому что сердце его не могло вмъстить въ себъ всего счастія, но онъ ни за что бы въ міръ не ръшился произнесть въ своихъ сердечныхъ изліяніяхъ имени маркизы де Вантъ.

VI

Нока Эйсташъ трудился надъ своей картиной, маркиза возвратилась въ Парижъ.

Ее встрътила тамъ свита ея обожателей и вихрь безпрерывныхъ баловъ и празднествъ, оживляющихъ зимніе вечера. Маркиза была въ полномъ смыслъ свътская женщина; ее нельзя было назвать кокеткой въ дурномъ значеніи слова, но она была чрезвычайно мила, всъмъ нравилась, всъ добивались ея вниманія, и она не скрывала, что это льстило ея самолюбію.

Ей хотълось нравиться, и она нравилась; она походила на тъхъ хорошенькихъ птичекъ, которыя садятся на вътку, поютъ пъсенку, приглаживаютъ свои блестящія перушки, граціозно покачиваются, и въ ту самую минуту, когда вы остановились, чтобъ полюбоваться на нихъ, вдругъ улетаютъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Маркиза съ удовольствіемъ поъхала въ деревню, и съ удовольствіемъ

возвратилась въ Парижъ. Она пользовалась всъмъ, что доставляло ей развлечение въ ея одиночествъ, которое впрочемъ нисколько не было печально и тягостно при ея положении въ свътъ. По возвращении въ Парижъ она совершенно забыла о Блеро. Художникъ прошелъ предъ ея глазами, какъ и многіе другіе, не оставивъ по себъ воспоминанія. Она видъла въ немъ, въ бытность его въ деревнъ, не болъе какъ художника, котораго сантиментальный характеръ и любовь къ природъ гармонировали съ окружавшими ее пейзажами, съ густою зеленью ея парка, и съ родомъ жизни, которую ведутъ въ деревнъ, вдали отъ городскаго шума и суеты. Должно сказать по справедливости, что вст ихъ бестды въ тънистыхъ аллеяхъ не произвели на нее большаго впечатлънія, и она не придавала большаго значенія восторженному восхищенію Эйсташа. Впрочемъ, когда въ Парижъ Блеро представился ей, она узнала его и пригласила на свои вечера, но единственно потому, что была добра и чужда спъси.

Не пропустить ни одного изъ этихъ вечеровъ было для бъднаго художника одною изъ самыхъ трудныхъ проблемъ.

Леандръ, ръшившійся переплыть Геллеспонть, чтобъ заслужить одобреніе любимаго существа, отваживался на подвигъ менъе трудный, нежели нашъ пустынникъ, незнакомый со свътскими условіями, и ръшившійся проникнуть въ это блестящее общество. Эту борьбу, возобновлявшуюся каждую среду, можно пояснить однимъ словомъ: Эйсташъ былъ бъденъ. Ему не дешево стоило появиться въ гостиной маркизы де Вантъ въ бълыхъ перчаткахъ и лакированныхъ сапогахъ; онъ истощалъ все свое теривніе и волю на поддержаніе этихъ необходимыхъ предметовъ роскоши, потому что кошелекъ не позволялъ ему часто возобновлять ихъ. Разстаться съ блузой художника, надъть накрахмаленный галстухъ, все это было также не легко для бъднаго влюбленнаго. Но онъ подчинялся этимъ неизбъжнымъ условіямъ съ удивительнымъ терпъніемъ. Гладія присутствовала всегда при его тоалеть. Безъ нея Эйсташъ пропаль бы. Она повязывала ему галстухъ, дълала искусный проборъ въ волосахъ, очень часто слъдуя единственно собственной фантазіи, а не модъ, и помогала вообще въ тысячи мелочахъ, за которыя безъ нея онъ не умълъ-бы и взяться.

Влюбленный художникъ превращался въ Амадиса. Онъ былъ бы даже смъщонъ въ нашихъ глазахъ, еслибъ всякая глубокая привязанность не внушала невольнаго уваженія.

Какихъ жертвъ, какихъ лишеній стоилъ ему его нарядъ! Пятно на фракъ, лопнувшая перчатка-были несчастіями. Въ бъдности-все несчастіе! Въ мастерской онъ забывалъ свое положеніе, въ свъть оно на каждомъ шагу тяготъло надъ нимъ. Случались иногда и совершенно непредвидънныя катастрофы. Въ одинъ прекрасный вечеръ, легкомысленный Корсаръ изцарапалъ атласный жилеть, заботливо развъшенный на стуль. Это бъдствіе совершенно поразило Эйсташа. Помочь было невозможно. Гладія отказалась даже отъ всякой попытки. Эйсташъ вышелъ безъ жилета, и два часа прогуливался такъ по лавкамъ, пока не отыскалъ новаго готоваго жилета по своей тальъ. Онъ провелъ этотъ вечеръ у Маркизы де Вандъ, но за то три недъли ълъ только сухой хлъбъ. Въ другой разъ маркиза поднесла ему лоттерейный билетъ въ пользу бъдныхъ. Эйсташъ пожертвовалъ въ пользу бъдныхъ, но за то три мъсяца не топилъ печки въ мастерской. Шариларъ пришелъ навъстить его, упрекнулъ его за скупость и разславилъ вездъ, что Блеро копитъ сокровища.

Не смотря на свой тщательный нарядъ, Блеро производилъ мало эфекта въ салонахъ маркизы де Вандъ: никто изъ ея гостей не оцънилъ его. Вся эта блестящая, свътская толпа, привыкшая къ явленіямъ, не выходящимъ изъ ея круга, смотръла безъ участія на художника, серьознаго и немножко неловкаго, съ пламеннымъ взглядомъ, всегда почти молчаливо стоящаго гдф нибудь, прислонясь къ стънъ. Его запоздалый дендизмъ вызвалъ даже не одну ироническую улыбку. Но Эйсташъ не видълъ ничего и никого, кромъ любимой женщины. Всъ его думы, всъ нравственныя силы сосредоточивались на маркизъ. Онъ былъ веселъ, когда она была весела, печаленъ, когда она была задумчива. По окончаніи вечера онъ уходиль, унося съ собою пріятныя или грустныя воспоминанія. Одно ласковое слово, сказанное маркизою мимоходомъ, одна улыбка дарила ему продолжительное блаженство. Впрочемъ, ему мало случалось разговаривать съ нею, онъ хранилъ свою любовь, не обнаруживая ее. Онъ хотълъ прежде сдълаться достойнымъ маркизы...

Онъ ждалъ терпъливо. Вечера, проводимые имъ подлъ любимой женщины, гигантскій трудъ, предпринятый для нея, одушевляли его терпъніемъ и надеждой.

Такъ прошла зима.

VII.

Картина Агриппины подвигалась къ концу. Ансамбль былъ конченъ. Оставалось только тщательно выработать нъкоторыя детали, придать общую гармоню колориту. Картина была превосходна. Она напоминала смълостью кисти великихъ художниковъ, патріарховъ живописи. Друзья Блеро не могли не признать въ немъ геніяльнаго таланта. Пришелъ Дюберъ. Онъ долго смотрълъ на картину вблизи, издали, съ боковъ, прищуриваясь, и наконецъ съ изліяніемъ искренней радости бросился на шею Эйсташу, который съ безпокойствомъ слъдилъ за всъми его движеніями и ожидалъ приговора.

- Другъ мой, сказалъ Дюберъ, ты выше всъхъ насъ. Я былъ слъпъ прежде, не подозръвалъ даже, что въ тебъ таится такой мощный талантъ. Извини меня. Эта картина подаритъ тебъ славу.
- Эйсташъ отличный художникъ; его картина превосходна, повторялъ Симонъ, вслъдъ за другими.

Шариларъ не говорилъ ничего. Онъ ломалъ себъ голову, отыскивая какой нибудь недостатокъ въ картинъ. Онъ былъ пасмуренъ, но ядовитая улыбка не сходила съ его устъ. Наконецъ онъ высказалъ свое мнъніе:

— Да, эта старая римлянка не дурна, это правда, но я еще не поздравляю Эйсташа. Въдь я не льстецъ. Мнъ кажется, что все это какой-то сонъ, который не можетъ продлиться. Этотъ бъдняга боленъ, и мнъ что-то сдается, что онъ скоро превратится въ прежняго Блеро.

Наконецъ для художника настала минута, въ которую онъ могъ открыть свою любовь г-жъ де Вандъ. Разговоръ въ паркъ принесъ свои плоды. Эйсташъ сознавалъ свои силы. Онъ могъ надъяться на славу. Ему хотълось, чтобъ маркиза выслушала его предъ этою картиной, какъ предъ доказательствомъ таланта, который пробудила она. Въ другомъ мъстъ у него недостало бы смълости. Блескъ салоновъ пугалъ его. Въ свъжемъ будуаръ г-жи де Вандъ ему было неловко, какъ льву въ клъткъ.

Онъ хотълъ видъть любимую женщину въ своей мастерской, лишенной всякаго убранства и роскоши: здъсь только онъ былъ въ своей сферъ, только здъсь онъ чувствовалъ себя равнымъ милому созданію. Здъсь онъ могъ показать ей все величіе, всю силу своего таланта, и потомъ скромно повергнуть свою будущую славу къ ея ногамъ.

 Но какимъ образомъ пригласить ее на чердачекъ? Онъ ръшился писать.

Вотъ содержание его письма:

«Маркиза!»

Не знаю помните ли вы нашъ разговоръ наканунъ моего отъъзда, въ аллеяхъ вашего парка. Что касается до меня, то воспоминаніе о немъ връзалось въ моей памяти. Я помню всъ ваши слова. Вашъ голосъ еще звучить въ моихъ ушахъ, и мнъ кажется даже, что я какъ будто еще слышу шумъ вашихъ шаговъ по несчаной аллет. Мы говорили о томъ, какое благодттельное вліяніе имъеть глубокая страсть на развитіе таланта въ артисть. Этотъ разговоръ, можетъ быть, ничтожный въ вашихъ глазахъ, пересоздалъ меня. Можетъ быть, я буду обязанъ ему славою, счастіємъ всей жизни. До той поры я былъ просто работникомъ; вы разбудили во мнъ спящій геній; можеть быть, безь вась онъ никогда бы не обнаружился. Если я беру смълость говорить вамъ объ этомъ превращеніи, такъ это потому, что вы добры, а мнт необходимо одобреніе. Можете ли отказаться прежде всъхъ, прежде равнодушной толпы взглянуть на мой трудъ, которымъ я обязанъ единственно вамъ? Въ продолжение полугода я трудился безъ отдыха надъ большою картиной. Теперь она кончена. Товарищи мои по ремеслу осыпають ее похвалами. Я бы не повъриль имъ, еслибъ не сознавалъ въ себъ вдохновенія.

«Вы любите славу художниковъ, вы напоминаете тъхъ прекрасныхъ фей, которыя расточали сокровища простымъ смертнымъ; неужели вы откажетесь подарить нъсколько минутъ счастія артисту, для котораго заключается въ нихъ вся будущность? Посътите мою мастерскую, взгляните на произведеніе, которымъ я обязанъ вамъ, и наградите меня вашимъ присутствіемъ за полгода безпрерывнаго труда, предпринятаго единственно съ надеждою заслужить ваше одобреніе. Вы будете, неправда ли?

«Вы не захотите, чтобъ мой трудъ, мой талантъ, моя жизнь все погибло! Позвольте мнъ, маркиза, не сомнъваться въ вашемъ великодушіи, поблагодарить васъ заранъе, и ожидать васъ съ нетерпъніемъ, какъ ждутъ приговора, отъ котораго зависитъ наше счастіе и будущность.»

Это-то письмо, наполненное длинными и темными фразами, нослалъ Блеро къ г-жъ де Вандъ. Вечеромъ онъ самъ пошелъ къ ней.

Ему нетерпъливо хотълось узнать ея отвътъ. Съ нимъ была соединена его участь. Онъ нашелъ маркизу среди многочисленнаго общества. Она приняла его точно также, какъ и всегда. Цълый вечеръ она занималась гостями. Эйсташъ чувствовалъ, что у него выступалъ на лбу холодный потъ, а ноги дрожали, какъ въ лихорадкъ. Онъ почти раскаявался въ своей смълости. Онъ нъсколько разъ хотълъ подойти къ маркизъ, спросить, получила ли она его письмо, но у него недоставало духу. Наконецъ всъ разъ-ъхались.

Эйсташъ остался послъдній, и въ свою очередь взялся ужъ было за шляпу. Г-жа де Вандъ остановила его.

- Кажется, вамъ я хотъла что-то сказать, проговорила она.
- Да, отвъчалъ Эйсташъ, блъдный, какъ полотно. Вся кровь въ немъ прихлынула къ сердцу: Я писалъ вамъ сегодня.
- Да, да, я помню, что вы писали, но я не поняла вашего письма: оно такъ странно!

Эйсташъ не смълъ дышать. Онъ ожидалъ своего приговора. Маркиза прошлась два раза по залъ и остановилась передъ зеркаломъ.

- Такъ вы нарисовали большую картину, сказала она, наматывая на розовый пальчикъ распустившійся локонъ.
 - Да, отвъчалъ художникъ.
- Это должно быть чудное произведеніе, потому что вамъ такъ хочется показать ее, сказала маркиза, смѣясь. О, самолюбіе! Вы всѣ похожи другь на друга, не исключая и самыхъ смиренныхъ по наружности!

Лицо артиста вытянулось. Маркиза приняла печаль его за гнъвъ, и боясь, не оскорбила ли его, поспъшила прибавить:

- Полноте, не проклинайте же меня, я пошутила, я увърена, что картина превосходна. Я прізду полюбоваться на нее. Я очень горжусь тъмъ, что увижу ее прежде всъхъ. Правда, что это немножко рискованное посъщеніе, но мастерская художника не подходить подъ общія условія, и входъ въ нее почти дозволенъ женщинамъ.
 - Когда вы будете? проговорилъ едва внятно Блеро.
 - Да... пожалуй, хоть завтра, завтра по утру.
 - Вы объщаете мнъ?

Онъ сказалъ это такъ серьозно и такимъ голосомъ, что мар-

ло взять обратно свое объщаніе, но чрезъ минуту одумалась и отвъчала спокойнымъ тономъ:

— Да, объщаю.

Эйсташъ вышелъ отъ нея, не помня самого себя отъ восторга.

VIII.

Ночь тянется безконечно для тъхъ, кто живетъ ожиданіемъ. Эйсташъ напрасно старался заснуть. Съ разсвътомъ онъ былъ уже на ногахъ и боялся не опоздалъ ли; онъ забылъ, что маркизъ случается иногда ложиться въ эту пору, но вставать никогда. Эйсташу хотвлось, чтобъ его мастерская понравилась маркизъ. Онъ боялся, чтобъ эти нагія ствны, эта нищета, среди которой жилъ онъ, не замъчая ее, не произвела на маркизу непріятнаго впечатленія. Онъ разбудиль Гладію. Эта внезапная фантазія очень не понравилась ей, но она встала, поднялась въ потьмахъ по лъстницъ въ его комнату, и принялась все мыть, чистить, натирать воскомъ, чтобъ по возможности придать всему праздничный видъ. Между тъмъ Эйсташъ съ послъдними деньгами побъжалъ въ лавки. Вскоръ мастерская его совсъмъ измънилась. Воздушная кровать скрылась подъ массивными драпировками, купленными у продавца разныхъ ръдкостей. Въ другомъ углу также дранировка прикрыла чрезъ чуръ обнаженную стъну. Блеро, вдохновляемый любовью, которая превращала его чердакъ въ уютное гнъздышко, перехитрилъ купцовъ. Какъ послъднюю побъду онъ вырвалъ у нихъ дорогое готическое кресло съ ръзными украшеніями, обитое кожей. Въ восемь часовъ все было готово, и Гладія, облокотясь на щетку, съ изумленіемъ смотрѣла на это превращеніе.

Стѣны исчезали подъ эскизами, картинами, моделями, старинными гравюрами, размъщенными со вкусомъ. Драпировка, закрывавшая стѣну, производила великолѣпный эфектъ. Завѣсы изъ тяжелой и красивой матеріи, скрывавшія кушетку, скрадывали пустоту комнаты и придавали цѣлому какой-то живописный, необыкновенный видъ.

Съ высокаго потолка спускалась красная ваза, наполненная полевыми цвътами, висячими растеніями и вьющимся плющемъ. Подлъ окна стояла жардиньерка. Солнце обливало золотымъ свътомъ капуцины и колокольчики. Мальбретъ, кисти, краски, были

разставлены и разложены въ граціозномъ безпорядкъ. Все это было очень искусно освъщено. Свътъ падалъ на яркія матеріи, на картины, на стальные доспъхи, которые Эйсташъ, для такого торжественнаго случая, занялъ у Дюбера, прочія же части мастерской скрывались въ тъни. Предъ картиною Агриппины стояло готическое кресло, назначенное для маркизы. При взглядъ на эту комнату трудно было отыскать въ ней слъды нищеты и прощедшихъ страданій: все было свъжо, граціозно, все улыбалось. Счастіе изгнало бъдность!

- Развъ у васъ умеръ богатый дядя? спросила Гладія, не находя другой причины для объясненія такой внезапной перемъны.
 - Нътъ, отвъчалъ Эйсташъ, я жду гостей.
 - Кого же? Министра финансовъ?
- Нътъ, даму.
- О! проговорила Гладія съ двусмысленною интонаціей голоса.

Эйсташъ посмотръль на нее такимъ взглядомъ, что Гладія иснугалась.

 Благодарствуй, ты мнѣ больше не нужна, можешь итти внизъ, сказалъ Эйсташъ.

Гладія какъ стръла сбъжала съ лъстницы.

 Я рѣшительно не понимаю, что съ нимъ сдѣлалось, сказала она мадамъ Мали: кажется, онъ сошелъ съ ума.

До девяти часовъ Эйсташъ стоялъ предъ своею картиною и любовался ею. Онъ придумывалъ, что онъ скажетъ г-жъ де Вандъ, когда она будетъ сидъть вотъ тутъ, на этомъ креслъ, предъ его созданіемъ, гордая и счастливая, тронутая до глубины души разсказомъ о всъхъ трудностяхъ, которыя побъдилъ онъ изъ любви къ ней. Онъ положилъ подлъ кресла подушку, на которую встанетъ онъ на колъна, и откроетъ ей все свое сердце, всю свою душу.

Потомъ ему вообразилось, что эта блаженная минута уже настала. Ему казалось, что маркиза прітхала, что она уже въ его комнать, что онъ можеть наконецъ излить предъ нею такъ глубоко таимое чувство. Тогда, самъ того не замъчая, онъ началъ говорить, сначала тихо, потомъ все громче, и наконецъ этотъ робкій, застънчивый художникъ, всегда недовърявшій самому себъ, высказалъ все, что кипъло въ груди его съ такой энергіей, съ такимъ увлекательнымъ, чарующимъ красноръчіемъ, что еслибъ маркиза дъйствительно слышала его, она увлеклась бы силою его любви.

Но увы! въ десять часовъ Эйсташъ замѣтилъ, что былъ еще одинъ въ мастерской, потому что дверь пріотворилась, и Гладія спросила, будетъ ли онъ завтракать.

— Нътъ, отвъчалъ Эйсташъ, я не голоденъ.

Но Корсаръ не быль влюбленъ и никого не ждалъ. Онъ попробовалъ было приласкаться къ хозяину, но видя, что на него не обращаютъ никакого вниманія, отправился къ мадамъ Мали.

Пробило одиннадцать часовъ, а Эйсташъ все еще былъ одинъ. Онъ вспомнилъ, что маркиза вставала поздно, и подумалъ, что въ это время она только что проснулась, можетъ быть, съ мыслью о вчерашнемъ объщании. Знатная дама не можетъ выйти изъ дому и странствовать по улицамъ раньше двънадцати часовъ.

Въ двънадцать часовъ ему пришло въ голову, что въроятно она одъвается, чтобъ ъхать къ нему. Въ часъ, что кучеръ долго закладываетъ карету, что можетъ быть, захворала лошадь, или что нибудь другое въ такомъ же родъ задержало маркизу.

Между тъмъ время шло, а она не являлась.

Эйсташъ не находилъ болъе предлоговъ для оправданія маркизы и ръшился вовсе не обращать вниманія на бой часовъ. Въдь она не назначила часа, въ который будеть, значить онъ могъ ждать ее до сумерекъ. И между тъмъ онъ двадцать разъ ходилъ отъ картины къ двери, выходилъ на лъстницу, смотрълъ внизъ черезъ перила и возвращался въ мастерскую все печальнъе и задумчивъе. Съ нимъ сдълалась лихорадка. Въ пять часовъ внезапная мысль вдругъ блеснула въ его головъ. Можетъ быть, маркиза забыла его адресъ? Онъ обрадовался этой мысли, какъ находкъ, потому что она оправдывала отсутствіе маркизы. Но увы! онъ вспомнилъ, что не одинъ разъ получалъ отъ нея приглашенія на ея вечера, и всегда адресъ на нихъ былъ върно означенъ, это воспоминаніе легло на его сердцъ, какъ свинецъ. Онъ заплакалъ: его забыли. Для бъднаго художника начались часы тяжелыхъ, невыносимыхъ страданій. Лихорадка усилилась.

Гладія явилась спросить объ объдъ, но разстроенное лицо Эйсташа до того испугало ее, что она убъжала, не сказавъ ни слова. Она подумала, что онъ сошелъ съ ума.

Эйсташъ прохаживался взадъ и впередъ по мастерской, стиснувъ зубы, устремивъ на одну точку мутный взглядъ. Наконецъ дверь отворилась. Эйсташъ бросился къ ней со слезами на глазахъ, съ распростертыми объятіями: вошелъ Шариларъ. Эйсташъ едва устоялъ на ногахъ. Съ особой Шарилара сливалось для него воспоминаніе о всъхъ минувшихъ страданіяхъ, всъ свътлыя мечты разлетълись при появленіи этой злобной физіономіи. Шариларъ былъ для него въстникомъ несчастія, смерти.

Онъ узналъ отъ Гладіи о странныхъ поступкахъ Блеро, отгадалъ отчасти истину и обрадовался, предчувствуя, что ему предстоитъ насладиться зрълищемъ чужихъ страданій.

Смерклось. Эйсташъ не могъ болъе надъяться.

— Ты кого-то ждалъ, сказалъ Шариларъ; но теперь ужъ поздно, семь часовъ, скоро совсъмъ стемнъетъ.

Изъ груди Блеро вырвался стонъ.

- Ты пойдешь въ театръ? У меня есть два билета въ циркъ. Говорятъ, что тамъ весело.
- Оставь меня, проговорилъ Блеро голосомъ, въ которомъ слышались слезы, не смотря на всъ усилія его казаться спокойнымъ предъ своимъ задушевнымъ врагомъ.

Но Шариларъ наслаждался его страданіями; онъ не хотъль разстаться со своею жертвой, не нанеся ей смертельнаго удара.

- Ба! ты плачешь! сказаль онъ съ сардоническою улыбкой. Какъ это трогательно! Это напоминаетъ Беркеня. Но, мой милый, развъ ты не видишь, что съ тобой поступають, какъ и съ другими: надъ тобою смъются!
- Негодяй! вскричаль Эйсташъ громовымъ голосомъ, бросился на Шарилара, схватилъ его за воротъ, толкнулъ ногою дверь, и выбросилъ его, какъ ребенка на лъстницу.

Шариларъ поднялся съ трудомъ. Эта нежданная сила удивила и испугала его и онъ убъжалъ.

Эйсташъ вернулся въ мастерскую, взглянулъ безсознательно на свою картину, и повторилъ: «она смъется надъ тобой!» По томъ странно вскрикнулъ и упалъ безъ чувствъ на полъ.

IX.

Г-жа де Вандъ не была у Блеро по самой простой причинъ: она забыла о своемъ объщаніи. Въ сердечныхъ драмахъ часто величайшія несчастія происходятъ просто отъ недоразумънія или отъ непонятаго чувства. Маркиза среди своей блестящей, разсъянной жизни не поняла всей глубины и всей искренности любви Блеро.

Она видъла въ его нъмомъ удивленіи должную дань своей красотъ, оиміамъ, къ которому давно привыкла. Онъ польстилъ ея самолюбію, но не коснулся сердца. Она ни отгадала ни своего вліянія на геній художника, ни его надеждъ, ни блестящаго горизонта славы, къ которому стремился онъ, вдохновляемый любовью. Голосъ Эйсташа и выраженіе, съ какимъ онъ спросилъ маркизу, объщаетъ ли она быть у него, удивили ее. Въ истинной страсти всегда есть что-то увлекающее.

Она дала слово и хотъла сдержать его. Но на другой день рано поутру получила записку, въ которой просили ее въ тотъ же вечеръ на импровизованный балъ.

Маркиза знала, что вст ея соперницы будуть блистать тамъ. Ея отсутствие доставило бы имъ слишкомъ легкую побъду. Ъхать было необходимо. Но надо было придумать нарядъ, надо было завернуть въ магазины. Гдт же тутъ помнить о бъдномъ художникъ, который въ своей мастерской умиралъ отъ нетерпънія и любви, ожидая ръшенія своей участи!

Вечеромъ Гладія отважилась заглянуть въ мастерскую, чтобъ зажечь свъчу. Эйсташъ лежалъ безъ чувствъ на полу. Котъ преспокойно спалъ на его груди. Гладія была сильна. Она подняла Эйсташа и отнесла на диванъ, гдъ онъ пришелъ въ память. Позвали доктора. Онъ объявилъ, что больной находится въ большой опасности. У него открылась жестокая горячка.

Въ продолжение болъзни Блеро, Гладія не отходила отъ его постели. Она заботилась о немъ съ самымъ теплымъ участіемъ.

Если справедливо, что попеченія также благодѣтельны для больнаго, какъ и лекарства, то Эйсташъ столько же былъ обязанъ своимъ выздоровленіемъ Гладіи, какъ и медицинскимъ пособіямъ. Женщины имѣютъ то преимущество предъ мужчинами, что вся ихъ нравственная энергія бываетъ устремлена на то, чтобъ исцѣлять раны, которыя мы наносимъ. Вездѣ, гдѣ естъ страданіе, присутствіе женщины необходимо. Гладія могла упрекнуть себя въ отношеніи къ Блеро только въ одномъ поступкѣ, но и тотъ она сдѣлала съ добрымъ намѣреніемъ.

Эйсташъ въ бреду часто произносилъ имя маркизы, со стонами, воплями, иногда съ проклятіями. Гладія поняла, что въ тотъ день, когда онъ захворалъ, онъ ждалъ эту женщину.

Она догадалась, что онъ любить ее. Гладія возненавидъла маркизу, приписывая ей бользнь художника. Когда, на другой день поутру г-жа де Вандъ, вспомнивъ о своемъ объщаніи, пріъхала къ

1/49

Блеро, Гладія не допустила ее въ мастерскую, сказавъ, что онъ боленъ, и скрыла отъ больнаго посъщеніе маркизы, которое въроятно исцълило бы его успъшнъе всъхъ лекарствъ.

Маркиза часто посылала освъдомляться о его здоровьъ, но Гладія всегда отсылала человъка, не допустивъ до Блеро.

Когда наконецъ Эйсташъ пришелъ въ намять, первымъ его вопросомъ было, не пріъзжала ли маркиза, или не приходилъ ли кто отъ нея?

 Никто не приходилъ, отвъчала Гладія, но не безпокойтесь, если другіе оставили васъ, то я не оставлю.

Она думала такимъ образомъ отдалить его отъ маркизы, изгнать изъ его сердца всякое воспоминаніе о ней.

Чрезъ двѣ недѣли Эйсташъ былъ внѣ опасности, благодаря молодости, здоровому сложенію и попеченіямъ Гладіи. Но болѣзнь
еще не прошла. По временамъ въ бреду онъ говорилъ вслухъ
о своей жизни, о своей любви, о чудномъ снѣ, улетѣвшемъ невозвратно. Иногда онъ воображалъ, что говоритъ съ маркизой, упрекалъ ее, выслушивалъ ея оправданія, прощалъ, видѣлъ ее, любилъ и былъ счастливѣйшимъ человѣкомъ въ продолженіе часа.
Иногда онъ вставалъ съ ностели и ходилъ по мастерской, до всего
дотрогиваясь, все передвигая, приводя въ безпорядокъ, какъ лунатикъ. Гладія съ трудомъ могла уложить его въ постель. Однажды ночью, когда она спала, онъ всталъ, подоніелъ къ своей картинѣ, посмотрѣлъ на нее при свѣтѣ ночника, взялъ кисть, омоченную въ краски, и запачкалъ половину картины. Гладія проснулась, и спасла отъ истребленія уцѣлѣвшую часть картины.

Чрезъ два мѣсяца Эйсташъ почти выздоровѣлъ. Однажды онъ получилъ письмо. Вотъ что въ немъ было:

«Баронесса де Клюзи имъетъ честь извъстить васъ о бракосочетаніи своей племянницы, маркизы де Вандъ съ графомъ де Вилла, и проситъ пожаловать на брачную церемонію въ церковь Сенъ-Луи д'Антенъ.»

X.

Когда наконецъ Эйсташъ совершенно выздоровълъ, въ Люксанбургскомъ саду каждый день можно было видъть молодаго человъка блъднаго, изнуреннаго страданіями. Онъ прогуливался всегда въ самыхъ отдаленныхъ, пустынныхъ аллеяхъ. Здъсь, подъ этими деревьями, уже полуобнаженными, онъ припоминалъ драму своей жизни, въ которой надежда, радость, любовь, слава мелькнули блестящими искрами и сожгли его сердце. Непродолжительное счастіе блеснуло какъ яркій метеоръ, погрузивъ его будущность въ непроницаемую мглу. Его грусть была спокойна, безъвсякихъ порывовъ. Страданіе убило въ немъ всъ нравственныя силы.

Однажды онъ попробоваль было исправить ту часть картины, которую испортиль во время бользни. Но съ первыхъ же штри-ховъ кисть выпала у него изъ руки. Напрасно онъ старался уловить прежнее вдохновеніе. Все выходило блъдно, неопредъленно, и ръзко отличалось отъ уцълъвшей части. Можно было подумать, что это картина Корреджіо, оканчиваемая ученикомъ.

Эйсташъ превратился въ прежняго обыкновеннаго художника, робкаго, неувъреннаго въ самомъ себъ. Искра генія угасла. Это превращеніе, совершившееся такъ быстро, дъйствовало на сердце бользненнъе самого отчаянія.

Картина осталась неоконченная въ мастерской.

Товарищи Эйсташа, послъ разныхъ догадокъ и предположеній ръшили наконецъ, что ее написалъ какой-то знаменитый художникъ, чтобъ помистифировать артистическій міръ.

Маркиза де Вандъ вскоръ послъ свадьбы отправилась съ мужемъ путешествовать. Любовь Эйсташа и всъ его страданія навсегда остались для нея тайной.

Только одинъ Дюберъ угадалъ отчасти истину. Онъ старался утъщить Блеро и возвратить ему энергію, но увлеченный вихремъ удовольствій и разсъянной жизни, озабоченный также своими собственными дълами, онъ вскоръ покинулъ своего печальнаго друга.

Шариларъ съ истиннымъ наслажденіемъ увидълъ, что его предсказанія сбылись, и Римонъ повторилъ въ свою очередь: «Въдь я говорилъ, что это мистификація; я ей никогда не върилъ Этотъ бъдняга Блеро никогда не станетъ выше посредственности.»

Спустя годъ, послъ описанныхъ происшествій, Эйсташъ какъто живъе почувствовалъ свое одиночество.

Онъ замътилъ, что Гладія была единственное существо которое его любило.

Онъ вспомнилъ какъ она заботилась о немъ во время болъзни и почти спасла ему жизнь.

Между нимъ и тъмъ міромъ, гдт онъ надъялся блестъть, была теперь огромная бездна. Никто тамъ не понялъ его, никто не подалъ ему руки. Гладія также не поняла его. Но она любила его. Эйстапъ, не обращая вниманія на насмъшки товарищей и на ревность Лейбы, женился на Гладіи.

Съ той поры онъ ведеть уединенную, неизвъстную жизнь, и пишеть портреты, ради куска насущнаго хлъба.

Гладія прекрасная жена и хозяйка. Она любитъ мужа и находить, что у него горадно больше таланта, чъмъ прежде, потому что ему платятъ за портреты.

Эйсташъ, не смотря на дружбу къ женѣ, далекъ отъ счастія. Онъ постоянно молчаливъ, застѣнчивъ и печаленъ, но никогда не жалуется. Онъ работаетъ безъ увлеченія, любитъ уединеніе и ничѣмъ не обращаетъ на себя вниманія.

Ничто въ немъ не обнаруживаетъ геніяльности, которая однажды освътила его жизнь мимолетнымъ блескомъ.

the fire and the construction of the construct

as reaches. That is the country of a collemn to the state of the soil of the collection of the state of the s

Control of the Contro

angelie at the 18 fillion had been a second as a left.

and committee one of principle and an experience of the

and the first of the control of the

Chartenings of the Chartenings

and the property and the second secon

and the first own the sent place and a set of the second many that the

entral matter and referred to the first over the same to the same of the first over

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЖИВОПИСЬ

ОТЪ ЕЯ НАЧАЛА ДО НЫНЪШНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Статья третья.

TO DO THE OLD THE REAL PROPERTY.

Control of the second s

приближение золотаго въка. — открытие антиковъ.

Покровительство, оказываемое римскими папами живописи, архитектуръ и скульптуръ было началомъ блеска искусствъ и залогомъ ихъ усцъховъ въ новъйшія времена.

Папы первые начали отыскивать древнія статуи и украшать ими общественныя зданія и даже внѣшность самыхъ храмовъ. Это уваженіе первосвященниковъ къ остаткамъ перваго древняго искусства, перешло постепенно и на мірянъ. Антики сдѣлались предметомъ суевърнаго благоговънія, и это-то благоговеніе, а вовсе не уваженіе къ искусству, спасло отъ истребленія многіе остатки древности.

Петрарка старался возбудить въ своихъ современникахъ любовь къ искусству; онъ упрекалъ жителей Рима въ равнодушіи, съ которымъ они допускали портить, разорять, расхищать намятники, покрывавшіе ок-

ружности въчнаго города. «Не стыдно ли вамъ, говорилъ онъ, проязводить низкій торгъ тъмъ, что избъжало рукъ грубыхъ предковъ вашихъ, колоннами, орнаментами, статуями, гробницами, въ которыхъ покоится прахъ вашихъ праотцевъ, и которыми обогащается безпечный Неаполь?»

Вкусъ къ изящнымъ искусствамъ развился въ иятнадцатомъ столътіи; онъ уже обратился въ страсть. Лаврентій Медичи, прозванный Великольнымъ, не жальлъ огромныхъ издержекъ на составленіе, въ садахъ св. Марка, во Флоренціи, коллекціи антиковъ. Тамъ-то Ми-кель Анджело Буонаротти и вся флорентинская школа почернали у самаго источника вкусъ къ истинъ и изяществу.

Этотъ вкусъ къ антикамъ, какого бы рода они ни были: статуи, сосуды, камеи и другія произведенія искусства, пробудясь вдругъ въ странѣ, гдѣ скрывались безчисленныя сокровища въ этомъ родѣ, возбудилъ рвеніе многихъ охотниковъ, которые ревностно предались изысканію этихъ предметовъ. Это была лотерея, въ которой нѣкоторые обогащались въ одинъ день. Такъ, въ 1508, одинъ бѣднякъ отыскалъ въ баняхъ Тита груниу Лаокона, одно изъ великолѣпнѣйшихъ древнихъ произведеній, и получилъ отъ Папы Юлія ІІ огромный доходъ въ замѣнъ своей находки; Левъ Х отнялъ этотъ доходъ, но съ тѣмъ, чтобы дать счастливцу мѣсто, столь же почетное, какъ и выгодное, именно: папскаго нотаріуса.

При такомъ поощреніи, изысканія дѣлались съ большимъ рвеніемъ; часто продажа красиваго антика честнымъ образомъ обезпечивала существованіе продавца. Вотъ, что говоритъ Бенвенуто Челлини объ этомъ торгѣ: «Ходя часто на охоту, я познакомился съ искателями антиковъ, которые обыкновенно сторожили ломбардскихъ крестьянъ, приходившихъ въ Римъ на работы въ виноградники, и находили тамъ въ землѣ медали, агаты, сердолики, камен и т. п. Эти бѣдные люди продавали ихъ за ничтожную цѣну, я платилъ за нихъ большое число червонцевъ, чѣмъ они стоили паоловъ; но за то я и получилъ за нихъ вдесятеро болѣе и пріобрѣталъ себѣ друзей между вельможами.»

Папа Левъ X, изъ фамиліи Медичи, не останавливаль этой страсти; онъ щедро награждаль всёхъ, кто занимался искусствами или описаніемъ отысканныхъ древностей.

ватиканъ (папскій дворецъ).

Папскій дворець, основанный Папою Симако, въ началь VI сто-

лътія, быль распространень Николаемъ III, такъ, что могь служить спокойнымъ мъстопребываніемъ главъ западной церкви; но Николай V, въ половинъ пятнадцатаго стольтія, возымъль колоссальное намъреніе поставить Римъ, въ отношеніи паукъ и искусствъ, на ту степень, на которой онъ уже находился въ религіозномъ отношеніи.

И такъ этотъ напа ръшился распространить, украсить Ватиканъ, сдълать изъ него обширнъйшій и великольпнъйшій дворець во всемъ христіанскомъ міръ. Онъ намъревался не только учредить въ немъ резиденцію напы и кардиналовъ, которые составляя совътъ, всегда находились при немъ, но и присоединить еще зданія, гдъ производились бы всъ дъла Римскаго двора, съ помъщеніемъ для служащихъ при панскомъ дворъ. Обширныя комнаты предназначались для принцевъ и знатныхъ особъ, которыхъ привлекало къ Римскому двору благочестіе или мірскія дъла. Предполагали также воздвигнуть пространный амфитеатръ, для торжествъ папскаго коронованія.

Какъ ни величественъ этотъ проектъ, однако-жъ тутъ только меньшая частица плана Николая V, который хотълъ совершенно отдълить Ватиканъ отъ остальнаго города. Длинныя аркады, въ видъ галерей, назначались для внъшняго сообщенія; галереи эти въ тоже время должны были служить базаромъ для цънныхъ товаровъ. Вся эта простраиная система строеній должна была обнестись церквами, садами, фонтанами, водопроводами и т. п. Наконецъ, особенное красивое строеніе должно было воздвигнуться для собранія конклава!

«Какое торжество, восклицаетъ Вазари, было бы для Римскаго престола, видъть, какъ папа, окруженный всъми служителями церкви, въ святой обители, какъ въ земномъ раю, ведетъ жизнь праведную и небесную, служить примъромъ всему христіанству, и такимъ образомъ внушаетъ невърнымъ желаніе служитъ истинному Богу!» Трудно предполагать, чтобы этотъ проектъ имълъ такія благія последствія, но искусства, по-крайней-мъръ, воспользовались безчисленными сокровищами, которыя Римъ пріобръталь изъ встхъ христіанскихъ земель. и которыми папы жертвовали для этихъ украшеній. Искусства были словно рамка къ картинъ, никогда несуществовавшей; великольное Римскаго двора тогда доведено было до высшей и дотоль неизвъстной степени, съ которою онъ послъ того уже не могъ сравняться, именно, въ ту эпоху, когда нанскій престоль менье всего представляль зрълище той праведной и небесной жизни, которая должна была служить примпромъ всему христіанству, то есгь, во время Алексанара VI, отца Лукреціи и Цесаря Боржіа, во время Юлія II и Льва X.

Искусства могутъ украшать жертвенникъ, но не возвышать его, точно также, какъ пышность обстановки не составляетъ еще образца святости.

Вскорѣ мы увидимъ, какія несмѣтныя послѣдствія имѣли эти предпріятія для успѣховъ искусствъ, и какъ важно было ихъ вліяніе на римскую церковь и на западное христіанство. Любопытно видѣть, какой огромный размѣръ принимали постепенно эти работы, стоившій папамъ неисчислимыхъ издержекъ.

Николай V избрать Бернарда Роселлини для того, чтобъ привести въ исполнение свой гигантскій планъ; рисунки художника были одобрены; приступили къ дълу, и строенія, стоящія насупротивъ двора Бельведерскаго, были уже окончены, какъ вдругъ смерть папы остановила работы. Николай V былъ достойнымъ предшественникомъ Льва Х. Церковь въ Ватиканъ, носящая его имя, есть первый памятникъ этого ученаго и артистическаго ума, произведшаго Секстинскую капеллу, stanza и ложи Ватикана. Въ этой-то церкви находится рядъ картинъ фреско Ангелико, равныхъ, можетъ быть, тъмъ, которыя онъ написалъ для Св. Марка во Флоренціи; онъ представляютъ эпизоды изъ жизни Св. Стефана и Лаврентія. Эта церковь въ настоящее время почти единственный остатокъ древнихъ строеній Ватикана.

Работы снова начались при Пів II, Павлв II, Сикств IV, который достроиль Сикстинскую церковь и повелвль построить комнаты, служащія для библіотеки и для собраній конклавовь; Инокентій VIII докончиль многія галереи, украсиль ихъ живописью и мозаиками и воздвигнуль Бельведерь. Александръ VI соорудиль часть дворца, носящую названіе Боржіа.

Но Юлій II въ высшей степени способствоваль исполненію великолѣнныхъ плановъ Николан V. Къ счастію, онъ нашель людей, способныхъ создать великое, какъ, напримъръ, Браманте, Буонаротти и Рафаэля, и въ свою очередь эти безсмерные художники обязаны ему тъмъ, что могли свободно развивать свои таланты, будучи поощряемы наградами и имъя предъ собою открытое поприще.

Періодъ, въ который наиболье процвытали пскусства, начинается съ царствованія Юлія II (4503) и кончается со смертію Льва X (4524) или лучше, со взятіемъ Рима коннетаблемь Бурбонскимъ, въ 4527 году. Въ этотъ-то промежутокъ времени были произведены почти всъ велик я творенія по части живописи, скульптуры и архитектуры, возбумрвшія удивленіе послъдующихъ покольній, и съ которыми ничто не могло сдавниться. Подъ покровительствомъ Юлія II и Льва X, всъ великіе

художники, съ помощію многочисленныхъ учениковъ своихъ, работали усердно, одновременно, и ихъ совмъстническія произведенія представляютъ богатую дань, которую они приносили щедрости своихъ покровителей и славъ своего въка.

BPAMAHTE.

1444-1514.

Браманте родился въ одинъ годъ съ Леонардо да Винчи (1444), въ герцогствъ Урбино, такъ же, какъ и Рафаэль, которому онъ былъ двоюродный дъдъ, или, по крайней мъръ, родственникъ. Въ молодости онъ предался живописи, но по прибытіи въ Миланъ, увидя соборную церковь * сдълался зодчимъ. Онъ отправился въ Римъ, и соорудилъ тамъ, а равно и въ его окрестностяхъ, многія замъчательныя зданія, общественныя и частныя, между прочими дворецъ Торлоніа, и канцелярскій домъ.

Александръ VI оцениль Браманте, Юлій II назначиль его своимъ придворнымъ архитекторомъ. Онъ сделался любимцемъ папы, по странности, которая впрочемъ часто встречалась въ эту эпоху при Римскомъ дворѣ; папа далъ ему должность весьма выгодную, но мало соотвѣтствующую артистическому поприщу, именно хранителя печати. Другой художникъ, Себастіано, вступилъ, нѣсколько лѣтъ спустя, въ ту же должность, отъ которой онъ и получилъ названіе Себастіано del Piombo; Браманте же довольствовался однимъ жалованьемъ.

Щедро награждаемый за свои произведенія, сильный по вліянію, и найдя въ папъ такую же страсть, какую онъ самъ имълъ къ гигантскимъ работамъ, онъ употребилъ весь свой гибкій и царедворческій умъ на то, чтобы вовлечь Юлія ІІ въ предпріятія, къ которымъ тотъ и безъ того имълъ большую склонность.

Юлій II, тотчасъ по вступленій на папскій престоль, принялся за планы Николая V. Браманте поручено было построить галерей для сообщенія между папскимъ дворцемъ и садами Бельведера.

^{*} Первый камень положень быль 15 марта 1386 Іогиномь Висконти, онь быль кончень Наполеономъ Бонапарте въ 1805 году, въ настоящее время тамъ еще производятся работы, но только мелкія.

Геній художника превозмогъ препятствія, представляемыя неровностью почвы. Планъ этихъ чудныхъ строеній, нарпсованныхъ съ удивительнымъ искусствомъ и украшенныхъ колоннами разныхъ орденовъ, почитается чудомъ архитектуры. Одна изъ двухъ галерей была построена Браманте, она имъетъ 1,200 футовъ длины, и соотвътствуетъ другой loggia, находящейся на противоположной сторонъ, которая кончена была при папъ Піъ IV.

микель анджело буонаротти.

1474 - 1564.

Слава Браманте, достигнувъ своей апогеи, должна была затмиться предъ славою художника, моложе его, Микель-Анджело Буонаротти, побълоносца въ знаменитомъ конкурсъ, о которомъ мы уже говорили.

Другое обстоятельство придало новый блескъ соперничеству этихъ двухъ художниковъ, и Микель-Анджело вышедъ снова побъдоноснымъ, сдълался настоящимъ главою флорентинской школы.

На углу главной площади Флоренціи быль огромный марморный чурбань, которому Симоне—де-Фіезоле (Simone de Fiesole) ученикь Жіотто, флорентинскій скульпторь, безуспішно пытался придать видь гигантской фигуры. Этоть безобразный камень загромождаль дорогу, а
между тімь невозможно было употребить его въ діло. Флорентинское
правительство хотіло рішить вопрось и уничтожить неліпую массу,
которая, весьма справедливо, въ ту артистическую эпоху была стыломъ
для Флоренціи. Тогда обратились къ Микель—Анджело Буонаротти и къ
Леонардо—да—Винчи.

Посл'в долгаго размышленія, да Винчи отказался отъ этой работы, говоря, что сдълать статую изъ этой массы нельзя иначе, какъ употребивъ обломки, чтобъ дополнить пустоты, находящіяся въ марморъ.

Микель-Анджело, напротивъ, взялся сдёлать статую изъ одного куска, и въ его рукахъ этотъ нестройный очеркъ принялъ видъ дивной колоссальной фигуры Давида, которая и въ настоящее время находится еще на великоленной площади великаго герцога, где съ одной стороны возвышается древній дворецъ Медичи, а съ другой Loggia dei Lanzi, красивейшій портикъ въ міре. Микель-Анджело приняль свои

мъры съ такою точностью, что во многихъ мъстахъ могъ оставить весьма кстати шероховатую работу Симоне.

Одно изъ честолюбивыхъ желаній Юлія II стремилось къ тому, чтобъ обезсмертить свое имя, сдълавъ его неразлучнымъ съ именемъ величайшаго скульптора его времени. Посредствомъ самыхъ лестныхъ предложеній, онъ вызвалъ Микель-Анджело въ Римъ и поручилъ ему сдълать рисунокъ мавзолея. Безъ сомнънія, Папъ весьма прилично думать о могилъ; но Юлій II смотрълъ на нее съ артистической точки зрънія: онъ видълъ въ мавзолеъ монументъ, а не гробницу. Такъ его понялъ и скульпторъ.

Микель—Анджело занялся заданнымъ ему сюжетомъ; говорятъ, что онъ обдумывалъ его въ теченіе многихъ мъсяцевъ, не начертивъ ни одной линіи; наконецъ онъ нарисовалъ планъ памятника, который долженъ былъ превзойти величіемъ, красотою, формою линій, совершенствомъ орнаментовъ и числомъ статуй всъ памятники, созданные въ древнія и новъйшія времена.

Мавзолей, нын'т находящійся въ церкви Св. Петра, только слабая частица того монумента, для котораго Микель-Анджело представилъ Юлію II рисунокъ.

Произведеніе это, смъсь скульптуры и архитектуры, должно было изображать четыреугольный каменный валь съ нишами, въ которыхъ номѣщались статуи побѣды, украшенныя каріатидами и прислоненными къ нимъ фигурами нлѣнныхъ. Эта жилая нижняя часть поддерживала второй валь не столь широкій, вокругь котораго помѣщались колоссальныя статуи пророковъ. Наконецъ, цѣлое украшено было уступами съ бронзовыми аллегорическими фигурами. Восторженный умъ Юлія ІІ воспламенняся еще болѣе при видѣ этого изящнаго произведенія; но для такого памятника необходимо было зданіе, а въ Римѣ не было ни одного, соотвѣтствующаго ему по размѣрамъ и красотѣ. Тогда папѣ пришло на мысль срыть старую перковь Св. Петра, и на ея мѣстѣ соорудить другую, столь же дивную по архитектурѣ, какъ мавзолей Микель—Анджело по скульптурѣ.

Древняя базилика была срыта, но соотвътствуя желанію Юлія II, это было сдълано съ такою посиъшностью, что многія статуи и чудныя части зданія, а равно гробницы были уничтожены; безчиніе дошло до того, что даже разбросали кости мертвыхъ; казалось, папа съ нетерпъніемъ сиъшилъ исполнить свое предпріятіе Браманте поручено было составить нъсколько плановъ для новой церкви. Планъ, выбранный папою, пре-

восходилъ своимъ размъромъ, разнообразіемъ и величіемъ все, что когда либо видълъ Римъ, даже въ высшую эпоху своего блеска.

Въ короткое время новая церковь Св. Петра стала возвышаться на развалинахъ древней; но планы были слишкомъ колоссальны: ихъ надо было умфрить; нъсколькихъ жизней человъческихъ не хватило-бы для осуществленія такихъ громадныхъ предпріятій. Спустя много лѣтъ послъ смерти зодчаго (4514) и Юлія II (4513) производились еще работы надъ храмомъ Св. Петра; величайшіе художники посвятили ему свои таланты: Микель-Анджело, Рафаэль, Санъ-Галло, Джіокондо, Бернини, который и окончилъ его.

Церковь Св. Петра была сооружена, но мавзолей, для котораго она строилась, еще небыль исполнень; онъ даже не помъщень подъ сводами, которые должны были его защищать. Произведеніе Микель-Анлжело, значительно сокращенное, находится въ другой церкви Satno Pietro, * только статуи Моисея, Религіи, Добродътели поставлены; изъ прочихъ же были кончены одна статуя Побъды и двъ плънныхъ, первая находится во Флоренціи, а двъ послъднія были отправлены къ Франциску І, и теперь ихъ можно видъть въ Лувръ. Тъло Юлія ІІ погребено въ Ватиканъ.

Когда Юлій II, представитель Петра-апостола, столь бѣднаго и смиреннаго, что онъ даже не имѣлъ угла, гдѣ преклонить главу, возъимѣлъ страпную мысль воздвигнуть великолѣпный памятникъ для своихъ смертныхъ останковъ, онъ не подозрѣвалъ, что съ ними погребаетъ большую часть папскаго могущества.

Сооруженіе храма св. Петра вовлекло папскій дворъ въ огромныя издержки; для покрытія ихъ доставали деньги всевозможными средствами; все пошло въ продажу: мъста, должности; за деньги даже отпускались гръхи и преступленія, за деньги избавляли отъ чистилища, и чрезмърное злоупотребленіе произвело реформу. Вотъ къ чему привело, въ нравственномъ и политическомъ отношеніи, честолюбіе Юлія ІІ; для искусствъ же оно имъло послъдствія самыя блистательныя.

Въ то время, какъ Микель-Анджело составлялъ планы для мавзолея Юлія II, Рафаэль, извъстный уже какъ художникъ, былъ во Флоренціи, и изучалъ творенія Мазаччіо, съ другомъ своимъ Фра-Бар-

^{*} Церковь эта была построена въ 442 г. Евдокіею, супругою Валентиніана ІІ, при Папъ Львъ Великомъ, для храненія въ ней узъ, которыя наложены на Св. Петра въ Герусалимъ. Она была перестроена въ VIII въкъ, реставрирована Юліемъ ІІ. Въ этой церкви Григорій VII былъ коронованъ на Папскій престолъ.

толомео. Онъ былъ свидътелемъ борьбы между Леонардо-да-Винчи и Микель-Анджело. Послъднему было тогда почти тридцать лътъ.

Говорять, будто по произведеніямъ можно узнать характерь и даже привычки художника, точно такъ же, какъ по почерку можно угадать свойства человъка. Не знаю, до какой степени справедлива эта мысль, но если примънить ее къ тремъ великимъ художникамъ, которыхъ я сейчасъ назвалъ, то надо сознаться, что она имъетъ нъкоторое основаніе; портреты ихъ, писанные ими же самими, странно гармонируютъ съ характеромъ, преобладающимъ въ ихъ произведеніяхъ.

У Леонардо-да-Винчи: острота, умъ, изящество; у Рафаэля, который, не смотря на народное преданіе, вовсе не былъ красивъ, но только привлекателенъ молодостью — кротость, гармонія, простота, благородство; у Микель-Анджело— энергія, смъшанная съ суровостью, необузданная пылкость, презрѣніе къ щегольству, которое и въ его частной жизни доходило даже до цинизма. Приключеніе, жертвою котораго онъ былъ въ молодости, придало еще болѣе суровости его физіономіи. Одинъ изъ его товарищей, Петръ Торрижьяни, во время ссоры съ нимъ въ мастерской, сломилъ ему носъ и обезобразилъ Буонаротти на всю жизнь.

Онъ былъ роста средняго, но кръпкаго сложенія; его широкая голова, лобъ большой и выпуклый, глаза каріе съ желтыми пятнышками, кръпкія мышцы придавали всей его фигуръ характеръ силы и энергіи; онъ былъ таковъ дъйствительно въ нравственномъ отношеніи.

Файилія Буанаротти принадлежить къ древивішему тосканскому дворянству. Микель-Анджело быль изъ знаменитаго дома графовъ Каносса. Его врожденная склонность къ изящнымъ искусствамъ превозмогла всв препятствія, полагаемыя его семействомъ артистическому его поприщу.

Онъ отданъ былъ въ ученіе къ знаменитому Гирландахо, но геній его такъ рано развился, что еще ученикомъ, онъ исправлялъ рисунки своего учителя. Страсть его къ искусству удаляла его отъ удовольствій, свойственныхъ его льтамъ; постоянно занятый живописью, онъ выходиль изъ мастерской только для того, чтобъ изучать фрески Мазаччіо, или копировать въ садахъ св. Марка антики, собираемые съ неимовърными усиліями и издержками Лаврентіемъ Великольпнымъ.

Въроятно, Микель-Анджело при самомъ началъ ученья доказалъ свои способности, потому что Вазари, его біографъ, разсказываетъ, что учитель вмъсто того, чтобъ по обыкновенію брать съ него за обученіе плату, самъ обязался давать ему ежегодную награду, хотя небольшую (шесть, восемь, десять флориновъ). Но это свидътельствуетъ, что

содъйствіе его въ мастерской было очень важно. Впрочемъ, первые его опыты доказывають это яснъе, чъмъ всъ аттестаты.

Микель-Анджело, будучи пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, замѣтилъ въ коллекціи Медичи голову фавна, весьма поврежденную, и ему пришло на мысль исправить ее въ своей копіи такъ, какъ она должна была быть въ подлинникѣ. Увлеченный своею работою, онъ кончилъ голову, сдѣлавъ въ ней важныя улучшенія. Медичи принималъ участіе въ юномъ ученикѣ. Во время прогулокъ въ своихъ садахъ, онъ охотно останавливался, чтобъ слѣдить за его успѣхами и обмѣняться нѣсколькими словами. Въ шутку онъ сказалъ Микель-Анджело: «Твой фавнъ старъ, а ты ему сохранилъ всѣ зубы; вѣдь ты знаешь, что у стариковъ всегда недостаетъ нѣсколькихъ зубовъ.» Лишь только вышелъ герцогъ, Микель-Анджело уничтожилъ одинъ изъ зубовъ, и сдѣлалъ углубленіе въ деснѣ, какъ будто зубъ выпалъ.

Лаврентій быль весьма расположень къ Микель-Анджело. Онъ желаль оставить его при себъ, отвель ему помъщеніе во дворцъ и обращался съ нимъ, какъ съ сыномъ.

У Лаврентія Великольпнаго было два сына, Петръ, тремя годами старше Буонаротти, и кардиналь Іоаннъ, въ послъдствіи Левъ Х. Надо полагать, что выбравъ имъ товарища, прилежнаго и способнаго, онъ надъялся возбудить въ нихъ охоту къ занятіямъ. Микель-Анджело дъйствительно пользовался всъми уроками, которые ученьйшіе люди, замъчательныйшіе литераторы того времени преподавали наслъднику Медичи.

Эти неоцъненныя пособія, поощренія Лаврентія, видъ изящнъйшихъ твореній, его окружавшихъ, должны были имъть огромное вліяніе на умственное развитіе художника.

Но это счастливое время продолжалось недолго. Лаврентій Медичи умеръ 8 апръля 1492 года, а сынъ и преемникъ его, Петръ, не наслъдовалъ ни его качествъ, ни уваженія къ искусствамъ, ни расположенія къ Микель-Анджело. Петръ самъ забавлялъ Микель-Анджело, выдълывая въ теченіе цълой зимы фигуры изъ снъга.

Буонаротти оставилъ дворецъ и отправился къ пріору церкви св. Духа. Изученіе анатоміи сдълалось страстью восемнадцатильтняго юноши.

Происшествія, слѣдовавшія одно за другимъ, съ страшною быстротою, вскорѣ запесли его въ вихрь волнующейся жизни.

По вступленіи на престолъ Александра VI въ 1492 году, политика, безчинство и преступленія Борджій производять всеобщее волненіе. Слъдують предсказанія Савонароле, изгнаніе Медичи въ 1494 году. Въ это вре-

мя Содерини, послѣ продолжительныхъ смутъ, былъ избранъ главою республики подъ именемъ безсмѣннаго хоругвеносца (gonfaloniero).

Микель-Анджело, боясь лишиться милости Медичи, покинуль Флоренцію, и въ теченіе нъкотораго времени вель скитальческую жизнь; но когда спокойствіе было возстановлено въ его отчизнъ, онъ возвратился, и тогда-то предался искусствамъ со всею силою своего генія, и въ короткое время пріобръль громкую славу.

Въ эту же эпоху онъ создалъ своего Спящаго купидона, который проданъ былъ, какъ антикъ, кардиналу де Сенъ-Жоржу. Онъ старался придать этой фигуръ характеръ древности и зарылъ ее въ то мъсто, гдъ, какъ онъ предполагалъ, должны быть произведены розысканія. Хитрость удалась, но Микель-Анджело, желавшій только пошутить, признался, что онъ творецъ купидона, впрочемъ, тогда только, когда этого купидона признали высокимъ произведеніемъ новъйшихъ временъ.

Кардиналъ Сенъ-Жоржъ пригласилъ его къ себъ въ Римъ. Это первое пребываніе Микель-Анджело въ въчномъ городъ было непродолжительно.

По возвращении его изъ Флоренціи, былъ назначенъ знаменитый конкурсъ и родъ вызова, въ слъдствіе котораго былъ имъ произведенъ Давидъ. Тогда Микель Анджело сталъ въ главъ флорентинской школы, и надо полагать, что Рафаэль, по крайней мъръ въ продолженіе нъкотораго времени, находился въ числъ его учениковъ.

Въ 1503 году Юлій II вызвалъ Микель—Анджело въ Римъ. Микель-Анджело со всею страстью, свойственною его восторженной и энергической натуръ принялся за мавзолей Юлія II. Художникъ ожидалъ себъ отъ него такой же славы, какъ и самъ папа.

Колоссальная фигура Моисея была вскорт кончена, уже и другія статуи подвигались къ окончанію, какъ вдругъ папа сталъ показывать иткоторую холодность къ художнику и его произведенію. Браманте былъ главнымъ рычагомъ этихъ неудовольствій. Перестали доставлять художнику каррарскій марморъ, необходимый для работъ; а когда онъ хотълъ жаловаться, папа отказался его выслушать.

Художникъ не долго думалъ. Онъ увхалъ изъ Рима и велвлъ сказать Юлію II, «что если онъ желаетъ отдать какія нибудь приказанія, то можетъ обратиться къ кому нибудь другому.» Лишь только онъ ступилъ на землю Флорентинской Республики, пять посланныхъ, одинъ за другимъ, принесли ему извъстіе, что папа требуетъ его въ Римъ. Микель-Анджело не соглашался вхать и наконецъ написалъ папъ ко-

роткое письмо, въ которомъ просилъ извиненія, что такъ неожиданно бросилъ работу, увъряя, что сдълалъ это потому только, что въ награду за его труды, его не допускали къ его святвишеству, и что онъ даже опасался насилій противъ своей личности.

Тогда папа обратился къ начальству Флорентинской Республики, съ просьбою выслать къ нему художника. Переговоры начались тремя папскими граматами, исполненными угрозъ. Микель—Анджело, зная запальчивость и упорство Юлія, испугался и хотълъ уже принять предложеніе султана, приглашавшаго его въ Константинополь, для постройки огромнаго моста, назначеннаго для соединенія объихъ частей города: Европы въ Азію. Другъ его, хоругвеносецъ Содерини, убъдилъ его наконецъ возвратиться въ Римъ. Кондиви сохранилъ намъ ръчь этого начальника республики: «Даже самъ король Французскій не посмълъ бы поступить съ его святъйшествомъ, какъ ты поступилъ; папа не долженъ снисходить до просьбы, и мы не должны, изъ любви къ тебъ, подвергать государство войнъ или разстроивать наши отношенія съ Римскимъ дворомъ. Если ты сомнъваешься въ своей безопасности, то мы тебъ дадимъ титулъ посланника, который предохранитъ тебя отъ гнъва папы.

Это презрѣніе къ частной независимости, соединенное съ высокимъ значеніемъ, придаваемымъ художнику, представляетъ любопытную черту нравовъ того времени. Мы уже видѣли подобный примѣръ въ жизни Вероччіо. Трудно понять эту чрезвычайную щекотливость художниковъ, свободу ихъ въ обращеніи съ знатнѣйшими лицами, и совершенное отсуствіе личной независимости; легкость, съ которою пріобрѣтаются важнѣйшія должности, и недостатокъ уваженія къ лицамъ, ихъ занимающимъ. Невольно замѣчаете, что въ этомъ обществѣ все зависитъ отъ минутной прихоти, все подчинено капризамъ.

Это восточные нравы, и ясно видно, что общественное мижніе еще не существуєть.

Примиреніе между Микель-Анджело и Юліемъ II произошло въ ноябръ 1506 года, въ Болоньъ, въ городъ, только что покорившемся оружію папскому. Здѣсь мы приведемъ кстати анекдотъ, который противорѣчитъ всѣмъ нашимъ общественнымъ понятіямъ. Художникъ былъ представленъ папѣ епископомъ, который въ этомъ случаѣ служилъ посредникомъ. Микель-Анджело почтительно наклонился, чтобъ принять благословеніе, но папа, взглянувъ на него косо, сказалъ: Вмѣсто того, чтобъ придти къ намъ, ты ждалъ, чтобъ мы пришли за тобою*.» На эти слова епископъ, братъ хоругвеносца Содерини, по-

[·] Юлій II намекаль на то, что Болонья ближе къ Флоренціи, ножели Римъ.

сившиль возразить Юлію, что Микель-Анджело, принадлежа къ людямъ, знающимъ только свое искусство, заслуживаетъ нѣкотораго снисхожденія. Вмѣсто отвѣта, папа жестоко удариль прелата своимъ жезломъ по плечу, и разразивъ такимъ образомъ свой гнѣвъ, далъ благословеніе Микель-Анджело.

По этому случаю этотъ великій художникъ вылилъ бронзовую статую Юлія II, которая была поставлена въ Болоньъ предъ главнымъ входомъ въ церковь св. Петронны*. Говорятъ, что это было одно изъ его замъчательнъйшихъ произведеній. Къ несчастію оно не долго существовало. Въ 4506 году Юлій II завладълъ Болоньею, а въ 1544, Бентиволіо, изгнанные имъ оттуда, снова возвратились, и въ порывъ варварства, примъръ котораго революціи часто представляютъ, статуя была разбита; герцогъ Феррарскій купилъ металлъ и вылилъ изъ него пушку, которую въ насмъшку назвалъ la Juliana.

Микель-Анджело работаль надъ этою статуею шесть мѣсяцевъ, и кончивъ ее, возвратился въ Римъ.

Подобно Леонардо да-Винчи, который, возвратясь во Флоренцію, нашель соперника въ молодомъ Буонаротти, Микель-Анджело прівхавъ въ Римъ нашель соперника въ Рафаэль, котораго болье гибкій и пріятный таланть должень быль доставить ему попульрную славу. Рафаэлю было тогда двадцать льть.

Юлій II, котораго страсть къ обширнымъ предпріятіямъ обращалась къ новымъ предметамъ, ръшился украсить монументальною живостью плафонъ церкви, сооруженной Сикстомъ IV, его дядею. Работу эту онъ поручилъ Микель-Анджело. Художникъ въ это время былъ занятъ мавзолеемъ: новое порученіе было ему очень непріятно.

Думають, что заказь этоть быль следствіемь интриги. Браманте, завистникь Буонаротти, хотель погубить его, полагая, что ему неудастся работа, которая такъ сильно занимала папу, а вмъсть съ темъ помещаеть окончить мавзолей, долженствовавшій прославить Микель—Анджело. Все это очень правдоподобно, но предполагаемое соперничество между Рафаэлемь и Буонаротти, будто бы уже существовавшее въ ту эпоху, совершенно невероятно. И такъ Браманте вовсе не изъ участія къ Рафаэлю доставиль Микель-Анджело работу, въ следс твіекоторой должно было, по крайней мере такъ надеялись, отдать, чрезъ сравненіе, преимущество его молодому родственнику; онь заботился о выгодахъ своего собственнаго соперничества.

[•] Готическая церковь XIV въка. Три двери фасада замъчательны какъ образчикъ готической архитектуры.

Микель—Анджело едва стояль въ числъ живописцевъ; не имъя равнаго себъ по живописи, онъ предался исключительно скульптуръ, утомительная и мощная работа ръзцомъ какъ будто была необходима для пылкаго его генія. Микель—Анджело находилъ живопись масляными, красками слишкомъ женственною для мужчины, а живопись фреско считалъ недостойною своего таланта.

Онъ былъ до того несвъдущъ въ самыхъ простыхъ пріемахъ, что, принявъ на себя по необходимости работы для Сикстинской церкви, долженъ былъ вызвать изъ Флоренціи опытныхъ, хотя весьма посредственныхъ художниковъ и заставляль ихъ работать при себъ; спустя нѣсколько недъль, послъ первыхъ наложеній красокъ, онъ ихъ отпустилъ, и одинъ заперся въ церкви, не допускалъ въ нее никого и самъ принялся за дѣло. Онъ приходилъ рано утромъ, приносилъ съ собою объдъ и уходилъ только ночью.

Эта дъятельная, уединенная жизнь продолжалась нъсколько мъсяцевъ, и никто не видълъ работы Микель-Анджело; папа требовалъ чтобы публика была судьею. Открыли церковь, сняли лъса, и—это было въ началъ 1511 года,—въ первый разъ увидъли эту знаменитую живопись. Удивленіе, возбужденное ею, былъ безмърно; всъ художники присутствовали при этой выставкъ, и Рафаэль былъ въ толиъ. Событіе это имъло непосредственное вліяніе на итальянскую живопись.

Какъ прежде, враги Микель-Анджело хлопотали о томъ, чтобъ папа поручилъ ему первую стѣнопись, такъ въ послъдствіи они старались остановить продолженіе его работъ. Въ этомъ случать его хотъли замънить Рафаэлемъ, который уже прославился своими картинами въ Витиканъ.

Но Юлій II быль такъ справедливъ и твердъ, что вполнъ поддержалъ права Микель-Анджело. Завистники хотъли помрачить славу Микель-Анджело, какъ ваятеля, занявъ его живописью, и слъдствіемъ этой гнусной интриги было изящнъйшее произведеніе, равное тъмъ, какія онъ уже создалъ по части скульптуры и архитектуры.

Двадцать мъсяцевъ спустя, онъ кончилъ свое твореніе*; въ теченіе этого времени онъ имълъ частыя ссоры съ Юліемъ, нетерпъніе котораго увеличивалъ самый успъхъ предпріятія.

Не останавливаясь на разницѣ чиселъ, разсмотримъ теперь стѣнопись этой знаменитой церкви.

Сикстинская церковь, построенная въ 1473 году, представляетъ огромную продолговатую четыреугольную залу, освъщенную со всъхъ

^{*} Въ день всъхъ святыхъ 1512 года.

сторонъ шестью окнами, которыя помѣщены довольно высоко; подъ ними проведена галерея. Тамъ-то въ теченіе шести зимнихъ мѣсяцевъ папа присутствуетъ каждое воскресенье при богослуженіи. Въ углубленіи церкви, гдъ помѣщенъ алтарь, находится огромная картина, изображающая Страшный судъ, нарисованная Микель-Анджело, спустя тридцать лътъ, при папъ Павлъ III. На плафонъ въ треугольникахъ, образуемыхъ сводами, между окнами и въ простънкахъ видны фрески Микель-Анджела, заказанныя Юліемъ II. Фрески же, находящіяся подъ окнами, принадлежатъ величайшимъ художникамъ предшествовавшаго столътія: Лукъ Синьярелли, Гирландахо, Перуджино, Ботиселли, Розелли и др*.

Своды, илущіе отъ оконъ, сглаживаются у плафона; плафонъ этотъ плоскій, онъ разділенъ на картины различной величины, сюжеть которыхь заимствовань изъ книги Бытія, какъ напримітръ: «Созданіе Міра» и «Гріхопаденіе человітка». Тамъ, гді начинаются своды, между окнами, поміщены фигуры пророковъ, всего десять фигурь—пять пророковъ и столько же сивиллъ. Захарій и Іона находятся на двухъ концахъ залы.

Весьма ошибочно полагають, что стоить только взглянуть на живопись Сикстинской церкви, чтобъ прійти въ восторгъ. Отъ времени и копоти, она почернъла, особенно Страшный Судъ, и притомъ, какъ я уже сказалъ, стънная живопись не удовлетворяетъ глаза, привыкшаго къ прелести масляныхъ красокъ. Сверхъ того надобно имъть весьма развитый вкусъ и положительныя знанія дъла, чтобъ опънить красоты, проистекающія изъ самыхъ высокихъ и вмъстъ строгихъ достоинствъ искусства.

Всякій можеть, до изв'єстной степени, понять произведенія Рафаэля, не постигая ихъ истиниаго достопиства; творенія же Микель-Анджело, въ чемъ его справедливо упрекають, относятся исключительно къ наукъ.

Одинъ писатель, весьма умный человъкъ, извъстный своими сочиненіями объ Англіп и Италіи, Г. Симонъ, говоритъ что фигуры въ Страшномо судів не похожи на людей. Слово необдуманное, но принятое людьми, которые видъли фрески Микель-Анджело и были къ тому также приготовлены, какъ и этотъ писатель; эти люди прежде всего требуетъ отъ живописи чтобъ она льстила ихъ вкусу красотою, яр-

Чтобъ дать мъсто Микель-Анджелу, Павелъ III приказалъ стереть три фрески Перуджина и одну Гирландахо, которыя находились тамъ, гдъ теперь нарисованъ «Страшный Судъ «

костью и нъжностью красокъ, и мало заботятся объ остальномъ, т. е. объ рисункъ, о композиціи, о знаніи, о мысли, потому что эти предметы выше ихъ понятія.

Впрочемъ, человъкъ мыслящій и говорящій, не такъ, какъ попугай, долженъ согласиться, что если ему трудно оцънить достоинство какого либо произведенія, то въ этомъ виноватъ онъ самъ, а не художникъ; слава, выдержавшая трехсотлътнее испытаніе, не можетъ быть основана на капризъ моды; я вовсе не утверждаю, что всему прекрасному должно одинаково сочувствовать; я очень понимаю, что страстный почитатель Кореджіо не можетъ въ равной степени восхищаться Буонаротти; можно выбирать между Клавдіемъ Лореномъ и Рюйсдалемъ, Расиномъ, Корнельемъ, Моцартомъ и Керубини, но преимущество, отдаваемое одному, не уничтожаетъ еще дарованій другихъ.

Г. Константень въ своихъ Idées italiennes совътуетъ любителю, которому необходимо пріучить глазъ къ стѣнной живописи, изучить прежде всего Гвидову Аврору во дворцѣ Роспильози, Рафаэлеву Психею и Галатею въ Фарнезина, и фрески Доминикана и Гвертино въ церквахъ св. Андрея, св. Онуфрія, во дворцѣ Костачути, и послѣ того уже обратиться къ произведеніямъ Микель-Анджело въ Сикстинской церкви.

Страшный судь важньйшее произведеніе, но не лучшая стьнопись Микель-Анджело. Христось является въ ней, какъ судія человъковъ: это уже не искупитель міра, въ ликѣ его нѣтъ той восхитительной ангельской кротости, какъ въ Тайпой Вечери Леонардо да Винчи;
это грозный и всемогущій повелитель, неумолимый судія, это dies iroe.
Пресватая Дъва у ногъ его, она предстательствомъ своимъ старается
смягчить небесный гнъвъ. Эти двѣ фигуры Христа и Святой Дъвы,
заимствованы изъ Страшнаго суда Орканьи, въ Сатро-santo, въ Пизъ.
На правой сторонѣ праведники возносятся на небо, налѣво, осужденные низвергаются въ адъ; посрединѣ находится извъстная восхитительная группа ангеловъ, благовъствующихъ трубнымъ гласомъ, налѣво отъ
нихъ знаменитая фигура грѣшника, размышляющаго о своей участи.
На заднемъ планѣ множество фигуръ, зрвтелей этой сцены. Она происходитъ между небомъ и землею; внизу представлена земля, мертвые
возстаютъ изъ могилъ.

Сюжетъ этотъ великолъпенъ для поэта, но не эфектенъ для живописца. Въ картинъ—глазъ долженъ мгновенно схватывать цълое, единство дъйствія должно овладъвать воображеніемъ; въ поэзіи, напротивъ, разнообразное дъйствіе представляется ему въ постепенныхъ эпизодахъ, въ подробностяхъ, которыя дъйствуютъ на слухъ и слъдовательно не могутъ быть схвачены одновременно. Оттого и происходитъ двоякое правило: живописецъ, представляя разнообразныя дъйствія, долженъ наиболъе заботиться объ эфектъ цълаго; поэтъ же, напротивъ, долженъ стараться, чтобъ каждая часть отдъльно была полна и занимательна сама по себъ.

По этому правилу можно судить о многихъ картинахъ; по этому же правилу очевидно, что Микель-Аиджело не долженъ былъ изображать Страшнаго суда, а Тинторетъ Блаженства небеснаго, о которомъ мы въ послъдствій будемъ говорить. Толиа фигуръ и множество эпизодовъ затрудняютъ и утомляютъ глазъ. Чтобъ оцінить произведеніе, надо его разсматривать въ подробностяхъ; а чрезъ это теряется главное преимущество живописи: мгновенное впечатлініе. Николай Пуссень и Жироде изобразили потопо, но и тотъ и другой выбрали изъ великаго событія одинъ только эпизодъ. При изображеніи такихъ огромныхъ сценъ, надо поступать, какъ Мартинсъ въ своихъ апокалипсическихъ сценахъ: у него отдільныя фигуры исчезаютъ, чтобъ дать місто массамъ.

У Микель-Анджело въ его огромной фрескъ нътъ спокойствія, нътъ тъхъ большихъ линій, которыя направляютъ глазъ и помогаютъ ему охватить цълое; это перепутанная масса нагихъ фигуръ, въ свиръпыхъ положеніяхъ, путаница восхитительная, если ее разобрать, но до тъхъ поръ весьма непонятная.

Талантъ Микель-Анджело, болъе сочувствующій ужасному, нежели граціозному, выказывается во всемъ своемъ величія въ той части картины, гдъ осужденные борятся съ бъсами, увлекающими ихъ, или предаются молчаливому отчаянію. Ничто въ живописи не сравнялось съ этимъ произведеніемъ въ отношеніи величія и энергіи выраженія *.

Микель-Анджело, по примъру Данте, помъстилъ друзей своихъ между праведниками, а враговъ между осужденными; онъ позволилъ себъ нъкоторое не совсъмъ приличное смъщеніе языческаго ада съ римскимъ чистилищемъ; напримъръ, внизу картины видънъ Харонъ съ его лодкою.

Сюжеты, взятые изъ Библіи и пзображенные на плафонъ, суть первыя и лучшія фрески Микель-Анджело. «Когда глазъ свыкнется съ стънною живописью, (говоритъ Константень, на котораго я часто

^{*} Въ Лувръ находится теперь прекрасная копія Страшнаго суда Сигалюна; но въ Неаполъ есть другая, меньшаго размъра (7 футъ вышины), сдъланная подъ надзоромъ Микель Анджело Марцелломъ Венусти, это истично изящное произведеніе.

ссылаюсь, потому что ни одинъ художникъ не изучалъ великихъ маестро такъ много и такъ хорошо, какъ онъ) тогда надо вооружиться хорошею зрительною трубою и внимательно вникать въ красоты Сотворенія человька. Эта картина, говоритъ онъ, по моему мнѣнію, стоитъ на высшей ступени, до которой когда либо достигало новѣйшее искусство. Я полагаю, что съ нею ничто сравниться не можетъ. Взгляните на эту форму человѣка, брошенную на землю, и на Всемогущаго, который, проходя мимо, одушевляетъ ее. Какая быстрота! Какое могущество въ движеніп Творца! Онъ проходитъ, и, даже не останавливаясь, создаетъ человѣка! Съ другой стороны, какое глубокое впечатлѣніе въ этомъ существѣ, впервые ощущающемъ свое бытіе! Эта картина соединяетъ все—высокую мысль и высокое исполненіе. Въ этомъ родѣ нѣтъ ей ничего равнаго. Изъ всѣхъ произведеній Рафаэля, одно только небесное воинство, изгоняющее хищниковъ въ Геліодорѣ, можетъ выдержать сравненіе.»

Я съ умысломъ привелъ всѣ эти слова, потому что здѣсь дѣло идетъ объ оцѣнкъ одного изъ главнѣйшихъ произведеній Микель-Анджело истиннымъ судьею, смотрящимъ на него съ точки зрѣнія самой важнѣйшей въ теоріи искусства; но оно заслуживаетъ нѣкотораго размышленія, и потому я остановлюсь да нѣсколько минутъ.

Прежде всего я долженъ повторить то, что я уже сказалъ о Тайной Вечери Леонардо-да-Винчи: изображение божества всегда докажетъ ясно, что геній человъка не можетъ постигнуть, а искусство выполнить живой образъ божества.

Понятно, что Микель—Анджело, искуснъйшій живописець и скульпторъ древнихъ или новыхъ временъ, можетъ обезсмертить себя, изобразивъ человъка по подобію Божію; цъль искусства облагороживать предметы, стало быть, красота физическая и красота идеальная—могутъ быть достигнуты искусною рукою; но красота божественная требуетъ совершенно другихъ наитій, другихъ вдохновеній.

Греческое, язычество ставило своихъ боговъ наравит съ людьми; у нихъ были тъ же страсти, и они превосходили людей только могуществомъ и красотою физическими. Юпитеръ морщитъ чело, чтобъ потрясти Олимпъ; величіе, сила, быстрота, красота—вотъ дары, которые Гомеръ хранитъ въ запаст для своихъ боговъ, стоящихъ у него на степени болте возвышенной и чудесной, нежели его любимъйшіе герои; но вст эти качества необходимо ограничиваются изображеніемъ пластическимъ, человъческими формами, свойствами общими встыть смертнымъ. Потому-то у язычниковъ, если герои восходятъ до степени боговъ, то и боги нисходятъ до людей; напримъръ, по какимъ признакамъ отличите

вы Юпитера отъ Агамемнона, Аполлона отъ Ахиллеса, Марса отъ Аякса? По условнымъ атрибутамъ, которые не слиты съ этими лицами, и уничтоживъ ихъ, мы подвергаемся опасности сдълать изъ царя аргосскаго повелителя боговъ, и изъ картины въ простонародномъ вкусъ портретъ супруга Венеры!

Можно-ли это допустить въ христіанскомъ искусствъ? Можно-ли

придумать достойныя формы для Бога-духа?

Впрочемъ мы въ этомъ не упрекаемъ Микель-Анджела; въ его время преданія объ язычествъ странно были смъщаны съ теоріями христіанскаго искусства, и его очень удивила бы наша строгость въ этомъ случаъ.

И такъ допустивъ, что этотъ старецъ въ лиловомъ одъяніи, несущійся по воздуху и поддерживаемый ангелами есть олицетвореніе Создателя, мы соглашаемся, что дъйствительно искусство не можетъ быть совершеннъе. Но мы не будемъ кричать вмъстъ съ вышеприведеннымъ писателемъ: «Какая быстрота!.. Творецъ проходитъ и, даже не останавливаясь, создаетъ человъка?» Это слова поэта, а не художника, потому что быстрота эта существуетъ въ воображеніи, равно какъ и процессъ сотворенія человъка.

Подлів Сотворенія человька находится въменьшемъ размітрів Сотвореніе эксенщины, тоже превосходное, но не столь высокое; фигура Евы, исполненная простоты и прелести, доказываетъ, что Микель-Анджело могъ бы отличиться въ изображеніи женскихъ фигуръ, еслибъ онъ несчиталъ этого недостойнымъ своего таланта.

Въ третьемъ, большомъ отдъленіи находится Грпхопаденіе человыка и его Изгланіе изъ рап. Произведеніе это представляєть особенность, о которой стоить здъсь уномянуть: верхняя часть змія, обвивающаго своими изгибами древо нознанія добра и зла, изображаєть красивую женщину, родъ сирены или морскаго бежества. Этотъ дьяволь съ головою женщины и туловищемъ змізи согласуется съ древнимъ преданіемъ восьмаго, или даже седьмаго столітія; изображеніе это часто встрівчаєтся въ миніатюрахъ, украшавшихъ древнія рукониси и также въ стінной живописи; въ Сатро-Santo въ Пизъ, находится фреско Пьетро Орвіэто, гдіз искуситель представленъ въ видіз молодой женщины. Микель-Анджело сліздоваль преданію, пользуясь этою выдумкою для того, чтобъ придать групи больше живости.

Знаменитыя фигуры пророковъ и сивиллъ находятся между окнами. Здъсь ничто не препятствовало полному развитію таланта Микель-Анджело; онъ могъ сосредоточить всъ свои силы и достигнуть истины, потому что сивиллы и пророки носять образь человъческій; чтобъ слъдовать истинт, ему слъдовало придать этимъ фигурамъ выраженіе величія и власти, свойственное лицамъ, съ которыми или чрезъ которыхъ говорилъ самъ Богъ.

Произведенія Микель-Анджело въ Сикстинской церкви не суть отдѣльныя картины, имѣющія между собою связь потому только, что онѣ всѣ религіознаго содержанія. Онѣ представляютъ восхитительное цѣлое въ отношеніи мысли и исполненія.

Прежде всего сотвореніе міра, потомъ сотвореніе человѣка, грѣхопаденіе Адама и Евы, всемірный потопъ. По объимъ сторонамъ главнаго входа, Микель—Анджело намѣревался изобразить паденіе дьявола.
Не извѣстно по какой причинѣ онъ не исполнилъ этого намѣренія. Пророки и сивиллы олицетворяютъ ветхій завѣтъ; они предвѣщаютъ пришествіе Сына Божія, долженствовавшаго установить Новый завѣтъ. Тотчасъ надъ окнами представлены лица, составляющія родословіе Пресв. Дѣвы; въ каждомъ изъ четырехъ угловъ изображены сюжеты изъ Еврейской
исторіп, сюжеты эти слѣдующіе: Давидъ, обезглавливающій Голіафа,
ИОдивь—Олоферна, Наказаніе Алана, Поклоненге мюдному змію.
Сотвореніе Евы занимаєть самую средину плафона. Наконецъ Страшный судъ: конецъ вѣковъ.

Знаменитыя Рафаэлевы картоны, можетъ быть самое лучшее его произведеніе, служили моделью для шпалеръ, назначенныхъ украсить Сикстинскую церковь; сюжеты ихъ взяты изъ дъяній апостольскихъ, они пополняютъ мысль Микель-Анджело.

Изъ этого видно, до какой высоты восходила живопись, какого знанія, какого генія она требовала, чтобъ понять такіе сюжеты; сколько практическаго знанія, чтобъ ихъ выполнить!

Если вы разсмотрите стънопись художниковъ, украсившихъ Сикстинскую церковь и сравните ее съ произведеніями Микель-Анджело, то этотъ великій живописецъ представится вамъ, какъ орелъ, парящій надъ всъми своими соперниками, и замъ трудно будетъ понять, какимъ образомъ художникъ, почти при первыхъ своихъ опытахъ, превзошелъ лучшихъ живописцевъ, ему предшествовавшихъ, и открылъ новое поприще своимъ соперникамъ. Смотря на эти картины, никто не надъется подражать или сравниться съ Микель-Анджело: это гигантъ, поражающій всякаго, кто къ нему приближается, между тъмъ, какъ Рафаэль, хотя съ нимъ также трудно сравниться, внушаетъ нъкоторую надежлу. Модели его посреди насъ; кажется списывая съ природы съ про-

стотою самой природы, мы къ нему приблизимся. Другими словами: у Рафаэля искусство не примътно; Микель-Анджело же всегда выше человъческаго понятія: онъ могуществомъ своего генія дълаетъ ощутительною свою мысль. Онъ приводитъ въ отчаяніе своихъ подражателей; Рафаэль же ободряетъ своихъ.

Г-жа Сталь, сравнивая этихъ двухъ необыкновенныхъ людей, сказала: Микель-Анджело библейскій живописецъ, Рафаэль—евангельскій.

Если привести на память и Моисея, и куполы св. Петра, и стънопись Сикстинской церкви, то надо сознаться, что Микель-Анджело Буонаротти создаль высочайшія произведенія по части живописи, скульитуры и архитектуры. Буонаротти быль вмістіє съ тімь поэть, и притомъ
превосходный поэть. Онъ подражаль Данту, служившему ему образцомь,
но болье въ произведеніяхь искусства, чімь въ поэзіи. Онъ иміль къ
півцу «Ада» болье артистическаго сочувствія, чімь литературной склонности; потому-то въ первомь случав и замітно такое ощутительное сходство между ними. Точно такъ, какъ Данте, по-видимому, искаль трудностей версификація, Микель-Анджело преимущественно придерживается того, что всего трудніве въ рисунків и съ одинаковымь знаніемь и
искусствомъ превозмогаетъ препятствія, имъ самимъ созданныя. Онъ
жиловать, мускуловать, силень; его сокращенія, постановки всегда чрезвычайно трудны; но вообще у него въ выраженіи столько же благородства, сколько и мужества.

Обоихъ можно упрекнуть въ нѣкоторой принужденности, такъ сказать, въ педантствѣ, въ страсти выказать свои знанія, что и заставило критиковъ сказать, что Данте былъ болѣе богословъ нежели поэтъ, а Микель-Анджело скорѣе анатомъ, чѣмъ живописецъ; наконецъ оба показываютъ такое равнодушіе къ прекрасному, что (какъ говоритъ Менгсъ) Микель-Анджело даже впадаетъ въ грубость.

Впрочемъ, не надо продолжать этого сравненія: если Данта не всегда можно ставить образцомъ для поэзіп, Микель-Анджело, напротивъ, долженъ считаться совершеннѣйшимъ образцовымъ живописцемъ. Ему пріятно было показать знаніе, котораго никто не достигалъ въ такой степени, какъ онъ, и которое онъ пріобрѣлъ цѣною большихъ пожертвованій.

Скажемъ еще нъсколько словъ о фрескахъ Микель-Анджело. Павелъ III заказалъ ему Страшный судъ, чтобъ дополнить картины, исполненныя при Юліъ II. Микель-Анджело отказывался, говоря, что не можетъ предпринять никакой работы до окончанія его нескончаемаго

мавзолея, и что обязанность эта тъмъ болъе ему священна, что смертные останки Юлія уже нъсколько лътъ ожидають своего послъдняго жилища.

Павелъ III просилъ герцога Урбино, племянника и наслъдника Юлія II, позволить Микель—Анджело сдълать значительныя сокращенія въ планахъ этого памятника, и памятникъ доведенъ былъ до того состоянія, въ которомъ мы его видимъ ныпъ.

Когда герцогъ изъявилъ свое согласіе, то Павелъ III въ сопровожденій десяти кардиналовъ, отправился въ мастерскую Микель-Анджело, чтобъ склонить его взяться за картину. Себастьяно-дель-Піомбо, котораго Микель-Анджело вызвалъ изъ Венеціи, чтобъ его противопоставить Рафаэлю, хотълъ нарисовать эти обширныя картины масляными красками. Въроятно по этому-то случаю Микель-Анджело сказалъ, что живопись масляными красками слишкомъ женственна и прилична только лънивцамъ и неспособнымъ! Слово весьма неосновательное въ устахъ художника, которое было сказано скоръе въ насмъшку Себастіану, съ которымъ Микель-Анджело уже началъ ссориться.

Въ 1541, послѣ семилѣтней работы, эта картина была кончена; тогда уже прошло 28 лѣтъ со смерти Юлія II, и 21 годъ какъ Рафаель нѣсколькими мѣсяцами предшествовалъ Льву X въ могилу.

Изъ художниковъ Микель Анджело менте встхъ обращалъ вниманіе на вопросы о благопристойности и неприличіи въ искусствъ, онъ видъль академическую фигуру тамъ, гдъ другіе находили соблазнъ. Папа Павель IV быль въ числѣ послѣднихъ; онъ хотѣлъ, и это было первымъ его дѣйствіемъ по достиженіи власти, чтобъ изъ уваженія къ святилищу Страшный судъ былъ бы стертъ, и только съ большимъ трудомъ убъдили его отмѣнить это повелѣніе и позволить какому нибудь художнику переодить (я не нахожу другаго выраженія) нѣкоторыя изъ этихъ фигуръ. Даніилъ де-Вольтерра, довольно извѣстный живописецъ, оказаль уже эту услугу Исаів Рафаэла*, онъ тоже сдѣлалъ и для Микель Анджело, отчего и получилъ названіе Braghettone, которое нельзя иначе перевести, какъ сказавъ, что оно противоположно слову голоногій.

Между тъмъ, какъ Микель-Анджело работалъ въ Сикстинской церкви, Рафаэль украшалъ своими дивными произведеніями залы Ватикана, гдъ онъ впервые выказалъ все величіе своего генія.

Рафаэль родился въ Урбино, въ 1483, следовательно ему было тогда деадцать инть летъ. Отецъ его, посредственный живописецъ, поручилъ его артистическое воспитание Перуджино, а Браманте, родствен-

^{*} Въ церкви св. Августина въ Римъ.

никъ его, любимецъ Юлія II, вызвалъ Рафаэля изъ Флоренціи, чтобъ дать ему участіе въ работахъ, предполагаемыхъ папою.

Скажемъ теперь нъсколько словъ о Перуджино.

перуджино.

1446--1524.

Современникъ Леонардо да-Винчи, Перуджино, былъ одинъ изъ знаменитъйшихъ и безъ сомнънія самый популярный изъ славнаго покольрія художниковъ, приготовившихъ въкъ Льва Х. Ему недоставало только богатаго воображенія, чтобъ сравниться съ Леонардо да-Винчи.

Между этими двумя художниками существуеть та разница, что они, будучи однихъ лѣтъ и принадлежа къ пятнадцатому вѣку, потому что оба родились въ первой его половинѣ, шли по разному пути: Леонардо да Винчи считается основателемъ новой школы, а Перуджино послъднимъ поборникомъ стараго стиля.

Леонардо да-Винчи вполнт принадлежить новому искусству; онь опередиль свой вткъ въ пластическихъ искусствахъ, равно и въ физикъ и въ математическихъ наукахъ, потому что по временамъ встртчающееся сходство между нимъ и предшествовавшими или современными ему художниками не есть слъдствіе навыка, но проистекаетъ изъ идей, имъ самимъ созданныхъ. У Перуджино, напротивъ, замътно преданіе старой школы: въ немъ нътъ тонкости ума Леонардо да Винчи, онъ лишенъ того положенія въ обществъ, которое могло бы его развить, возвысить въ немъ артистическій инстинктъ, и дать его поприщу полную независимость.

Сухость и натянутость фигуръ, скудныя драпировки, пустая симметрія—вотъ слёды стараго стиля, въ избытке встречаемые въ его произведеніяхъ. Но за то какіе успехи въ выразительности (экспрессіи), въ колорить, въ композиціи! Если мы видели въ стенописи Беато Ангелика головы такой красоты, какую не могъ превзойти и самъ Рафазль, то мы можемъ сказать, что въ общемъ взглядь, картины Перуджино приближаются къ новейшему вкусу гораздо больше, чемъ картины Беато Ангелико. О таланть Перуджино можно судить по двумъ картинамъ, сохранившимся въ Секстинской капелль: Крещеніе Спасителя и Петръ Апостоль, принимающій отъ Христа ключи, въ осо-

бенности же по картинъ, находящейся въ галереъ Альбапи, въ Римъ, она представляетъ Пресв. Дъву, окруженную ангелами и святыми, поклоняющуюся Предвъчному младенцу. Во Флоренціи много картинъ, принадлежащихъ къ лучшимъ его произведеніямъ.

Перуджино былъ живописецъ болье по ремеслу, чъмъ по призванію, если судить по значительному количеству его картинъ и по однообразію ихъ содержанія; онъ рисовалъ только слъдующіе предметы: Мадонну, св. семейство, Вознесеніе, Распятіе, и вст эти картины похожи одна на другую. Очевидно, онъ работалъ для того, чтобы существовать, а не по вдохновенію.

Настоящее имя Перуджино было Пьетро Ваннучи; онъ подписываль также: Pietro de Castro Plebit, потому что родился въ Citta della Pieve. Названіе Перудожило было ему дано потому, что онъ быль гражданинъ Перузы, какъ въ настоящее время, въ Германіи въ особенности, часто называють ремесленниковъ именемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они родились или откуда пришли.

Съ Перуджино начинается Римская школа, до него эта школа производила незрълые плоды. Перуджино былъ ея Мазаччіо, Гирландахо, источникъ ея славы, потому что онъ былъ учителемъ Рафаэля, не по названію только, но дъйствительно былъ наставникомъ, которому этотъ знаменитый живописецъ обязанъ прочнымъ основаніемъ своего таланта.

as any first inspect a statistical first of the administration of the

Court of the Maria weeks of the Continue

day therefore one to be a contract

Same W. Stilleren However & Co. to Essayane.

III.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

Статистика теперь въ большой модѣ. Всѣ журналы наполнены статистическими выводами, и мы, по примѣру ихъ начиемъ пынѣшнее письмо офиціальными извѣстіями о томъ. что кушаетъ Парижъ, а потомъ перейдемъ къ его забавамъ и занятіямъ.

Извъстно, что этотъ Гаргантуа кушаетъ только два раза въ день, то есть завтракаетъ и объдаетъ, но не смотря на такую примърную воздержность, каждый часъ закусываетъ, пробуетъ разныя кушанья, угощаетъ себя сластями, и послъ всего этого еще смъется падъ патріархальною провинціею, которая садится за столъ четыре раза въ день.

Любопытно изследовать, что каждый день поглощаеть этоть огромный городъ, сколько провизін надобно для чудовищнаго обеда, насыщающаго болье милліона жителей! Каждый день на няти парижскихъ бойняхъ убивають двести быковъ, двести-патьдесять телять, двести-деваносто свиней и тысячу двести барановъ. Кажется довольно мяса на...
двадцать четыре часа. И все это служить только для пищи богатыхъ или
достаточныхъ парижанъ; бедные же не могутъ угощать себя такимъ дорогимъ кушаньемъ, и вместо его употребляютъ соусы изъ кошекъ, бифстексъ изъ лошадей и какую-то микстуру вместо вина, о чемъ, разуместся, статистика умалчиваетъ, хотя и не можетъ скрыть, что каждую неделю убиваютъ до четырехъ сотъ коровъ, которыя продаются
подъ именемъ быковъ.

2 Смись.

Это огромное количество мяса требуеть, разумьется, такой же пронорціи овощей и плодовъ. Цълыя горы капусты, ръны, салату, цълые
льса ръдьки, моркови, спаржи исчезають ежедневно въ желудкъ ненасытнаго Пантагрюэля. Кромъ этого Парижъ съъдаетъ въ годъ на двънадцать милліоновъ птицъ и дичи, на десять милліоновъ рыбы и устрицъ.
Неизвъстно гдъ на свътъ находится столько курицъ, чтобъ нести для
Парижа япцъ на восемь милліоновъ франковъ, и столько молока, чтобъ
приготовить для него сыру на два милліона пятьсотъ тысячъ. За десертомъ своимъ Гаргантуа съъдаетъ двъсти тысячъ килограмовъ винограду
и семьсотъ пятьдесятъ тысячъ килограмовъ другихъ плодовъ, смотря по
времени года. Одни окрестные парижскіе сады присылаютъ въ этотъ
городъ ежегодно два милліона фунтовъ плодовъ, что, кажется, очень много, но едва ли приходится и по два фунта на каждаго жителя, что
очень мало. Къ этимъ блистательнымъ результатамъ приводитъ статистика Парижа.

Теперь любопытно также узнать, въ какой мѣрѣ чувствуетъ себя здоровымъ Парижъ послѣ такой пищи? И на этотъ вопросъ статистика отвъчаетъ: что среднимъ числомъ умираетъ въ этомъ городѣ отъ разныхъ болѣзней 25,000 человъкъ въ годъ. Это значитъ, что каждыя двадцать минутъ пресъкается одна человъческая жизнь. Во всей же Франціи умираютъ ежегодно 800,000 человъкъ. Давно уже разсчитали, что на всемъ земномъ шарѣ умираетъ въ секунду по человъку, — это значитъ, что съ земли каждый годъ исчезаетъ народонаселеніе въ 8,208,000.

Но довольно о статистикъ. Посмотримъ, чъмъ занимается и чъмъ забавляется Парижъ. Кажется, что въ такое жаркое время года можно бы людямъ отдохнуть и успокоиться, но напротивъ, тутъ-то и случается больше споровъ, ссоръ и драматическихъ происшествій. Недавно во время представленія въ большой оперѣ, въ четвертомъ актѣ піесы раздался выстрѣлъ въ одной изъ ложъ втораго яруса. Тамъ сидълъ молодой человѣкъ, который внимательно слушая музыку, преспокойно приставилъ пистолетъ ко рту, и спустилъ курокъ. Черепъ его разлетълся въ дребезги и кровь брызнула на сосѣднія ложи. Можно вообразить, какой шумъ сдѣлался въ театрѣ! Оперу нельзя было уже продолжать. Дамы лежали въ обморокѣ, многіе бѣжали изъ театра, ожидая можетъ быть нападенія,— словомъ кутерьма была страшная. Трупъ несчастнаго вынесли и нашли на немъ записку, въ которой онъ объявляетъ мѣсто своего жительства, куда и отнесли его. По найденному паспорту и нѣкоторымъ бумагамъ полагаютъ, что несчастный былъ от-

ставной прусскій офицеръ. Но причина самоубійства неизвъстна, точно также какъ и странная мысль умереть въ театръ, во время представленія.

Споры, ссоры и процессы идуть своимъ чередомъ. Нътъ ни одного театра, гдв бы дирекція не подавала жалобъ на артистовъ, артисты на директоровъ или на авторовъ. Водевиль La vie en гозе произвелъ грозную кореспонденцію между актрисами Дошъ и Пажъ, которыя поссорились изъ-за главной роли въ этомъ водевилъ, и начали печатать въ газетахъ нисьма, упрекая другъ друга въ опытности и считая лъта соперницы. Споръ этотъ кончился тъмъ, что г-жу Дошъ заставили играть въ водевиль, г-жу Пажъ заставили заполчать, и ко всему этому издатель журнала Фигаро , стивичов что объимъ актрисамъ нечего считаться опытностью, потому что имъ вмъстъ шестьдесять-девять льть, которыя объ актрисы могуть дълить, какъ имъ угодно. Узнавъ это невыгодное, сложение г-жа Дошъ вскричала очень наивно: «я ни какъ не думала, чтобъ Пажъ было уже тридцать девять лётъ! о

Для выхода Брессана на сценъ французскаго театра, Скрибъ написалъ небольшую комедію: Моя звизда, которая впрочемъ не имела большаго успъха, но все таки осталась на репертуарт но причинт хорошей игры артистовъ. Сюжеть этой Звъзды совсъмъ не новъ и былъ нъсколько разъ выведенъ на сценъ и въ повъстяхъ, въ чемъ сознался самъ авторъ. Но вдругъ фельетонистъ Шарль Буань подалъ въ судъ жалобу на Скриба, говоря, что такъ какъ водевилистъ присвоилъ себъ анекдотъ, помъщенный въ одномъ изъ фельетоновъ Буаня, то обязанъ объявить его имя на афишъ, какъ сотрудника, и выдавать ему должное вознагражденіе. Судъ разсмотрёль это дело, выслушаль обонкь противниковъ, защищавшихъ свои митнія очень краснортчиво и остроумно и решиль, что анекдоть, приведенный въ фельетонь, какъ городской слухъ, ни какъ не можетъ считаться авторскою собственностью, и что если Скрибъ и взялъ этотъ сюжетъ для водевиля Mon etoile (въ чемъ онъ не сознается, говоря, что зналъ анекдотъ прежде фельетониста, и что на этотъ же сюжетъ написаны уже три пьесы: Oui et non, Un coup de Lansquenet, Au petit Bonheur,) то онъ ничъмъ не обязанъ Буаню, который, говоря о всёхъ происшествіяхъ въ Парижѣ, пожалуй, потребуетъ, чтобъ ни одинъ журналъ не смълъ упоминать о нихъ. Притомъ же Шарль Буань, разсказывая этотъ анекдотъ, самъ прибавляетъ: совътую драматургамъ воспользоваться этимъ сюжетомъ, который въроятно будетъ имъть много успъха на сценъ. Отчего же, не привязыСмись.

ваясь къ авторамъ трехъ выше названныхъ пьесъ, ему вздумалось подать жалобу на Скриба? Самая върная причина этому та, что Шарль Буань, завидуя извъстности счастливаго Скриба, хотъль публикъ напомнить и о своихъ заслугахъ, но это привело его только къ тому, что судъ обвинилъ его, а оправданный противникъ будетъ по-прежнему брать свои сюжеты гдъ ему вздумается.

Другой бъдный забытый писатель тоже осмълился возстать противъ Александра Дюма перваго, напомнивъ ему, что привычка присвоивать чужое, сродна встмъ драматургамъ вообще и Дюма въ особенности. Двадцать летъ тому назадъ, процессъ изъ-за известной пьесы: Нельская башия надълаль много шуму въ литературъ, и если не принесъ большаго вреда Дюма, обвиненному шесть разъ сряду, то послужить причиною добровольнаго изгнанія біднаго Фредерика Гальярде, подававшаго большія надежды и отказавшагося отъ литературы, гдв на первомъ шагу онъ встрътилъ непріятности, клевету, обманы, и гдъ его обобрали какъ на проселочной дорогь, въ темную почь. Нынче Дюма счель необходимостью издавать свои записки, выставляя себя въ нихъ сказочнымъ героемъ чуть ли не д'Артаньяномъ, и припоминая эпоху Нельской башни и последовавшихъ за нею процессовъ и дуэли, старается представить своего противника въ смѣшномъ видѣ, говоря, что Гальярде человъкъ безъ таланта, безъ образованности, безъ свътскости, и если судьи рашили дало въ его пользу, то все-таки Нельскую Башню написаль одинь Дюма, потому что ни чьи другія пьесы не могли имъть такого огромнаго успъха.

Въроятно романистъ-драматургъ писалъ эти хвастливые доводы въ надеждъ, что Гальярде, поселившійся въ Америкъ, не прочитаетъ его записокъ; но случилось, что настоящій авторъ Нельской башни прітхалъ въ Парижъ, и узнавъ о благородномъ поступкъ своего прежняго противника, написалъ ему печатно письмо, такое умное, дъльное и сильное, что даже Мушкетеръ долженъ былъ сознаться, что Гальярде не разучился писать, и что теперь даже безъ помощи суда можетъ защититься отъ дружескихъ нападковъ остроумнаго Дюма. Въ этомъ письмъ онъ онять ясно доказываетъ, приводя върныя свидътельства, что драма Нельская башня (изъ-за которой совсъмъ не стоило бы и ссориться, потому что это первый почти школьный трудъ молодости) написана вся самимъ Гальярде; что Дюма передълалъ въ ней извъстныя сцены и фразы, и поэтому присвоилъ ее себъ, печатая одно свое имя на афишахъ, включивъ въесу въ собраніе своихъ сочиненій и собирая за нее деньги съ дирекцій театровъ, въ полной увъренности, что неизвъстный баранъ-

CMIDCO. 5

писатель не смветь быть недовольнымъ такимъ львинымъ распоряжениемъ. Но къ несчастию баранъ этотъ оказался съ зубами и рогами, и заставилъ Дюма, посредствомъ суда, сознаться въ сотрудничество пьесы и вознаградить настоящаго автора за оскорбления. Теперь этотъ же баранъ привелъ Дюма въ самое затруднительное положение и заставилъ его обдумывать свои остроумные нападки на противниковъ.

Чтобъ отдохнуть отъ литературныхъ нападковъ, сыпавшихся на него со всъхъ сторонъ, Александръ Дюма пустился въ благотворительные проекты. Въ послъднемъ письмъ мы говорили, что онъ составляетъ концертъ, сборъ съ котораго назначается на сооружение памятниковъ Сулье и Бальзаку, и не смотря на замъчания журналовъ о томъ, что Мушкетеръ началъ немного поздно отдавать справедливость покойнымъ писателямъ, преслъдуя ихъ при жизни, не смотря также на объявление, что вдова Бальзака сама ставитъ мужу памятникъ, который уже готовъ, Дюма настоялъ на своемъ, и въ залъ св. Цецили данъ былъ великолъпный концертъ. Странно только, что музыкальный критикъ Фіорентино, вмъсто того чтобъ говорить о концертъ и артистахъ, нанолнилъ цълый фельетонъ воспоминаниями о жизни Бальзака, о его привычкахъ, о знаменитой его виллъ Де Жарди. Выпишемъ изъ него нъсколько любопытныхъ подробностей объ авторъ Человъческой Комедіи:

«Многочисленная толиа собралась въ залу св. Цециліи, чтобъ участвовать въ сооруженіи памятника на могилѣ великаго писателя, но я въ это время думалъ о человіьків, о добромъ, миломъ товарищѣ, и мечты мои помѣшали мнѣ слушать музыку. Впрочемъ большая половина публики пришла тоже не для концерта.

«Я не согласенъ съ изръченіемъ, что для каммердинера нътъ великаго человъка, но думаю напротивъ, что въ халатъ и посреди мелочей вседневной жизни, гораздо интереснъе наблюдать сердце и характеръ геніяльныхъ людей, потому что тутъ они не стараются принимать позы для потомства, а живутъ просто, не скрывая своихъ дурныхъ или хорошихъ качествъ.

«Бальзакъ былъ первый изъ знаменитыхъ писателей, съ которымъ я сошелся. Я встръчался съ нимъ въ редакціп Прессы, пли у Теофиля Готье, гдъ собирались Прео, Жераръ де Нерваль, Буассело, Борель и гдъ, если иногда за объдомъ недоставало вина, то всегда остроуміе и веселость были неистощимы. Однажды Бальзакъ пригласилъ всъхъ насъ завтракать въ свою виллу, о которой разсказываль чудеса.

Мы отправились въ Севръ и наткнулись на дорогѣ на небольшой красный домикъ, не отличавшійся архитектурными достоинствами. Кругомъ его на цѣлый километръ не было ни дерева, ни тѣни, ни воды, точно въ окрестностяхъ Везувія, словомъ никому бы не пришло въ голову устроить себъ загородное жилище въ такой пустынъ. Надъ дверью огромными буквами красовалась надпись Жарди, сдѣлавшанся въ послъдствіи знаменитою. Мы молча переглянулись, и Готье, понимавшій больше насъ въ архитектуръ, сдѣлалъ невольную гримасу.

Бальзакъ не могъ встретить насъ, потому что наканунъ ушибъ себъ ногу и не могъ ходить, но постель его придвинута была къ окну, изъ котораго писатель наблюдалъ надъ работниками, достраивавшими его виллу, которая была еще далеко не кончена. Самъ Бальзакъ составилъ иланъ своего помъстья съ такимъ же стараніемъ, съ какимъ сочинялъ лучшій изъ своихъ романовъ, только жаль, что онъ не прочиталъ корректуры своей виллы, отчего она и вышла не совстиъ удачна.

Въ это самое время Бальзакъ печаталъ какой-то романъ въ Siécle, и получая за него деньги, тотчасъ же раздавалъ ихъ каменщикамъ и работникамъ, которые были чрезвычайно къ нему привязаны и составляли родъ его тълохранителей, провожая его въ редакціи журналовъ. Не знаю только, что прежде окончилось, романъ или Жарди? Въроятно романъ, потому что Жарди никогда не былъ оконченъ.

Мы нашли въ виллъ Шарля Бернара, тоже талантливаго писателя, тоже почитателя женщинъ и теоріи Бальзака, что красота не знаетъ лътъ. Увидя насъ, хозяинъ закричалъ:

— Какъ я радъ что вы пришли! Вы останетесь у меня завтракать и объдать, я никого не выпущу отсюда!

И на наши вопросы о его здоровьи, онъ началъ съ неподражаемымъ добродушіемъ разсказывать какъ онъ ушибъ себѣ ногу:

— Вообразите, дѣти мои, началъ онъ, что въ началѣ домъ мой построенъ былъ на верху этого пригорка, но такъ какъ мнѣ хотѣлось прежде всего отстроить кабинетъ, то я не обратилъ большаго вниманія на фундаментъ de minimis non curat praetor. Съ тѣхъ поръ при каждомъ дождѣ мое жилище съѣзжало понемногу, и наконецъ выѣхало на самую Севрскую дорогу. Вчера я осматривалъ работы и остановился у крыльца. Но въ эту минуту домъ мой вздумалъ еще подвинуться впередъ, и настунилъ мнѣ на ногу. Вотъ отчего я сдѣлался хромымъ на нѣсколько дней; впрочемъ подъѣздъ ужъ поправленъ, точно и не двигался съ мѣста.

Смись.

— Словомъ это домъ на колесахъ, сказалъ Готье. Вотъ ужъ нельзя сказать, чтобъ это было изобрътено превними. Витрувій упомянульбы о такомъ чудъ.

— Друзья мои, продолжаль Бальзакъ, совътую вамъ самимъ заказать завтракъ. Върно у каждаго изъ васъ есть любимое кушанье; я знаю только, что Фіорентина любитъ макароны.

И онъ позвалъ Катерину, типъ кухарки преданной, доброй, проворной, привязанной къ господину какъ Калебъ, и подалъ ей бумажку, на которой написалъ кушанья, продиктованныя нами.

— Вотъ тебъ мой автографъ, Катерина, сказалъ онъ; ступай и приготовь все какъ можно лучше.

Я забылъ сказать, что въ спальнъ Бальзака былъ самый живописный безпорядокъ. У него тогда уже началась страсть къ коллекціи драгоцівностей, и потому комнаты его были застановлены ящиками Буля, японскими вазами, севрскимъ фарфоромъ, и посреди хаоса різдкостей стояла самая простая мебель. Увы! онъ привель въ порядокъ свою коллекцію, но не успіль насладиться ею, потому что вскорі умеръ, какъ будто не могъ иначе жить какъ въ хаосъ.

Мы помогли доброй Катеринъ накрыть столъ, что было не очень легко, потому что на немъ лежали груды книгъ и бумагъ, и я, снимая тетради, прочелъ на нихъ: Contes philosophiques, Contes drolatiques и другін извъстныя названія. Вдругъ на одной красивой оберткъ я увидълъ заглавіе: Contes melancoliques.

- Это върно новое ваше сочинение, сказалъ я автору?
- Да, эти сказки не будутъ печататься. Вы можете прочитать.

Я раскрылъ тетрадь и прочиталъ: масла, телятины, спаржи, кореньевъ и проч.; цълые столбцы домашнихъ расходовъ. Вотъ что называлъ Бальзакъ своими меланхолическими сказками.

Нельзя разсказать какъ остроуменъ и любезенъ быль хозяннъ во время объда. Анекдоты, парадоксы, системы, остроты, странныя теоріи сыпались на насъ какъ блестящій дождь фейерверка, и сколько добродушія и наивности было въ его разсказахъ. Бальзакъ говориль про своего отда, который умеръ въ глубокой старости и никогда не зналъ никакихъ бользней. Сынъ тоже надъялся, что жельзное его здоровье устоитъ надолго—но, увы! надежды его не сбылись. Старикъ Бальзакъ былъ страннаго характера, и никогда не вывъжалъ изъ Тура. Однажды ему вздумалось остаться цълый день въ постели, и въроятно это положеніе понравилось ему, потому что онъ пролежалъ на ней не вставая пять лътъ. Весь городъ думалъ, что онъ разбить па-

раличемъ. Но вдругъ въ одно прекрасное утро старикъ всталъ, одълся и пошелъ гулять по главной улицъ. Его встръчали и провожали на дорогъ какъ воскресшаго изъ мертвыхъ.

Въ это время Шарль Бернаръ загнулъ свои маншеты, чтобъ разръзать жаркое.

Это напоминаетъ мит мой первый подвигъ въ Парижт, замътилъ Бальзакъ. Я получилъ мъсто третьяго писда у стрянчаго, и начальникъ мой пригласилъ меня на семейный объдъ. Я былъ красенъ какъ макъ отъ удовольствія, и смішался еще болте, когда хозяннъ попросилъ меня разръзать куронатку. Не желая показаться неловкимъ провинціяломъ, я изъ всей силы хватилъ ножемъ птицу, и вмъстъ съ нею разръзалъ блюдо, скатерть и даже столъ, что привело въ удивленіе встахъ и особенно жену стрянчаго.

- Парижъ это городъ противуноложностей, говорилъ Бальзакъ, отвъчая на какой-то вопросъ Готье. Бъдные могутъ жить въ немъ очень удобно за десять су въ день, а богатымъ надобно на одно необходимое двъсти тысячъ франковъ головаго дохода. Вы не можете себъ вообразить какъ дорого жить своимъ домомъ, только прилично, а не роскошно. Если же самому строить, это еще хуже. Ничего не видя, Жарди стоитъ мнъ огромной суммы, но я надъюсь, что со временемъ онъ принесетъ мнъ значительный доходъ.
 - Какъ же это? спросилъ Готи насмъшливо.
- Я насажу въ моемъ саду ананасовъ, сказалъ хозяннъ торжественно. Въ Парижъ ананасы очень дороги, а я буду продавать свои дешевле, и найму для этого лавочку на италіянскомъ бульваръ, гдъ надъ дверью будетъ красоваться надинсь: Ананасы изъ Жарди.
- Это очень хорошо, замътилъ Готье, но земля въ Жарди состоитъ изъ глипы, такъ изъ нее очень удобно дълать горшки, а не ананасы.
- Готье, Готье, сказаль Бальзакъ: я очень люблю твой талантъ, только ты безжалостенъ, пощади хоть меня...

И до самаго вечера Бальзакъ не умолкалъ. Еслибъ два стенографа записывали всъ его слова, составились бы два любопытные тома. Но объ этомъ днъ осталось только живое воспоминаніе, которое помъшало слушать мнъ и Селамъ Рейе, и аріи изъ Веатриче и Соннамбулы, и хоры, и разныя соло, пътые Росси, г-жею Угальдъ и Вейтгеймеръ».

Странно, что писатель, вздумавшій поставить памятникъ Бальзаку,

Сміьсь:

имъетъ съ нимъ большое сходство. Дюма точно также какъ авторъ Человъческой Комедіи, очень несчастливъ въ постройкахъ. Извъстно всъмъ чего стоила его вилла Монте-Кристо. Недавно я объдалъ у него, и за столомъ было самое разнохарактерное собраніе гостей, прибывшихъ чуть ли не изъ всъхъ частей свъта. Ни отецъ, ни сынъ не знали и половины именъ объдавшихъ.

— Попробуйте эти сливы, сказалъ мит Дюма, подавая не очень красивые плоды. Они гораздо хуже тъхъ, которые въ продажъ, но растутъ у меня въ Монте-Кристо, и обошлись мит по тысячъ франковъ за шгуку. Стало быть, это ръдкость. Вотъ все, что осталось отъ моей виллы.

Вообще парижане, имтющіе страсть къ вилламъ, большею частью разоряются на нихъ, потому что или дълаютъ неудобоисполняемые проекты, или оставляютъ свои земли безъ всякаго присмотра. Недавно случилось одно забавное происшествіе, тоже съ извъстнымъ писателемъ. У него было небольшое имъніе въ окрестностяхъ Парижа, но занятый дълами или чѣмъ-то другимъ, онъ иъсколько лѣтъ не заглядывалъ въ свою виллу, окруженную густымъ садомъ. Вдругъ въ началѣ ныиъшняго лѣта ему вздумалось посѣтить свои владѣнія, и подъѣзжая къ нимъ, онъ остановился въ удивленіи, не узнавая окрестностей. Садъ его пропалъ, и вмъсто его былъ огромный огородъ, на которомъ роскошно цвелъ картофель.

— Какъ это у меня выросъ картофель! вскричалъ удивленный писатель, кто это живетъ въ моемъ домѣ, продолжалъ онъ, съ ужасомъ замътя въ горпицахъ движеніе.

Этого еще мало. Вдругъ къ нему подходитъ человъкъ въ костюмъ работника, и грубо сирашиваетъ, что ему надобно и что онъ дълаетъ въ чумсомъ огородъ?

- Я любуюсь на твой картофель, отвъчаль писатель. Кажется еще нигдъ въ Парижъ не продають его, а у тебя онъ посиълъ. Ты много выручишь за него!
- Да, какъ же, много, ворчалъ огородникъ, а вы не считаете сколько мнъ стоило труда устроить гряды изъ какого-то глупаго цвътника, который величали садомъ; сколько я долженъ платить хозянну за наемъ земли и дома...

Туть уже писатель ни какъ не могь удержаться и съ громкимъ смѣхомъ объявилъ, что онъ самъ хозяинъ, и ничего не знаетъ о своемъ жильцѣ. 10 Смись.

Огородникъ сначала испугался, но замътя веселость парижанина, признался, что живя по сосъдству, сжалился надъ бъдною землею, пропадавшею даромъ, и понемногу началъ обработывать ее, а потомъ самъ переселился въ домъ, найдя его удобнъе своего.

- Я готовъ заплатить вамъ, что следуетъ, прибавилъ онъ, только не жалуйтесь на меня. Назначьте сами цену за наемъ, и я буду беречь вашу собственность какъ мою. Скажите чемъ я могу доказать мою готовность служить вамъ?
- Пришлите мнѣ вашего картофеля: я хочу попробовать произведеніе моей земли.

Разумъется, что огородникъ былъ чрезвычайно доволенъ своимъ хозиномъ, подсмъиваясь тихонько надъ его простотою. Писатель тоже не въ убыткъ, потому что получилъ неожиданный доходъ съ заброшенной виллы. Только не у всъхъ бываютъ такіе услужливые сосъди!

Музыкальный сезонъ въ Парижѣ окончился очень покойно, но кромъ оперы Мейербера, производившей фуроръ, который продолжится до будущей зимы, остальныя оперы не имъли большаго успъха. Старый репертуаръ уже надовлъ, новый не нравится. Весталка не совсвиъ удалась, Фаворитка и Королева Кипрская шли вяло, Донь-Жуана, просто пародировали; Альбони пела весь сезонъ слишкомъ хладнокровно; Фреццолини дълала все возможное, но съ ея средствами не могла сдълать много; Маріо сберегалъ свои силы и голосъ, чтобъ не утомить себя къ летнему лондонскому сезону; о Тамбурини и говорить нечего: онъ только утъщаль самого себя, но ужъ никакъ не публику. Роже и г-жа Тедеско поддерживаютъ еще французскую оперу, но новыхъ певцовъ и певицъ не слыхать нигде. Было въ этомъ году много дебютовъ на всёхъ лирическихъ сценахъ, но кроме баритона Бонеге, обратившаго на себя вниманіе въ Фавориткъ, всъ были несчастливы. Наконецъ въ концъ сезона выдумали поставить на италіянскую сцену какую-то неизвъстную оперу маэстра Капола Nina pazza per amore, и не смотря на участіе въ ней Альбони, опера эта только насм'єшила парижскую публику, и не могла выдержать двухъ представленій. Въ самомъ дълъ, ничего не можетъ быть уморительнъе этой Нины, безумной от любеи. Цълые три акта хоръ; отецъ, докторъ, любовникъ бъгають по сцент за несчастной страдалицей (Альбони) чтобъ вылечить ее отъ сумасшествія, случившагося оттого, что Нина думаетъ, будто жениха ея убили, тогда какъ этотъ женихъ не перестаетъ напъвать ей аріи, каватины и романсы въ доказательство, что онъ живъ. Но или голосъ у него (Гордони) изм'внился, или слухъ у сумасшедшей притупился,

Смъсь.

только она какъ капризныя дъти все кричитъ: гдъ мой Генрихъ! дайте мнъ Генриха! Наконецъ докторъ, какъ хитрый италіянецъ, придумываетъ удалить отъ больной всъхъ окружающихъ, которые только заглушаютъ стоны больной и увеличиваютъ ея болъзнь, и оставить ее въ совершенной темнотъ, потому что свътъ раздражаетъ ее. Потомъ онъ приводитъ къ ней Генриха, и Нина, не хотъвшая узнать его днемъ, узнаетъ ночью, падаетъ въ его объятія и поетъ съ нимъ дуэтъ, не жалъя своего звучнаго, серебристаго голоса, разсыпающагося каскадомъ удивительныхъ нотъ. Во всей оперъ только послъднее рондо превосходно, и слушая его забываешь и нелъпость сюжета, и скуку всей оперы, и смъшную претензію полной, здоровой женщины играть умирающую, а слышишь только первоклассную пъвипу съ чуднымъ голосомъ, съ хорошею методою, которая превосходно передаетъ блистательный концертный нумеръ. Но такъ какъ одного нумера недостаточно чтобъ спасти оперу, то Нина опять скрылась въ оперный архивъ, откуда ей не должно было бы выходить.

Третій лирическій театръ, не смотря на лътнее время, продолжаетъ ставить новыя оперы, и благодаря любимой и хорошенькой пъвицъ Кабель, дълаетъ большіе сборы. Послъдняя опера Maitre Wolfram имъла большой успъхъ, и даже безъ музыки Рейе привлекла бы многочисленную публику, потому что либретто написано поэтомъ Мери. Тутъ нътъ ни эфектовъ, ни сценъ сумасшествія, какъ въ прочихъ операхъ, но простой, наивный разсказъ въ германскомъ духѣ, производящій гораздо больше впечатленія чемъ все Нины. Молодой музыканть Вольфрамъ любитъ спротку, воспитанную въ домъ его отца, и несмъя объясниться съ нею, поетъ и играетъ ей страстныя мелодіи, въ полной увѣренности, что девушка поняла его. Но она любитъ какого-то военнаго, который часто гуляеть мимо ея окна, и когда музыканть узнаеть, что всь надежды его рушились, что счастіе его невозможно, онъ приходитъ въ отчаяние и находитъ утъшение въ одной музыкъ. Надобно было имъть талантъ Мери, чтобъ изъ такого простаго сюжета сдълать занимательную, чувствительную пьесу. О Рейе можно только сказать, что музыка его не испортила либретто. Впрочемъ авторъ Селама нашелъ нъсколько новыхъ мелодій, дышащихъ рейнскою свіжестью, хотя и замітно въ немъ некоторое подражание Веберу, что еще не беда. Изучая методу любимаго маэстро, невольно выражаешь его мысли и приводишь его мотивы. Вообще Рейе подаеть большія надежды въ будущемъ.

Концерты окончились, кром'в сеансовъ консерваторіи и общества св. Цециліи, на которые всегда сходится публика. Въ зал'в св. Цециліи были зам'вчательные вечера, гдв подъ руководствомъ Морена и Шевильяра разыгрывали последнія произведенія Бетговена. Публика слушала ихъ съ любопытствомъ, но неизвестно поняла ли что въ этихъ ту-манныхъ произведеніяхъ.

Музыкальное и сценическое искусство понесло большую потерю. Г-жа Зонтагь-Росси умерла отъ холеры, во время артистическаго путешествія по Америкѣ, предпринятаго ею съ благородною цѣлію нажить состояніе трудомъ и талантомъ, чтобъ не оставить дѣтей своихъ въ бѣдности. Превосходная аристократка эта отказалась въ началѣ блистательнаго поприща отъ сцены, чтобъ наслядиться семейною жизнію, и заняла въ высшемъ кругу одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Когда же перевороты лишили ее состоянія, она опять пошла на сцену, гдѣ имѣла огромный успѣхъ, потому что не переставала заниматься музыкою и сохранила прелесть голоса, методу и игру. Американцы слышали послѣднія пѣсни этого чуднаго соловья, оставившаго, къ сожалѣнію, очень мало преемниковъ своей славы.

Французская комедія тоже понесла значительную потерю. Сестра знаменитой Рашели, двадцати-четырехъ-льтняя Ревекка, прекрасная актриса, заслужившая любовь публики въ роляхъ наивныхъ и чувствительныхъ, умерла внезапно на дорогъ къ Боннскимъ водамъ. Рашель была къ ней чрезвычайно привязана, потому что сама приготовляла ее для сцены, сама заботилась о ея бурущности, и эта потеря сильно поразила артистку. Она тотчасъ же поъхала въ Боннъ, чтобъ отдать послъдній долгъ сестръ, и поэтому случаю прекратились представленія Рашели на французскомъ театръ.

Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ публика была въ отчаяніи, не слыша больше знаменитыхъ трагедій Расина и Корнеля. Разумѣется, она приняла Федру съ восторгомъ, но это потому что и Рашель, и трагедія показались новостью послѣ шестимѣсячнаго отсутствія. На постоянный же успѣхъ этого рода сочиненій никакъ нельзя надѣяться, не смотря на все уваженіе французовъ къ своимъ знаменитымъ классикамъ, тѣмъ болѣе что одна Рашель никакъ не можетъ выкупить посредственности окружающихъ ея лицъ. Тезей въ блестящемъ шлемѣ и Ипполитъ въ бѣлой туникѣ, старая Энона и важный Тераменъ кажутся теперь смѣшными—такъ и просятся въ карикатуры Гранвиля.

Нътъ спора, что талантъ Рашели огроменъ и способенъ поддержать и прославить всякую сцену, но нельзя же имъть странную привязанность исключительно къ старому репертуару. И теперь много пьесъ, ожидающихъ только желанія артистки, чтобъ явиться на сценъ п показать ея талантъ въ новомъ родъ. Однако она не торопится брать но-

выхъ ролей, оправдывая упреки, дълаемые ей въ односторонности таланта. И современные писатели умъютъ выводить на сцены страсти, ужасы, ревность, злобу, мщеніе, отчего же пренебрегать ихъ произведеніями? Стало быть, если Рашель и останется на сценъ французской комедіи, что еще не ръшено, то хорошо сдълаетъ, если откажется на время отъ Федръ, Андромахъ, и примется за роли женщинъ въ новъйшихъ драмахъ. Этимъ она докажетъ разнообразіе своего таланта. Притомъ же и дирекція театра будетъ имъть очень мало пользы, если въ угодность своему кумиру будетъ играть только Расина и Корнеля. Публика не любитъ однообразія въ своихъ удовольствіяхъ, и отправится въ другіе театры, гдъ даютъ пьесы если не геніяльныя, то забавныя.

Музыкальная Академія вздумала поставить новый балеть въ началь льта, не боясь, что зала театра будеть пуста, потому что на афишь стояли имена Теофиля Готье и Фанни Черито. Кому не любопытно посмотръть новую поэму поэта, переданную ногами танцовщиць! Одно имя Теофиля Готье уже означаеть, что въ балеть есть какая нибудь мысль и сюжеть, а не одни танцы безъ всякой надобности. Досема—балеть магнитическій. Это тоже новость, потому до сихъ поръ были балеты минологическіе, историческіе, военные, сельскіе, волшебные, фантастическіе, водяные, воздушные, но магнитизмъ вошель въ моду вмъсть съ Бальзамо Александра Дюма, отчего же не помъстить его и въ балеть?

Дъйствіе происходить въ Неаполь, въ началь семнадцатаго стольтія. Джема, молодая прекрасная наследница, любить живописца Массимо, но маркизъ Санта Кроче хочетъ овладъть дъвушкою и ея приданымъ, и дъйствуетъ на нее силою магнитизма. Во время бала онъ усыпляеть ее и увозить въ свой замокъ, гдъ заставляеть подписать свадебный контрактъ во время соннамбулизма. Но Массимо, погнавшись за похитителемъ, вобрастъ въ лабораторію магнитизера и требуетъ своей невъсты. Она моя жена, отвъчаетъ маркизъ, и показываетъ живописцу контрактъ, подписанный Джемою. Та не можетъ разувърить несчастнаго, потому что находится въ магнитическомъ снъ, и Массимо съ отчаянія лишается разсудка. Джема, проснувшись, понимаетъ весь ужасъ своего положенія, и незная какъ избавиться отъ преследованій магнитизера, бросается изъ окна. Она въроятно бы разбилась, потому что окно высоко, но въ романахъ и пьесахъ всегда случаются подъокнами и у пропастей добродътельные люди, спасающіе героевъ отъ върной смерти, чтобъ после несколькихъ препятствій соединить ихъ въ финальной картине. Точно также и Джема падаеть на лошадь своего стараго служителя

Джакомо, и скачеть къ Массимо, чтобъ вылечить его отъ сумасшествія. Какъ ни сильна ея любовь къ живописцу, но она не хочеть выйти замужъ за безумнаго. Къ счастію одинъ видъ хорошенькой невъсты возвращаетъ ему разсудокъ; но Массимо благоразуменъ, и вмъсто того чтобъ танцовать pas de deux при такомъ удобномъ случат, совътуетъ Джемъ переодъться, чтобъ лучше скрыться отъ маркиза. Джема такъ наивна, что въритъ, будто ее нельзя узнать, когда она наденетъ кокетливое крестьянское платье, и пдеть въ свой замокъ пъшкомъ въ сопровождении поселянъ, собравшихся не сельскій праздникъ. Но маркизъ, случившійся туть же, неизв'єстно почему, узнаеть въ толит свою жену, и погружая ее въ магнитическій сонъ, велить следовать за собою. Джема повинуется, не смотря на усилія Массимо и крестьянъ, и следуеть за магнитизеромъ. Но живописець бросается на него со шпагою и заставляеть его драться. Вфроятно маркизь сильный въ магнитизмъ не очень искусенъ на шпагахъ, потому что послъ нъсколькихъ ударовъ получаетъ смертельную рану и падаетъ въ пропасть. Странно какъ это онъ въ такомъ случат не попробовалъ силы магнитизма надъ соперникомъ. Въ первомъ актъ онъ однимъ взглядомъ остановилъ толпу гостей, бросившуюся на него, а тутъ не могъ сладить съ однимъ противникомъ. Легко можетъ быть впрочемъ, что онъ уже истратиль свои таинственныя силы; притомъ же надобно было какъ нибудь избавиться отъ него Джемъ, чтобъ соединиться съ Массимо и протанцовать превосходное па, вызвавшее цёлый цветочный дождь, такъ что г-жа Черито порхала по цвътамъ.

Теперь такъ много цвътовъ въ Парижъ, говоритъ одинъ воркунъ въ креслахъ, что ничего не стоитъ засыпать ими всю сцену. Только на нихъ очень легко упасть.

Дъйствительно, во время танца Abruzzaise, ножка Джемы встрътила розовый листикъ и поскользнулась, но танцорки, подобныя Черито, не падаютъ, а только дълаютъ смълый скачокъ и продолжаютъ антрша при громкихъ рукоплесканіяхъ.

Балетъ имѣлъ большой успѣхъ и долго останется на сценѣ. Обстановка его превосходна. Сама Черито составила танцы, которые очень оригинальны. Декораціи и костюмы, совершенно новые, тоже очень живописны. Даже музыка балета замѣчательна. Ее написалъ графъ Габріелли, который превосходно знаетъ теорію музыки и инструментовку, и если имя его встрѣчается въ первый разъ на афишѣ, это вѣрно потому, что онъ не хочетъ издавать своихъ сочиненій, пользующихся большимъ уваженіемъ въ кругу любителей высшаго общества.

15

Прочіе театры Парижа не останавливають своей дѣятельности ни на минуту, всегда разсчитывая на порядочный сборъ, потому что если парижане не ходятъ въ театръ, то иностранцы и провинціялы, наводняющіе Парижъ лѣтомъ, всегда считаютъ необходимостью побывать во всѣхъ театрахъ, и для нихъ-то и даютъ въ это время самыя эфектныя пьесы.

Смись.

Театръ Gaité объявилъ уже, что въ непродолжительномъ времени будутъ играть пьесу Алберта Моннье и Эдуарда Мартена въ шести картинахъ, подъ названіемъ Le Puisatier d'Ecully. Дирекція послала машинистовъ на мъсто печальнаго происшествія, чтобъ сдълать самые върные снимки колодца, окрестностей, и собрать свъдънія о работахъ инженеровъ, предпринятыхъ для спасенія бъднаго Жиро.

Смерть этого несчастнаго заставила отложить на нѣсколько дней представленіе, но по истеченіи приличнаго срока, пьеса будеть дана въ пользу матери Жиро, потерявшей съ нимъ всѣ средства къ жизни. Теперь будущность старушки обезпечена, потому что еще до спасенія ен сына инженерами, въ пользу его собрали, по поднискѣ, порядочную сумму, а теперь бенефисъ удвоитъ ее, потому что, вѣроятно, всякій захочетъ участвовать въ добромъ дѣлѣ и посмотрѣть любопытныя картины, въ которыхъ смѣлость и великодушіе преодолѣваютъ всѣ препятствія природы, чтобъ не дать погибнуть ужасною смертью бѣдному работнику и его товарищу. Если всѣ заботы и усилія не могли продолжить жизни Жиро, все таки онъ умеръ не въ колодцѣ, не отъ голода и лишенія воздуха, а окруженный нѣжными попеченіями и успокоенный на счетъ будущности своей матери.

Это самое лучшее средство извъщать публику о благородныхъ поступкахъ. Достовърныя драмы всегда будутъ имъть больше успъха, чъмъ выдуманные ужасы. Театръ веселости будетъ не въ накладъ, что первый вздумалъ представить печальную драму, случившуюся на дняхъ.

Театръ гимназіи распустиль своихъ первыхъ сюжетовъ на каникулы, чтобъ они отдохнули (а они въ это время работаютъ вдвое больше чъмъ зимою, играя всякій день на разныхъ провинціяльныхъ театрахъ или въ Лондонъ) а вмъсто ихъ ангажировалъ испанскихъ танцоровъ и танцовщицъ. Но такъ какъ нельзя было заставить ихъ танцовать безъ всякаго резона, то и составили пьесу въ видъ пролога, подъ названіемъ: La comédie au chateau. Сюжетъ ея довольно избитъ, но пьеса написана умно, и хорошо разыграна. Въ одномъ загородномъ замкъ собираются играть домашній спектакль, но актеры и актрисы ссорятся между собою, и хозяинъ въ отчаяніи, потому что къ нему наъхали гости, и онъ

не знаетъ чъмъ ихъ забавлять; вдругъ испанскіе артисты, ангажированные въ Парижъ, просятъ позволенія отдохнуть у него. Вмъсто отдыха онъ просить ихъ выручить его изъ бъды и протанцовать нъсколько національныхъ танцевъ, на что тъ, разумъется, соглашаются.

Воспоминаніе о Петра-Камара, восхищавшей Парижъ своими страстными танцами, еще такъ сильно, что мудрено было имъть успъхъ послъ нея въ этомъ же родъ. Переа Нена явилась на той же сценъ и въ тъхъ же танцахъ, но между ею и первою танцовщицею большая разница, хотя объ онъ превосходны. Петра-Камара танцовала удивительно свивая и развивая свой гибкій станъ; у Переа Нены напротивъ, танцуютъ больше ноги, а не верхняя часть тъла. И эти ножки, настоящія андалузскія, дълаютъ просто чудеса хореграфическаго искусства. Притомъ же молодая испанская артистка очень хороша собою, что при ея талантъ объщаетъ ей огромный успъхъ вездъ, гдъ бы она ни явилась.

Театръ Разнообразія ставить вдругь по ньскольку пьесъ, стараясь отличиться если не качествомъ, то количествомъ. Sous un bec de gaz разговоръ для двухъ дъйствующихъ лицъ, въ родъ A la belle etoile, sans habit и другихъ. Молоденькая швея вернулась изъ спектакля домой во второмъ часу, но ни какъ не можетъ попасть въ свою комнатку, потому что привратникъ не хочетъ отворить ей двери. Она остается гръться подъ газовымъ рожкомъ, какъ вдругъ туда же приходить молодой сосъдъ ея, котораго тоже не пускаютъ домой. Разумъется, что молодые люди, встрътившіеся почти въ первый разъ, разговариваютъ до того, что влюбляются другъ въ друга и женятся. Нъсколько хорошенькихъ куплетовъ и живой разговоръ заставили принять этотъ ночной водевиль довольно благосклонно.

Pas jaloux — уморительная пьеса, имъвшая большой успъхъ. Шамприго женатъ на хорошенькой женщинъ, и ревнуя ее какъ Отелло, безпрестанно повторяетъ, что онъ совставляетъ не ревнивъ. Принужденный ъхать на нъсколько дней, онъ заставляетъ жену нъсколько разъ поклясться въ върности, и уходитъ повторяя, что онъ не ревнивъ.

Г-жа Шамириго по отъбядь мужа берется устроить свадьбу своей кузины, которая любить Октава и которую папенька ея хочеть выдать за богатаго Альбера.

Молодая женщина начинаеть кокетничать съ женихомъ, заставляеть его написать отказъ отцу невъсты и назначаеть ему свиданіе, чтобъ объяснить, что она его одурачила. Въ это время прівзжаеть ея мужъ, котораго Альберъ не знаетъ и которому онъ въ восторгѣ разсказываетъ про свою побъду. Надобно вообразить себъ положеніе бъднаго Отелло!

Смівсь. 17

Онъ увърплся въ невърности жены и ждетъ, что она его отравитъ. Эта сцена ведена удивительно! Потомъ ревнивецъ прячется подъ столъ и присутствуетъ при свиданіи преступниковъ, какъ онъ ихъ называетъ. Но удивленіе его и раскаяніе неизобразимы, когда онъ удостовъряется, что жена осталась ему върна, и хлопотала только о счастіи своей кузины. Онъ въ смущеніи вылезаетъ изъ-подъ стола и можетъ только пробормотать: я не ревнивъ, совстить не ревнивъ.

Пьеса была разыграна превосходно. Нума въ роли ревнивца былъ неподражаемъ.

Еп trois visites, тоже забавный водевиль, прекрасно разыгранный. Капитанъ Дервильи говоритъ своему пріятелю адвокату, что довольно трехъ визитовъ чтобъ побъдить самую неприступную женщину, и когда тотъ говоритъ, что онъ уже болье года вздыхаетъ по молодой вдовъ г-жъ Остре, офицеръ берется доказать справедливость своей методы. Въ первый визитъ онъ начинаетъ молодой женщинъ говорить дерзости, и та прогоняетъ его, наказывая слугамъ не пускать его въ дверь. Но это препятствіе не останавливаетъ капитана, и онъ для втораго визита влезаетъ въ окно. Вдова ждетъ извиненій и раскаянія, но гость ея витъсто обыкновенныхъ комплиментовъ говоритъ ей, что она не хороша, не ловка и никогда не найдетъ себъ другаго мужа. Г-жа Остре для опроверженія этого предлагаетъ свою руку адвокату, но тотъ, по совъту капитана, представляется обиженнымъ и проситъ времени на размышленіе. Тогда Дервильи является въ третій разъ любезнымъ, умнымъ, ловкимъ, такъ что очяровываетъ вдовушку и самъ женится на ней.

Пьеса очень понравилась, потому что написана остроумно, и три дъйствующія лица играють такъ натурально, что можно принять ихъ за настоящіе типы повъсы скромнаго адвоката и красавицы вдовы.

Театръ Палерояля поставилъ водевиль La Rose de Rohéme, въ которомъ отличается восьмилътняя дъвочка Целина Монталанъ, объщающая въ послъдствін новую Дежазе. Идея пьесы не нова, но при хорошей обстановкъ и игръ имъла много успъха.

Сюжетъ состоитъ въ томъ, что маленькая цыганка Роза отгадываетъ любовь своего благодътеля молодаго Луиджи къ богатой наслъдницъ Сабинъ, и мистифируя ея отца и жениха, пугаетъ ихъ разбойникомъ Гамбою (дъйствіе происходитъ въ окрестностяхъ Рима) и заставляетъ согласиться на бракъ Луиджи и Сабины. Устроивъ всъ дъла, маленькая цыганка танцуетъ испанскій танецъ, и производитъ почти такой же эфектъ какъ Петра-Кама́ра или Переа Нена.

Публика не можетъ понять какъ можетъ ребенокъ быть одаренъ въ такой степени столькими талантами. Маленькая Целина просто фе-

номенъ. Она поетъ премило, танцуетъ ловко, играетъ не хуже опытныхъ актеровъ, и чувствуетъ сильную привязанность къ сценъ. Что-то будетъ изъ нея дальше.

Folies dramatiques, за неимъніемъ ребенка достали удивительную собаку и составили для нея пьесу подъ названіемъ: Canuche, ou le chien de la chaumiere. Сюжетъ похожъ на сабаку Монтаржи, только Камюшъ спасаетъ своего господина отъ всъхъ несчастій, и пьеса кончается благополучно. Талантливаго Канюша вызываютъ каждый разъ послъ представленія, и онъ начинаетъ уже ворчать на другихъ артистовъ, какъ любимые актеры, заслужившіе вниманіе публики.

Delassements comiques поставиль водевиль La Brasserie de Munich, имѣвшій успѣхъ, не смотря на то, что это первое произведеніе двухъ молодыхъ писателей Тиріона и Бедо. Тутъ нѣтъ, разумѣется, ничего нова го, но пьеса ведена занимательно, разговоръ живъ, остроуменъ, и все доказы ваетъ талантъ молодыхъ писателей, которые могутъ написать и не пустой водевиль, а серіозную пьесу.

Серіозныя новости наукъ, промышлености и литературы до будущаго письма.

Of some free discussion of the control of the contr

изъ журнала русскаго путешественника.

from the constitute of the first that the constitution of the constitution of the

Въ бытность мою въ 18.. году въ Ріо-Жанейро, подружился я тамъ съ нашимъ вице-консуломъ К., молодымъ образованнымъ человъкомъ, съ которымъ мы часто предпринимали небольшія экскурсія.

Однажды согласились мы съ нимъ и съ двумя французами: путе шественникомъ Бопре и молодымъ суперкарго съ купеческаго судна «Сусанна» Дюрокомъ, посмотръть знаменитый водопадъ Тежуко, который находится миляхъ въ шестнадцати отъ Ріо.

Собравшись рано поутру въ гостиницъ г-жи Фаро, неподалеку отъ королевской площади, гдъ дожидали насъ экипажи, въ родъ одноколокъ, мы выбхали изъ города часовъ въ шесть при восхождении солнца. Утро было безподобное, мъстность для жителя съвера восхитительная! Однако я вовсе не намфренъ описывать прелестей Бразильской природы; не буду говорить ни о высокихъ горахъ, на которыя мы взбирались, ни о страшныхъ пропастяхъ, возлѣ которыхъ ѣхали, ни о сахарныхъ и кофейныхъ плантаціяхъ, золотыхъ бабочкахъ и райскихъ птичкахъ около насъ порхавшихъ, о роскошныхъ цвътахъ, отъ которыхъ несся къ намъ чудный ароматъ: объ этомъ такъ много было писано и говорено, что новыми разсказами можно наскучить; скажу только что последнюю треть дороги къ водопаду пришлось намъ итти пешкомъ, потому что и въ одноколкахъ не было возможности тхать по узкимъ, иногда круто подымающимся, иногда чуть не вертикально спускающимся тропинкамъ. Мы очень устали, за то вполнъ награждены были величественнымъ видомъ водопада, который низвергался съ шумомъ многочисленными

потоками съ кругой горы, на протяжении ста футовъ и потомъ извиваясь лентою по необозримой равнинъ, вливался въ синъющій вдали океанъ.

Налюбовавшись этимъ прекраснымъ зрѣлищемъ, мы сѣли вокругъ одной большой плиты, служившей намъ вмѣсто стола, раскрыли взятыя съ нами корзины, которыя принесли намъ два негра, и хорошо позавтракали, потомъ съ часъ отдохнули, и отправились, опять пѣшкомъ, къ нашимъ экипажамъ. Обратный путь показался намъ очень короткимъ; мы много шутили, смѣялись п разсказывали анекдоты.

Бопре нъсколько лътъ путешествовалъ по Африкъ, и говорилъ хотя не много, но увлекательно. Молодой Дюрокъ морилъ насъ со смъху своею болтовнею и остротами, но всего интереснъе показался намъ разсказъ нашего вице-консула, объ одномъ истинномъ происшествіи, которое я постараюсь передать здъсь, какъ умъю.

Года три тому назадъ, ирландскій купеческій бригъ «Амелія», совершивъ счастливо свой рейсъ, пришелъ на ріо-жанейрскій рейдъ и сталъ на якорь между кръпостями Вильганьономъ и Бота-фого, въ прекрасной бухтъ, окруженной роскошными виллами и красивыми загородными домиками богатыхъ бразильцевъ и многихъ европейскихъ консуловъ.

На другой день ночью, когда совершенно было тихо и рейдъ походилъ на зеркальную поверхность, въ которой отражались луна и звъзды, весь экипажъ подъ палубою покоился глубокимъ сномъ, а на верху оставался одинъ часовой; облокотясь на снасти, онъ смотрелъ на берегъ и вдыхаль въ себя тончайшій аромать цвітовь, разлитый въ прохладномь воздухв. Вдругъ онъ видитъ, что отъ берега отваливаетъ пирога и скользить по гладкому рейду. Часовой не спускаеть съ нея глазъ, онъ замъчаетъ на ней четверыхъ гребцовъ и двухъ на кормъ пегровъ, какъ-бы держащихъ молодую дъвушку. Джонъ Беклеръ, имя часоваго, удвоиваетъ вниманіе. Пирога останавливается; раздается глухой шумъ, что-то падаетъ въ воду; волны раскрылись и опять закрылись; пирога поворачиваетъ къ берегу и мало-по малу скрывается. а дъвушка совствъ исчезаетъ... Беклеръ, подозръвая, что тутъ кроется какое-нибудь преступленіе, сбрасываеть съ себя куртку и бросается въ воду. Онъ плыветъ къ тому мъсту, гдъ останавливалась пирога. Въ водъ замътно какое-то колебаніе; онъ ныряеть и хватаеть за платье утопленную. Употребляя неимовърныя усилія, и вспомоществуемый приливомъ, онъ плыветъ съ драгоцънною ношей къ берегу, и достигнувъ песчанаго взморья, отъ утомленія лишается чувствъ. Когда онъ пришелъ въ себя, то увидълъ, что предъ нимъ лежитъ на пескъ прекрасная молодая дъвушка безъ всякаго движенія; щеки ея, шея и уши были изранены и окровавлены; вдругъ ему показался какъ будто слабый трепетъ въ утопленной; Беклеръ кричитъ и проситъ помощи, между тъмъ согръваетъ и старается оживить молодую дъвушку, но никто не слышитъ и не отзывается на крикъ его. Не смотря на свою усталость, онъ намъревается положить дъвушку на свои плеча и итти съ нею далъе, но въ эту минуту долетаетъ до него шумъ многихъ голосовъ.

Человъть двънадцать негровъ бегутъ съ факелами за женщиною, внъ себя бросаются къ нему и окружають его. При видъ окровавленной, лежащей безъ чувствъ дъвушки, женщина падаетъ въ обморокъ. Разъяренные негры хватаютъ за горло великодушнаго Джона и готовы растерзать его на части, къ счастію его является въ это время полицейскій офицеръ.

- Какъ зовутъ тебя? спросилъ онъ матроса.
- Джономъ Беклеромъ, отвъчалъ онъ по-англійски, понявъ сдъланный ему вопросъ на португальскомъ языкъ.
- Хорошо, я также говорю по-англійски. Какъ очутилась съ тобою эта дъвушка, которая вся въ крови и чуть дышитъ?

Джонъ разсказалъ все, что случилось, все, что онъ видёлъ и едёлалъ.

- Давно ли ты въ Бразиліи?
- Со вчерашняго дня.
- На какомъ суднъ?
- На «Амеліи.»
- Но въдь это судно въ карантинъ?
- Такъ точно.
- Ступай за мною.

Г-жа С. и дочь ея, такъ чудно спасенная, отнесены были домой. Когда приведены онъ были въ чувство, послъдняя разсказала, что на нее напали въ саду негры, зажали ей ротъ и унесли ее на пирогу, потомъ отошли отъ берега, сорвали съ нея браслеты, серыги, ожерелье, и бросили ее воду.

Стало быть нътъ ни малъйшаго сомнънія, ты спасена матросомъ! вскричала г-жа С. и бросилась къ судьъ, который въ это время допрашивалъ Джона. Она обняла матроса, осыпала его благодарностію, объщала ему награду и хотъла взять его съ собою.

- Невозможно, сударыня, исполнить вашего желанія: этотъ человъкъ находился въ карантинъ, нарушилъ карантиный уставъ и долженъ подвергнуться суду.
 - Я буду просить короля, вскричала г-жа С., онъ спасъ мою

22 Смюсь.

дочь, и ему следуетъ награда, а не темница. Сейчасъ иду къ ко-

На другой день, г-жа С. была у ногь Іоанна VI, разсказала ему злой умысель негровъ, жертвою котораго неминуемо сдълалась бы единственная дочь ея безъ великодушнаго и смълаго поступка матроса Беклера. Король успокоилъ г-жу С., объщалъ возможное покровительство спасителю ея дочери и отпустилъ ее съ обычною ему благосклонностью.

Спустя нъсколько дней, верховный судь, по точному смыслу законовъ, приговорилъ ирландскаго матроса Джона Беклера къ смертной казни за уголовное преступленіе, состоящее въ нарушеніи правилъ карантиннаго устава.

Но приговоръ этотъ, по повельнію короля Іоанна VI не быль приведенъ въ исполненіе и замъненъ ссылкою Джона Беклера во внутренность Бразиліи, на рудники въ Минасъ—Жересъ.

Джонъ покорился своей участи, и вотъ, спустя нъсколько времени, идетъ онъ скорымъ шагомъ по дурной каменистой дорогъ, едва успъвая слъдовать за мулами, направляющимися къ западу. Онъ находится въ сообществъ съ шестью неграми, осужденными за умышленное убійство дъвочки, которую они бросили въ море, сорвавъ съ нее драгоцънное ожерелье и серги. Случай соединилъ въ однъ и тъже цъпи убійцъ и избавителя; но какъ страненъ этотъ случай!

Начальникъ конвоя сдалъ губернатору Минасъ-Жереса семерыхъ преступниковъ и объявилъ волю короля, чтобъ Джону Беклеру оказываемо было вниманіе и возможное снисхожденіе, чего онъ вполнъ заслуживаетъ. Слова эти подтверждались и королевскимъ предписаніемъ.

Между тъмъ мъсяцы шли за мъсяцами, и Джонъ, которому объщана была скорая свобода, томился на рудникахъ, разработываемыхъ для правительства. Однажды онъ думалъ про себя: когда я возвращусь въ Бразилю и потомъ на свою родину, какая мнъ будетъ польза отъ добраго дъла, которое привело меня сюда? У меня въ виду есть проектъ, отъ котораго никто не потерпитъ. Если взять напримъръ капельку воды изъ океана, уменьшится-ли отъ того глубина его и пространство? Ръшено! я пустился въ Бразилію, чтобъ помочь бъднымъ моимъ роднымъ; что задумано, то будетъ сдълано.

Каждый вечеръ, при захожденіи солнца, Джонъ взлѣзалъ на высокую пальму, у подошвы которой построена была его хижина. Онъ говорилъ своему начальнику, сдѣлавшемуся его другомъ, что всякій разъ отправляется на дерево для того, чтобъ подышать чистымъ воздухомъ п

посмотръть нейдетъ ли вдалекъ конвой, который долженъ объявить ему свободу и взять его съ собою въ Ріо.

Но что же дъйствительно тамъ дълалъ Джонъ? Всякій разъ когда ему удавалось похитить на рудникахъ, гдъ онъ былъ уже не работникомъ, а надзирателемъ, драгоцънный камень, онъ острымъ ножемъ дълалъ на одной и той же вътви пальмоваго дерева глубокую надръзъ и хоронилъ тамъ свое преступное сокровище, чего никто и не подозръвалъ. Три года, изо дня въ день, занимался онъ этою беззаконною операціею, и накопилъ себъ несмътное богатство.

Наконецъ приходитъ королевское повелъніе: Джонъ свободенъ и можетъ возвратиться въ Ріо. Отправленіе его назначено завтрашній день.

Хитрый и предусмотрительный матросъ жалуется только на то, что микроскопическія насѣкомыя, которыя глубоко проникають подъ кожу, сдѣлали ему на пяткѣ глубокую рану. Ему предлагають всевозможныя пособія, поздравляють съ полученіемъ свободы и стараются, чтобъ путешествіе его до Ріо могло быть совершенно безъ опасности для его ослабленнаго здоровья. Джонъ приняль предложеннаго ему въ подарокъ мула; но какъ во многихъ мѣстахъ дороги такъ были дурны, что приходилось часто итти пѣшкомъ, Джонъ сказалъ, что будетъ упираться на палку, и просилъ позволенія срѣзать для того пальмовую вѣтвь, на что охотно согласились. Въ послѣдній разъ влѣзъ онъ на свое любимое дерево и срѣзалъ длинную и довольно толстую вѣтвь, хранившую его брилліанты.

O! какъ онъ берегь свою драгоцинную палку, съ какимъ наслажденіемъ хромалъ, и какъ признателенъ былъ за сдъланную ему безпокойными и опасными насъкомыми рану!

Вотъ онъ и въ Ріо. Горя нетерпъніемъ скоръе возвратиться въ Европу, онъ не хотълъ даже навъстить родныхъ спасенной имъ дъвушки, боясь чтобъ они на нъсколько дней его не задержали. Датское судно, стоявшее на рейдъ, возвращалось въ Европу и готово было въ слъдующее воскресенье вступить подъ паруса. Джонъ Беклеръ поспъшилъ взять себъ на немъ мъсто, и, въ ожиданіи отправленія, нанялъ маленькую комнатку близъ церкви богородицы канделярійской.

Случись же прямо противъ его окна окно одной молодой, премиленькой мулатки, которой Джонъ послалъ рукою нъсколько поцълуевъ, но гордая красавица пренебрегла ими. Смътливый матросъ догадывается что такое равнодушіе върно происходитъ отъ его убогаго платья, и вотъ онъ, на другой день, отправляется на короловскую площадь, сбываетъ два или три брилліанта какому-то иностранцу, и на вырученныя деньги покупаетъ себъ новое платье. Горделивая красавица показываетъ болте благосклонности.

Кончается тъмъ, что мулатка даетъ торжественное объщание слъдовать за Джономъ въ Европу и соединиться съ нимъ тамъ брачными узами.

Довърчивый къ своей возлюбленной Джонъ—и на мудреца бываетъ иногда довольно простоты—разсказываетъ ей, какъ спасъ онъ молодую дъвушку, какъ посланъ былъ за то на рудники, какимъ манеромъ обогатился и гдъ заключается его богатство.

Еще одинъ день, и женихъ съ невъстой скажутъ прости Бразиліи.

На другой день, когда молодые люди завтракали и мечтали о будущемъ ихъ счасти, кто-то громко постучался въ дверь къ Джону.

- Именемъ короля, отворите!
- Не отворяй, сказала тихонько мулатка.
- Именемъ короля! опять повторяють, и выбитая дверь падаетъ въ комнату. Жениха и невъсту арестованными ведутъ къ судъв.
 - Какъ зовутъ тебя? спросилъ судья молодую дъвушку.
 - Зоя, свободная мулатка.
 - Хорошо, а твое? обращаясь къ матросу.
- Джонъ Беклеръ, ирландецъ, бывшій въ президіяхъ за спасеніе молодой дівушки, которую негры бросили въ воду.
- Помню, помню, ты сделаль тогда похвальное дело; посмотримы, всегда ли твои поступки заслуживають похвалу. Подай-ка сюда палку, на которую опираешься.

Палка подана, разръзана по длинъ своей, и всъ брилліянты высыпались изъ нее на коверъ.

- Все кончено! сказалъ Беклеръ своей подругъ: теперь мы навсегда несчастны, навсегда разлучены...
- Преступленіе твое открыто, сказаль судья, и законь ясень; ты будешь сослань на всю жизнь въ президіи, а половина похищенныхъ тобою брилльянтовъ будеть принадлежать тому, кто на тебя донесъ.
 - Кто же мой доносчикъ?
- Я, отвъчала улыбаясь мулатка: мнъ не хотълось разстаться съ Бразиліей я не люблю вашей Европы.

Беклеръ поднялъ только глаза къ небу... Онъ былъ отведенъ въ тюрьму а оттуда въ Минасъ-Жересъ, гдъ и умеръ подъ ударами суч-

Смъсь. 25

коватой палки смотрителя. Что касается до красавицы мулатки, она и теперь еще содержить въ Ріо модный магазинъ, и кому угодно разсказываетъ исторію о другъ Беклеръ и началъ своего богатства.

O! коварныя женщины! вскричаль Бопре, подъломъ же наказывають вась въ Африкъ!..

Мы очень смъялись этому восклицанію.—Видно, что вы, г. Бопре, имъете основательныя причины жаловаться на женщинъ; разскажите-ка намъ, какъ наказывають преступницъ въ Африкъ.

 Очень охотно, отвъчалъ Бопре; но вотъ наши одноколки, когда прівдемъ въ Ріо, за ужиномъ у г-жи Фаро я удовлетворю ваше любонытство.

Мы съли въ одноколки предъ захождениемъ солнца. До Ріо-Жанейро, оставалось не болъе десяти или двънадцати миль, а пріъхали туда уже ночью, по-крайней-мъръ было совершенно темно, когда добрались до города. Мы отправились прямо въ гостиницу къ знакомой француженкъ г-жъ Фаро; разряженная хозяйка предсъдательствовала на своей эстрадъ, окруженная гранеными крафинами съ прозрачными жидкостями, и очень граціозно пасъ привътствовала, сказавъ, что для дорогихъ гостей уже приготовлена особая комната и отличный ужинъ.

Мы вошли въ просторную, ярко освъщенную комнату, вокругъ были широкіе, турецкіе, низенькіе диваны, посрединъ стоялъ круглый стоялъ, накрытый бълою, какъ снъгъ, скатертью. На маленькомъ столикъ предъ трюмо, на двухъ фарфоровыхъ тарелочкахъ лежали превосходныя гаванскія и манильскія сигары, которыми мы тотчасъ и воспользовались. По данному г. К. знаку, явились на стоять бутылки клико, констанскаго и настоящаго портвейна. Всятьдъ за этимъ принесли и поставили на стоять превосходные блюда: тутъ была и черепаха, и бразильскія съ труфелями пулярки, словомъ сказать мы прекрасно поужинали.

- А что жъ, г. Боире, объщанную намъ объ африканкахъ исторію?
- Для контраста съ такимъ вкуснымъ ужиномъ, позвольте мнѣ лучше разсказать вамъ, какъ я голодалъ по тамошнимъ пустынямъ.

Мы расположились на мягкихъ диванахъ, закурили гаванскія и манильскія сигары, наполнили бокалы холоднымъ, какъ ледъ шампанскимъ, и приготовились слушать г. Бопре.

«Я родился въ Тулузъ отъ достаточныхъ родителей, не жалъвшихъ ничего для моего воспитанія. Сначала я учился въ Парижъ въ лучшихъ пансіонахъ, а потомъ слушалъ лекціи въ университетъ. Надо вамъ сказать, что чтеніе путешествій поселило во мнъ непреодолимое желаніе къ странствованіямъ. Бывши однимъ сыномъ у отца моего,

(матери своей я лишился еще ребенкомъ), натурально я встрѣчалъ съ его стороны всегдашнее препятствіе къ осуществленію моего намѣренія. Мнѣ было уже болѣе двадцати лѣтъ; я впалъ въ меланхолію, и здоровье мое стало видимо разстроиваться. Доктора серьозно совѣтовали отцу моему отпустить меня путешествовать и предоставить мнѣ полную свободу ѣхать куда пожелаю. Отецъ по-неволѣ долженъ былъ на это согласиться; онъ благословилъ меня, снабдилъ совѣтами и золотомъ, и отпустилъ года на два на всѣ четыре стороны. Я отправился сначала въ Испанію, переѣхалъ ее всю вдоль съ сѣвера на югъ, и въ Кадиксѣ познакомился съ однимъ испанскимъ капитаномъ, который на легкомъ своемъ бригѣ «Фортуна» готовъ былъ пуститься къ берегамъ Африки для торговли.

Мы съ нимъ поладили, и чрезъ четыре недъли бригъ «Фортуна» вошелъ въ устье Гамбіи.

Мит чрезвычайно хоттлось побывать на берегахъ знаменитаго Нигера. Я купилъ себъ лошадь, нанялъ проводника и пустился на востокъ къ мъстечку Пизаніа, гдъ прожиль довольно времени и учился языку мандинговъ, которымъ говорять жители въ этой части Африки; я старался также изучать нравы и обычаи жителей, въ чемъ много помогали мив статесы или вольные черные купцы, пользующіеся въ этомъ крат особымъ уваженіемъ. Отправясь далье на востокъ, я попалъ въ плънъ къ начальнику мавровъ, старику Али, и долго томился у него въ неволъ. Наконецъ въ одну ночь удалось мнъ ускакать на лошади моей отъ Али. Невозможно описать моей радости, когда проъхавъ ночью мили двъ, я увидълъ себя на свободъ; мнъ казалось, что я пробудился отъ тяжкаго сна, я дышалъ свободиве и чувствовалъ во всъхъ членахъ необыкновенную легкость, казалось, что и самая степь какъ-будто привътливо на меня смотритъ. Я боялся одного, чтобъ не попасть въ руки жестокихъ мавровъ, которые опять отведутъ меня къ свиръпому Али.

Вскоръ однакожъ я почувствовалъ, что положение мое очень не завидно; я не имълъ никакихъ средствъ достать себъ пищи и не зналъ гдъ найти воду для утоления жажды. Около десяти часовъ утра, увидъвъ пасущееся не вдалекъ отъ меня стадо козъ, я поспъшилъ уклониться отъ него, боясь, чтобъ не замътили меня пастухи. Я направилъ мой путь по карманному компасу, который удалось мнъ спрятать въ моемъ платъъ, на юго-востокъ, въ надеждъ, что встръчу по этой дорогъ какую-нибудь деревушку или жилье.

Не много спустя послѣ полудня, жаръ отъ солнца и отъ раскален-

Смьсь. 27

наго песку быль невыносимь; я лишился почти чувствъ отъ мучившей меня жажды, однако успъль съ неимовърнымъ усиліемъ вскарабкаться на первое попавшееся мнъ дерево, чтобъ посмотръть не откроется ли гдъ дымокъ или другой признакъ жилья; но все было напрасно, я нигдъ ничего не видалъ кромъ густаго кустарника да холмовъ бълаго сыпучаго песку.

Около четырехъ часовъ по полудни я опять очутился близъ огромнаго стада козъ и направивъ лошадь мою къ кустарнику, старался разсмотръть къ маврамъ или неграмъ принадлежатъ пастухи этого стада. Замътивъ двухъ мавританскихъ мальчиковъ, съ трудомъ подозвалъ ихъ къ себъ. Они мнъ сказали, что стадо принадлежитъ старику Али, и что они идутъ на Дину, гдъ много воды, а въ втихъ мъстахъ нигдъ нътъ ни капли, и водяные ихъ мъхи, которые они мнъ показали, были совершенно сухи. Извъстіе это было для меня весьма неутъшительно.

Я собраль последнія силы и направиль свой путь далее, все еще надеясь достигнуть ке ночи до какихь-нибудь колодцевь. Но мучившая меня жажда была невыносима; въ изсушенномъ горль у меня быль точно огонь; въ глазахъ часто становилось темно, и я едва не лишился чувствъ. Лошадь моя совсемъ измучилась, и я действительно начиналь думать, что долженъ здесь отъ утомленія голода и жажды погибнуть. Я пытался, чтобъ немного утишить пожирающій меня огонь, жевать листья различныхъ кустарниковъ, но они были очень горьки и не приносили мнё ни малейшей пользы.

Предъ захожденіемъ солнца, находясь на довольно возвышенномъ мѣстѣ, я имѣлъ еще столько надъ собою силы, чтобъ еще разъ взлѣзть на высокое дерево и обозрѣть окрестность. Все было пусто, песокъ и кустарникъ наполняли все видимое пространство степи, походившей на безпредѣльное море.

Когда я слезъ съ дерева, я нашелъ, что моя лошадь съ жадностью пожираетъ кустарникъ; я разнуздалъ ее и пустилъ на волю, это было мое послъднее съ полнымъ еще самосознаніемъ дъло, я почувствовалъ необычайную въ себъ слабость, голова моя закружилась, и я упалъ на песокъ, полагая, что насталъ мой послъдній часъ. И такъ все кончено, подумалъ я, и бросилъ послъдній взглядъ на все меня окружающее; я понималъ, что скоро послъдуетъ величайшая со мною перемъна, и предалъ себя въ волю Божію... больше ничего не помню... Чрезъ нъсколько времени я однакожъ пришелъ въ себя, можетъ быть ночная прохлада благодътельно на меня подъйствовала; я лежалъ на пескъ и держалъ въ рукахъ новодъ моей лошади. Я почувствовалъ возможность встать и

итти впередъ, сколько силы позволятъ, искать колодцевъ. Бросивъ поводъ на лошадь я поплелся за нею; по прошествін часа, показалась въ направленій къ стверовостоку молнія; это явленіе было для меня спасительнымъ-оно объщало дождь. Дъйствительно, небо нокрылось темными, густыми тучами, и яркая молнія зигзагами пробъгала по низкому небосклону; между темъ поднялся и заревель въ лесу ветеръ. Я раскрылъ ротъ, ожидая, что попадетъ хоть одна дождевая капелька, но все мое лицо вдругъ засыпано было песчанымъ вихремъ; я принужденъ былъ състь на лошадь и остановиться предъ кустарникомъ, чтобъ не задохнуться. Около часу песокъ летелъ страшною массою, наконецъ изредка стали падать крупныя капли дождя... я ожиль. Решась итти опять къ юго-востоку, часа чрезъ два я замѣтилъ не вдалекѣ отъ себя мелькающіе чрезъ лісь огоньки. Вскорі открылось передо мною большое селеніе; зная, что въ Африкъ скоръе можно найти гостепріимство въ бъдныхъ хижинахъ, чъмъ въ богатыхъ жилищахъ, я направилъ мои шаги къ стоящимъ поодаль лачужкамъ. У порога одной изъ нихъ сидела женщина пожилыхъ летъ и пряла хлопчатую бумагу. Я сделалъ ей знакъ, что терплю страшный голодъ, и просиль не можеть-ли она чёмъ меня накормить. Женщина оставила свою прялку и сказала мнв, чтобъ я за нею следоваль. Когда я уселся на полу ея хижины, она подала мить блюдо кускусу, оставшееся у нея отъ вчерашняго дня, и я утолилъ свой голодъ. Чтобъ отблагодарить ее за доброе дъло, я подарилъ ей платокъ, и потомъ просплъ дать для моей лошади горстки какихъ-нибудь зеренъ. Исполненный радости за нечаянное избавленіе отъ голодной смерти, я принесъ благодарение Господу, пославшему мнъ пищу и воду въ пустынъ. Да, господа, я дъйствительно близокъ былъ къ смерти, и не дай Богь никому испытать подобнаго мученія!»—Мы благодарили Бопре за разсказъ его, который я передалъ здъсь, разумъется, въ самомъ слабомъ и неудовлетворительномъ очеркъ, и напомнили ему о объщани его разсказать намъ еще что-то, касающееся до африканскихъ женщинъ.

— O! этого не стоитъ и слушать, при томъ же, кажется, пора намъ и по домамъ: время уже за полночь.

На усиленныя наши просьбы удовлетворить нашему любопытству, Бопре сказаль:

- Это касается до одного варварскаго обычая съ провинившимися африканскими женщинами. Если непремънно угодно вамъ знать, я разскажу въ короткихъ словахъ:
 - Однажды подходя къ одному большому въ Африкъ селенію, на-

Смњсь. 29

зывающемуся Колоръ, я увидълъ, что на одномъ высокомъ деревъ въ лъсу повъшено какое-то странное, точно маскарадное платье; на вопросъ мой: что это значитъ? проводникъ, или лучше сказать, товарищъ мой изъ статесовъ, засмъялся и отвъчалъ: это Мумбо-Жумбо, пугало всъхъ мандингскихъ женщинъ, чтобъ держать ихъ въ страхъ.

Извастно, что у мандинговъ многоженство въ обыкновеніи: каждый имъетъ столько женъ, сколько желаетъ и можетъ ихъ содержать. Если которая-нибудь изъ нихъ провинится и достойна наказанія, тогда-то и бываеть вившательство Мунбо-жунба. Окрестный лесь оглашается крикомъ, что изъ него пожалуетъ грозный судья. На этотъ крикъ всъ замужнія африканки, волею неволею, должны непрем'вино явиться на сборное мъсто. Многія изъ нихъ, зная за собою какой-нибудь гръшокъ, внутренно тренещутъ, но принуждены казаться веселыми. Торжество начинается паніемъ и плясками, которыя продолжаются до полуночи. Въ самую полночь является грозный Мумбо-жумбо, въ томъ самомъ одъяніи, которое висьло на деревъ и съ закрытымъ лицемъ. Тутъ наступаетъ для африканскихъ красавицъ тяжкая минута, еще мгновеніе, и которая-нибудь изъ нихъ должна подвергнуться самой жестокой участи. Трепещущія сбираются въ кружокъ, всѣ въ ожиданін; настаетъ глубокое молчаніе; Мумбо-Жумбо входить въ средину круга, окидываетъ все собраніе строгимъ взглядомъ и пальмовою вътвью указываетъ на обреченную имъ жертву. Несчастную хватаютъ, снимаютъ съ нее всю одежду до совершенной наготы, привязывають къ столбу и Мумбо-Жумбо начинаетъ нещадно ее съчь при восклицаніяхъ и хохотъ всего собранія. Должно замътить, что подруги этой жертвы являются наиболъе жестокосердыми къ несчастной своей сестръ. Съ утреннею зарею оканчивается это варварское, неприличное торжество и пытка часто весьма хорошенькой страдалицы.

Некоторые изъ насъ жалъли бъдныхъ африканокъ, съ которыми такъ безчеловъчно поступаютъ; другіе много этому смъялись, что подало поводъ къ новымъ шуткамъ и болтовнъ. Однако время было уже гораздо за полночь, и мы должны были, очень довольные проведеннымъ днемъ, другъ съ другомъ разстаться. К. проводилъ меня до пристани близъ королевской площади, тамъ дожидалась шлюпка. Простясь съ любезнымъ товарищемъ, я прыгнулъ въ яликъ, весла хлопнули по водъ и озолотились искрами; мы понеслись по Ріо-Жанейрскому рейду, оставляя за собою длинный огненный слъдъ. Шлюпъ нашъ вдали показался отъ переломленія лучей съ необыкновенно высокими мачтами, такъ что сначала я не узналъ его, но вотъ послышался окликъ часоваго:

- Кто гребетъ?
- Матросъ.
- Съ котораго корабля?
- Со шлюпа M*.
- Есть-ли офицеръ?
- Есть.
- Фалренные!

Я присталь къ левому борту, схватиль брошенные мне фалрены и воежаль на палубу, въ это время пробило четыре стклянки.

историческій очеркъ молдавін и валахін.

Нынфшнія придунайскія провинціи, отделенныя отъ Турціи, Россіи и Австріи Дунаемъ, Прутомъ и Карпатскими горами, составляли въ прежнія времена часть древней Дакіи. Дакійцы или Даки принадлежали, по своему происхожденію, къ племенамъ скифскимъ и отличались потомственною храбростью. Атакованные Римлянами въ царствованіе Августа, они со славою поддержали свою независимость противъ народа, котораго мечь не встръчаль ни гдъ препятствій въ древнемъ міръ; мало того, Дакійцы вскор'в изъ атакованныхъ обратились сами въ нападающихъ, и подъ предводительствомъ своего короля Децебала многократно вторгались въ римскія области. Набъги Дакійцевъ сдълались наконецъ такъ важны, что Императоръ Домиціанъ почель за нужное лично начальствовать войсками, посланными для прекращенія ихъ успъховъ. Послъ нъсколькихь сраженій Домиціанъ былъ разбить на-голову, и принужденъ платить имъ дань. Когда въ 102 году по Р. Х. Императоръ Траянъ отказался отъ этой дани, Дакійцы снова вторглись въ предълы римской имперіи и быстро опустошили вст пограничныя съ ними области. Траянъ лично повелъ противъ нихъ свои легіоны, и послѣ многихъ обоюдныхъ уситховъ и пораженій успъль покорить этихъ грозныхъ непріятелей. Дакійцы смирились но ненадолго, и снова рубежъ римскомъ. Императоръ опять принялъ личное начальство, провель целую зиму на берегахъ Дуная и приказаль выстроить архитектору Аполлодору Дамаскому тотъ знаменитый мостъ, развалины котораго замътны еще и теперь. Сложенный изъ огромныхъ кирпичей, слепленныхъ между собою извъстнымъ римскимъ цементомъ, доставлявшимъ всёмъ постройкамъ древнихъ Римлянъ ту прочность, надъ которою не властны стольтія, мость этоть и до сихъ поръ гордо возвышаетъ, близъ Турно-Северина, часть одной изъ своихъ величественныхъ арокъ.

Простоявъ почти въ бездъйствіи всю зиму, Траянъ съ наступленіемъ весны открылъ военныя дъйствія, и послѣ огромныхъ усилій

окончательно покориль Дакійцевъ. Нежелая пережить славы и свободы своего народа, король ихъ лишилъ себя жизни. Близъ моста, по которому переходили римскіе легіоны для покоренія Дакіи, Императоръ Септимій-Северъ приказаль выстроить башню, которой развалины также существують и до сихъ поръ. Башня эта, названная его именемъ, (Tourno-Severin) была назначена памятникомъ для увъковъченія римскихъ побъдъ, подчинившихъ Дакію римскому владычеству. Въ Римъ и теперь еще можно отыскать древніе барельефы, изображающіе завоевавіе этой страны: на всёхъ ихъ Дакійцы изображены почти въ тёхъ же самыхъ одеждахъ, которыя и въ наше время носятъ потомки дакійцевъ Молдаване и Валахи, обитающіе въ горахъ. Существують пораженія,—а пораженія Дакійцевъ принадлежали къ числу подобныхъ, которыя бывають славиве ивкоторыхъ победъ, иначе бы Римляне не стали такъ увъковъчивать память своихъ дълъ и не изваяли бы на камив побъдъ, легко пріобрътенныхъ несокрушимыхъ мечемъ. Эти трофен, напоминающие о падении Дакін, делають более чести побъжденнымъ чъмъ побъдителямъ, потому что послъдніе были Римлянами въ полномъ блескъ своего могущества, а первые ни что иное какъ неизвъстное илемя, имя котораго едва сохранилось на страницахъ исторін.

Обращенная въ римскую провинцію и населенная многочисленными колоніями, Дакія до временъ Императора Галіана (274 по Р. Х.) управлялась римскими пропреторами, и когда въ царствование этого императора, римская имперія начала приходить въ упадокъ, Дакіею завладъли варварскія племена: Готоы, Гуны, Гепиды, Авары, Ломбарды и Булгары, въ продолжение въсколькихъ въковъ, оспоривали другъ у друга эту замъчательную добычу и опустошали предълы Дакін; Булгары ввели въ нее христіанскую втру. Жители дакін, видя свое безсиліе и чувствуя что всякое сопротивленіе безумно и безполезно, покидали равнины и удалялись въ карпатскія горы. Среди ихъ скаль, на ихъ вершинахъ и въ ихъ ущельяхъ скоро возникли новыя колоніи, въ которыхъ върованіе, нравы и языкъ дакійскій были свято сохраняемы въ первобытной чистотъ своей. Когда, въ 1241 году, область эта очистилась отъ татарскихъ ордъ, превратившихъ Дакію въ совершенную пустыню, колонисты Карпатскихъ горъ пришли въ движеніе, подъ предводительствомъ избранныхъ вождей покинули мъста, могшія изгладить воспоминаніе, о родині, и опять двинулись въ страну, которая хотя и не была въ то время уже ихъ собственною отчизною, но за то все таки оставалась въ ихъ глазахъ отчизною ихъ отцевъ. На опустошенныхъ поляхъ снова начали воздвигаться прежніе алтари,

возвышаться прежнія жилища, и если такъ можно выразиться, возсоздаваться прежнее ихъ отечество.

Вожди, приведшіе кологистовъ на родное пепелище, приняли названіе Воеводъ, и положили основаніе Рады негры (черной) главному городу древней Валахін и Богдану, главному городу древней Молдавін. Судьбы этихъ двухъ областей были хотя и тъсно связаны между собою, но между темъ различны, подобно водамъ некоторыхъ рекъ, которыя сливаясь вийстй, никогда не смишиваются и бигуть въ пространство сохраняя свой особенный цвътъ. Молдавія и Валахія имъли однихъ и техъ же враговъ, одни и те же успехи, одне и те же злополучія, но всегда сохраняли каждая отдёльное свое существованіе, которое можно легко объяснить нъкоторымъ различіемъ въ характерахъ обоихъ племенъ. Молдаване были также храбры, но не такъ важны какъ Валахи. Они не принимали, какъ эти последніе, всехъ своихъ желаній за дъйствія положительно возможныя, и какое нибудь шаткое торжество за окончательную побъду. Они защищали страну свою отъ нападеній Венгровъ, Поляковъ, Турокъ, и ознаменовали всв эти войны блистательными подвигами; но когда невозможность дъйствительнаго сопротивленія была имъ доказана, они добровольно признали владычество Султана и согласились платить ему дань, которую, чтобъ не совству унизить народную гордость, условлено было называть пешкишт (по-турецки подарокт) означавшій, что подчиненіе ихъ было добровольное, между темъ какъ Валахи продолжали отчаянную борьбу, доведшую ихъ, чрезъ всв ужасы всечастныхъ пораженій до положенія менъе выгоднаго.

Воеводство было учреждено взбирательное, и даже тогда, когда случалось наследовать после отца сыну, званіе воеводы удерживалось не по праву наследства, а по взбранію. Въ 1593 году Валахи избрали воеводою человека происхожденія самаго незнатнаго, но который самъ, своими подвигами, создаль себе славное имя и заслужиль въ своей отечественной исторіи наименованіе Михаила Храбраго. Михаиль даль клятву освободить Валахію отъ турецкаго ига, и переколовши три тысячи янычарь, пришедшихъ грабить и опустошать Валахію, немедленно выступиль въ поле, подкрепленный воеводою молдавскимъ Аарономъ и трансильванскимъ Сигизмундомъ. Союзники овладели крепостью Жітургево, и въ продолженіе пяти леть сряду не переставали наносить Туркамъ постоянныя пораженія, принудившія ихъ наконець отказаться отъ всякаго вліянія на эту область. Императоръ Родольфъ назначиль Михаила Храбраго губернаторомъ Трансильваніи, и когда эта провинція взбунтовалась, Михаилъ подкрёпляль императорское войско и способ-

ствоваль ему подавить возстаніе. Но блистательныя воинскія способности Михаила Храбраго вмѣсто того, чтобъ заслужить ему благодарность Рудольфа, послужили ему погибелью; онъ признань быль опаснымъ и Баста, австрійскій генераль, приказаль, въ 1602 году, умертвить его. Глубоко пораженные его смертію Валахи перенесли въ свое отечество голову того, кто изъ состоянія турецкаго рабства возвысиль ихъ до степени воинственнаго народа.

Смерть Михаила Храбраго привела въ страхъ и трепетъ всю Валахію, и въ то время когда шли продолжительныя совъщанія о новомъ избраніи, Турки опять успъли подчинить Валахію и Молдавію своей зависимости, предоставивъ впрочемъ этимъ областямъ, отчаянія которыхъ они страшились, нъкоторую независимость, и ими по-прежнему управляли воеводы, избранные народомъ изъ среды своихъ соотечественниковъ. Жребій Молдавіи и Валахіи былъ еще довольно сносенъ, и положеніе ихъ могло еще поправиться, когда вдругъ пробилъ для нихъ неожиданный часъ истиннаго униженія.

Въ 1714 году Отоманская Порта подчинила эти несчастныя провинціи такой систем'є управленія, которая была для нихъ гибельніве вськъ грабежей и вськъ опустошеній, претерпънныхъ ими въ войны съ варварами. Воеводы, долженствовавшіе управлять Молдавіей и Валахіей, начали избираться изъ среды константинопольскихъ грековъ, извъстныхъ подъ именемъ Фанаріотовъ. Ни одна картина не можетъ изобразить тёхъ происшествій, постыдныхъ для человічества, которыя въ продолженіе почти ста льтъ происходили въ Молдавіи и Валахіи. Въ теченіе этого періода времени сорокъ воеводъ, сорокъ князей фанаріотскихъ наслёдовали одинъ другому, черезъ какой нибудь доносъ, подвергавшій ихъ предшественника серальскому ятагану или петлъ. Недостаточные, унижаемые мусульманами, жадные до обогащенія фанаріотскіе князья смотръли на Молдавію и Валахію какъ на золотое дно, и не одинъ отепъ купилъ право управлять одною изъ этихъ областей цъною жизни своего сына, и не одинъ сынъ заплатилъ за свое воеводство головою своего отца. Воевода, прибывшій на місто, въ свою очередь боялся уже донощика и старался тотчасъ же слать въ Константинополь подарки, чтобъ имъть надежду на сильное заступничество. Для удовлетворенія своимъ корыстнымъ требованіямъ, правители Молдавіи и Валахіи налегали тяжелою рукой на эти несчастныя области и повсюду, въ самомъ сердцъ ихъ, старались добыть себъ золота у богатыхъ хитростью, неправильными процессами и принужденными браками; у бъдныхъ насиліемъ и самыми величайшими несправедливостями.

Но этотъ матеріяльный ущербъ касался только одного настоящаго вре-

Смпсь. 35

мени, и могъ умень шиться пли даже совствить уничтожиться въ будущемъ; пагубите его былъ ущербъ нравственный. Унижая характеръ, истребляя чувство нравственности, уничтожая благородныя убъжденія, правители, поставляемые диваномъ, препятствовали усовершенствованію внутренной жизни жителей. Они научили ихъ признавать коварство ловкостью, низость благоразуміемъ, подлость предусмотрительностью, однимъ словомъ утвердили то убъжденіе, что достиженіе какой нибудь цтли извиняло всть средства. Подобныя тлътворныя правила проникли не въ одно семейство посредствомъ браковъ, породнявшихъ константинопольскихъ грековъ съ Валахами и Молдаванами, но къ счастію добрая національная душевная почва не всегда глубоко принимала въ себя подобныя плевелы.

Это прямое пагубное вліяніе дивана на управленіе Молдавін и Валахін было нѣсколько разъ уничтожаемо благодѣтельнымъ занятіемъ этихъ областей русскими войсками въ царствованіе Императрицъ Анны п Еклтерины II и Императоровъ Александра I и Николая I, и тогда Молдавія и Валавія отдыхали на короткій срокъ. Наконецъ мелькнулъ и лучъ надежды: въ 1822 году, Порта назначила правителями двухъ народныхъ князей Іоанна Стурдзу въ Молдавію, и Григорія Гику въ Валахію, а въ 1828 году война Россій съ Турцією упрочила благосостояніе этихъ областей. Порта признала правителями Молдавіи и Валахін князей туземныхъ, и предоставила имъ право пользоваться этимъ званіемъ по день смерти. Молдаване и Валахи получили также право имѣть милицію; на лѣвой сторонѣ Дуная были учреждены карантины, порты, и дозволено плаваніе по этой рѣкѣ и рыбная ловля. Однимъ словомъ, благодаря Россій, могли пользоваться возможною независимостью.

Теперь представимъ нашимъ читателямъ также и краткое описаніе физической мъстности и нравовъ и обычаевъ этихъ областей.

Дунай, мало по малу разширяющій, отъ истока, лоно свое и бъгущій къ своему устью величественными широкими водами, служять главною природною дорогой, соединяющею образованную Европу съ цвътущимъ Востокомъ. Ничтожный и мелководный въ Австріп, онъ кажется сберегъ для Молдавіи и Валахіи всю свою прелесть. Приближансь къ Орсовъ, не живописные берега его начинаютъ покрываться зеленью лъсовъ и волнообразными пригорками, поражающими взоры своею дикою красотой. То не Рейнъ, украшенный видами, только для привлеченія праздныхъ путешественниковъ, истъ, ръкъ этой кажется самою природою предназначено служить ареною великихъ событій. Обозръвая безпредъльныя поля, пустынныя, невоздъланныя и повидимому ни къ чему ненужныя, громадные утесы, которые бы кажется могли служить ступенями пораженнымъ Титанамъ, желавшимъ достигнуть небесъ, и нескончаемые лъса,

кажущіеся тоже какъ будто какою-то громадною рѣкой, покрытой изумрудными волнами, воображенію невольно представляются всѣ тѣ великія событія, которыхъ край этотъ былъ свидътелемъ, и въ которомъ Россія, въ голубыхъ волнахъ его Дуная отражала могущественный, побъдоносный ликъ свой!

Миновавъ Орсову, судоплаваніе часто становится затруднительнымъ при профадѣ чрезъ желѣзныя ворота, названныя такъ потому, что Турки, когда-то перерѣзывали влажную полосу Дуная, усѣяппую въ этомъ мѣстѣ порогами, желѣзными цѣпями, какъ говоритъ преданіе. Въ маловодье каменистые утесы эти выступаютъ изъ воды огромными остроконечными зубцами, грозящими неминуемою гибелью неосторожнымъ, и тогда ни одно судно не отваживается пуститься внизъ по теченію, и Правленіе дунайскаго пароходства перевозитъ путешественниковъ изъвъстное пространство сухимъ путемъ.

Первою замічательною пристанью отъ истока Дуная служить Галаца, въ которой нагружаются всё земледёльческія произведенія: рожь, пшено, льняное съмя, а также сало, медъ, табакъ, воскъ, шерсть и проч. Путешественнику, которому не за чемъ оставаться въ Галаце и котораго не интересують ни коммерческие обороты, ни народонаселение состоящее изъ Иллирійцевъ, Грековъ, Левантинцевъ и туземцевъ, стоитъ только приказать запрачь себа повозку, въ которую впригаются восемь, двънадцать, шестнадцать а иногда даже и двадцать лошадей тощихъ, маленькихъ, на которыхъ, не смотря впрочемъ на такую неутъшительную наружность, можно пробхать въ самое короткое время значительное пространство; ими управляетъ превосходный возничій, молдавскій почтарь, одътый въ грубую рубаху съ широкими рукавами, опоясанную кожанымъ ремнемъ, испещреннымъ мъдными бляхами, пуговицами или гвоздиками, и обутый въ длинные сапоги, вышитые красными и голубыми снурками. Покрикивая и посвистывая, издавая разкіе, унылые звуки, Мелдаванинъ мчитъ своего съдока среди облака пыли по неровнымъ полямъ и пригоркамъ съ такою быстротою, которая бы могла возбудить въ душъ путешествующаго нъкоторыя опасенія, еслибъ ловкость и искусство молдавскихъ почтарей не были каждому болье или менье извъстны.

Взоръ прітхавшаго въ Молдавію путешественника поражается видомъ безпредъльныхъ полей, незаслоненныхъ ни однимъ жилищемъ, которыхъ нескончаемое пространство зелентетъ весною, и покрывается золотистымъ отливомъ въ пору осени, пору жатвы. Плодородная земля эта, ненуждающаяся въ удобреніи, украшена самою замтчательною и прекрасною флорой, какая только можетъ быть достойна изученія. Тысячи Смінев. 37

цвътовъ окаймляютъ края дорогъ, не опасансь, что блескъ ихъ яркихъ красокъ и ихъ благоуханіе могутъ пострадать отъ такой пыли шоссейныхъ дорогъ до сихъ поръ тамъ неизвъстныхъ. Правда, что дожди дълаютъ очень часто эти убранныя цвътами дороги до того топкими и не проъзжаемыми, что двінадцать или шестнадцать лошадей, побуждаемыя свистомъ, гиканьемъ и ударами трехъ или четыремъ почтарей, едва могутъ двигать легкую каруцу; за то что за раздолье мчаться по нимъ въ прекрасные сухіе іюньскіе дни, среди сильнаго благоуханія цвѣтовъ. Куда не обернешься, повсюду Флора разбросала щедрою рукою лучшія украшенія своего царства: тамъ, подъ зеленою кущею деревъ бъльють ландыши, которые на туземномъ нарвчін называются поэтическимъ названіемъ лакриміоре (мелкія слезы); тамъ, царицей полей возвышается растеніе, именуемое Молдаванами свъточемъ Господнимъ, и которое въ самомъ дълъ походитъ на роскошный канделабръ. Куда не обернешься, вездъ новая растительность; туть сульпична съ своими желтыми душистыми гроздіями, а подалъе, совершенно отдъльно, роковая ядовитая цикута и множество другихъ растеній и цвътовъ, которые еще не поименованы наукой, и между ними одно бълое растеніе, принадлежащее къ породъ ползучихъ, легко и граціозно обвивающее стволы своихъ ближайшихъ сосъдей.

Провзжая по извилистымъ дорогамъ, вдругъ на какомъ нибудь повороть, предъ путешественникомъ замелькаютъ въ воздухъ будто какія распростертыя руки, то длинные блоки, прикръпленные къ высокой перекладинъ, оканчивающіеся съ одной стороны огромнымъ камнемъ, а съ другой ведромъ, привязаннымъ къ веревкъ. Всъ молдаванскія и валахскія деревни окружены такими колодцами первобытнаго устройства, напоминающими простоту соображенія, достойную любаго Робинзона Крузоэ. Деревенскія хижины обыкновенно бываютъ покрыты камышемъ, построены изъ земли, смъшанной съ соломою, и очень часто почти уходять въ землю такъ, что кровли ихъ едва возвышаются надъ поверхностью; внутренность ихъ не комфортабельнъе наружности; доски, покрытыя камышевыми рогожами, служатъ обитателямъ постелью; дамашняя утварь молдавскихъ и валахскихъ поселянъ выдълывается изъ глины, деревянныя ложки ихъ грубо выдъланы, а обыкновенною ихъ пищею бываетъ почти всегда одиа похлебка, сдъланная изъ пшеничной муки.

Но между тъмъ такая видимая недостаточность и лишеніе въ домашнемъ быту не мъшаютъ природной веселости Молдаванъ и Валаховъ, и всегда во время праздниковъ святыхъ, чтимыхъ греческою церковью и по воскресеньямъ густыя толпы веселящихся мелькаютъ на улицахъ деревень. Дъвушки, наряженныя въ сорочки съ широкими рукавами, открытыя на груди, и въ узкія юбки изъ грубой шерстяной ткани, съ 38 Смњев.

заплетенными косами, разбъгающимися по спинъ, и женщины одътыя точно также, только съ головою покрытою покрывалами собственнаго издълія, нарумяненныя до nec plus ultra, собираются, обыкновенно около шинка, у котораго уже ожидаетъ ихъ общество мужчинъ и записные танцовщики въ широкихъ холщевыхъ шароварахъ, въ суконныхъ короткихъ курткахъ, опоясанныхъ широкимъ ремнемъ и, смотря по времени года, или въ шлянахъ съ широкими полями, или въ мъховыхъ шанкахъ, отчасти похожихъ на наши треухи. Когда все общество соединится, оркестръ, состоящій изъ дребезжащей скрипки, издающей однообразные, унылые звуки, и изъ инструмента, похожаго съ виду на мандолину, называемаго кобзой, на струнахъ котораго пграютъ очиненнымъ гусинымъ перомъ, начинаетъ конпертъ свой. Ушамъ непривыкшаго къ туземной гармоніи, трудно бываеть переносить эти мелодін, особливо если къ скринкъ и кобат присоединится еще молдавская или валахская флейта, инструментъ послъ перваго его изобрътателя Пана, ни сколько Молдаванами неусовершенствованный.

Главная національная пляска называется хора. Танцующіе образують кругь, въ срединъ котораго помъщаются музыканты. Пріемы этой пляски очень просты. Танцующіе выступають впередъ или отступають неразъединяясь съ своими сосъдами въ пляскъ, кланяясь по объимъ сторонамъ и подымая въ кадансъ сплетенныя руки. Вся прелесть этого танда заключается въ пантомимъ и въ движеніяхъ, которыми южная кровь старается выразить какъ можно сильнее свои ощущения и множество разнообразныхъ оттънковъ почтенія, итжности, братства или ненависти и презранія отражаются въ каждомъ жеств, въ каждой чертъ лица всякаго танцующаго. Въ многолюдномъ кругу хоры принимаютъ участіе вст возрасты отъ малаго до великаго, безъ всякаго рядка, и очень часто мужчины не раздъляются женщинами. Лучшими танцорами въ хора почитаются тъ, кто игрою своей физіономіи и тълодвиженіями сильнъе съумъетъ выразить преобладающее имъ внутренное чувство. Нескончаемый танецъ этотъ иногда прерывается для слушанія, все же вирочемъ при продолжающемся тактѣ хоры, какого нибудь народнаго преданія, какой нибудь баллады, повъствующей о воинственныхъ подвигахъ, или какого нибудь поэтическаго произведенія, сложеннаго и поющаюгося въ чью нибудь честь.

Провзжая отъ Галацы, посреди полей, представляющихъ разительную противоположность богатства природы и скудости жителей, достигаютъ Яссъ, главнаго города молдавскаго княжества. Съ вершины окружающихъ его пригорковъ городъ этотъ кажется довольно величественнымъ, и прежде всего открывается взору рядъ его колоколень, покрытыхъ бълымъ же-

Смьсь. 39

лъзомъ, которое подъ лучами щедраго южнаго солнца свермаетъ какъ массивное серебро.

Дорога, ведущая къ Яссамъ, окаймлена виноградниками и загородными домиками, мелькающими каждую минуту, но ни одинъ изъ нихъ не отличается пріятною наружностью; архитектура ихъ очень плоха и неправильна, и всъ они почти деревянные, обмазанные известью.

Въ самыхъ Яссахъ еще хуже. Домы возвышаются безъ всякаго порядка, безъ всякаго плана, гдѣ попало наудачу. Одни выступаютъ чуть ли не на средину улицы, другіе, углубясь въ отдаленіе, скрываются за некрасивыми досчатыми заборами; нѣкоторые вмѣсто главнаго фасада выходять на улицы конюшнями, кухнями и сараями, сдѣланными изъ глины и досокъ. Большая часть улицъ настоящія болота, покрытыя черною, жидкою, вонючею грязью, а лѣтомъ смѣсью густой пыли изъ неску, навоза и мятой соломы, которая можетъ ослѣпить глаза. При первомъ обзорѣ этого города, въ которомъ строятъ вновь очень часто, но никогда ничего не исправляютъ, гдѣ обрушенныя стѣны, разбитыя окна и нечистота производятъ непріятное впечатлѣніе, тотчасъ можно отгадать, что не одна восточная лѣнь, но и непрочность политическаго существованія вынуждаютъ обывателей ничего не совершенствовать и ни о чемъ не заботиться.

Среди разительнаго контраста роскоши и самой тяжкой нищеты, нравы въ Молдавін и Валахін представляють такое різкое смішеніе, что по нимъ, за неимъніемъ даже историческихъ документовъ, можно было бы отгадать прошедшее этихъ областей. Каждое владычество оставило на нихъ слъды свои, особенно Римляне свои обычаи, и въ очень многихъ благородныхъ семействахъ можно встрътить покорныхъ и зависимыхъ кліентовъ древнихъ римскихъ patres familias. Близость Востока Также очень ясно выказывается во многихъ привычкахъ, и кресла, стулья и купе Европейскаго вида, еще не совствъ вытъснили тъ широкіе низкіе турецкіе диваны, на которыхъ Валахи и Молдаване съ наслажденіемъ покуривають турецкій табакъ изъ длинныхъ выписываемыхъ прямо изъ Константинополя. Амбровыя, коралловыя и алоевыя четки до сихъ поръ еще въ большомъ употребленія. Восточное угощение и до сихъ поръ еще въ большой модъ въ Молдавін и Валахіи. При прибытін въ домъ гостей, слуга тотчасъ же приносить поднось, уставленный стаканами съ холодною водой, серебряными корзинками, наполненными маленькими ложечками, кристальными чашками съ вареньемъ розовымъ, фисташковымъ, ванильнымъ, лимоннымъ и прочимъ тестомъ и графинами съ шербетомъ. Вст эти лакомства дълаются самими хозяйками домовъ, какъ бы онъ не были богаты и модны.

Домы зажиточныхъ Молдаванъ очень помъстительны и снабжены многочисленною прислугой, такъ что почти каждый слуга, не имъющій никогда ни какихъ слишкомъ трудныхъ обязанностей, имъетъ у себя еще слугъ, довольно впрочемъ грязныхъ и оборванныхъ. Перенявъ у Французовъ кадриль, у Нъмцевъ вальсъ, у Поляковъ мазурку, богатые Молдаване даютъ въ своихъ огромныхъ залахъ великолъпные пиры, стоящіе имъ большихъ издержекъ.

Всѣ Валахи и Молдаване имѣютъ физіономію южную, живую, остроумную, украшенную глазами замѣчательной красоты. Частые перевороты, владычество Турокъ и управленіе фанаріотскихъ князей, поставляемыхъ диваномъ, развили въ племенахъ этихъ дипломатическую тонкость, обратившуюся для нихъ въ какую-то вторую натуру, и пріучили ихъ къ недовѣрчивости, къ всегдашней чуткой осторожности со всякимъ, не исключая друзей, и даже самыхъ родственниковъ. Характеръ ихъ очень впечатлителенъ и раздражителенъ, а измѣнчивость впечатлѣній такова, что дружба самая старая и испытанная, точно также какъ и самое справедливое негодованіе можетъ сгладиться мгновенно въ ихъ сердцѣ безъ всякой важной побудительной причины и замѣниться иными чувствами. Всѣ они щедры и гостепріимны, кротки, и если въ нихъ есть что нибудь худое, то оно заронилось въ нихъ единственно лишь отъ невѣдѣнія добрыхъ началъ; и могли ли они, въ самомъ дѣлѣ, имѣть о нихъ понятіе подъ вліяніемъ стѣсняющихъ ихъ магометанъ?

Почти каждое благородное семейство въ Молдавін и Валахін кромъ земель, луговъ, льсовъ и виноградниковъ, смотря по своему достатку, владьетъ еще большимъ или меньшимъ количествомъ цыганскихъ семействъ, которыя обработываютъ ихъ владънія.

Самый замъчательный фактъ въ Молдаво-валахскомъ илемени, носившемъ въ древнее время латинское название Романовъ, и называвшемъ страну свою не иначе какъ Цара руманіаска, римская земля, перенявшемъ отъ своихъ первоначальныхъ завоевателей и нравы, и нѣкоторые обычаи, и даже отчасти языкъ, есть тотъ, что оно исповъдуетъ религію греческую, почти общую всѣмъ славянскимъ племенамъ. Верховнымъ главою молдавской и валахской церкви есть Митрополитъ, избираемый боярами и духовенствомъ, который въ дѣлахъ важныхъ подчиняется впрочемъ рѣшенію Константинопольскаго патріарха. Религіозные обряды ихъ почти тѣже, что у насъ, съ тою только разницею, что бракосочетанія совершаются иногда вмѣсто церкви въ домахъ новобрачныхъ. Бѣлое и черное духовенство, а равно какъ и монастыри, существуютъ у нихъ на однѣхъ началахъ и правилахъ съ нашими.

Подверженная въ продолжение нъсколькихъ въковъ измънчивости политической жизни, Молдавія не могла ничего предпринять важнаго для своего умственнаго, ученаго и литературнаго развитія; но между тъмъ народное воображеніе не дремало, и множество историческихъ и героическихъ балладъ и пъсень воспъвающихъ славу и злополучіе народа могутъ въ послъдствіи служить матеріялами для составленія полной исторіи Молдавіи и Валахіи, и все пространство этого уголка Европы, еще почти неизвъданнаго, доставитъ какому нибудь ученому предметъ для полезныхъ и любонытныхъ изысканій. Обильная земля эта, ея горы, богатыя металлами, ея лъса, замъчательные строевыми деревьями и ръка ми, по которымъ можно дълать имъ легкій и выгодный сплавъ, и ея тучныя поля, дожидающіяся только дъятельныхъ рукъ, надъются на время болье счастливое, чтобъ щедро расточить всъ дары свои и облить золотомъ своихъ обитателей.

ловецкие разсказы.

0

RACHIÜCROMB PHBOAOBGTBB.

П. И. Небольсина.

(Статья шестая).

IV.

РЫБОЛОВНЫЯ ОРУДІЯ.

Съти. — Ставныя съти. — Дубильная трава. — Дубленіе жельза. — Плавныя съти. — Аханы. — Самоплавы, погоняй и свинчатки. — Поъздуха. — Возмилка. — Уры. — Садки. — Стрежневые невода. — Рысаки. — Жиротопенные невода. — Волокуши. — Раснорные невода. — Крючки. — Самоловная снасть. — Балберочная снасть. — Шашковая снасть. — Живодная или кусовая снасть. — Тычковая снасть. — Подлёдная снасть. — Сидёбка. — Клоковая самоловка, — Сандовь. — Вентерь. — Ванта.

Рыболовныя орудія, употребляемыя въ дѣло астраханскими ловцами на морѣ и въ пръсной водѣ можно подвести подъ три главныя категоріи: сѣти, невода и уды; четвертый отдѣлъ составятъ орудія, по манерѣ своего устройства не подходящія подъ три первые разряда.

Сътью называется всякая связанная изъ пеньковой пряжи, обращенной въ «дъль», а въ иныхъ случаяхъ и изъ шелку, ячеистая стъна, опускаемая въ воду для воспрепятствованія ходу рыбы. Смотря по роду рыбы, для которой выставляется это препятствіе, скважины, клътки,

ячей или «глазки» съти бываютъ крупнъе или мельче, чтобъ рыба не могла проскочить сквозь эти скважины. Такъ, напримъръ, для огромной бълуги ячеи въ съти дълаются самыя большія, а для лова мелкой рыбы, употребляемой на жиротопленіе—самыя мелкія.

Вся хитрость лова рыбы сътьми состоитъ въ томъ, что рыба, натолкнувшись на пути своемъ, на стъну, образуемую опущенною въ воду сътью, старается сквозь нее протиснуться. Отъ этой хлопотни, а частію отъ испуга, она или жабрами, или чешуей, или вертлявымъ хвостомъ запутывается въ ниткахъ и, силясь высвободиться отъ нихъ, еще болье приводитъ въ движеніе полотно, или какъ уральцы говорятъ— «стънь», и совершенно ею окутывается. Такъ ее тутъ и ловятъ. По краямъ съти подвязываются разнаго рода полновъсныя пригружи: когда съть начинаютъ изъ воды вытягивать, тогда пригрузки эти, опускаясь въ вертикальномъ положеніи, сближаютъ края съти, образующей такимъ образомъ родъ мъшка; уловленная рыба уже не можетъ изъ этого мъшка выскользнуть.

По роду своего предназначенія для лова того или другаго вида рыбы, съти бывають разныхъ размъровъ и носять разныя наименованія. Въ астраханскомъ рыболовствъ употребляются такъ называемыя ставныя съти, съти плавныя, оханы или аханы, самоплавы, погонай, свинчатки, поъздухи—это все изъ пеньковой дъли, и наконецъ урымочальныя.

«Ставныя съти» употребляются и въ моръ, и въ ръкъ.

Морскія «ставныя сѣти» обыкновенно бываютъ длиною въ 12 саженъ, а шириною въ 12, въ 14, въ 16 и въ 18 ячей, каждая ячея, если ее растянуть, представляетъ собою пустое пространство въ квадратную четверть аршина. Изрѣдка попадаются «ставныя сѣти» и саженъ въ тридцать длины шириной, въ 22 ячеи, каждая въ $2^1/_4$ квадратные вершка.

Верхній и нижній края такой сёти подвязываются къ толстымъ веревкамъ, называемымъ «подборами» (у уральцевъ — «подворами»); къ верхней подборъ прикръпляются пригрузки, или поплавки, называемые «балберами», а къ бокамъ съти, за подборы, подвязываются длинные, до сажени, колья или шесты, называемые «клячами». Нъсколько такихъ сътей связываются вмъстъ, одна съ другою, и такимъ образомъ составляютъ въ моръ длинную линію или стъну. Такъ какъ шесты или клячи, которые привязываются къ подборамъ, короче настоящей ширины самой снасти, то съть, естественно, посаживается и образуетъ изъ

Сміьсь. 43

себя родъ кошеля; въ этотъ-то кошель рыба, гонимая вътромъ, запутывается въ то время, когда начинаетъ биться о сътку.

Съть уставляется въ морѣ посредствомъ «оттури» и подкотовника» съ «чипчикомъ». «Чипчикъ»—это колышекъ, вбиваемый въ дно, для прикръпленія снасти; «оттуга»—веревка у клячи въ съти, а «подкотовникомъ» называется канатъ у пріуха, или у конца «порядка», то есть цълаго ряда сътей.

Такъ какъ съти эти стоятъ неподвижно на морѣ, то въ слѣдствіе этой неперемѣняемости мѣстъ они и усвоили за собою названіе «ставныхъ». Такими сѣтьми ловится преимущественно въ открытомъ морѣ севрюга и осетръ. На каждую лодку, ловецъ, хозяинъ или работникъ, запасаетъ, соображаясь съ капиталомъ отъ ста до двухъ сотъ пятидесяти «концовъ», то есть сѣтей, указанной выше нормальной длины. Но этотъ запасъ не весь въ одно и тоже время опускается въ море: въ дѣло идетъ его только двѣ трети, а остальная треть просушивается и дубится и, по мѣрѣ надобности, замѣняетъ собою тѣ сѣти, которыя долго пробыли въ водѣ: такъ одна часть сѣтей постепенно замѣняется другою.

Морская вода, по давнимъ заключеніямъ рыболововъ, сильно портитъ всякую рыболовную «збрую» и пряжу, и жельзо. Въ иныхъ мъстахъ вредное вліяніе морской воды сильнее обнаруживается на удахъ, то есть, на жельзныхъ крючкахъ, а въ ръкахъ ръчная вода менье вредитъ жельзу, но портитъ «рубашку», то есть, поводецъ и хребтину—не толстыя веревки, къ которымъ удочка «прививается». Въ другихъ мъстахъ и жельзо и пряжа подвергаются одинаковому разъядънію, сколько отъ морской воды, столько же и отъ ъдкихъ «бълей», или тонкаго ила особаго рода, преимущественно замъчаемаго на Чеченскихъ водахъ.

Чтобъ отвратить этотъ вредъ, ловцы наши увидъли необходимость прибъгнуть къ старательному дубленію снасти; но такъ какъ ивовое или дубовое корьё можетъ обойтись въ Астрахани очень дорого, то русская ли сметливость, или преданія, перешедшія изъ старины, указали нашему простолюдью на вещество, едва ли не превосходящее и качествомъ, и дешевизною всѣ донынѣ извъстные дубильные матеріялы. Это именно трава «дубнякъ» или «дубная трава», описанная еще Гмелиномъ и въ изобиліи произрастающая чуть ли не по всему Каспійскому побережью и по островамъ, образовавшимся въ устьяхъ Волги и другихъ рѣкъ.

Траву эту собирають, накладывають въ котель, въ промежутки, между слоями этой травы помѣщають сѣти, веревки и удочки, потомъ котель доливають водой и начинають ее кипятить. Процессъ кипяченія продолжается часовъ шесть сряду; столько же времени послѣ того еще держать снасть въ котлѣ, не вынимая оттуда, и только по прошествіи двѣнадцати часовъ выдубленную такимъ образомъ снасть просушивають на открытомъ воздухѣ.

Дълаютъ это и инымъ образомъ. Сперва сварятъ траву въ котлъ и потомъ уже, въ кръпко-упръвшемъ горячемъ настоъ вымачиваютъ и съти и снасти.

Продубленныя съти и разнаго рода веревки пріобрътаютъ прочность и кръпость; желъзные крючки тоже получають свойство менъе подвергаться вредному для нихъ вліянію морской воды, но такъ какъ концы крючковъ безпрестанно въ водъ ломаются, то ловцы и бываютъ принуждены довольно часто ихъ оттачивать.

Обтачиванье это производится такъ называемою «снастною пилою»: это ничто иное какъ простой терпугъ, но плоскій, широкій и съ очень мелкими зубринами.

«Ставныя съти», употребляемыя въ ръчномъ рыболовствъ, тъмъ только разнятся отъ морскихъ ставныхъ сътей, что ихъ ячей гораздо мельче, чъмъ у морскихъ сътей: тамъ ими ловятъ крупную красную рыбу, севрюгу и осетра, а въ ръкахъ—обыкновенную черную или частиковую рыбу, судака, леща, щуку и сазана.

«Плавныя съти» бывають тоже двухъ родовъ: морскія и ръчныя.

«Порядокъ» или цѣлая система того, что называется «плавною сѣтью» устроивается изъ такихъ же сѣтокъ, изъ какихъ дѣлаются и ставныя сѣти, только здѣсь ячеи гораздо мельче. Сѣтки связываются между собою у плавной сѣти («сѣтка» есть часть приоора, называемаго «сѣтью») только верхними подборами, а нижней подборы тутъ не бываетъ; поплавки на верхней подборѣ привязываются больше, полновъсные; называются они «нѣмцами»; ширина этой сѣти бываетъ въ 28, въ 30, въ 32, и даже въ 36 ячей; величина этихъ ячей бываетъ разная: для осетра и севрюги вершка въ два квадр., а для бѣлуги въ 3½ и 3½ квадр. вершка; длина каждой сѣтки простирается до 12 саженъ, а для составленія одной плавной сѣти связываютъ отъ 25 до 75 такихъ сѣтокъ, но соединяютъ ихъ другъ съ дружкой не во всю ширину боковой окраины, а только съ концовъ, поэтому плавная сѣть пріобрѣтаетъ, не смотря на всю свою величину, особенную легость.

Рыбопромышленникъ, владълецъ водъ или ихъ арендаторъ, снаряжаетъ въ рыболовье извъстное число судовъ, соображаясь съ обширностью своего капитала. Къ каждому судну опредъляетъ онъ извъстное число лодокъ, на каждой лодкъ бываетъ по одному ловцу, каждому ловцу дается по одному «порядку» или по одной плавной съти. Снарядивъ такимъ образомъ суда, рыбопромышленникъ отправляетъ ихъ въ открытое море.

Выбравшись въ открытое море, ловцы на лодкахъ разметываются въ разныя стороны, а судно остается на опредъленномъ пунктъ и служитъ какъ бы складочнымъ мъстомъ, куда ловцы обязаны свозить всю уловленную ими въ добычу рыбу.

Рыба плаваеть въ морѣ «косяками» или стаями», и во время передвиженій своихъ «играеть,» то есть прыгаеть или, употребляя выраженіе нашего простолюдья, «встаеть: » по этимъ-то прыжкамъ, или «по-встани» ловцы и открывають присутствіе косяка въ томъ или другомъ мѣстѣ и его направленіе, а также большую или меньшую численность косяка: гдѣ движеніе сильнѣе, гдѣ прыжки пестрѣе, однимъ словомъ, гдѣ больше «встани», тамъ и косякъ плотнѣе.

Подмътивъ это, ловецъ пускается на косякъ, не поднимая однакожъ парусовъ, а пользуясь или вътромъ, или морскимъ теченіемъ (въ морѣ
на веслахъ не ходятъ); одинъ конецъ съти онъ превязываетъ къ лодкъ,
а другой забираетъ на руку и, приблизившись къ косяку, «высыпаетъ»
на него, то есть выкидываетъ съть; теченіе или вътеръ наноситъ съти
на рыбу; та сторона съти, котерая съ «нъщами», держится на поверхности воды, а самое полотнище снаряда распространяется надъ косякомъ и понемногу на него само собою осъдаетъ: въ складки этой съти
рыба, не успъвъ разбить свой косякъ и разбъгается отдъльными стаями, запутывается, цъпляясь и жабрами, и «жучками», то есть спинными
позвонками. «Выбравъ» съть изъ воды и опорожнивъ ее отъ добычи,
ловецъ снова ее закидываетъ и тамъ, почти безсмънно, если уловъ
рыбы хорошъ, работаетъ онъ день и ночь.

Люди, занимающіеся добычею рыбы посредствомъ плавныхъ сътей, называются «плавичи или «плаучи». Мъстные рыбопромышленники увъряють, что будто бы изъ астраханцевъ въ плавичи никто не ходитъ, а это все люди пришлые изъ Горбатовскаго и Балахонскаго уъздовъ Нижегородской губерніи. Въ старые годы флотилія плавичей доходила до 150 лодокъ, на каждой человъкъ по шести. Съти у нихъ состояли изъ двухъ полотнищъ; сшивали ихъ они ужъ по дорогъ, выбра-

46 Смпсь.

вшись въ открытое море, подъ видомъ Эмбенцовъ, либо владъльческихъ «билетчиковъ», либо оброчныхъ ловцовъ.

Сътямъ этимъ дано названіе плавныхъ по манеръ употребленія въ дъло; рыбаченье ими называется «плавней, » «плавня» эта продолжается съ 8 Іюля по 10 августа, въ самое жаркое время года, по этому и самый періодъ плавни, да и рыболовство посредствомъ плавныхъ сътей называются также «жаркой ловъ.»

Ръчная «плавная съть» бываетъ длиной до ста и болъе саженъ, обыкновенно же длина эта соображается съ шириною ръки, на которой хотятъ съть эту употребить въ дъло. Шириной, или, какъ выражается мъстное простолюдье, «ногами» съть эта бываетъ до $2^1/_2$ саженъ съ очень меленькими ячеями, число которыхъ опредълить я не могу.

У ръчной плавной съти двъ подборы: верхняя съ поплавками, * или съ балберами, а нижняя съ свинцовыми пригрузками. Къ этимъ же подборамъ, но въ разстояніи отъ мелко-яченстой съти, привязывается другая большеглазая, круто-яченстая съть, клътки которой вдвое толще, чъмъ у первой съти: это второе полотнище, по отношенію къ первому, называется «ръжакомъ.»

Способъ лова въ ръкахъ плавною сътью бываетъ такой:

Ловцы, выбравъ въ ръкъ прямое, съ ровными берегами, «плёсо» (прямою линіею выдавшійся участокъ ръки между извилистыми изгибами береговъ), очищають его отъ «задевовъ,» разныхъ постороннихъ грузныхъ препятствій, а побережье отъ «чакана», то есть, камыша и кустарниковъ, опредъляютъ для плавни каждой партіи пространство верстъ до двухъ по теченію, строятъ тутъ изъ камыша же свои коши, или «станы,» и располагаются артелью изъ нъсколькихъ лодокъ, и потомъ бросаютъ жеребій, кому начать плавню и кому за къмъ слъдовать. Ловъ начинается съ ранней зари и продолжается почти безпрерывно, исключая сильной непогоды, и времени объда или ужина; въ минуты отдыха рабочихъ, обыкновенно обсушиваются съти.

Тотъ, кому приходится начать плавню, садится въ лодку, забираетъ туда всю съть, а конецъ ея, привязанный къ большой связкъ камыша, выбрасываетъ въ воду у одного берега, а съ другимъ концемъ спъшитъ къ противоположной сторонъ ръки, выкидывая на пути помаленьку съть въ воду. Достигнувъ противоположнаго берега, ловецъ замъ-

^{*} Синонимы поплавковъ: у Уральцовъ-наплавокъ: балберы, сухаринка (изъ осокори) — пригрузковъ- ушники, кокурки, гоголи и таши.

Сміьсь. 47

чаетъ ровно ли противъ него приходится прежде выброшеный въ ръку конецъ съти и, смотря по этому, быстръе или тише плыветъ у своего берега. Проъхавъ все опредъленное для плавни пространство ръки, начиная отъ починнаго пункта до рубежа, ловецъ возвращается къ кошамъ и начинаетъ выбирать изъ ръки свою съть, которая отъ стремленія воды, естественно описывала своимъ направленіемъ дугу, концы которой опирались въ оба побережья. Въ то время, какъ одинъ ловецъ возвращается и окапчиваетъ плавню, другой, слъдующій за нимъ очередной ловецъ уже давно началъ свою операцію, за нимъ подвигается третій, и такъ далъе до послъдняго; такимъ образомъ все плёсо преръзывается нъсколькими стънами, и рыбъ очень трудно ускользнуть отъ преслъдованія ловцовъ.

Когда ловецъ идетъ въ передній путь, то идетъ противъ теченія воды, а когда возвращается къ кошамъ, то внизъ по теченію рѣки. Въ это время рыба, стремящаяся вверхъ по рѣкѣ, встрѣчаетъ сначала рѣдкое полотнище плавной сѣти, соображаетъ величину глазковъ съ собственнымъ своимъ объемомъ, проскакиваетъ черезъ «рѣжа́къ» и запутывается въ «частикъ»; если даже она въ немъ и не успѣетъ запутаться и захочетъ только вернуться, то поворотившись бокомъ къ сѣти, опять таки запутывается въ рѣжакѣ и остается въ узкомъ промежуткъ, образованномъ объими стѣнами плавной сѣти.

Ръчными плавными сътями ловятъ севрюгъ, осетра и шиповъ, а морскими тъже породы рыбы и кромъ того бълугу.

«Аханы» представляють собою только видоизмѣненіе ставной сѣти, отъ которой они отличаются одними лишь крупными ячеями: у ахановъ онѣ вдвое больше, чѣмъ у ставной сѣти. Аханы употребляются въ дѣло въ морѣ, зимою для лова крупной бѣлуги, а осенью для «гонки» тю—леня.

Чтобъ ловить зимою «аханомъ», надо на ръкъ сдълать въ извъстномъ разстояни на льду проруби: у уральцевъ разстояние это обыкновенно бываетъ въ 12 саженъ. Изъ одной проруби къ другой пропускаютъ въ воду «прогонъ» или очень длинный шестъ съ шишкою на переднемъ концѣ; къ этому концу, за шишку привязываютъ конецъ веревки, къ которой прикръпленъ аханъ. Прогонъ, по относительной легкости своей, приподнимается ко-льду; у слъдующей проруби его вынимаютъ багромъ или какимъ нибудъ другимъ орудіемъ, пожалуй хоть деревянною вилою. Такъ веревка и аханъ проходятъ отъ проруби до проруби, гдъ и прикръпляется особыми шестиками въ низу же, у дна, аханъ ут-

48 Смпсь.

верждается на колышкахъ общеупотребительнымъ пріемомъ, посредствомъ набойника. Но съть не кръпко натягивается, а держится на-слабкъ, и она волнуется понемножку, и рыба сама суводитъ струи, а морскимъ теченіемъ ее прибиваетъ къ ахану, въ которомъ она и запутывается. Такъ какъ со льда не видно, что дълается въ аханъ, то ловцы «наслушиваютъ» рыбу. Наслушиванье это производится не ухомъ, а руками: надо потянуть за веревку, къ которой прикръплена съть: большая или меньшая грузность съти, большая или меньшая степень трепетанія или неравномърнаго ея колебанія служатъ указаніемъ большаго или меньшаго улова рыбы.

«Самоплавы,» «погонни» и «свинчатки» представляють собою видоизмъненія обыкновенныхъ ръчныхъ плавныхъ сътей. Самоплавы употребляются для ловли сома и сазана; клътки ея бывають въ квадратную четверть. Погоняями ловять въ устьяхъ ръкъ бълугу, клътки у
нея въ двъ квадратныя четверти; для лова осетровъ у погониевъ ячеи
дълаются въ 1½ четверти: тогда съть называется «осетрій погоняй»
или просто «ръжакъ». «Свинчатками» ловятъ стерлядь и судака, поэтому и ячеи бываютъ гораздо мельче. Свинчатки, называемыя такъ
потому, что у нихъ есть свинцовыя пригрузки, бываютъ длиною
больше ста саженъ, а шириною въ 18 ячей.

«Пофадухой» называется съть неболье, какъ саженъ въ 15 длины и саженъ шести въ ширину съ очень мелкими ячеями, такъ, что если ихъ растянуть, то они представятъ клътки неболъе $2^{i}/_{2}$ вершковъ. По обоимъ краямъ повздухи двлаются подборы, верхняя съ балберками, а нижняя со свинцовыми пригрузками. Боковыя части «съти» привязываются къ длиннымъ, аршина въ 21/2, клячамъ или шестамъ, къ которымъ тоже прикръплены кирпичные «кокурки» или «ушники,» нодгрузки, для того, чтобъ водою неприподнимало нижней подборы, долженствующей волочиться по самому дну. На зиму рыба «грудится,» т. е. сбирается стадами и ложится на покой въ яминахъ, логовищахъ, или въ ятовьяхъ, поэтому-то позднею осенью и раннею весною рыболовы и «громять» ее, напередъ ознакомившись съ косячными логовищами и хорошенько о нихъ дознавшись. Громятъ обыкновенно сома, стерлядь и даже сазана. Это дълается такимъ образомъ, что ловецъ, плывя по теченію ръки и достигнувъ логовища, искусно окидываетъ его поъздухой, всполашаетъ рыбу шумомъ, поднимаеть ее съ логовища, и самъ спѣшитъ къ берегу. Тутъ схватываетъ онъ съть за объ подборы разомъ, отчего изъ съти образуется родъ кошеля, «выбираетъ,» то есть вытаскиваетъ ее на сушу и опрастываеть ее отъ обильной добычи: пригрузки тянутъ

Смівсь. 49

нижнюю подбору ко дну, рыбт подъ нею проскользнуть нътъ никакой возможности; верхняя подбора схлестывается съ нижнею, и логовище выдавливается почти все безъ остатка.

Точно также, только не въ большомъ видъ, а для домашняго употребленія, ловится простая мелкая рыба небольшими сътями, саженъ до десяти, не болье, въ длину. Этимъ сътямъ мъстное населеніе придумало тоже особенное, не хитрое, но очень характерическое названіе— «возмилка».

«Уры» вяжутся въ родъ ръдкихъ сътей, изъ мочальныхъ веревокъ. Собственно урами рыба не ловится; назначеніе ихъ другое. На Волгъ устроиваются такъ называемые «садки,» или «сажалки» или, какъ это у уральцевъ называется—«сажи». Это не то, что мы у себя называемъ «садками,» а просто естественный или и искусственный заливчикъ, отдъленный отъ матерой воды частоколомъ. Вода тутъ, сталобыть, всегда свъжая и всегда текучая. Въ эти-то садки и опускаютъ сазановъ и другія породы рыбъ, уловленныхъ въ добычу; но такъ какъ эта хитрая рыба очень легко можетъ подкопать частоколъ и нетолько сама выдти изъ заключенія, но и указать дорогу другимъ рыбамъ, то предъ частоколомъ и опускаются на дно мочальныя уры.

Весьма любопытно было бы исторически проследить всю нить усовершенствованій, которымъ подверглись всё роды рыболовныхъ орудій, начиная съ той эпохи, до которой дошли до насъ какіе нибудь письменные памятники, и доведя это изследование до нашихъ временъ. Матерьяловъ къ этому очень довольно и въ «Актахъ, » изданныхъ уже Археографическою Коммиссіею, и въ путешествіяхъ нашихъ знаменитыхъ ученыхъ прошедшаго столътія; особенно много подробностей сообщили въ свое время объ этомъ предметъ Степанъ Крашенинниковъ, во второй части своего «Описанія Земли Камчатки,» П. С. Палласъ, во второмъ томъ своего «Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs» и еще болъе С. Г. Гмелинъ, во второмъ томъ своего «Reise durch Russland zur Untersuchung der drei Natur-Reiche». Но такъ какъ это спеціальное изследование неминуемо должно войти въ кругъ вопросовъ, ныне занимающихъ ученую экспедицію, уже дъйствующую на Каспійскомъ моръ, то я и считаю весьма возможнымъ ограничиться только теми орудіями, которыя въ настоящее время употребляются въ астраханскомъ и уральскомъ рыболовствъ.

Невода принадлежатъ къ самымъ существеннымъ орудіямъ, которыя

50 Смпсь.

изобрѣтены человѣчествомъ для неминуемой и несомвѣнно вѣрной добычи рыбы въ самыхъ большихъ размѣрахъ. Астраханскіе невода можно раздѣлить на невода старой выдумки и на невода новѣйшаго усовершенствованія: къ первымъ принадлежатъ рѣчные невода, такъ называемые «стрежневые» и «рысаки», къ послѣднимъ морскіе, или такъ называемые «распорные». Есть еще видоизмѣненіе рѣчныхъ неводовъ, именно «волоку́ши,» употребляемыя собственно при ловлѣ рыбы въ ильменахъ. («Ильменёмъ» называется а, небольшое озеро, б, низменная ямина, понятая водою; в, широкій разливъ рѣки; г, остатотъ рѣки, или какой либо части ея, высохшей съ обоихъ концевъ и неимѣющей исхода). Морскіе невода называются также «култучными,» отъ слова «култукъ,» означающаго: а) въ побережьяхъ нижней Волги рѣчной заливъ; б) а на Каспіѣ заливъ моря; «стрежневыми» рѣчные невода именуются отъ слова «стрежень», которое означаетъ самое глубокое въ рѣкѣ мѣсто. Устройство невода подробно обозначено на рисункѣ 4.

«Стрежневые» невода бывають длиною отъ 250 до 500 и до 800 маховыхь саженъ; самые большіе невода, «рысаки» и «жиротопенные» доходять до 1,000 и даже, говорять, до 2,000 саженъ; шириной, или какъ говорится «ногами», они отъ семи саженъ до 14 и даже до 18.

Манера лова рыбы неводомъ вотъ какая.

Артель ловцовъ, въ числъ отъ 10 до 24 человъкъ «неводныхъ» набираетъ неводъ въ лодку, называемую «неводникъ». Арканъ, привязанный къ одному концу невода, вмъстъ съ коломъ, называемымъ «пяткой» или «пятною» оставляется на берегу при одномъ или при двухъ рабочихъ. Эти два рабочіе, называемые «пятчиками» вколачиваютъ на берегу «пятиую» въ землю въ наклонномъ положеніи для того, чтобъ неводъ тяжестью своею не стащилъ его въ воду.

Остальные ловцы, находясь посредствомъ обозначеннаго выше аркана въ связи съ «пятчиками,» отваливаютъ отъ берега; трое изъ нихъ выкидываютъ понемногу неводъ, остальные гребутъ веслами, а старикъ изъ рабочихъ, называемый «неводчикомъ,» стоитъ на кормъ неводника и направляетъ его, рулемъ или большимъ весломъ, чрезъ ръку къ другому берегу.

Кошель, составляющій главную часть невода, или такъ называемая «матня», устроивается обыкновенно ближе къ пятной: поэтому и та часть невода, которая заключается между матнёй и пятною, называется «пятнымъ крыломъ.» У невода сперва выкидывается это «пятное крыло», а ужъ послъ и противуположное ему «бъжное крыло».

Неводчикъ перевхавъ рвку отъ одного берега до другаго и выметавъ въ воду весь неводъ, но не выпуская изъ рукъ аркана, поворачиваетъ внизъ по теченію рвки, около берега, назадъ и возвращается съ народомъ къ тому мъсту, гдв оставлены были «пятчики». Здвсь всъ рабочіе начинаютъ неводъ вытаскивать сперва за арканъ, а потомъ заверхнюю и нижнюю подборы. Нижняя подбора держится какъ можно ближе ко дну, для того чтобъ рыба подъ нею не могла какъ нибудь проскользнуть. По мърв вытягиванія невода сближаютъ пятное и бъжное крыло и потомъ соединяютъ ихъ такъ, что нижніе подборы вытягиваются вмъств за одинъ разъ.

Рыба, попавшаяся въ неводъ, во время подтягиванія его къ берегу, начинаетъ «грудиться», толинться въ кучу, «сгруживается» и кидается вся въ «матню»; а чтобъ «матня» эта, отъ обилія рыбы не слишкомъ загрузла—надъ нею подвязывается пустой боченокъ, да и обыкновенные поплавки навязываются какъ можно чаще и ближе другъ къ другу. Точно такъ и на нижней подборѣ: чтобъ она отъ натиска рыбы не приподнялась къ верху, то пригрузковъ, «кокурокъ» или «ташей» навъщивается какъ можно больше.

Рыбу, попавшуюся въ «матню», «выбагриваютъ», то есть вытаскиваютъ баграми, сваливаютъ въ особую лодку, называемую «рыбницей» и отправляютъ на «промыселъ», по нашему сказать — на заводъ, или, какъ говорили старинные съчевики, да еще и теперь говорятъ въ Екатеринославской губерніи —въ гардъ, для превращенія добытой рыбы въ рыбный товаръ того или другаго вида.

Между тёмъ какъ рабочіе оканчивають дёло съ однимъ неводомъ, въ неводникъ укладывается другой неводъ; рабочіе онять отправляются на работу и снова начинають укладывать его въ рёку.

Мъсто, гдъ вытягивается неводъ, называется «притонкою», а пространство ръки, на которомъ неводъ выкидывается—«тонею».

«Рысаки», какъ уже сказано, суть тъ же «стрежневые невода», только большихъ размъровъ.

« Невода жиротопенные» во всемъ сходствують съ «рысаками», только ячеи у стъней этого невода имъють мелкія ячеи, потому что предназначеніе этого снаряда—ловъ мелкой рыбы.

«Волокущею» называется неводъ меньшаго противъ обыкновенныхъ стрежневыхъ неводовъ размъръ преимущественно менъе низкій «ногами», то есть не такъ глубоко идущій ко дну. Обыкновенно волокуши дъ-

лаются отъ 80 до 150 саженъ, а большія волокуши отъ 150 до 450 саженъ, а вышина отъ 2 до 4 саженъ. Волокушами ловится въ озерахъ и ильменяхъ, даже и въ ръкахъ, преимущественно простая, черная, частиковая рыба—сазанъ, судакъ, лещъ, иногда и сомъ.

Устройство «распорныхъ неводовъ», не очень давно введенныхъ въ употребленіе, одинаково со всёми неводами, но результаты его назначенія действовать въ морѣ противъ устьевъ рѣкъ, чрезвычайно важны въ экономическомъ отношенія.

Распорные невода, названные такъ отъ «распоровъ» — особаго рода шестиковъ, пригружаемыхъ къ нижней подборъ невода, употребляются въ дъло во время самаго сильнаго хода рыбы; они выметываются на взморьъ близъ устья ръкъ. Промышленники, имъющіе право и возможность выставлять такіе невода въ этихъ мъстахъ, пользуются тою выгодою, что переметываютъ неводами весь путь, по которому идетъ «стадо», и, дъйствуя послъдовательно, неводъ за неводомъ, въ непрестанномъ порядкъ, пользуются самою огромною добычею и не даютъ почти рыбъ возможности открыть себъ какой нибудь другой путь для того, чтобъ проникиуть въ ръку вверхъ по теченію. Очень часто, рыба, говорятъ, разгоняется, обращается въ море и только сравнительно небольшая часть косяковъ проникаетъ, пользуясь обстоятельствами, въ ръку, гдъ ихъ сторожатъ уже цълый лабиринтъ другихъ неводовъ, сътей, удочекъ и разныхъ ловушекъ. Говорятъ, однакожъ, что блистательнъйшаго улова никакими средствами, кромъ распорныхъ неводовъ, достигнуть нельзя.

Дъйствуя на взморьъ, распорный неводъ нельзя уже укръпить, какъ стрежневый неводъ, однимъ концомъ къ берегу. Обыкновенно «кусовая» становится на якорь; съ этой кусовой начинаютъ распорный неводъ выбрасывать въ воду и протягиваютъ его до другаго судна, тоже стоящаго на якоръ, и потомъ возвращаются на мъсто. Окинувъ такимъ образомъ кругъ, народъ начинаетъ вытаскивать неводъ, иногда по просту безъ затъй, прямо въ волнахъ, гдъ работаютъ они по поясъ и по грудь въ водъ, а иногда и на неводникъ. Во всякомъ случаъ, пойманная рыба сваливается въ рыбницу «и отвозится на промысель».

Удою, удочкой или крючкомъ называется загнутая и хорошо заостреная желъзная проволока, толщиною въ гусиное писчее перо, а иногда и еще потолще, съ «жабёркою», или зазубриною близъ остраго конца. Вообще говоря, употребляемая на промыслъ удочка наружнымъ своимъ видомъ схожа съ тъмъ крючкомъ, какимъ у насъ ловятъ рыбу, съ тою только разницею, что нашъ крючекъ совершенный пигмей пе-

53

редъ гигантомъ-крючкомъ рѣчнаго или морскаго ловца. Самые маленькіе промысловые крючки вѣсятъ ровно пудъ въ тысячѣ, есть сортъ, который вѣситъ $1^4/_2$ пуда и еще тяжелѣе, а есть и такой сортъ, что въ тысячѣ крючковъ бываетъ $2^4/_2$ пуда вѣсу, а въ такъ называемой «тычко́вой кованой изъ желѣза снасти» въ тысячѣ крючкахъ бываетъ $3^4/_2$ пуда вѣсу!

Выше было уже сказано о томъ какъ дубятъ эти крючки и какъ ихъ обтачиваютъ; считаю теперь не слишкомъ сказать, что каждая уда, или каждый крючекъ обвивается съ тупаго конца такъ называемою «четверною пряжею» или тоненько некрѣпкою ссученою веревочкой въ родъ не «голландской» а простой бичевки. Уда эта навязывается на короткія, вершковъ въ 10 длины тонкія веревочки, называемыя «поводцами»; нѣсколько такихъ поводцовъ привязываются на длинную толщиною въ палецъ веревку, называемую «хребтиной» или еще «встеговальною хребтиной»; удочка приходится къ удочкѣ очень близко, не далѣе какъ на четверть аршина одна отъ другой, иногда впрочемъ и шпре даже и на пол-аршина.

Каждая хребтина, на которой насажено 50 удочекъ, называется «длиниикомъ»; два длинника составляютъ «счалъ» или сто удочекъ; три длинника либо полтора счала составляють «перетягу», или 150 удочекъ; полтораста перетягъ, выставленныхъ въ одну линію, протяженіемъ своимъ равняющуюся почти верств, называется «порядокъ» и содержить въ себъ 22,500 штукъ крючковъ. Этотъ порядокъ составляетъ непремънную принадлежность каждой промысловой лодки. А такъ какъ по пріятельскому сознанію нъкоторыхъ лицъ, вполнъ знакомыхъ съ дъломъ, въ одной только съверной части Каспійскаго моря ежегодно бываеть круглымъ счетомъ до 3,000 лодокъ, стало быть очень легко, на этомъ основаніи, расчислить, что во время рыболовья крючками, въ одной только стверной части Каспійскаго моря выбрасывается ежедневно въ море 67,500,000 штукъ удочекъ. Люди, сдълавшіе этотъ расчетъ, предупреждали меня, что многіе этому не повърятъ, что противъ этого сильно станутъ возражать, но увёряли честнымъ словомъ, что выводъ этотъ не подлежить ни малейшему сомнению, и что въ этотъ расчетъ нисколько непринято въ соображение то безчисленное множество крючковъ, которые выкидываются въ Волгу, начиная отъ Саренты вплоть до Астрахани, и еще ниже Астрахани вплоть до устроенныхъ въ нъкоторыхъ устьяхъ «учуговъ» или частоколовъ, преграждающихъ русло отъ одного берега до другаго.

54 Смысь.

Снасть съ такого рода препаратами укрѣпляется на диѣ рѣки или моря «чипчикомъ», то-есть колышкомъ, а чтобъ замѣтно было мѣсто, гдѣ погружены эти удочки, и чтобъ они не ложились на дно, къ «порядку» на «тонькахъ» или веревкахъ укрѣпляются «бальберы» или «плуты» то-есть деревянные или осокоревые (или какъ уральцы, незнакомые впрочемъ съ удами, говорятъ, сухаринные) поплавки. Стоитъ въ самомъ дѣлѣ проѣхаться по нижнему теченію Волги, начиная отъ Царицына, чтобъ своими глазами убъдиться въ какой степени русло этой рѣки испещрено этими снарядами, держащимися на водѣ посредствомъ здоровыхъ деревянныхъ чурбановъ, прикрѣпленныхъ къ «сторожу» или веревкѣ, привязанной къ перетягъ.

«Чипчикъ» вбивается въ дно моря посредствомъ извъстнаго орудія «набойника». Набойникъ есть ничто иное какъ очень длинный шестъ, съ низу котораго прибита желъзная, четверти въ двъ, трубка, которая надъвается на чипчикъ, приставленный ко дну моря или ръки. Шестъ съ трубкою напираетъ на чипчикъ, а по шесту ударяютъ «мушкаромъ», или деревяннымъ молотомъ; (чтобъ не раздробить конецъ шеста, на него надъваютъ желъзный стаканъ).

Употребленіе удочекъ имъетъ многоразличное примъненіе; вотъ главнъйшіе снаряды этого рода.

Та система удочекъ, которая, подъ названіемъ «порядка», объяснена выще, носить название «самоловной снасти». Такого рода «порядки» выбрасываются въ море или, говоря технически, «выбиваются» обыкновенно по направлению на югъ и на юговостокъ. Замъчено, что рыба идеть съ моря почти всегда по этимъ румбамъ компаса. Ходъ рыбы зависить отъ направленія вътровь, а такъ какъ здісь на Каспіи господствующій вътеръ SO или OSO, то указанное и приходится по большей части кстати, именно поперекъ теченія гонимой вътромъ струп. Но такъ какъ нътъ правила безъ исключенія, то въ постановкъ этой самоловной снасти рабочіе и соображаются съ разными случайными обстоятельствами. Порядки эти выметываются въ море больше по подводнымъ «банкамъ», то есть круглымъ мелямъ и по «косамъ», то есть продолговатымъ мелямъ, и вообще по «осерёдкамъ», то есть по скрытымъ водою отмелинамъ, на которыя часто направляется рыба, стремясь изъ глубины моря. Какимъ образомъ рыба попадается на удочки, объ этомъ было уже сказано въ предшествовавшей главъ.

«Балберочная снасть» отличается отъ самоловной только тъмъ, что у самоловной снасти всъ удочки висять внизъ, а у балберочной, меж-

ду ними подвязанъ еще цёлый рядъ удочекъ, долженствующихъ имъть противоположное направленіе—къ верху и поддерживаемыхъ въ этомъ положеніи посредствомъ деревянныхъ поплавковъ, прикрыпляемыхъ къ крючкамъ конскимъ волосомъ. На этихъ удочкахъ никакой приманки небываетъ; породы же рыбъ, которыя тутъ ловятся, суть бълуга, осетръ, севрюга и сомъ.

«Шашковая», называя такъ отъ шашекъ или мелкихъ балберокъ, есть видоизмъненіе снасти балберочной; между ними только та разница, что у шашковой удочки гораздо мельче и приспособлены для лова стерляди.

Снасть «живодная» или «кусовая» почти та же что и обыкновенная самоловная, съ тою разницею, что она устанавливается въ море хребтиною въ низъ, а удочками къ верху. На каждый крючекъ насаживается живая тарань или другая какая нибудь мелкая рыбка; разумъется, она бъется, и этимъ движеніемъ поднимаетъ крючки къ верху отъ хребтины и приманиваетъ такимъ образомъ къ себъ бълугу. Отъ этой живой рыбки, или «живоди» и самая снасть получила названіе живодной; но такъ какъ съ живой рыбкой много возни и хлопотни, то нынъ подъ словомъ «живодь» разумъютъ и живую рыбку и соленую, и даже частички тюленьей туши, хрящи и внутренности.

«Тычковая снасть» состоить изъ одной хребтины, къ одному концу которой прикръпляется крючекъ съ кускомъ «живоди». Другой конецъ хребтины привязывается къ «тычинъ» или къ колу, утвержденному въ воду. Цълый рядъ такихъ удочекъ, пропущенныхъ въ разныя проруби, составляетъ «порядокъ» тычковой снасти; ею ловится бълуга и осетръ.

Подобная тычковой, но употребляемая только въ ръкахъ снасть для лова судака, и потому состоящая изъ крючка небольшой величины, называется «подлёдною».

Въ родъ подлёдной и тычковой снасти, есть еще одна удочка, употребляемая собственно для лова бълорыбицы и называемая «блесной». Весь приборъ, на которомъ производится ловъ блесною, называется «сидебкой» и устроивается совершенно особеннымъ образомъ.

Блесна дълается изъ проволоки, немного потолще обыкновенной чулочной иголки, и съ верхняго конца до самаго загиба обливается оловомъ, образующимъ пластинку, будто бы имъющую подобіе маленькой рыбки.

Рыболовъ, срубивъ три таловые кола, связываетъ тонкіе ихъ кон-

56 Смпсь.

цы вивств крвикою веревкой, потомъ комли разводить на стороны, и образовавъ такимъ образомъ козлы, ставить ихъ на льду у проруби. Изъ этой же талины онъ тешетъ четвертый, потолще колъ и привязываетъ его на козлы, въ родв переввса или рычага. Тонкая и длинная но легчайшая часть этого рычага притягивается къ таловой же скобкв, примороженной у проруби и, посредствомъ деревяннаго колышка задввается за эту скобку.

Къ колышку привязывается блесна и на шелковой ниткъ опускается чрезъ прорубь въ воду не глубже какъ на одну сажень. На самой блеснъ, въ родъ приманки, насаживается ближе къ острію лоскуточикъ краснаго сукна, а къ другому концу сазанья чешуя.

Удочка отъ направленія теченія «играєть» въ водѣ; олово и чешуя блестять, суконце трепещеть на струѣ; обманутая бѣлорыбица
бросаєтся на приманку и попадаєть на крючекь и тянеть его внизь.
Въ это самое мгновеніе колышекь отъ тяжести выскакиваєть изъ
скобки, тяжелѣйшая, задняя часть рычага подаєтся назадъ, а передняя
отскакиваєть отъ проруби, а вмѣстѣ съ этимъ выдергиваєтся удочка
вмѣстѣ съ добычею: выдумка прехитрая, но чрезвычайно простая. Ловцу остаєтся только снять съ крючка рыбу и снова опустить блесну въ
прорубь. Такъ онъ и продолжаєть эту работу съ утра до вечера, безпрестанно очищая проруби отъ намерзающаго льда. Сидёбка, или блесна, какъ и всякаго другаго вида удочка, недалеко отъ поверхности
воды опущенная, обыкновенно называєтся у ловцовъ «верхоглядкою.»
Рыболовство на блесну́ кончаєтся съ появленіемъ весеннихъ оттепелей,
когда ловцу уже никакъ нельзя на льду держаться.

«Самоловка клоковая» есть почти тоже, что и тычковая снасть. Уда привязывается къ хребтинъ и «насаживается» рыбкою или лягушкою. Ловецъ, съвъ въ корму маленькой лодочки, лъвою рукой спускаетъ въ ръку удочку, невыпуская однакожъ ее вовсе отъ себя, а правою «клочитъ»; отъ этого произошло и названіе «клоковой.» Клочитъ значитъ вотъ что: Ловецъ вооружается особеннаго устройства коротенькою палкою, конецъ которой обдълывается въ родъ шишки или неправильнымъ кружкомъ, величиною, примърно, въ мъдный пятакъ серебра и просверливается нъсколькими дырочками и шлёпаетъ этимъ кружкомъ по илёсу; это-то дъйствіе и называется клочить. Удары орудія по поверхности воды производятъ особеннаго рода звуки въ родъ клохтанія, или, какъ пришлые съ верху ловцы говорятъ, что-то будто клохчетъ. Это клохтаніе, эти звуки должно быть очень пріятно дъйст-

Смпсь. 57

вують на хищнаго сома: онъ бѣжить на звукъ, и въ стремленіи своемь замѣчаетъ приманку, лягушку или рыбку, съ жадностью хватаетъ ее и виснетъ на крючкъ. Клоковою снастью кромѣ сома никакой другой рыбы больше не ловятъ.

Къ отдълу же удочекъ прійдется намъ отнести и «сандовь» или «острогу»; это родъ вилъ, сдъланныхъ изъ круглаго жельза съ зазубринами или жаберками близъ острія, и насаженныхъ на хорошій здоровый шесть, посрединь котораго привязывается веревка. Ловецъ, не выпуская изъ руки, цълится сандовью въ рыбу и, намътившись хорошенько, пускаетъ въ нее сандовь, произаетъ ее и потомъ, помощію веревки притягиваетъ ее къ себъ. Сандовью ловятъ въ половодье въ камышахъ и на поемныхъ мъстахъ въ Черняхъ и въ Мочагахъ сома и сазана.

Къ орудіямъ рыболовства, неподходящимъ подъ три первыя раздъленія, принадлежатъ два снаряда или двъ ловушки, называемыя «ве́нтерь» и «ва́нта» и выставляемыя въ рѣкахъ во множествъ.

«Вентерь» устраивается изъ четырехъ сдъланныхъ изъ хвороста, обручей или колецъ, пропорціонально уменьшающихся: они называются «котели». Котели эти размѣщаются одна отъ другой на разстояніи двухъ аршинъ и обтягиваются сѣткой, ячей которой бываютъ длиною до двухъ вершковъ; такимъ образомъ составляется кошель вентеря длиною до четырехъ саженъ. Главное отверзтіе вентеря, у большаго кольца, бываетъ вышиною до сажени. По обѣ его стороны, во всю его вышину привязываются, въ родѣ крыльевъ, длинныя сѣтки, каждая по шести а иногда и больше маховыхъ саженъ: они, какъ и самый вентерь, укрѣпляются въ водѣ тремя кольями. Въ промежутокъ кошеля вентеря вставляется другая сѣтка въ фигурѣ, соотвѣтствующей наружной сѣти; этотъ второй внутренній кошель имѣетъ въ вершинкѣ своей отверзтіе для хода рыбы, а отверзтіе это прикрѣпляется къ верхнему кольцу посредствомъ конскаго волоса: эту закрѣпу называютъ кто «семечками,» кто «симками.»

Вентерьми ловятъ рыбу и лътомъ и, еще чаще зимою. Сначала на ръкъ дълаютъ прорубь, и въ дно заколачиваютъ колъ, къ которому прикръпленъ задъ вентеря, его вершинка; потомъ, чрезъ небольшія проруби, натягиваютъ въ извъстномъ направленіи и крылья, тоже, разумъется, подъ льдомъ или ближе къ дну ръки, или ближе ко льду.

Рыба идя снизу вверхъ, наталкивается на крылья вентеря и, слъдуя вдоль этой стънки, «скатывается» къ самому отверзтію, входить

in the Constant Divine is a recommendation

въ кошель чрезъ маленькое отверзтіе внутренней сътки, проникаетъ дальше и остается въ ловушкъ, образуемой внутреннею и наружною сътями, откуда ей нътъ уже возможности выбраться назадъ; такимъ образомъ вентерь и наполняется судакомъ, бълорыбицей и другими видами рыбъ. Чтобъ вытащить вентерь, надо сначала освободить, отпустить крылья, прорубь надъ кошелемъ порасширить и потомъ, взявшись за вершину снаряда, вынимаютъ его изъ воды посредствомъ ворота.

«Ванта» есть снарядъ, извъстный въ другихъ мъстахъ подъ названіемъ «мо́рды» или «верши.» Она дълается изъ свъжаго молодаго хвороста и бываетъ длиною до $1^{1}/_{2}$ сажени, а вышиною и шириною до 2 аршинъ. Рыба попадается сюда тъмъ же порядкомъ, какъ и въ вентерь; въ ней улавливается севрюга, сомъ, сазанъ, судакъ, лещъ, иногда попадается и осетръ и бълуга очень ръдко.

Part to St. (Q. S. Branch, S. Who has who was a burn

antentros en la profesión de como de c La profesión de como d La profesión de como d

ethar Chicagor had a guidhean i ga mo seolle a beat i cano bhr i è assis a mis

призракъ.

A STATE OF THE PARTY OF THE PAR

T

Въ улицъ Сенъ-Дени, въ задней комнатъ чулочной лавки, сидъло нъсколько человъкъ вокругъ стола. Въ каминъ догорали угли; часовая стрълка, на бъломъ циферблатъ съ желтыми арабесками, показывала ровно десять. Тюки товара лежали въ углу; на въшалкъ красовались пальто и шляны. На камышевыхъ стульяхъ, разставленныхъ вокругъ стола, покрытаго клеенкой, подъ цвътъ краснаго дерева, сидъли четыре человъка: господинъ и госпожа Куанте, хозяева лавки, дъвица Армантина, дочь ихъ, и молодой человъкъ Бенуа Жофренъ. Всъ они писали адресы на большомъ количествъ уже свернутыхъ записочекъ; въроятно это были приглашенія или извъстительныя письма о какомъ нибудь семейномъ событіи.

Только одинъ человъкъ не принималъ участія въ общей работъ; онъ стоялъ, облокотясь на каминъ, задъвая плечами цвъточный горшокъ, изъ котораго торчали четыре или пять жалкихъ далій. Возлъ этихъ вялыхъ цвътовъ были положены двъ пачки писемъ, уже совсъмъ готовыхъ.

- А ты, Жозефъ, что-же не пишешь? сказала г-жа Куанте, обращаясь къ стоящему у камина молодому человъку.
- Не пишу оттого, тетушка, отвъчалъ Жозефъ Пепингре, что въ десять часовъ мнв надо итти домой; вы знаете, что хозяинъ нашъ не любитъ, когда запаздываютъ.

Жозефъ Пепингре былъ конторщикомъ въ лавкъ шелковыхъ товаровъ, въ улицъ Рамбюто.

Ну, какъ знаешь, душа моя, въдь ты у меня умникъ. Только,

пожалуйста, не забудь разнести завтра поутру тъ письма, которыя придутся тебъ по дорогъ. Возьми-ка на углу камина списокъ адресовъ, посмотримъ, не забыли-ли мы кого!

Молодая дъвушка, такъ прилежно писавшая, подняла головку.

- Маменька, я кончила вст письма въ провинцію; остается только надписать адресы. Нужно-ли посылать письмо къ дядюшкт Антуану?
- Никакой нътъ надобности, отвъчалъ Куанте; Антуанъ былъ здъсь, когда случилось съ нами несчастіе, и если онъ не явился на похороны...
- Такъ это потому, что не хотълъ, прервала его г-жа Куанте. Антуанъ Вербоке оригиналъ, и считаетъ особеннымъ удовольствіемъ показывать полное равнодушіе къ роднымъ.
- Помилуйте, сказалъ Бенуа Жофренъ, вы знаете, онъ немного страненъ, но въ душъ предобрый человъкъ.
- Очень добрый, нечего сказать! возразила г-жа Куанте съ колкостью: только ведеть себя, какъ медвъдь. Впрочемъ, вы друзья, и всегда стоите другъ за друга. Хороша странность—не отдать послъдняго долга близкимъ родственникамъ!

Армантина взглянула на Бенуа, который хотълъ было отвъчать, но понявъ ее, замолчалъ. Нъсколько минутъ продолжалось безмолвіе.

- Ступай, Жозефъ, если тебъ нужно, сказала г-жа Куанте, мы почти все кончили и скоро пойдемъ спать.
- Ну, дъти! кончайте остальное, сказалъ г. Куанте, я что-то усталъ. Пойдемъ наверхъ.
 - Прощайте, г. Бенуа, сказала г-жа Куанте.
 - Добрый вечеръ, Жозефъ.

Бенуа всталъ, какъ-бы желая удалиться.

Жозефъ вышелъ.

— Не должно однакожъ оставлять Армантину одну, произнесъ Куанте. Побудь съ кузиной, Бенуа; вамъ еще будетъ на полчаса работы. Добрый вечеръ.

И Куанте отправился наверхъ съ своею супругою, очень недовольною послъдними словами мужа.

Когда молодые люди остались одни, они положили перья на столъ и грустно посмотръли другъ на друга.

— Армантина! какъ вы думаете: кончится—ли это когда нибудь? Позвольте мнѣ высказаться и не сердитесь. Вы цѣль моей жизни, и все, что отдаляетъ васъ отъ меня, рождаетъ во мнѣ отвращеніе огда я писалъ эти адресы, признаться, я подумалъ: вотъ, главный врагъ мой

умеръ, потому что покойникъ, въ угоду вашей мачихъ, безпрестанно меня преслъдовалъ...

- Ахъ, какъ можно это говорить! сказала Армантина.
- Что-жъ, это правда, братъ вашего батюшки былъ моимъ врагомъ, и еслибъ я говорилъ иначе, то не любилъ бы васъ. Что касается до вашей мачихи, то она настоящая мачиха, потому что вовсе не заботится о вашемъ счастіи. Она хочетъ отдать васъ замужъ за неуча Жозефа! Конечно, отецъ вашъ на счетъ этого другихъ мыслей, и будь онъ понастойчивъе... Но увы, всъ противъ меня!
 - Бенуа!
- Знаю я, Армантина, что ваше сердце за меня; знаю, что вы боретесь, молча, съ вашими слезами; но васъ мучатъ, убиваютъ. Еслибъ имъ удалось удалить меня, выгнать... вы сдълались-бы ихъ жертвою. Они уничтожатъ васъ страшными доводами: на сценъ будутъ и деньги, и мъста, и мало-ли что еще! вывезутъ всю артиллерію мъщанскихъ расчетовъ. Потомъ начнется обыкновенная исторія: поплачатъ, попротивятся, но невинное сердце слабо, а терпъніе злыхъ людей продолжительно и обдумано! Да, я всего надъялся отъ смерти вашего дяди. Если я жестокъ, такъ они же меня такимъ сдълали. Только вы однъ мнъ дороги, ко всему остальному я равнодушенъ; кто любитъ васъ, того и я люблю. Въ этотъ вечеръ я замътилъ особенное ко мнъ неблаговоленіе г-жи Куанте; она терпъть меня не можетъ, она очень хорошо чувствуетъ и понимаетъ, что наша партія съ нею неравна.

Армантина отерла слезы, и притворилась, что пишетъ.

- Дядюшка Антуанъ за насъ, отвъчала она; вы знаете, какъ онъ всегда спорилъ съ покойнымъ братомъ моего отца. Вспомните, еще не задолго до его смерти, у нихъ была жестокая ссора.
- Да, но бѣдный Антуанъ слыветъ за дурака, никто его не слушаетъ; притомъ же онъ живетъ далеко отсюда, въ Турѣ.
 - Но онъ можетъ прітхать.
- Онъ прівзжаеть сюда разъ въ годъ. Онъ быль здёсь тому двё недёли; вспомните: онъ не быль въ Парижё ровно восьмнадцать мѣсяцевъ, послё вашей болёзни.
- Да, вы меня тогда спасли, я этого никогда не забуду. Но за то мы лишились тогда кузена Жана.
- Тоже претендента на вашу руку. Вы составляете точно наслъдство для господъ Пепингре. Теперь права старшинства перешли къ Жозефу.

- Кончила ты, Армантина? закричала г-жа Куанте изъ своей комнаты.
- Да, маменька, отвъчала молодая дъвушка; прибавя тихонько: Уйдите, Бенуа; надо *терпъть и не раздражать мачиху. Прощайте. И она подала молодому человъку руку.
- Прощайте, Армантина, сказаль онь, сжимая ея руку; прощайте, повториль онь грустно. Я ухожу оть вась, какъ человъкъ подозрительный, какъ воръ, неправда-ли!

Армантина утъшила его улыбкой.

- Прощайте, сказала она съ нъжностью, не унывайте, трудитесь и ждите. Мы еще молоды!
- Мы довольно уже стары для терптнія и слишкомъ молоды для счастія! Прощайте, и онъ еще разъ пожалъ руку Армантины.
- Я иду работать, сказаль онь, а голова моя не на мѣстѣ, да и сердце болить.

Армантвна пошла по маленькой лъстницъ; проходя мимо комнаты отца и мачихи, она закричала имъ: доброй ночи! и удалилась въ свою чистенькую, маленькую комнатку. Тутъ насталъ для нея часъ свободы. Въ углу своемъ, на антресоляхъ, она была одна, могла думать и илакать, предаваться дъвическимъ мечтамъ и надеждамъ. Избавясь отъ хлопотъ ежедневной прозаической жизни, она могла строить свой маленькій романъ. У нея не было желаній ненасытныхъ, не было жажды къ неизвъстному; сердце ея было чисто и готово раскрыться для любви и счастія, но и тутъ встрътились препятствія. Для Армантины также было трудно выйти замужъ за двоюроднаго брата, какъ героинъ романа за какого нибудь принца тысячи и одной ночи!

Днемъ она териъла и ждала ночи, съ наступленіемъ которой начинался для нея настоящій день. Она могла смѣяться и говорить, не встрѣчая строгаго взгляда мачихи. Чего она не могла днемъ сказать Бенуа, то теперь говорила вслухъ, какъ будто онъ могъ ее слышать. Потомъ, какъ ужъ всегда водится, начинались желанія, мольбы и слезы. На другой день глазки у Армантины были красны, и за это сыпались, разумѣется, выговоры. Въ этотъ вечеръ она цѣлый часъ просидѣла на стулѣ, и не могла привести въ порядокъ своихъ мыслей, подъ вліяніемъ какого-то неопредѣленнаго страха. Мало-по-малу холодъ овладѣлъ ея членами, и она заснула на стулѣ; вереница мрачныхъ призраковъ преслѣдовала ее и во снѣ.

Г-жа Куанте съ своей стороны очень гитвалась; мужть ея уже предчувствовалъ бурю, и пока онъ раздъвался, буря эта разразилась надъ нимъ цълымъ потокомъ упрековъ и укоризнъ.

— И ты оставляещь ихъвмъстъ? Ну, есть-ли тутъ какой нибудь смыслъ! Въдь ты знаешь, что Армантина не можетъ ему принадлежать! Твой братъ очень дъльно объ этомъ разсуждалъ. Когда-бъ онъ былъ живъ, ты, можетъ быть, и послушался-бы, но я не смъй и рта разинуть. Однакожъ я должна тебъ сказать, что ты не понимаешь счастія своей дочери, и что твое потворство послужить ей на пагубу!

Молодые люди говорили о своемъ счастіи, родители тоже говорили о ихъ счастіи: это одно изъ тъхъ словъ, о которомъ можно долго разсуждать и не соглашаться въ его смыслъ.

II.

Г. Куанте быль честный продавець чулокь и колиаковь, льть пятидесяти, толстенькій, здоровый. У него были два затылка сзади и два подбородка спереди. Человъкъ онъ былъ слабый, и находился подъ властію г-жи Куанте, настоящей хозяйки дома, маленькой, сухощавой, сварливой женщины, съ непріятнымъ голосомъ и недобрымъ взглядомъ. Впрочемъ, она умъла смотръть за домомъ; украсть у нея унцію масла было-бы также трудно, какъ похитить гранитную колонну съ городской площади. И такъ торговля и домашняя экономія шли хорошо, и кое что было припасено на черный день. Г. Куанте быль женать во второй разъ. Первая его жена, мать Армантины, была девица Вербоке, сестра дяди Антуана, о которомъ говорили молодые люди, а другая его сестра оставила сына, Бенуа Жофрена. Еслибъ мы не боялись наскучить этой странной родословной, мы еще прибавили-бы, чтобъ уже болъе не возвращаться къ этому предмету, что Жозефъ Пепингре быль родной племянникъ г-жи Куанте, чъмъ и объясняется предпочтение, которое она ему оказывала. Въ то время, какъ начинается наша исторія, братъ чулочнаго торговца умеръ, и мы видъли, что весь вечеръ былъ употребленъ на извъстительныя объ этомъ письма.

Простясь съ Армантиной, Бенуа отправился домой. Онъ жилъ въ улицъ Сентъ-Андре и занималъ небольшую комнатку, носившую отпечатокъ неунывающей бъдности. Нъсколько стульевъ да столъ оръховаго дерева, съ разбросанными на немъ медицинскими книгами, составляли всё ея украшеніе. Бенуа, не имъя ничего за душою, не ожидалъ ничего отъ настоящаго, но старался устроить себъ независимую будущность. Онъ жилъ, какъ мудрецъ, направляя всъ свои усиліи къ извъстной цъли. Бюджетъ его расходовъ былъ очень сжатъ и едва удовлетворялъ самымъ необходимымъ потребностямъ. Все было разсчита-

но, надлежало итти по назначенной дорожкв, не останавливаясь и не уклоняясь въ сторону. Удовольствія были невозможны, бользнь не входила въ расчеть. Его поддерживаль таинственный голось, который шепчеть избраннымь: неси вънокь терновый, возьметь вънокь лавровый! я помогу тебъ; или: «терпи въ любви, люби красавицу! я помогу тебъ». Бенуа также слышаль эти слова. Красавица была Армантина, но завоевать ее было труднъе, чъмъ самую науку. Я всегда върилъ волшебнымъ сказкамъ: не встръчаемъ ли мы часто въ дъйствительности неприступные замки съ заключенными въ нихъ геропнями? Лавка въ улицъ Сентъ-Дени тоже была кръпость, и еще лучше защищаемая, чъмъ волшебный замокъ, стрегомый геніями. Этотъ домъ былъ подъ очарованіемъ невъжества. Г-жа Куанте была злъе и могущественнъе самой злобной феи. Мъщанскіе предразсудки ея были выше самыхъ кръпкихъ стънъ, и атмосфера причудъ и чепорности, окружающая это жилище, могла остановить нападенія самыхъ отважнъйшихъ искателей приключеній.

И такъ, любовь, виъсто того, чтобъ поддерживать Бенуа, мъщала его занятіямъ.

Когда бѣдный молодой человѣкъ вошелъ въ свою комнату, то почувствовалъ свое одиночество въ полной мѣрѣ, и послѣ сценъ, подобныхъ описанной выше, считалъ себя безнадежно побѣжденнымъ. Армантина точно его любила, но у нея недоставало силъ и рѣшимости дъйствовать открыто, энергически. Бѣдное дитя вовсе не походило на героиню, можетъ быть, счастіе могло бы ее возвысить и пробудить въ ней силу душевную; но для перенесенія несчастія, у нея недоставало твердости. Страданіе похоже на ядъ: если принимать его въ малыхъ частицахъ, то можно къ нему привыкнуть.

Въ этотъ вечеръ Бенуа былъ задумчивъ, онъ не могъ ни спать, ни трудиться. Сидя передъ своимъ столомъ, въ то время, какъ Армантина илакала, онъ въ свою очередь погружался въ самыя мрачныя мысли. Молодые влюбленные, разлученные въ дъйствительности, соединялись въ страданіи. Въ ночной часъ, когда все молчитъ, не случалось ли вамъ проходить мимо уединеннаго окна, освъщеннаго лампадой? Не слыхали ли вы среди тишины грустной пъсни, жалобы или вздоха? Это такъ обыкновенно! а между тъмъ за каждой пъснью, жалобой, за каждымъ вздохомъ таится цълая исторія сердца, и подъ часъ очень горестная. Такъ въ обыкновенномъ явленіи можно всегда найти источникъ для печальной думы. Музыканты называютъ это «варіяціями на извъстную тему.»

«Это не можетъ такъ продолжаться, думалъ Бенуа, завтра же пойду и скажу напрямки господамъ Куанте: дайте мнъ сроку два года.

Армантинъ восемнадцать лътъ, а мнъ двадцать три года. Можно, кажется, дать мит такую отсрочку; когда же это время пройдеть и вы не будете имъть ко миъ довъренности... Но вотъ двадцать разъ сбираюсь я имъ это сказать, двадцать разъ подхозилъ и къ этой утесистой горъ, и не смёль саёлать на нее шагу. Двухъ лёть для нихъ слишкомъ много, а для меня слишкомъ мало. Я у нихь только вырву съ языка ръшительный отказъ, и не видать мит больше Армантины! Но любовь заставляетъ иногда медлить и выигрываетъ въ ожиданіи.» Бъдный молодой человъкъ видълъ еще иногда слабый лучъ надежды. скоро внутренній голось опять говориль ему: Армантина для тебя потеряна: ее выдадуть за обыкновеннаго торгаша, и она будеть съ нимъ счастлива до тъхъ поръ, пока ты не появишься перелъ нею въ полномъ блескъ славы и богатства, какъ угрызение совъсти. Наконецъ говорилъ онъ самъ себъ: «Въдь есть же на свътъ счастливцы, достигають же они своей цели и женятся, не смотря ни на какія затрудненія; можеть быть, и мив улыбнется счастіе. Пойду непремънно завтра, поговорю съ родителями, поговорю съ Армантиной и, если мит объявать войну, такъ чтожъ, будемъ воевать! кто побъдить еще неизвѣстно».

Бенуа заснуль и всю ночь мерещился ему дядюшка Антуанъ, который смѣялся надъ его безпокойствомъ и говорилъ ему грубымъ голосомъ: «Какой ты глупецъ! вѣдь я сказалъ тебѣ, что женишься на ней; это ужъ мое дѣло». Этотъ пустой сонъ успокоилъ нѣсколько Бенуа. Антуанъ Вербоке былъ человѣкъ не очень деликатный, но судилъ здраво и любилъ высказать правду. И Армантинъ снился тотъ же добрый человѣкъ, онъ говорилъ ей: «Спи, малютка, я скоро къ вамъ буду; скажи Бенуа, чтобъ онъ писалъ ко мнѣ».

Съ наступившимъ днемъ начался для всъхъ обычный образъ жизни. Бенуа прилежно трудился, какъ бы одушевленный новыми силами. Армантина сошла въ лавку и принялась за свои обязанности. Г-жа Куанте улучила время отвести мужа въ сторону и сказать елу:

- Воля твоя, а это не можетъ такъ продолжаться!
- Что не можетъ продолжаться? спросилъ чулочникъ.
- Вотъ, каковы отцы! вскричала г-жа Куанте. Развѣ ты не замѣтилъ глазъ Армантины? она проплакала всю ночь. Надо положить этому конецъ; надо запретить Жофрену ходить къ намъ, и поскорѣе пристроить Армантину. Когда у него не будетъ надежды, онъ самъ оставитъ насъ въ покоѣ, да и дочь наша будетъ довольна, ей становится скучно. Еслибъ не смущалъ ее сладкими рѣчами Бенуа, она бы давно насъ послушала; и чѣмъ Жозефъ ей не женихъ? Онъ очень не-

66 Смпсь.

дуренъ собою, у него будутъ и денжонки, когда онъ заступитъ мъсто своего хозяина. Все пойдетъ у насъ какъ по маслу. Да притомъ, не откажусь же я отъ моего плана, ради прекрасныхъ глазъ мосье Бенуа?

Чулочный торгашъ ничего не отвъчалъ; въ этомъ заключалась всегдашняя его оппозиція. Тяжелая логика жены устрашала его, и онъ не смъль дълать возраженій. Казалось, дъло г-жи Куанте было выиграно. Только какой-то неопределенный инстинкть останавливаль ея мужа. Онъ чувствовалъ что-то такое, чего самъ не могъ объяснить себъ, а тъмъ болъе своей женъ. Онъ не зналъ, какъ высказать свое сомнъніе, и потому молчаль. А г-жъ Куанте того-то и хотълось; у нея была одна способность, развитая въ сильнъйшей степени, именно-женская хитрость. Не имъя ни ума, ни сердца, она только хитрила. Такіе люди нередко встречаются въ семействахъ, они самовластно распоряжаются въ своемъ ограниченномъ кругу и поспорять съ къмъ угодно. Ихъ одушевляетъ интересъ, и они инстинктивно угадываютъ опасность; у нихъ есть какое-то чутье къ открытію непріятеля; они избъгаютъ нападенія и сами первые атакують. Но дайте имъ сойти со сцены, и эти люди опять становятся простыми пошляками и будуть обмануты при первомъ удобномъ случав.

Чулочникъ не имѣлъ ни замѣчательныхъ качествъ, ни особенныхъ недостатковъ. Онъ явился въ свѣтъ съ небольшимъ запасомъ разсудка и чувства; время у него ничего не убавило и ничего ему не дало. Всему на свѣтъ предпочиталъ онъ спокойствіе, и походилъ на почву, засѣянную неопредѣленными еще зародышами: ни добро, ни зло не достигло въ немъ до полнаго развитія. Онъ былъ, какъ говорится — добрый человѣкъ.

III

Желанный для всёхъ вечеръ насталъ. Армантина надъялась увидъть Бенуа, его ждала и г-жа Куанте, чтобъ излить всю свою желчь. Для молодаго человъка вечеръ этотъ былъ ръшительный, почти тоже, что сраженіе при Маренго. Чулочникъ трусилъ. Что касается до Жозефа Пепингре, то онъ явился машинально, по обычаю. У каждаго были свои намъренія; онъ же ровно ни о чемъ не думалъ, кромъ того, какъ бы не оноздать и ровно въ десять часовъ возвратиться къ своему хозяину. Но за то тетушка сильно за него хлопотала, едва ли какая вдовушка такъ усердно старалась о своемъ пристройствъ. Пепингре посельнись въ Парижъ лътъ за двадцать предъ тъмъ. Первый изъ нихъ, мудрецъ, вошелъ чрезъ Шарентонскую заставу, въ деревянныхъ башма-

кахъ и блузъ, и едва ступилъ на мостовую столицы, тотчасъ поднялъ кверху свою угловатую, тупую голову, и сказалъ примъчательныя два слова: «я хочу!» Это великое слово осталось въ семейной легендъ. Г-жа Куанте находила его многознаменательнымъ и часто разсказывала за анекдотъ Жозефу. Послъ этого торжественнаго вшествія, покольніе Пепингре вторгалось уже въ столицу толпою. Они избрали себъ уголокъ въ Парижъ, расплодились тамъ какъ бородавки, и такъ укоренились, что теперь ихъ оттуда ничъмъ не выживешь.

Жозефъ Пепингре первый авился на вечеръ. Онъ былъ высокъ, бълъ и глупъ. Густыя, желтыя бакенбарды окаймляли его приторную физіономію; фаянсовые глаза ничего не выражали; голосъ его, сладкій, какъ сиропъ отъ горла, никогда не могъ произнести порядочной фразы, а если къ этому присоединялось внутреннее волненіе, тогда онъ не въ состояніи былъ вымолвить и «здравствуйте»: слова путались, ротъ разширялся и отворялся какъ переполненная коробка съ засахаренными миндалинами. Его до того пріучили къ мысли жениться на Армантинъ, что каждый вечеръ, нъсколько уже мъсяцевъ, онъ приходилъ съ готовымъ для нея комплиментомъ, который никакъ не разръшался, и онъ его все откладывалъ до слъдующаго дня. Этотъ несчастный комплиментъ, которымъ онъ еще не воспользовался, могъ быть оставленъ имъ въ наслъдство будущимъ своимъ дътямъ.

Когда Пепингре вошелъ, все семейство Куанте собралось въ комнатъ за лавкою. Армантина складывала салфетки и все убирала послъ недавно оконченнаго объда. Она все это дълала ловко и мило. Одътая въ простое черное платьеце, она казалась еще прелестиъе, стройный ея станъ и прекрасныя формы обрисовывались какъ нельзя лучше.

Г-жа Куанте говорила правду: черные глаза Армантины немноге потускивли, личико было блёдно, а выражение его печально. Мачиха замётила эту перемёну въ Армантинё не столько изъ участія къ ней, сколько изъ досады, что не знаетъ, какія мысли волнуютъ эту маленькую головку. Настоящая ли эта любовь, или только романическій каниризъ? Она прикинулась добренькою, чтобъ выпытать тайну молодой дёвушки; но Армантина, всегда почтительная и послушная, на этотъ разъ осталась нёма, какъ рыба. Наблюдайте радость и печаль въ ея глазахъ, мимолетныя облачка на ея прекрасномъ лицё, подстерегайте ея смёхъ и слезы, вы ничего не узнаете. Вы будете имёть дёло не съ Армантиной, но съ молодою дёвушкой. Она будетъ говорить, будетъ шалить, покажетъ видъ довольства, будетъ болтлива, довёрчива, и все что нибудь да утаитъ. Заставьте ее страдать, она стерпитъ: отдяйте ее замужъ противъ воли, она послушается. Но въ ея девствен-

номъ взглядъ, но въ подвънечномъ платьъ, но въ слезахъ, которыя прольетъ она подъ вънцомъ, будетъ заключаться ея тайна.

- Ты нездорова, бъдная Армантина? спросилъ чулочникъ, лаская рукою ея каштановые волосы.
 - Нътъ, батюшка, отвъчала она серьезно.
 - Вы нездоровы, сударыня? поспъшилъ сказать Пепингре.
 - Нътъ, Жозефъ, съ чего вы это взяли?
 - Такъ, сударыня, г. Куанте сказалъ, что вы нездоровы.
- Это ничего, прервала мачиха: намъ было бы очень непріятно, еслибъ она на что нибудь жаловалась; всѣ мы здѣсь желаемъ ей счастія.

Въ это время вошелъ Бенуа Жофренъ.

— Не правда ли, г. Бенуа, прибавила она, намъ непремънно надо сдълать Армантину счастливою?

Злая женщина истощила въ этихъ словахъ весъ запасъ своего ума.

Молодой человъкъ ничего не отвъчалъ, но грустно посмотрълъ на Армантину. Наступило принужденное молчаніе. Бенуа чувствовалъ, что настала ръшительная минута; онъ явился, какъ обвиненный предъ собраніемъ судей.

Жофренъ былъ блёденъ: бакенбарды оттёняли нижнюю часть его правильнаго лица, а черные, приподнятые кверху волосы, открывали его широкій лобъ. Онъ былъ строенъ, высокъ, одівался не богато, но со вкусомъ. Черный цвётъ къ нему очень шелъ. Онъ сёлъ, потомъ всталъ; молчаніе продолжалось: онъ всё понялъ.

- Г. Куанте, сказаль онъ, обращаясь къ торговцу, который вздрогнуль при мысли, что ему надо будеть отвъчать: я чувствую, что я здъсь лишній. Я прихожу сюда слишкомъ часто. Но вы знаете, что меня къ вамъ приводитъ, и я ръшился высказать всё, что у меня на сердцъ: угодно-ли вамъ отдать мнъ руку Армантины?
 - А! вотъ мы и пришли къ дълу! сказала г-жа Куанте.

Армантина покраснъла; Пепингре, стоя возлъ камина, не шевелился. Еслибъ было десять часовъ, онъ отправился бы домой.

— Выслушайте меня, сударыня, продолжаль Бенуа; да, мы пришли къ дълу, и вы давно этого ждали, я знаю. Я откровенно выскажу все, и вамъ прійдется произнести одно только слово, но это слово можеть меня убить. Я люблю Армантину; она мнѣ двоюродная сестра. Г. Куанте въ первый бракъ женатъ былъ на сестрѣ моей матери: по родству ничто не мѣшаетъ нашему союзу, по богатству, дѣло другое. Я получаю только тысячу двѣсти франковъ въ годъ, этимъ едва можно жить холостяку; для семейнаго это было бы нищетою; но сверхъ того, я имѣю... я скоро буду имѣть мѣсто, довольно почетное. При

терпъніи, я почти навърное могу расчитывать на независимую и благородную должность. Я у васъ прошу два года сроку: этимъ вы мнъ дадите силу и мужество, которыя необходимы для устройства семейнаго счастія.

Окончивъ, Бенуа обратился къ чулочнику, какъ бы ожидая его отвъта.

— Другъ мой... отвъчалъ добрый старикъ и вдругъ остановился. Это значило: еслибъ не было здъсь моей жены, я сказалъ бы, что ты говоришь дъло, но ты понимаешь, что я долженъ предоставить ей отвъчать.

Армантина дрожала, но не сводила глазъ съ своего шитья. Пепингре напрасно старался хоть сколько нибудь распутать свои мысли, которыя свернулись у него въ головъ узломъ.

Г-жа Куанте приняла торжественную позу.

— Г. Бенуа, сказала она сладенькимъ голосомъ: вы принадлежите къ почтенной фамиліи, противъ этого я ничего не могу сказать. Ваше состояніе очень скромно, и вы справедливо говорите, что оно недостаточно для жизни семейной; но г. Куанте, конечно, вамъ скажетъ, что мы не гонимся за богатствомъ, а только желаемъ, какъ бы лучше пристроить нашу дочь...

Она произнесла последнія слова съ особою торжественностью, и г. Куанте, въ знакъ согласія своего, кивнуль ей головою.

— Мы принадлежимъ къ купеческому сословію, и очень далеки отъ гордости. Армантина тоже вступитъ въ это сословіе. Мы будемъ по-могать ей сначала нашими совътами и опытностью, потому что мы видимъ далеко, сударь. Вы требуете двухъ лѣтъ; для чего это? чтобъ Армантинъ исполнилось двадцать три года, и чтобъ потомъ вы ее бросили?

Армантина покраситла и слезы навернулись у нея на глазахъ. Бенуа хотълъ отвъчать.

- Наукъ вашихъ я не знаю, продолжала мачиха, а что про нихъ слыхала, съ этимъ не могу васъ поздравить. Ну, хорошо, положимъ, чрезъ два года вы будете докторомъ, чтожъ изъ этого? При всей вашей наукъ, если жена будетъ умирать съ голоду, выличите-ли вы ее?
 - Ахъ, маменька! вскричала въ негодованія Армантина.
- Г. Куанте раскрыль было роть, но взглядь жены отняль у него языкъ. Пепингре посмотръль на часы.
- Сударыня, отвъчалъ Бенуа, вы говорите точно съ ребенкомъ и не замъчаете, какъ ваши слова несправедливы и оскорбительны. Я прихожу къ вамъ и прошу о довъріи къ себъ. Сдълайте милость, считайте ме-

70 Смысь.

ня по крайней мъръ за честнаго человъка. Я люблю Армантину, но прежде, чъмъ ръшился просить ея руки, долго разсуждалъ и взвъшивалъ всъ случайности моей будущности. Выслушайте меня безъ гнъва и отвъчайте потомъ хладнокровно. Если вы и тогда мнъ откажете, я удалюсь безъ малъйшей жалобы. Въ моей любви нътъ ничего романическаго, и Армантина можетъ насъ слушать. Она благоразумна; и если мы даже будемъ разлучены въ жизни, я надъюсь, что она сохранитъ добрую о мнъ память. Но мое правило: о серьезныхъ вещахъ говорить серьезно.

Бенуа говорилъ дрожащимъ голосомъ и едва удерживалъ слезы. Онъ видълъ, что все потеряно; послъднія слова были имъ произнесены для Армантины; онъ хотълъ приготовить ее къ угрожающему имъ несчастію. Отчанніе раздирало его сердце, и онъ замолчалъ, чтобъ не заплакать. Молодая дъвушка рыдала, закрываясь платкомъ. Г. Куанте страдалъ. Мысли его бились, подобно утопленникамъ, которые хотятъ расколоть ледяную кору, чтобъ выйти на божій свътъ; но онъ боялся своей жены. Мачиха между тъмъ смъкнула, что недолжно продолжать эту сцену, которая можетъ подъйствовать для нея невыгодно, и потому она продолжала болье спокойнымъ голосомъ:

- Я не желала васъ огорчить, г. Бенуа...
 - Прощайте, тетушка, сказалъ Пепингре.

Пробило десять часовъ, и онъ отправился домой.

— Мит очень жаль, продолжала г-жа Куанте, не отвъчая Жозефу, но мы не можемъ одобрить привязанность, которую вы питаете къ нашей дочери. Мы съ г. Куанте ртшили уже, какъ ее пристроить. Тутъ она бросила магнитическій взглядъ на своего мужа... Мы жальемъ о вашемъ несчастій, но отъ всего сердца желаемъ, чтобъ вы устроили вашу будущность. Вы сейчасъ говорили о благоразуміи Армантины, и я за это вамъ благодарна; вы хорошо ее знаете; она пойметъ также, какъ и вы, что этотъ союзъ невозможевъ...

Холодный и строгій взглядъ мачихи упаль въ это время на бъдную дъвушку, которая теперь уже громко зарыдала.

Бенуа блідный, разстроенный, отеръ глаза и всталъ, чтобъ выдти.

— Другъ мой... сказалъ г. Куанте и тотчасъ встрътилъ взглядъ своей жены. Молодой человъкъ пожалъ руку чулочнику. Армантина выпрямилась, схватила руку, которую пожималъ ея отецъ, и отвода Бенуа въ уголъ комнаты, сказала такъ тихо, какъ позволяло ей рыданіе... Прощай, Бенуа, прощай! но знай, что я не выйду замужъ

Г-жа Куанте стиснула отъ злости зубы: она понимала, что власть ея колеблется.

Смпсь. 71

- Прощайте же, сударь, сказала она громкимъ голосомъ.
- Другъ мой, сказалъ въ третій разъ чулочникъ, пожимая еще руку Бенуа... Прощай... мой другъ... и онъ его проводилъ до дверей, не отнимая своей руки. Армантина упала въ обморокъ.
- Другъ мой, сказалъ онъ потихоньку, чтобъ не слыхала его жена, шедшая за ними: пиши къ дядъ.

IV.

Бенуа какъ безумный, блуждаль по улицамъ, плакалъ, кричалъ и рвалъ на себъ волосы. Онъ остановился на мосту и слушалъ, какъ подъ нимъ клокочетъ черная вода. Мрачныя феи парижской ръки исполняли симфонію, отъ которой кружилась у него голова; онъ звали его въ свой дворецъ, похожій на могильный склепъ. Ундины Рейна живутъ въ кристальныхъ чертогахъ и тъшатся любовью, такъ говорятъ нъмецкія легенды. Блъдныя богини, обитающія въ Сенъ, отверженницы—ихъ владычество надъ грязью, надъ осколками бутылокъ да надъ забытыми трупами. Онъ заманиваютъ къ себъ заблудившихся пьяницъ, преслъдуемыхъ совъстью преступниковъ, отчаявныхъ любовниковъ, обезславленныхъ игроковъ, разоренныхъ, лишившихся надежды и достоянія, славы и куска хлъба.

Бенуа наклонился къ этимъ смертельнымъ прелестницамъ. На небъ висъли темныя тучи; въ глубинъ ръки бушевалъ праздникъ. Бенуа прислушивался, нагнувшись надъ перилами моста: тутъ долженъ быть адъ, подумалъ онъ. Я слышу странное пъніе. Здъсь общая могила для отчанныхъ; свътъ отъ огней площади рисуется на ръкъ длинными призраками. Они зовутъ меня на праздникъ, я чувствую, что голова моя тяжелъетъ и увлекаетъ за собою тъло. Кто подумаетъ обо мнъ завтра? Армантина поплачетъ, потомъ выйдетъ замужъ и будетъ счастлива; можетъ быть, иногда, проходя по этому мосту, вздрогнетъ и прольетъ слезу. Она будетъ ненавидъть воду, иногда вспомнитъ обо мнъ, но все же будетъ счастлива съ другимъ!

И Бенуа такъ перегнулся черезъ перила, что ноги его едва уже касались моста. Мысли его дълались несвязными, онъ терялъ равновъсіе и готовъ былъ упасть въ воду, но проходящіе сильно дернули его назадъ и увлекли за собою. Хорошо еще, что есть на свътъ люди, непонимающіе ни пъсень наядъ, ни жестокихъ страданій!

Это были два друга, въроятно люди умные, возвращавшіеся съ бала, говорившіе объ итальянской музыкъ, о вальсъ, и никакъ не понимавшіе, съ къмъ имъютъ дъло.

- Оставьте меня, кричалъ Бепуа, стараясь отъ нихъ высвободиться.
 - Онъ выпилъ! сказалъ одинъ изъ нихъ.
 - Это просто сумастедшій, сказалъ другой.

Еслибъ этихъ господъ была и сотня, они все бы недогадались, что Бенуа несчастливъ.

Они насильно подхватили его подъ руки, спросили, гдъ онъ живетъ, довели до дома и отдали съ рукъ на руки придвернику, сказавъ ему нъсколько словъ на ухо.

Бенуа машинально вошель въ свою комнату.

- Бъдняжка, сказалъ придверникъ: это впервые съ нимъ случается! — Бенуа сълъ на стулъ и нъсколько часовъ оставался въ безмолвіи и темнотъ.
- Пиши къ дядъ... сказалъ мнъ отецъ Армантины; но зачъмъ? мнъ остается теперь одна смерть; какъ я могу жить завтра и не видать ее. Меня выгнали; о, злая женщина!.. Пиши къ дядъ! Что хотъль онъ этимъ сказать?

Жофренъ зажегъ свъчу и окинулъ взглядомъ свою комнату.

Всё это безполезно, всё кончено! къ чему теперь ученіе? О! я довольно уже выученъ! Бъдный докторъ, вылечи теперь самаго себя!

Онъ взялъ одну стклянку, поднесъ ее къ свъчъ и, посмотръвъ сквозь стекло на заключавшуюся въ ней жидкость, поставилъ ее возлъ своей чернилицы и сълъ за письменный столъ.

— Отецъ Армантины правду сказалъ: надо писать къ дядъ. И онъ трепетною рукою то брасая, то опять хватая перо, написалъ слъдующее.

Любезный Дядюшка!

Куанте находять, что я очень бъденъ, я и дъйствительно бъденъ. Я хочу употребить противъ этого такое лекарство, на которое послъ ужъ никто не жалуется. Завъщавать мнъ нечего и не кому. Пожимаю вамъ на прощанье руку и прошу не дълать изъ моей смерти анекдота. Когда спросятъ обо мнъ, скажите, что угодно, только пожалуйста, не жалъйте меня. На счетъ Армантины также не даю вамъ никахъ порученій: я ее люблю, но не связываю ея сердца. Умирающій не долженъ быть ни къ кому жестокимъ. Скажите имъ, что я уъхалъ, или выдумайте что нибудь другое. Можетъ быть, я глупецъ и трусъ, не знаю, знаю только, что я очень страдаю. Часто, дядюшка, вы надо мною подсмъйвались, не раскаивайтесь, вы были правы. Я воображалъ, что у меня сто тысячъ ливровъ дохода, что я профессоръ

фармаціи, имъю прекрасную жену и миленькихъ дътей; что я знаменитость; что ни одной ноги не отнимается въ Парижъ безъ меня, ни одннъ больной не приговаривается къ смерти безъ моего согласія, и никто не выздоравливаетъ безъ того, чтобъ не имълъ я за то вознагражденія! Всё это, кажется, не худо, и что же? Я самъ себя лишаю жизни. Любить такъ, какъ я любилъ Армантину, и забыть ее, — да это просто было-бъ преступленіе, за него казни мало. Я думалъ сей-часъ утопиться въ Сенъ, а теперь топлюсь въ маленькой стклянкъ, которая очень кстати подвернулась мнъ подъ руку. Въ ней опіумъ, и кажется достаточный пріемъ. Прощайте; я надъюсь, что вы поспъшите пріъхать въ Парижъ, иначе Куанте все узнаютъ и имъ будутъ улопоты. Обнимаю васъ, добрый дядюшка. Какъ мы часто съ вами надъ этимъ смѣялись! А между тъмъ, видите, иногда случается...»

Бенуа сложилъ письмо, запечаталъ его и отнесъ на почту Когда онъ всзвратился домой, придверникъ удивился спокойствію своего жильца.

— Онъ выспался, подумалъ онъ, вотъ оно, что значитъ сонъ! Придверникъ угадывалъ иногда ужасно кстати.

Жофренъ вошелъ въ свою комнату, затворилъ дверь, взялъ стилянку, потушилъ свѣчу, легъ въ постель и выпилъ.

На другой день поутру молодой человъкъ лежалъ въ постелъ, но смерть не пришла къ нему. Пріемъ былъ слишкомъ слабъ, или слишкомъ силенъ, такъ, что ожидаемаго дъйствія не произвелъ. При первыхъ лучахъ солнца, Бенуа пришелъ въ чувство, но жестоко страдалъ всъмъ тъломъ. Весь день провелъ онъ въ ужаснъйшихъ спазмахъ; вечеромъ вошелъ въ комнату придверникъ и видя, что Жофренъ мечется изъ стороны въ сторону, подумалъ: вотъ оно! такъ всегда бываетъ, когда на-канунъ хлебнешь чрезъ край!

Бенуа не могъ говорить, голова его была пуста. Что это? мечта, дъйствительность, или смерть? Зачъмъ этотъ человъкъ его преслъдуетъ? Вотъ что представилось смутно Бенуа, но вскоръ подъ тяжестью страданій онъ впалъ въ безчувствіе.

Теперь происходила тайная борьба между молодою жизнью и сильнымъ ядомъ. Природа человъческая неподдавалась и должна была восторжествовать.

Ночь для Жофрена прошла въ забытьи, въ видъніяхъ и ужасахъ. Грудь его горъла, въ головъ переливался точно расплавленный свинецъ. Онъ лежалъ полумертвый, съ разстерзаннымъ сердцемъ, и въ это время послышался ему голосъ разсудка: » ты былъ виновенъ, а теперь ты смъщонъ! » Эти слова ръзали его острымъ ножемъ и наносили тяжкія раны.

- many and see that the second of the transfer of the second of the seco

На утро втораго дня, онъ услышалъ, что дверь въ комнату его отворилась. Вошелъ человъкъ, быстро приблизился къ постелъ, ощупалъ у него пульсъ и сълъ на краю кровати, устремивъ на больнаго внимательные взоры.

Этотъ человъкъ былъ высокаго роста, сухощавый, ноги его тонули въ широкихъ панталонахъ, корпусъ терялся въ полномъ сюртукъ. Онъ быль пожилыхъ лътъ, немного сутуловатъ, но казался еще бодрымъ. Лицо его было блъдное, а черные глаза производили странный контрастъ съ бълыми густыми бровями. На головъ у него не было ни одного волоска.

Бенуа бросилъ на пришедшаго безумный взглядъ. Гость всталъ и, уходя сказалъ: это ничего, мы всё поправимъ.

Спустя нъсколько минутъ, Жофренъ очутился въ рукахъ доктора. Нъсколько дней ему оказываемы были всевозможныя пособія, и длинноногій человъкъ не оставляль его ни на минуту. Выздоровленіе шло скоро, и жизнь вступала снова во всъ свои права.

Когда Бенуа начиналъ говорить, ему не отвъчали. Чрезъ недълю онъ могъ уже прогуливаться. Весна способствовала его выздоровленію.

Однажды, въ Тюэльри, дядюшка Антуанъ началъ первый:

- Ну, голубчикъ, хорошо ты себя ведешъ, когда меня здёсь не бываетъ! Впрочемъ, браниться мы не будемъ. Я скажу тебъ только, для того, чтобъ умереть, недостаточно убивать себя. Вотъ, напримъръ, я живу, не смотря на свои пятьдесятъ лътъ, хотя и мало во мнъ проку. Смерть хотъла меня тоже поймать, но я вырвался и, у нея остались только одни мои волосы. Такъ чтожъ! на смъхъ ей—я заказалъ парикъ.
 - Вы справедливо говорите, дядюшка;.. но я...
- Понимаю, прервалъ его Вербоке, ты былъ несчастливъ, да ктожъ на свътъ и не бывалъ такимъ! Но потолкуемъ о дълъ: я видълъ этихъ безумцевъ. Отъ нихъ недобъешся толку. Я сохранилъ однакожъ твою репутацію и сказалъ имъ, что ты ъздилъ ко миъ въ Туръ и оттуда со мною возвратился.
- А что Армантина? спросилъ Бенуа.
- На этотъ вопросъ я двадцать разъ уже отвъчаль тебъ, что она здорова; но дъло не въ ней, она на нашей сторонъ. Городъ сдастся самъ собою, надо только справиться съ гарнизономъ. Кто научилъ тебя писать ко мнъ?

⁻ Г. Куанте.

75

- Этотъ добрякъ тоже для насъ не опасенъ. Но за то мадамъ Куанте...
 - Надо съ нею поговорить, вскричалъ Бенуа.
- Я уже объ этомъ думалъ, но теперь это невозможно. Въ самый день моего прітада, она захворала, отвічалъ равнодушно Вербоке.
- Захворала! и въ день вашего прітада, вскричалъ Жофрень, смотря на дядю блуждающими глазами. Что пришло ему на умъ? Можетъ быть, болтаненный припадокъ подтйствовалъ на слабую его голову, или ужъ не предчувствіе-ли какое овладъло имъ? Какъ бы то ни было, высокій старикъ вдругъ всталъ.
 - Ты усталь, Бенуа, пора итти домой.

Прогуливающіеся слъдили за ними взорами. Они теперь шли молча, дядюшка Антуанъ потупилъ большіе свои глаза въ землю, предавшись размышленію. Бенуа держался за руку старика и походилъ на безумнаго, котораго прислужникъ водитъ гулять.

Когда они возвратились домой, Вербоке сталь хлопотать о племянникъ, какъ отецъ. Онъ долго разговариваль съ пришедшимъ докторомъ, потомъ уложилъ больнаго въ постель, отпустивъ ему нъсколько фразъ простонародной философіи, которыя часто ближе подходять къ дълу, чъмъ высокопарныя сентенціи. Когда Бенуа уснулъ, дядя потихоньку вышелъ.

Не знаю, чёмъ была больна г-жа Куанте, но она захворала серьёзно. Въ улицъ Сенъ-Дени консультаціи смѣнялись одна другою. Бѣдная Армантина ухаживаеть за больною и страшно терпитъ отъ ея капризовъ. Старикъ Куанте потерялъ голову. Пепингре приходитъ каждый вечеръ и уходитъ въ урочный часъ, чтобъ поспѣть домой ровно въ десять.

Антуанъ Вербоке отправился въ улицу Сенъ-Дени. У г-жи Куанте были два доктора; въ задней комнатъ находился одинъ Жозефъ, стоявшій на обычномъ мъстъ. Старикъ туда вошелъ.

- Вы здоровы, сказаль онь, а что на-верху?
 - Всё также, отвъчалъ Пепингре.
- А! прервалъ Антуанъ; потомъ наступило молчаніе. Голова Вербоке наводнена была мыслями, и онъ началъ разсуждать вслухъ.
- Да, на этотъ домъ обрушились всѣ несчастія... и все отъ упрямства...

Жозефъ молчалъ.

— Знаете ли, продолжалъ опять старикъ, что вы затъяли плохое дъло, вздумавъ жениться на Армантинъ; знаю, что дъло зашло у васъ уже очень далеко, и что не нынче, такъ завтра, вы будете ея мужемъ,

76 Смись.

однако-жъ вы ее не любите и она васъ терпъть неможеть. Какъ же вы не подумали объ этомъ? и чего-же добраго можно ожидать отъ такого супружества?

Пепингре изумился, но не раскрываль рта.

- Васъ насильно тащать подъ башмакъ тещи, а вы, бъднякъ, и не отбиваетесь. Хотите-ли я найду человъка, который васъ замънитъ. Жозефъ просто одурълъ, пошевелилъ губами и глупо улыбнулся. Вербоке понялъ, что этому дураку ничего не вобъешь въ голову, и онъ замолчалъ, пока не сошли внизъ доктора. Пробило десять часовъ. Пепингре отправился домой. Антуанъ пожалъ руку чулочника и вышелъ вмъстъ съ докторами. Они догнали Жозефа.
 - Что, господа, плоха? спросилъ Вербоке.
- Да, нехороша, отвъчали ученые. Эта ночь или будущая, можеть...
- Можетъ быть послъднею, прибавилъ дядюшка изъ Тура. Жаль. Слова эти были произнесены для очищенія совъсти. Доктора простились и Вербоке. опять догналъ Пепингре.
- Молодой человѣкъ, сказалъ онъ ему, почти таинственнымъ голосомъ, берегитесь, вы можете быть причиною несчастія!

Жозефъ этого не понялъ, но струсилъ. Бенуа спокойно спалъ въ отсутствие дяди, который остановился въ томъ же домъ, подлъ комнаты племянника.

VI

На слъдующій день, рано утромъ, Пепингре получиль приглашеніе пожаловать въ улицу Сенъ-Дени. Г-жа Куанте хотъла съ нимъ поговорить.

Конторщикъ былъ человъкъ аккуратный. Онъ явился ровно въ десять часовъ: и утромъ и вечеромъ это былъ его часъ. Г-жа Куанте желтая, худая, умирающая, велъла надъть на себя бълую кофту; постель ея была въ порядкъ, комната прибрана; у изголовья поставлены были кресла. Чулочникъ ждалъ Пепингре: онъ привелъ его на верхъ къ своей женъ, которая въ это время дремала. Армантина приготовляла для больной питье. Появленіе высокаго молодаго человъка ее устрашило; странная торжественность этой сцены не предвъщала ничего добраго; у нея сжалось сердце, когда вдругъ больная сладенькимъ голосомъ сказала, обращаясь къ ней: Армантина, оставь насъ.

Г. Куанте сошелъ опять внизъ, Армантина удалилась, остался одинъ испуганный Жозефъ предъ полумертвою женщиною. Ему бы хо-

тълось тоже дать тягу, онъ не понималъ, къ чему все это клонится, и невольно трусилъ.

- Садись, Жозефъ, сказала больная, когда они остались вдвоемъ, и выслушай меня. Я съ трудомъ могу тебъ передать все, что нужно: я съ минуты на минуту жду смерти... Пепингре почелъ нужнымъ громко заплакать.
- Не плачь, продолжала г-жа Куанте, а слушай: я рѣшила, чтобъ ты женился на Армантинѣ; мужъ мой былъ на это согласенъ, и дѣло шло хорошо, какъ вдругъ я захворала въ тотъ самый вечеръ, когда пришелъ къ намъ Антуанъ Вербоке. Но я хочу, чтобъ мое намъреніе исполнилось. Ты знаешь, какъ я любила твоего брата, я прочила за него Армантину, но онъ умеръ, и вся моя нѣжность сосредоточилась на тебъ. Ты вѣдь любишь Армантину?..

Пепингре выпучилъ глаза на тетку, и не зная что отвъчать, молчалъ.

— Да, ты ее любишь, продолжала г-жа Куанте, но, кром'в меня, тебя некому защищать: Армантина точно околдована этимъ негодяемъ Бенуа. На г. Куанте полагаться нельзя: онъ готовъ на всякій вздоръ, который ему внушить дядя Антуанъ. Еслибъ я была здорова еще двъ недъли, вы были бы обвънчаны. Но, останусь ли я въ живыхъ или умру, во всякомъ случаъ, теперь остановка, пагубная остановка! Пойми же теперь хорошенько: если меня не станетъ, тебъ прійдется дъйствовать одному, и я позвала тебя за тъмъ, чтобъ дать тебъ оружіе.

Эта умирающая женщина говорила съ такою силою и торжественностью, что Жозефъ трясся, какъ въ лихорадкъ. Голосъ тетки прерываемъ былъ только сухимъ кашлемъ, въ сильномъ движеніи она поднимала свое одъяло, и ея глаза, въ которыхъ кажется поселилась ея непреклонная воля, пылали, какъ два факела; она взглянула на неподвижнаго Жозефа, и не могла скрыть своего гнъва. Она поняла, что этотъ апатичный человъкъ сгубитъ всъ плоды ея трудовъ. Никогда еще ни одинъ скряга не передавалъ съ такимъ безпокойствомъ безсмысленному наслъднику своихъ предположеній.

— Жозефъ, сказала она, понимаешь ли ты, что я стараюсь о твоемъ благополучін? Армантина такъ добра, мила, прелестна, что она обворожитъ хоть кого. Хочешь ли ты владъть ею?

Пепингре отвъчалъ машинально: Да. Г-жа Куанте, чтобъ окончательно побъдить его, попробовала взяться за него съ другой стороны.

— Армантина тоже тебя лобить, я это случайно узнала. Когда васъ обвънчають, она скоро избавить тебя отъ Бенуа. Будь только съ

нею посмълъе. Подумай, что дъло идетъ о счастіи всей твоей жизни. По смерти г. Куанте у нея будетъ порядочное состояніе.

Пепингре подняль голову, въ глазахъ его засвътились двъ точки, онъ немного одушевился. По алчному его взгляду больная поняла, что затронула его чувствительную струну.

- Она единственная дочь, продолжала г-жа Куанте. Отецъ ея уже старъ, и притомъ нечего опасаться, чтобъ онъ растратилъ свое состояніе. И такъ, Жозефъ, ты женишься на Армантинъ, снимаешь магазинъ и ведешь свои дъла, какъ говорится, широко. Неужели же ты согласишься теперь, чтобъ красота, грація, молодость, деньги, все это досталось Бенуа Жофрену?
- Нътъ, тетушка, сказалъ энергически Пепингре, вставая со стула.

Красота, грація, молодость, это были просто слова придаточныя. Г-жа Куанте хорошо понимала, что только посліднее словцо: деньги, производило надъ Пепингре полное дійствіе. Она трясла всею связкою своихъ ключей, но знала какой именно ключь отпираетъ замокъ. Больная улыбнулась и протянула руку Жозефу; теперь она была счастлива: наконець она открыла страсть, которая можетъ волновать это неподвижное существо. Этотъ апатичный человікть быль скупъ; этотъ глупецъ быль низокъ. Г-жа Куанте улыбнулась: она увітрена была въ успіхть. Гнусное удовольствіе! Больная послів нікотораго молчанія ласково продолжала:

— Тебѣ надо поналечь на г. Куанте, онъ самый слабый, но ты можешь его сдѣлать сильнѣйшимъ. Онъ далъ тебѣ слово, обѣщалъ выдать за тебя Армантину, а вѣдь мой бѣдный мужъ честный человѣкъ, онъ всегда исполняетъ свои обѣщанія. Не поддавайся, Бенуа; поступай какъ бы ты былъ увѣренъ въ этомъ бракѣ. Говори почаще съ Армантинной и старайся быть съ нею любезнымъ; дѣлай такъ, чтобъ Жофренъ думалъ, что она тебя слушаетъ. Чтобъ достигнуть счастія, недолжно ничѣмъ пренебрегать.

И въ особенности, прибавила г-жа Куанте Жозефу, который наклонясь къ постели жадно слушалъ больную, стараясь не преронить ни одного слова: берегись Антуана Вербоке: это дурной человъкъ. Онъ кажется веселымъ и всегда смъется; но въ самомъ дълъ, онъ очень серьезенъ и хитръ. Говори съ нимъ меньше и будь остороженъ, потому что онъ вкрадчивъ. Если будешь благоразуменъ и твердъ, чрезъ недълю ты отъ него отдълаешься, онъ уъдетъ въ Туръ...

Г-жа Куанте сильно закашлялась. Пепингре, точно переродившійся, позваль Армантину.

— Скоръе, мамлель, кричалъ онъ, скоръе, тетушкъ дурно.

Чулочникъ и его дочь вошли и окружили больную. Жозефъ хлопоталъ и выходилъ изъ себя. Молодая дъвушка замътила въ немъ эту перемъну: она видъла, какъ онъ поправлялъ подушку у задыхающейся г-жи Куанте, подавалъ ей питье, говорилъ съ одушевленіемъ и ловилъ каждый ея жестъ.

Г-жа Куанте въ минуту отдыха, сказала тихонько на ухо Пепингре:

- Я тебя оставляю одного: не унывай; потомъ обратясь къ своему мужу, спросила:
 - Нътъ ли кого ввизу?
 - Никого нътъ, отвъчала Армантина.
- Какъ же, мой другъ, возразилъ чулочникъ, тамъ теперь Антуанъ Вербоке, онъ пришелъ навъдаться о здоровьъ твоей матери.

Больная хотъла что-то говорить, но кашель не допустиль ее. Лихорадка усилилась. Г-жа Куанте взяла руку Пепингре и не выпускала ее. Армантина плакала и думала о Бенуа, смотря на Пепингре, который не отходиль отъ больной. Г Куанте въ амбразуръ окна точно горевалъ, хотя по временамъ и мелькали въ его умъ бумажные колпаки. Вдругъ больная, раскрывъ свои страшные глаза, приподнялась съ постели, подозвала къ себъ Армантину и соединила ея руку съ рукою Жозефа.

— Куанте! вскричала она дикимъ голосомъ, отъ котораго затрясся старикъ, Куанте! ты объщалъ мнъ ихъ соединить: я обручаю ихъ на моей смертной постелъ и завъщаю тебъ исполнить свое слово!

Армантина почувствовала руку свою въ когтяхъ Пепингре, и въ тоже время думала о Бенуа. Умирающая упала на постель. Ея усиліе ускорило кризисъ. Начались предсмертныя муки; она еще разъ поднялась.

— Вербоке! Вербоке! вскрикнула она съ яростью, потомъ опустилась на постель—и жизнь ея кончилась. Чулочникъ бросился къ женъ, которая лежала неподвижно.

Дверь съ лъстницы отперлась.

- Меня звали? сказалъ кто-то.
- Г. Куанте, Пепингре, Армантина въ одно время обернулись—въ дверяхъ стоялъ дядюшка Антуанъ.
- Добрый Вербоке, сказалъ Куанте, все кончено! лучшая въ мірѣ женщина умерла!

Пепингре тяжело вздохнулъ.

VII.

Антуанъ возвратился къ племяннику своему Бенуа Жофрену.

- Что новенькаго, спросилъ молодой человъкъ, какъ идетъ здоровье тетушки?
- Вовсе нейдеть, отвъчаль тоть спокойно, потому что она умерла. Бенуа страшно поблъднълъ.
 - Какъ, что вы говорите, Антуанъ! Бъдная женщина! и она также.
- Что ты разумъешь подъ этимъ... она также! развъ ты думаешь, что я въ этомъ сколько нибудь участвовалъ?
- Ахъ! дядюшка, продолжалъ Бенуа: братъ Жозефа Пепингре умеръ, братъ г. Куанте умеръ, г-жа Куанте умерла.
- Чтожъ? вет они были твоими врагами, и ты такъ разжалобился!
 - Но всъ три раза, вы сюда прівзжали.
- Но въдь ты самъ пригласилъ меня сюда прітхать, сказалъ Вербоке: присутствіе мое ихъ безпокоило и они отправились.

Жофренъ немогъ скрыть чувства отвращенія. Дядя примътиль это и прибавиль съ шутливою важностью:

— Другъ мой, я не знаю за кого ты меня принимаешь, это довольно смешно! и онъ, въ самомъ деле, расхохотался. Если ты жалъешь о тъхъ, которые дълали тебъ зло, это похвальная добродътель. Однакожъ будемъ откровенны: мнв кажется, ты немного будешь плакать о г-жъ Куанте. Въ моей жизни я всегда повиновался чувству долга и никогда не притворствовалъ. Вотъ моя исторія: когда я былъ еще мальчикомъ, отецъ мой обращался со мною сурово. Рано я покинулъ родительскій домъ и много трудился. Торгуя потомъ, подобно Куанте, вязальнымъ товаромъ, я пріобрелъ небольшое состояніе. Когда дёло шло о выдачь замужъ моихъ сестеръ, отецъ обратился ко мнь, и я исполнилъ свой долгъ. Если и Куанте имъетъ что нибудь, то мнъ же этимъ обязанъ. Первые годы были для него очень тяжелы; это добрякъ, котораго я люблю; твой отецъ также быль моимъ другомъ, но и онъ умеръ. Я оставилъ торговлю съ небольшимъ капитальцемъ, который будетъ принадлежать тебъ, когда и я, въ свою очередь, отправлюсь. Признаюсь, я не любиль техъ, которые не желали тебе счастія, и не церемонился съ ними. Еслибъ они были живы, было бы лучше для нихъ, если умерли, лучше для тебя. Я не проливаю ложныхъ слезъ и не расточаю притворныхъ сожальній. Что другіе стали бы говорить черезъ годъ, я говорю теперь. Я не ношу и траура. Какъ часто человъкъ, давно уже утъшенный въ душъ, все еще одъвается въ черное платье. Г-жа Куанте умерла, но будь увъренъ, она долго еще будетъ жить, чтобъ вредить твоему благополучію. Умирая, она обручила Жозефа и Армантину, въ присутствіи Куанте: это было при послъднемъ ен издыханій, и конечно, сильно подъйствовало на воображеніе ен мужа. Армантина теперь какъ бы принадлежитъ Пепингре; хочешь или нътъ, чтобъ я у него ее похитилъ?

- О дядюшка! я готовъ лучше умереть, нежели потерять ее! Вы правду сказали, я не жалъю о г-жъ Куанте.
- Ну, вотъ, по-крайней-мъръ, откровененъ. Отремъ же наши слезы, чтобъ видъть исно: и бъюсь объ закладъ, что глаза Пепингре сухохоньки. Не занимать же намъ ума отъ этого олуха! Теперь погода хороша, пойдемъ прогуляться. У меня на сердцъ легко; дорогою купимъ крепу—при этомъ словъ онъ сдълалъ смъшную гримасу.
- Вы сказали, дядюшка, что Куанте согласился на бракъ Армантины съ дуралъемъ Жозефомъ? Какъ же пособить теперь нашему горю?
- Вступить въ свои права; конторщикъ не можетъ быть для тебя опасенъ, а Чулочнику теперь не до того. Согласіе его заключалось въ одномъ молчаніи, и притомъ оно исторгнуто у него было насильно.
 - Не пойти ли намъ туда? сказалъ Бенуа.

Они нашли вдовца одного. Пепингре взялъ на себя хлоноты о похоронахъ; Армантина была въ своей комнатъ. Старикъ бросился на грудь Жофрена, и дружески сжималъ руки Вербоке, проливая слезы, Куанте сказалъ похвальную ръчь своей женъ, Бенуа произнесъ отвътную. Дядюшка Антуанъ не бросилъ ни одного цвътка на могилу, не вымолвилъ ни одного слова въ похвалу умершей, но утъщалъ огорченнаго старика обыкновенными фразами:

 Надо быть ко всему готовымъ, и наша очередь придетъ; все проходитъ на этомъ свътъ.

Глубокая горесть скрывается, а та, которая показываетъ себя наружу, любитъ подобныя разсужденія о необходимости умереть, и проч. Кто выдумаль эти утъщенія оказаль заслугу эгоизму и прикрыль его стыдъ.

Когда языкъ старъетъ, нъкоторыя изъ его фразъ надо бы вовсе уничтожить, какъ истертую бахраму; сначала онъ были сильны и блистательны; первый, произнесшій ихъ, сказаль прекрасныя слова, но переходя изъ устъ въ уста и повторяясь въ теченіе въковъ, они обветшали, какъ похоронныя принадлежности, которыми убираютъ стъны домовъ и наматниковъ.

Вербоке успокоиваль подобными фразами чулочника, и онъ про-

Коснулись немного и вопроса о замужствъ. Отецъ Армантины обнаружилъ при этомъ замъшательство.

— Вотъ тебѣ разъ! подумалъ Антуанъ: жена, какъ видно, сдѣлала на него большое впечатлѣніе, она внушила ему такія идеи, которыя намъ трудненько будетъ истребить.

Вошла молодая дъвушка. Бенуа и Антуанъ молча ей полконились. Она казалась холодною и принужденною; вся предапная горести, она и другимъ внушала скромность и молчаніе. Чрезъ четверть часа, Вербоке и Жофренъ вышли.

- Ну, какъвы думаете? спросилъ племянникъ, когда они были уже на улицъ.
- Я отчасти доволенъ, мой другъ, главное сдълано; имъй терпъніе и достигнешь своей цъли. Завтра я прощусь съ Куанте; ты знаешь, что я нелюблю бывать на похоронахъ, да и какую я принесу пользу? Я бы еще наговорилъ имъ вздору, между тъмъ, какъ ты можешь утъшить Армантину и занять ея отца. Я заговаривалъ съ Пепингре, дуралей отмалчивается.

Бенуа внутренно радъ былъ отъвзду дяди. Ему пужно было только опять увидъть Армантину, чтобъ ободриться и приняться по прежнему за дъло. Присутствие дядюшки его связывало: онъ не смълъ при немъ вполнъ предаться нъкоторымъ чувствамъ, немогъ утъшать отца, немогъ употреблять общепринятаго лицемърія, а оставаясь одинъ, могъ всъмъ этимъ пользоваться. Вербоке все это хорошо понималъ, потому такъ и торопился отъёздомъ.

Бенуа не удерживалъ дядюшку, который лукаво улыбался.

- Ты будень извъщать меня, какъ идутъ твои дъла, сказаль онъ, и когда ръшена будетъ ваша свадьба, напиши мнъ только письмо... по-тому-что присутствие мое тебя пугаетъ...
- Ахъ, дядюшка! воскликнулъ Бенуа, чувствуя себя опять счастливымъ.
- Ну, какъ хочешь, голубчикъ, когда позовешь, такъ я, пожалуй, и прітду.

И Вербоке громко засмъялся.

Когда Жофренъ остался одинъ, все пошло по-прежнему; онъ занимался днемъ, вечера проводилъ съ Армантиной; жизнь одно-образная, но исполненная своихъ удовольствій въ мечтахъ и планахъ. Отецъ Куанте принималъ съ удовольствіемъ молодаго медика и оказывалъ ему предпочтеніе, только иногда, вспоминая о своей женъ и предсмертной сценъ, становилось ему какъ-то неловко. Армантина раздъляла всъ радости и надежды своего любезнаго, но съ нъкоторою ос-

торожностью, какъ бы подъ вліяніемъ безотчетнаго страха; Пепингре являля каждый вечеръ.

VIII.

Такъ прошло нъсколько мъсяцевъ. Племянникъ Антуана успъвалъ. Чулочникъ, повинуясь влеченію своего сердца и не слыша болье язвительныхъ замъчаній жены, привыкалъ къ настоящему положенію вещей и мало-по-малу забывалъ пятый актъ въ спальной комнатъ. Конторщикъ улицы Рамбюто, казалось, также не противоръчилъ произшедшей въ намъреніяхъ г. Куанте перемънъ. Пепингре держалъ себя всегда поодаль: имъ мало занимались, и онъ почти всегда молчалъ, отпуская иногда Армантинъ какой нибудь глупый комплиментъ.

Однажды вечеромъ г. Куанте остался одинъ; Пепингре вошелъ и сказалъ ему:

- Мнѣ надо съ вами поговорить.
- Говори, мой другъ; если имъешь какую во мнъ надобность, такъ ты можешь на меня положиться.
- Такъ я и ожидалъ, г. Куанте, отвъчалъ Жозефъ ръшительнымъ тономъ.
- Чего же ты желаешь, посмотримъ? спросилъ старикъ, удивленный такимъ вступленіемъ.

Пепингре выпрямился, покрасивлъ и разръшился слъдующею ръчью:

— Я прошу исполненія даннаго вами слова. Вспомните, что вы объщали моей теткъ на ея смертной постель. Если вы позабыли, то я это помню. Я не говорунь и не ученый, но честный человъкъ. Я не живу вълатинскомъ кварталь, не дълаю долговъ, не предаюсь оргіямъ, но экономничаю и ложусь рано спать. У меня, какъ и у всякаго, есть сердце: я нехочу обманывать молодую дъвушку, не осмълюсь даже дълать ей предложенія безъ позволенія ея родныхъ. Вы согласились, чтобъ я быль вашимъ зятемъ, вы всегда поступали въ дълахъ честно, данное слово, —все равно, что вексель, который я теперь вамъ предъявляю.

Высокій прикащикъ говориль эпически. Куанте внималь ему съ поникшею головою; ему казалось, что онъ слышитъ свою жену. Добрый человъкъ былъ очень трусливъ; поднявъ глаза, чтобъ отвъчать, онъ не могъ снести глупаго, неподвижнаго взгляда Жозефа. Однакожъ старался сколько можно показывать хладнокровіе.

Другъ мой, отвъчалъ онъ, я никогда не забуду твоей тетки,
 ни ея совътовъ; я почитаю мертвыхъ, но нельзя не заниматься и жиы-

84 Смись.

ми. Армантина любитъ Бенуа, который ее обожаетъ, и мит кажется, я не сдълаю дурнаго, дозволивъ имъ быть счастливыми. Г-жа Куанте была бы не противъ этого. Она не знала до какой степени они любятъ другъ друга, иначе молодые люди давно уже были бы обвънчаны. Понимаю, мой другъ, что положение твое неприятно, но въдь ты съ характеромъ, у тебя доброе сердце, и ты поймешь...

— Что вы человъкъ, не исполняющій своихъ объщаній, что вы безъ въры и разсудка. Ваша жена очень хорошо знала, что дълала: «Этотъ негодяй Бенуа околдуетъ моего мужа и разоритъ его. У него ничего нътъ, даже не знаетъ никакого ремесла, чтобъ существовать.» Наконецъ, подумайте сами, что всъ подобные Жофрену, развратники и лънивцы, рады поймать сговорчиваго отца, который отдастъ имъ все, что только имъетъ драгоцъннаго, и дочь, и достояніе.

Сцена эта еще длилась. Куанте противился сколько могъ, но духъ жены его одушевлялъ высокаго прикащика, который, воспламенясь, размахивалъ руками, мѣшая все: и любовь, и деньги, и данное слово, и разстраченное приданое; говорилъ то трогательно, то грозно, и наконецъ исторгъ у чулочника согласіе. Старикъ поддался убъжденіямъ, которыя алчность подсказывала Пепингре. Разтянувъ свои длинныя руки, разширивъ ноги, съ горящими глазами, съ растрепанными волосами, онъ явился призракомъ г-жи Куанте въ ея бѣлой кофтъ, съ ея лихорадочными жестами, которымъ онъ подражалъ; и схвативъ руки добряка, онъ какъ будто бы вызывалъ ея тѣнь; повторилъ тѣ самыя слова, которыя произносила умирающая, и въ минуту наибольшаго для чулочника ужаса, растрогался и какъ бы магнитически усыпляя свою жертву, вырвалъ у старика слово, которымъ разрушилось навсегда благополучіе Бенуа и Армантины.

Какъ Сандрильона до своей неосторожности, Пепингре даже и въ этотъ день возвратился домой въ урочный часъ. Казалось, что самая жизнь его зависитъ отъ этой аккуратности.

Армантина нашла своего отца на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оставилъ его Жозефъ. Иные полагаютъ, что явленіе тѣни въ Гамлетѣ не правдоподобно, они ошибаются. Я могу ихъ увѣрить, что чулочникъ точно видѣлъ говорящій призракъ своей жены.

- Батюшка! Батюшка! что съ вами? сказала молодая дъвушка: что такое?
- А то, мой другъ, вскричалъ старикъ, вставая въ ужасъ, что ты должна выйти замужъ за Пипингре, жена моя этого хочетъ.

И онъ упаль въ изнеможении на стулъ.

Армантина поняда все; она давно уже примъчала, что Жозефъ до-

Cameb. 85

бивается ея руки, и что для Бенуа предстоить опасность. Она отвела отца въ его комнату и вошла въ свою. Начались опять печальные дни, опять полились слезы, унося съ собою начало любви, муравьиную работу, малыя песчинки, исчезающія въ слезахъ. Что дѣлать? вѣчный вопросъ въ подобныхъ положеніяхъ. Дѣвушка неспособна была на смѣлыя рѣшенія; она была привязана къ дому. Случай разсыпаетъ вездѣ цвѣты, розы по окнамъ и прекрасныхъ дѣвушекъ по заднимъ комнатамъ лавокъ. Нѣкоторыя американскія растенія бросаютъ свои сѣмена на вѣтеръ и посылаютъ ихъ навстрѣчу къ своимъ возлюбленнымъ онѣ; похожи на дѣвушекъ, которыя позволяютъ себя похищать. Растенія скромныя и невинныя ждутъ себѣ суженыхъ, или умираютъ безъ любви.

Армантина принадлежала къ числу послъднихъ. Она могла ръшиться только на героическое самоотверженіе; Бенуа прійдетъ завтра; она должна спасти своего отца и пожертвовать собою. Но жертва ея не дойдетъ до брака съ Пепингре; она ни за кого не выйдетъ замужъ.

Когда, на другой день, она увидъли Жофрена:

- Господинъ Бенуа, сказала молодая дъвушка печальнымъ и серьознымъ голосомъ, если я буду причиною большой для васъ печали, не будете вы на меня сердиться?
 - Что вы хотите этимъ сказать? спросилъ испуганный Бунуя.
- Ничего, Бенуа, ничего особеннаго, отвъчайте только на мой вопросъ. Если я васъ сильно огорчу, вы не будете на меня сердиться?
 - Я васъ люблю! отвъчалъ Жофренъ.

Армантина залилась слезами.

 Не это я хотъла знать, сказала она, вырываясь и закрывая рукою свои глаза.

Мало по малу племянникъ Антуана замътиль многія перемѣны. Куанте избъгаль оставаться съ нимъ наединѣ; Армантина казалась холоднѣе и плакала при каждомъ разговорѣ; Пепингре чаще говорилъ и нѣсколько оперился, наблюдая все болѣе и болѣе; Бенуа удостовърился, что имъ тяготятся. Съ нимъ были принужденны, оставляли его одного и убъгали, словомъ, старались отъ него избавиться. Жозефъ нечувствительно сдълался почти хозяиномъ дома. Чулочникъ не смѣлъ даже говорить передъ этимъ воплощеннымъ призракомъ своей жены, и высокій конторщикъ давалъ каждую минуту чувствовать Бенуа, что его присутствіе всѣхъ связываетъ.

Бенуа однажды было разсердился; но взглянувъ на Армантину, которая плакала, на отца, который притворился будто читаетъ жур-

налъ, всталъ со стула, горько улыбнулся и вышелъ, не говоря ни слова.

- Бенуа! вскричала Армантина, рыдая. Онъ не слыхалъ ее.
- Я большой глупецъ, подумалъ Жофренъ, входя къ себъ; эти нелъпые люди насмъхаются надо мною. Куанте человъкъ слабый, Пепингре дуралей, отъ котораго не получишь удовлетворенія, если и затъешь съ нимъ ссору. Все равно, что вызывать на поединокъ пьянаго
 паяца въ маскарадъ, лучше имъть дъло со многими непріятелями, чъмъ
 съ такимъ глупцомъ, съ которымъ поступая серьезно, только остыдишь
 себя. Что касается до Армантины, то я очень въ ней ошибся: это
 просто плаксивая дъвушка, она считаетъ любовь за болтовню пансіонскихъ подругъ. Притомъ надобно сказать правду, нельзя же безнаказанно
 провести столько лътъ въ обществъ г-на и г-жи Куанте. Бъдная дъвушка, она была добренькая, и какая наивность! Однажды она спросила меня: небуду ли на нее сердиться, если сильно меня огорчитъ. Ахъ, Армантина! ты была настоящею пансіонеркою, и я тебя такъ любиль!

Нъсколько дней онъ не ходилъ въ улицу Сенъ-Дени и полагая, что отсутствие его замъчено, написалъ слъдующее письмо, адресованное къ г. Куанте, но назначенное для прочтения и Армантины.

«Милостивый государь! я быль у васъ лишній, и потому пересталъ ходить. Голуби мои повадились летать въ вашу лавку, но я ихъ собраль и вогналь въ клетку. Я думаю, что вы будете этимъ довольны; однакожъ върьте, что я васъ искренно уважаю и любилъ; какъ честный человъкъ, Армантину, полагая, что и она меня понимаетъ. Я готовъ былъ бороться съ цёлымъ свётомъ, чтобъ не нотерять ее, но могу ли ее завоевывать противъ собственной ея воли; и такъ считаю себя побъжденнымъ. Я бы раздълался съ г. Пепингре, еслибъ онъ того стоиль, но я нехочу безславить будущаго мужа Армантины. Признайтесь, что я слишкомъ многимъ жертвую; могу даже показаться равнодушнымъ, невоспитаннымъ, спроваженнымъ и мало ли еще чъмъ, по-крайней-мъръ, вы одни узнаете, что я оставляю васъ для того, чтобъ не нарушить спокойствія въ вашемъ домѣ, и что въ числѣ голубей. 20 которыхъ я вамъ писалъ, многіе возвратились домой съ разбитыми крыльями. Желаю всемъ вамъ счастія, въ чемъ и несомневаюсь. »

Чулочникъ понялъ бы это письмо, еслибъ не перетолковалъ его по-своему Пепингре. Конторщикъ нашелъ его неумъстнымъ. Куанте хотълъ отвъчать на него, по Жозефъ этому воспротивился. Армантина, прочитавъ это письмо, вечеромъ, въ слезахъ и рыданіяхъ написала только: «если я васъ огорчу, будете на меня сердиться?» и от-

Смьсь. 87

правила эту записку къ Жофрену, на которую онъ вичего не отвъчалъ.

Бенуа сначала хотълъ было бъжать къ молодой дъвушкъ, даже вышелъ изъ дому, чтобъ просить у ней прощенія, но скоро опомнился. Внутренній голосъ ему говорилъ, что теперь всъ исканія его будутъ напрасны, и лучше подождать.

--- И притомъ, что означаетъ ея записка? спрашивалъ онъ самъ себя. Развъ мы играемъ съ ней въ невинныя игры или шарады?

На этомъ и кончилась переписка. Пепингре воспользовался удаленіемъ Бенуа, и все пошло для него какъ нельзя лучше. Шиповникъ любви раскололся на-двое, одна половина вянула, другую приготовлялся глотать грубый оселъ.

IX.

Жофрену нужно было разстяніе. Онт часто выходиль изъ дому, постщаль своихъ друзей и вмтшался въ толпу прежнихъ товарищей. Для каждаго изъ насъ общество другихъ кажется веселымъ, а между тъмъ у каждаго человъка есть какое нибудь горе; таковъ законъ природы. Свътъ не можетъ вдругъ остановиться и предаться грусти; вихрь долженъ кружиться. Море кажется неподвижнымъ, но каждый его валъ имъетъ свой стонъ, каждая волна свою жалобу. Бенуа думалъ найти утъшеніе въ дружескихъ оргіяхъ. Онъ пересталъ трудиться, былъ какъ въ лихорадкъ, сдълался раздражительнымъ, даже насмъшливымъ.

Драматическій герой бросился бы къ чулочнику, убилъ бы соперника и похитиль свою любовницу изъ-подъ носа старика. Какъ муха сквозь стекло видитъ свободное пространство, такъ Бенуа чувствовалъ между счастіемъ и собою прозрачную преграду; случается и то, что насѣкомое пускаясь на свободу, разбиваетъ о стекло свою голову и крылья.

Армантина продолжала плакать, а большой паукъ Пепингре потихоньку растягиваль свои съти. Въ горести Бенуа явился новый фазисъ. Онъ вездъ разсказывалъ про свою любовь, называлъ себя глупцомъ, простакомъ, насмъхался надъ самыми драгоцънными воспоминаніями. Но эти насмъшки только доказывали, какъ трудно забывать то, что такъ сильно занимало сердце.

Въ одно утро послѣ веселаго ужина, онъ со стыдомъ возвратился домой усталый, истощенный, Въ раскаяніи онъ могъ сказать:

Моей вины, мой усыпленный голубь, Ты не былъ ни зрителемъ, ни участникомъ. Любовь Бенуа не погасла. Кто изъ насъ въ часы отчаянія въ минуту оргін не обращался къ невидимому образу, въ ангелу въ одеждъ свъта, сопутствующему намъ въ жизни? Добрый ангелъ плачетъ, развертываетъ крылья и улетаетъ.

Бенуа проспалъ весь день, проснулся больной душею и тъломъ. Одълся, сълъ за столъ и приготовился писать къ своему дядъ.

 Въ самомъ дълъ, сказалъ опъ, дядя Антуанъ такъ заботился объ этомъ бракъ, надо же его разувърить.

Вотъ письмо:

«Любезный дядюшка! Вы желали, чтобъ я васъ увѣдомлядъ, какъ идутъ мои дѣла; вы узнаете это изъ трехъ словъ: я пью, пъмъ и забавляюсь. Одинъ философъ изъ числа моихъ друзей, съ которымъ мы вчера покутили, сказалъ мнѣ много поучительнаго на счетъ настоящей жизни, такъ что вы, почтенный дядюшка, хотя и много на своемъ вѣку испытали, передъ нимъ совершенная невинность.

«Молодой человъкъ, ведущій себя какъ красная дъвушка, все равно, что волкъ, который блеетъ по овечью, все равно, что мандаринъ въ колпакъ, что Пепингре литераторъ, это диковинка, которую надо показывать на ярмаркахъ. Медицина выучивается сама собою; докторскаго званія непремънно достигнешь, это аксіома; и какъ всѣ больны болѣе нравственно, то надо жить, и много жить, чтобъ узнать все на практикъ. Но вы, почтенный дядюшка, пе чуждые предразсудковъ, можетъ быть, пожелаете знать новостей о родственникахъ; болѣе шести недъль я не переходилъ мостовъ; улица Сенъ-Дени, полагаю, все на прежнемъ мъстъ, и наша дорогая Армантина скоро будетъ проводить золотые дни съ своимъ Пепингре. Жена Куанте воскресла, чему, думаю, добрый человъкъ не совсъмъ радъ. Прощайте, любезный дядюшка, послъ вчерашняго я очень усталъ. Девять часовъ утра, и я опять засыпаю.»

Бенуа горько улыбнулся, когда кончиль это письмо. Онъ чувствоваль въ себѣ лихорадку. Запечатавъ письмо, положилъ его въ карманъ и вышель изъ дому, посмотрѣть не встрѣтитъ ли пріятеля или знакомаго, съ кѣмъ бы провести время и убить день. У новаго моста онъ замѣтилъ въ оминбусѣ Пепингре; конторщикъ поклонился, это было уже слишкомъ. Бенуа побѣжалъ отдатъ письмо на почту, движимый чувствомъ, въ которомъ немогъ дать себѣ отчета. Остатокъ лня расточенъ былъ въ праздности:

Дада Антуанъ читалъ и перечитывалъ письмо племянника, но ничего не понималъ. Что означала эта болъзненная пронія: шутка это? Нътъ, тутъ долженъ быть какой нибудь смыслъ; эта глупая веселость была опаснъе отчаянія, заключавшагося въ первомъ письмъ; Вербоке на-

дълъ свой длинный сюртукъ и отправился въ Парижъ. Въ одно прекрасное утро, онъ какъ съ неба упалъ къ Куанте. Прежде всъхъ онъ увидълъ Армантину. Отъ удивленія или отъ радости, она лишилась чувствъ; Антуанъ съ Куанте, который въ это время пришелъ, подняли ее.

- Стало быть, у васъ есть новенькое? спросилъ Вербоке чулочника, который молчалъ. Молодая дъвушка могла бы на это отвъчать, но у нея не было силъ. Она дрожала; щеки ен пылали, руки сжимались. Старики, наклонившись надъ нею, испугались. Послали за докторомъ.
- Послушай, Куанте, сказалъ Антуанъ, не ребячиться: что у васъ новаго?
 - Ничего!
- Что вы сдълали съ Бенуа?
- Ничего. Онъ больше къ намъ не ходитъ...
 - Отчего?
- Оттого... сказалъ отецъ въ испугъ... оттого, что Армантина выходитъ замужъ за Пепингре!
- Такъ я и думалъ, возразилъ Вербоке. Мы никогда не кончимъ... Послушайте, государь мой, сказалъ онъ, обращаясь къ вошедшему доктору, посмотрите на эту дъвушку и вылечите ее.

Слова эти произнесены имъ были повелительнымъ голосомъ. Ну, папенька Куанте, продолжалъ онъ, все у васъ идетъ дурно, не сердитесь же, я васъ слушаю.

Чулочникъ какъ ни старался кое-что утанть, но Вербоке узналъ все, что случилось послѣ его отъъзда въ домъ Куанте. Онъ ясно видъъ, что всему причиною была сцена на смертной постелъ, которой онъ не придавалъ сначала такой важности.

- Папа, сказалъ онъ Куанте, смотрите, больше глупостей не дълать; когда вы върно соблюдаете ваши клятвы, клянитесь же мнъ, что не будете ни во что вмъшиваться и дадите мнъ полную свободу дъйствовать.
 - О мой добрый Антуанъ, отвъчалъ Куанте...
- Гвоздь выколачивается гвоздемъ, такъ бываетъ и съ клятвами. Мы сдълаемъ вашей женъ заклинаніе. Что касается до вашей дочери, вы видно давно на нее не смотръли, иначе замътили бы, что она умираетъ! Ну, скоръе клятву, и я все улажу.

И Вербоке подняль руку Куанте. Теперь повторяйте за мною: Я клянусь. Куанте струсиль, смотря на высоваго, плъшиваго старика, у котораго бълыя, сходящіяся надъ черными маленькими глазами брови, по-

ходили на удареніе надъ буквою о, и давали особенную силу каждому его слову.

Куа́нте, запинаясь, произнесъ: я клянусь! и не замѣтилъ, какъ исчезъ Вербоке, освободившій его руку, которая упала, какъ у автомата.

Въ три скачка Антуанъ явился къ своему племяннику, и неслушая его, сказалъ ему отрывисто.

- Ступай скоръе за мною; дъло плохо; Армантина больна! Бенуа прыгнулъ къ дядъ:
 - Въдь говорилъ я вамъ, несчастный! Это вы, всегда вы!..

Вербоке и неслышалъ, что кричалъ ему Жофренъ: онъ сунулъ ему въ руки его шляпу и увлекъ за собою.

Они летели, какъ вихрь.

— Да пустите меня бъжать одного, кричалъ Бенуа, вы, настоящій демонъ, вы не знаете, что я еще люблю ее, и вы ее убиваете!

И онъ хотълъ освободиться изъ рукъ дяди, который принялъ свою лукавую насмъшку и неудостоивалъ его отвътомъ.

Они дошли до лавки Куанте и вошли вмѣстѣ. Антуанъ, сказалъ Куанте:

- Папа, мы объдаемъ здъсь и проведемъ у васъ весь день наверху. Вы миъ дадите какую нибудь книжку. Не говорите только ничего конторщику Пепингре, я все съ нимъ улажу этимъ вечеромъ...
- Но вы будете безпокоить Армантину, докторъ велълъ оставить ее въ покоъ.
- Папа, я не позволяю вамъ говорить. Вашъ докторъ оселъ, а мой ученый.

И Вербоке увлекъ Бенуа въ комнату Армантины.

Молодая дёвушка была въ бёломъ платый, блёдная, похудёвшая. Бенуа бросился къ ней, какъ безумный, и упалъ на колёна предъ постелью.

- Армантина, Армантина! простите, простите меня! Я люблю васъ, и онъ залился слезами.
- Бенуа, сказала дъвушка, я была причиною вашихъ страданій, но вы меня не поняли; вы видите, что я ни за кого не хотъла выйти замужъ, потому что умираю.
- О ужасный Антуанъ! Я однакожъ не звалъ его сюда!
 Вербоке читалъ журналъ и потихоньку насвистывалъ.
- Армантина, продолжалъ Жофренъ, это не я васъ убиваю; присутствіе его для васъ убійственно: о еслибъ вы знали, еслибъ вы знали!

И онъ осыпалъ поцълуями руку молодой дъвушки, которую эти ласки оживотворяли. Она грустно улыбалась. Слабый румянецъ сталъ

показываться на щекахъ больной, и глаза ея заблистали радостью. Такъ провели они вмъстъ цълый день, прося другъ у друга прощенія. Двадцать разъ они все изъясняли. Самыя мелочныя подробности для нихъ были интересны. Пепингре былъ серьозно ненавидимъ. Горести, надежды, все смънялось въ этомъ продолжительномъ свиданіи. Постеля, гдъ лежала бъдная больная, антресоли, вся дъйствительность исчезла, имъ представлялась благодатная весна, и молодые влюбленные подъ тънью деревъ вдыхали ароматъ ея. И будущность имъла свою очередь. Старая исторія, повторяемая въ каждой молодости!

Вербоке не оставляль своего журнала и продолжаль насвистывать. Чась объденный насталь. Куанте вошель и сказаль дядюшкъ Антуану:

- Это убиваетъ Армантину.
- Вы не должны говорить, папа, отвъчалъ другой. Сойдемъ. Дъти не хотятъ кушать.

Чулочникъ растерянный повиновался.

Объдъ былъ не веселъ. Вербоке посматривалъ на стънные часы. Когда пробило семь часовъ съ половиною:

- Папа, сказалъ Антуанъ, войдите, пожалуйте на верхъ, и читайте журналъ на томъ стулѣ, на которомъ я сидълъ, журналъ очень интересенъ: я его читалъ цълый день. Только не говорите съ молодыми людьми и не сходите внизъ. Я самъ прійду къ вамъ...
- Но, сказалъ отецъ Армантины, сюда прійдетъ Пепингре; онъ всегда всходитъ наверхъ, когда мы здъсь.
- Будьте покойны; я ему сообщу интересныя для него новости. Я въдь умъю забавлять дътей, ступайте!

Куанте вошель еще болье разстроенный; онь съль, взяль журналь и началь его читать. Молодая дъвушка и Бенуа были въ райскихъ садахъ.

the warm area and and acceptability and X of the least the consequence of the state of

Верооке усълся на стулъ въ столовой залъ и ждалъ. Около восьми часовъ вошелъ Пепингре.

- А!.. господинъ Антуанъ, сказалъ онъ съ удивленіемъ и поклонился ему.
- Я самый, господинъ Жозефъ, и признаюсь, что пришелъ сюда немного и для васъ.
- Для меня? возразилъ конторщикъ съ нъкоторымъ ужасомъ, такъ подъйствовалъ на него холодный и серіозный видъ старика.

- Для васъ, отвъчалъ Антуанъ, съ комическою учтивостью, сядьте и поговоримъ.
- Но... г. Куанте... дъвица Армантина... пробормоталъ Пепингре.
- Зачёмъ ихъ безпоконть, возразилъ Вербоке, Армантина въ постеле, а Куанте читаетъ журналъ; мы имъемъ время побеседовать. Садитесь же.

Высокій молодой челов'якъ повиновался. Вербоке взялъ отъ него шляну и продолжалъ:

— Вы, безъ сомивнія, знаете, что явница Куанте очень больна, не прерывайте меня; вы не понимаете, что мысль быть вашею женою ее убиваетъ. Она похудъла и страшно перемънилась. У васъ въ виду, сударь, однъ денежки, для которыхъ конечно все равно, если попадуття и въ руки глупца... Позвольте мит говорить и не прерывайте меня. Деньги не знають любви, имъ вездъ хорошо; но не таковы прекрасныя девушки: оне любять умъ, грацію, хорошую наружность и доброе сердце. Вы, можетъ быть, находите меня слишкомъ откровеннымъ; но я желаю, чтобъ вы хорошенько меня поняли, Г-жа Куанте была злая женщина, но она ваша тетка, и я ее уважаю; впрочемъ она васъ настроила на дурное дело, она показала вамъ въ перспективъ большой магазинъ съ мотками шелку и выгодною торговлей! славная женщина! Она показала вамъ руно, но чтобъ имъть его, надлежало прежде убить овечку, и вы, не подумавши, устремитесь къ этой цъли. Отецъ Куанте бъдный добрякъ, и ваше упорство произвело на него свое дъйствіе; все это было не честно, и я пользуюсь короткимъ пріводомъ въ Парижъ, чтобъ привести дело въ порядокъ. Я ведь дядя Армантинъ, а ваша тетушка не была ея матерью; я имъю, какъ говорится, голосъ въ капитулъ, чего-съ?..

Тутъ Вербоке усмъхнулся и посмотрълъ Пепингре прямо въ глаза; конторщикъ окаменълъ. Храбрецъ предъ Куанте дълался опять глупцемъ предъ Антуаномъ. Высокій старикъ дъйствовалъ на него какъ бы магнитическою силою; нослъ его разговора Пепингре задыхался, какъ будто давилъ его кошемаръ.

- Но... наконецъ рѣшился онъ сказать, отецъ Армантины далъ мнѣ слово, какое же, сударь, имѣете вы право говорить мнѣ такія вещи? ваши слова оскорбительны для памяти г-жи Куанте; я пойду къ г-ну Куанте... и Пепингре хотѣлъ встать, но Антуанъ удержалъ его.
- Я вамъ говорилъ, что отецъ Армантины занятъ чтеніемъ журнала, зачёмъ его безпокоить. Послушайте меня, мы имѣемъ еще время. Вы можете отказаться отъ этого брака; въ благоразумномъ поступкѣ никогда не раскаяваются. Вы возвращаете слово Куанте, онъ бу-

детъ доволенъ, а дочь его счастлива: исполнивъ, какъ следуетъ честному человъку свой долгъ, вы будете и моимъ другомъ. И разсчитывая на дъйствіе своихъ словъ, Вербоке протянулъ руку конторщику, который, не принимая ее, всталъ.

— Государь мой, въ одну минуту не разстроиваютъ семейныхъ предположеній, имъвшихъ свою силу цълые годы; я уважаю ихъ и буду върнымъ исполнителемъ воли моей тетки.

Антуанъ, выведенный изъ терптнія этимъ глупо-искуснымъ хладнокровіемъ, всталъ въ свою очередь и разгорячился:

- Вы сами не върите тому, что говорите. Вы, мой другъ, притворяетесь, и мы поссоримся...
- Государь мой, сказалъ Жозефъ и хотълъ выйти, но высокій старикъ загородилъ собою двери.
- Государь мой, повторилъ испуганный Жозефъ, мнт надо итти, скоро десять часовъ.
- Время въ нашемъ распоряжении, возразилъ Вербоке: объщайте мнъ сейчасъ отказаться отъ Армантины, и онъ схватилъ конторщика за руку.
- Пустите меня, кричалъ Жозефъ. Нашу лавку запрутъ.
- Объщайте, сказалъ дядя энергическимъ голосомъ съ сверкающими глазами.
- Нътъ, нътъ! сказалъ купчикъ съ отчаянною ръшительностью. Нътъ! я уже говорилъ объ этомъ моему хозяину, онъ соглашается передать мнъ свою лавку. Г. Куанте и моя тетка меня избрали, Армантина согласна; вы меня не устрашите. И бъдный конторщикъ дрожалъ всъми членами.
- Безумецъ, сказалъ Вербоке, помирая со смъху, онъ готовъ убиться со страху! Но, мой маленькій Пепингре, въдь ты не унесешь ее съ собою на тотъ свътъ; если случится теперь какое несчастіе, то самъ будешъ причиною его. Прощай, доброй ночи. И онъ выпустилъ руку Жозефа, который убъгая кричалъ:
 - Боже мой, десять съ половиною часовъ, магазинъ запрутъ. Дядя Антуанъ не могъ скрыть странной веселости.
- Ну, какой же это глупецъ! сказалъ онъ поднимаясь на лъстницу.

Куанте върный приказанію, продолжаль читать журналь, дремля немного. Счастливая Армантина и восхищенный Бенуа повторяли сто разъ одно и тоже.

— Ну, что? спросилъ вошедшій дядя, каково идеть у вась, діти?

Получше ли тебъ, Армантина? А ты не имъешь теперь охоты пробовать маленькихъ сткляночекъ?

Слова эти заставили пробудиться влюбленныхъ. У молодой дъвушки показалась на устахъ здоровая улыбка; глаза по-прежнему сдълались чисты, ясны и свътились счастіемъ. Лихорадку какъ рукой сняло.

- Я могу встать, сказала молодая дъвушка.
- Можешь встать и покушать, не правда ли? подхватиль, смѣясь Вербоке. Чтобъ радость была продолжительна, надо дать ей силы. Армантина улыбалась.
 - Какъ встать, сказалъ Куанте? Который теперь часъ?
- Десять часовъ съ половиною пробило, когда Пеппнгре съ мною разстался, отвъчалъ Вербоке.
- Вамъ нужно усноконться, сказалъ Бенуа молодой дъвушкъ. Какъ былъ коротокъ этотъ день! Ахъ, еслибъ завтра вы были здоровы!
- Завтра, Бенуа, вскричала она весело, завтра вы не увидите меня въ постелъ! я буду здорова.
- Дай Богъ, прошепталъ влюбленный, чтобъ это такъ случилось. Въ эту минуту услышали шумъ внизу, Куанте посиъшно сошелъ и чрезъ четверть часа возвратился совершенно разстроенный.
- Что съ вами? отъ чего вы такъ блъдны? спросилъ Бенуа отца Армантины.
- Ахъ, дъти мои, это ужасно! сказалъ чулочникъ; представьте себъ, что Пепингре, который сейчасъ вышелъ отсюда...
 - Что же?
- Онъ бъжалъ въ улицу Рамбюто. Время положенное прошло. Лавку запирали. Онъ бросился къ двери и наткнулся вискомъ на уголъ ставни, которую выносилъ въ это время мальчикъ. Бъдный Пепингре упалъ. Прибъжавшій докторъ бросилъ ему кровь, но Жозефъ не показываетъ никакихъ признаковъ жизни.
- О! вскричалъ Бенуа, обращаясь къ Вербоке.
- О, Антуанъ! Антуанъ! и онъ опустился на стулъ, накрывъ свою голову руками. Куанте и Армантина плакали.

Вербоке прохаживался по комнатъ и насвистывалъ.

— Папа Куанте, сказалъ онъ чулочнику совершенно хладнокровно, вамъ надо туда сходить, мы подождемъ васъ здъсь внизу. Добрый вечеръ; Армантина, успокойся, дитя! Бенуа, пойдемъ.

Куанте отправился. Дядя и племянникъ сошли въ столовую комнату. Бенуа не смълъ говорить; молчаніе продолжалось. Жофренъ напослъдокъ прервалъ его:

— Дядюшка, это въдь ужасно!

Смпсь. 95

- Разві: я велітль ему біжать, сломя голову, ты можешь думать, что тебі угодно, но покрайней мірів, не можешь сказать, что я убиль его. Я тебя люблю и, можеть быть, случай послужиль для твоей пользы. Но совість моя совершенно спокойна. Если Пепингре біжаль слишкомъ прытко, уже ли виновать я въ этомъ? Бенуа не сміль глядіть на своего дядю. Его ужасало хладнокровіе старика.
 - Доволенъ ли ты? спросилъ Вербоке.

Взглядъ Бенуа изображалъ ужасъ.

— Я понимаю, продолжаль улыбаясь старикь, что тебѣ не слѣдуетъ показывать, что ты доволень. Недѣлю ты поносишь полутрауръ, а чрезъ двѣ скажешь, дядюшка Антуанъ на что нибудь да пригоденъ...

Бенуа ничего не отвъчалъ; наступило опять молчаніе. Куанте вошелъ.

- Умеръ! сказалъ онъ, бросивъ шляпу на стулъ.
- Жаль, отвъчалъ Антуанъ разсъянно. Пора итти спать, уже поздно. Прощайте Куанте, прощайте!

И онъ увлекъ съ собою племянняка, который былъ блёденъ, какъ полотно.

The street of the second of th

Пепингре точно умеръ. Послѣ похоронъ его наблюдали семейный трауръ, что немѣшало дядюшкъ Антуану дѣятельно заботиться о бракѣ Армантины съ Бенуа. Отецъ Куанте былъ довольно спокоенъ, хотя неожиданная смерть Жозефа его очень огорчила. Молодые люди были счастливы. Въ нѣсколько недѣль, благодаря хлопотамъ Антуана, все было приготовлено къ свадьбѣ. Когда не оставалось болѣе сомнѣнія въ благополучіи племянника, Вербоке отвелъ Бенуа въ уголъ и сказаль ему:

— Кажется теперь все сдълано, и я уъзжаю. Не упрашивай меня оставаться, въдь въ самомъ дълъ ты радъ, что я ретируюсь во-свояси. Скажи по правдъ, въдь ты боишься меня, а между тъмъ я ничего болье не желалъ, какъ видъть тебя счастливымъ. Дорого тебъ стоила Армантина, тъмъ болъе цъни ее. Отецъ Куанте добрякъ, изъ родныхъ только онъ одинъ на рукахъ твоихъ и будетъ. Забавляй его: по-временамъ театръ, ежедневный журналъ, чашка кофе, да вязаный колпакъ, вотъ онъ и доволенъ. Когда Богъ наградитъ васъ дътьми, онъ будетъ водить ихъ гулять и баловать; такой у стариковъ обычай. Прощай же, завтра я снимусь съ якоря, никого не обезнокоя. Прощай. Бенуа бросился на шею къ своему дядъ.

При бракосочетаніи присутствоваль одинъ Куанте. Небольшой капиталець, накопленный имъ въ прежнее время, быль достаточень для медоваго мъсяца, который продолжался по крайней мъръ два года. Знанія и труды Бенуа были не безплодны. Я бы могъ теперь сказать, какъ говорится въ сказкахъ, что молодые жили долго и счастливо и нажили много дътей. Хотя этого и нескажу, однакожъ, въ самомъ дълъ, къ концу года родился у нихъ сынъ. Бенуа часто вспоминалъ дядюшку Антуана, и въ одно утро предложилъ женъ своей написать къ Вербоке и пригласить его быть крестнымъ отцомъ ребенку.

— Въ самомъ дълъ, говорилъ онъ, этотъ добрый человъкъ жертва сдъланнаго мною замъчанія, но въдь все это была одна случайность. Надо показать ему, что я не суевъръ.

Написали къ Антуану. Отвътъ не замедлилъ явиться. Сосъдъ старика извъстилъ, что дядя Антуанъ нъсколько дней тому умеръ, и что незнали, гдъ отыскать его родственниковъ.

Бенуа быль очень огорчень этою потерей.

— Какое несчастіе! сказалъ онъ Армантинъ, дядюшка къ намъ бы пріъхалъ и, можетъ быть, согласился бы съ нами жить.

Бенуа говорилъ правду. Горесть его по дядъ была дъйствительна; и въ глубинъ сердца тайный голосъ ему нашептывалъ: какъ жаль!

entarior artificial manager of the breath of the large of the annihilation

Serie (grafii milas lega jamenta). Pionen ne recessione facilità como de series de como de com

THE SOUR ENDS CONTRACTORS FOR THE STATE OF T

Amendalist every at a research profession of a real others.

and the largest particularly and the consequence of the largest section of the largest section of the largest section and the largest section of the largest sec

May aw us as the bit bashing avec will neel

письма изъ-за границы

Control of the Contro

н. п. мундта.

eranese for a second consistence of a second second

Венеція ^{25 Августа} 1853 г.

Во всёхъ историческихъ и даже описательныхъ сочиненіяхъ, гдё ръчь идетъ о Венеціи, не говорится почти ничего или очень мало о ея скульптурныхъ богатствахъ; и можно сказать, что исторія венеціянскаго ваянія, во всёхъ сочиненіяхъ, писанныхъ по этому предмету, составлена вообще чрезвычайно небрежно, неудовлетворительно и неполно. Совсёмъ другое видимъ мы, когда дёло идетъ о живописи: тутъ нельзя пожаловаться на недостатокъ свёдёній и указаній. Независимо отъ множества сочиненій, диссертацій, описаній на всёхъ языкахъ, самыя произведенія венеціянскихъ живописцевъ извёстны вездё; гравированіе распространило копіи съ нихъ повсюду, и всё европейскія галереи представляютъ многочисленные и блестящіе образцы этой знаменитой школы. Имена великихъ ея представителей: Аэктордэконе, Тиціана, Павла-Веронеза, Тинторета также извёстны и также громки, какъ имена Рафаэля, Рубенса, Мурильо. Эта всеобщая извёстность позволяетъ мнё не вдаваться въ

8

мелочное и подробное исчисленіе всёхъ произведеній венеціянской живописи и ограничиться только указаніемъ на общій характеръ, отличающій эту школу отъ всёхъ другихъ, на постепенное ся развитіе, на ся достоинства и недостатки, а также назвать замічательнійшія изъ ся произведеній, которыя украшають еще и теперь дворцы, церкви и галерен Венеціи.

Если взяніе не представляеть оригинальной, настоящей венеціянской школы, за то живопись имфеть свою типическую физіономію и множество отличительныхь, ей одной свойственныхь особенностей, по которымъ можно тотчась узнать венеціянскихъ живописцевъ; школа эта замфчательна еще тфиъ, что она не заимствовала ничего отъ другихъ; она чисто мфстная и въ полномъ смысль слова самостоятельная.

Этотъ особенный характеръ, принадлежащій венеціянской школь п дающій ея произведеніямъ какую-то спесифическую печать, столь доступную глазу, въ тоже время весьма труденъ для анализа. Однородныя произведенія искусствъ подобны однороднымъ произведеніямъ природы; по какому-то внутреннему, безсознательному чувству вы скоро и легко отличите одно отъ другаго; но пусть заставять васъ опредълить съ подробностью всв черты, которыя сближають или разъединяють ихъ, и вы будете поставлены въ большое затруднение. За всемъ темъ, отличительнымъ свойствомъ венеціянской школы почитается превосходство ся колорита, и оттого всв ея великіе художники въ особенности извъстны какъ отличные колористы. Это опредъление, взятое въ общемъ смыслъ и примъненное ко всей венеціянской школь, довольно справедливо и выражаетъ, какъ нельзя лучше, впечатленіе, производимое картинами венеціянскими, въ сравненіи съ тімъ, какое чувствуешь при видъ картинъ, напримъръ, Римской или Флорентинской школы. Дъйствительно, у живописцевъ венеціянскихъ поражаетъ васъ съ перваго раза болте всего роскошь и блескъ колорита, которые невольно влекуть васъ къ себъ и такъ отрадны для глазъ. Первое условіе для обольстительной эфектности красокъ то, чтобъ поле, по которому онъ разстилаются, было обширно и наполнено предметами, способными принимать эти краски п отражать ихъ съ возможнымъ разнообразіемъ и блескомъ; оттогото у встхъ живописцевъ-колористовъ, и въ особенности венеціанскихъ. замътно стремление придать какъ можно болъе простора місту дійствія и аксесуарамъ, часто даже въ ущербъ идеальному эфекту сюжета; оттого въ ихъ картинахъ встръчаемъ такое разнообразіе архитектурныхъ аксесуаровъ: портиковъ, колониадъ, лъстияцъ, балконовъ; такое изобиліе, такую рескошь въ одеждахъ, дранировкахъ и вообще во всемъ, что можеть способствовать въ миражу перспективы и къ отблескамъ свъта

Смись.

99

и красокъ. Рейнолдся очень хорошо характиризуетъ композицію и исполненіе, свойственныя венеціянцамъ, называя ихъ стилемь декоративнымъ или орнаментальнымъ, и подъ его перомъ выраженія этого нельзя принять за похвалу. Дъйствительно, при удивительныйшемъ талантъ въ исполненіи, великіе художники этой школы не могли достигнуть первыхъ условій или качествъ живописи: идеальности въ формь и экспрессіи, и ни одинъ изъ нихъ не возвысился до того, что французы называютъ sublime. Даже самому Тиціану недостаеть вообще тахъ великихъ сокровенныхъ качествъ искусства, какія были поняты и воспроизведены школами римскою и флорентинскою. Но что до этого? Идеалъ красоты человъческой, идеалъ религіознаго чувства, идеалъ духовной стороны жизни были созданы этими школами; оставалось воспроизвесть идеаль міра чувственнаго, матерыяльнаго, и венеціянцы схватились за эту нетронутую еще никъмъ сторону искусства. Они представили ее во всемъ блескъ красоты, которой она была доступна, и такимъ образомъ сдълали все, что остовалось сдулать для полноты самаго искусства.

Много хлопотали о томъ, чтобъ найти причину превосходства венеціянскихъ живонисцевъ предъ другими, въ отношеніи колорита и всёхъ начествъ, которыя подразумъваются подъ этимъ словомъ. Приписывали его климату, частымъ сообщеніямъ съ востокомъ, страною світа и солица, красотъ левантскихъ костюмовъ, столь яркихъ и разнообразныхъ, и множеству другихъ вліяній, столь же мечтательныхъ; говорили даже о какомъ-то особенномъ химическимъ составт красокъ, употребляемыхъ венеціянцами, хотя ничто недоказываеть, чтобъ краски эти были не такія же, какія употреблялись во всей Италіи. Къ тому же кто незнаетъ, что съ одними и тъми же красками Рубенсъ былъ Рубенсомъ, а Рембрандтъ - Рембрандтомъ, Вмъсто всъхъ этихъ странныхъ предположеній не лучше ли допустить, что усовершенствованіе кодорита было необходимымъ последствіемъ развитія самой живописи? Весьма натурально, что когда элементъ внутренній, духовный, идеальный, быль уже истощень, мъстами должень быль заступить элементь наружный, чувственный, рано или поздно; но такое направление неминуемо должно было осуществиться и въ отношенія къ Италіи: оно осуществилось въ Венеціи.

Живопись венеціянская начинается, какъ и во всёхъ другихъ итальянскихъ городахъ, миніатюристами и въ особенности мозаистами. Въ Византіи и во всей греко-римской имперіи всегда занимались мозаикою; и венеціяне выучились механизму этой работы у византійцевъ. Единственная живопись, которую встръчаемъ въ самыхъ старинныхъ церквахъ Венеція, въ Торчелло, въ Санта-Фоско и въ базиликъ св. Марка —

100 Смњев.

мозаика; она долго была единственнымъ способомъ украшенія храмовъ, и византійскіе современные художники сочиняли картоны для мозаистовъ. Напримъръ, изображеніе св. Марка надъ главнымъ входомъ Дожевской церкви, было исполнено въ 1545 году братьями *Пукати*, по картону Типіана.

Первые опыты собственно живописи появляются въ Венеціянской области въ началъ XIV въка. Джіото, бывшій въ Падув въ 1306, въ Веронъ въ 1316, и написавшій тамъ нъсколько замъчательныхъ картинъ, имълъ много учениковъ и подражателей, писавшихъ по его манеръ. Но Джіото не имълъ большаго вліянія собственно на Венецію, и съ этой эпохи встричаемъ уже на островахъ, омываемыхъ лагунами, живописныя произведенія, совершенно отличныя отъ стиля Джіото, писанныя туземными артистами. Эти первые следы искусства, чисто местнаго, впрочемъ весьма неопредъленные, получаютъ гораздо большее развитіе въ XV въкъ, въ следствіе примера живописцевъ острова Мурано, знаменитаго уже и тогда своими работами на стеклъ. Главою этого поколенія художниковъ быль некто Кверико; после него называють еще Бернардина и Андреа, отъ которыхъ сохранился еще въ церкви св. Петра, на островъ Мурано, св. Себастіант, окруженный другими угодниками. Въ школъ сего послъдняго художника образовалось множество живописцевъ изъ фамилін Виварини Муранскаго, которые въ продолжение почти цълаго стольтия наполнили Венецию своими произведеніями. Три изв'єстивішіе художника этой школы были Луиджи, Антоніо и Бартоломео Виварини, работы которыхъ можно и теперь еще видъть въ церквахъ св. Іоанна и Павла, св. Пантелеймона и св. Такова.

Последними и замечательнейшими художниками этой первоначальной школы были Іоанне и Жантиль Беллини, которые на столько отличались отъ своихъ современниковъ, что ихъ часто называютъ настоящими основателями венеціянской школы. Іоаннъ Беллини быль одимъ изъ плодовитьйшихъ художниковъ; онъ работалъ боле 50-ти летъ, съ 1464 по 1516 годъ. Первыя его произведенія носять на себе еще отпечатокъ сухости, свойственный всемъ первобытнымъ художникамъ; но последнія довольно близки къ широкой и прекрасной манере Ансіордожний и Тиціана. Картины его, чрезвычайно богатыя фигурами, аксесуарами, преспективными эфектами, указываютъ уже на вкусъ его школы, состоявшей въ развитіи матеріяльныхъ способовъ иллюзіи. Краски на масле, которыя онъ одинъ изъ первыхъ въ Венеціи сталь употреблять для своихъ картинъ, чрезвычайно содействовали къ развитію этого направленія. Есть преданіе, что Іоаннъ Беллини, подъ одеждою

венеціянскаго нобиля прокрадся въ мастерскую Антонелла Мелинскаго, который одинъ только обладалъ тайною масляныхъ красокъ, похищенною имъ самимъ у Іоанна Брюгскаго, и наблюдая за его письмомъ, открылъ способъ новой манеры и воспользовался ею. Онъ отличался особенно въ изображении Мадоннъ. Произведения его въ Венеции очень многочисленны; некоторыя изъ нихъ действительно прекрасны и дышатъ какою-то изумительною свъжестью. Картина его Пресвятая Дъва и четыре святых, въ церкви св. Захарія, цінилась такъ высоко, что послъ паденія республики, была въ числъ многихъ другихъ взята французами и перевезена въ Парижъ. Христосъ въ Эммаусь, окруженный учениками, въ церкви Спасителя, стиля столь граціознаго и такой широкой манеры, что картину эту можно было бы приписать кисти Джіорджоне. Въ церкви della Madonna dell'Orto, на алтаръ, подъ органомъ сохранилась одна изъ лучшихъ Мадоннъ Беллини, подписанная его именемъ, какъ и большая часть его картинъ. Венеціянская Академія Художествъ обладаетъ всего только двумя картинами Беллини, и та и другая представляють Иресв. Дтву, окруженную сонмомо ангелово и святых, это любимъйшая тема этого художника, который въ этомъ отношеній можеть назваться Перуджиномъ венеціянской школы. Изъ всёхъ картинъ Беллини, еслибъ изъ нихъ предоставлено было сдёлать выборъ, я предпочелъ бы маленькую картину, изображающую Пресв. Дњеу преда младенцема Іисусома, чудную по композиціи, вкусу и экспрессіи и достойную того, чтобъ ее сохраняли, какъ драгоцінный перлъ живописи, въ одномъ изъ шкафовъ ризницы церкви Спасителя.

Съ именемъ Іоанна Беллини соединяется весьма натурально имя брата его и подражателя Жантиля Беллини, отъ котораго впрочемъ осталось очень мало картинъ. Эти два художника имъли въ Витторіи Карначіо (замъчательнъйшій послъ нихъ мастеръ этой старинной школы) то соперника, то собрата; для того, чтобъ оцънить талантъ его, нужно только взглянуть на его Введеніе во храмъ Богородицы, картину, составляющую одно изъ лучшихъ украшеній и любопытнъйшихъ предметовъ венеціянской Академіи Художествъ.

За этими первыми основателями венеціянской школы слідуеть длинный рядь боліве или меніве искусных художниковь. Исчислять ихъ, значило бы наполнить цілыя страницы, а нисьмо мое и безь того уже очень длинно, и мні остается еще сказать о другихъ, боліве знаменитыхъ художникахъ, которыми такъ богата эта школа.

Эпохою, въ которую венеціянская школа, какъ и почти всѣ другія, прославилась появленіемъ величайшихъ мастеровъ, давшихъ ей опредъленный характеръ и упрочившихъ за нею оригинальность и особенный

твиъ, было начало XVI въка. Одниъ изъ учениковъ Іоанна Беллини, Ажіоржо Барбарелли, родившійся въ 1478 году въ Кастелфранко, близъ Тревазы, и умершій въ 1511 году, быль первымъ основателемъ той широкой и смълой манеры, которой следовали потомъ Тиціань, Тинторето и Навель-Веронезь. Этотъ Джіоржо Барбарелли быль прозванъ Дожіорджоне, т. е. великимъ Джоржомъ, не столько по огремности его таланта, какъ по величнив роста, необыкновенной физической силь и по твердому, суровому характеру. Рисунку своего учителя, еще изсколько сухому и скудному, манерт пріятной, но еще не смёлой, противущоставилъ онъ вдругъ стиль грандіозный, манеру широкую и смелую, колорить сильный, яркій и вместе сь темь нежный в живой. Такой внезанный скачокъ отъ извъстной степени прогресса, пріобрътеннаго въ искусствъ долголътними и тяжкими трудами, къ высшей точкъ его развитія и совершенства, не ръдкость. Скачовъ отъ Беллини къ Джіарджоне быль такой же, какъ скачокъ отъ Гирландаго до Микель Анджело, отъ Перуджина до Рафаэля, отъ Отто Венічеа до Рубенса. Произведенія Джіорджоне очень редки въ Венеціи, какъ и вездъ. Онъ большею частью писалъ фрески, и почти всъ его живописныя созданія на стінахъ дворцовъ и церквей сгладились отъ солица, сырости и дождей. Сколько образцовыхъ произведеній, сколько чудныхъ, геніяльныхъ созданій погибло такимъ образомъ для потомства! До сихъ поръ видны еще остатки фрескъ Джіорджоне на стінахъ Fondaco-Tudesqui, и на домъ, въ которомъ онъ жилъ, на площадкъ св. Сильвестра. Что же касается до картинъ, которыя неподвержены сомивнію, что онт его кисти, то ихъ въ Венеціи всего только три или четыре, 4-я св. Маркъ, укрощающій бурю, въ дом'в братства св. Марка; картина знаменитая тремя нагими фигурами гребцовъ, рисунокъ которыхъ поражаетъ своею смълостью, могуществомъ, экспрессиею и выраженіемъ, полнымъ жизин и движенія, столь противоположными симетрическому и холодному распредълению фигуръ у древнихъ живописцевъ, 2. Сиятіе со креста, въ новомъ дворцъ на площади св. Марка, 3. Престольный образъ въ одной изъ капеллъ церкви св. Іоанна, изображаюшій этого Святителя, окруженнаго другими святыми. Картина эта писана Джіорджоне и ученикомъ его Себастіаномь дель Піомбо; наконецъ 4. Прекрасный мужской портреть въ черной одежав, строгаго и широкаго стиля, какъ вев писанные имъ портреты. Вотъ все, что можеть показать Венеція изъ произведеній перваго изъ своихъ великихъ мастеровъ въ живописи. Джіорджоно умеръ 33 льтъ, пераженный изміною женщины, страстно имъ любимой.

Кромъ Себастіана дель Піомбо, Джіорджоне образоваль мало уче-

103

никовъ, и изъ нихъ только последній пріобрель знаменитость. Впрочемь, онъ мало работаль въ Венеціи, и то только въ молодости; четыре отдельных фигуры святых, въ церкви св. Варооломея, близъ Ріальтскаго моста, очень почерневшія отъ времени, составляють все, что есть въ Венеціи его кисти. Известно, что Микель-Анджело такъ уважаль прекрасную манеру его письма, что решился присоединиться къ нему въ исполненіи знаменитой картины Воскресеніе Лазаря, которую многіе по превосходству сочиненія ставили почти наравне съ Преображеніемь Рафазля.

Но если Джіорджоне образовать не много учениковь, за то создапів его сділались предметомъ изученія современныхъ художниковь, изъчисла которыхъ нельзя не назвать Жакобо Пальму, прозваннаго старшимъ чрезвычайно искуснаго колориста. Изображеніе св. Варвары въцеркви Santa-Maria Formosa, принадлежить къ созданіямъ, отличающимся особенною силой и выраженіемъ. Вообще же его манера занимаеть середину между манерой Джіорджоне и Тиціана. Картины его, изображающій пресв. Альву, въ церкви св. Стефана, большая Тайная вечерь въ церкви св. Сильвестра и Вознесеніе въ Академіи болье другихъ могуть дать идею о его талантв. Этого Пальму не должно смішнвать съ его однофамильцемъ и двоюроднымъ внукомъ Жакобо Пальмою, прозваннымъ младшимъ.

Болье близкій подражатель Джіорджоне, по-крайней-мърт въ первыхь своихъ произведеніяхъ, быль Парисъ-Бордоне, тревизанскій дворянивъ, который пристрастясь къ живописи, предался ей съ увлеченіемъ и заслужилъ въ ней извъстность и даже знаменитость. Онъ пачалъ подражаніемъ Джіорджоне, но въ послъдствіи создалъ себъ манеру совершенно оригинальную, преисполненную щеголеватости, ума и живоста какъ въ сочиненіи, такъ и въ колоритъ. Нельзя не замьтить, что венеціянскіе живописны, чаще чтиъ вст художивки другихъ школъ, брали сюжеты изъ отечественной исторіи и изъ современныхъ событій. Девять десятыхъ изъ безчисленнаго множества картинъ дожевскаго дзорца, исполненныхъ по заказу правительства, суть ни что иное, какъ страницы изъ исторіи Венеціи, писанныя искусными кистями Беллини, Павла-Веронеза, Типторета, Пальмы, Бассано, Мукоро, Либера, Моро, Аліенце, Вичентано и другихъ замъчательныхъ художниковъ ХVІ въка.

Посль Бордоне замъчательнъйшимъ художникомъ, образовавшимся въ школъ Джіорджоне, былъ Порденоне; онъ не любилъ Тиціана, который платилъ ему тъмъ же, и цълью всей его жизии, которой онъ однако же недостигъ, была жажда уничтожить этого страшнаго сопершика.

У него была большая партія, поддерживавшая его въ этой борьбъ, впрочемъ честолюбіе его было извинительно, потому что онъ обладалъ огромнымъ талантомъ. Онъ писалъ много фресковъ въ городахъ и замкахъ Фріуля и во всей Ломбардіи. Картины его масляными красками очень ръдки. Въ Венеціи, въ монастыръ св. Стефана, сохранились еще нъкоторыя изъ его прекрасныхъ фресковъ, а въ церкви св. Іоанна на Ріальто есть превосходная его картина, упоминаемая Вазаріемъ и изображающая св. Екатерину съ другими святыми; въ церкви св. Роха св. Мартинъ и св. Христофоръ отличаются высокимъ стилемъ и удивительною силой въ исполненіи. Порденоне имълъ много учениковъ и подражателей, и школа его съ честью выдерживала борьбу съ школою Тиціана.

Но пора перейти къ самому Тиціану, знаменитьйшему и славныйшему изъ встхъ художниковъ Венеціянской школы, къ одной изъ пяти или шести великихъ личностей, въ которыхъ такъ сказать олицетворился геній живописи. Тиціано Вечелли родился отъ благородной фамилів въ Піаве-ди-Кадоре, близъ Беллюны, въ 1477 году; умеръ въ Венеціи въ 1576 отъ чумы. Онъ жиль целое столетіе, и смерть застала его съ кистью въ рукъ. Онъ сдълался извъстенъ и даже знаменитъ уже при первыхъ своихъ опытахъ; уважение и слава окружали его; государи искали его дружбы и осыцали его милостями, однимъ словомъ онъ пользовался одною изъ тёхъ блистательныхъ и великихъ артистическихъ карьеръ, которыя достались въ удёлъ только немногимъ избранникамъ генія и фортуны, Рафаэлю, Рубенсу, Кановъ. Достоинства его были такъ чисто и такъ хорошо анализированы, что почти не нужно упоминать о нихъ. Мазанеть Себастания Цукато и потомъ Іоанно Беллини были первыми ето учениками въ Венеціи; но гораздо болье, чъмъ отъ ихъ уроковъ, пріобрыль онъ, изучая творенія Джіорджоне, котораго манер'в онъ сначала следоваль; скоро однако же создаль онь себь свою собственную манеру, можеть быть, не столь грандіозную, не столь оригитальную, но столько же ученую и гораздо болъе върную, разумную и увлекательную, которая совмъщала въ себъ всъ роды живописи, развивавшіеся постепенно въ твореніяхъ разныхъ художниковъ венеціянской школы.

Нельзя сказать, чтобъ Тиціанъ болъе другихъ обладалъ высокимъ чувствомъ идеализма; въ картинахъ его вы напрасно будете искать того совершенства формъ, той возвышенной эвспрессіи, которыя находите въ твореніяхъ Микель-Анджело, Рафаэля, Леонардо-да-Винчи; но стиль его вообще широкъ и преисполненъ достоинства и важности. Рейнгольдъ не даромъ удивлялся той важности и спокойствію,

которыми преисполнены все портреты, имъ писанные; этими достоинствами запечатлъны и всъ прочія его созданія, и кромъ того онъ обладалъ неподражаемымъ искусствомъ придавать имъ какую-то особенную грацію и простоту, соединенную съ щегольствомъ. Тоже самое можно сказать о его колоритъ. Колоритъ Рубенса блистательнъе, Павла-Веронеза ярче, Тинторета ръзче, Кореджіо нъжнъе; но за то онъ имъетъ необыкновенную силу, теплоту, върность, разнообразіе и какую-то особенную прелесть, которая невольно увлекаетъ васъ.

Въ искусствъ распредълять освъщеніе, основать тоны, которое часто смѣшивають съ колоритомъ, онъ имѣетъ мало себѣ равныхъ и никого кто бы превзошель его. Тиціанъ считается величайшимъ портретовъ самыхъ знаменитѣйшихъ людей своего въка, императоровъ, королей, принцевъ, папъ, военоначальниковъ, ученыхъ, поэтовъ, и это обстоятельство не мало способствовало къ утвержденію за нимъ славы; но Рафаэль, Рубенсъ, Ванъ-Дейкъ, Рембрандтъ, Веласкезъ, могли бы, каждый въ своемъ родѣ, быть противопоставлены и даже предпочтены ему. Тиціанъ писалъ также и цейзажи, и былъ однимъ изъ первыхъ и величайшихъ мастеровъ въ этомъ родѣ, который въ послъдствіи, когда живопись стала клониться къ упадку, и когда роль, разыгрываемая ею нѣкогда потеряла свою важность, сдълался спеціальнымъ въ Италіи, а особенно въ Венеціи, гдѣ родъ этотъ какъ нельзя лучше сообразовался съ общими направленіями и условіями венеціянской школы.

Трудолюбіе и плодовитость Тиціана были необыкновенны; можно назвать до 500 картинъ, принадлежащихъ его кисти. Въ Венеціи встръчаете ихъ повсюду; но не надобно очень довърять подлинности всъхъ и остерегаться апокрифовъ. Чтобъ избъжать непріятности быть обманутымъ и восторгаться понапрасну, не худо ограничиться пятью или шестью картинами, которыхъ подлинность не только не подлежитъ ни малъйшему сомнънію, но которыя принадлежали къ превосходнъйшей манерѣ Тиціана и къ лучшей эпохѣ его таланта. Картины эти слѣдующія: въ церкви св. Іоанна и Павла Мученичество св. Петра, три фигуры полныя жизни, энергіи и экспрессіи истиню удивительной, пейзажъ, окружающій ихъ, самый грандіозный - однимъ словомъ, картина эта верхъ совершенства. У насъ въ Петербургъ должна быть теперь отличная съ нея копія г. Бориспольца, который посвятиль ей почти три года неутомимыхъ трудовъ, стоившихъ ему дорого. Бъдный художникъ, окончивъ копію, отъ сильнаго напряженія зрвнія почти совершенно ослвиъ, и какъ слышно, находится теперь въ Парижѣ, въ крайнѣ недостаточномъ 106 - Смпсь.

положенів. Кстати в о г. Бориспольць; онъ человькъ очень замічательный; страсть къ живописи заставила его отказаться отъ военной службы, въ которой онъ имълъ уже чинъ подполковника; онъ бросилъ все; почти въ 35 летъ сталъ учиться, работалъ, трудился неутомимо и былъ отправленъ наконецъ въ Италію обществомъ поощренія художниковъ. Тамъ прожиль онъ нъсколько льть; работая въ галереяхъ Рима и Флоренцін, изучаль произведенія великихъ художниковъ, копироваль ихъ, и наконецъ удостоился получить отъ нашей Академіи порученіе скопировать знаменитую картину Тиціана; онъ исполниль этоть заказъ съ честію, съ любовью истиннаго художника, и заплатиль за это лучшимъ достояніемъ человъка — эръніемъ. Но обратимся къ Тиціану. Другая картина его въ Венеціи, въ подлинности которой нътъ никакого сомнънія, это: Мученичество св. Лаврентія въ церкви ісзунтовъ; прекраспое создание-но къ сожалънию сильно попорченное временемъ и еще болье ресторировкою; третья, въ церкви St. Maria di Frari, Семейство Педаро на колпнахъ предъ Пресв. Дъвой, окруженной святыми, удивительно эфектиан и чудной экспрессіи. Четвертая въ церкви св. Роха-Благовъщение, превосходнаго колорита, и наконецъ въ Академіи Художествъ два колоссальныя произведенія: Успеніе Пресвятой Богородицы и Введение во храмт; первая картина извъстна всъмъ по многимъ гравюрамъ. Въ ней геній Тиціана проявился вполнъ; она отличается превосходствомъ стиля, прекрасною группровкой, обыкновенною сплою кисти и колорита; вторая поражаетъ грацією всёхъ фигуръ, теплотою и блескомъ колорита. Кромъ этихъ картинъ была еще цълая коллекція ихъ во дворцѣ Барбариго, купленная нашимъ правительствомъ и находящаяся теперь въ Эрмитажъ; въ ней замъчательнъе другихъ изображение св. Магдалины, которое многие ценили также высоко, какъ и Магдалину Кореджіа, находящуюся въ дрезденской галерев. Тиціанъ ппеалъ также и фрески, по въ Венеціп вст они погибли, за исключеніемъ только большой фигуры св. Христофора, въ дожескомъ дворцъ.

Тиціанъ имѣлъ множество учениковъ и подражателей; въ самомъ семействъ его считаютъ семь живописцевъ, носившихъ имя Вечелли и образовавшихся въ его школъ. Извъстивйшій изъ нихъ, илемянникъ его Марко Вичелли, работами котораго богатъ дворецъ дожей. Лучшимъ его подражателемъ былъ Бонифачіо, въ особенности извъстный прекрасною своею картиной Торгаши, изгоняемые изъ храма Спасителемъ, находящеюся также во дворцъ дожей; картина эта до того подражаетъ манеръ и стилю Таціана, что ее легко-можно было бы прицисать ему самому.

Смюсь. 107

Другой ученикъ Тиціана, прогнанный, какъ говорять, изъ его мастерской, потому что выказанный имъ талантъ казался ему опаснымъ, сдълался въ последствии и соперинкомъ своего учителя, и представителемъ новой школы. Ученикъ этотъ быль Жакобо-Робусти, прозванный Тинторетомъ, по ремеслу отца его, который былъ красильщикомъ въ Венеців. Одаренный необыкновенною свободой кисти, воображеніемъ самымъ пылкимъ и чрезмърнымъ честолюбіемъ, онъ стремился болье всего къ тому, чтобъ быть новымъ и оригинальнымъ. Манера его отличалась смёлостью, или лучше сказать какимъ-то неистовствомъ (furia), до которой, кром'в его, недостигалъ никто, но которая часто ограничивалась только изумительною эфектностью, дикою и ужасною, но не всегда пріятною для глаза. Необыкновенная способность его писать скоро, которою онъ такъ тщеславился, часто увлекала его за предълы истины и вкуса; но не смотря на всв эти недостатки, Тинторетъ будетъ всегда занимать почетное мъсто въ числъ великихъ художниковъ. Въ Венеція множество его произведеній, почти до 200-изъ нихъ нельзя не упомянуть о его Рав, въ залѣ Великаго Совъта дожевскаго дворца. Это одна изъ самыхъ огромныхъ картинъ: она имъетъ 74 фута ширины, по чрезвычайно попорчена. Тинторета не должно смъшивать съ сыномъ его Доминикомъ, картины котораго съ перваго взгляда очень похожи на картины самаго Тинторета.

У Тинторета была еще дочь Марія Тинторето, прославившаяся въ портретной живописи, но умершая въ молодыхъ лътахъ. Когда она скончалась, Тинторето имълъ столько власти надъ собою, что просидълъ цълую ночь надъ тъломъ усопшей и написалъ ея портретъ. Разказываютъ о немъ еще другой анеклотъ, не столь мрачный. Узнавъ, что Аретино отзывался о немъ дурно, и желан проучить его, онъ предложилъ ему нанисать его портретъ. Аретинъ, которому предложение это показалось очень лестнымъ, согласился съ перваго слова. Когда Аретинъ усълся въ кресло, Тинторето схватилъ пистолетъ и, бросясь къ нему, прицълился ему въ голову, въ самый упоръ. Аретинъ до того перепугался, что сталъ дрожать всъми членами и съ крикомъ хотълъ дать тягу; но Тянторето, какъ будто не замъчая его страха, спокойно сказалъ ему: Прекрасно! я узналъ то, что мнъ было нужно—лицо ваше вдвое длинъве этого пистолета. Садитесь!

Въ то время, когда венеціянская школа при явномъ паправленіи къ матеріализму искусства, достигла съ номощью Джіорджоне, Тиціана и Тинторето самой высокой стецени совершенства въ отношеніи стиля и

исполненія, и когда недовольная еще тімь, она страшилась присвоить себі идеальность мысли, рисунка и экспрессіи, явился художникь, который олицетвориль ві себі одномь всі эти качества. Художникь этоть быль Паоло Каліари, извістный подъ именемь Павла Веропеза.

Сынъ Веронскаго скульптора, онъ выучился у отца первымъ правиламъ ваянія и живописи, но скоро, слёдуя природному влеченію, оставилъ ръзецъ и совершенно предался живописи. Въ Веронъ не было недостатка въ живописцахъ; тамъ уже около полувъка основалась школа, представителями которой были нъсколько художниковъ по имени Моро и Брусасари, но она скоро слилась съ школою венеціянскою. Первые опыты Павла-Веронеза не обратили на него никакого вниманія. Не имъя средствъ къ жизни и терия во всемъ недостатокъ, онъ оставилъ Верону и переселился сначала въ Виченцу, а потомъ въ Венецію. Тамъ сталъ онъ изучать произведенія Тиціана и Тинторета, и первая его работа въ Венеціи, состоявшая въ фрескахъ церкви св. Себастіана, теперь почти совершенно уничтоженная, свидътельствуетъ уже о его талантъ. Послъ путешествія въ Римъ, гдъ онъ пробыль недолго, Веронезъ возвратился въ Венецію и провель тамъ большую часть своей жизни, занятый множествомъ обширныхъ работъ, которыя заказывали ему правительства, частные люди и церкви.

Никто не превзошелъ Павла-Веронеза въ роскоши фантазіи, въ удивительной свободъ кисти, въ искусномъ расположеніи тоновъ, въ превосходствъ освъщенія и вообще въ гармоніи всъхъ частей. Всъ эти достоинства встръчаются во всъхъ картинахъ, изъ которыхъ двъ лучшія «Бракъ въ Канъ» и «Пиръ у Симона» не находятся въ Венеціи, а въ Луврской галереъ. Картины эти представляютъ цълый міръ фигуръ живыхъ, движущихся, говорящихъ; роскошь орнаментовъ, драпировокъ, костюмовъ удивительная; вездъ свътъ, вездъ жизнь, вездъ чувство, и все это безъ малъйшей натяжки, безъ усилій, и въ тоже время во всемъ необыкновенная гармонія, върность и сила кисти! Что же касается до сюжета, не спрашивайте о немъ, художникъ кажется вовсе и не заботился о сюжетъ.

Для таланта Павла-Веронеза исполненіе такихъ огромныхъ картинъ было столь легко, что онъ написалъ ихъ пять или шесть совершенно въ одномъ родъ. Во дворцъ дожа въ числъ 20 или 30 картинъ его замъчателенъ плафонъ залы Великаго Совъта, изображающій Венеру, которую вънчаетъ слава и окружаютъ свобода, величіе, счастіе съ блестящимъ кортежемъ другихъ фигуръ, мужчинъ, женщинъ, дътей, воиновъ и плън-

никовъ; плафонъ этотъ отличается мастерствомъ исполненія, искуснымъ расположеніемъ фигуръ и прекраснымъ освѣщеніемъ; кромѣ этого плафона замѣчательны картины Торжество дожа Вепіери и похищеніе Европы, особенно послѣдняя, которая по манерѣ и стилю не такъ декоративна, какъ большая часть произведеній этого мастера.

Церкви Венеціи наполнены картинами Веронеза, но не всё онё одинаковаго достоинства. Самыя замёчательныя въ церквахъ св. Франциска—Воскресеніе, принадлежащая къ лучшей эпохё художника; св. Іоанна и Павла—Рождество Богородицы, преисполненная вкуса и прекраснаго колорита; Св. Луки—Образъ Евангелиста и пресвятая Дъва въ облакахъ; Св. Екатерины—Обрученіе св. Екатерины съ Спасителемъ; св. Сильвестра Поклоненіе волжвовъ, знаменитая картина, заслуживающая вполнё славу, которою она пользуется; наконецъ въ церкви св. Себастіана, гдё покоится прахъ художника, цёлый рядъ его произведеній въ различныхъ родахъ, писанныхъ въ разныя эпохи его долгаго артистическаго поприща.

Веронезъ какъ и всв оригинальные художники, имълъ множество учениковъ и подражателей; онъ, можно сказать, составиль общую школу, и его таланту обязана венеціянская школа полнымъ развитіемъ того рода искусства, который называють въ живописи le jenre pittoresque, и который, будучи доведенъ до извъстной степени совершенства, имъетъ также свою поэзію и свое величіе. Въ то время, какъ Павелъ-Веронезъ держался еще въ этой сферъ, довольно возвышенной, другіе художники следовали тому же направленію, но въ степени несравненно низшей, и создали школу, которая на столько, какъ это было возможно въ XVI въка и подъ небомъ Испаніи, напоминала характеръ школы голландской и фламандской, въ томъ отношении, что брала для своихъ сюжетовъ сцены и черты изъ жизни домашней, безъ другой цёли, какъ только для вернаго подражанія природе. Художники эти были Бассаны, прозванные такъ по городу, въ которомъ родились и ученики ихъ. Представитель этой школы Жакобо да Понте, началь съ того, что писаль въ благородномъ вкусъ, подражая Тиціану и Тинторету, но перешель скоро къ картинамъ малаго размъра, изображавшимъ сцены домашней земледъльческія занятія, пейзажи, звърей, разныя хозяйственныя орудія и другіе подобные предметы. Четыре его сына Франческо, Леонардо, Жан-Батисто и Жароламо, внукъ его Жакобо Апполоніо и множество другихъ урожденцевъ Бассано, следовали этимъ путемъ, но не исключительно, потому что многіе изъ вихъ, и именно

Леонардо, писали также историческія картины. Всв эти художники были искусные и замъчательные колористы, и они-то создали въ Италіи ту спеціальность живописи, которую позже стали называть peinture de jenre и которой появление доказывало упадокъ самой идеи искусства. При этомъ нельзя однакоже не замътить, что живопись, извъстная подъ названіемъ peinture de jenre не развилась вполнъ ни въ Венеціи, ни въ другихъ мъстахъ Италіи. Жизнь домашняя и въ особенности жизнь деревенская, не были доведены тамъ до такой тривіальности, какъ вездъ. Люди и предметы сохранили тамъ, подъ этимъ свътлымъ небомъ, рядомъ съ памятниками искусства, родъ какого-то достоинства и древней простоты, которыя облагороживають и поэтизирують самыя мальйшія подробности жалкой существенности. Самая природа принимаеть, кажется, по ту сторону Альповъ видъ особеннаго величія, торжественности, и отнимаетъ у деревень и лъсовъ ту простоту, которою они пользуются вездъ. Оттого-то всв художники этого греко-римскаго поколенія, руководимые преданіями и врожденнымъ инстинктомъ, никогда не отказывались вполнъ отъ идеала красоты, благородства, величія и граціи, завъщанныхъ имъ искусствомъ древнихъ. Достаточно поставить Бассано рядомъ съ Остадомъ или Теніеромъ, Рюисдаля съ Тиціаномъ, Доминикиномъ или Пуссеномъ, чтобъ понять, что живопись, называелая de jenre, антипатична генію итальянцевъ, и что она не могла основаться въ Италіи, съ тъми условіями, съ какими основалась во Фландріи, Голландіи, Англіи и Францін. По тімъ же самымъ причинамъ литература итальянская не имъла и въроятно не будетъ имъть романовъ.

Послъ великихъ мастеровъ своихъ, послъ Беллини, Джіорджоне, Ти-Тинторета, Веронеза и нъкоторыхъ изъ ихъ талантливыхъ товарищей Бардоне, Парденоне, Пальмы старшаго, школа венеціянская съ конца XVI въка начала оказывать признаки истощенія и усталости. Нельзя сказать, чтобъ въ ней недоставало но они производили большею частью тотько одно повтореніе, а тв, которые стремились къ новизнъ, оказались маніеристами. Но кто заботится теперь о всёхъ этихъ безчисленныхъ картинахъ шести или покольній живописцевь, которые жили и писали ціи со времени блистательнійшей эпохи ся школы? Однако же пікоторыя изъ этимъ именъ оставили послъ себя добрую намять, ихъ всего пять или шесть: Антоніо Пальма, Падуано, Орбетто, Жань-Бабтисть Піацета, Жань Бабтисть Типоло в Каналетто.

Антоніо Пальма быль внукомъ старика Пальмы. Учителями его

были въ Римъ созданія Микель-Анжела, Рафаэля и Полидора Караваджи, въ Венеціи Тинторета. Онъ стремился къ слитію вкусовъ школы римской и венеціянской. Покровительствуемый Виторіемъ, бывшимъ въ то время главнымъ производителемъ публичныхъ построекъ, онъ имълъ много работы, и отъ того принялъ манеру слишкомъ скорую, которая придаетъ его картинамъ видъ эскизовъ; впрочемъ, онъ былъ хорошимъ колористомъ; какъ образчикъ его кисти можно видъть въ одной изъ залъ дворца дожа большую картину Страшный Судъ.

Александръ Турки, прозванный Орбетто, принадлежитъ къ школъ веронской. Онъ много изучалъ творенія Карачей и соединивъ стиль ихъ со стилемъ венеціянской школы, имѣлъ успѣхъ. Въ Венеціи, сколько мнѣ извъстно, нътъ его картинъ; большая часть его произведеній въ Римѣ, Веронѣ и другихъ европейскихъ галереяхъ.

Жана Бабтиста Піацета въ первой половинъ XVIII въка отличался предъ всъми маніаристами той эпохи, странною любовію къ черному цвъту и къ тъмъ констрастамъ свъта и тъни, которые были употребляемы съ такимъ талантомъ Гверчиномъ, Каравачемъ и испанцами, и которые въ послъдствіи сдълались цълью искателей оригинальности. Въ церквахъ Венеціи есть 40 или 42 картинъ этого художника.

Болъе громкою репутаціей пользовался Ж. В. Типоло, онъ цисалъ въ родъ Павла-Веронеза, съ удивительною легкостью и силою воображенія. Огромныя картины его многочисленны въ Венеціи, но онъ не отличаются ни возвышеннымъ стилемъ, ни колоритомъ.

Наконецъ последній изъ артистовъ венеціянскихъ, пользовавшись заслуженною славой, быль Anmonio Каналети. Онъ въ особенности посвятиль талантъ свой на изображеніе видовъ Венеція, въ которыхъ столько верности и можно сказать поэзіи. Картинъ Каналетти множество везде, кроме самой Венеціи, а въ галереяхъ и частныхъ домахъ ихъ боле, чемъ онъ когда либо писалъ. У него было много подражателей и въ томъ числе Беллоти, его племянникъ, котораго картины часто принимаютъ за картины Каналлети.

Каналлети умеръ въ 1768 году. Послѣ него до нашего времени не было и нѣтъ въ Венеціп ни одного значительнаго живописца; и кто бы могъ повѣрить, что изъ всѣхъ странъ, Италія какъ будто обречена на посредственность самую инчтожную въ отношеніи искусства живописи... Вотъ ужъ почти цѣлое столѣтіе, какъ отчизна Рафаэля, Кореджіо и Тиціана не произвела ни одного славнаго живописца.

112 Сміьсь.

Теперь я представиль вамъ, кажется, полный обзоръ трехъ искусствъ: зодчества, ваянія и живописи венеціянскихъ; все, что я писалъ по этому предмету, не ново, я знаю это самъ; но свъдънія, сообщенныя мною о зодчихъ, ваятеляхъ и о живописцахъ Венеціи, разбросаны во множествъ сочиненій, не всегда всъмъ доступныхъ; главная же цъль моя состояла въ томъ, чтобъ передать мой взглядъ и мои впечатлънія.

До сихъ поръ существуетъ мизніе, будто дворянство французское самое древнее и самое знаменитое въ Европъ. Сами французы, народъ вообще хвастливый, всегда и вездъ стараются утвердить за собою это преимущество. Читайте записки Сенъ-Симона, Креки, Мотеваля, Данжо и множество другихъ, и вы увидите, какъ высоко ставятъ они себя, и съ какимъ презрѣніемъ отзываются о другихъ. французское дворянство, со включеніемъ и четырехъ древнівшихъ фамилій: Лотарингской, Рогань, Латурт-д'Овернь и Латримуль, существующихъ понынъ и ведущихъ свое начало: Лотарингская съ конца VIII, а прочія съ IX въка, никакъ не старше дворянства другихъ странъ, разумъется, кромъ Англіи, гдъ нътъ стариннаго дворянства, кром'в семи или восьми норманскихъ фамилій, которыя ведуть свое начало со времени Вильгельма Завоевателя, т. е. съ 1066 года; фамилін эти: Арундель, Баготь, Байронь, Гастинісь, Перси, Спенсерт, Тальботь и Ваать. За названными выше четырьмя древитишими французскими фамиліями, следують 15 или 16 сделавшихся известными со временъ крестовыхъ походовъ, т. е. съ X, XI и XII въковъ. Вст остальныя, принадлежащія къ высшему дворянству, не могуть доказать своего благороднаго происхожденія ранте XIV стольтія. По правиламъ, которымъ следовали при французскомъ дворе до революціи 1789 года, каждый доказавшій благородство своего происхожденія съ 1399 года, считался дворяниномъ «d'ancienne roche» и имълъ право быть представленнымъ королю. Вездъ и даже въ самой Франціи вкоренившееся мнъніе, будто фамилія Монморанси саман благороднъйшая и древнъйшая изъ всёхъ христіанскихъ фамилій, совершенно несправедливо и происходитъ главнъйше оттого, что Монморанси величаютъ себя первыми баронами христіанства (premiers barons de la Chrétiennité). Домъ этотъ принадлежитъ ко второму разряду дворянскихъ фамилій и сдълался извъстнымъ съ перваго крестоваго похода, хотя во французскихъ хроникахъ имя это встръчается нъсколько ранъе; онъ знаменитъ только тъмъ, что далъ Франціи пять констаблей; самое же титло перваго барона христіанства принадлежитъ ему не по какому либо праву, а приdistributed business open by carried by the name

Смъсь. 113

своено самовольно. Монморанси, первый христіанскій баронъ Иль-де-Франса, какъ были первые бароны Бретани, Морбигана, Пуату и другихъ французскихъ провинцій, но никакъ не болье. Фамиліи Креки, Мальи, Клермонъ, Тонеръ, Баво-Краонъ, Левисъ-Миренуа носящей титло великихъ наслыдственныхъ маршаловъ Въры (Grands Marechaux hereditaires de la Foi) и многія другія, ничьть не хуже Монморанси.

Самое древнее дворянство-венеціянское; съ нимъ могутъ поспорить развъ только три фамиліи римскія: Орсини, Колонна и Конти, если принять происхождение ихъ отъ римскихъ патриціевъ, жившихъ будто бы въ Римъ еще до паденія имперіи, на что впрочемъ нътъ несомнънныхъ доказательствъ. Въ числъ благородныхъ венеціянскихъ фамилій считается 12 самыхъ древнихъ, называющихся Электоральными, это: Контарини, имъвшая восемь дожей, Морозини, 4 дожа, Бадуэро 7 дожей, Типоло 2 дожа, Микели 3 дожа, Сануто или Кандіано 5 дожей, Градению 4 дожа, Мемо 4 дожа, Фальери 3 дожа, Дандоло 4 дожа, Полани 1 дожа и Бароци, не имъвшая дожа. Въ 427 и 452 годахъ всё эти фамиліи бежали большею частью изъ Падуи и Тревизы, отъ нашествія варваровъ, на песчаныя отмели и острова Адріатики, близъ итальянскаго берега, изъ коихъ напбольшій быль островъ Ріальто, и основали венеціянскую республику, а въ 697 году избрали перваго дожа. Въ числъ консуловъ, которыхъ посылала Падуа на Ріальто, исторія сохранила имена Антоніо Кальво, Алберта Фальеро, Томасо Кандіано, Албино Моро, Гуго Фоско, Цезаря Дандо; эти консулы сделались родоначальниками фамилій: Кальва, Фальери, Кандіани, Моро, Фоскари и Дандоло, которыя всв. кром' Фоскари, существовали еще при паденіи республики въ конці прошедшаго стольтія.

На одной линіи съ этими двънадцатью фамиліями, хотя и неучаствовавшими въ избраніи перваго дожа, стоять: Бембо, давшая одного дожа, Браодино, Корнаро 4 дожа (самая богатъйшая въ Венеціи), Дельфино 1 дожъ, Жюстиніани 1 дожъ, Кверини 2 дожа, Сагредо 1 дожъ, Соранцо 1 дожъ, Зено 1 дожъ, Зіани 1 дожъ. Всъ эти фамиліи были внесены въ золотую книгу, при самомъ ея учрежденіи, въ томъ порядкъ, какъ я обозначиль ихъ здъсь. Изъ нихъ Жюстиніани вели свой родъ отъ императора Іустиніана, Кверини отъ Гальбы, Корнаро отъ Корнеліевъ, что однакожъ подвержено сомнънію; несомнънно только то, что всъ эти роды современны основанію Венеціи, и что имена ихъ въ продолженіе четырнадцати-въковаго ея существованія постоянно являлись въ ея исторіи. Въ Венеціи имена никогда ни измънялись; никогда патриціи или нобили не принимали прозванія помъстій, ни титуловъ и не

1/28

114 Смпсь:

имъли на это права по законамъ республики, которая не позволяла имъ пріобрътать на твердой землъ никакихъ владъній или замковъ, но требовала, чтобъ они жили въ метрополіи. Все это было причиной, что генеалогія благородныхъ фамилій могла быть ведена съ величайшею точностью и не была перепутана разными наименованіями помъстій и замковъ, какъ большая часть европейскихъ генеалогій, въ которыхъ часто нътъ никакой возможности добиться толку.

И такъ эти 24 фамилія составляли первый разрядъ венеціянскаго дворянства; ко второму принадлежали фамилія, доказавшія, что имъли голось въ Великомъ Совътъ (Consiglio-Grande) въ эпоху, когда право засъданія въ немъ считалось уже наслъдственнымъ, т. е. около 1275 года. Въ послъднее время республики этихъ фамилій только было 60; родъ остальныхъ пресъкся. Главнъйшими изъ нихъ были: Барбариго, Чельси, Донато, Фоскари, Фоскарини, Гримали, Грити, Лоредано, Малипьери, Марчелло, Лючениго, Моро, Пезарро, Пизани, Да-Ионте, Пріули, Руцини, Тревозани, Троно, Вальери и Ваньери, каждая изъ нихъ дала республикъ одного и болъе дожей.

Къ 3-му разряду принадлежали тридцать фамилій, возведенныхъ въ достоинство патриціевъ около 1380 года, за заслуги, оказанныя въ Кіозской войнъ противъ генуэзцевъ, и слъдовательно были цълымъ стольтіемъ моложе принадлежавшихъ ко второму разряду.

Наконецъ къ 4-му разряду были отнесены благородные кандіоты, нъкоторые изъ подданныхъ твердой земли и граждане Венеціи, купившіе званіе патрицієвъ въ то время, когда достоинство это, по стъсненнымъ финансовымъ обстоятельствамъ республики, сдълалось на время продажнымъ. Изъ всъхъ этихъ фамилій только одна удостоилась чести дать Венеціи дожа, и этотъ дожъ былъ *Луидэки Манини*, которому судьба предназначила видъть паденіе республики и заключить собою длинный рядъ 122-хъ дожей, изъ которыхъ онъ былъ послёднимъ.

Въ Венеціи было постановлено закономъ даже, какую одежду должны были носить нобили; одежда эта была шерстяная и непремѣнно чернаго цвѣта, и только тѣ, которые занимали извѣстныя публичныя должности, какъ напримѣръ: прокураторы св. Марка, совѣтники дожа, члены объихъ карантій гражданской и уголовной, авогадоры и сенаторы имѣли право носить поверхъ чернаго камзола красную тогу съ широкими рукавами. Право имѣть на лѣвомъ плечѣ золотой орарь, принадлежало наслѣдственно всѣмъ электоральнымъ фамиліямъ; временно или пожизненно носили такіе же орари всѣ нобили, занимавшіе посланническіе посты, и Дарю ошибается, говоря, что право носить орарь, наслѣдственно принадлежало только тремъ фамиліямъ Контарини, Морозини и

Смъсь 115

Кверини. Первыя двъ принадлежали къ электоральнымъ фамиліямъ и пользовались этимъ правомъ наслъдственно, а послъдняя нътъ, и въ эту ошибку Дарю былъ введенъ тъмъ, что въ родъ Кверини четыре поколънія: дъдъ, отецъ, сынъ и внукъ, будучи посланниками, пользовались этимъ преимуществомъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что французы напрасно превозносятся тъмъ, будто дворянство ихъ древнъе другихъ; венеціянское далеко превосходить ихъ, генуэзское не уступить имъ ни въ чемъ; тамъ есть много фамилій равныхъ по древности французскимъ, а три Гримальди, Спинола и Дорія гораздо древите. Въ Германіи также есть очень древніе роды, напримъръ Д'Алберги, считающіе себя старше Габсбурговъ, Эберштейны могущественны еще въ началъ VIII въка и слились съ баденскимъ царственнымъ домомъ; Фюрстенберги, бывшіе ландграфами баварскими уже въ 1283 году; Левенштейно-Вертгеймо, происходящіе отъ палатиновъ баварскихъ изъ дому Вителсбаховъ, и многіе другіе. Въ Испаніи три дома Мединовъ, — Медина-Сидоніа, Медина-Чели и Медина-д'Алба ведуть свое начало съ VIII въка, Фамилін Мендоза, Оротеца, Монкадо, Кордоне, Флорида Бланка, Инфантадо, Фріась также очень древни. Въ Португаліи Шинто, Кападось, Менесь извъстны съ Х въка. Въ Піемонть есть одна чрезвычайно древняя фамилія Фалье, о которой упоминается уже въ половинъ V въка; потомокъ этой фамиліи Фалье д'Алба былъ въ 1168 году епископомъ Наварскимъ, и отъ этого дома происходять маркизы Кастильоны, графы Покепаньи и Роделли. Въ Церковной области домъ Каэтани, отъ котораго происходять фамиліи Буонкомпанья и Піомбино, уже въ 730 году получили отъ папы Григорія II титло и достоинство графа Каэтскаго, а въ 990 году отъ императора Оттона инвеституру герцогства Понте-Корво. Наконецъ всъ наши русскія княжескія фамиліи, происходящія отъ Рюрика и ніжоторыя дворянскія, неим'єющія княжеских титуловь, но ведущія свой родъ отъ Рюрика: Татищевы, Еропкины, Рэксевскіе, Толбузины, Аяпуновы, Всеволожские, могутъ равняться древностью своихъ родовъ съ лучшими и благородивишими европейскими фамиліями. Роганы только въ 1008 году стали именоваться графами, а всё наши русскія княжескія фамиліи и дворянскія, названныя выше, ведуть свое начало съ 862 года, и следовательно во Франціи одинь только Лотарингскій домо старше ихъ какими нибудь 80-ю годами. Затъмъ всъ потомки князей литовскихъ, родоначальникомъ которыхъ былъ Гедеминъ: князья Хованскіе, Голицыны, Куракины, Трубецкіе, Чарторижскіе и Вишневецкіе и все австрійское дворянство, происходящее отъ Тевтонскихъ рыцарей,

хотя и моложе первыхъ четырехъ французскихъ фамилій и всёхъ русскихъ княжескихъ, можетъ однако же итти въ уровень со всёми французскими фамиліями, принадлежащими ко 2-му разряду, къ которому принадлежитъ и фамилія Монморанси.

Мив могутъ замътить, что дворянство или аристократія венеціянская и наши княжескія фамиліи не потомки феодальныхъ владътелей, и что только одинъ феодализмъ заключаетъ въ себъ истинное начало и основные элементы благороднаго сословія. На это я буду отвъчать, что феодально-наследственная система утвердилась во Франціи только съ 877 года, въ следствіе капитулярій Карла Лысаго; въ Германіи и Италіи съ 1027 года, во времена Конрада II, въ Англіи съ 1066 года по завоеваніи этой страны норманами, въ Испаніи, собственно въ Христіаніи въ последней половине VIII века. До этихъ эпохъ земли или мены отдавались во владение только временно, по смерть вассала, получавшаго ихъ; но до введенія собственно феодальной системы, по которой земли отдавали наследственно съ условіями изв'єстныхъ отношеній и подчиненности властителю всей страны, королю или императору, существовали аллодіальныя собственности, и нотомки этихъ аллодіальныхъ владътелей всегда и вездъ почитались благороднъйшими по преимуществу. Къ этой-то последней категоріи принадлежать наши удъльныя княжескія фамиліи; конечно, предки ихъ не владъли какими нибудь ничтожными замками, но были обладателями целыхъ областей, въ которыхъ творили судъ и расправу, издавали законы, вели войны; слъдовательно потомки этихъ князей, конечно, не уступають въ знаменитости рода и благородствъ ни Роганамъ, и проч. и проч. Что же касается до дворянства венеціянскаго, то хотя предки его не были ни аллодіальными, ни ленными владътелями, потому что въ Италіи феодальная система утвердилась только въ началѣ XI въка, а они еще въ началъ V основали независимую республику, то конечно потомки этихъ людей, учредившихъ огромный аллодъ, и которые сами происходили отъ консуловъ падуанскихъ и первъйшихъ фамилій Падуи, Тревири и Фріуны, должны стоять гораздо выше стартишихъ дворянъ французснихъ, изъ которыхъ многіе, и въ томъ числѣ маркиза де Креки, помъщанная на древности и благородствъ своего рода - уступаютъ имъ это преимущество.

Я не могъ воздержаться, чтобъ не высказать всей правды; часто кипъла у меня кровь отъ негодованія, когда мит случалось слышать, какъ многія французики, а въ особенности домы изъ Сентъ-Жериенскаго предмъстья съ презръніемъ отзывались обо всемъ, что не принадлежало къ французской аристократіи, и называли наше русское дворян-

ство Noblese d'hier, тогда какъ, не говоря уже о нашихъ князъяхъ, многіе дворянскіе роды: Блудовы, Воронцовы, Вильяминовы-Зерновы, Сабуровы, Пушкины, Салтыковы, Шереметевы, Бутурлины, составляли уже въ XIV и XV въкъ нашу аристократію. Помню, какъ былъ озадаченъ, впрочемъ юдинъ весьма образованный и любезный молодой человъкъ, Дюкъ де М.....а, когда я доказалъ ему, какъ говорится по пальцамъ, что родъ его уступаетъ въ древности всъмъ нашимъ русскимъ князьямъ, которымъ еще не такъ давно, въ послъдніе годы царствованія Людовика XV-го, отказывали при дворъ французскомъ въ титлъ Prince. Но оставимъ французовъ и обратимся къ Венеціп.

Изъ всъхъ правительствъ не было ни одного, которое отличалось бы такою педовърчивостью, подозрительностью и таинственностью, какъ венеціанское.

Для избранія Дожа существовали правила чрезвычайно сложныя, клонившіяся къ тому, чтобъ сдълать невозможнымъ всякое лицепріятіє; послѣ избранія, которое происходило въ Великомъ Совѣтѣ, Дожа носили вокругъ площади Св. Марка, на которой толпился народъ; но возвращеніи во дворецъ, его взводили на лѣстницу великановъ, гдѣ новый дожъ получалъ корону и облекался въ парчевую мантію, подбитую горностаемъ.

Подозрительность правительства ограничивала даже порывы великодушія дожа: онъ не могъ подавать милостыни, и деньги, которыя бросалъ онъ нареду въ день своего избранія, никогда не превышали 500 червенныхъ. Между тъмъ всевозможная пышность окружала его; онъ жилъ въ одномъ изъ великолъпитишихъ дворцовъ, которые есть въ міръ; корона его, имъвшая форму фригійской шапки и называемая Corno Ducale, блистала драгоцънными каменьями; въ торжественныя процессіи передъ нимъ несли серебряныя трубы, знамя св. Марка съ крылатымъ львомъ, зажженную восковую свъчу, кресло или тронъ изъ золотой парчи, подушки также золотыя, унизанныя жемчугомъ, золотыя шпоры и наконецъ великольный зонтикъ; двое изъ знативишихъ патриціевъ поддерживали концы его мантін; его окружали телохранители, подъ предводительствомъ начальника сбировъ; позади его одинъ изъ патриціевъ несъ его шпагу въ богатыхъ ножнахъ; потомъ шли совътники дожа; предстдатели гражданскій и уголовный. Совтть Десяти, авогадоры и прокураторы св. Марка. Сенатъ заключалъ шествіе. Въ собраніяхъ Великаго Совъта, гдъ онъ помъщался на возвышеніи, при его входъ и выходъ всъ вставали, и секретари представляли ему протоколы засъданія не пначе какъ становясь на колена.

Инквизиція не духовная, но политическая, состоявшая всего изъ

118 Смъсь.

трехъ лицъ, извъстныхъ только одному дожу и избиравшихся обыкновенно изъ среды Совъта Десяти, владычествовала въ Венеціи во всъхъ принадлежащихъ ей владъніяхъ, совершенно самовластно. Два инивизитора избирались изъ членовъ Совъта Десяти, а одинъ изъ совътниковъ дожа; первые два назывались черными, а третій краснымъ инквизиторами. Таинственный трибуналь этоть быль страшень для встхъ; онъ зналъ все, что делалось и говорилось; отъ бдительности его не ускользала ни малъйшая бездълица. Всъ, отъ дожа до послъдняго плебея, были подчинены его власти; онъ имълъ во всъхъ слояхъ общества соихъ агентовъ и шпіоновъ, и отъ бронзовыхъ львиныхъ пастей, служившихъ для принятія безъименныхъ доносовъ, до дворцовъ нобилей и посланниковъ, все передавало ему о томъ, что делалось, говорилось и даже думалось въ Венеціи. Все безусловно покорялось этимъ страшнымъ, никому неведомымъ тріумвирамъ, все служило имъ верно, можно даже сказать фанатически; приказанія ихъ состояли всегда въ короткихъ запискахъ, никъмъ не подписанныхъ, и были закономъ для всъхъ. Случалось, что инквизиторы приказывали какому нибудь посланнику республики переписываться съ ними, и съ той минуты посланникъ велъ двойную переписку, одну съ дожемъ, которому не доносили всего, другую съ инквизиторами, отъ которыхъ не таили ничего, и они сами уже ръшали, что должно и чего не слъдуетъ сообщать правительству.

Въ распоряжении инквизиторовъ состояли темницы, устроенныя въ самомъ дворцъ дожа, также небольшія кельи подъ свинцовою крышею дворца, называемыя Piombi, мучительныя въ жаркіе дии, и колодцы Роzzi, сырые и мрачные, расположенные въ подвалахъ, по направленію канала, идущаго отъ Ponte di Paglia, между дворцомъ дожа и тюремнымъ зданіемъ, черезъ который переброшенъ знаменитый мостъ вздоховъ (Ponte di sospiri). Не мудрено, что напуганное воображение представляло себъ эти тюрьмы, какъ будто всегда полныя несчастными страдальцами, орудіями пытки и костями погибшихъ въ нихъ жертвъ страшнаго трибунала; въ самомъ же двль онв ръдко, или лучше сказать никогда не были полны; во-первыхъ, потому, что, не смотря на все могущество трибунала, онъ почти никогда неупотребляль во зло своей власти, и во-вторыхъ, что правосудіе его было скоро — большая часть узниковъ была удавливаема или потопляема въ каналъ Орфано; послъдняго рода казнь производилась обыкновенно только при свътъ факела, и гондола инквизиціи вывзжала изъ-подъ моста di Paglia, съ палачами и узниками, имъя на передней своей части фонарь съ краснымъ пламенемъ, никогда не встръчалась съ другими гондолами, которыя при ея приближеніи спѣшили разсыпаться въ разныя стороны. Если случалось, что кто нибудь изъ сановииковъ республики, занимавшихъ какую либо публичную должность, попадался въ руки инквизиторовъ, они ограничивались только извъщениемъ Великаго Совъта, что такое-то мъсто сдълалось вакантнымъ, и никто не смълъ упоминать о пропавшемъ.

Нъсколько разъ въ 1468, 1582 и 1628 году пытались отнять у этого страшнаго трибунала право жизни и смерти, но напрасно; отдъльно каждый патрицій ненавидълъ это учрежденіе, но всъ вмъстъ, т. е. Великій Совътъ всегда поддерживалъ его. Инквизиторовъ нельзя было назвать стражами свободы, которой на самомъ дълъ не существовало; но надобно сознаться, что они были хранителями общественнаго порядка и мира; въ продолженіе трехъ съ половиною въковъ ихъ существованія и даже сто лътъ ранъе, когда былъ учрежденъ Совътъ Десяти, во всемъ государствъ, въ колоніяхъ и въ самой метрополіи, не смотря на разныя бъдствія—голодъ, чуму, несчастныя войны—никогда не нарушали спокойствія и не было никакихъ народныхъ волненій.

Разказывають, что въ концъ XVI въка одинъ упрямый истецъ проигравъ тяжбу въ судъ гражданской карантів, принесъ жалобу инквизиторамъ на несправедливое будто бы ръшение его дъла. Инквизиторы запретили его противнику воспользоваться приговоромъ суда, ръшившимъ тяжбу въ его пользу; но онъ осмелился ослушаться, въ следствіе чего и быль арестовань. Сидя въ одной изъ свинцовыхъ келій, онъ какимъто образомъ успълъ найти случай обратиться къ покровительству суда, разбиравшаго его дъло и признавшаго его справедливымъ. Всъ карантія собрались, потребовали формальнымъ актомъ освобожденія узника, и призвавъ авогадоровъ, поручили имъ представить дёло это Великому Совъту. Но авогадоры не имъли охоты ссориться съ инквизиціей, и всячески отговаривались исполнить требованіе карантій; между тімь двое изъ инквизиторовъ, вмъсто того чтобъ освободить узника, ръшили утопить его, и это было бъ исполнено, если бъ третій присталь къ ихъ мивнію; но онъ посовъстился лишить жизни невиннаго для того только, чтобъ поддержать честь трибунала. Несчастный былъ спасенъ и черезъ нъсколько времени его освободили; даже приговоръ карантіи былъ приведенъ въ исполнение; но злоупотребление власти трибунала инквизиции не было наказано, никто не осмълился представить объ этомъ Великому Совъту, и судъ карантіи не получиль никакого удовлетворенія.

Вотъ анекдотъ, характеризующій какъ нельзя лучше этотъ страшный трибуналъ: у принца Краона, французскаго вельможи, бывшаго въ Венеціи въ послъдніе годы XVII стольтія, украли значительную сумму денегъ, и онъ съ досады началъ бранить венеціянскую полицію. Нѣсколько дней спусти онъ выѣхалъ изъ Венеціи. На половинѣ пути къ Фузинѣ, гондола его вдругъ останавливается.

- Что это значитъ? спрашиваетъ принцъ гондолеровъ: зачёмъ бро- сили вы свои весла?..
- Мы не смѣемъ плыть дальше, отвѣчаютъ гондольеры, дрожа всѣмъ тѣломъ...
 - Почему?
- Видите ли тамъ, сзади насъ, сеніоръ, гондолу съ краснымъ пламенемъ: это гондола инквизиціи; она дълаетъ намъ знаки чтобъ мы остановились... Да защититъ насъ ев. Маркъ!..

Тутъ бъдный принцъ вспомнилъ какъ неосторожно отзывался онъ о полиціи, и уму его представились вдругъ всъ страшные разказы, которые онъ слышалъ о Венеціи. Видя себя посреди лагунъ, между небомъ и землею, безъ помощи, безъ средствъ къ побъгу, онъ счигалъ уже себя погибшимъ...

Гондола съ краснымъ фонаремъ сцъпилась съ его гондолой, и одинъ изъ бывшихъ на ней сбировъ очень въжливо пригласилъ принца перейти на роковую гондолу; видя что всякое сопротивление безполезно, принцъ долженъ былъ повиноваться.

- Синіоръ! сказалъ ему начальникъ сбировъ, не вы ли принцъ Краонъ?
 - Я самъ.
 - Не васъ ли обокрали въ прошедшую пятницу?
 - Меня.
 - На какую сумму?
 - На 500 червонцевъ.
 - Въ чемъ хранились эти деньги, въ шкатулкъ или кошелькъ?
 - Въ зеленомъ шелковомъ кошелькъ.
 - Не подозръваете ли вы кого-нибудь въ этой покражъ?
 - Моего наемнаго слугу, Іеронимо...
 - Узнаете ли вы его?
 - Безъ сомитиня.

Тогда сбиръ движеніемъ ноги сдернулъ дрянной коверъ, покрывавшій что-то въ глубинъ гондолы, и глазамъ изумленнаго принца представился трупъ человъка, державшаго въ рукъ зеленый кошелекъ.

— Вотъ ваши деньги и съ кошелькомъ, сказалъ сбиръ, возьмите ихъ и пофзжайте съ Богомъ; но помните, что тотъ, кто могъ сомнъваться въ бдительности правительства страны, которая приняла его какъ гостя, недолженъ никогда возвращаться туда; совътую вамъ не забывать этого.

Не смотря однакоже на существованіе такого уродливаго и ужаснаго трибунала, правительство венеціянское полозрительное, мрачное и чрезвычайно важное въ своихъ наружныхъ формахъ, заботилось однакоже о доставленіи Венеціи разныхъ развлеченій и удовольствій. Отсюда множество праздниковъ, которыми такъ славилась Венеція. Оно знало, что народъ живой, пылкій, воспріимчивый, имълъ нужду въ развлеченіяхъ.

Кром'в праздниковъ и процессій, весьма частыхъ и разнообразныхъ, было множество торжествъ политическихъ, чрезвычайно пышныхъ и великол'в пыхъ, съ которыми были соединены разныя историческія воспоминанія о поб'вдахъ и славныхъ подвигахъ Венеціи.
Въ числ'в ихъ первое м'всто занимало такъ называемое обрученіе дожа съ Адріатикой, совершавшееся всегда въ день Вознесенія Господня,
а какъ эта церемонія совпадала съ одною изъ значительнъйшихъ ярмарокъ Венеціи, то привлекала множество иностранцевъ, число которыхъ
обыкновенно простиралось до 50,000 челов'вкъ. Подробности торжества
обрученія дожа съ моремъ были такъ часто описываемы, что в'вроятно
изв'єстны вс'ємъ.

Кромъ этого праздника, какъ я сказалъ уже, было множество другихъ. Въ эти дни на трехъ мачтахъ, стоящихъ и понынъ предъ базиликою св. Марка, развъвались знамена Кипра, Кандіи и Мореи; народъликовалъ до поздней ночи при звукахъ музыки; толпы его покрывали площадь св. Марка, Піацету, Славянскую набережную, и гордые нобили, съ черною полумаской на лицъ, вмъстъ съ тысячьми иностранцевъ принимали участіе въ общемъ веселіи.

Обычай носить маску во всёхъ публичныхъ собраніяхъ и вообще на улицахъ, былъ всеобщимъ въ Венеціи. Маска уравнивала всё состоянія; часто какой нибудь сенаторъ, въ огромномъ парикъ, садился къ столу, окруженному замаскированными лицами, и начиналъ метать банкъ также спокойно и съ такою же важностью, какъ будто предсёдательствовалъ въ судъ. Страсть къ азартнымъ играмъ нигдъ не проявлялась съ такою силой, какъ въ Венеціи, потому что само правительство покровительствовало имъ, какъ лучшей приманкъ, привлекавшей множество иностранцевъ, которые оставляли всегда въ Венеціи большую часть своихъ денегъ. Сначала банкъ метали вездъ: на улицахъ, на площадяхъ, въ кофейняхъ; въ послъдствіи, видя гибельные плоды игры, правительство запретило это, и дозволяло игру только на Піацетъ, между двумя гранитными колоннами; мъсто это почиталось позорнымъ, потому что тамъ ввщали воровъ и мошенниковъ; но это не остановило игроковъ, и кажъ

дый вечеръ цёлыя тысячи тёснились вокругъ зеленыхъ столовъ, поставленныхъ тамъ.

На балахъ и праздникахъ дожа, гдъ танцовали нобили въ парадныхъ костюмахъ, нунцій папскій являлся обыкновенно въ маскъ; нобили, сходившіеся на совъщанія въ Великій Совъть, всегда посили съ собою маску; маска скрывала и радость и горе; подъ нею нельзя было узнать ни друга, ни врага; однимъ словомъ, маска слилась съ жизнью венеціянской: она служила лучшимъ ручательствомъ безопасности; оскорбить маску почиталось преступленіемъ, которое наказывали вычайно строго; подъ маскою всв были равны и неприкосновенны; полиція, не уважавшая ничего, уважала маску. Множество общественныхъ удовольствій, театровъ, азартная игра, все это ділало Венецію, имівшую тогда слишкомъ двісти тысячь жителей, самымъ веселымъ, самымъ заманчивымъ городомъ Европы. Не смотря на это, многолюдная Венеція всегда была городомъ тихимъ и молчаливымъ; множество экипажей, которые производять такой шумъ въ другихъ столицахъ, были ей неизвъстны по ея исключительной и можно сказать единственной въ мірт мъстности; въ ней небыло ни мальйшей зелени... тысячи однообразныхъ гондолъ, нокрытыхъ чернымъ сукномъ, скользили безъ шума по каналамъ; во всей этой толит нельзя было узнать никого; привычки, удовольствія, страсти, пороки, любовь, ненависть-все было таинственно, и это безпрестанное стараніе скрывать свои поступки, свою жизнь, доказывало, что страхъ былъ главнымъ двигателемъ и душою всего.

Теперь Венеція не имѣетъ ни дожа, ни инквизиторовъ, ни масокъ; виѣсто знаменъ Кипра, Кандіи и Мореи, на трехъ мачтахъ площади св. Марка развѣваются австрійскіе флаги. Великольпные дворцы нобилей стоятъ мрачные на берегу мутныхъ каналовъ, и съ каждымъ годомъ все болье и болье разрушаются; изъ двухъ сотъ тысячъ жителей осталась теперь едвали половина; только однъ лагуны по прежнему плещутся о мраморныя ступени набережныхъ, и въ этомъ заунывномъ плескѣ какъ будто шепчутъ обо всемъ, что свершилось въ Венеціи.

строимень, которые оптиследа всемия вы Инмента выпластия виростроимень, которые оптиследа всемия из удопакть, на паминалия вы денеть ((памиля бликь потиследа велей, их удопакть, на паминалия вы коройнака; на росайдеты, сила набличено плост прен, правительство запречен это, и деста от развиден на Пласть, почец двуже гранятилия подолжина, ихета от потружнось, портудиля, котору что гама чисталя породь и консемнеский но это не сетановкаю игроковь, и каш-

COBPEMENHOE.

STREET, The grate of the street of the latter of the street of the

Companies a lighter a commentary of the content of

питература: Проперцій в писатели времень Августа (статья вторая и послюдияя). — Вильменъ и его сочиненія (статья Густава Планша). Открытія въ наукахъ и промышлености: Фотографическіе портреты луны. — Походная поваренная машина. — Подводное судоходство. — искусства, музыка, мелкіе разсказы и новости, анекдоты, путешествія: Турецвая дисциплина. — Французъ и Англичанинъ. — Вопросы и отвъты изъ одного разговора о любви. — Разсказъ путешественника по альпійскимъ горамъ. — Азардныя игры въ Азіи. — Какъ иногда составляются литературныя репутаціи. — Путевыя впечатлънія оригинала. — Провинціяль и парижанки. — Маленькія тайны великихъ писателей. — Хитрость соперника. — Ласточка съ золотымъ ожерельемъ (разсказъ). Прогулка на островъ Эгину (изъ записокъ путешественника).

І. ЛИТЕРАТУРА.

Вступивъ завоевателемъ въ пустой дворецъ Птоломеевъ, направивъ потомъ свою побъдную колесницу къ ступенямъ капитолія, счастливый Октавій принялъ намъреніе, для укръпленія и прочности своей власти, преобразовать римское общество, разстроенное гражданскими войнами. Это былъ не легкій трудъ. Съ одной стороны надо было удовлетворить буйное и хищное войско, сознававшее свою силу и соглашавшееся переносить долгія лишенія неиначе какъ съ надеждой на полное вознагражденіе за это. Съ другой стороны, война и изгнанія ослабили воинственный духъ въ дътяхъ Ромула. Сенатъ, классъ богатыхъ людей и плебеи всѣ вмъстѣ взятые, не могли уравновъсить легіоновъ, а властитель почти всего міра все таки хотѣлъ утвердить свою имперію на основаніи бодъе широкомъ нежели остріе меча. Предвидъль ли онъ преторіанцевъ, и хотѣлъ ли заранѣе ограничить ихъ власть?

Не будемъ однакоже приписывать слишкомъ много значенія названію выка Августа. 2 . Смъсь.

Онъ не заключаетъ въ себъ періода умственнаго блеска и національнаго благоденствія, походящихъ на время Перикла и Льва Х; ремскіе автописцы, если бъ могли разсказать секретную исторію той эпохи, представили бы намъ совершенно другое зрелище. После испытаній своихъ молодыхъ лётъ, слишкомъ живо сохранившихся въ памяти Виргилія и Горація, они въ зръломъ возрасть смотръли на спокойную жизнь какъ на самое большое вемное благо. Одинъ изъ нихъ, находясь подъ роднымъ кровомъ, въ Андахъ, видъль ужасъ, распространенный посль взятія Мутины Децимомъ Брутомъ, скорую победу войскъ, сената, и въ минуту побъды смерть двухъ консуловъ Горація и Пансы. Онъ, можетъ быть, также былъ свидетелемъ движенія войскъ, которыя подъ предводительствомъ Антонія, Лепида и Октавія проходили пизальпинскую Галлію, неся за собою опустошеніе, прежде чемъ бросились на Римъ, чтобъ предать его грабежу и разоренію. Виргилій быль ограблень тріумвирами; самая жизнь его находилась въ опасности отъ неистовства создатъ. Принужденный наконецъ искать спасенія въ столицъ, онъ нашелъ тамъ не только вознаграждение своихъ убытковъ, но пріобрѣлъ благосклонность и извѣстность. Горацію пришлось испытать почти тоже самое. Посав кратковременнаго торжества партіи Брута въ Греціи, онъ видъль какъ эта же партія была уничтожена въ долинахъ Филиппи. Съ поля битвы онъ убъжалъ въ Италію, разочарованный навсегда. Его родовое им'вніе въ Венуз'в было отдано, при раздачь уцьльвшихъ имуществъ, одному свирьпому центуріону; онъ быль радь, что остатками своего богатства могь купить, можеть быть, и на занятыя деньги, маленькое мъсто въ римскомъ казначействъ. Горацій долженъ быль въ свою очередь найти благосклонность и славу въ техъ же местахъ, где пріобредь ее Виргилій. Что можеть быть естественные благодарности ихъ обоихъ при возстановлении всебщаго мира? Старой и высокомърной аристократіи осталось столько, что ее могъ сосчитать ребенокъ, какъ деревья въ священномъ лѣсу Рима. Нѣкоторые изъ ея членовъ удалились за Евфратъ, къ Пароянамъ, другіе на флотъ Секста Помпея, гдв они сделались товарищамя и главами пиратовъ; другіе скрывались въ обедивенихъ городахъ Греціи и Средней Азіи, питаясь горькимъ хафбомъ изгнанія, и перемінивъ на чужеземныя прозванія свои имена. Домъ Помпея, бывшаго любимцемъ римлянъ, достался сыновьямъ одного военачальника свиты Цезаря, того самаго, который командоваль правымъ флангомъ войскъ въ утро фарсальской битвы. Воины, покровительствуемые Октавіемъ, поселялись въ виллахъ Цицерона, Варрона, Катулла, а роскошное жилище Лукума, на берегахъ Байн, сделалось собственностью истребителя сената.

— Я предпочитаю, сказалъ Цеперонъ при началѣ послѣдней битвы между кандидатами на имперію, «я предпочитаю самый шаткій миръ войнѣ самой справедливой.» Для Проперція и его современниковъ существовало одно только настоящее, полное ужаса и печальныхъ воспоминаній о прошедшемъ. Народная религія не представляла ничего утѣшительнаго, потому что сами жрецы провозглашали ее ложью. Брутъ умеръ съ горькой жалобой на безплодныя обѣщанія философіи.

Что касается до умовъ самыхъ основательныхъ, привыкщихъ поступать по совъсти, они не имъди во время Августа той степени стоическаго спокойствія и равнодушія къ жизни, которое было такъ необходимо въ слъдующихъ покодъніяхъ при жестокостяхъ Тиберія, Нерона и Домиціана.

Между Октавіємъ и Меценатомъ было сходство и также замѣтное различіе. Октавій происходилъ не отъ благороднаго семейства, и патриціанской кровью обязанъ только своей матери. Напротивъ, никакой историческій фактъ не такъ въренъ, какъ королевское происхожденіе Мецената.

Въ войнь противъ Секста Иомпея, Августь терпьлъ хододъ и голодъ, переносилъ усталость и опасности съ ръдкою твердостью. Въ
послъдствіи онъ побъдилъ на Марсовомъ поль враговъ, болье опасныхъ нежели пираты Секста Помпея—взбунтовавшіеся легіоны. Меценатъ съ своей стороны не имъль ни достоинствъ воина, ни даже
силы духа. Сила его заключалась въ бдительности, въ умѣньи выжидать время, внаніи выгодъ и страстей окружавшихъ его лицъ, въ
скрытности и настойчивости Это былъ въ нѣкоторомъ родъ Фуше
въка Августа, только не запятнавшій себя преступленіями, и который также не продаль бы своего властителя, потому что искренно
любилъ его.

Ловкій и уступчивый Этрускъ и непреклонный тріумвирь оба отличались образованнымъ умомъ; Меценатъ писалъ довольно порядочные стихи, которымъ не забывали аплодировать въ римскихъ общест вахъ; Августъ испытывалъ свои силы въ драматическихъ сочиненіяхъ, которыя онъ им'єль привычку прятать. Онъ съ уваженіемъ обращался съ Виргиліемъ, фамильярно съ Гораціемъ; не разъ наклоняль онъ свою голову надъ плечемъ Тита-Ливія, когда тотъ сочиняль свои Декады, въ Палатинской библіотекъ. Августь даже хвалилъ краснорвчие и говорилъ, что уважаетъ добродътели Цицерона. Покровительствовать писателямъ совътоваль ему Меценать, онъ выказаль большое знаніе людей въ выборь членовь литературнаго пмператорскаго кружка, съ глубокою целью сделать изълитератуы благородное и уважительное призваніе. Поэтому онъ осыпаль милостями писателей, произведенія которыхъ, съ восторгомъ читаемыя современниками, объщали перейти въ потомство. Меценать быль менъе доступенъ для средняго класса стихотворцевъ и прозаиковъ. Самъ Горацій долженъ быль выдержать испытаніе въ продолженіе девяти мъсяцевъ, но умный законодатель Парнаса былъ слишкомъ разсудителенъ, чтобъ несогласиться ждать; онъ самъ назначаль для окончательной обработки поэтическаго произведенія девять місяцевь. Онъ зналь, что ничего нетеряетъ отъ этого. Кто былъ принятъ Меценатомъ, тотъ не могъ уже не попасть въ милость Августа; чтобъ достигнуть такого высокаго покровительства, не требовалось никакихъ угожденій со стороны писателей. Горацій не оскорбиль своихъ блестящихъ покровителей отказавшись занять мъсто въ управленіи, и часто голосъ Мецената, призывая его въ римъ, не могъ оторвать его отъ сладкой лѣни 4 Смись.

Тибура или Байи. Виргилій и Проперцій восп'євали доброд'єтели героевъ древняго Рима; императоръ съ самымъ веселымъ расположеніемъ духа шутилъ надъ Титомъ Ливіемъ и его пристрастіемъ къ Помпею. Если поэты Августа и Мецената добровольно хвалили своихъ могущественныхъ покровителей, они никогда все таки не доходили до лести Марціала и даже Квинтиліана—Домиціану. Ужины Августа славились отсутствіемъ всякаго этикета. Было позволено всёмъ гостямъ мѣняться остротами.

Жестокость и милосердіе были для него только необходимостью его положенія, а не составляли его характера и не происходили отъ расположенія духа. Вообще безстрастный и неумолимый, твердый какъ мраморъ, онъ измѣнилъ себѣ, обнаруживъ сильное волненіе несродное ему, только въ двухъ критическихъ случаяхъ его жизни; въ первомъ, когда онъ узналь о безпорядкъ въ его семействъ, и во второмъ, когда погибель Вара и его легіоновъ открыла путь варварамъ въ Имперію. Когда онъ извлекъ все, что только было можно изъ тріумвирата, онъ сложиль съ себя достоинство тріумвира; онъ отказался отъ безсміннаго диктаторства, чтобъ не напоминать о Сулль. Отказываясь отъ консульскаго званія, онъ хотіль этимь показать, что уважаеть законы; онъ отклонилъ отъ себя званіе ценсора, потому что съ нимъ соединядась обязанность принимать слишкомъ прямое участіе въ делахъ частныхъ поступковъ римлянъ. Вмѣсто этого онъ принялъ званіе, принадлежавшее въ прежнее время самымъ достойнымъ гражданамъ и которымъ гордились славнъйшіе представители домовъ Фабія, Эмилія, Валерія, Горація, предводившіе римскими орлами отъ береговъ западнаго океана до Евфрата. Онъ хотъль быть первымъ гражданиномъ республики, играть главную роль въ сенать и на форумь, отличаться не длиннымъ рядомъ дикторовъ, не широкою пурпуровою каймою на тогѣ, не громкими титулами и первенствомъ на праздникахъ.

Меценать поняль эту цель также хорошо, какъ и другіе. Потомокъ дома. Цильніевъ пренебрегь званіемъ сенатора. Різдкимъ исключеніемъ можно назвать человітка, не желающаго считаться знатнымъ, когда это возможно и даже легко. Мъста, оставшіяся въ сенать не занятыми по случаю изгнаній, зам'єщены были разнаго рода итальянцами, не отличавшимися происхожденіемъ и вовсе неизвъстными. Рожденный римскимъ патриціемъ, Меценатъ не хотвіть быть ни чемъ другимъ. Онъ предпочелъ громкимъ титуламъ, более чемъ когда нибуль безплоднымъ, существенную власть министра Августа, завъдующаго спеціально полицією Рима, и званіє покровителя литературы и искусства. Его широкая длинная тога, его сандаліи, носилки безъ сопровожденія вліентовъ, обращали на себя болье вниманія, когда онъ проважаль чрезъ форумъ или гулялъ въ саду на горъ Эсквилинской, нежели вся свита преторовъ и консуловъ, выказывавшихъ на Апіанской дорогѣ все свое имущество, нежели пышные ужины Назидіана, ослепительныя туники, блестящіе праздники Эгнація и Мурены.

Трудно представить себь общество странные того, о которомы мы говоримы. Половина по-крайней-мыры древнихы фамилій уже не суще-

Смьсь.

ствовала. Больше трети итальянцевъ погибло въ мождоусобныхъ войнахъ. Сулла наполнилъ первыя мъста сената тремя стами членовъ очень подозрительнаго происхожденія. Двѣ тысячи вольноотпущенниковъ дополнили недостатокъ народа. Въкомъ прежде, послъдній изъ Спипіоновъ называлъ толпу, собиравшуюся на форумѣ «Colluvies gentium, » грязнымъ сбродомъ людей, которыхъ онъ большею частію привелъ самъ въ Римъ пленными и въ цепяхъ. Къ этой низкой черни, последній диктаторъ примешаль элементы еще более низкіе. Въ его планы входило нам'вреніе еще бол'ве унивить чистоту римской крови, давая права гражданства галламъ, испанцамъ и даже африканцамъ. Послъ убійства Цезаря, Антоній продаваль это право съ публичнаго торга; онъ даль сирійцамъ и грекамъ привилегію подавать голосъ на форум'в и даже право зас'вдать въ сенатъ. Јегіоны тріумвировъ состояли изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ. Римъ былъ постояннымъ притономъ чужестранцевъ. На чердакахъ и въ погребахъ жили авантюристы; которые въ детстве играли на берегахъ Тага или Евфрата, ѣздили по Нилу или прогуливались по Балеарскимъ островамъ. Во времена Домиціана, Ювеналъ говорилъ, что не можетъ равнодушно смотръть на столицу, наводненную греками. Горацій также имълъ основаніе жаловаться на разнородное народонаселеніе Рима временъ Августа.

Эти разнородные элементы были увеличены еще болье политическими несогласіями и враждою партій.

Виргилію было восемь лѣть, когда заговоръ Катилины заставиль Италію бояться появленія другаго Суллы, когда Этруріи и Самнитской землѣ угрожало бѣдствіе втрое ужаснѣе того, которое онѣ испытали. Горацію было семь лѣтъ; онъ быль еще подъ надзоромъ Орбита, когда Цицеронъ удалился въ Беневентъ и Бринды, изгнанный изъ Рима, и оставленный въ критическую минуту непостоянными представителями своей партіи. Тибуллу былъ восьмой годъ, когда Цезарь перешелъ Рубиконъ, и когда двѣ трети Италіи, не понимая этого человѣка, ожидали, что онъ поступитъ какъ Марій, вооруживъ галловъ и позволивъ имъ грабить дворцы и сенаторскія виллы и распространивъ ужасъ отъ сосновыхъ лѣсовъ Равенны до апулійскихъ пастбищъ. Проперпію было одиннадцать лѣтъ, когда въ Умбрію пришло ужасное извѣстіе о томъ, что «могущественный Юлій» былъ убитъ въ сенатѣ, и что два раба носили на доскѣ по форуму его окровавленное тѣло.

Вотъ въ чемъ заключались воспоминанія молодости этихъ поэтовъ; но молодость изъ всёхъ періодовъ жизни способна чувствовать живъе состраданіе и страхъ, следственно она сохраняетъ самыя глубокія и продолжительныя воспоминанія.

Впрочемъ въ ихъ произведеніяхъ мы находимъ мало слѣдовъ страха и унынія, испытанныхъ ими въ молодости. Они, правда, иногда оплакивають бѣдствія своего отечества; они съ грустью смотрять на развалины городовъ и опустошенныя поля; но въ этой грусти нѣтъ негодованія. Никогда голосъ ихъ не возвышался противъ гонителей.

Латинскіе писатели, начиная съ Эннія, не скрывали того, что заим-

Смюсь.

ствовали у грековъ; они даже гордились тъмъ, что выбирали ихъ своими образцами. Виргилій самъ переволилъ также часто Аполлонія Родосскаго какъ и Гомера, Арата какъ Гезіода. Что касается до Проперція, онъ былъ прозванъ покольніемъ, которому Овидій писалъ свои стихи; римскимъ Каллимахомъ.

Причина вліянія александрійской школы и писателей Августовой эры довольно понятна. Эта школа пом'єщена была на форум'є, она занималась гораздо бол'єе діатезисомъ или предписанными формами, нежели эврезисомъ, или оригинальными изобрѣтеніями.

Не ограничиваясь искусствами и литературой, вліяніе Грецій простиралось до самыхъ обыкновенныхъ примъненій наукъ и даже до самыхъ вседневныхъ потребностей жизни. Ни одна нація не употребляла въ дъло кирпичей и извести болье нежели римляне. Однако, изъ огромнаго числа архитекторовъ, упоминаемыхъ Витрувіемъ, въ тотъ въкъ, когда столица вмъсто извести наполнялась мраморомъ, только двое родились въ Римъ. Изъ грамматиковъ, приводимыхъ Светоніемъ, двъ трети иностранцевъ. Чтобы заставить върить часамъ солнечнымъ или водянымъ, надо было, чтобъ они были сдъланы греческимъ или египетскимъ часовымт мастеромъ. Если была какая нибудь необходимость въ машинъ для театра, ее заказывали александрійскому машинисту. Римскому доктору, начинающему заниматься практикою, не пришлось бы делать много промаховъ; за недостаткомъ паціентовъ; соотечественники его были убъждены, что одинъ только грекъ могъ отличить колотье въ боку отъ сухотки, цикорію отъ эллебора. Что всв великіе комедіянты, танцоры, мимики, Пилады, Батиллы, Мнестеры были греки, это должно быть менъе удивительно, потому-что римляне смотръли на танцы, какъ на занятіе человъка помъщаннаго или пьянаго; большая часть педаговъ были грени; безъ нихъ нельзя было обойтись, потому-что мода требовала говорить и вести кореспонденцію на греческомъ языкъ.

Александрійская дитературная школа имѣла въ Проперціи самаго вѣрнаго последователя; онъ нетолько подражаль Каллимаху Киренскому и Филегосу Косскому, но объявляль себя ихъ последователемъ. «Я первый изъ элегическихъ римскихъ поэтовъ, в говоритъ онъ, намекая на Тибулла и на Галла, «ввелъ въ римскія празднества греческіе танцы.» выборъ образцевъ уже достаточно показываетъ степень таланта. Проперція. Произведенія Каллимаха отличаются преувеличеніемъ, темными намеками, миоологическими бреднями; стихъ его тяжелъ также какъ у Клавдіана. Что касается до произведеній Филетаса, онв погибли; но извъстно, что авторъ былъ одинъ изъ наставниковъ Птоломея Филадельфа. писавшаго иногда и прозу, и стихи также какъ Людовикъ XVIII. Филетасъ кромъ того былъ замъчательный грамматикъ и энциклопедисть; онъ также писалъ исторію какъ и поэзію; ему предоставлены были сокровища александрійской библіотеки. Стихи его были скорѣе произведеніемъ памяти нежели воображенія. Такого рода писателей было очень мало при дворѣ Итоломея. Однажды надо было сдѣлать разборъ какихъто поэтическихъ произведеній; Аристарху, главному критику того времени, было поручено оценить труды кандидатовъ. Прослушавъ ихъ

Смњев. 7

всъхъ, онъ къ удивлению и громкому ропоту собранія, похвалиль поэта не вызвавшаго ни одного аплодиссмента. Когда у него спросили о причинъ такого по-видимому неосновательнаго суда, Аристархъ отвъчалъ, что всв другіе поэты склеили свои стихи изъ чужихъ, и назваль этихъ несчастныхъ, а поэтъ, одобренный имъ, написалъ слабо, но по-крайнеймъръ свое. У римлянъ имперіи страсть къ подобнаго рода поэтической мозаикъ была непостижима. Кто зналъ немного по-гречески, считался ученымъ. Ни что не можетъ быть вреднъе для оригинальныхъ произведеній какъ подобная мода. Самые сильные недостатки Проперція происходили отъ нее. Мы уже замътили, что онъ составлялъ себъ прежде планъ по всемъ правиламъ науки, когда воспевалъ своихъ красавицъ. Точно также старался онъ пустить въ дело свою ученость, когда говорилъ о серіозныхъ предметахъ. Какъ Овидій, но еще въ болье сильной степени, онъ не можетъ разсказывать народныхъ легендъ Италіи, не присоединивъ къ нимъ множества иноземныхъ миоовъ. Разсказавъ о бъдствіяхъ Рима, онъ непремънно напомнить о страданіяхъ Андромахи и о несчастіяхъ дома Лайя. Эта страсть дізаеть слогь его иногда несноснымъ и утомительнымъ; никто изъ современниковъ не расточалъ до такой степени свою ученость не кстати. Проперцій, какъ поэтъ, старался можеть быть избъгнуть общихъ мъсть. Онь думаеть какъ Персій, что поэтическій языкъ долженъ быть далекъ отъ обыкновеннаго разговора. Молодой и пламенный, онъ писалъ обыкновенно стихи, подстрекаемый ревностью и досадою. Его нельзя понять вполнѣ, не резобравъ внимательные его оригинального слога.

Хотя Проперцій и слідиль за модой того времени, но въ душів все-таки быль настоящій римлянинь. Онь мітко и глубоко проникаеть въ душу, и впечатлівніе, производимое имъ на читателя, спасаеть его элегіи отъ утомляющей монотонности, въ которой можно упрекнуть элегію Тибулла и скучный рядь однообразныхъ картинъ, заставляющихъ часто вакрывать книгу съ посланіями и элегіями Овидія.

Въ этомъ эротическомъ поэтъ, несмотря на его своевольныя увлеченія, можно найти все-таки строгій и твердый характеръ древивішихъ народовъ Италіи, върный преданіямъ предковъ. Для Тибулла вся жизнь заключается въ любви; въ его воображеніи и сердцѣ нѣтъ мѣста другимъ чувствамъ. Если онъ проситъ о мирѣ, это изъ боязни, чтобъ смуты войны не нарушили спокойствія Деліи; если онъ оплакиваеть потерю своего иманія, то потому, что не можеть гулять съ Деліей подъ таньюродныхъ деревьевъ; если что нибудь могло бы примирить его съ мыслію о смерти-это только надежда, что Делія своими руками зажжеть погребальный костерь и сама произнесеть молитву надъ его тыломъ. Покамъстъ Делія върна ему, онъ не находить другаго блаженства въ жизни. Въ этомъ отношеніи Проперцій гораздо выше. Хотя съ меньшею силою истинной страсти, Проперцій все-таки разнообразнъе Тибулла. Последній никогда невоспеваеть войну; онь мало думаеть о древней жизни сабиновъ; онъ никогда не представляетъ величія Рима эпическими стихами. Проперцій, напротивъ, обнаруживаетъ призваніе къ чему-то выше своихъ элегій.

Мъста Проперція, читаемыя чаще и охотиве—тв, гдт онь изображаеть первоначальныя права древних поколтній Энотріи, которыя онъ сравниваеть съ безиравственностью его времени, и тамъ, гдт онъ описываеть пасторальныя сцены его родной провинціи, его дорогой Умбріи. При этихъ картинахъ, заставляющихъ пожальть о томъ, что Проперцій не слідоваль еще болье этому направленю, его любовныя ссоры съ Цинтіей и ученыя минологическія разсужденія мало ванимательны для читателей. Первыя же его картины составлены и исполнены съ большимъ искусствомъ, съ силою воображенія, и въ этомъ отношеніи онъ непаходить себть соперника между элегическими писателями грековъ и римлянь, его предшественниками. Съ лучшими мъстами Проперція можемъ поставить въ параллель только Георгики, нткоторыя страницы Дукреція и лучшія мъста изъ Сильвія Стація. Въ заключеніе скажемъ, что недостатки Проперція, какъ человъка и поэта, скортье происходять отъ его времени нежели отъ него самаго.

(Westminster Review).

Вильмень и его сочинения (статья Густава Планша). Сочинения Вильмена можно раздёлить на три категоріи: французскую литературу, иностранную литературу, историческія сочиненія. Чтобы оцінить вполнів этого писателя, напоминающаго лучшія времена французской литературы, налобно разсмотріть каждую изъ этихъ категорій отлітьно.

Вильменъ писалъ по всёмъ главнымъ отраслямъ литературы. Одаренный богатою памятью, умѣющій искусно подмѣчать отношенія между предметами, онъ поражаетъ читателя множествомъ сближеній, и въ одно и тоже время дѣйствуетъ на вкусъ блестящимъ языкомъ, выборомъ содержанія, постоянной возвышенностью мыслей: онъ не стремится забавлять, но хочетъ научить. Ему кажется недостаточнымъ изложить свою мысль, представить ее въ опредѣленной, ясной формѣ. Чтобы хорошо опѣнить Вильмена, надо было слышать его на Сорбонской каоедрѣ. Молодое поколѣніе, учившееся въ Сорбонѣ въ послѣдніе годы реставраціи, никогда не забудетъ этихъ уроковъ, въ одно и тоже время остроумныхъ и дѣльныхъ.

Признавая его литературныя заслуги, должно замѣтить, что онъ не довольно строго разобралъ сценическія произведенія Вольтера. Когда онъ сравниваетъ Заиру и Отелло, Гамлета и Семирамиду, отдавая должную справедливость англійскому поэту, высказывая всѣ его достоинства языкомъ живымъ и изящнымъ, онъ бываетъ часто слишкомъ снисходителенъ къ французскому поэту; оставляетъ безъ вниманія слогъ «Заиры», языкъ, не называющій ни одной вещи ея настоящимъ именемъ, расточающій перифразы, образы не естественные, риемы плохія. Онъ ставитъ, конечно, языкъ «Заиры» ниже языка Гоюоліи; но этого мало. Къ тому же онъ говоритъ, что Вольтеру удались всѣ роды поэзіи, кромѣ лирической и комической, и объясняетъ хорошо, почему не удались ему два послѣдніе рода. Слѣдовало бы итти еще дальше и сказать, что Вольтеръ не имѣлъ дара поэзіи. Каковы бы ни были об-

Смівсь.

разцы его драмы, кто бы ни быль его руководитель, Софокль, или Шекспирь, король Лирт или Эдипт, мы все таки не понимаемь чёмь можно восхищаться въ драматическихъ произведеніяхъ Вольтера. Ему можно приписать только знаніе сценической обстановки, да и то ему случалось смёшивать напыщенность съ истиннымь величіемъ. Вильменъ впрочемъ говоритъ много справедливаго, сравнивая Юлія Цезаря англійскаго поэта, съ французской трагедіей того же названія. Онъ докавываетъ, что Шекспиръ, свободно почернавшій изъ Плутарха эпизоды, которые онъ послі одушевляль своимъ геніемъ, выше французскаго поэта, не хотівшаго изображать нев'жества и грубости римскаго народа. Вильменъ оціниль Софокла такъ же в'ёрно, какъ и Шекспиръ, и сказаль прекрасно, что Вольтеръ не могъ в'ёрно представить ни Грека, ни Римлянина.

Вильменъ отъ Вольтера переходитъ къ Робертсону, Юму и Гиббону. Онъ замѣчаетъ недостатки историческихъ произведеній Англіи, подражавшихъ Вольтеру, доказываетъ несправедливость Гиббона къ исторіи первыхъ вѣковъ по Р. Х., неполноту разсказовъ Юма касательно происхожденій народовъ, блѣдность колорита въ исторіи Карла V Робертсона. Все это разобрано съ образцовымъ искусствомъ.

Вильменъ не говорить почти ничего о философіи и романахъ Вольтера, или говорить только вкратцѣ. Надо было замѣтить, что этотъ энциклопедическій писатель слишкомъ часто употребляетъ насмѣшки и шутки, чтобы избавить себя отъ труда дѣлать серьезныя изысканія. Вольтеръ не философъ, хотя и писалъ о философіи, также какъ и не астрономъ, хотя и популяризировалъ открытія Ньютона.

Лекціи Вильмена о Монтескьё, изъ всего курса были самые полныя, самыя обработанныя. Онъ только коротко высказаль свое мнёніе о «Персидских» письмах», тогда какъ написаль столько страниць о Духю законовъ.

Потомъ Вильменъ разбиралъ Іосифа Местра и подвергъ его справедливой оцънкъ. Разобранный строго въ особенности по отношению къ искусственности и напыщенности языка, Іосифъ Местръ является только софистомъ, и не можетъ никогда быть названъ философомъ.

Прослѣдивъ почти всѣ пути умственнаго развитія французовъ не только въ ихъ отечествѣ, но и въ цѣлой Европѣ, Вильменъ долженъ бы былъ вывести ясное заключеніе изъ своихъ лекцій, но къ сожалѣнію заключенія его не имѣютъ той полноты, которой можно было бы ожидать отъ критика.

Вильменъ, стараясь охарактеризовать литературное направленіе новаго покольнія, будто боится утомить собственными именами, и слишкомъ далеко простираетъ свою скромность. Только о трехъ писателяхъ онъ говоритъ довольно подробно: о Шатобріанъ, г-жъ Сталь и Ламартинъ. Впрочемъ не слъдовало слишкомъ восхищаться успъхомъ поэмы Les Martyrs, но замътить, что Рене долженъ пережить искусственное и не оживленное подражаніе Гомеру и Виргилію. Надобно было бы также сказать, что «Коринна», не смотря на блестящій языкъ и ве-

10 CARDES.

ликольніе обстановки, ванимаеть мьсто ниже «Дельфины» въ литературной извъстности г-жи Сталь.

Сочиненіе Вильмена: «Картина французской литературы въ XVIII вѣкѣ» составляеть самый прочный памятникъ извѣстности писателя. Въ другомъ произведеніи: «Картина литературы въ средніе вѣки» Вильменъ обнаружилъ большія познанія. Въ этомъ сочиненіи авторъ сдѣлалъ вѣрныя сравненія между различными странами Европы. Онъ прослѣдилъ развитіе ума человѣческаго во Франціи, Италіи, Испаніи, и сдѣлалъ доступными для толпы сокровища, бывшія до тѣхъ поръ понятныя только однимъ ученымъ.

Его этюды трехъ великихъ англійскихъ поэтовъ: Шекспира, Мильтона и Байрона могуть служить руководствомь для техь, кто захочеть познакомиться съ литературою англичанъ; рисуя портреты этихъ трехъ геніевъ въ различныхъ родахъ, Вильменъ доказаль, что обладаетъ рѣдкимъ даромъ. Вполнъ уважая древность, онъ не поддается вліяню ея воспоминаній, и хорошо понимаеть человіческую вічную истипу, выразившуюся въ Макбетт и Король Лирь. Вкусъ его тонкій и чистый, не допускаеть ни одного разкаго выраженія. Проникнутый изученіемъ Софокла, Вильменъ не судить о стратфордскомъ поэтъ, ссылаясь на афинскаго, но разсматриваетъ страсти человъка въ настоящемъ ихъ видъ. Это было единственное средство оценить Шекспира какъ следуетъ. Въ этомъ прекрасномъ сочинения есть и всколько страницъ, гд в Вильмень характеризуеть историческія драмы Шекспира, называемыя просто исторіями въ изданіи, напечатанномъ семь л'ять посл'я смерти поэта его товарищами Геминджемъ и Канделемъ. Вильменъ не смотритъ на эти историческія драмы какъ на посл'єднее произведеніе искусства; но основательно разбираеть жизнь и истину, выражающіяся въ этихъ сочиненіяхъ. Не ставя ихъ на одинъ планъ съ Гамлетому и Отелло, онъ справедливо указываеть на смълость и естественность, съ которою поэтъ воскресилъ прошедшее. Потомъ обращая взоръ свой отъ Англіи на Францію, онъ вызываеть французскихъ поэтовъ итти по следамъ Шекспира, сдълать опыть надъ французской исторіей и вывести въ драмахъ ея историческія лица, какъ были выведены Ричардъ ІІ-й и Генрихъ VIII. Совъть прекрасень; отчего же не послъдовали ему? Отчего поэты Франціи вм'єсто того, чтобъ бросать на цізлую Европу свой разсъянный капризный взглядъ, не сосредоточили во Франціи всю силу своего ума, всв источники своего воображенія? Конечно для того, чтобы следовать Шексниру, какъ это делалъ Шиллеръ, сохраняя вместе съ тъмъ свою оригинальность, надо прежде посвятить себя изученію исторіи, и можеть быть, по этой причинь совыты Вильмена оставались до сихъ поръ безплодными. Авторъ Ричарда III и Генриха VIII, также какъ авторъ Валенштейна и Вильгельма Телля, приготовилъ себя внимательнымъ изученіемъ лицъ, которыхъ хотьлъ изобразить. Онъ не старался наполнять своихъ трагедій анекдотами и памфлетами, и зналъ хорошо царствованіе, которое намфревался описать, тогда какъ современные поэты Франціи извлекають изъ историческихъ событій только имена. Между прочимъ въ созданіи чисто національнаго театра есть

Смись. 11

чъмъ увлечься самому великому генію. Эсхилъ и Шекспиръ обязаны, можетъ быть, половиною своей славы изображеніемъ патріотическихъ воспоминаній.

Вильменъ однакоже не пристрастенъ къ стратфордскому поэту, не находитъ, чтобъ все въ немъ было достойно удивленія, и не боится представлять недостатки въ мъстахъ самыхъ блестящихъ.

Портретъ Мильтона, начертанный Вильменомъ, замѣчателенъ не менѣе портрета Шекспира. Обрисовавъ широкими чертами всю политическую жизнь секретара Кромвела, занимавшагося иностранною перепискою на латинскомъ языкѣ, онъ разбираетъ его произведенія, составляющія цѣлую энциклопедію; грамматика, лексикографія, планъ воспитанія. Мильтонъ писалъ обо всемъ прежде чѣмъ занялся поэзіею, какъ послѣднимъ убѣжищемъ, въ то время, когда глаза его навсегда закрылись для свѣта. Нельзя не удивляться огромному количеству произведеній, наполнившихъ несчастную жизнь Мильтона. Потомкамъ остались только слава и геній Мильтона; но надо читать у Вильмена съ какимъ испытаніемъ этотъ геній, оригинальный и богатый приготавливался къ исполненію своего труда, утвердившаго прочную извѣстность за его именемъ. Французскій писатель напоминаетъ съ понятнымъ сожалѣніемъ, что авторъ Потеряннаго рая долго былъ неизвѣстенъ, что его истинное достоинство было открыто Англіи Аддисономъ.

Вильменъ съ праведливыми похвалами отозвался о датинскихъ стихотвореніяхъ Мильтона, которыя въ самомъ дѣлѣ могутъ сравниться съ дучшими произведеніями вѣка Августа. Эта часть его произведеній почти неизвѣства. Едва иѣкоторые ученые пробѣгали эти латинскія произведенія, проникнутыя свѣжестью, постоянною молодостью, гдѣ классическія воспоминанія сливаются съ современными чувствами.

Дълая анализъ поэмы, установившей извъстность Мильтона, Вильменъ представляеть всъ ея красоты вмъстъ съ изъисканностью, которую нельзя не видъть.

Этюдъ Байрона, хотя такой же тонкій, остроумный, ученый и, какъ эгюды Шекспира и Мильтона, не такъ полонъ. Чисто литературная часть отделана съ тою же точностью и правдивостью; но авторъ не извъстно почему отдалился отъ философской части предмета. Чтобъ показать настоящую идею этой новой поэзіи, надо было измірить глубину нравственной раны того времени. Не довольно начертить характеристику «Странствованія Чайльдъ Гарольда и Дон-Жуана», обратить вниманіе на этого удивительнаго генія, начинающаго элегіей и кончающаго самой горькой сатирой; необходимо, - необходимо узнать чедовѣка, прежде чѣмъ поэта. Вильменъ разсказываетъ на нѣсколькихъ страницахъ молодость, привлюченія, путешествія и смерть Байрона; но не представляеть въ настоящемъ видь эту гордую ожесточенную натуру. Онъ не съ одинаковымъ удивленіемъ разсматриваетъ четыре песни Чайльдъ Гарольда, но хорошо понимаетъ и доказываетъ, что двъ первыя пъсни, не смотря на прелесть стиха и блескъ красокъ, нечто иное какъ блестящая декламація объ Испаніи и Востокъ, въ которой мысль не занимаеть главнаго места. Третья песня лучшая изъ

четырехъ, и Вильменъ ясно опредълилъ ея достоинства. Что касается до четвертой по формѣ, она самая лучшая и полная; но для опытнато взгляда, для тонкаго наблюдателя, она ниже третьей, потому что не имѣетъ того отпечатка искренности. Личное ощущение слишкомъ часто замѣняется классическими воспоминаніями. На берегахъ женевскаго озера, въ долинѣ Ватерлоо, Байронъ открываетъ намъ свое сердце; на венеціянскихъ лагунахъ, въ окрестности Колизея, онъ слишкомъ часто заимствуетъ изъ книгъ свои впечатлѣнія. Красота формы, гармонія строфъ не могутъ замѣнить бѣдности чувства.

Донъ-Жуана было еще труднѣе оцѣнить. Вильменъ не оставиль безъ вниманія ни одной замѣчательной черты этого произведенія. Дѣйствительность, фантазію, лирическій порывъ, описательную поэзію, горькую иронію, неожиданныя сравненія, онъ подмѣтилъ все и отлалъ полную справедливость этой эпопеѣ, оживленной какъ октавы Аріоста. Что же касается до драматическихъ произведеній Байрона, Вильменъ ставитъ ихъ не безъ причины ниже Донъ-Жуана и Чайльдъ-Гарольда. Геній поэта прежде всего лирическій; онъ слишкомъ увлекается развитіемъ своей мысли, чтобъ выводить на сцену живыя лица и заставлять ихъ говорить языкомъ дѣйствительной жизни. Сарданапалъ, Марино Фальеро, Два Фоскари, — не составляютъ однако драматическихъ произведеній въ настоящемъ смыслѣ слова. Если Манфредъ производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, то потому, что только по формѣ принадлежитъ драматической поэзіи.

Вильменъ принялъ слишкомъ серіозно уваженіе Байрона къ Попе. Писатель съ рёдкой ловкостью, умомъ свётлымъ и проницательнымъ, способный разобрать философскіе вопросы языкомъ гармоническимъ, Попе не зналъ поэтическаго вдохновенія. Когда Байронъ говорить о геніи Попе, онъ не высказываетъ своей настоящей мысли. Поэтъ, написавшій Тайльдъ-Гарольда и Донъ-Жуана, не могъ преклоняться предъ геніемъ автора Опыта о человѣкѣ. Похвалы, расточаемыя другу Болингброка, были нечто иное какъ военная хитрость, способъ сбивать съ толку своихъ литературныхъ враговъ. Байронъ могъ хвалить въ Попе отдѣлку стиха, и не разъ обращаться къ нему за совѣтомъ; но не думаемъ, чтобъ онъ искренно восторгался передъ его геніемъ.

Біографія Нарбона доставила автору случай представить намъ французскую имперію и императора въ новомъ видѣ. Вмѣсто того, чтобъ повторять разсказы о великихъ битвахъ Наполеона, Вильменъ собралъ воспоминанія своей молодости, и передалъ какъ могъ разговоры между Наполеономъ и его адъютантомъ. Конечно, нельзя поручиться за буквальную точность этихъ разговоровъ, но никто не будетъ оспаривать интереса этихъ бесѣдъ, гдѣ самые высокіе вопросы политики и военнаго искусства соединены съ изящною литературою. Еслибъ всякій, кто имѣлъ случай, такъ какъ Вильменъ, узнать полробности исторіи, излагалъ свои воспоминанія съ такимъ же стараніемъ, прошедшее

Смъсь. 13

было бы ясиће, и не имћло бы часто того театральнаго, сценическаго характера, который ему придаютъ нерћдко сами историки.

Мъсто Вильмена въ исторіи французской литературы не трудно опредълить: онъ занимаеть въ настоящее время и сохранить, безъ сомнѣнія на долго первое мѣсто, какъ критикъ. Никто лучше его не умѣетъ придать жизни анализу. Если иногда и случалось упрекать его въ несмѣлости при изложеніи его мыслей, то онъ искупаль этотъ недостатокъ огромными услугами, оказанными имъ въ дѣлѣ вкуса и мыслей. Вильменъ никогда не достигъ бы безпристрастія, еслибъ и изучаль долго древнихъ. Истинно даровитый писатель находитъ поочередно оцѣнку прошедшаго въ настоящемъ и настоящаго въ прошедшемъ. (Revue des deux mondes).

П. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕНОСТИ.

фотографическіе портреты луны. Вниманіе астрономовъ и геологовъ обращено теперь на луну. Англійское королевское общество естествоиспытателей воспользовалось новъйшими усовершенствованіями дагерротипа, произвело фотографическіе снимки съ луны въ шесть футовъ въ діаметръ. Сдъланы и другіе еще большаго размъра, въ которыхъ видны части извъстныхъ лунныхъ горъ. Въ этихъ послъднихъ изображеніяхъ видно, что вся сторона луны, обращенная къ земль, испещрена длинными, узкими и блестящими полосами, разлагающимися на пещеры, долины, горы и кратеры, которыхъ значенія нельзя еще удовлетворительно объяснить. (Novellen-Zeit).

моходная новаренная машина. Баварскій отставной капитанъ Бауэрь изобрѣль походную поваренную машину. Для испытанія ея отправились 160 человѣкъ подъ начальствомъ полковника г. Федера, въ 7 часовъ утра изъ Нюренберга въ Эрлангенъ. Два очередные человѣка несли на плечахъ эту машину, въ которой разведенъ былъ огонь и варилось кушанье. Менѣе нежели черезъ два часа оно было готово на 16 человѣкъ и состояло изъ супа, говядины, кислой капусты и свинины. При этомъ истрачено было древеснаго угля на 3 крейцера. Такимъ образомъ опытъ совершенно удался. (Novellen Zeit).

подводное судоходство.—Открытіе докторомь Пайерномь подводнаго судоходства будеть вскор'в приведено въ исполненіе. Компанія, купившая это открытіе, обязалась очистить безъ платы марсельскую гавань. Вся тайна изобр'втенія состоить въ томь, чтобь искусственнымь образомь произвесть столько атмосферическаго воздуха, дабы четырнадцать челов'вкъ могли четыре часа сряду безпрепятственно работать подъ водою. Произведень уже быль въ Марсели зам'вчательный опыть. Самъ изобр'втатель въ присутствіи н'всколькихъ сотъ зрителей спустился съ тремя матросами на дно шара въ вначительномъ разстояніи отъ берега, и далеко отъ этого пункта вышелъ опять на поверхность у одного воевнаго корабля, на который взлѣзъ на нижнюю палубу, не будучи замѣченъ съ корабля. Ни малѣйшее волненіе шара не обнаруживаетъ приближенія подобнаго судна, котораго плаваніе продожается свободно по какому угодно направленію.

Посредствомъ этого отврытія надіются теперь подробно изслідовать дно океана. (Novell. Zeit).

III. ИСКУССТВА, МУЗЫКА, МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

турецкая двециилина. Юлій Видеке, посъщавшій въ началь ныньпней войны Виддинь, Калафать и Букаресть, описываеть въ «Hamburger Nachrichten» видънныя имъ сцены, по которымь можно судить о степени военной выправки турецкихъ солдать.

*Во-первыхъ, говоритъ онъ, надобно уже здъсь отложить въ сторону вст понятія о европейской дисциплинт. Первое впечатлиніе, которое произвели надо мною турецкіе солдаты, было самое комическое. Я даже не могъ понять, какъ съ толпами такихъ войскъ ръшаются итти навстръчу превосходно-дисциплированные русскіе солдаты. Первый парадъ, который я видълъ въ Виддинъ (между нами сказать, это не что иное какъ жалкій городишко, въ которомъ нѣть ничего замьчательнаго) показался мив смешнымъ. Самая дурно-дисциплированная національная гвардія 1848 года въ какомъ нибудь німецкомъ городкі маршировала, конечно, вдвое лучше этого батальова турецкаго редифа. О томъ, чтобъ итти въ ногу, небыло и помину, а линія фронта какъ бы въ честь Магомета, составляла полумъсяцъ. Прусскіе рекруты черезъ сутки уже лучше марширують. Притомъ видъ этихъ турокъ быль самый жалкій. Красный фесъ надвинуть быль совсімь на глаза и закрывая лобъ, придавалъ людямъ самую глупую физіономію. Зам'вчательно было поразительное различіе лътъ. Подлъ 18-ти-льтнихъ юнощей маршировали пожилые люди, далеко могущіе быть ихъ отцами. Сверхъ того музыка у турокъ была просто ужасная. Три большіе барабана, четыре терцъ-флейты, двѣ трубы, изъ которыхъ на одной была трещина сверху до низу-составляли полковой оркестръ. Когда онъ заиграль, то надобно было большую неустрашимость, чтобъ неразбъжаться отъ этихъ чудовищныхъ звуковъ. А между темъ музыканты посматривали на всъхъ весело и самодовольно, какъ первая пъвица Большой оперы послъ большой аріи при вызовахъ и аплодиссементахъ. Каждый изъ этихъ музыкантовъ быль вполнь эгоисть, заботясь только самъ о себъ, а нисколько о своемъ товарищъ, и играя что ему вздумается, тогда какъ другіе играли совству другой нумеръ музыки.-Впрочемъ, паша, передъ которымъ происходилъ этотъ паралъ, съ

Смпсь. 15

большимъ удовольствіемъ кивалъ головою: значитъ, и маршировка, и музыка ему нравились. (Novellen Ztg).

французъ и англичанивъ. — Два туриста, французъ и англичанивъ съвхались недавно въ одной европейской столицв, и будучи знакомы, приглашены были однажды оба на объдъ въ одинъ значительный домъ. Тутъ за дессертомъ зашелъ разговоръ объ отличительномъ характеръ каждой націи, и французъ утверждалъ, что его соотечественники гораздо умнве и хитрве англичанъ. Въ доказательство разсказывалъ онъ много остроумныхъ и ръзкихъ своихъ замъчаній о всъхъ видънныхъ имъ странахъ, записанныхъ въ диевникю, который постоянно ведетъ.

Англичанинъ непротиворъчилъ хвастливымъ выходкамъ француза, но просилъ позволенія отложить это преніе до другаго дня. Тъмъ разговоръ и кончился.

На следующее утро явился къ французу одинъ неизвестный человекъ и просилъ позволенія сказать ему несколько словъ на едине.—
«Я, милостивый государь, должностное лице здённей столицы, сказаль ему этотъ человекъ. Вы ведете у себя дневникъ, въ которомъ записываете замечанія не очень выгодныя для нашего правительства. Я имею порученіе попросить васъ и ублодить, чтобъ вы при мнё же сожгли этотъ журналь, а иначе... я принужденъ буду приступить къ такимъ мерамъ...»

Французъ тотчась же взяль свой Дневнико и сжегь его. Посвтитель раскланялся и ушель.

Ввечеру зашель къ французу англичанинъ-туристъ, и первый спъшилъ ему разскать свое горе.

— Вотъ, видите ли, флегматически отвъчаль сынъ Альбіона, какая разница между французами и англичанами. Здъшнее правительство и недумаетъ о вашемъ дневникъ. Сегоднишній человъкъ былъ подосланъ мною, и вы тотчасъ же ему повърили. Вы сожгли свой драгоцънный журналъ. А я вотъ тоже веду такой же, и онъ цълъ. Я въ него вписалъ ужъ сегоднишній случай. Мое почтеніе! (Novellen Zeitung).

Вопросы и отвъты изъ одного разговора о любви.— Что такое дюбовь?

- Этого я немогу объяснить, но думаю, что это желаніе быть любимымъ.
 - Какимъ образомъ сохранить репутацію любящей дамы?
 - Не самая любовь вредить репутаціи, но способъ любви.
 - Должно ли часто и долго видъться, чтобъ влюбиться?
- Если кто часто и долго видится съ особою другаго пола, не влюбляясь съ самаго начала, то потомъ ужъ рѣдко возникаетъ истинная страсть; чтобъ влюбиться, не нужно знать другъ друга. Опытъ научаетъ, что послѣ продолжительнаго знакомства возникаетъ дружба, а не любовь.

- Что труднъе: перейти отъ дружбы къ любви, или отъ любви къ дружбъ?
- Кто любиль, тому дружбы мало. Но чрезвычайно ръдко случается, чтобъ послъ продолжительной дружбы произошла любовь.
- Если женщина хочеть, чтобъ мужчина ее полюбиль, должна ли она облегчать или затруднять любовное объяснение?
- Только то дорого, что съ трудомъ пріобрѣтается. И любовь получаетъ цѣну только по мѣрѣ трудности, преодолѣнной для достиженія цѣли.
 - Можно ли любить безнадежно?
- Не думаю. По крайней мѣрѣ въ дѣйствительной жизни этого никто не дѣлаетъ.
 - Должент ли человъкъ хоть однажды въ жизни любить?
- Долженъ, и любовь эта для него или драгоц в не в благо, или невыносимое горе.
 - Что болѣе доказываетъ любовь: ревность, или довѣрчивость?
- Чего не опасаешься потерять, то не имъетъ, значитъ, большой цъны для насъ. Неограниченная довърчивость въ любви близка къ равнодушно. Влюбленный, который въчно мучитъ своею ревностью, наполняетъ живнь страданіями, но едва ли кто-либо желаль изъ влюбленныхъ, чтобъ предметъ его страсти былъ всегда спокоенъ и равнодушенъ.
 - Что дѣлать, когда замѣчаешь упадокъ любви?
- Совстить отказаться отъ предмета страсти. Иттъ разницы между небольшею любовью и совершеннымъ отсутствіемъ ея.
- Требовать ли въ этомъ случав обратно любовныя записки?
- Напрасно. Никогда вспять не возвращають. Безусловная довърчивость лучше ручательства въ молчаній.
- Правда ли, что любовь слаб'ветъ и прекращается невольно и безсознательно?
- Это ложь. Это говорить одна вътренность и непостоянство. Всякій знаеть, за что любить и за что перестаеть любить.
 - Какъ дамъ узнать, что она все также любить?
- Если ей влюбленный оказываетъ прежнее уважение и часто говоритъ о своей любви.
 - Украпляеть ли, или ослабляеть отсутствіе любовь?
- Отсутствіе для любви тоже, что вѣтеръ для огня: малый погасаеть, большой раздуваеть ее. Однакожь продолжительное отсутствіе всегда вредить любви. Рѣже видѣться однако жъ лучше для любви, нежели безпрестанно быть вмѣстѣ.
 - Должно ли влюбленному говорить съ полною откровенностью?
- Легче прощають и забывають проступокъ, въ которомъ есть сознаніе, нежели такой, который скрыли.
 - Въ кого сильнъе влюбляются? въ кокетку, или скромницу?
- Посладняя объщаеть продолжительнайшее счастіе; но въ первую сильна влюбляются, потому-что безпрестанно боятся потерять ее.

(Magazin füs die Litter.)

Смись. 17

разсказъ путешественника по Альийскимъ горамъ. Эдуардъ Дезоръ, извёстный уже своими путешествіями по Альнамъ, всходилъ на Галенскій ледникъ. Онъ былъ съ компанією, и послё обозрёнія вершины этой горы, всё уже спускались въ чрезвычайномъ удовольствіи объ удачё своей экспедиціи.

— Вдругъ, говоритъ онъ, —подъ ногами нашими раздался ужасный трескъ. Передъ нами съ быстротою молніи образовалась трещина въледникъ, и въ глазахъ нашихъ видимо далье распространялась. Въ эту трещину съ грохотомъ обрушился окрестный снъгъ.

Хотя это явленіе прододжалось только нісколько мгновеній, но величіе этого зрівлища будеть мий памятно во всю жизнь.

Всё мы остолбенели отъ ужаса. Левая нога моя остановилась на самомъ краю бездны, и я не имель даже инстинктивной силы отскочить, до того пораженъ быль происшествемъ. Ни крика, ни одного слова не было произнесено. Молча оглянулся я, и мысленно счелъ всё ли мы живы?

Одного недоставало. Невольно посмотръвъ на бездну, увидълъ я палку, висъвщую надъ нею въ снъгу въ двухъ шагахъ отъ меня.

Съ участіємъ и любопытствомъ подвинулся я къ безднѣ, чтобъ посмотрѣть не увижу ли исчезнувшаго въ ней спутника. Но уже прежде меня видѣдъ это несчастіе одинъ товарищъ. Онъ былъ старикъ и нѣсколько отсталь отъ насъ. Сынъ его всѣхъ бодрѣе обошелъ насъ впередъ, и именно подъ его ногами сдѣдалась трещина, увлекшая его въ бездну.

Видя мою заботливость, отець закричаль мнв, чтобъ я быль осторожные. Двиствительно, въ мгновение поднялся изъ бездны сныжный столбъ массы сныга. Обрушась въ глубину, поднялись оны оты силы удара сныжною пылью къ верху и окружили насъ непроницаемымъ облакомъ.

Мы думали, что происходить и другая трещина вокругь нась, и что всё мы будемъ погребены въ этой безднё. Тысяча идей и воспоминаній кружились въ моей головё... Но мало по малу снёжная пыль улеглась, и мы начали различать окружающіе предметы; лучъ надежды одушевиль нась, какъ скоро мы увидёли, что опасность миновала. Я подошель опять къ безднё и легь на снёгъ, чтобъ заглянуть въ бездну. Для предосторожности опоясался я длинныхъ кушакомъ, чтобъ проводники могли вытащить меня, если бъ снёгъ, на которомъ я лежалъ, обвалился.

Не могу выразить съ какимъ смертельнымъ безпокойствомъ г. Дольфусъ (отецъ погибшаго) следилъ за всеми моими движеніями и какъ часто онъ меня спрашивалъ: не вижу ли я чего, нетъ ли какихъ следовъ его сына? Сначала я не могъ ничего разсмотреть, кроме огромной снежной массы, все еще движущейся по уступамъ бездны въ 1000 футахъ глубины. Но после несколькихъ минутъ увиделъ я сквозъ туманъ и прямо подо мною какой-то черный предметъ, лежавшій на снежной лавине. Не тело ли это было молодаго Дольфуса? Я не смель еще сказать объ этомъ. Наконецъ я убедился, я узналъ его шляпу. Но быль ли онъ еще живъ, или уже умеръ, этого не могъ я разгля-

 2

дъть, какъ ни желаль успокоить бъднаго отца; мнъ казалось, что нужно было особенное чудо, чтобъ не быть раздавленнымъ этою снъжною массою, чтобъ не убиться до смерти при такомъ паденіи. Но между тъмъ могло уже почесться чудомъ и то, что вмъсто того, чтобъ быть низвергнутымъ лавиною въ глубину бездны, онъ остался такъ близко отъ насъ, около 70 футовъ.

Нѣсколько минутъ спустя замѣтилъ я движеніе. Можно вообразить себѣ впечатлѣніе, произведенное этимъ открытіемъ и возгласъ мой: «онъ живъ!» Проводникъ его, взглянувъ внизъ, тотчасъ же соскочилъ на первый уступъ футовъ въ 30 подъ нами. Сперва погрузился онъ въ глыбы снѣга и долго карабкался, чтобъ освободиться.

Молодой Дольфусъ видимо приходиль въ чувство. Всёхъ прежде увидёль онъ меня и искаль глазами отца. Я закричаль ему, что отепь его живъ и здоровъ, что всё мы невредимы, и что онъ одинъ подвергся этому несчастію. Это ободрило его; онъ попробоваль подняться, но тутъ увидёль, что не можеть дёйствовать правою своею рукою. Сломана ли она была, или вывихнута, этого нельзя было теперь узнать.

— Все равно! закричалъ онъ. Если вы всѣ цѣлы, то я радъ.

Теперь надобно было придумать какъ встащить г. Дольфуса на верхъ. До него была сперва отвъсная стъна въ 30 футовъ, по которой соскочиль проводникъ его до перваго уступа, а потомъ крутой склонъ въ 40 футовъ до втораго уступа, на которомъ онъ лежалъ. Сперва спустили на веревкъ другаго проводника къ первому, и тогда уже оба они старались спуститься къ Дольфусу на остальную глубину въ 40 футовъ. Съ трудомъ и ловкостью успъли они въ этомъ предпріятіи, но спустясь нашли, что онъ не только не можетъ владъть рукою, но и ногою. Какъ поднять въ этомъ положеніи человъка на высоту въ 70 футовъ! Оба проводника успъли однакоже вытащить его на первый уступъ. Тутъ мы еще спустили имъ веревокъ и уже всѣ принялись поднимать ихъ оттуда. Наконецъ трудная операція кончилась, и Дольфуса понесли на плащъ домой. Тамъ призванный врачъ объявилъ, что рука и нога вывихнуты и не представляютъ большой опасности.

(Erheiterungen).

Азартныя цгры въ Азін. Неутомимый путешественникъ Герштеккеръ возвратился паконецъ изъ своихъ вояжей и издалъ 5-й томъ разсказовъ о нихъ (Котта, 1854). Въ этомъ томѣ описываетъ онъ между прочимъ сцены, которыя заставляли его думать, что онъ въ Гамбургѣ или Баденѣ.

Однажды, бывши въ Батавіи, онъ ввечеру пошелъ прогуляться по Китайскому рынку и пришелъ въ тамошній театръ, гдф дается для публики спектакль и концертъ даромъ. Это безкорыстіе показалось такъ странно нфмецкому путешественнику, что онъ распросилъ о причинъ этихъ безденежныхъ удовольствій.

Нъкто китайскій уроженецъ съ Европейскою фамиліею, Бланъ, взялъ у голландскаго правительства на откупъ театръ и концертную залу,

Camet. 19

обязавшись доставлять публикъ удовольствіе это безденежно. Самъ же себѣ выговорилъ дозволение открыть публичныя игры: рудетку, ташпиль, ланцкиехть, транть-е-каранть, и эта привиллегія давала ему возможность содержать труппу актеровъ и музыкантовъ.

 Я вошель, говорить путешественникъ, въ этотъ игорный домъ, и увидель пять или шесть столовь, за которыми любители азартныхъ игръ забавлялись. Я называю это изъ учтивости столами. Это были цыновки, разостланныя по полу, около которыхъ толпились группы китайцевъ и малайцевъ. Содержатель Бланъ платилъ правительству большую откупную сумму, и я удивился какъ онъ выручаеть ее, видя, что играють все на мелкія мідныя деньги. Однако же постоявши у стола нъсколько времени, увидълъ я, что вынимаютъ и ассигнаціи, и что разгаръ усиливается по мъръ проигрыша. Стали ставить уже на карту по десяти, по двадцати гульденовъ и доходило до ста.

Мив казалось, что въ Калифорніи видвав я уже всв возможные роды игръ, но я ошибся. Здесь ихъ еще больше. Иныхъ я даже совсемъ не понималъ, хотя и виделъ, что это азартныя игры.

Китайскія карты совершенно особеннаго устройства; он'в чрезвычайно малы, не болве полутора дюйма длины и относительной ширины; онъ красныя и черныя; притомъ же снабжены такими непонятными знаками, что я долженъ быль отказаться отъ достиженія этой тайны.

(Novellen Ztg).

Какъ иногда составляются литературныя репутація. Есть въ литературномъ мірѣ Франціи писатель, который пользуется необыкновеннымъ счастіемъ. При начал'в поприща онъ принять быль публикою и критикою благосклонно. Имя его не громко и сочиненія не образцовыя, но ему все удается, и до сихъ поръ онъ еще не встрѣчалъ препятствій. Впрочемъ онъ жиль не одной литературой, потому что иміль небольшое состояніе. Притомъ же онъ быль такъ счастливъ, что умъль понравиться молодой, прекрасной и богатой женщинь, которая отдала ему свою руку, и съ техъ поръ все могуть ему позавидовать. Въ самомъ деле, чего еще можетъ пожелать человекъ! Любимый редкою женщиною, окруженный друзьями и льстецами, покойный и богатый, онъ продолжалъ заниматься литературою какъ любитель, работая мадо но отчетливо, только для того, чтобъ пользоваться славою, и чтобъ публика не забыла его. Издатели охотно брали его рукописи въ прозъ и стихахъ, и печатали ихъ роскощно, не скупась на объявленія. Книги его продавались очень скоро и выходили вторымъ изданіемъ, настоящимъ вторымъ изданіемъ, потому что первое было все раскуцлено и не находилось въ продажъ. Этотъ ясный фактъ поневолъ заставляль молчать завистниковь, предполагавшихь, что у автора таланть очень посредственный, и что онъ только необыкновенно счастливъ. Какъ смыть представить публикъ такое нелогическое мижніе? Если вниги покупають, стало быть читають; если читають, стало быть ов в хороши. Извольте после этого критиковать счастливыхъ писателей!

20 Смпсь.

Стало быть, не только онъ самъ, но и всё окружающіе были увѣрены въ его геніяльности, и самолюбіе его достигло до такой степени, что мальйшая неудача довела бы его до отчаянія, такъ онъ привыкъ къ постояннымъ успѣхамъ. Онъ быль здоровъ и весель, потому что всё его хвалили, и книги его расходились въ шесть недѣль, что не всегда случается даже и съ первоклассными писателями.

Но давно уже извъстно, что если человъкъ совершенно счастливъ, то онъ всегда самъ придумаетъ что нибудь, чтобъ мучить себя: такова ужъ человъческая натура. Однажды нашъ счастливый авторъ, не зная чъмъ заняться, вздумалъ ревновать свою жену, женщину примърную во всъхъ отношеніяхъ, которая до безумія любила своего мужа. Подозрѣнія писателя были глупы, смѣшны, обидны, но ревность не знакома съ логикою, и мужъ-литераторъ началъ прибирать въ умѣ своемъ всѣ доказательства измѣны. Зачѣмъ жена иногда уходитъ куда-то одна; зачѣмъ принимаетъ какихъ-то таинственныхъ людей, которыхъ онъ не знаетъ, и старается въ это время чтобъ не мѣшали ея свиданіямъ; наконецъ она тратитъ такъ много денегъ на тайные расходы, тогда какъ у жены не должно быть отъ мужа ни какихъ тайнъ. Нѣтъ, тутъ должна быть постыдная интрига, думаетъ авторъ, и начинаетъ слѣдить за каждымъ шагомъ своей жены.

Однажды онъ вошелъ неожиданно въ ея комнату и видѣлъ какъ она быстро захлопнула дверь маленькаго кабинета, заперла ее и вынула ключъ. Ревнивецъ думалъ, что теперь уже подозрѣнія его оправдаются вполнѣ, потому что кого какъ не любовника можетъ жена прятать отъ мужа? Однако онъ постарался скрыть свое волненіе и съ притворною нѣжностью подошелъ къ молодой женщинѣ.

- Что съ тобою, другъ мой, спросиль онъ, мой неожиданный приходъ испугаль тебя....
- Совствить на котте одтваться, отвечала жена съ заметнымъ смущениемъ.
 - Ты такъ побледнела. .. голосъ твой дрожитъ.
 - Я хотъла замътить тебъ тоже самое. Что съ тобою?
 - То, что вы меня не обманете: я все знаю!
 - Я не понимаю тебя...
- Я понимаю зачёмъ вы заперли кабинетъ при моемъ входё. Кого вы туда спрятали? Дайте мнё сейчасъ ключь, я хочу познакомиться съ моимъ соперникомъ.

При этихъ словахъ молодая женщина совсѣмъ растерялась, что еще болѣе усилило подозрѣнія мужа. Она начала умолять его отказаться отъ обидныхъ подозрѣній, увѣряла что она невинна, что любить его одного, но авторъ повторилъ грозно:

- Ключъ!!
- Боже мой, кто-то идеть, проговорила она: пожалуста удержитесь, послѣ мы объяснимся.

Вошли двое родственниковъ молодой женщины и тотчасъ поняли, что супруги ссорятся. Мужъ разсказаль имъ въ чемъ дело и прибавилъ:

- Мив необходимы свидетели, и такъ какъ вы родня моей жены, то я очень радъ вашему приходу. Вы разсулите насъ и решите, кто правъ, кто виноватъ. Я уверяю, что въ этомъ кабинет спрятанъ любовникъ моей жены, а она не даетъ ключа. Попросите хоть вы чтобъ она отворила вамъ дверь.
 - А я увъряю, что тамъ никого нътъ, отвъчала печально жена.
 - Отчего же вы не хотите дать ключа?
 - Это правда! что за упрямство? сказали родные.
- Прошу васъ, не принуждайте меня къ этому, говорида она мужу. Вы сами будетъ раскаиваться.
- Я буду раскаиваться, закричаль взбішенный авторъ. Вы хотите еще смілться надо мною! Въ послідній разъ говорю вамъ дайте ключь, если не хотите чтобъ я взяль его силою.

Мододая женщина гордо подала ему ключъ и сказала:

 Помните, что вы сами этого хотъли, и что вы сами себя наказываете.

Мужъ быстро отворилъ дверь кабинета и закричалъ:

— Выходите, милостивый государь!

Но такъ какъ никто не сбирался выходить, то онъ самъ вошель въ комнату и остановился въ изумленіи.

Весь кабинеть съ полу до потолка быль завалень книгами различныхъ форматовъ: туть было ихъ навърное отъ десяти до двънадцати тысячь экземпляровъ, и какъ описать изумленіе счастливаго писателя, когда онь узналь, что все это его собственныя сочиненія.

Изъ любви къ мужу и чтобъ польстить его слабости, молодая женщина тихонько скупала всё книги, оставшіяся у издателей и употребляла на это почти всё деньги, назначенныя на расходы туалета! И эту рёдкую, необыкновенную, единственную жену, осмёлились не только подозрёвать, но и оскорбить при свидётеляхъ.

За то какъ жестоко былъ наказанъ ревнивецъ!

Супружеское его счастіе осталось неприкосновенно, но литературная слава его сильно пострадала. Онъ теперь увѣрился, что талантъ его не геніяльный, и къ несчастію многіе даже изъ приближенныхъ льстецовъ вдругъ перемѣнили о немъ свое мнѣніе. Свидѣтели трагической сцены (между которыми была одна свидѣтельница) не почли нужнымъ молчать, и тайна счастливой продажи сочиненій Г*** извѣстна всему Парижу. Вотъ до чего доводитъ ревность! (Le Voleur).

путевыя внечатленія оригинала. Я возвратился недавно изъ путешествія, которое всѣ друзья мои называютъ поучительнымъ, занимательнымъ, увеселительнымъ...

— Что ты видель? что делаль? Какія примечательности, новости? спрашивали меня со всёхъ сторонъ.

Я видёль какъ кошка подрадась съ вороной, видёль однажды старую сову, которая пристально смотрёла на солнце; видёль грозу, которая сломала молодое дерево.

22 Смись.

За каретой моей бъжали съ крикомъ ребятишки; собаки даяли вездъ, гдъ я ни останавливался.

Однажды дошади понесли меня по полю, засъянному горохомъ. Разсказывають, что путешественники встръчали прежде волшебницъ, колдуновъ, героевъ и героинь, фантастистическія существа, таинственныя мельницы, хижины, въ которыхъ скрывались принцессы...

Я не видалъ ничего подобнаго.

Я видель много городовь, лесовь, рекь, и куда ни поворачиваль, все встречаль такіе же города, леса и реки, такъ что вообразиль себе, что все одинь и тоть же городь, лесь, та же река.

Много я встретиль людей, часто останавливался, но нигде не нашель друга, потому что въ путешествій не усиваешь даже знакомиться. Всё торопятся неизв'єстно для чего, страдать или веселиться? Одни нищіе, стоящіе на дороге, знають, что они ищуть кусокъ хлюба.

Кажется, лошади умиће всѣхъ путешественниковъ, катающихся по дорогамъ. Онѣ гордо могутъ отвѣчать, что идутъ изъ одного мѣста въ другое, оттого что ихъ погоняютъ кнутомъ.

А насъ кто выгоняетъ изъ мѣста, гдѣ мы живемъ покойно и можетъ быть счастливо? Всѣ мы осуждены на вѣчное движеніе, на вѣчную работу. Первое непослушаніе заставило людей искать работы. Часто мы бѣгаемъ изъ одной земли въ другую, чтобъ искать успокоенія, какъ будто бы не вездѣ одно и тоже.

Вездъ живутъ люди, вездъ строятъ города, вездъ есть лъса, горы, ръки, озера.

Только въ одномъ мѣстѣ крыши домовъ плоскія, а въ другомъ высокія или круглыя, но все таки архитекторы всегда будутъ покрывать зданія крышами, и подъ ними будутъ жить такіе же люди, какъ и мы.... (Le Voleur).

провинціяль и наражанки. Недавно прівхаль въ Парижъ молодой человакъ по имени Марціалъ и отправился къ одному изъ своихъ школьныхъ товарищей Людовику ***, который занимаеть не последнее место между столичными франтами въ высшемъ кругу. Друзья невидались нъсколько лътъ, потому-что тотчасъ посль выпуска изъ учебнаго заведенія, Марціаль отправился въ провинцію въ богатому дяд'в, котораго быль единственнымъ наследникомъ. Молодой человекъ такъ привыкъ къ тихой жизни маленькаго городка, что почти забылъ о Парижѣ, но посль смерти дяди, когда онъ получиль богатое наследство, ему пришла въ голову странная мысль, и онъ поспъщилъ привести ее въ исполненіе. Воть почему прібхавь вь новый Вавилонь, онь тотчась же отправился къ своему старинному другу Людовику, который съ радостію предложиль ему свою квартиру. Не смотря на долгую разлуку, дружба молодыхъ людей не угасла, потому-что они продолжали переписываться, и Людовикъ, путешествуя обыкновенно всякое льто по разнымъ водамъ, всегда заъзжалъ по дорогь въ маленькій городокъ, гдъ

жилъ его добрый пріятель. Разность въ характерахъ еще болѣе поддерживала эту привязанность. Людовикъ не могъ жить нигдѣ кромѣ шумнаго парижскаго общества; Марціалъ рожденъ былъ для тихой провинціяльной жузни. Разумѣется, что послѣ первыхъ изліяній радости, друзья начали повѣрять свои мысли другъ другу, и Марціалъ прямо объявилъ, что онъ пріѣхалъ въ Парижъ жениться.

- Что ты! вскричалъ парижскій денди, тебѣ еще рано и думать объ этомъ.
 - Мић двадцать восемь лѣть, отвѣчалъ наивно провинціялъ.
 - Неужели?

И Людовикъ началъ длинную рѣчь, желая поколебать намѣреніе своего друга, но тотъ остановиль его на первыхъ словахъ и сказалъ съ улыбкою:

- Я знаю что ты дурнаго мижнія о женщинахъ, потому-что слишкомъ избалованъ ими. Я же не имжю причинъ презирать прекрасный полъ, и твердо ръшился жениться, стало быть, не трать напрасно своего красноржиія, а напротивъ, помоги миж своею опытностью.
- Я не буду отговаривать тебя; вижу что тебя надобно уже поздравить женихомъ. Ты пріфхаль въ Парижъ, чтобъ заказать свадебную корзинку и накупить подарковъ невъстъ?
- Совсъмъ нътъ; я пріъхалъ сюда найти невъсту, и ты долженъ номочь мнъ въ этомъ.
 - Ты хочень жениться на парижанкъ?
 - Непремвино.

При этихъ словахъ Людовикъ испугался не на шутку. Зная характеръ и привычки друга, онъ предвидълъ, что жена парижанка будетъ настоящимъ несчастіемъ для него, и потому твердо ръшился спасти друга. Отговаривать было напрасно, потому что провинціялъ былъ упрямъ, но все-таки надобно было представить ему всъ причины.

- Послушай, Марціаль, началь онь, —ты, разумьется, найдешь невьсту хорошей фамиліи, молодую и съ приданымь, но предупреждаю тебя, что парижанка никогда не согласится жить въ провинціи.
 - Въ такомъ случав я перевду въ Парижъ.
- Это будеть очень пріятно, особенно для меня, но все-таки мив кажется, что ты бы лучше сдвлаль, еслибь прівхаль въ Парижъ съ женою. У васъ въ провинціи такъ много хорошенькихъ богатыхъ невъсть, такъ ты бы и выбраль изъ нихъ любую.
- Всѣ наши провинціялки глупы, а я хочу чтобъ моя жена была умна, ловка, любезна, словомъ парижанка,

Людовикъ видѣдъ, что словами нельзя убѣдить друга и что противорѣчія только раздражаютъ его. Поэтому онъ перемѣнилъ тактику и началъ тоже превозносить красоту, свѣтскость, ловкость.

— Ты правъ, Марціалъ, прибавилъ онъ, лучше парижанокъ нётъ на свёть, и если ты хочешь найти себь жену, то я сегодня вечеромъ сведу тебя на вечеръ къ одной дамъ высшаго круга, гдъты увидишь множество дъвицъ прекрасныхъ, воспитанныхъ и богатыхъ. Будетъ изъчего выбирать.

- О! я не требую совершенства!
- Но домъ баронессы одинъ изъ дучшихъ въ Парижѣ, и потому въ него трудно попасть безъ приглашенія. Я не имѣю ни какого права привести тебя, и потому похлопочу у знакомыхъ мнѣ дамъ, чтобъ онѣ достали пригласительный билетъ. Поѣдемъ къ г-жѣ Б. Ты знаешь, что это одна изъ первыхъ значительныхъ женщинъ высшаго круга, гдѣ ты хочешь найти себѣ жену.

Друзья по-вхали въ предмъстье Сентъ-Оноре и остановились передъ красивымъ домомъ. Было еще очень рано, но Людовикъ, какъ одинъ изъ короткихъ друзей мужа г-жи Б., надъялся, что его примутъ, не смотря на неофиціальное время визитовъ.

Върно мы застанемъ супруговъ за завтракомъ, сказалъ онъ провинціялу.

Въ самомъ дълъ, молодыхъ людей пригласили въ столовую, но проходя черезъ залу, они увидъли толпу магазинщицъ и различныхъ торговцевъ съ безчисленными картонками и ящиками. За столомъ сидълъ г. Б.

— Вы хотите видъть мою жену, сказалъ онъ Людовику, но я самъ не видалъ ее сегодня. Цълое утро до двухъ часовъ она даетъ аудіенцію своимъ швеямъ и магазинщицамъ, и никто не смѣетъ помѣшать ея важнымъ занятіямъ. Въ третьемъ часу я смѣю только войти къ ней на минуту, чтобъ спросить, какъ она располагаетъ провести день, и долженъ ли я провожать ее на гулянье или на балъ. Вотъ жизнь всѣхъ нашихъ парижскихъ мужей. Всѣ мы раскаиваемся, да уже поздно.

Еслибъ Людовикъ взялся суфлировать тираду г. Б., то онъ не могъ бы выдумать ничего лучше для поученія Марціала. Но одного примъра очень мало, и цотому вышедъ изъ отеля кокетки, онъ сказалъ:

 Новдемъ къ г-жѣ Н., можетъ быть, она приметъ насъ, потому что не модница.

Но въ передней сказали молодымъ людямъ, что г-жа Н. не принимаетъ, потому-что говоритъ о дълахъ съ биржевымъ агентомъ, и два другихъ жлутъ тоже очереди.

- Что это значить? спросиль провинціяль съ удивленіемъ.
- Это значить, что г-жа Н. занимается биржевыми спекуляціями. Она скупаеть акціи, продаеть ихъ, пользуется пониженіемъ и повышеніемъ курса. Биржевая игра въ большой модѣ между дамами высшаго круга. Онѣ иногда наживають большія суммы.
- Но чаще разоряются. Какъ позволяють мужья подобныя глупостиl
 - Да развѣ можно запретить это?
- Очень можно. Для спекуляцій нужны деньги, и стоить только не давать.
- Недавать денегъ женъ! помилуй мой другъ, да это наслыханная вещь въ Парижъ!
 - Я бы желаль, чтобъ моя жена не была аферистомъ.
- Это мода, мой милый Марціаль, и развѣ молодая женщина можеть противиться всеобщему влеченію? У васъ въ провинціи придер-

Смњев. 25

живаются старыхъ идей, по здёсь ты долженъ привыкать къ нашимъ новвоведеніямъ, особенно если хочешь поселиться въ Парижё и жениться на парижанкъ. Поёдемъ теперь къ моей кузинѣ, она тоже дружна съ баронессой.

- Твоя кузина m-lle Арманда!
- To есть m-me A., она ужъ замужемъ.
- Увы! я это знаю!
- Что значить твое элегическое восклицаніе! Ужь не влюбился ли ты въ Арманду, когда она въ прошломъ году сдёлала визить твоему дядь, старинному другу ея семейства?
- Да, мой другъ! Вотъ отчего я мечтаю о женѣ парижанкѣ. Твоя кузина такъ мила, скромна, любезна, такъ прекрасна, умна и образована, что мужъ ея долженъ быть счастливъйшимъ человѣкомъ. Вотъ какую жену мнѣ надобно. Арманда настоящій ангелъ невинности, кротости...
 - Дома М-те А.,? спросилъ Людовикъ у подъёзда кузины.
 - Нътъ, она поъхала верхомъ въ Булонскій лъсъ.
- Твоя кузина вздить верхомъ, спросиль удивленный провинціяль.
- Чтожъ туть страннаго! Почти всё наши модныя дамы любять верховую ёзду. Арманда считается лучшею амазонкою, и до страсти любить скачки и пари спортсменовъ. Поёдемь въ Булонскій лёсъ, тамъ мы увидимъ весь жокейскій клубъ и всёхъ нашихъ дамъ.

Друзья направились къ скачкѣ, и въ самомъ дѣлѣ встрѣтили тамъ и г-жу Б. въ блистательномъ нарядѣ, и г-жу Н., окончившую конференцію съ биржевыми героями. Вдругъ къ нимъ подъѣхала красивая амазонка, громко называя Людовика по имени, и посмотрѣвъ на Марціала, узнала своего прошлогодняго обожателя, которому фамиліярно протявула руку какъ товарищу, и сказала:

 — А, это вы, любезный Марціаль, какъ вы хорошо сдълали, что пріъхали въ Парижъ изъ вашей трущобы. Я очень рада.

Провинціяль уже не съ удивленіемь а съ ужасомъ смотрель на молодую женщину бойкую, развязную, смелую, въ которой никакъ не могь узнать скромной, невинной молодой девушки, очаровавшей его. Она громко говорила и сменлась съ молодыми людьми, предлагая имъ нари и разсуждая о лошадяхъ.

Марціалъ не понималь ни слова изъ языка спортсменовъ, но вдругъ Арманда сказала ему:

— Я держу пари за *Тренмора*; хотите держать двадпать пять луидоровь за Виби, вы, Людовикъ, держите противъ моего мужа?

Провинціяль что-то пробормоталь, а Людовикь сказаль мужу амазонки, блідному молодому человіку, который казался берейторомь жены:

- Я не хочу больше проигрывать тебь, Гастовъ, потому что въ последній разь быль очень несчастливь, но я предлагаю обедь въ англійской кофейнь.
- Прекрасно, и я буду и приведу моихъ друзей, прибавила Арманда.

Послѣ скачки амазонка взяла съ Марціала деньги, хоть онъ не понималь за что, и потомъ сказала Людовику:

- Я только переод'внусь и прівду въ кофейню съ Албертиной, Матильдой и ихъ мужьями; васъ двое, стало быть закажите об'єдъ на восемь персонъ въ особенной комнатъ. Я безъ ума люблю об'єдать въ трактирахъ, по холостому. Незабудьте шампанскаго. До свиданія!
 - Боже мой! что это за женщина, шенталъ провинціялъ.
- Какъ ты находишь Арманду? спросилъ Людовикъ: неправда ли, она очень похорошъла и развилась. Одинъ Парижъ можеть такъ скоро изъ наивной дъвочки сдълать блистательную львицу. Смотри, не влюбись въ нее.

Объдъ былъ очень веселъ. Женщины пили шампанское, болтали безъ умолку, сплетничали, обращались съ мужчинами фамильярно, разсуждали объ актрисахъ, скандалезныхъ исторіяхъ, смъялись надъ мужьями. За десертомъ Арманда спросила сигаръ.

- Неужели она куритъ? спросилъ Марціалъ со страхомъ.
- Кто нынче не курить, отвъчаль Людовикь, -- это мода.

Вечеромъ парижанинъ повезъ своего друга на балъ къ баронессѣ, и тамъ показалъ ему какъ Арманда и ея подруги горячо играютъ въ ланц-кнехтъ. Бъдный Марціалъ былъ въ самомъ странномъ положеніи духа, потому что, по образцамъ вообразилъ, что всѣ женщины въ Парижъ кокетки, аферистки, наъздницы, курильщицы... Людовикъ нарочно представилъ ему самыхъ эксцентрическихъ дамъ, чтобъ спасти его отъ женитьбы на парижанкъ.

- Ну, чтожъ ты думаешь обо всемъ, что видълъ сегодня, спросилъ онъ Маціала?
 - Я думаю, что женюсь на провинціялкъ.
 - И я последую твоему примеру.

маленьыя тайны великихъ инсателей. Много говорили о странностяхъ и привычкахъ древнихъ писателей, но современные неуступаютъ имъ въ этомъ отношении. Альфонсъ Карръ, знающій хорошо всёхъ представителей французской литературы и искусства, сдёлаль объ нихъ следующія замечавія:

— Вст мы принимаясь за работу стараемся какими нибудь обманами отдалить это время, потому что лень сильнее всего; но такъ какъ большая часть писателей работаетъ не для удовольствія, то они и стараются какимъ нибудь образомъ возбудить свое вдохновеніе, чтобъ принудить себя приняться за дело.

Нъкоторые раздражають себъ мозгъ, набивая до нельзя носъ табакомъ.

Гаварни куритъ неостанавливаясь ни на минуту, какъ паровая машина. Поутру онъ закуриваетъ на целый день, и только вечеромъ гаситъ свою вечную сигару.

Когда Эженъ Сю жилъ въ поэтическомъ своемъ уединеніи въ улипѣ ла-Пепиньеръ, онъ закрывалъ окна своей комнаты и писалъ въ потьмахъ. Не смотря на это, въ сочиненіяхъ его много свѣтлыхъ идей. Смись. 27

Это напоминаетъ италіянскаго поэта, имѣвшаго такую же привычку и работавшаго при зеленомъ блескѣ глазъ своей кошки.

Викторъ Гюго, жившій на королевской площади, имълъ обыкновеніе сочинять прогудиваясь по каналу близъ Бастильской площади.

Теперь онъ работаетъ бродя по берегу острова Джерси и прислушиваясь къ крику чаекъ.

Жаненъ, напротивъ, никуда не удаляется, чтобъ набрасывать свои фельетоны. Онъ составляетъ ихъ въ собществъ, посреди шума, и самъ въ это время разговариваетъ совсъмъ о другомъ.

Бальзакъ жилъ днемъ, какъ всв люди. Онъ говорилъ, слушалъ, смотрвлъ какъ самый обыкновенный человъкъ и никакъ нельзя было замътить въ немъ ничего особеннаго, напоминающаго его романы. Онъ былъ очень веселъ, любезенъ; любилъ посмъяться съ друзьями, только въ шесть часовъ по полудни имълъ привычку ложиться спатъ. Для чего же это? Для того чтобъ встать въ полночь, выпить целую миску кофе и потомъ съ жадностью взяться за перо, которое быстро скользило по бумагъ и своимъ скрипомъ погружало писателя въ какойто магнитическій сонъ. Тогла онъ получалъ даръ двойнаго зрѣнія, отгадываль всѣ тайны, всѣ мысли, открывалъ странныя происшествія въ самомъ тихомъ существованіи, словомъ рисовалъ образцовыя картины, изображающія такъ върно наше общество. Жизнь его днемъ—была сномъ, жизнь ночью—чудеснымъ бдѣніемъ.

У Александра Дюма нѣтъ никакого особеннаго рецента для работы. Онъ пишетъ всегда и вездѣ такъ же скоро и легко, какъ говсритъ. Только собираясь паписать много, онъ снимаетъ верхнее платье, принимаетъ самое удобное положеніе и пошелъ писать; никто и ничто не можетъ ему помѣшать. Однажды я навѣстилъ его въ Гаврѣ, гдѣ онъ жилъ въ Отелѣ Фраскати. Онъ оставилъ свое перо и вышелъ ко мнѣ въ садъ. Но вдругъ я увидѣлъ одного пріятеля, съ которымъ мнѣ надобно было непремѣнно сказать нѣсколько словъ, и я отошелъ отъ Дюма. Когда я оглянулся, онъ уже убѣжалъ въ свою комнату, и опять писалъ. Разумѣется, что черезъ минуту и не дописавъ фразы, онъ опять вышелъ ко мнѣ и продолжалъ начатой разговоръ. Удивительная способность переходить отъ одного предмета къ другому такъ легко, такъ непринужденно, и потомъ продолжать начатое, какъ будто бы никто и не прерывалъ!

Я не знаю какъ работаетъ Ламартинъ, но думаю что онъ диктуетъ. Я часто посъщалъ его по утрамъ, и онъ говорилъ со мною такъ красноръчиво, умно и занимательно, что я боясь забыть его превосходныя выраженія, бралъ карандашъ и бумагу и записывалъ ихъ, чтобъ они не пропадали. Я думаю, что подобнымъ способомъ составилась бы удивительная книга, изъ которой можно бы было мяогому научиться.

Одна очень близкая особа къ Шатобріану разсказывала мив, что великій писатель прибъгаль къ странному средству чтобъ возбудить свое вдохновеніе. Онъ босой ходиль по холодному, каменному полу, и это производило въ немъ сильное раздраженіе мозга, какъ при началь

насморка. Это по моему мижнію тоже самое, что запихать себъвь нось огромную порцію табаку.

Одинъ извъстный писатель, котораго я не хочу назвать, переписаль всъ статьи журналовъ, гдъ его хвалятъ, и при началъ работы читаетъ громко свой панегирикъ. Лесть возбуждаетъ его вдохновеніе, и онъ съ жаромъ принимается работать, чтобъ заслужить еще болье похвалъ или оправдать прежнія.

Другой мой знакомый литераторъ, напротивъ, собралъ всё критики на свои сочиненія, и ему стоитъ только прочесть одну изъ нихъ, чтобъ написать превосходную статью, совершенно опровергающую всё нападки и преувеличенія зоиловъ. Это средство тоже очень действительно, и я советую чаще употреблять его. Чтобъ лошадь хорошо бежала, не мёшаетъ иногда стегнуть ее кнутомъ, а въ этомъ случаё критика самый чувствительный кнутъ.

Я знаю также писателей, которые не найдя ви какимъ способомъ вдохновенія, беруть первую попавшуюся книгу и выписывають изъ нея цільня страницы, подъ которыми подписывають свое имя. Это самое удобное средство сочинять безъ всякихъ затрудненій. Къ чему, въ самомъ діль, утруждать свои способности, раздражать умъ, раздувать воображеніе, чтобъ написать все-таки то, что давно уже было написано. (Jlustration).

житрость соперинка.—У одной молодой вдовы были два обожателя, предлагавшие ей руку и сердце, и она была въ большомъ затруднении, потому что не могла рёшиться, кому изъ нихъ отдать преимущество. Правда, одинъ изъ нихъ, человѣкъ умный, солидный, съ большимъ вѣсомъ въ обществѣ и хорошимъ состояніемъ, могъ бы надѣяться на взаимность вдовы, но другой, уступая во всемъ своему сопернику, былъ представителемъ моды, и это льстило самолюбію молодой женщины. Онъ былъ одѣтъ какъ журнальная картинка, съ него брали примѣръ всѣ молодые люди, и всякая выдумка въ костюмѣ, какъ бы она ни была экспентрична, принималась всѣми, если Виконтъ А. удостоивалъ принять ее. Онъ первый началъ носить проборъ отъ лба до ватылка, первый надѣлъ панталоны съ огромными клѣтками, первый принялъ холодно британскую наружность.

Какъ устоять женщинѣ противъ такихъ обольщеній? Молодая вдова очень замѣтно начинала оказывать предпочтеніе виконту, что приводило въ отчаяніе бѣднаго Б., который истинно любилъ ее и зналъ всю ничтожность франта. Наконецъ онъ придумалъ одно средство, чтобъ погубить соперника. Для этого онъ подкупилъ камердинера и портнаго виконта, и тогда какъ послѣдній дѣлалъ ему точно такое же платье, какое заказывалъ франтъ, камердинеръ давалъ ему всякій день знать какъ будеть одѣть его баринъ.

Эта выдумка совсѣмъ не нова, скажете вы, и не будетъ имѣть желаемаго успѣха. Оба обожателя будутъ одѣты одинаково, но виконтъ будетъ все-таки лучше своего соперника, потому что самъ придумы-

ваетъ моды, и изобрѣтатель всегда выгоднѣе другихъ можетъ пользоваться своимъ изобрѣтеніемъ. Дѣло было однако же вотъ въ чемъ. Недавно молодая вдова и оба соперника были приглашены въ загородный замокъ подъ предлагомъ охоты. Виконтъ привезъ съ собою цѣлый фургонъ неизданныхъ костюмовъ, чтобъ довершить побѣду. Поутру, когда всѣ собрались, виконтъ явился въ красивомъ охотничьемъ нарядѣ съ необыкновенными пуговицами. Каждая изъ нихъ изображала голову оленя, волка, вепря или лисицы. Б. былъ въ простомъ платъѣ. Вдова съ улыбкой встрѣтила перваго и не обратила вниманія на втораго. Сама она была такъ хороша въ эту минуту, и въ такой чудной шляпкѣ, что всѣ мужчины завидовали счастію франта, а женщины шептали, что она страшная кокетка, и уморила съ горя перваго мужа.

Когда вышли садиться въ экипажи, виконтъ и все общество съ удивленіемъ увидёли, что на дворё стоялъ человёкъ, который былъ настоящая копія виконта. Тотъ же костюмъ съ малейшими подробностями, тё же завитые бакенбарды, тотъ же важный холодный видъ. Б. кликнуль этого новаго франта по имени, и тотъ почтительно помогъ ему сёсть на лошадь. Это быль его камердинеръ.

Виконть немного смешался оть такой неожиданности, но думаль что за обедомь заставить забыть эту неудачу, потому что приготовиль къ обеду самый фантастическій жилеть, чудный галстухь и сюртукь новаго фасона. Каково же было его удивленіе, когда онъ увидёль, что за стуломь В. стоить его камердинерь точто въ такомь же костюме, и даже клетки панталонь, не уместившіяся на ногахь виконта, продолжались у лакея такъ, что было ясно видно, что оне принадлежали одному куску матеріи. На другой день двойникь продолжаль преследованія, и виконть принуждень быль объявить себя побежденнымь. Вдова вышла замужь за Б. (Musée de familles).

Масточка съ золотымъ ожерельемъ (разсказъ). Въ сельскомъ замкѣ, въ окрестностяхъ Фонтене, въ Вандеѣ, жили два молодые человѣка двадцати пяти лѣтъ, братья Ларденъ; въ окрестностяхъ ихъ привыкли называть добрыми близиецами. Оставшись сиротами еще въ дѣтствѣ, съ порядочнымъ состояніемъ, они находились подъ опекой дальняго родственника, который мало занимался мальчиками, но самъ чрезвычайно богатый, сохранилъ ихъ наслѣдство. Близнецы Поль и Жюльенъ сосредоточили всѣ нѣжныя чувства души другъ на другѣ. Можно скавать, что каждый изъ братьевъ жилъ только для счастія другаго. Воспитываясь въ Нантскомъ лицеѣ, они не дружились съ другими учениками; но ихъ не осуждали за это, и товарищи не смѣлы. По окончаніи ученья оба они отправились въ свой замокъ Бризнуа и жили тамъ покойно и счастливо.

Какъ это часто случается, близнецы имъли между собою такое сходство, что мудрено было отличить ихъ одного отъ другаго. Оба они бы-

ли высоки, хорошо сложены и съ прекрасными, правильными чертами. Сходство это распространялось и на ихъ качества. Оба они были добры, благородны, но вкусы ихъ и характеры были совершенно различны. Поль любилъ науки и искусства, занимался ботаникой, и былъ хорошимъ живописцемъ. Жюльенъ напротивъ, любилъ дъятельную жизнь. Онъ съ увлеченіемъ предавался шумныхъ увеселеніямъ, охотъ, верховой ъздъ, сельскимъ работамъ и часто самъ помогалъ землепациамъ или жнецамъ.

Эти различные вкусы должны были кажется рождать неудовольствія между братьями, но напротивь того, каждый изъ вихъ старался поддѣлаться къ другому, чтобъ угодить ему и охотно жертвоваль для брата своими наклонностями.

Однажды, въ августъ мъсяцъ, Поль возвращался домой послъ ботаническихъ разысканій, съ портфелемъ, наполненнымъ новыми очерками, и увидълъ, что Жюльенъ стръляетъ по ласточкамъ. Нъсколько бъдныхъ птичекъ уже лежали безжизненными на землъ.

- Что ты делаешь, Жюльень? сказаль Поль грустнымъ голосомъ.
- Ты видишь, пробую ружье и върность глаза; скоро откроется охота и я хочу набить себъ руку.
- И ты не могъ выбрать себѣ другой цѣли, какъ бѣдныхъ ласточекъ?
- Это самая лучшая ціль, милый Поль, потому что она летаетъ удивительно быстро. Неужели ты не понимаешь, что послі дасточекъ куропатки уже не уйдуть отъ меня.
- Я понимаю, Жюльенъ, что ты жестокъ. Развѣ ты не обѣщалъ мнѣ щадить всѣхъ птицъ въ нашемъ саду, даже куропатокъ?
- Да, но ласточки такая ничтожная птица, отв $^{\perp}$ чаль охотникь съ пренебреженіемъ.
- Ласточекъ надобно щадить еще болье другихъ... Позволь мнъ быть ихъ защитникомъ. Ведь мы встречаемъ всегда радостно того, кто приносить намъ хорошее известие. Не ласточки ли объявляють намъ о наступленіи весны, самаго прілтнаго изъ времень года. Вмість съ ними солнце начинаетъ согръвать землю, цвъты распускаются, поля зеленьють. Повырь, что если бъ ласточки не прилетыли выысть съ весною, намъ было бы грустно, какъ будто отъ потери друга. Да! эти красивыя птички имъютъ полное право называться другомъ человъка. Всъ другія птицы, живущія на свободь, боятся нась и быгуть при нашемь приближеній, ласточки же вьють свои гитяда подъ крышами нашихъ домовъ, подъ окнами, и живутъ почти нашею жизнію. Съ утра ихъ веселое щебетаніе будить нась; они летають между мами задівая нась крыльями, оживляють воздухь и небо своимъ полетомъ, и эта довфреиность къ намъ не заслуживаеть ли нашего покровительства?.. А ты выбралъ своими жертвами этихъ довърчивыхъ птичекъ, приближавшихся къ тебъ какъ къ другу. Прошу тебя, Жюльенъ, пощади этихъ воздушныхъ жильцовъ и стръляй во что нибудь другое.

Вообще чувствительная струна въ отношении къживотнымъ не развита у охотниковъ, и потому рѣчь Поля не очень тронула Жюльена.

Смпсь. 31

Но онъ привыкъ считать приказаніемъ каждую просьбу брата, какъ бы она ни была незначительна, и тотчасъ же оставилъ свое ружье; съ этого дня ласточки были безопасны въ окружностяхъ Бризнуа.

Братья Ларденъ жили въ совершенномъ уединеніи. Хорошія ихъ качества, красивая наружность и порядочное состояніе были извѣстны всѣмъ, и многіе окрестные жители желали сблизиться съ молодыми людьми, но не успѣли въ этомъ. Поль былъ чрезвычайно робокъ и избѣгалъ общества. Жюльенъ часто ходилъ на охоту съ сосѣдями, и однажды принялъ предложеніе на обѣдъ; только обѣдъ этотъ скоро превратился въ оргію, и этотъ шумъ, пьянство, до того подѣйствовали на воздержнаго охотника, что онъ далъ себѣ слово никогда не участвовать въ подобныхъ пиршествахъ, и съ этихъ поръ всегда послѣ охоты возвращался домой съ своими собаками.

Однакожъ братья проводили время не совершенно одни. Въ селеніи, находящемся возлѣ ихъ имѣнія, были три лица, которые часто видѣ-лись съ ними. Это былъ священникъ, г-жа Резевиль и ея восьмнадцатилѣтняя дочь.

Г-жа Резевиль была вдова полковника, убитаго при Лейпцигв. Не имъя ничего кромъ небольшой пенсіи, она удалилась въ селеніе, гдъ родилась, и съ помощію священника воспитывала свою дочь. Братья часто приходили по вечерамъ въ домъ почтеннаго старика, гдъ незамътно проходили долгіе вимніе часы. Вдова Резевиль вспоминала прошедшее, разсказывала великольпные праздники имперіи, придворные балы, гдъ она блистала въ молодости...

Лора Резевиль не была красавица, но въ ней было много прелести и граціи. Привычка въ уединенной жизни сдѣлала ее робкою и модчаливою, и она говорила съ охотою только о живописи, которою занималась съ большимъ успѣхомъ. Поль взялся быть ея учителемъ и, благодаря его совѣтамъ, она усовершенствовалась въ этомъ искусствѣ. Дѣтомъ, все общество отправлялось гулять вмѣстѣ, и профессоръ Поль останавливалъ свою ученицу при каждомъ живописномъ видѣ, замѣчая ей эфекты свѣта и перспективы. Такимъ образомъ артистъ находилъ много случаевъ заниматься своимъ искусствомъ.

Въ саду замка Бризнуа была одна темная аллея, называвшаяся аллеею вздоховъ. Кажется во всъхъ садахъ Франціи есть подобныя аллеи, что доказываетъ, что въ странь этой, во всякія времена любили вздыхать. Въ большихъ паркахъ аллея вздоховъ находится непремънно вдали отъ замка, на берегу озера, гдъ стольтнія деревья сплелись вершинами и не пропускаютъ солнечныхъ лучей. Здѣсь тоже въ концъ сада густыя деревья составили сводъ надъ узкой алеей и дълали ее прохладною въ самые жаркіе дни. Близнецы часто гуляли по аллеъ вздоховъ, особенно Жюльенъ въ послъднее время что-то очень часто уходилъ туда мечтать, что совсьмъ не согласовалось съ его веселымъ характеромъ. Поль замѣтилъ это сентиментальное расположеніе брата, и остановя его однажды въ аллеъ вздоховъ, сказаль:

— Что съ тобою, братъ? Я нъсколько дней замъчаю за тобою и ви-

жу, что ты печаленъ. Какое можетъ быть у тебя горе, котораго ты не хочешь раздълить со мною?

- Я скажу тебь все, отвъчаль Жюльенъ поспъшно, какъ бы желая поскоръе избавиться отъ своей тайны. Я задумаль важное дъло... хочу жениться...
- Неужели, воскликнуль Поль, почти со смехомъ. Такъ вотъ отчего ты такъ печаленъ. Зачемъ же ты не сказалъ мне этого давно.
- Я самъ вздумалъ объ этомъ недавно, и не зналъ какъ сказать тебъ.
 - А, такъ ты совсемъ решился?
- Я обдумаль уже все. Воть что я сказаль самь себь: оба мы не любимь общества и останемся всегда жить въ нашемь замкъ... Но миъ кажется, что присутствие женщины будеть у насъ совствиь не лишнее. Она займется хозяйствомъ, избавить насъ отъ мелочныхъ хлопоть и одушевить нашу жизнь...
- Я согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ, Жюльенъ. Теперь только остается отыскать такую рѣдкую женщину...
- О! за этимъ не надобно итти далеко. Я, разумѣется, и не подумалъ о городскихъ красавицахъ, которыя мечтаютъ только объ удовольствіяхъ. Только одна молодая дѣвушка можетъ быть моею подругою и не испугается нашей уединенной, тихой жизни, потому что сама выросла въ нашемъ селеніи, это Лора Резевиль.
- Лора! закричаль Поль, покраснывь въ минуту и потомъ блёдиня и стараясь казаться покойнымъ. Да... я думаю выборь твой прекрасень.

Еслибъ Жюльенъ былъ внимателенъ, то замѣтилъ бы, какое сильное впечатлѣніе произвели его слова на брата, но онъ самъ опустилъ глаза и со страхомъ ожидалъ отвѣта Поля.

Обрадованный его одобреніемъ, онъ въ тотъ же день сдѣлалъ предложеніе. Г-жа Резевидь была въ восторгѣ, потому-что ни какъ не могла надѣяться найти дочери такую блистательную партію. Лора, напротивъ, не слишкомъ радостно приняла извѣстіе о сватовствѣ, но все-таки согласилась, жалѣя, что мужемъ ея будетъ не Поль.

Конечно, Жюльенъ былъ добрый, прекрасный молодой человѣкъ, но Поль былъ такъ любевенъ, уменъ, притомъ же онъ былъ артистъ...

Стало быть, Лора тайно предпочитала Поля, но не смёла сказать этого никому. Жюльень, получа согласіе невёсты и ея матери, хотёль поскорее обвенчаться, но ему посоветовали отложить свадьбу на два мёсяца, чтобъ поближе сойтись съ невёстой.

Это решеніе было очень непріятно Жюльену, но Поль еще боле огорчиль своего брата сказавъ ему однажды.

— Такъ какъ твоя свадьба еще не скоро окончится, и такъ какъ и останусь одинъ, пока ты будешъ съ твоею невъстою, то хочу воспользоваться этимъ временемъ и проъхаться по Италіи. Ты знаешь, что это была моя всегдашняя мечта. Когда ты будешъ женатъ, я окончадельно сдълаюсь домосъдомъ, потому что чувствую въ себъ

Смњеь. 33

необыкновенныя способности быть нѣжнымъ дядей и дюбить твоихъ дѣтей. Стало быть это мои послѣднія минуты свободы. Прощай, же не надолго.

Жюльенъ не могъ противиться желанію брата, но его сильно поразилъ этотъ отъйздъ, потому что онъ никогда еще не разлучался съ Полемъ.

Прощаніе ихъ было самое грустное, и Поль зайдя къ своимъ друзьямъ въ селеніе проститься, отправился въ Парижъ.

Разставаніе хотя и непродолжительное произвело сильное впечатлівніе на близнецовь, какъ будто они предчувствовали, что оно поведіть за собою неожиданное несчастіе.

Путешественникъ объщаль писать какъ можно чаще и исполняль свое объщаніе. Онъ прислалъ письмо изъ Марсели и три изъ Генуи. Каждое письмо Жюльенъ приносилъ къ г-жъ Резевиль и читалъ его вслухъ. Лора слушала ихъ съ большимъ вниманіемъ и невольно вскрикивала.

— Ахъ, какой у васъ прекрасный братъ, Жюльенъ. Какъ онъ добръ!
 Какъ уменъ!

Эти восклицанія не были нисколько преувеличены, потому что Поль въ самомъ дёлё могъ сдёлаться извёстнымъ въ литературё, если бъ хотёлъ, такъ увлекателенъ былъ его слогъ, такъ хороши описанія такъ нёжны и возвышенны чувства.

Г-жа Ризеваль увъряла, что прежде не умъли такъ писать. Священникъ приходиль въ восторгъ отъ описаній соборовъ.

Жюльенъ видъть изъ писемъ только одно, что брать здоровъ и любить его по прежнему, и быль доволенъ.

Но эти утвшенія, помогающія переносить разлуку, скоро прекратились. Поль пересталь писать. Прошла недвля, другая, Жюльень думаль, что онь отправился моремь въ Неаполь, но прошель місяць, другой, а отъ брата небыло писемъ. Напрасно Жюльень писаль въ Геную, въ Неаполь, въ Римъ, во Флоренцію, въ Миланъ, письма оставались безъ отвіта.

Невозможно описать, что передумаль и перечувствоваль бѣдный Жюльень. Онь всякій день ходиль къ г-жѣ Резевиль совсѣмь не для своей невѣсты, потому что онь даже забыль о своей предстоящей свадьбѣ, но чтобъ только говорить о братѣ. Всѣ предположенія были истощены. Почта не могла такъ долго терять одни и тѣже письма. Поль не могъ забыть о братѣ.

— Онъ боленъ! онъ можетъ быть умеръ! говорилъ Жюльенъ съ отчаяніемъ, и я не былъ возлѣ него.

Однажды онъ нашелъ на столе Поля заметки на предположенное путешествие и началъ машинально разбирать его бумаги. Въ одномъ тайномъ ящике онъ увиделъ, въ небольшой белой рамке портретъ Лоры Резевиль, превосходно написанный карандашемъ, и къ нему былъ пришпиленъ букетъ засохшихъ фіялокъ.

Жюльенъ провелъ рукою по лбу и его поразила внезапная мысль: Боже мой! вскричалъ онъ: Поль любилъ ее!.. Вотъ для чего онъ

увхаль... вотъ для чего онъ не хочеть верпуться. И я причиной его несчастія!

Позвонивъ, онъ приказалъ тотчасъ осъдлать лошадь, собрать чемоданъ и, не простившись съ друзьями и невъстою уъхалъ въ Италію.

Черезъ нъсколько дней онъ былъ уже въ Генуъ. Тамъ онъ началь бъгать по всъмь гостиницамъ, справляясь въ которой изъ нихъ останавливался его братъ, и содержатель одной изъ нихъ тотчасъ вспомнилъ, что у него жилъ молодой человъкъ очень похожій на Жюльсна. Справились въ реестръ и нашли имя Поля Лардена. Теперь оставалось только узнать, въ какую сторону поъхаль Поль, чтобъ ъхать по его слъдамъ, но къ несчастію служитель, провожавній его съ чемоданами, умеръ на дняхъ, и никто не зналъ, куда отправился путешественникъ.

Жюльенъ повхаль въ Неаполь.

Тамъ онъ возобновилъ поиски, но не нашелъ даже и савдовъ брата.

Тоже самое было въ Римѣ, во Флоренціи, въ Венеціи, въ Миланѣ. Напрасно онъ въ нѣсколько дней объѣхадъ всю Италію и осмотрѣлъ всѣ ен города,—Поль исчезъ непостижимымъ образомъ, и братъ его приходилъ въ отчанніе. Напрасно бы спрашивали его, что онъ видѣлъ въ своемъ путешествіи, какъ ему понравилась величественная Генуя, Неаполь, этотъ кусочекъ неба, упавшій на землю, какъ говорятъ неаполитанцы, вѣчный Римъ, цвѣтущая Флоренція, супруга моря Венеція? онъ ничего не видалъ. Въ глазахъ его безпрестанно были слезы, въ душѣ одинъ образъ брата, въ сердцѣ одно жгучее горе.

Онъ вернулся во Францію еще скорѣе съ послѣдней надеждой, что найдетъ тамъ хоть письмо... но и это предположеніе не сбылось!

Онъ пошель къ г-жѣ Резевиль, гдѣ быль и священникъ; по его печальному виду всѣ догадались, что путешествіе было напрасно. Притомъ же при первыхъ словахъ онь не могъ продолжать и горько заплакалъ. Лора тоже не могла удержаться отъ слезъ, и убѣжала въ свою комвату, чтобъ наплакаться на свободѣ. Г-жа Резевиль и старикъ священникъ употребляли всѣ средства утѣщить Жюльена, но горе его было не такого рода, чтобъ могло найти въ чемъ нибудь утѣшеніе.

Скоро визиты Жюльена къ г-жѣ Резевиль сдѣлались рѣже. Онъ казалось забылъ о своемъ сватовствѣ. Характеръ его и привычки совершенно измѣнились. Онъ разлюбилъ охоту, пересталь заниматься сельскими работами, и только часто ѣздилъ верхомъ, выбирая самыя уединенныя мѣста. Наконецъ прошелъ годъ со времени отъѣзда Поля, а о немъ не было никакого извѣстія, Жюльенъ надѣлъ трауръ, увѣренный, что братъ его умеръ.

Однако г-жа Резевиль не могла такъ охотно отказаться отъ выгоднаго замужства для дочери, и часто говорила объ этомъ съ священникомъ. О помолвкъ Жюльена и Лоры знали всъ сосъди, и репутація дъвушки могла пострадать, если женихъ откажется. Священникъ понялъ безпокойство матери. Онъ объщаль поговорить съ Жульеномъ серіозно и тотчасъ же отправился къ нему.

- Сынъ мой, сказалъ онъ, я пришелъ по важному дѣлу, и прошу меня выслушать со вниманіемъ. Вы оплакиваете смерть брата, хотя навърно еще не знаете, точно ли онъ пересталъ жить... я не хочу подавать вамъ напрасной надежды, потому что самъ пересталъ надъяться. Въ наше время сношенія такъ легки и скоры; его привязанность къ вамъ такъ извъстна, что онъ не захотѣлъ бы васъ мучить своимъ молчаніемъ, и потому можно сдѣлать одно предположеніе: онъ умеръ внезапно и не отъ болѣзни, а отъ несчастнаго случая. Всѣ мы внали и любили бѣднаго Поля и раздѣляемъ ваше горе. Но есть предѣлъ отчаянію; Богъ устроилъ такъ, чтобъ время залечивало всѣ раны. Вы еще молоды, Жюльенъ, вы не должны убивать себя горемъ и жить въ скукѣ и уединеніи... Вы рѣшились жениться...
- Могу ли я думать теперь о женитьбъ? отвъчалъ грустно мололой человъкъ.
- Напрасно вы перемѣнили это намѣреніе, оно всего скорѣе ослабило бы ваше горе. Жена утѣшала бы васъ и развлекала.. При томъ же вы забыли, что сами посватались къ дѣвицѣ Резевиль и что всѣ объ этомъ знаютъ. Что же подумаютъ, когда вы на ней не женитесь?

Всв поймутъ, что смерть моего брата поразила меня такъ глубоко, что я не могъ жениться.

- Нътъ, мой другъ, люди не поймутъ вашей причины и придумаютъ что нибудь другое. Прерванный бракъ дълаетъ всегда много вреда молодой дъвушкъ. Честный человъкъ никогда не откажется отъ честной дъвушки, на которой сватался.
 - Вы думаете, что честь приказываетъ мнв...
- Исполнить ваше объщание и спасти дъвушку отъ пересудовъ непремънно.
- Въ такомъ случаћ располагайте мною, я готовъ на все, сказалъ Жюльенъ также грустно.
- Я быль увърень въ васъ, молодой мой другь, вскричаль весело старикъ, обнимая Жюльена.

Съ этого дня молодой человъкъ началъ опять всякій день ходить къ г-жъ Резевиль, но по всему было видно, что онъ исполняетъ только тяжкую обязанность. Онъ былъ постоянно печаленъ и ничто не могло заставить его разговориться. На вопросы г-жи Резевиль онъ отвъчалъ однимъ словомъ. Лора сама все молчала.

Однажды вечеромъ мать невъсты уставши разговаривать, одна взяда книгу и начала читать; дочь молча сидъла за работой и Жюльенъ, въ первый еще разъ началъ разсматривать молодую дъвушку.

— Она прекрасна, думалъ онъ, она мила и скромна. Какъ мив не пришло въ голову, что Поль, какъ настоящій артистъ, долженъ былъ непремѣнно полюбить ее... и она не подозрѣвала его любви. Братъ былъ слишкомъ благороденъ, чтобъ говорить ей о своихъ чувствахъ, Лора слишкомъ невинна, чтобъ отгадать ихъ. Но она полюбила бы его. Поль горавдо лучше могъ понять ее и опѣнить... Вѣдный братъ! Я вздумалъ завладѣть счастіемъ, о которомъ онъ можетъ быть долго мечталъ... Я

всему причиною .. безъ моего глупаго проекта онъ былъ бы здъсъ... онъ бы не умеръ!

И чувствуя на глазахъ слезы, Жюльенъ схватилъ шляпу и ушелъ.

Такой женихъ могъ бы безпокоить мать за будущность дочери, но г-жа Резевиль знала, что Жюльенъ благородный человѣкъ, и надъялась что достоинства Лоры скоро измѣнятъ печальный характеръ ея мужа.

Притомъ же можно было многое простить такому выгодному жениху, какого никакъ не могла найти бъдная дъвушка въ глуши провинціи. Однако время проходило, а Жюльенъ все подъ разными предлогами откладывалъ день свадьбы.

Настала весна, и г-жа Резевиль вздумала, для развлеченія Жюльена, ѣхать въ Парижъ за окончательными покупками къ свадьбѣ.

Жюльенъ никогда не быль въ Парижѣ, и вовсе не желаль его видъть, но онъ не противорѣчилъ никому, и смотрълъ на столицу Франціи съ такимъ же равнодушіемъ, какъ на Неаполь, Римъ, Венецію. Въ этомъ отношеніи онъ вовсе не походилъ на провинціяла, и всякій принялъ бы его за настоящаго парижанина, потому что его ничто не удивляло, ничто ему не нравилось. Напрасно г-жа Резевиль дълала ему блистательныя описанія Парижа во время имперіи, показывала площади, гдѣ Наполеонъ дѣлалъ парады, галереи дворцовъ, гдѣ она танцовала съ Дюрокомъ или Монтебелло—Жюльенъ даже не слышалъ ея словъ, не замѣчалъ наивнаго удивленія своей грустной невѣсты.

Однажды онъ проходиль съ Лорой и ея матерью по биржевой площади. У рашетки зданія стояль мальчикь съ большою клаткою, наполненною птицами и кричаль:

— Кто хочетъ выпустить на волю ласточекъ? По одному су за штуку. Ступайте, господа, освобождайте пленниковъ, делайте счастлиныхъ за одинъ су!

Эта новая промышленость всегда устраивается въ Парижѣ въ началѣ весны, и чувствительныя сердца никогда не отказываютъ себѣ въ удовольствіи сдѣлать доброе дѣло за такую дешевую цѣну.

Услыша слова мальчика, Жюльенъ подошелъ къ нему и сказалъ:

- Я покупаю всёхъ твоихъ пленницъ. Сосчитай сколько ихъ. А вы, Лора, продолжалъ онъ, обращаясь къ своей невесте, верно не откажетесь мне помочь?
- О! съ удовольствіемъ, отвѣчала молодая дѣвушка, понявъ его добрую мысль.

Жюльенъ вспомнилъ, что Поль однажды побранилъ его, когда тотъ стрълялъ по ласточкамъ, и освобождая этихъ плънницъ, онъ думалъ угодить брату. Счастливое было время, когда Поль могъ бранить и учить брата. Чтобы онъ отдалъ теперь, чтобъ только возвратить его! Вообще всъ, потерявшіе друзей, любятъ птицъ, какъ будто-бы онъ детая въ воздухъ могутъ сближаться съ душами усопшихъ. Жюльенъ и Лора завладъли клъткою и начали вынимать по одной ласточкъ, радуясь восторгу птичекъ, которыя, получивъ свободу, съ веселымъ кри-

Смьсь. 37

комъ поднимались высоко, а потомъ опять подлетали къ своимъ благодътелямъ, какъ будто благодаря ихъ на освобождение.

Молодая дъвушка, отпуская на волю каждую ласточку, цъловала ее въ маленькую головку и наслаждалась ея радостію при видъ неба и свободы.

Одна изъ птичекъ показалась ей еще красивъе другихъ, и она подольше удержала ее въ своихъ рукахъ и начала ласкать. Проводя пальцемъ по шет ласточки, она почувствовала что-то кръпкое, и приподнявъ тихонько перушки, увидъла маленькій ошейникъ мъдный или золотой.

Она показала Жюльену свою находку, и оба начали съ любопытствомъ разсматривать украшение птички.

 На кольцъ что-то выръзано, сказала наконецъ Лора, и разбирая мелкія буквы, замѣтныя только молодымъ глазамъ, она прочитала съ трудомъ:

Шпильбергь. Спасите меня!

Въ это время во всёхъ журналахъ говорили о крепости Шпильберге, где заключались государственные преступники.

- Боже мой, сказала Лора: это какой нибудь бѣдный плѣнникъ надѣлъ ласточкѣ свое кольцо. Но на немъ есть еще что-то... вотъ крестъ, и потомъ... такъ какъ мало мѣста осталось для подписи, то вырѣзана одна буква... нѣтъ, двѣ буквы... почти одна на другой. Это Л. и П.
 - П. Л. вскричалъ Жюльенъ.
- Да, повторила Лора, бъёднёя въ сильномъ волненіи. Посмотрите Жюльенъ, не похожъ ли почеркъ этотъ на... почеркъ вашего брата.
- Возможно ли! проговорилъ Жюльенъ, стараясь сквозь слезы разглядъть едва замътную надпись.
- Да, продолжаја молодая дъвушка. Мнъ кажется, что подпись похожа на ту, которою подписаны его письма... Я, можетъ, быть ошибаюсь...

И бъдная Јора чуть не упала въ обморокъ отъ тягостнаго ожиданія и безумной надежды.

— Вы правы, сказалъ Жюльенъ, выръзанныя слова не могутъ быть очень похожи... но эти двъ буквы П. Л.! Боже мой! неужели это напрасная надежда! Я не переживу этого послъдняго испытанія.

Эта сцена привлекла уже нъсколькихъ любопытныхъ.

— Пойдемте отсюда, продолжалъ мододой человѣкъ, не выпуская изъ рукъ драгоцѣнную плѣнницу и поддерживая Лору, которая едва могла держаться на ногахъ.

Къ счастію въ это время подъёхаль фіакръ.

- Вы забыли обо мнѣ, сказалъ мальчикъ, продавшій птицъ, останавливая Жюльена.
- Вотъ тебѣ зуидоръ, отпусти тотчасъ же на волю всѣхъ остальныхъ дасточекъ.

Прівхавъ домой, они начали опять разсматривать ошейникъ ласточ-

ки. Это было гладкое волотое кольцо, на которомъ буквы были выр'вваны самымъ тонкимъ инструментомъ. Молодые люди тотчасъ же начали сличать почеркъ съ письмами Поля, хотя г-жа Резевиль и говорила качая головою:

— Это непостижимо! Можно ли надъяться на это! Вы напрасно мучаете себя, мой добрый Жюльень. Ну, какъ можетъ попасть нашъ Поль въ Шпильбергъ?

Въ это время Лора отыскала увеличительное стекло и вскричала:

- Теперь нѣтъ сомнѣнія, Жюльенъ, слова П. и Л точно такія же какъ въ подписи вашего брата.
- Чтобы ни было, отвъчаль онъ, но я ъду и какъ можно скоръе. Бъдная ласточка! Ты принесла неожиданную въсть о бъдномъ плънникъ, и тебя передавали изъ рукъ въ руки, не заботясь о твоихъ страданіяхъ, не думая о твоей свободъ! Наконепъ Лора сжалилась надъ бъдняжкой, но прежде хотъла снять кольцо черезъ головку птицы, однако это было невозможно, потому что птичка уже выросла съ тъхъ поръ какъ на нее надъли золотой ошейникъ. Нельзя было также оставить ласточку въ клъткъ, это значило осудить ее на скорую смерть, потому что птички эти не могутъ жить въ неволъ. Жюльенъ никакъ не хотълъ погибели бъднаго животнаго за ея благодъянія. Онъ побъжалъ къ золотыхъ дълъ мастеру и просилъ его тихонько перепидить кольцо, послъ чего выпустилъ на свободу счастливаго въстника.

Въ тоть же день Жюльенъ пошель въ министерство иностранныхъ дълъ, гдъ объяснилъ причины, по которымъ предполагалъ, что братъ его ошибкою посаженъ въ тюрьму, и получивъ письмо къ французскому посланнику въ Вънъ, сталъ собираться въ дорогу.

Лора проплакала и промолилась всю ночь за успѣхъ путешествія и провожая Жюльена, надѣялась на какое нибудь чудо, которое непремѣнно возвратитъ имъ Поля. Но Жюльенъ не смѣлъ предаваться своимъ надеждамъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мало было вѣроятія, что онъ найдетъ брата, и если найдетъ, то успѣетъ ли помочь ему!

Въ Вънъ онъ взялъ письмо отъ посланника и отправился въ Бруннъ. Кръпость Шпильбергъ извъстна по превосходному описанію Сильвіо Пеллико Жюльенъ, подходя къ мрачному зданію, чувствовалъ сильное волненіе, потому что тутъ ръшалась судьба его брата, и явясь къ коменданту, блъдный и дрожащій, онъ подалъ ему рекомендательное письмо.

Комендантъ подозрительно осмотрѣлъ путешественника съ ногъ до головы и выслушавъ его, молча взялъ книгу реестра и сказалъ ему:

— У насъ только одинъ Французъ въ крѣпости, Рене Пертюи. Вотъ его наспортъ.

И онъ подалъ Жюльену бумагу, на которой тотъ прочитадъ имя Рене Пертюи, адвоката, двадцати восьми лътъ, съ описаніемъ наружности, которая можетъ быть примънена къ каждому.

Опечаленный брать спросиль не можеть ли онь получить какихъ нибудь свёдёній, но коменданть сказаль:

- Вы видьли по реестру, что у насъ только одинъ францувъ. Вы

видъли его паспортъ и увърились, что это не можетъ быть вашъ братъ. Стало быть, дальнъйшія изслъдованія безполезны. Извольте удалиться.

Бѣдный Жюльенъ быль пораженъ какъ громомъ. Онъ не могъ опомниться отъ страшнаго удара, не могъ отказаться отъ послъдней надежды. Отчаяніе его было мрачно и молчаливо. Онъ машинально вышелъ изъ кръпости и пошелъ по дорогъ въ Бруннъ, желая какъ можно скоръе уъхать изъ этого города.

Вдругъ съ нимъ встрътился какой-то человъкъ, давъ ему дорогу и осмотръвъ его съ головы до ногъ, онъ остановилъ его за руку и началъ что-то съ одушевленіемъ говорить по-нъмецки. Молодой человъкъ не понималь его, но думая что это воръ, хотълъ отъ него освободиться. Однако это было не легко, потому что нъмецъ былъ настоящій атлетъ. Только онъ совсъмъ не сбирался грабить путешественника, а тащилъ его къ кръпости и показывалъ на часовыхъ, какъ бы угрожая позвать ихъ на помощь, если онъ будетъ противиться.

Жюльенъ пересталъ сопротивляться, думая что это какое нибудь подозрѣніе, которое ему объяснять по-французски и пошелъ за здоровымъ нѣмцемъ, который, видя его послушаніе перемѣнилъ свой грозный тонъ и началъ говорить дасково и нѣжно, но не выпуская руки своего случайнаго плѣнника. Тотъ, не понимая словъ, съ любопытствомъ смотрѣлъ на него. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, сильнаго сложенія, съ доброй, открытой физіономіей, одѣтый очень просто но чисто, и котораго никакъ нельзя было привять за разбойняка.

Подойдя къ крепости, немецъ пошелъ къ небольшой двери, а самъ отворилъ маленькую калитку и повелъ Жюльена по длиннымъ, темнымъ коридорамъ. Напрасно тотъ требовалъ по-французски, чтобъ его свели къ коменданту, тюремщикъ, потому-что это былъ онъ, не понималъ его и молча продолжалъ свой путь. Наконецъ они остановились у двери, которую проводникъ Жюльена отворилъ огромнымъ ключемъ, и молодой человъкъ, не сомнъваясь уже болье, что его котятъ запереть въ тюрьму, невольно отступилъ отъ двери и закричалъ:

— Что вы со мной дълаете, позовите коменданта, я хочу объясниться съ нимъ!

Но тюремщикъ вмѣсто отвѣта толкнулъ его въ комнату и заперъ за нимъ дверь.

Вдругъ въ тюрьмѣ этой раздались два крика, выходящіе прямо изъ души и потрясающіе тѣхъ, кто ихъ слышитъ.

Близнецы Поль и Жюльенъ были въ объятіяхъ другь друга.

Нъсколько минутъ не могли они выговорить ни слова отъ избытка чувствъ, отъ неожиданной радости!

Однако нъмецъ услышаль за дверью два крика и непонимая, отчего ови произошли, опять отворилъ тяжелую дверь и вошель въ комнату.

Увидя группу двухъ братьевъ, онъ попятился назадъ отъ удивленія и полнялъ руки къ верху.

— Небойся, другь мой Рейбахъ, сказалъ ему Поль на немъцкомъ языкъ, которому успълъ выучиться во время своего заключенія,—это брать мой... Жюльенъ.

- О! вамъ не надобно говорить, что это вашъ братъ, отвъчалъ тюремщикъ. Онъ такъ похожъ на васъ, что я встрътивъ его на дорогъ, думалъ, что это вы изволили ускользнуть отъ меня, и такъ какъ я васъ люблю, и мнъ бы досталось за вашъ побъгъ, то я и привелъ сюда вашего брата, довольно неучтиво. Попросите у него за меня извиненія, я, право, не виноватъ.
- Я не сержусь на тебя, старикъ, сказалъ Поль, напротивъ, я незнаю какъ благодарить тебя за твою ошибку...
- Да вѣдь все-таки это очень странно, говорилъ Рейбахъ. Развѣ можно до такой степени походить другъ на друга? Тотъ же ростъ, тѣже черты, одинакій голосъ, ну, словомъ два яйца отъ одной курицы. Вѣрно вы близнецы... Однако я очень радъ, что вы свидѣлись, а все-таки пойду доложить объ этомъ начальнику.

И онъ вышель заперевъ дверь.

Черезъ нѣсколько минутъ явился комендантъ.

— Вы видите, что я быль правъ, сказаль Поль, когда не сознавался передъ моими судьями, что меня зовутъ Рене Пертюи. Вотъ мой братъ Жюльенъ Ларденъ, что можете видъть изъ его паспорта, и по одному нашему сходству можете отгадать о нашемъ родствъ. Стало быть, я страдаю здъсь невинно.

Коменданть осмотръдъ наспортъ Жюльена, прочиталъ еще разъ письмо французскаго посланника и вышелъ, сказавъ, что онъ доложить объ этомъ дълъ своему правительству.

Братья остались одни. Они не могли наглядѣться другъ на друга, боялись выпустить одинъ другаго изъ объятій, все еще думая, что это сонъ.

— Какъ ты узналъ, что я завсь! говорилъ Поль. Какимъ способомъ могъ ты умилостивить полицію... Я напрасно просилъ, умолялъ, увврялъ, что я не преступникъ, меня не хотвли слушать, не позволяли написать тебв письмо...

Жюльенъ показаль ему золотое кольцо.

— Какъ! вскричалъ Поль съ сильнымъ удивленіемъ! Неужели это средство удалось!

Да, отвічаль Жюльень. Однажды въ Парижі я хотіль дать свободу бізднымь ласточкамь, заключеннымь въ клітку, потому-что вспомниль твое заступничество, когда я въ Бризнуа стріляль по этимъ птичкамъ; между плітницами была и ласточка съ золотымь ожерельемъ.

- Другъ мой, сказалъ Поль, будемъ благодарить Бога, потому-что Онъ для насъ сдълалъ чудо.
- Да, Онъ покровительствуетъ намъ видимо... Еще сегодня я думалъ, что все потеряно послѣ моего свиданія съ комендантомъ.
 - Ты виделся съ комендантомъ?
- Да, и онъ сказалъ мнѣ, что здѣсь, кромѣ Рене Пертюи, нѣтъ ни одного француза. Это извѣстіе привело меня въ отчаяніе, и я бы уѣ-халъ уже далеко, еслибъ добрый твой тюремщикъ не привелъ меня сюда... Но разскажи, какъ ты попалъ сюда?
 - Слушай печальную исторію моихъ страданій. Я изъ Генуи по-

ъхалъ въ Миланъ. Въ дилижансъ познакомился я съ однимъ молодымъ соотечественникомъ, который также какъ я, по-крайней-мъръ онъ такъ увърялъ,—путешествовалъ для своего удовольствія. Мы остановились въ Новаръ и взяли на ночь одну комнату. Я спалъ кръпко. На утро меня разбудилъ звукъ оружія, и проснувшись я увидълъ, что кровать моя окружена солдатами, которые объявили, что я ихъ арестантъ. На это я отвъчалъ, что они въроятно ошибаются и поспъщилъ показать имъ паспортъ, оставленный мною на столъ. Офицеръ просмотрълъ его и сказалъ:

— Я васъ-то и ищу, вы Рене Пертюи.

Я посмотрѣлъ на паспортъ и увидѣлъ, что это не мой. Товарищъ мой ночью убхаль съ моимъ паспортомъ, чтобъ избъжать преследованій австрійской полиціи. Что мнь было делать? Сопротивленіе было невозможно, и меня свели въ миланскую тюрьму, гдв коммиссія осудила меня за какія-то преступленія на вічное заточеніе. Ни кто нехотіль меня слушать, что я не Рене Пертюи; мит не позволяли писать къ нашему посланнику, думая, что я хочу выиграть время, и перевезли меня сюда. Здёсь я не могу сказать, чтобъ быль очень несчастливь, потому-что добрый мой тюремщикъ, не смотря на суровую наружность, полюбилъ меня и делаль все возможное, чтобъ сделать для меня заключеніе сноснымъ. Но онъ немогь дать мив свободы... Въ прошедшемъ году въ іюнь мьсяць .. о! я никогда не забуду этого дня, молодая ласточка, проследуемая хищною птицею, влетела въ мою комнату, и я легко поймаль ее и съ завистью смотрель на ея крылышки... Все заключенные всегда завидують птицамь. Счастливое созданіе, говориль я ей. Ты можешь детать куда хочешь, ты можешь детъть во Францію...

При этихъ словахъ въ головѣ моей мелькнула счастливая мысль. Я накрылъ ласточку, взялъ кольцо, купленное мною въ Генуѣ и началъ вырѣзывать на немъ слова перочиннымъ ножичкомъ. Имя мое неумѣстилось, и я могъ только написать начальныя буквы. Потомъ надѣлъ на шею ласточкѣ письмо и выпустивъ ее на волю, началъ усердно молиться, потому-что я не вѣрю въ случай, а надѣюсь только на помощь Всевышняго. Онъ дозволилъ, чтобъ моя птичка попалась въ твои руки... Будемъ же благодарить Его!

Въ тотъ же вечеръ Жюльенъ отправился въ Вѣну, и съ помощію посланника выхлопоталъ свободу своему брату.

Поль, оставляя Шпильбергь, пожальль только о добромъ Рейбахь. Старикъ плакаль, прощаясь съ нимъ и говорилъ, что желаль бы, чтобъ оба брата остались у него.

Когда братья вхали уже во Францію, Поль сказаль:

- Я еще не спросиль тебя о твоей женѣ? Здорова ли она, какъ вы живете?
- Моя жена! вскричалъ Жюльенъ... Ахъ да, ты говоришь о Лоръ
 Резевиль, я еще не женился на ней.
 - Отчего же это?
 - Развъ въ твое отсутствіе я могъ думать о женитьбъ... притомъ

42 CMILCS.

же ... если признаться тебь, я совсьмъ раздумалъ жениться... Я однако женихъ Лоры и не могу отказаться отъ ея руки. Знаешь ли что Поль, если ты хочешь оказать мнь большую услугу, женись на ней вмъсто меня...

- Что ты говоришь?
- Мы впрочемъ потолкуемъ объ этомъ въ Бризнуа.

Все селеніе вышло навстрѣчу братьевъ, такъ всѣ любили ихъ; всѣ радостно повторяли другъ другу: Поль вернулся, добрый Жюльенъ избавиль его отъ вѣчной тюрьмы.

Священникъ, г-жа Резевиль и Лора со слезами бросились обнимать спасеннаго, и даже Лора, не смотря на свою всегдашнюю робость, поцъловала прівзжаго.

Оставалось рашить щекотливый вопрось о перемана жениха, но дало это окончилось скора чамь думали. Г-жа Резевиль не спорила, потомучто ей было все равно, который изъ братьезъ будеть ея зятемъ, только бы дочь ея вышла замужъ. Лора съ своей стороны была согласна, о Пола и говорить нечего.

Когда свадьба была опять назначена, то Жюльенъ сказаль молодой дввушкв:

Позвольте мнѣ, сестрица, сдѣлать вамъ свадебный подарокъ.

И онъ подалъ ей портретъ съ букетомъ фіалокъ. Лора покрасивла отъ удовольствія и со слезами радости смотрвла на работу Поля.

— Эта фантастическая головка, продолжаль Жюльевъ шутя, которую я украль у вашего профессора живописи... вы можете возвратить ее вашему мужу. (Le Voleur).

прогулка на островъ Эгнну. (Изъ записокъ путетественника). Жаль тъхъ, которые не знаютъ по-гречески! Они не могутъ читать Гомера, Аристофана, Өеокрита въ оригиналъ. Они никогда не утоляли своей жажды въ Кастальскомъ источникъ; они не вкушали меду Пиндскихъ пчелъ, не летали на крылатомъ Пегасъ, не слышали пънія сиренъ. Жаль ихъ, чрезвычайно жаль! Можно даже сдълать вопросъ: если они не знаютъ по-гречески, чтожъ они знаютъ на свътъ? Они будутъ отвъчать, что знаютъ по-китайски, по-тибетски, даже по-французски, все такъ! Но они не знаютъ по-гречески.

Послѣ этихъ бѣдняковъ всего больше жаль тѣхъ, которые знаютъ по-гречески, то есть, какъ вообще знаютъ этогъ языкъ, поверхностно, неопредѣленно, фантастически, неумѣя объяснить двухъ строкъ безъ помощи лексикона.

Послѣ тѣхъ и другихъ, жаль еще тѣхъ, которые зная по-гречески, выговариваютъ его по методѣ Эразма, то есть, какъ выдумалъ Эразмъ Роттердамскій. Имя его значитъ по-гречески, любезный (εραςμίος). Не знаемъ дѣйствительно ли онъ былъ любезенъ, но его выдумка вовсе не любезна. Представьте себѣ француза, который сталъ бы читать по-французски, выговаривая ясно всѣ буквы, м вы постигнете методу Эразма.

Смпсь. 43

И такъ повторяемъ, счастливы тѣ, которые могутъ читать стихи Гомера, Аристофана и Өеокрита въ подлинникѣ! Счастливы, которые произносятъ по-гречески, какъ нѣкогда говорили въ Афинахъ, а не такъ какъ говорятъ въ Парижѣ! И наконецъ тѣ, которые читая греческіе стихи, сливаютъ двугласныя, которыми наполненъ этотъ языкъ, въ одинъ слогъ, тогда какъ читая ихъ на французскій манеръ, растягиваютъ стихи Гомера на нѣсколько километровъ. Это впрочемъ не мѣшаетъ французскимъ профессорамъ восхищаться красотою стиховъ Гомера. Они похожи на того Ирокезца, который былъ въ восторгѣ, слыша чтеніе стиховъ Расина.

Едва я вступилъ на первый камень Пирейской набережной (я помню еще, что онъ былъ сърый и съ трещиною посрединъ), какъ оцънилъ всю выгоду новъйшаго произношенія. Я понималъ грековъ, и они меня тоже. Еще лучше, они меня принимали за своего земляка. Какая радость? И такъ я не варваръ!

Одинъ чичероне уже ухватился за насъ и за наши кошельки. Я говорю, ухватился, а надобно бъ было сказать вивпился, потому что у него руки вооружены были не пальцами, а клещами, какъ у рака. Мы положились на свою участь.

Этотъ чичероне говорилъ по-гречески, по-турецки и по-русски. Мы сѣли въ фіакръ; чичероне сталъ на запятки, и мы поѣхали по афинской дорогѣ. На полупути остановился ямщикъ у сарая, названнаго кофейнымъ домомъ и предложилъ намъ освѣжиться. Намъ предложили сигаръ, коньяку, рому и виски. И это здѣсь называютъ освѣжиться! Мы взяли рагатъ-лугумъ, который намъ довольно понравился. Это родъ пирожнаго, розово-прозрачнаго и напитаннаго розовыми духами.

Мы отправились далье, и прибыли наконецъ въ столицу Тезея и Перикла.

Тои дня сряду осматривали мы Акрополь и другія развалины, которыя всёмъ извёстны, то есть извёстно какъ все на свёть, поверхностно. Потомь отправились мы по окрестностямь. Намъ сказали, что прежде всего обязаны мы посётить Эгину. Пожалуй! Въ Эгину такъ въ Эгину.

Опять сёли мы въ фіакръ, возвратились въ Пирей, пошли къ гробницѣ Оемистокла, отъ которой осталось нѣсколько камней, размываемыхъ моремъ. Прійдя въ Мунихію, наняли мы лодку и поѣхали.

Јети моя легкая додочка по прекрасной влагѣ Салоникскаго залива, плыви по этимъ дазурнымъ водамъ, по которымъ за кормою вздымается бѣлопѣнистый валъ! Развивай свой снѣжный парусъ къ голубому небу! А ты, благоуханное дуновеніе Гиметской горы, ты Архипелагскій зефиръ, дуй въ послушные паруса и веди насъ въ безопасную говань! Какое наслажденіе! Лодка летитъ, какъ быстрая колесница. Дежа на мягкихъ подушкахъ, мы мечтаемъ о прошедшемъ, укачиваемые свѣжимъ вѣтеркомъ, волнами свѣта, сладостною тишиною и усладительнымъ far niente. Одинъ изъ насъ (а насъ было трое) запѣлъ итальянскую баркароллу. При звукахъ этого пѣнія поднимаются со дна моря

бородатые тритоны на дельфинахъ и нереиды въ своихъ перламутро-выхъ раковинкахъ.

Пирей далеко уже отъ насъ. Налѣво возвышается Саламинъ; передъ нами Эгина. Мы ѣдемъ по тѣмъ самымъ мѣстамъ, которыя были свидътелями пораженія Ксеркса и торжества Грековъ. Эсхилъ воспѣлъ и то и другое. Вотъ его слова: (разсказъ этотъ будто бы говоритъ персидскій гонецъ Атоссѣ, матери Ксеркса):

«Грекъ, явившійся изъ Аоинскаго стана, сказалъ Ксерксу, что вакъ скоро темная ночь набросить на землю темный свой покровъ, греки бросятся на свои корабли и разбъгутся въ разныя стороны. Ксерксъ, неподозрѣвая аживости этой вѣсти, ни гвѣва боговъ, отдалъ всѣмъ своимъ капитанамъ следующій приказъ: «Какъ скоро солнце зайдеть и ночь покроеть землю, разделите флоть на три эскадры. Дев должны сторожить всв выходы и проливъ, а последняя обложить островъ Аякса (Саламинъ) со всёхъ сторонъ, дабы, если кто либо изъ грековъ избёжить смерти и спрячется въ этомъ последнемъ убежище, то чтобъ мы могли отыскать его и тамъ. » Такъ говорилъ Ксерксъ въ гифвф своемъ, не зная участи, которую готовили ему боги. Навархи повиновались его вельнію; они приготовили ужинъ, и гребцы привязали свои весла къ пробоинамъ на бортъ. Когда же солнце опустилось въ море и настала ночь, то гребцы и воины отправились на назначенныя имъ мъста, адмиральскій корабль указываль каждой триремъ пость ея. Они пошли и заняли его подъ покровомъ ночи,

« Насталъ день, тогда увидели, что греческое войско не делало никакихъ приготовленій къ тайному побіту. Світило дня, везомое четырьмя бельми конями, озарило всю землю. Греки запели священные гимны, которыхъ отголосокъ раздался въ горахъ и окрестныхъ островахъ. Варвары, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, объяты были страхомъ. Они знали, что греки не поютъ священныхъ гимновъ при отступленіи, а только когда намфрены сражаться до последней крайности. Звуки трубъ воспламеняли ихъ мужество; шумныя весла единовременно ударяли по горькимъ волнамъ, и триремы быстро шли впередъ подъ управленіемъ лоцмана. Вскор'в приблизились они къ врагамъ; правое крыдо первое подощло въ совершенномъ порядкѣ; потомъ столкнулся и весь флоть, и раздались следующія слова: «Дети Эллады, впередь! освободите вашу родину, вашихъ женъ и детей, ваши домы, вашихъ отечественныхъ боговъ, гробницы вашихъ предковъ! Все зависитъ отъ этого боя... в Подобныя же воззванія раздавались и въ персидской армін. Настала минута боя. Одинъ греческій корабль подаль знакъ, ударясь носомъ своимъ въ Финикійскій корабль и разбивъ его ростры. Послѣ чего бросился на другіе. Нашъ персидскій флотъ храбро выдержаль первое это нападеніе, но непріятели устремились на насъ такими плотными массами, что мы не могли помогать другь другу, и корабли наши раздирали другъ друга мѣдными своими шпорами. Вскорѣ весь флотъ превратился въ развалины. Греки составили около насъ гибельный кругъ, топили наши суда, и подъ облемками ихъ и подъ кровью нашихъ воиновъ не видно было даже морскихъ водъ. Берегъ

и прибрежныя скалы покрыты были нашими трупами. Корабли наши бъжали на всёхъ веслахъ и въ безпорядкё. Греки убивали нашихъ воиновъ даже обломками веселъ. Отвсюду раздавались вопли и стоны, кровопролитіе продолжалось до того часа, когда ночь скрыла отъ насъ все это зрёлище. Десяти дней мало бы было на разсказы всёхъ нашихъ бъдствій, но никогда не погибало столько людей въ одинъ день! (*)

«Неутъпная вдова Мавзоли, прелестная Артемиза, королева Галикарнаская, искала разсъянія въ шумъ битвы. Она участвовала въ этомъ достопамятномъ дълъ, и Геродотъ расказываетъ, что она такъ храбро сражалась, что Ксерксъ, сравнивая ее съ своими воинами, сказалъ послъ пораженія: женщины сражались, какъ мужи, а воины, какъ женщины ... Быстро преслъдуемая однимъ греческимъ кораблемъ, она спаслась слъдующею хитростью. Она напала на корабль Колиндійскаго короля, союзнаго съ Ксерксомъ; греки, думая тогда что это ихъ корабль, перестали преслъдовать Артемизу, которая могла возвратиться въ свои владънія.

Кром'є Эсхила и Геродота, вспомнили они и Пиндара, который въ одной своей од'є восп'єваетъ Эгину, называя ее «городомъ, гдіє царствуетъ правосудіе и граціи, островъ Эакидъ, украшенномъ всіми доброд'єтелями и славою, породившемъ несравненныхъ героевъ, грозныхъ въ битвахъ и пламенныхъ поэтовъ, восп'євавшихъ поб'єды грековъ.

Въ пятой и въ восьмой своей истмической пъсни, посвященной эгинетамъ, побъдившимъ на Истмійскихъ играхъ.

— Смертные и боги греціи, восклипаетъ Пиндаръ, мы всѣ происходимъ отъ одного племени. Таже мать дала намъ жизнь. Одно могущество раздѣляетъ насъ, потому что власть боговъ опирается наподножіе мѣднаго неба, мы равняемся однако же жителямъ Одимпа своими мыслями, склонностями; мы не знаемъ только срока, опредѣленнаго парками для нашей жизни... Безумцы! продолжаетъ Пиндаръ, раздѣляющіе науки отъ поэзіи; обѣ онѣ дочери Мнемозины; обѣ онѣ родныя сестры. Память и воображеніе служать источникомъ всѣхъ знаній. Одна даетъ вещество, другая крылья. И поэтъ и ученый представляютъ крылатыя существа, парящія надъ толпою. Они взорами своими объемлютъ міръ, котораго близкая толпа видитъ одни закоулки.»

При этихъ воспоминаніяхъ о Пиндарѣ мы пристали въ небольшой бухтѣ, лодочники бросили якорь, и мы вступили на берегъ Эгины, называвшейся въ древности Этоною. Первое имя вѣроятно дано по причинѣ виноградникомъ, а второе по имени нимъы, любимой Юпитеромъ и скрытой имъ въ горахъ этого острова отъ поисковъ отца ея рѣки Инаха.

Эгина была колыбелью греческаго искусства. Первые художники были изъ Эгины и пользовались заслуженною славою. Монеты эгинскія были древнѣйшими, какія дошли до насъ. На нихъ изображена голова барана (αξξ—овца, Αξγίνα Эгина), корабль или двѣ рыбы, эмблемы море-

^{*} Эсхиль. Персы, траг. стихи 333-354.

плаванія и рыбной ловли. Аристофанъ въ Лягушкажь своихъ говоритъ, что Эгина изобиловала еще льномъ, кожею и горохомъ. Одинъ изъ коментаріевъ этого поэта увѣряетъ, что онъ родился въ Эгинъ. Но это неосновано ни на какомъ свидѣтельствѣ, и греческій Мольеръ вѣроятвѣе всего Афинскій уроженецъ. Но онъ вѣрно имѣлъ земли на Эгинъ, потому что въ Парабазѣ Акарнанцевъ говоритъ онъ: «Лакедемонцы, предлагая вамъ миръ, требуютъ у васъ Эгины, не потому чтобъ имъ была большая нужда въ этомъ островѣ, но потому что они хотятъ разорить вашего поэта. Вы неотдадите имъ острова.»

Мы взобрались на Пангеллинскую гору, гдв стоять знаменитыя развалины Эгинскаго Наоса, съ которыхъ видно все окрестное море. Вся гора покрыта мелкимъ камнемъ, который мѣщаетъ воздѣлывать землю; мѣстами растутъ нѣсколько оливковыхъ деревъ, тминъ, шалфей и другія душистыя травы.

По увъренію одного нъмецкаго археолога Наосъ этоть быль посвященъ Минервъ, а не пангеллинійскому Юпитеру, какъ до сихъ поръ думали. Онъ быль построень вскорв послв победъ Абинянь и союзниковъ ихъ надъ персами. По плану и распределенію зданія, похоже оно на Аопискій Тезейонъ. Периптеръ, гексастиль, гипетръ, желубчатыя колонны, изъ чистаго песчаника, карнизъ марморный, стиль дорическій. По обычаю дучшихъ времень искусства, разныя части зданія были окрашены разными цвѣтами. Тимпанумъ былъ голубаго цвѣта, архитравъ желтымъ и зеленымъ, триглифы синимъ, какъ равно листель и гладкій поясь. На каждомъ фронтонь была группа изъ одиннадцати фигуръ въ арханческомъ стиль. Художникъ, работавшій ихъ, неизвъстенъ, но уже могъ служить предвъстникомъ Фидію. На восточномъ фронтонъ представленъ бой Геркулеса и Теламона, противъ траянскаго короля Лаомедона. Противуположный фронтонъ изображаль битву грековъ и троянъ за тело Патрокла. Эти великоленныя статуи низвергнуты были землетрясеніемъ, лежали нісколько віжовъ подъ землею. Варугъ въ 1811 году толпа англійскихъ ученыхъ пиратовъ открыла ихъ и закричала:

- Вставайте, вы намъ принадлежите, и мы васъ увозимъ.
- Какъ увозите? отвъчали статуи, мы въ своемъ отечествъ.
- Все равно, намъ нужны деньги. Мы васъ продадимъ.
- Какъ продадите? Да развѣ это можно?
- Ктоже намъ помъщаетъ? У васъ уже нътъ оружія. Посмотрите, у Минервы нътъ копья, у Аякса нътъ и дротика, а Зевесъ давно потерялъ свои громовыя стрълы...

Напрасны были всв ихъ вопли, стоны и жалобы. Всв были развезены по британскимъ музеямъ, и если кто теперь хочетъ видъть знаменитый храмъ Эгины, тотъ долженъ объвзжать по туманнымъ городамъ Албіона.

Правда, что и Греція не очень хлопочеть о возобновленіи своихъ аревнихъ памятниковъ. Но во-первыхъ страна эта не имъетъ денежныхъ средствъ на подобныя издержки, а во-вторыхъ, иностранцы такъ Carcs. 47

много увезли уже отсюда сокровищъ, что объ оставшихся почти и хлопотать не стоитъ.

Возвратимся къ Пангелленіону. Видъ съ него великолепенъ, взоръ обнимаеть вдругь множество острововь, любуется прозрачнымъ моремъ, заливами, мысами, горами, но всего прелестиве въ этой панорамв видъ Суніумскихъ колоннъ, возвышающихся на краю горизона на последнемъ мысъ Аттики. Это авинскій Акрополь, пирамидально поднимающійся изъ бассейна, образуемаго парнасскою и гиметскою ценью. Это соединение трехъ храмовъ, эгинскаго, суніумскаго и акропольскаго, стоящихъ почти на равномъ разстояніи одинъ отъ другаго и какъ бы смотрящихъ одинъ на другой сквозь волны и пространство. Эгинскій храмъ светло-сераго цвета, суніумскій, подобный белизне соли отъ дъйствія морской воды, а авинскій партенонъ золотисто-желтаго цвъта отъ дъйствія солнечныхъ лучей. Какъ некогда прелестенъ былъ видъ этихъ трехъ храмовъ ввечеру при глубокой темнотъ, гдъ на алтаряхъ ихъ возжигались огни, и съ этихъ отдаленныхъ вершинъ искрились эти три пламени, отражая на темныхъ облакахъ красноогненныя колонны перистиля.

Чтобъ ни говорили, греческая архитектура сохранила и теперь въчно-юный свой характеръ. Готическая же, напротивъ того, во всемъ выражаетъ древность.

Покуда мы безотчетно бродили около храма, къ намъ подошелъ какой-то старикъ со взъерошенною бородою, длинною палкою и сумою черезъ плечо: онъ было сперва протянулъ руку къ чичеронѣ, но тотъ съ лукавою усмѣшкою указалъ на насъ, и сказалъ:

— Вотъ прівзжіе иноземцы. Они говорять на твоемъ языкв. Они конечно божеству твоему неоткажуть въ полдрахмв.

Съ недоумѣніемъ смотрѣли мы на старика, непонимая таинственныхъ словъ чичероне. Но старикъ важно взглянулъ на насъ, пріосамился и съ нѣкоторою торжественностью началъ съ нами разговаривать.

 Какъ измѣнились эти мѣста, сказалъ онъ, указывая своею палкою на три храма, виднѣвшіеся на горизонтѣ.

Мы чрезвычайно удивились, услыша, что старикъ говоритъ на древне-греческомъ языкъ. Когда онъ къ намъ еще подходилъ, то первымъ нашимъ движеніемъ было подать ему нѣсколько мѣдной монеты, чтобъ отвязаться отъ докучливаго нищаго. Но знаніе древне-греческаго языка обнаруживало въ немъ ученость, которая рѣдко встрѣчается и между греками.

- Кто ты, добрый старикъ? спросиль я его.
- Я Зевесъ, гордо отвъчаль онъ, поднявъ голову.
- Зевесъ, —вскричали мы съ недоумѣніемъ и посмотрѣли на чичероне. Но тотъ равнодушно смотрѣлъ на море.
- Да! съ важностью продолжалъ старикъ. Я властитель Олимпа.
 Спутникъ мой понялъ въ чемъ дѣло и изъ любопытства рѣшился продолжать разговоръ.
 - Жаль тебя, старикъ! Изъ глубины Азіи исторглись дикія орды

варваровъ. Въ одной рукѣ несли они мечъ, а въ другой алкоранъ. Они превратили здѣсь все въ пустыню, въ обширную гробницу. Теперь есть милліоны грековъ, страдающіе подъ игомъ мусульманъ, и всякій эллинъ жаждетъ только мщенія и смерти. Римъ! Константинополь! Не была ли это одна обширная, могущественная, образованная Греція!...

Старикъ повернулся и пощелъ было отъ насъ, но вдругъ воротился:

— А все-таки ссудите меня, добрые варвары, полдрахмою. Когда я опять буду богать, то отдамь вамь сторицею.

Мы подали ему цѣлую драхму. Радость блеснула въ глазахъ его. Онъ быстро зашагаль, ласково посматривая на драхму.

Чичероне съ усмъшкою подошелъ къ намъ.

a Cross out april to a solution and to the contract of

— А въдь быль умный человъкъ, сказалъ онъ, указывая на старика. Быль учителемъ, профессоромъ... Но въ последней войнъ съ Турками лишился всего семейства. Бъднякъ сошелъ съ ума. Воображаетъ себя юпитеромъ и осыпаетъ проклятіемъ Турокъ. Ваша драхма на долго сдёлала его счастливымъ.

(Revue de Paris.)

Problem of the contract of the

of the state of the second property of the second property of the second second

to arthronial animper shall minute a spenger to the ally purpose that

State of the state of the ore standings to the state of t

BECOME A COLUMNICATION OF THE WAY OF THE PARTY OF THE PAR

rangua di manasanta gerim. Mine manifest di Il tanggia antang di di Il -

Parties and the second residence of the control of

A Service of the language of t

ИЕТЕРБУРГСКІЙ ВЪСТНИКЪ.

ЛИТЕРАТУРА.

1. ЖУРНАЛИСТИКА.

Испытаніе романт В. Крестовскаго. — Литературная двятельность этого писателя. — Журнальные отзывы. — Отличительныя свойства автора и достоинства его. — Мысли и чувство. — Характеры двйствующихъ лицъ. — Іюльская книга «Отечественныхъ Запи сокъ.» — Переводъ Антигоны. — Стихи г. Шестакова. — Статъя г. Тихонравова. — Последнія книги Современника. — Стихотворенія. — Г. Лонгиновъ, собиратель школьныхъ стиховъ Лермонтова. — Хорошія и слабыя статьи журнала. — Новый поэтъ и критика. — Госпо двиъ, палимый лучами идеала. — Сервилія и Апронія. — Отчего новый поэтъ такъ мало изучалъ стараго?

Передъ нами три части новаго романа, помъщенныя въ майской, іюньской и іюльской книгахъ «Отечественныхъ Записокъ», принадлежащія писательницѣ съ замѣчательнымъ дарованіемъ, скрывающейся подъ исевдонимомъ В. Крестовскаго. Это уже восьмое произведеніе того же автора, исключительно появляющагося въ этомъ журналѣ. Кромѣ «Отечественныхъ Записокъ» и «Пантеона», въ которомъ былъ напечатанъ небольшой драматизированный разсказъ В. Крестовскаго: «Утренній визитъ», мы нигдѣ не встрѣчали имени этого автора, выступившаго на литературное поприще всего пять лѣтъ тому назадъ. Намъ кажется, что теперь критика уже можетъ произнести окончательный приговоръ о степени дарованія автора и опредѣлить его значеніе между современными литературными извѣстностями. Данныхъ много, остается только обозрѣть ихъ въ связи между собою и сдѣлать выводъ.

Мы не хотимъ сказать этимъ, чтобъ критика была несправедлива къ В. Крестовскому, чтобъ она оставила безъ вниманія или «прешла молчаніємъ» это дарованіе, развивавшееся сильно и быстро передъ глазами читателей. Напротивъ, о каждомъ новомъ произведеніи автора журналы отзывались съ похвалами, говорили «по поводу» его много лестнаго, и если «иногородный подписчикъ», разводящій каплю остроумія въ океанъ несообразностей, подсмъивался весьма не остроумно надъ однимъ изъ слабъйшихъ произведеній Крестовскаго, за то новый поэтъ, другъ подписчика, какъ онъ самъ называетъ себя, выписываль чуть не десятки страницъ изъ романовъ этого автора, что значительно пополняло «Замътки поэта» о журналистикъ п въ тоже время избавляло его отъ труда серьезно разбирать эти романы.

Не станемъ говорить о томъ, что нътъ дъльной критики, или что она приняла фельетонное направленіе — двъ любимыя темы современныхъ разглагольствованій, но зам'ятимъ только одну странную сторону этой критики: каждаго новаго писателя она встръчаетъ или съ восторженными похвалами, или чрезвычайно холодно, чуть не падаетъ передъ нимъ на колъни, или обходится съ нимъ чрезвычайно недовърчиво и двусмысленно. Стариннаго обычая: поощрять развивающееся дарованіе, теперь нъть и въ поминъ. Конечно, обычай этоть не принесъ большой пользы литературъ двадцатыхъ годовъ, но Крыловъ, говорившій въ своей басив, что только одии поддъльные цвъты боятся дождя, не упомянуль о томъ, что сильный дождь вреденъ и для природныхъ цвътовъ, и что они также легко могутъ пропасть безъ солнца. Такое же равнодушіе, такая же недовърчивость, почти недоброжелательство первые разсказы Крестовскаго; ихъ хвалили какъ-то принужденно, отзывались объ нихъ общими, очень учтивыми и снисходительными, но и очень "холодными фразами, и ни одинъ журналъ не посвятилъ имъ дъльнаго разбора, серьезной критики, тогда какъ авторъ заслуживалъ полнаго сочувствія, если не по исполненію, то по мыслямъ и въ особенности по чувству, которыми проникнуты всв его романы. Что его не осыпали восторженными похвалами, этимъ, мы думаемъ, онъ былъ очень доволенъ, вспомнивъ, какъ скоро въ некоторыхъ изъ журналовъ восторгъ замъняется порицаніемъ, какъ напримъръ, въ «Современникъ», похвалы г-жъ Туръ, гг. Островскому и Авдъеву замънились самыми строгими осужденіями. Современнику, сказать мимоходомъ, конечно, некогда заниматься этимъ разногласіемъ съ самимъ собою; у него есть вопросы поважите: составление «Литературнаго Ералаша», «Замътокъ новаго поэта» и писемъ «Иногороднаго Подписчика», и когда «Отечественныя Записки» цитирують целыя тирады мивній «Современника»

діаметрально противоположных одно другому, «Современникъ» вмъсто отвъта, въ свою очередь находить еще болье странное разногласіе въ Запискахь и важно спрашиваеть: отчего г. Краевскій писалъ нъкогда названіе романа Вальтеръ-Скота: «Айвенго», а г. Дружининъ пишетъ теперь «Ивангое». Вопрось дъйствительно громадной важности, могущій имъть самое ръшительное вліяніе на русскую литературу и доказывающій какъ нельзя лучше, что «Современникъ» быль совершенно правъ, сначала расхваливая, а потомъ осуждая г-жу Туръ, Авдъева и Островскаго.

Но о Крестовскомъ «Отечественныя Записки» говорили мало, высказывались неопредълительно, не полно въ своихъ годовыхъ обзорахъ движенія русской журналистики, и мы до сихъ поръ еще ждемъ отъ этого журнала подробной оцънки его сотрудника, занявшаго такое видное мъсто и въ этомъ журналъ, и въ литературъ вообще. Не принимая на себя подобной оцънки, невозможной при нашихъ летучихъ, срочныхъ очеркахъ явленій журнальнаго міра, постараемся однакоже обрисовать литературный характеръ и значеніе г. Крестовскаго, какъ мы понимаемъ этого писателя.

Главная причина, почему наша критика мало говорила объ этомъ авторъ, состоитъ въ томъ, что объ немъ следовало бы говорить много, а фельетонные рецензенты стараются по большей части отдълаться поскорве отъ писателя, котораго нельзя отделать. Разсказывать содержаніе повъстей Крестовскаго было почти невозможно: оно всегда такъ просто, что его легко передать въ нъсколькихъ словахъ; нътъ ни эфектныхъ, раздирательныхъ сценъ, ни неожиданныхъ событій, ни потрясающихъ нервы картинъ: все безъискусственно, естественно, върно природъ и сердцу человъка: Простота главное свойство дарованія Крестовскаго; въ немъ нътъ ничего натянутаго, придуманнаго, сочиненнаго; драма у него совершается безъ ръзкихъ сценъ, безъ нарушенія такъ называемыхъ свътскихъ приличій, безъ открытой и явной борьбы съ об щественными условіями и предразсудками. Лица, выведенныя писателемъ, не выражають звучными фразами своего страданія, не рисуются въ горф; ихъ горе и страданіе таятся въ глубинъ сердца, и если выходять на поверхность житейскаго моря, то ни въ какомъ случав не волнуютъ его гладкой поверхности; характеры повъстей до того върны дъйствительности, что кажется будто еще вчера встръчался съ ними. Кругъ дъйствія этого писателя весьма не широкъ: онъ изображаетъ постоянно одинъ средній класъ провинціяльнаго общества, обывателей мирныхъ губерискихъ и утздныхъ городовъ все одной и той же полосия Россіи, небогатыхъ пом'ящиковъ; авторъ не описываетъ низшихъ сословій, ужъ черезъ-чуръ идеализируемыхъ въ наше время, ни столичныхъ великосвътскихъ героевъ и героинь, надовівшихъ до-нельзя въ салонныхъ повъстяхъ, сочиняемыхъ въ Коломив. Лица изъ петербургскаго міра являются въ повъстяхъ Крестовскаго мимоходомъ, стоятъ на второмъ планв, и хота также върны и естественны, но обрисованы не съ такою любовью, не съ такимъ изумительнымъ знаніемъ малѣйшихъ подробностей ихъ жизни, какъ лица провинціяльныя. Въ особенности провинціяльныя дамы выставлены въ повъстяхъ Крестовскаго съ искусствомъ неподражаемымъ, и мы скажемъ смѣло, что ни въ одной русской повъсти онъ не изображены лучше и върнъе. Имъ уступаютъ даже портреты провинціяльныхъ дамъ у Гоголя, талантъ котораго никогда не могъ вполив уловить и выразить всъхъ тонкостей и особенностей женскаго сердца и характера. Гоголь, какъ извъстно, не любилъ женщинъ, и можетъ быть поэтому всъ женщины его, кромѣ карикатурныхъ, блѣдны и безцвътны.

Конечно, подъ псевдонимомъ Крестовского скрывается женщина-писательница, но это еще не причина превосходной отдълки женскихъ характеровъ въ ея повъстяхъ. Намъ кажется даже, что обыкновенной женщинъ очень трудно върно изобразить въ разсказъ женщину, какъ бываетъ трудно живописцу написать свой портретъ, не польстя себъ. Въ этомъ случав авторъ будетъ непремвино пристрастенъ, особенно если начиная писать, будеть имъть въ виду мысль, къ несчастію довольно общую: что мужчина никогда не можетъ такъ хорошо знать всъхъ оттънковъ женскаго сердца, какъ сама женщина. Надобно слишкомъ много твердости женщины, много самостоятельности, почти самоотверженія, чтобъ не выказаться если не панегиристкой, то защитницею женщинъ. и г. Крестовскій, за которымъ мы оставляемъ его мужской псевдонимъ, вполив отрышился отъ всякаго пристрастія къ своему полу; явился, въ портретахъ своихъ дамъ, писателемъ совершенно объективнымъ-явленіе едвали не единственное между женщинами-писательницами. Стоить только припомнить какъ идеальны всв героини разсказовъ г-жъ Туръ Т. Ч., Лейлы, Станицкаго, чтобъ видъть, на сколько выше ихъ В. Крестовскій въ изображеніяхъ своихъ женщинъ.

Вообще «женственность» въ разсказахъ Крестовскаго не бросается въ глаза, не высказывается съ первыхъ строкъ. Сюжеты ея повъстей задуманы глубоко, характеры очерчены смъло и рельефно, слогъ сжатъ, отчетливъ, простъ, выражаетъ мысль прямо, ясно, безъ пустословія, безъ вычурныхъ фразъ; за картинностью выраженія, за ловкимъ оборотомъ, за звучнымъ эпитетомъ авторъ не гоняется; отъ этого происходитъ даже мъстами сухость, неполнота выраженія; видишь, что авторъ

не вполнъ еще овладълъ механизмомъ языка, не усвоилъ себъ всей гибкости, всего богатства его, чувствуещь даже, что выраженія, рельефно передающія мысль, не совстмъ правильно составлены по русски, но въ тоже время чувствуешь, что иначе сказать фразы нельзя, или что исправленная она потеряетъ ясность, полноту, оригинальность. Сквозь эту неженскую форму выраженія, концепція и обстановокъ разсказа пробивается почти на каждомъ шагу мысль върная, глубокая, вызръвшая вполнъ, вполит сознанная и переработанная, мысль тоже не женская. Женственность автора видна только въ одномъ чувствъ, нередко порывающемся высказаться, но кртико сдерживаемомъ, чувствт такомъ же глубокомъ, прекрасномъ, симпатичномъ, какъ глубока, прекрасна и симпатична мысль автора. Но чувство это не ищетъ возбудить состраданія другихъ, заинтересовать собою; оно слишкомъ гордо, чтобъ искать утвшенія, слишкомъ чисто, чтобъ притворяться, слишкомъ высоко, чтобъ оправдываться; оно покоряется всёмъ требованіямъ и условіямъ свёта, не вступая въ борьбу съ ними, зная, что въ самомъ себъ оно всегда найдетъ утъшение во всъхъ житейскихъ горестяхъ, помня, что въ исторіи чувства бывають минуты, выкупающія цёлые годы исторіи фактовъ.

И посмотрите, какъ глубоко прочувствованы почти всъ произведенія В. Крестовскаго, не смотря на то, что въ тоже время и глубоко задуманы; у этого цисателя мысль не въ разладъ съ чувствомъ, напротивъ: чувство смягчаетъ строгую мысль, мысль подкрѣпляетъ чувство въ минуты его слабости. Кажется, писатель съ намъреніемъ избраль такую скромную рамку для своихъ разсказовъ, чтобъ показать, какія занимательныя драмы могутъ произойти въ самомъ ограниченномъ кружкъ, когда мысль или чувство вступять въ борьбу съ обстоятельствами, мешающими ихъ развитію или прямо враждующими съ ними въ силу своихъ ложныхъ или эгоистическихъ убъжденій. Въ чемъ состоитъ, напримъръ, содержание лучшей повъсти г. Крестовского «Искушеніе»? Молодой человъкъ, живущій въ бъдности, обязанный содержать мать и сестру, можеть получить большое имъніе, если будеть угождать одному злому, капризному старику, рашившемуся изъ мести лишить наследства своихъ ближайшихъ родственниковъ. Мать и сестра, женщины простыя, необразованныя, не понимають чувства, заставляющаго молодаго человека отказаться отъ этого именія; ихъ просьбы и слезы составляють еще большее «искушеніе» нежели перспектива жизни въ богатствъ, послъ долгихъ нуждъ и лишеній. И молодой человъкъ не вдругъ побъждаетъ это искушеніе, онъ сначала уступаетъ ему, и только ближайшее знакомство со старикомъ заставляетъ его отказаться отъ предложенія, которое приняль бы другой человькь съ менье тонкими чувствами.

Новый Поэтъ, разбирая эту повъсть, сказалъ прямо, что ни за что бы не отказался отъ этого имънія. Въ двухъ повъстяхъ, составляющихъ вмъстъ одно цълое: «Сельскій учитель, » и «Еще годъ», выведенъ молодой человъкъ, дважды обманутый въ своихъ надеждахъ, испытывающій сначала безотвътно и напрасно чувство любви, потомъ чувство дружбы. Въ повъсти «Анна Михайловна», молодая провинціяльная дъвушка испытываетъ горькое разочарование въ своей привязанности къ столичному франту, компрометирующему ее отъ нечего дёлать. Въ маленькой, но глубоко прочувствованной сцент «Ръшительный часъ», подобный же молодой человъкъ не замъчаетъ искренней любви къ нему доброй и милой дъвушки, живущей съ нимъ подъ одною кровлею. Въ большомъ романь, «Ктожь остался доволень», одна нъжная мать хочеть, во чтобы то ни стало, выдать богатую дъвушку за своего сына, глунаго недоросля. Въ повъсти «Нъсколько лътнихъ дней», двъ дъвушки отъ скуки, въ каникулярное время, решаются поиграть сердцемъ гувернера, къ счастію вскорѣ замѣтившаго эту не совсѣмъ невинную шутку, которая глубоко отозвалась потомъ въ сердцъ одной изъ героинь. Если мы прибавимъ къ этимъ разсказамъ маленькую, но превосходно очерченную сцену: «Утренній визить», напечатанную въ нашемъ журналь, и въ которой петербургскій гость безъ намфренія нарушаеть своими хвастливыми разсказами о Петербургъ спокойствіе добраго провинціяльнаго семейства, то будемъ имъть въ итогъ все, что напечаталъ В. Крестовскій. Этого, конечно, немного, но довольно, чтобъ имя его осталось въ исторіи нашей литературы и упоминалось въ ней съ уваженіемъ, какъ имя инсателя умнаго, дёльнаго, вполнё изучившаго свой предметь, возбуждавшаго своими разсказами серіозные вопросы, и если не вполнъ отвъчавшаго на нихъ, то по-крайней-мъръ не смотръвшаго на литературу какъ на шутку, или занятіе отъ нечего дълать въ свободныя минуты. Въ разсказъ В. Крестовскаго если нътъ геніяльныхъ порывовъ, потрясающихъ читателя, за то нътъ и общихъ мъстъ, но вездъ видно стремление выйти изъ колеи вседневныхъ сюжетовъ, обыденныхъ чувствъ. Такъ въ двухъ лучшихъ его романахъ: «Искушеніе», и «Еще годъ», почти вовсе нътъ любви, этой необходимой пружины всъхъ романовъ, правду сказать уже немножко позаржавъвшей и начавшей издавать несовствить пріятный скрипъ, вмісто мелодических звуковъ.

Новый романъ В. Крестовскаго: «Испытаніе», долженъ занять мівсто между повъстами: «Еще годъ» и «Анна Михайловна». Онъ обширнъе всего, что до сихъ поръ написалъ этотъ авторъ, хотя содержаніе его не многосложно. Одна провинціяльная маменька, немножко похожая на Катерину Михайловну, геровню романа: «Кто же остался доволенъ,» помъшанная на богатствъ и свътскости, разстроиваетъ разными домашними сценами счастіє своей дочери, любящей одного благороднаго человъка, и выдаетъ ее за богатаго, но пустаго франта, болъе всего для того, чтобъ только поставить на своемъ. Этотъ простой сюжеть обставлень и выполнень художнически. Главнымъ двигателемъ всёхъ этихъ семейныхъ сценъ является братъ чувствительной Анны Дмитріевны, матери Вареньки, господинъ Шатровскій, человъкъ съ громкими фразами, но съ мелочнымъ сердцемъ, пустой, но съ претензіями на умъ и чувство, лінивый, но способный сділать зло, если затронуто его самолюбіе, и дъйствительно дълающій несчастіе своей племянницы изъ одного упрамства. Романъ начинается и оканчивается письмами отъ какой-то Лизаветы Андреевны, которую, повидимому любитъ Шатровскій, хотя и совершенно забываеть объ ней въ деревнъ Анны Динтріевны. Чтобъ испытать какъ сильна любовь Шатровскаго, Лизавета Андреевна употребляеть старое средство-разлуку, въроятно помня плохое, но справедливое двустишіе:

L'absence est à l'amour ce qu'au feu est le vent-Il éteint le petit et allume le grand.

Средство это, конечно не удается, и Шатровскій, вдалекѣ отъ своего ментора, является самымъ пустымъ человъкомъ. Намъ даже странно, что Лизавета Андреевна, сколько можно судить по двумъ ен письмамъ — женщина умная, могла сомивваться въ ничтожествѣ Шатровскаго, непонимать его и даже привязаться къ нему. Это кажется намъ не совсѣмъ вѣроятнымъ. Впрочемъ это нисколько не мѣшаетъ «Испытанію» занять одно изъ почетныхъ мѣстъ въ русской литературѣ и быть едва ли не лучшимъ русскимъ романомъ, вышедшимъ въ нынѣшнемъ году. Чтобъ познакомить хоть нѣсколько читателей съ языкомъ В. Крестовскаго, приведемъ начало первой главы третьей части, въ которой авторъ, неописывая событій, говоритъ отъ своего лица. Этими строками мы окончимъ нашъ разборъ, потому что онѣ, лучше всякихъ разсужденій характеризують талантъ этой замѣчательной женщины—писательницы.

«Въ какой нибудь лишній или не лишній часъ, когда сердце сжато печалью или расширено радостью, когда умъ работаеть съ лихорадочнымъ увлеченіемъ, или когда отъ нечего дълать въ дъйствительности, онъ бросается въ отвлеченныя разсужденія,—въ такой часъ, (а эти часы върятно бывали у каждаго) вникая въ значеніе слова жизнь, всякій изъ насъ невольно останавливался, пораженный огромностью этого значенія. Слово становилось образомъ. Мысль и чувство, душа и серд-

це этого образа являлись во всёхъ примѣненіяхъ знанія, пользы, опытности, любви, счастія, страданія; они приводили за собою примѣры, напоминали дѣятельность, вызывали соревнованіе, вызывали слезы сочувствія. Казалось, само пространство раздвигалось вокругъ насъ, чтобъ вмѣстить этотъ привлекательный и страшный образъ; благоговѣніе охватывало насъ какъ-будто воздухъ, и въ груди нашей зажигались новыя силы... Были счастливцы, которые, умирая, еще ощущали жаръ этихъ силь...

Но что чувствовали мы въ ту минуту, когда голосъ ежедневной суеты заставляль померкнуть, заволноваться и исчезнуть великольпный образъ, носившійся предъ нами? Что бывало съ нами, когда пустота, мракъ и безпредъльность вдругъ захватывали его мъсто? Провожали ли мы его крикомъ безмолвнаго отчаянія, или благоговъли безмолвно и покорно? Обратясь ли на себя, мы сказали съ благороднымъ сознаніемъ что въ насъ есть всъ начала этой жизни, что искра и пламя по существу своему—одно, и разница только въ разиъръ? Или уничтоженные размъромъ этой разницы, не находя матерьяльнаго сходства между собою и тъми людьми, которыхъ видъли въ нашемъ видъніи, мы отреклись и отъ сходства нравственнаго, и обратились къ другимъ съ презрительною насмъшкой, къ себъ съ лънивой скукой?..

Эта насмѣшка называется прямымъ взглядомъ на жизнь; отсутствіе чувства, и слѣдовательно, увлеченій—благоразуміемъ, отсутствіе мысли никакъ не называется, потому-что и не замѣчается тамъ, гдѣ рѣшено, что думать не о чемъ. А если скучно—виновата судьба: зачѣмъ не дала занятій поразнообразнѣе, попросторнѣе мѣста на свѣтѣ, побольше денегъ...

Это ли весь выводъ долгой, мучительной и отрадной думы? Неужели жизнь всёхъ, у кого она полна внёшняго и внутренняго значенія—для насъ только спектакль, который, пожалуй, и занимаетъ насъ, но непродолжительно, слабо; спектакль, въ которомъ мы не беремся участвовать сами, потому-что намъ лёнь? На чемъ основана эта мысль, на эгоизмѣ, на безчувственности? Не хотимъ ли мы нетревожить нашего покоя, или наши натуры неспособны имъ жертвовать?.. Въ этомъ никто не сознается, никто не объяснитъ этой лёни.

«У насъ есть всегда одно оправданіе: примъры жизни занятой и полной тревоги и событій—ръдки; жизнь массы людей—несложна и незначительна; разбирать, цънить ее, отыскивать смыслъ мальйшаго обстоятельства, придавать важность ежедневнымъ ощущеніямъ—есть мечтательность и преувеличеніе. Мечтательность смышна, преувеличеніе гибельно. То и другое недопускаетъ видъть жизнь въ настоящемъ свыть

и жить разумно. Кром'ть того, они начало гордости: преувеличивая значение обстоятельствъ, мы преувеличиваемъ и свое собственное значение; дойдемъ до того, что вообразимъ и себя одними изъ великихъ лицъ, памятныхъ въ истории человъчества...

Смиренное и съ вида глубоко поучительное оправдание! Жаль, что разглядывая строже, оно оказывается ложно.

Великіе примъры ръдки, нътъ спора; но развъ эта масса, живущая день за день трудомъ своихъ рукъ, своими мелкими средствами, ограниченными соображеніями, волнуемая интересами и страстями, пригнанными по ея размъру, развъ эта масса не люди? Развъ для того, чтобъ заслуживать разборъ и участіе, жизнь должна быть величавой классической трагедіей, или драмой съ сильными эфектами? Но ежедневныя происшествія, столкновенія между людьми средняго воспитанія, средняго ума, средней доброты сердца, какова большая часть людей, происшествія, положимъ, несложныя, основаны же на чемъ-нибудь; какое нибудь чувство ихъ вызвало, какое нибудь чувство ихъ развило, какое нибудь чувство разрёшить ихъ. Опровергать это, значить отвергать внутреннюю жизнь человъка, -- ни больше, ни меньше, и неужели привычка къ лицамъ и къ обстановкъ можетъ извинить подобное опровержение? Мы не позволимъ себъ разобрать безпристрастно, что участь той или другой нашей знакомой, даже не относительно, а въ самомъ дълъ печальнъе участи той или другой исторической героини; мы не посмъемъ сдълать этого сравненія, потому-что боимся впасть въ преувеличенное, въ смѣшное, - но истина можетъ ли быть смѣшна? преувеличеніе можеть ли быть тамъ, гдв безпрестанно предъ глазами живые примъры, люди съ слабостями и мелочностями? воображение непредставить ихъ въ невърныхъ размърахъ: только сердце приметъ въ нихъ должное участіе, а умъ не откажетъ имъ въ значении, которое они должны имъть какъ люди. Строгая оцънка не допустить развитія мечтательности, напротивъ, мечтательность погибнеть отъ безпрестанной дъятельности размышленія и безпрестанной повърки ощущеній. Въчный разборъ, въчная повърка покажеть все въ настоящемъ свъть: людей, обстоятельства, насъ михъ, изъ чего же можетъ зародиться въ насъ гордость, основанная на преувеличения?

Наконецъ, оправданіе холодныхъ мудрецовъ болѣе нежели ложно, оно гибельно тѣмъ, что ограничивая пищей и сномъ дъйствія большей части людей, отрицая въ нихъ способность мыслить, и слѣдовательно, лишая ихъ нравственнаго значенія, оно возбуждаетъ сомнѣнія: для чего же эти люди существуютъ на свѣтѣ?..

А свъть почти весь состоить изъ такихъ людей. Ихъ положение не

влестящее, способности не велики, убъжденія не сильны, характеры неопредъленны, образованіе не глубоко, страсти не способны выходить изъ границь. Ихъ отношенія и столкновенія между собою такъ незначительны, что для нихъ непридумано другаго названія какъ обыкновенные. Но вся общественная жизнь слагается изъ отношеній и столкновеній этихъ людей, слъдовательно, настоящую драму современной общественной жизни надо искать между ними, не выше и не ниже, потомучто, хотя выше или ниже положеніе рисуется отчетливъе, но это положеніе исключительное. Отъ своей неопредъленности и тишины, общественная жизнь смотрить холодно, односбразно, незанимательно; но эта жизнь большей части людей, и именно потому должно разбирать ее, стараться ближе и върнъе разсмотръть эти лица и характеры, не скучать мелочами. Смиренный и теритливый разборъ скоро укажетъ, что мелкое для глазъ огромно по своему значенію ...

Въ самомъ дѣлѣ, любонытно видѣть какъ полу-пороки, полудобродѣтели, получувства и полуслова двигаютъ всю массу живущихъ. Любо-пытно дойти чрезъ догадки и наблюденія какъ какое-нибудь легкое, неопредѣленное ощущеніе дѣлается положительнымъ; какъ далеко начало катастрофы, явившейся будто внезапно. Любопытны признанія людей, обясняющихъ свои иногда рѣзкіе поступки минутнымъ увлеченіемъ, тогда какъ это увлеченіе подготовлено давно; любопытно удивленіе при проявленіи опредѣленнаго чувства, необъяснимаго потому, что за его развитіемъ никто не трудился наблюдать. Драмы общественной жизни похожи на траву въ первые весенніе дни: луга зазеленѣли, между тѣмъ какъ никто не замѣчалъ ея роста.

«Время, тихо идущее между сномъ и объдомъ, занятія, вошедшія въ привычку до машинальности, удовольствія однообразныя и часто неизящныя; встръчи, въ которыхъ повторяются новости, успъвшія надоъсть, и слова, успъвшія приговориться; разговоры, гдъ мысль выражается вполовину за недосугомъ, кто можетъ сказать какъ много нужно всего этого, чтобъ оставить свой осадокъ въ душт человъка, подвинуть человъка на что нибудь, заставить выказаться, словомъ, произвести развязку драмы. А между тъмъ, вотъ изъ чего складываются жизнь человъка и общества; и такъ какъ невозможно сомнъваться, что всякое изъ мелочныхъ чувствъ и обстоятельствъ трогаетъ и волнуетъ человъка, то невозможво отказать ему въ сочувствіи, а его драмъ въ занимательности.

Конечно, кто этого не знаетъ? не вникая ни во что, мы живемъпокойнъе, особенно если судьба позаботилась доставить намъ разныя житейскія удобства, если помощь людей намъ ненужна, а ихъ мнѣніе не страшно. Мы не беремъ роли ни примирителя, ни утѣшителя, ни защитника; идемъ своей дорогой неоглядываясь на тъхъ, кого сталкиваемъ, иногда невольно, потому-что не замѣчали ихъ при встрѣчѣ... конечно, лѣнясь думать и чувствовать, очень удобно предполагать, что и другіе не думаютъ и не чувствуютъ: это избавляетъ насъ отъ хлопотъ и возни состраданія, и, часто, отъ непріятныхъ напоминаній совѣсти, которой случается просыпаться очень некстати... Одинъ разъ вступивъ въ колею жизни безъ размышленія и сочувствія, мы становимся необыкновенно находчивы для собственнаго оправданія, необыкновенно смѣлы и рѣшительны, и величаво безпощадны для другихъ.»

Кромъ окончанія романа «Испытаніе» въ іюльской книгъ Отечественныхъ Записокъ помъщено много любопытныхъ и замъчательныхъ статей Къ числу ихъ отнесемъ во-первыхъ переводъ Софокловой «Антигоны» г. Шестакова. Трагедія эта слишкомъ хорошо извъстна всякому, кто знакомъ съ классической древностью, и было бы странно говорить о ея достоинствахъ; переводъ очень тщателенъ и добросовъстенъ, но стихи до того тяжелы, что мы предпочли бы переводъ въ прозъ. Вотъ какъ начинается трагедія:

Антигона: — Головка милая родной Исмены!

Какихъ же бъдъ Эдиповыхъ еще
Не совершилъ ужъ Зевсъ при нашей жизни?
Нътъ скорбнаго и преступленья нътъ.
И нътъ позорнаго, безчестья нътъ,
Чего бы я не видъла въ твоихъ,
Чего бъ въ моихъ не видъла несчастьяхъ.

Если мы даже не будемъ говорить о топорности и неуклюжести этихъ стиховъ, то спрашиваемъ всёхъ: скоро-ли можно добиться въ нихъ смысла, понять въ этихъ темныхъ, тяжелыхъ фразахъ, что хотёлъ ска-зать авторъ? Кромъ того, что стихи очень темны и тяжелы, въ нихъ попадается множество неправильныхъ и изысканныхъ выраженій, напр:

Своей рукой себъ разбиль онъ очи...
Потомъ два брата общій жребій смерти
Въ одинъ и тотъ же день другъ другу дали...
И горьше этого намъ слушать надо...
Твои слова кусають слухъ иль сердце...
Тройнымъ вынчаеть возліяньемъ трупъ...
Объ немъ всегда печальницей была...
Увы, счастье все раздавиль мое...
Эротъ, непобъдный въ бою, и проч.

Такихъ стиховъ мы могли бы выписать ивсколько десятковъ. Любопытиве всего, что двлая самыя странныя перестановки словъ въ стикахъ для того, чтобъ сохранить размвръ, говоря, напримвръ: «лишились
братьевъ, мы въ одинъ погибшихъ день» или: «какихъ во имя правъ?»
переводчикъ во многихъ мъстахъ трагедіи не соблюдаетъ вовсе никакого размвра, отчего стихъ его становится однакоже ни сколько не яснве,
а напротивъ темиве. Не беремся объяснить причину этого, но приводимъ въ доказательство слъдующіе стихи хора, спрашивая всвхъ и каждаго, можно ли что нибудь понять изъ слъдующаго отрывка:

И родъ роду избавленья
Здёсь не даетъ, но какой-то разитъ богъ,
И нётъ спасенья никому
Надъ послёднимъ нынё корнемъ.
Въ Эдиповомъ дому разлился свётъ:
Его кровавый прахъ боговъ подземныхъ
Отъ насъ беретъ, рёчей безумство
И вмёстё съ тёмъ Эриннія души.

Намъ кажется также, что если переводчикъ не хотълъ дълить трагедіи на дъйствія, по общепринятому обыкновенію, то должно было бы объяснить въ примъчаніи дъленіе пьесы на пародосы и стасимоны, названія весьма дикія для уха русскаго читателя.

Въ высшей степени интересна статья: «Графъ О. В. Растопчинъ и литература въ 1812 году» г. Тихонравова, писавшаго прежде въ Москвитянинъ изслъдованія, относящіяся къ исторіи русской литературы. Это еще только первая половина статьи, изображающей очень върно и замъчательно любопытную эпоху. Очерки тогдашнихъ нравовъ, письма графа къ Циціанову, Суворову и оцънка его литературной дъятельности, —все это чрезвычайно занимательно. Нельзя сказать, чтобы слогъ г. Тихонравова былъ блестящъ, но авторъ пишетъ спокойно, правильно, систематически; взглядъ его всегда въренъ, сужденія основательны, критика безпристрастна, однимъ словомъ это такая біографія, какихъ немного въ нашей литературъ.

Въ одномъ только мъстъ этой статьи мы недобрались до смысла. На страницъ 36-й приводится письмо Растопчина къ Циціанову, въ которомъ графъ говоритъ о Наполеонъ слъдующее:.. «Онъ присоединяетъ къ страшной французской силъ и королевство Этрурское и возводитъ по себъ отрасль Бурбонскую на французскій» престолъ, оба королевства Этрурскія—дочь короля гишпанскаго.» Тутъ въроятно какая ни-

будь опечатка, которую не мѣшало бы разъяснить. Въ другомъ мѣстѣ есть также забавная опечатка, но она по крайней мѣрѣ ясна. Авторъ говоритъ: «Въ Растопчинъ какъ и во многихъ другихъ, невольно должно было возникнуть состязание величія русскаго народа.» Тутъ, вмѣсто состязания, должно быть, конечно, сознание.

Критическія статьи іюльской книги Отечественныхъ Записокъ довольно сухи, также какъ и библіографія. «Новости» очень разнообразны, хотя въ нихъ много мъста посвящено разбору книгъ, не имъющихъ общаго интереса. Петербургскія замътки гараздо менъе занимательны, чъмъ въ прошлыхъ мъсяцахъ.

О двухъ послъднихъ книгахъ Современника (іюньской и іюльской) мы можемъ сказать весьма немного. Въ нихъ еще тянется скучный и неестественный романъ какого-то г. Ипполита Панаева: «Бъдная дъвушка,» который какъ-то странно разбирать послъ «Испытанія». Все сходство между этими произведеніями состоитъ только въ томъ, что оба называются романами, тогда какъ «Бъдной дъвушкъ» слъдовало бы дать другое, болье приличное названіе. Изъ стихотвореній очень граціозно «Подражаніе древнимъ,» А. Майкова. Не можетъ сказать того же о стихотвореніи Фета: «Ночь весенней нъгой дышетъ,» хотя оно также въ древнемъ родъ и въ немъ есть и Фебъ, и Оетида, и Аврора. Еще плоше анонимное стихотвореніе, начинающееся стихомъ: «Великихъ зрълищъ міровыхъ судебъ.» Наконецъ еще хуже всъхъ этихъ стихотвореній слъдующее, названное «Разлука:»

Гдё ты радость, гдё ты счастье
Сиротьющей луши?
Словомъ дальняго участья
Ропотъ сердца утиши...
Къ моему ты изголовью
Невидимкою прильни!
Слово нёжное съ любовью
Сердцу сжатому шепни...

И такъ далѣе, еще три куплета въ такомъ же сладкомъ родѣ напоминающемъ романсы, пътые нашими бабушками: «Канареечка любезна»
или «Ты погибель мою строя...» Мы думали встрътить подъ этими стихами
имя князя Паликова и, къ удивленію, увидѣли «Лермонтова..» Въ примъчаніи редакція Современника увъдомляетъ, что получила стихотвореніе отъ
своего сотрудника М. Н. Лонгинова. Намъ кажется, что присылка стиковъ, написанныхъ Лермонтовымъ, когда онъ былъ еще мальчикомъ,

вовсе не подарокъ редакціи, и что сотрудникъ ея по отдълу Ералаша, выбираль стихи по своему вкусу. Можно, въроятно, въ ученическихъ тетрадяхъ Лермонтова найти стихотворенія еще слабъе, по изъ этого не слъдуетъ, чтобъ было пріятно читать подобныя произведенія, и мы думаемъ даже, что такія произведенія не слъдовало бы печатать, изъ уваженія къ памяти покойнаго поэта.

Стихотвореніе г. Полонскаго «Колокольчикъ» вознаградило насъ вполнъ за всъ неудавшіяся вирши: это очень милая картина, написанцая звучными стихами. Переводъ «Холоднаго дома» занимаетъ въ послъднихъ книгахъ Современника чуть не по десяти листовъ. Это очень пріятно, потому что хоть треть книги занята не Ералашемъ.

Рѣзко отдѣляется такъ же отъ другихъ статей этого журнала статья г. Ковалевскаго: «Жизнь и смерть послѣдняго владыки Черногоріи,» чрезвычайно любонытная и хорошо составленная. Нѣсколько любонытныхъ свѣдѣній можно найти и въ послѣдней статьѣ: О современномъ состояніи Турціи. Критическая статья, носящая громкое названіе: «Объ искренности въ критикѣ» написана съ тою цѣлью, чтобъ доказать, что Современникъ, хваля въ прежнихъ нумерахъ гг. Авдѣева, Островскаго и г-жу Туръ, и браня тѣже самыя лица въ послѣднихъ книгахъ, совершенно правъ. Доказывать можно все, что угодно: дѣло въ томъ логичны-ли доказательства.

Въ библіографіи хороши разборы «Сумарокова» и «Монастырки.» Въ смѣси помѣщенъ переводъ Исторіи молодости «Араго; » напрасно только переводчикъ не присоединилъ къ своему труду дополненіе къ этой «исторіи, » безъ котораго она далеко ненолна и которое помѣщено въ первомъ же томѣ сочиненій «Араго, » издаваемыхъ по смерти великаго ученаго. Не мѣшало бы также переводу быть получше; онъ чрезвычайно тяжелъ. Не дуренъ разсказъ Теккерея: «Балъ у мистрисъ Перкинсъ.» Иностранныя извѣстія довольно занимательны, но не полны. Въ іюньской книгѣ нѣтъ ни слова о русскихъ журналахъ: Литературный Ералашъ не отличается остроуміемъ, печатаетъ стихи неизвѣстныхъ позтовъ и похваливаетъ ихъ немного; стихи точно не дурны и попали въ Ералашъ очевидно для того, чтобъ наполнить этотъ отдѣлъ. Не хорошо только, что господинъ Кузьма Прутковъ въ своихъ афоризмахъ помѣщаетъ подобные, вовсе не похвальные софизмы.

За то въ іюльской книгѣ Новый Поэтъ съ самымъ тонкимъ знаніемъ приличій и деликатности начинаетъ разсказывать объ одномъ господинѣ, «палимомъ лучами идеала,» который полагалъ, что знакомые должны его поить, кормить и давать въ займы деньги, заходилъ къ новому поэту почти ежедневно, иилъ его кофе и чай, курилъ его сигары и написалъ «Апронію, драму изъ временъ Тиверія. Вслідь за этимъ любопытнымъ портретомъ автора Апронія, Новый Поэтъ говорить о Сервиліи, драмів изъ временъ Нерона, написанной г. Меемъ и находить, что драма очень плоха. Противъ личнаго мивнія фельетониста някто не будеть спорить, но мы рішительно непонимаемъ, какое отношеніе иміють къ литературів вей эти анекдоты, предшествующіе разбору драмы и трагедія «Апронія,» слідующая за драмою? Неужели это критика, не говоримъ уже: серьезная, но по крайней міріз добросовістная ли? Изъ этого непостижимаго фельетона мы узнали только причину, отчего Новый Поэтъ такъ мало знакомъ съ наукою и литературою. Онъ говорить самъ: «двери мои по обыкновенію открыты для всіхъ; въ слідствіе этого я очень много проживаю, и очень мало работаю.... Только что поутру начну что нибудь сочинять или изучать, вдругь звонокъ...» Очень понятно послі этого, отчего такъ плохи всії сочиненія Новаго Поэта, и отчего онъ такъ мало изучать...

2. БИБЛІОГРАФІЯ.

Всъ сочинения Василья Александровича Вонлярляйскаго. С. Петербургъ. 1853. 7 томовъ.

Имя Вонлярлярского такъ недавно появилось и такъ быстро исчезло на сценъ нашей литературной дъятельности, что многіе изъ читателей, и до сихъ поръ, неуспъли еще ознакомиться съ иными сочиненіями этого интереснаго писателя. Сочиненія его, бывъ досель разбросаны въ повременныхъ изданіяхъ, не представляли отдаленному жителю провинціи возможности прочесть ихъ вмісті, а потому изданіе полныхъ или «всѣхъ», какъ гласить заглавіе книги-не только не лишнее, а напротивъ, необходимо въ настоящее время, когда самъ авторъ преждевременно сошель въ могилу. Отдавая всегда должную справедливость таланту покойнаго Вонлярлярскаго, мы съ какимъ-то грустнымъ чувствомъ принялись вновь перечитывать его произведенія, съ целью разобрать ихъ по обязанности рецензента, и высказать наше убъждение, хотя въ свое время и въ своемъ мъстъ, критика говорила уже о сочиненіяхъ Вонлярлярскаго, при появленіи каждой изъ его повъстей. Если припомнять читатели, толки но этому случаю были весьма различны, какъ водится въ подобномъ случат. Каждый журналь имбетъ свой критеріумъ, и хотя въ области искусства вглядъ на извъстныя положенія должень бы,

казалось, быть одинаковъ, однако не даромъ же русскій народъ придумалъ поговорку: сколько головъ, столько и умовъ, которая нигдѣ не
найдетъ удобнѣйшаго приложенія, какъ въ нашей журналистикѣ. Но мы
не станемъ распространяться объ этомъ предметѣ, тѣмъ болѣе, что
статья эта напечатана въ журналѣ, который, развивая подобную мысль,
необходимо долженъ бы впасть въ самохвальство, и наивно порицать
своихъ собратовъ, для показанія своей непогрѣшительности объ этомъ
обстоятельствѣ, пусть судятъ сами читатели, какъ судятъ они и о произведеніяхъ нашей литературы, не слишкомъ довѣряя суду рецензен—
товъ, въ слѣдствіе различныхъ причинъ, о которыхъ мы тоже умалчиваемъ.

Смерть рано похитила Вонлярлярскаго, который, какъ видно изъ біографическаго его очерка, приложеннаго къ собранію сочиненій, началь заниматься литературой уже въ льтахъ зрълыхъ, и только съ 1851 года имя его появилось въ печати; да и занимался онъ какъ любитель, не предаваясь литературъ исключительно. К. П. въ предисловіи своемъ, живо напоминающемъ предисловія къ альманахамъ тридцатыхъ годовъ, постарался опредълить значение Вонлярлярскаго, посягнувъ для этого на память Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Всъ эти три писателя, по мивнію г. К. П. не оставили такихъ типовъ, какъ Вонлярлярскій, и каждый отличаясь извъстными преимуществами, не заключаетъ въ себъ столько совершенствъ, сколько заключаетъ авторъ «Большой Барыни». Для опредъленія значенія Вонлярлярскаго въ литературъ, г. К. П. возвъщаетъ даже и такія почтенныя истины, что Карамзинъ первый началь писать русскія повъсти, а Иванъ Выжигинъ Булгарина былъ первый русскій романъ. Однимъ словомъ г. К. П. судить и рядить о писателяхь, съ видомъ знатока, обнаруживая однакоже сильную отсталость. По всему видно, что онъ принадлежить къ темъ господамъ, которые желаютъ видеть природу напомаженною и причесанною, а не такою, какова она въ самомъ дълъ. Въ дъйствительности, рядомъ съ прекраснымъ попадаетъ и гадкое, и если писатель изображаетъ мерзость со всей точностью, то изъ этого не следуеть, что писатель впадаеть въ преступление. Не понимаемъ, гдъ же тъ идеальныя лица въ природъ, тъ олицетворенныя совершенства, которыхъ г. К. П. желаетъ видеть воспроизведенными въ сочиненияхъ нашихъ писателей? Зачемъ онъ такъ возстаетъ противъ изображенія человека въ такомъ виде, въ какомъ онъ въ действительности? И, по нашему, совершеннъйшій герой, выведенный авторомъ на сцену, вопервыхъ, покажется неправдоподобнымъ, во-вторыхъ, требуетъ какихъ нибудь исключительныхъ обстоятельствъ для круга своихъ дъйствій. Но

если талантливый писатель выводить на сцену порокъ со всёми возму тительными слёдствіями, показывающими какъ порокъ этотъ губителенъ и достоинъ порицанія, то писатель этотъ приносить неизмёримо больше нользы обществу, чёмъ сочинитель, силящійся провести героя своего на ходуляхъ, героя, впадающаго въ тонъ резонерства, довольно однообразнаго, часто весьма скучнаго. Право, послё представленія «Ревизора», нёкоторые изъ зрителей унесуть въ себё много новыхъ для нихъ истинъ, истинъ довольно горькихъ, и можетъ быть, каждый разъ, хоть одинъ не совсёмъ честный человёкъ исправится.

«Надобно замѣтить, говорить г. К. П., что свътскія женщины, изображенныя Лермонтовымъ и графомъ Сологубомъ, ни чъмъ не отличаются отъ свътскихъ женщинъ парижскихъ салоновъ, потому, что и въ дъйствительности между ними нътъ большаго различія. Въ повъстяхъ Пушкина, женскія лица безхарактерны и занимаютъ второстепенныя роли. Но въ повъстяхъ Вонлярлярскаго (въ Большой Барынъ, въ Двухъ Сестрахъ, въ Силуэтъ, въ Ночи на 28 сентября, въ Сосъдъ и другихъ), дъвицы и женщины представляютъ настоящіе типы русскаго общества, разныхъ званій и образованій. Комическія стороны ихъ не мѣшаютъ имъ быть граціозными, ибо такова натура женщины: при всякомъ благопріятномъ случать она выказывается и придаетъ особенную прелесть жизни общественной и семейной.» (Пред. стр. ХХУ).

Мы ръшительно не понимаемъ, что хотълъ этимъ сказать г. К. П. Если онъ хотълъ отдать преимущество героинямъ Вонлярлярскаго, та съ какою же цълію противопоставляетъ героинь Лермонтова и Сологуба, которыя, по его словамъ, почти близки къ дъйствительности? Онъ говоритъ, что женщины Вонлярлярскаго представляютъ настоящіе типы русскаго общества разныхъ званій и образованій; но кто же изъ нашихъ писателей выводитъ иностранокъ? И чъмъ же Большая Барыня отличается отъ любой великосвътской героини, и, если сказать правду, ръдко кто чаще ее говоритъ по-французски въ нашихъ романахъ и повъстяхъ? къ чему же эти фразы?

Однимъ словомъ г. К. П. хотълъ безусловно расхвалить Вонлярлярскаго, который, конечно, имъетъ свои хорошія стороны, какъ занямательный разсказчикъ, но которому недостаетъ многаго и многаго для занятія такого почетнаго мъста въ литературъ, какое назначаетъ ему г. К. П. въ своемъ предисловіи.

Начать съ того, что у Вонлярлярскаго повъсти и романы, за исключеніемъ Большой Барыни, сшиты на живую нитку и представляютъ сцъпленія происшествій, безъ всякой систематической связи, безъ основной идеи не оставляютъ въ читателъ ровно никакого впечатлѣнія. Пока читаешь сочиненіе этого автора, оно и занимательно, потому что и написано живымъ языкомъ, и нѣкоторыя лица очеркнуты довольно вѣрно, а чуть кончилъ, ни одинъ образъ неостается на памяти. Въ самомъ дѣлѣ, что за сцѣпленія обстоятельствъ въ Силуэтѣ, въ Магистрѣ? откуда выпрыгнули на сцену такіе люди какъ Ротьери? И можетъ ли быть что неправдоподобнѣе этихъ повѣстей? Подробности у Вонлярлярскаго очень замѣчательны, отдѣльныя сцены даже естественны, но въ общемъ нѣтъ истины, и созданія его неправдоподобны и натянуты. И какъ странно, напримѣръ, читать описаніе одного изъ лучшихъ московскихъ домовъ, (въ Магистрѣ) хозяйка котораго такая записная львица, и у которой въ гостиной появляется дочь магазинщицы и кружитъ голову молодому князю. Мы даже не беремъ на себя труда подвергать подробному разбору эти повѣсти, до того они слабы въ художественномъ отношеніи.

Поливе и удачиве всего у Вонлярлярского вышла «Большая Барыня», въ которой очень хорошо обрисована свътская женщина и, противоположность ей-простой добрякь, отставной штабсь-ротмистрь. По поводу этого романа мы считаемъ необходимостью сказать несколько словъ о критикъ на произведенія, въ которыхъ главную роль играетъ провинція. Въ этомъ отношенін нътъ критики, я разумъю дъльной, потому что литераторы, занимающіеся рецензіями, по большей части или совстмъ не знаютъ провинціи, или знаютъ ее, протхавъ гдт ни будь по большой дорогъ и проживя въ какой нибудь деревнъ, а чаще всего судять о ней по своему крайнему уразумънію. Оттого и надъ рецензіями на провинціяльные романы такъ справедливо смівотся въ провинціи, и пожимая плечами спрашивають другь друга: на чемъ основано то или другое мижніе? Господину, пишущему разборъ и невыважавшему изъ столицы представляется, что каррикатурное лицо въ какой нибудь повъсти настоящій типъ, и онъ его расхваливаетъ, между тъмъ какъ этотъ типъ созданъ авторомъ; этому же самому рецензенту кажется невъроятнымъ провинціяльный типъ, списанный съ натуры, и онъ ораторствуетъ, что подобные люди не существуютъ. Рецензентъ сдълалъ свое дъло, разобралъ книгу, напечаталь статью, взяль деньги, и ему дёла нёть, что или къ нелъпости автора онъ присоединилъ еще нъсколько нелъпостей о провинціи, или выругаль самое върное описаніе, самую естественную сцену.

Очень дъльная статья была напечатана въ Москвитянинъ за 1852 или 1853 годъ по случаю выхода трехъ романовъ: Львы въ провинцій, Проселочныя дороги и Большая барыня. Авторъ статьи г. Н. М., какъ видно глубоко знающій жизнь губернскую, чрезвычайно справедливо разо-

he Mushos

бралъ эти три произведенія, въ отношеніи пониманія авторами провинцін. Онъ высказаль все о Большой Барынв и высказаль, какъ человъкъ сожальющій, что искаженіе дъйствительности ничего незначить въ области журналистики. Въ самомь деле, читая съ удовольствіемъ Большую Барыню, и выключивъ два характера. Графини Бълорецкой и Петра Авденча, можно ли не удивляться, что авторъ, решаясь описывать провинцію, не знасть, что фундаменть для многихъ построенъ на пескъ, и что эти сцены не могутъ быть въ дъйствительности. Литераторъ, конечно, не обязанъ имъть обо всемъ положительныхъ сведеній; но, описывая предметь, обязань прочесть о немъ хоть на столько, чтобъ не сделать важныхъ ошибокъ. Въ Большой Барынъ, напримъръ: городничій выъзжаеть въ деревню къ помъщикамъ, когда городничій не смъеть выбхать за городскую черту безъ разръшенія гражданскаго губернатора. Штатный смотритель училищь ищеть мъста становаго пристава. Этого мало: штатный смотритель добивается мъста становаго пристава у кого бы вы думали? у городничаго. А между тъмъ все это напечатано, расхвалено и нерейдетъ въ потомство, которое свъряя, по источникамъ, подобныя обстоятельства, будетъ изумляться и незнанію авторовъ и пристрастію критики.

Къ сожальнію есть еще люди, которые въ подобныхъ случаяхъ говорять: авторъ не виноватъ, онъ не зналъ отношеній увздныхъ лицъ между собою. Но будетъ ли это оправданіе—предоставляю судить образованнымъ читателямъ. Немножко странно и то, что Петръ Авдъичъ, человъкъ безъ всякаго образованія, начавшій учиться по-французски у господина едва понимающаго этотъ языкъ, могъ въ теченіе двухъ, трехъ мъсяцевъ такъ выучиться по-французски, что понялъ разговоръ графини съ однимъ изъ ея знакомыхъ. Разговоръ этотъ былъ необходимъ для грустной развязки романа, но для чего авторъ велъ его непремънно пофранцузски, когда въ знаніи этого языка герой можетъ подвергаться сильному сомнънію. Но во всякомъ случать «Большая барыня» романъ очень занимательный, и хотя обстановка его построена на весьма шаткихъ основаніяхъ, а языкъ не совсъмъ правиленъ, однако тъмъ не менте онъ заслуживаетъ похвалу и читается съ удовольствіемъ. Есть сцены истинно художническія.

Приведемъ сначала доказательство погръшностей, а потомъ выпишемъ какую нибудь сцену, живо списанную съ натуры.

«По самой срединъ дороги змъилась извилиною глубокая рытвина, а въ концъ ея, надъ другою бездонною пропастью, гнъздилось то сцъпленіе гнилости, которое обозначается громкимъ названіемъ моста, а въ жизни практической только что не memento mori!» (IV стр. 32).

Во-первыхъ, если глубокая рытвина *эмпилась*, то этотъ глаголъ показываетъ уже, что рытвина шла извилиною, и во-вторыхъ къ чему здъсь слово: бездонная пропасть!

Петръ Авдъичъ разорвалъ сюртукъ, который и былъ починенъ, по распоряжению городничаго.

«Сюртукъ этотъ, помолодъвъ годами тремя, предсталъ владъльческимъ глазамъ съ двумя новыми лацканами, съ подкладкою бълою, какъ сметана.» (IV 56).

Авторъ говоритъ, что Петръ Авдеичъ служилъ въ уланахъ, а потому подкладка у него не могла быть бёлан, но непременно синяя.

«Общество городничаго, преувеличенное присутствіемъ Елисаветы Парфеньевны и проч.» (IV стр. 72).

Авторъ, въроятно, хотълъ сказать: увеличенное.

Къ Петру Авдеичу завзжаетъ случайно графиня Бълоръцкая, и онъ хлопочетъ объ угощеніи.

«Въ слъдствіе этого и разосланы были мужички Костюковскіе по окрестнымъ помъщикамъ *скупить* наличную дичь, рыбу, гдъ таковая найдется, вино всъхъ цвътовъ и варенья.» (IV стр. 122).

Повъривъ автору на слово, столичный читатель вправъ думать, что это въ самомъ дълъ обстоятельство возможное, а на дълъ этого никогда не бываетъ. Помъщикъ, какой бы онъ ни былъ, самый мелкопомъстный не унизится до того, чтобъ продать сосъду какую нибудь малость изъ запасовъ. Слова нътъ, что въ деревняхъ за-частую случается недостатокъ въ томъ или другомъ, но въ такомъ случаъ посылаютъ просить у сосъдей въ займы потребныхъ матерьяловъ, но никто не ръшится оскорбить сосъда продавъ ему бутылку вина, штуку дичи, или банку варенья.

На стр. 166 авторъ хватилъ также не много лишняго, разсказывая о поъздкъ ночью на волчью охоту. Графиня выъхала послъ чаю, который, положимъ, она пила въ 10 часовъ вечера, а возвратилась за часъ до разсвъта, то есть, судя по описываемой мъстности, въ 7 часовъ утра. Не слишкомъ ли продолжительно это время, то есть 9 часовъ сряду, какъ для Большой Барыни, такъ и для лошадей, которыя безпрестанно бъжали?

«И, не оглядываясь, дошелъ до конюшень (6).»

Мы не обратили бы особеннаго вниманія на эту грамматическую ошибку, пожалуй готовы бы счесть ее и за опечатку, еслибъ подобныя ошибки не дѣлались сплошь и рядомъ современными литераторами; у насъ ни почемъ грамматика, и вы почти вездѣ встрѣчаете ъ, на мѣ-ето ь, въ родительномъ падежѣ множественнаго числа въ именахъ, окан-

чивающихся на ня. Напримъръ пъсенъ, саженъ, башенъ и такъ далъе. На какомъ это основаніи? Подобное окончаніе можетъ правиться, положимъ, многимъ изъ писателей, но въ такомъ случав надо бы уже установить правило, а пока этого нътъ, то, право, какъ-то странно встръчать подобное самоуправство въ отечественномъ языкъ, для котораго существуетъ академическая грамматика.

«Зима, разбросавъ остатки своихъ снъговъ по глубокимъ рвамъ и оврагамъ, обжала къ съверу, предоставивъ дороги покровительству капитанъ-исправниковъ » (IV стр. 190).

Слово капитанъ-исправникъ, замънено просто словомъ исправникъ.

Вотъ -небольшіе недостатки, подмѣченные въ «Большой Барынѣ» которые мы считали обязанностью замѣтить въ лучшемъ романѣ Вонлярлярскаго, а теперь выпишемъ что нибудь изъ этого же романа, какъ образецъ мастерски подмѣченныхъ характеровъ.

- Неужь-то у батюшки ничего не было, кромъ этого коландраса? спросиль у приказчика костюковскій помъщикъ, осматривая съ прискорбнымъ вниманіемъ четверомъстныя дрожки.
- Были, сударь, и бъговыя, отвъчалъ Кондратій, да покойный баринъ изволилъ ихъ на бричку промънять.
 - Стало, есть бричка?
 - Есть-то есть она, сударь, да плоховата!
- Покажи, братецъ, починимъ; по крайней мъръ, на худой конецъ, проъхать можно; а въ этой штукъ, прибавилъ штабсъ-ротмистръ, указывая все таки на дрожки: самъ посуди; да, что тутъ говорить? на иномъ толчкъ языкъ откусишь, пожалуй! И какъ таки могъ покойный батюшка трястись на нихъ? чай, жизнь сокращать должны.
- И бричка-то, сударь, правду доложить вамъ, не больно взрачна. Говоря это, приказчикъ бросался шарить по всёмъ угламъ сарая; онъ заглядывалъ и на потолокъ, и за ворота, и только что не подъ четверомъстныя дрожки.
- Чего же ты ищешь, Кондратій? спросилъ наконецъ щтабсъ-ротмистръ.
 - Не знаю, куда дъвали!
 - Кого?
- Бричку, сударь, отвъчалъ Кондратій Егоровъ, продолжая поиски свои.
 - Кой прахъ, неужъ-то пропала?
- Что вы, батюшка, статочное ли это дело? господская вещь не пропадеть; а може наругомъ кто нибудь?

- Какъ наругомъ?
- Все Тимошкины штуки, Петръ Авдеичъ; такой ужь разбойникъ; что ему бричка, не его! да такъ и есть, прибавилъ приказчикъ, выглянувъ изъ щели задней стены сарая: вотъ она!

И взорамъ господина представился не экипажъ, а нъчто въ родъ остова большой рыбы, у которой какъ бы отрублены были и голова и хвостъ. За сараемъ, на грудъ разныхъ нечистотъ, лежалъ темнаго цвъта скелетъ; на круглыхъ ребрахъ его мъстами болтались куски кожи, торчали заржавленные гвозди, а о колесахъ и помину не было.

- Неужь-то ты эту нечисть называешь бричкой, воскликнуль штабсь-ротмистръ, грозно занося усъ свой въ ротъ: такъ-то бережется барское добро?
- Тимошка, сударь, все онъ головорѣзъ, батюшка, Петръ Авдъичъ, отвѣчалъ отороиѣвшій Кондратій: сколько разъ говорилъ я ему: прибери, не то барянъ гнѣваться будеть—и въ усъ не дуетъ, сударь.
- Не дуетъ? такъ подавай же его сюда, мошенника! закричалъ
 Петръ Авдънчъ, разсердясь не на шутку.

Приказчикъ бросился со всъхъ ногъ за Тимошкою, а штабсъ-ротмистръ продолжалъ строгій осмотръ брички, приговаривая: ужь я его, ужь я его!—и повторялъ разгитванный костюковскій помъщикъ: ужь я его.... пока къ тылу помъщика не подошелъ дътина, лътъ пятидесяти, съ такимъ богатырскимъ затылкомъ, предъ которымъ самыя плечи Петра Авдъевича казались дрянью.

На пришедшемъ было пунновое лице съ усами и не чисто выбритымъ подбородкомъ; волосы его подстрижены были въ кружекъ и прикрывали плоское темя, а на каждой изъ рукъ недоставало по нъскольку пальцевъ.

Онъ молча выждалъ, пока баринъ повернулся въ его сторону и, поклонившись ему, тряхнулъ головой.

— Поди-ка сюда, любезный! сказалъ штабсъ-ротмистръ.

Тотъ сдълалъ два шага и снова остановился,

— Нътъ, братъ, сюда, сюда поближе.

Дътина сдълалъ еще два шага.

- Ну, теперь раскажи-ка миѣ, что эго такое?
 спросилъ Петръ Авдѣевичъ и указалъ пальцемъ на остовъ брички.
 - **—** Эвто?
 - Да, это, вотъ это!
 - А прахъ его знаетъ, отвъчалъ спокойно тотъ.
 - Какъ же прахъ его знаетъ?
 - Да такъ, прахъ его знаетъ!

- И ты, кучеръ, смъешь мит такъ отвъчать?
- Какой я кучеръ, сударь!
 - Да вѣдь ты Тимошка?
- Такъ что же что Тимошка? и Тимошка, да не кучеръ; а коли есть у кого кучеръ, такъ есть и лошади, и всякой снарядъ; а то и былъ кучеръ, хорошій кучеръ, сударь, да на эвтомъ не наъздищься, прибавилъ Тимошка, нанося ногою жестокій ударъ несчастному остову.

Выходка Тимошки не только не разгивала господина, а, напротивъ того, страхъ понравилась ему. Окинувъ взглядомъ формы бывшаго отцевскаго кучера, штабсъ-ротмистръ нашелъ его по себъ.

Петръ Авдъевичъ не любилъ мямлей, и будь хоть пьянъ, да лихой, такъ спасибо, говаривалъ онъ своимъ уланамъ; и тутъ, смягчивъ голосъ, онъ ограничился легкимъ выговоромъ за неисправность въ сараъ и небрежность Тимоеея въ сбережени брички.

- Да чего тутъ беречь? да какая жь тутъ бричка? да эвто же, съ позволенія сказать, не бричка, возразилъ Тимооей, нанося вторичный ударъ жалкимъ остаткамъ экипажа. Да въдь вольно же было покойному барину! Не докладывалъ я развъ, что Сельской какъ разъ проведетъ. Дрожки были не бричкъ чета сударъ, дрожки добрыя; въдь эвто только названіе что бричка; «нътъ промъняю,» говоритъ. Вотъ и промъняли, а что наъздили? двухъ годовъ не наъздили, сыпаться стала; и какая ъзда была у покойника, въдь только слава что ъзда; проъдутся въ церковь бывало, вотъ и вся ъзда!
- A давно ли ты здёсь? спросилъ Петръ Авдеевичъ: и какъ я тебя не знаю?
- Да я, сударь, правду сказать, не то, чтобъ давно, какъ сыскался, отвъчалъ Тимошка, значительно понизивъ голосъ.
 - Откуда же это?
 - Да былъ гръхъ такой, сударь.
 - Грѣхъ?
 - Сманили сосъдніе ребята, такъ отлучился маленько.
 - То есть бъжаль?
- Былъ грѣхъ, сударь, былъ, что ужь тутъ, не утаишь, повторялъ Тимошка, поглаживая свои волосы и переминаясь. Онъ видимо смутился.

Петръ Авдъевичъ, замътившій перемъну въ лицъ Тимоеся, завелъ ръчь о другомъ.

Обо всъхъ другихъ произведеніяхъ Вонлярлярскаго мы умалчиваемъ, потому что они не заключаютъ въ себъ ничего особеннаго, а многіе

какъ Силуетъ, Магистръ, Двъ сестры, даже весьма и весьма слабы и натянуты. Но мы повторимъ, что Вонлярлярскій умълъ владъть языкомъ и, еслибъ онъ серьезно и раньше принялся за литературу, то кто знаетъ, можетъ быть и въ самомъ дълъ стоялъ бы на ряду лучшихъ нашихъ писателей.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Прошедшее в настоящее Крестовского острова. - Ивановь день и древнее его значеніе. - Нъмецкое гулянье на Крестовскомъ острову и его отличительный характеръ. - Русскіе между Итмідами. - Гулянье на Елагиномъ острову. - Бенефисъ г. Гунгля въ Павловскъ. — Начало блестящихъ вечеровъ на минеральныхъ водахъ, Бенефисъ г. Излера и новыя его затви для удовольствія публики.—Неоправдавшееся извъстіе объ Иванъ Гунгаъ.—Вечерь съ лотереею алегри.-Вечеръ въ честь прекраснаго пола.-Бенефисъ Шиндлера въ Полюстровъ. – Танцовальные вечера на полюстровскихъ желъзныхъ водахъ. – Дъятельность прочихь загородныхь увеселительныхь дачь. - Великольнный вечерь въ льтнемъ измецкомъ каубъ. — Опера на Каменно-островскомъ театръ. — Особенныя автнія увеседенія уженіе п тони. - Препровожденіе дня въ наше время и препровожденіе дня римскихъ львиць. - Раздъленіе дня у древнихъ Грековъ. — Англо-французскій флотъ. — Новое путевое сообщеніе между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ. - Разсказъ о томъ, что преданіе - будто Орфей могъ все покорять себъ звуками, чуть было неоказалось справедливымь, или новый искусственный способъ распространять свою слаку. - Маленькій разсказъ о некоторомъ Степаныче или не всякому удается слава.—Профанація славныхъ именъ.—Куплеты изъ новой патріотической пьесы г. Григорьева 1-го. — Празднество на Кронштадскомъ рейдъ. — Стихотворные спичи. — Старинная пъсня про Наполеона, сложенная самими французами. - Спускъ новаго фрегата. -Народное гулянье на пороховыхъ заводахъ, на Охтъ и Смоденскомъ кладбицть. - Розовые топазы въ Россіи. - Художественныя новости и стихотворная біографія Барона Остенъ-Сакена.—Четвертый листокъ «Райка», издаваемаго въ Москећ.—Выставка картинъ профессора Айвазовскаго въ Петергофъ - Подробная генеральная карта С.-Петербургской желъзной дорогв г. Сергъева. — Сооружение памятника В. А. Жуковскому. — Новая солдатская пъсня.

Угодно ли вамъ, читатель имъть краткое историческое свъдъніе о Крестовскомъ островъ, повъствованіемъ о которомъ мы начинаемъ нынъшній нашъ фельетонъ. Крестовскій островъ назывался въ прежнія времена Рисселемъ и принадлежалъ первоначально сестръ Императора Петра Великаго, царевиъ Натальъ Алексъевиъ, жившей на немъ въ лътнемъ своемъ дворцъ. Въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, онъ былъ подаренъ графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, отъ наслъдниковъ котораго, въ 1803 году, перешелъ въ собственность фамиліи князей Бълосельскихъ-Бълозерскихъ, владъющей имъ и понынъ. Въ старые годы островъ этотъ, наполняющійся нынъ только очень обыкновенною публикою, былъ любимымъ гульбищемъ лучшаго избраннаго общества; на немъ толиились самые богатые экипажи и пестръли. пышные модные роброны и мужскіе костюмы. Мало по малу любившая его публика охладъла къ нему и перешла на роскошные Елагинъ и Каменный острова, и только одни нъмцы до сихъ поръ еще остались его неизмънными посътителями. Особенно въ Ивановъ день, островъ этотъ совершенно преобразуется и представляетъ какой-то фантастическій видъ настоящаго ліснаго кочевья. Обычай празднованія Иванова дня существуетъ почти у всёхъ европейскихъ народовъ и принадлежить къ глубокой древности, ко временамъ язычества. Въ деревняхъ обыкновенно въ этотъ день ищутъ цълебныхъ травъ, другіе, болъе корыстолюбивые, огненнаго цвъта папоротника, растенія, какъ извъстно, тайнобрачнаго, которое, по народному преданію, цвътетъ только лишь въ таинственный полночный часъ, и имъетъ чудную способность доставлять своему обладателю свлу узнавать сокровенные клады. Не столь алчные къ золоту, предпочитаютъ этому цвъту разрывъ траву, предъ которой не могутъ устоять никакіе замки и запоры. Въ эту ночь почти обыкновенно, по прежнему убъждению, любилъ летать къ уединеннымъ источникамъ огненный змій, снималъ съ головы своей красный карбункуль, и тоть, кто успъль похитить его, дълался обладателемъ такого талисмана, который имелъ силу удовлетворять всёмъ мальйшимъ желаніямъ. Впрочемъ, повърье это принадлежить западнымъ народамъ и не вошло въ наши минологическія убъжденія. У насъ, въ языческомъ славянскомъ мірѣ, въ эту ночь разжигали костры, и собравшіяся жены чаровницы и мужи кудесники творили заклинапія и чары, наносящія челов'вчеству и зло и добро. Въ настоящее время, во время положительной действительности, неть уже более места вымысламъ и фантазіи, и чудныя свойства ночи предъ Ивановымъ днемъ тышать только датей въ нянькиной, въчно-новой для нихъ сказкъ. Объ Ивановой ночи никто теперь незаботится, даже въ деревняхъ; день проходить, какъ и прочіе, очень обыкновенно, и только одни петербургскіе нъмцы имъють обыкновеніе покидать свои занятія и веселятся цълыя сутки. Если вы живете, гдъ нибудь, на дорогъ къ Крестовскому острову и не лънивы рано вставать, вы можете замътить цълыя флотилін, илывущія по Невъ, и густыя толпы пъшеходовъ, весело двигающихся по дорогѣ Петровскаго парка съ разными кулечками, кульками, кофейниками и самоварами. Все протяжение узкой канавы, носящей наименование Черной ръчки, наименование очень удачно придуманное по причинъ ея мутной, иловатой воды, превращается въ настоящій бивуакъ; всюду мелькаютъ костры, раздаются пъсни и тъснятся группы, въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ. Главнымъ сборнымъ и шумнымъ пунктомъ соединенія всёхъ удовольствій служить маленькій пригорокъ, совершенно вытоптанный ногами гуляющихъ, называющійся Кулерсбергъ, иначе катальная гора, съ которой посётители Крестовскаго острова имѣютъ обыкновеніе скатываться и добровольно и невольно, смотря по тому, до какой степени кто подъ вечеръ обрадовался празднику Иванова дня. На всемъ пространствѣ неровной, бугристой почвы, покрытой сухими кореньями сосенъ, ходятъ кочующіе музыканты и шарманщики и поютъ пѣсельники. Чуть раздадутся звуки польки или вальса, тотчасъ же образуются въ разныхъ мѣстахъ тайцующія пары и вертятся подъ завываніе дребезжащихъ скрппокъ и контрбаса. Звуки танцевъ умолкаютъ, смѣняются какою нибудь русскою пѣсней, и вотъ изъ разныхъ мѣстъ слышатся недовольныя восклицанія:

Spielen sie noch ein mal! Etwas andres! was fur eine musiq schpillen sie doch jetzt?

Странствующимъ артистамъ бросаютъ мелкія деньги, танцовальные мотивы снова оглашають воздухь, и пары опять начинають вертёться, не пугаясь никакихъ приключеній, изъ которыхъ самымъ обыкновеннымъ бываеть возможность упасть вмъстъ съ дамой на натуральномъ Крестовскомъ паркетъ. День проходитъ очень мирно, безъ всякихъ ссоръ и непріятныхъ исторій и, нужно откровенно сказать, что нъмцы по своему разсчетливому элементу, очень бы много проигрывали въ своихъ удовольствіяхъ, еслибъ на Кулерсбергскомъ праздникъ не примъшивалась, изъ любопытства и отъ нечего дълать, русская широкая натура, у которой въ обыкновеніи-«что есть въ печи, все на столъ мечи!» Мы были свидътелями того, какъ русское вмъшательство въ нъмецкія удовольствія много способствовало въ вечеръ Иванова дня полному дачному наслажденію обычныхъ посттителей Кулерсберга. У самаго подножія этого полулысаго холма пѣли военные пѣсельники, которыхъ каждая сидъвшая, нившая кофе или закусывавшая группа слушала поодаль, изъ опасенія какъ нибудь невольно не разщедриться и не выдти изъ положеннаго въ городъ бюджета расходовъ на загородный праздникъ. Дъло шло своимъ чередомъ, пъсни продолжались, гуляющіе нисколько о нихъ не думали, какъ будто пъсельники пъли собственно для своего удовольствія, какъ вдругъ, между толпою сидъвшихъ, явилось нъсколько новыхъ посътителей. Они говорили чистымъ русскимъ языкомъ, и только пробираясь между густыми рядами, прибавляли въжливое итмецкое слово ферцейензи, и кстати и не кстати. Такъ вошли они на самую вершину Кулерсберга. Одинъ изъ нихъ, котораго, по его важной, степенной наружности, общество называло не иначе какъ графомъ, былъ красивый, здоровый мужчина, у котораго изъ полныхъ щекъ такъ кажется и готовъ былъ брызнуть румянецъ здоровья. Графъ, праздновавшій этотъ день, какъ слѣдуетъ праздновать загородное гулянье, тотчасъ же познакомился съ нѣкоторыми нѣмцами.

- Скажите пожалуйста, спросиль онъ у одного изъ своихъ новыхъ знакомыхъ, что же значитъ по вашему Кулерсбергъ?
- Это значитъ гора съ *который* катяйся.
- Ну, такъ и нужно ее называть.
- Нельзя, отвъчалъ пресерьозно нъмецъ, онъ такъ давно Кулерсбергъ. Имя перемънить неможно.
- Такъ отчего же вы не катаетесь?
- Не можно въ льто, въ зима можно.
- A я вамъ покажу что можно, возразилъ кулерсбергскій графъ, и обратясь къ одному изъ пришедшихъ съ нимъ, спросилъ:
- Какъ ты думаешь, Ваня, можно или нѣтъ? Отчего же не потъшить мѣсто загородное!
- Отчего же нельзя, отвъчаль тотъ, если тебъ непремънно хочется. Только безъ пъсельниковъ не хорошо, съ пъсельниками полегче будетъ. И онъ махнулъ хору.
- Сюда, сказалъ онъ, бросая три цѣлковыхъ, вотъ вамъ задатокъ, пойте поближе, а то неслыхать.

Пъсельники запъли, и графъ доказалъ, что для русскаго нътъ ничего невозможнаго.

Онъ преблагополучно очутился на спинъ у подножія удивленнаго такою изобрътательностью крестовскаго холма, и этимъ вполнъ оправдаль пословицу, что труденъ только одинъ первый шагъ. Ободренные его примъромъ, нъмцы забыли про лъто и доставили въ этотъ вечеръ Кулерсбергу по всей справедливости название новое, а именно Зоммерсъ Кулерсбергъ (лътняя катальная гора).

- Ну, а чтожъ вы не танцуете? спросилъ графъ, совершивъ свою прогулку сверху внизъ, безъ помощи ногъ.
- Музикъ нътъ! отвъчали ему.
- А это чтожь? замътилъ онъ, указывая на странствующій хоръ, капельмейстеръ котораго, вооруженный неимовърной величины контрабасомъ согнулся подъ тяжестью своего инструмента-питателя.
- Деньга на это нътъ, послъдовалъ отвътъ.
- А хочется поплясать?
- Warum nicht?
- Такъ что жъ, танцуйте, на то праздникъ. И онъ махнулъ рукой и этимъ музыкантамъ.
 - Что возьмете сыграть? спросиль онь?

- Für eine stunde?
- Ну, хоть такъ, будь по вашему.
 - Три рубль.
- Накалывай! только мить феферь, не зъвать!

И вотъ черезъ минуту составились пары и начали постепенно увеличиваться и тъсниться въ постепенно разширяющемся кругъ. Долго ли тъшило нъмцевъ это общество, мы незнаемъ, но только было совершенно темно, когда мы удалились, по берегу Черной ръчки ярко заблистали длинною цъпью костры, а музыка еще не умолкала, и кругъ любопытныхъ, опоясавшихъ своею живою стъною танцующихъ, все болъе и болъе разширялся. Многіе изъ посътителей Кулерсберга остаются тамъ до слъдующей зари. Такъ силенъ обычай, такъ сильна любовь къ этой мъстности въ этотъ, единственно для нея веселый, день въ году!

Вскорт посль этого перваго общественнаго праздника, именно перваго іюля, было общественное гулянье на Елагиномъ острову. До нынфшнаго года, чуть ли не полстольтія, Петербургъ обращался въ этотъ день, будто въ какую Венецію, и тысячи яликовъ и собственныхъ лодокъ наполняли вст рукава Невы и мчались запружать ее пространство предъ Елагиныйъ мостомъ, чтобъ посмотръть на блестящій фейерверкъ, устроенный на водъ, которымъ всегда и оканчивалось гулянье, при звукахъ разнообразной музыки и разноцвътномъ заревъ бенгальскихъ огней, окративавшихъ то синимъ, то зеленымъ, то голубымъ, то краснымъ цвътомъ и небо и всю окрестность. Нынфшній годъ обычнаго фейерверка не было, погода была дождливая, но не смотря на все это Елагинъ островъ былъ оживленъ какъ и всегда, и густыя толпы экипажей и пътеходовъ наполняли все его пространство. Въ этотъ же самый день были усиленные оркестры и чрезвычайныя представленія во встхъ другихъ загородныхъ увеселительныхъ мъстахъ

4-го іюля, по примъру прошедшихъ годовъ, начались бенефисы, въ пользу артистовъ, увеселяющихъ нашу публику на загородныхъ гуляньяхъ, въ продолженіе лътняго сезона, бенефисомъ капельмейстера г. Іосифа Гунгля, въ Павловскъ. Прекрасный вечеръ и великольпная афиша объщавшая блистательную иллюминацію сада и воксала, мимовоздушныя представленія профессора Разими съ его учениками, и виды Миссиссини, привлекли въ Павловскъ многочисленныхъ посътителей. Огромный оркестръ бенефиціанта, состоящій изъ ста артистовъ, знающихъ свое дъло, превзошель ожиданія знатоковъ оркестрной музыки, какъ прекраснымъ исполненіемъ новыхъ пьесъ, такъ и полнотою программы концерта. Между прочими извъстными уже пьесами, оркестръ г. Гунгля сыграль увертюру Крейцера изъ оперы «Die Jungfrau,» увертюру Маурера, на русскій

національный гимнъ: Боже Царя храни, «Военную увертюру Линдпайнт нера, дуэтъ изъ новой оперы Мейербера «Съверная звъзда», кадриль изъвъстнаго и любимаго парижскаго капельмейстера Мюзара, новую польку, сочиненія графа Сечени, подъ названіемъ «Les cosaques,» нъсколько новыхъ вальсовъ Іосифа Гунгля, нарочно написанныхъ имъ для своего бенефиса, нъсколько новыхъ пьесъ Страуса-сына, Hommage á Меуегвеег и проч. Стеченіе публики не прекращалось до самаго послъдняго поъзда паровоза. Желаемъ г. Гунглю и впередь такого заслуженнаго успъха, какой онъ имълъ въ этотъ день.

Мы уже говорили нашимъ читателямъ объ увеселительныхъ вечерахъ въ саду минеральныхъ водъ. Съ конца іюня вечера эти стали очень разнообразны, и публика все больше и больше сбирается къ своему постоянному любимпу Йвану Ивановичу. Съ русскаго военнаго праздника начались на минеральныхъ водахъ прекрасныя иллюминаціи, загорѣлись въ воздухъ живописные фонари и цвътистыя вазы, и всъ аллеи заблистали огненнымъ ожерельемъ шкаликовъ. Чтобъ не впадать въ однообразіе и забавлять публику чёмъ нибудь новымъ, Иванъ Ивановичъ въ день своего бенефиса, за неимъніемъ нынъ лътомъ въ Петербургъ хорошихъ цыганъ, такъ называемыхъ «московскихъ», сформировалъ хоръ изъ русскихъ пъвцовъ, по образцу цыганскихъ, и никто не остался имъ недоволенъ; пъвцы эти поютъ прекрасно, и право нисколько не жаль, что прежніе цыганы минеральныхъ водъ не появляются нынче на эстрадъ излеровскаго воксала. Чего не было на этомъ вечеръ: и два хора музыки подъ управленіемъ гг. Лунда и Вухерпфенинга, и два хора пъсельниковъ — мнимыхъ цыганъ и жуковскихъ, и гимнастическія, акробатическія, атлетическія представленія, и характерическіе танцы. Г. Излеръ, какъ мы уже извъщали, надъялся было потъшить своихъ посттителей оркестромъ Ивана Гунгля, и делалъ ему очень выгодныя предложенія, но г. Гунгль не явился, и потому Излеръ немогъ этимъ угодить петербургской публикъ. Впрочемъ никто не остался въ накладъ, слушая оркестръ подъ управленіемъ г. Лунда. Лундъ отличный исполнитель, и непроходить недёли, чтобъ усиленный его оркестръ не дарилъ слушателей какими нибудь новыми пьесами. — Въ бенефисъ г. Излера онъ поставилъ пять новыхъ пьесъ, очень гармоническихъ и разнообразныхъ: Nadine-polka, Schester Walzer, Impromtu-galop, Wielkopalanin-mazurka (Ап. Контскаго) и Marien-Quadrille (Лядова). 18 іюля, въ саду Минеральныхъ водъ пріятное соединилось съ полезнымъ и благотворительнымъ, и каждый посътитель, покупая билеть на входъ, получаль вивств съ нимъ и билетъ на лотерею-аллегри, въ которой могъ выиграть, при счастіи, все, начиная съ дорогой модной коляски. При насъ какой-то счастливенъ.

взявъ два билета, на пятьдесятъ копфекъ, именно и выигралъ эту самую коляску. Но этимъ разнообразіе вечеровъ минерадьныхъ водъ въ нынъшнемъ мъсяцъ не кончилось. 20 іюля г. Излеръ придумалъ дать вечеръ въ честь прекраснаго пола, на которомъ каждая дама при входъ, вмъстъ съ билетомъ, получала какой нибудь сюрпризъ-или ноты, или конфекты, или душистый букеть. Конечно, многіе могуть замітить при этомъ, что подобные сюрпризы не важны, но въдь главное дъло не въ цънности вещей, которыхъ нельзя раздавать въ двадцать пять и более рублей за рублевую илату, а въ предупредительности и той готовности, которую показываетъ г. Излеръ, стараясь каждый разъ доставить своимъ посътителямъ какое нибудь новое развлечение. Что еще придумаетъ неистощимое воображение Ивана Ивановича къ концу сезона неизвъстно, но только и теперь въ саду его чего хочешь, того и просишь. Къ услугамъ посътителей есть и звъринецъ, и восковыя фигуры, и въсомъръ и силомъръ, и стръльба изъ самостръловъ, и русскія качели. Недостаетъ только на ирудъ лодочекъ, чтобъ забавляться на водъ какъ и на сушъ, но и за этимъ въроятно дъло долго не станетъ. Оттого-то публика и предпочитаетъ садъ г. Излера всемъ прочимъ гуляньямъ.

Въ этотъ же день, въ Полюстровъ, въ саду графа Кушелева-Безбо родко былъ также увеселительный вечеръ-въ пользу капельмейстера Шиндлера, въ продолжение котораго для забавы посътителей спускались воздушные шары и горъла иллюминація. Послъ волшебнаго сада минеральныхъ водъ, Полюстрово нынѣ самое посъщаемое загородное гулянье. Каждый день тамъ играетъ музыка обязательнаго хозянна дачи, и кромъ того, по извъстнымъ днямъ, оркестръ Шиндлера, очень недурной, есть также и стрельба изъ самостреловъ, и панорама съ Синопской битвой. По субботамъ, въ воксалъ желъзныхъ полюстровскихъ водъ даются семейные танцовальные вечера, на которыхъ за рубль серебромъ можно очень повеселиться далеко за полночь. Согласіе и непринужденность, которыми отличаются эти вечера, заставили публику скоро полюбить ихъ, и потому танцующихъ съ каждой субботой прибываеть все болье и болье, хотя многіе прівзжають иногда довольно поздно, съ безплатнаго въ тоть день вечера въ саду минеральныхъ водъ г. Излера. Пароходы, ходящіе постоянно въ Полюстрово и дилижансы, много придаютъ жизни этой прекрасной дачь, съ которой открывается такая живописная панорама Петербурга на другой сторонъ Невы.

Второстепенныя загородныя мъста продолжаютъ также соперничать разными представленіями: Александрія угощаєть своихъ посътителей разными плясками и акробатическими играми; Марына роща оркестромъ и пъссельниками; Монплезиръ не отстаетъ отъ нихъ, а русскій трактиръ

на Крестовскомъ острову постоянно привлекаетъ къ себъ посътителей головоломными восхожденіями по канату брата и сестры Вейнертъ. Самый, довольно отдаленный, Лесной Институть, постоянно оживляется звуками музыки, на которую, за пятнадцать коптекъ серебромъ очень удобно можно всегда поспъть въ общественномъ дилижансъ. Впрочемъ, не думайте, чтобъ только одни загородныя увеселительныя мъста горъли иллюминаціями. Недавно, 12-го іюля, была прекрасная иллюминація и въ Петербургъ, въ саду, занимаемомъ нъмецкимъ танцовальнымъ обществомъ, у Измаиловскаго моста, въ домъ Тарасова. Обязательные старшины намецкаго клуба также рашились поташить своихъ членовъ и гостей, и вотъ маленькій садъ украсился декораціями машиниста Михайловскаго театра Шаффера, и огласился усиленнымъ оркестромъ Гусли, дирижера искуснаго и добросовъстнаго. Кому нътъ случая и удобства быть на дачахъ, тому смъло можно рекомендовать эту городскую лътнюю дачу, особенно въ тъ дни, когда играетъ оркестръ Гусли, садъ Тарасова бываеть очень оживлень, и гуляющимъ стоить только заняться по желанію и вкусу-или играть въ карты, биліардъ, кегли, или просто прогудиваться и любоваться патріархальностью нёмецкихъ нравовъ и скромными, недорогими удовольствіями гостей.

Каменно-островскій театръ постоянно продолжаетъ посъщаться любителями сценическаго искусства, по разнообразію и прекрасному исполненію пьесъ, поставляемыхъ на сцену заботливою нашей дирекцією. Недавно, 11 іюля, давали на Каменно-островскомъ театръ даже комическую оперу Доницетти—«Любовный напитокъ.»

Пробажая на острова, на пароходахъ ли или экипажахъ, вы постоянно можете встретить лодки, наполненныя многочисленнымъ веселымъ обществомъ дачниковъ. Угодно знать, куда спетать они-на взморье на легкихъ яликахъ? тоже веселиться, именно: или смотреть, какъ ловять рыбу, или самимъ участвовать въ тоняхъ. Тони имъють своихъ исключительныхъ привержендевъ, и многіе любители рыболовства остаются на нихъ по целымъ ночамъ, запасаясь разными припасами и согревательными средствами. Никакая цена и никакія неудачи не пугають подобныхъ охотниковъ, и видъ сига или лосося, запутавшагося въ рукавъ невода, составляетъ для нихъ микуту истиннаго торжества. Болъе всъхъ прочихъ существующихъ тоней, привлекаютъ съ себъ новыя тони, построенныя на козлахъ, на самомъ отдаленномъ мъстъ взморья; котя цвна за каждую закидку на нихъ дороже, чёмъ на прочихъ и-смотря по времени и удачному лову, возвышается отъ десяти рублей серебромъ до тридцати. Впрочемъ и неудивительно: какъ иному устоять противъ искушенія и не закинуть на свое счастіе разъ-другой, когда вдругь на площадкъ валяются предъ глазами лососей тридцать, сорокъ, величины громадной, пойманные за одинъ уловъ!

Возвращаясь однажды съ тоней, мы были зрителями другаго рода охотниковъ до рыболовства, въ мелкомъ и нестолько убыточномъ размъръ: почти подъ каждымъ мостикомъ мы замъчали кого нибудь съ удочкою, дожидающагося съ флегматическимъ терпфніемъ подергиванія поплавка. Что попадется на крючекъ-окунь ли, или никуда негодная колючка-такимъ людямъ все равно; имъ нравится не пойманная рыба, а лишь одинъ процессъ уженья. Нъкоторые имъють обыкновение отправляться на уженье какъ на какой нибудь постой, и забирають съ собою кушанье и даже книги, не развлекаясь ничёмъ прочимъ, ихъ окружающимъ. Какъ понять удовольствіе подобнаго препровожденія времени, не знаемъ, знаемъ только, что о вкусахъ не спорятъ, и что какъ бы ни было убито время—слушая ли музыку, танцуяли, сидяли за картами—цѣдь одинаково бываетъ достигнута, и глядишь, уже надъ вами тускитется вечеръ, и вотъ уже вы предаетесь сну для новыхъ дѣлъ и новыхъ развлеченій въ будущемъ днъ. Обыкновенныя развлеченія нашего образованнаго общества извъстны. Утромъ дъла, вечеромъ прогулки, театръ, клубы, кафе-рестораны, концерты, маскерады и дружескіе вечера. Жизнь нашихъ модныхъ дамъ еще однобразнъе, и каждый ихъ день похожъ на прошлый, и будеть походить на будущій. Утромъ, до двінадцати часовь, туалеть, потомъ катанье по магазинамъ, прогулка по солнечной сторонъ Невскаго проспекта, съ котораго очень многія возвращаются съ весьма дёльными критическими замічаніями о современныхъ модахъ... но что повторять и исчислять то, что всёмъ известно. Всякое столетие имъетъ свои нравы и обычаи, которые или мало удерживаются въ будущемъ поколеніи, или вовсе исчезають, какъ обветшалые и смішные, и заміняются новыми. Особенно изм'тненія эти бол'те всего зам'тны въ женской жизни, измънчивой въ своихъ требованіяхъ какъ сама наша современная

Какую разницу, посморишь, производить время въ обычаяхъ и въ выборѣ удовольствій и развлеченій, если расказать вамъ, читатель, суточную жизнь римскихъ львицъ. Вотъ ея краткій очеркъ. Проснувшись и оставивъ свое пышное ложе, прекрасная римлянка переходила въ уборную, гдѣ одна изъ ея прислужницъ тотчасъ же подавала ей молоко ослицы (Плиній, ХІ. 41.) Потомъ римлянка пробъгала вчерашнія афиши и извѣстія изъ провинціи (Липсій, V. 4.) перетирала пальцами миртовыя лепешки, освѣжающія дыханіе (Ламбинъ, 1, serm.) мастику съ острова Схіо, укрѣпляющую десны. (Марціалъ, 3, 6, 47.) порошокъ провить полирующій зубную эмаль (Сенека helv. 16). Вслѣдъ за

этимъ призывалась молодая невольница и начинала читать своей госпожъ милезійскія басни, анакреотическія ночи или отрывокъ изъ какого нибудь новаго беллетрическаго сочиненія (Pignori, de servis). По окончанін чтенія приступали къ одъванью. Нъсколько невольницъ, порхливыхъ какъ бабочки, начинали увиваться около красавицы, няя мальйшія ея желанія. Одна разводила слюною былила (Горацій, ерод. 10, 12) и сурьму для бровей (Марціаль, 11, 29) а другая держала зеркало, изъ полированной стали, въ это время третья горячими щинцами завивала волосы въ красивыя кудри, кропила ихъ благовоніями и наконецъ подымала кверху, въ видъ шлема (Ювеналъ, 6, 120). Но этимъ еще не оканчивался головной уборъ; въ волосы римлянки вплетались перлы, рубины и самые разнообразные цвъты, поддерживаемые бантами и лентами различныхъ цвътовъ (Овидій, 17, 21, 89, 95). Лицо красавецы покрывалось потомъ благоуханнымъ тветомъ, освъжающимъ кожу (Ювеналъ, сатира 6). Освободясь отъ этой косметической маски, римлянка приказывала ввести въ свой будуаръ домашняго предсказателя (Сабиній), разнощицу писемъ и егинетскую цвъточницу (Плиній, 21 ст. 3). Египтянка, сопровождаемая нъсколькими красивыми канефорами (разнощицами цвътовъ) раскладывала живые и искусственные цвъты, и въ то время, когда кокетливая покупательница затруднялась въ выборъ, ловко передавала ей въ руку любовную записку и свитый изъ цвъговъ аллегорическій вънокъ (Паскалій, de Coronis). Благородная дама посылала удостоенному ея вниманія яблоко, носившее отпечатокъ ея зубовъ (Луціанъ, toxaris) и не удостоивая никого ни однимъ словомъ отсылала и предсказателя и Египтянку, чтобъ заняться чтеніемъ полученной записки.

Наступало время завтрака; два красивые мальчика вносили па лимонномъ подносъ фиги, прикрытыя виноградными листьями, а другіе плоды. Третій прислужникъ держаль на готовъ чашу, наполненную Фалерискимъ виномъ (Атеней). Передъ завтракомъ римлянка умывала руки молокомъ (Сабиній) и потомъ отирала ихъ о густыя черныя кудри одного изъ мальчиковъ (Петроній, 2, 27.) Во время завтрака на колѣна римлянки клали маленькую собачку мальтійской породы, которую она кормила гусиными печенками (Сабиній). Тотчасъ послѣ завтрака вводили домашняго философа (Светоній), у котораго любопытная красавица справлялась о скандалёзныхъ приключеніяхъ, о новыхъ модахъ, объ интригахъ проконсуловъ и о новыхъ анакреотическихъ сочиненіяхъ (Луціанъ, de Mercede conductis) и отпускала этого жалкаго наслѣдника Зенона, отговариваясь нездоровьемъ (Сабиній).

По уходъ въстовщика, молодая римлянка удалялась въ свой

кабинетъ, входъ въ который былъ недоступенъ для ненужныхъ и не приглашенныхъ постителей. Тамъ, раскинувшись на мягкихъ коврахъ, она принималась домать розовые листочки, головки мака или анемона, приходила въ восторгъ отъ треска издаваемаго ими, и потомъ сжавъ своими пальчиками яблочныя съмяна, стръляла ими въ цъль въ богатоубранныя станы. (Горацій, сатира 3). Занятіе это прекращалось только извъщениемъ, что готова ванна, устроенная такъ, что римлянка полоскаясь въ душистой цвъточной водъ, могла качаться въ этой ваннъ, какъ въ колыбели (Сенека, de benef.) Освъживъ свои члены, красавица начинала окончательно одъваться, облекалась въ легкую газовую тунику, въ браслеты, серги, кольца, приказывала приготовить свой ручной экипажъ, и легкимъ прищелкиваніемъ пальцевъ подавала знакъ къ отъвзду (Ювеналъ). Четверо здоровыхъ каппадокійскихъ носильщиковъ ожидали ее съ позлащеннымъ паланкиномъ, предъ которымъ шли два негра. а по бокамъ два либурійца съ скамейками, служившими для выхода римлянки изъ паланкина (Петроній). Кром'в этихъ невольниковъ шли по бокамъ еще два другіе, изъ которыхъ одинъ несъ опахало, сдёланное изъ перьевъ фламинго, а другой зонтикъ, утвержденный на длинномъ индійскомъ тростникъ (Паціанди). На главной народной площади носильщики пріостанавливались, чтобъ дать своей госпожѣ возможность вынуть итсколько билетиковъ изъ урны жребія, которую протягивали ей маленькія дъти (Тибуллъ, элегія 3) нисколько не пугавшіяся ея постоянныхъ спутниковъ-отвратительной обезьяны и пріученной змін, которая обвивалась кольцомъ вокругъ ея шен и рукъ (Светоній, г. 71).

По возвращении съ прогулки, римлянка принимала поэтовъ, литераторовъ и ученыхъ, которые-выпивъ холодной прозрачной воды, читали свои стихи или прозу, написанныя въ нъжномъ и ласкательномъ родъ, въ которыхъ, разумъется, хозяйка была уподобляема или заръ, или солнду (Персей, сатира 1). На объдъ римлянокъ гостей бывало не много. но за то всѣ избранные, и блюда самыя изысканныя-соусы Апиція. устрицы изъ Лукринскаго озера и Цирційской отмели, улитки изъ Мценскаго залива и утки, откормленныя особеннымъ образомъ изъ города Аміена (Марціалъ, Горацій, Теренцій, Ювеналъ). Особенно щеголяли римляне десертомъ и фалерискимъ виномъ, которое посыпали общипанными листками розы. Среди этихъ пиршествъ, при звукахъ музыки, пъніи и пляскахъ невольницъ, наступала ночь. Новый день заставаль римлянокъ почти за этими же самыми занятіями. О tempora, о mores!.. О времена, о нравы! Даже самые часы дня у древнихъ распредълялись не такъ, какъ у насъ. Обыкновенно, у насъ, собственно не дъловой день начинается въ 12 часовъ и оканчивается

смотря по желанію; у древнихъ было совсѣмъ не то, и каждый часъ дня имѣлъ свое особенное назначеніе для всѣхъ. Угодно ли вамъ знать, какъ распредѣляли часы древніе греки. День у нихъ начинался съ появленіемъ первой зари, съ часомъ пинія питуха. Въ это время каждый принимался за свою работу. « πός πτε Φανατα πολιας ἐπέβησε χνλεύοδ άνορώπες, πολλδιτι ς'έπο ζοδά β δοί τιθησι, т. е. при появленіи зари люди идутъ въ путь свой, и многіе быки стоятъ уже подъ ярмомъ.»

Нынѣшніе греки, по примѣру турокъ, считаютъ продолженіе дня также отъ ранней зари до захожденія солнца, съ тою только разницею, что они раздѣляютъ день на двѣнадцать часовъ, а древніе раздѣляли только на десять. Мѣсяцъ древніе греки дѣлили на три декады или на три десятка, годъ же ихъ, какъ и нашъ, состоялъ изъ двѣнадцати мѣсяцевъ съ нѣсколькими придаточными днями. Писатель Лукіанъ, въ двухъ стихахъ, очень остроумно и замысловато показываетъ количество часовъ въ продолженіе дня отъ утра до вечера, въ которые греки, позабывая о дѣлѣ, предавались удовольствіямъ.

Εξ ώραι μόχθοις έκανωταται, αί δὲ μετ'αζὰς Γράμμασι σςι τνυμεναι ΖΉΘΙ λεςδσιβροτγίς.

Т. е. «шести часовъ дня довольно для работы, а прочіе, показываемые буквами, гласять смертнымь: да здравствують». Въ самомъ дъль, буквы, составляющія слово гіної, будучи принимаемы за числа, означають 7, 8, 9, 10

Первый часъ, назывался у древнихъ грековъ Δνδή, заря, и былъ часомъ пробужденія.

Bmopoii часъ Аратоди, восхождение солнца, побуждающаго своимъ по-явлениемъ человъка къ работамъ.

Третій часъ мобовіа быль посвящень музамь, то есть умственнымь занятіямь, ученію. Въ этоть часъ начинались уроки въ публичныхъ школахъ.

Четвертый часъ гудэаста, назначался для телесныхъ упражненій и молодые люди зинимались гимнастическими играми, развивавшими ихъчлены.

Пятый часъ но $\mu \varphi \alpha \epsilon$ быль посвящень Наядамъ, нимфамъ ручьевъ и источниковъ и служилъ часомъ омовенія. Послѣ всѣхъ гимнастическихъ упражненій было введено въ обычай мыться, и потому во всѣхъ гимназіяхъ находились отдѣльныя комнаты для омовеній, примыкавшія къ общественнымъ зданіямъ. Атеней пишетъ, что Вакхъ прозванъ былъ Лимнеемъ, (богомъ озеръ) а водные источники нимфами и кормилицами Вакха, съ тѣхъ поръ какъ люди начали пить вино, смѣшанное съ водою.

Шестой часъ м₂σηβиρια, часъ полуденный, предназначался для отдохновенія поселянъ, ремесленниковъ и учениковъ.

Седомой, первый послѣ полудня этому—часъ изліянія. Обрядъ изліянія въ честь боговъ и приношенія имъ молитвъ всенародныхъ и частныхъ, при началѣ и послѣ окончанія всякаго дѣла, былъ строго соблюдаемъ у грековъ, и Гезіодъ въ своей поэмѣ «Работы и дни» напоминаетъ, что не умывши рукъ, приносить изліяній Юпитеру, дабы умилостивить его жертвами, отнюдь не должно.

Осьмой часъ й элгд быль часомъ молитвы. И такъ два часа, послъ полуденнаго, посвящались греками дъйствіямъ набожности, потому что изліянія всегда сопровождались молитвою, точно какъ и всякая молитва предварялась изліяніемъ.

Девятый часъ назывался сложно Ахти и котры и очевидно быль посвящень Цереръ и Кипридъ, потому что слово Ахти значить пшеница, мука, хлъбъ, а въ пространнъйшемъ смыслъ пищу, объдъ, пиршество. Греки почитали вечеръ самою лучшею порою для насыщенія, и особенно любили звать къ себъ гостей на вечернюю трапезу. Авиняне ъли по одному разу въ день, только за объдомъ, который у большей части подавался предъ закатомъ солнца.

Наконецъ десятьий и последній часъ назывался Доботь — захожденіе солнца. Слово это не требуетъ поясненія.

Но довольно мы бродили уже въ древнемъ міръ; нора онять обратиться къ дъйствительности и продолжать перечень нашей обыкновенной жизни, которой современныя событія доставили еще одно новое развлеченіе и возможность прелюбонытно коротать время.

Любимъйшею прогулкой какъ городскихъ нашихъ жителей, такъ и дачниковъ, въ концъ іюня, были поъздки по Петергофской дорогъ, на разные пункты между Петергофомъ и Красною горкой, чтобъ посмотръть на союзный Англо-Французскій флотъ, часть котораго хвастливо показалась, между 44 и 20, числомъ іюня въ виду кронштадскихъ бойницъ. Никогда еще въроятно дорога эта не была такъ оживлена, какъ въ это время. Начиная отъ самаго Петергофа вплоть до Вънковъ, маленькой деревушки, расположенной на горъ въ пяти верстахъ за Ораніенбаумомъ, почти на каждомъ шагу можно было встрътить множество любопытныхъ, какъ петербургцевъ, такъ дачниковъ, вооруженныхъ телескопами и даже обыкновенными зрительными театральными трубками. Видя предъ собою неприступныя твердыни Кронштадта и его гранитные форты, усъянные жерлами тысячи орудій, они совершенно спокойно, даже дамы, разсматривали тридцать три различные флага, развъвавшіеся предъ ними въ отдаленіи на непріятельскихъ судахъ. Болье любопытные пускались

еще далъе, за Вънки, на дачу г. Трофимовича, на Бронную гору, находящуюся въ двънадцати верстахъ отъ Ораніенбаума, и наконецъ даже на самую Красную горку, маленькую деревеньку, лежащую отъ Ораніенбаума въ двадцати цяти верстахъ, противъ которой прямо стоялъ англо-французскій флоть. Съ этого последняго пункта непріятельскіе корабли были такъ хорошо видны въ ясную погоду, что не только можно было различать французскіе и англійскіе флаги и следить за малейшими передвиженіями судовъ, но даже усмотръть сушившееся на мачтахъ и снастяхъ разное бълье, и матросовъ, которые, впрочемъ, что-то ръдко показывались на налубахъ, такъ что очень легко можно было почесть эти суда за покинутыя морскими воителями. Впрочемъ, по причинъ дурной песчаной дороги, ведущей къ Красной горкъ, начинающейся отъ самой Бронной Горы, охотниковъ любоваться такимъ зрълищемъ находилось немного, и большинство публики сосредоточивалось на Катальной гор'в въ ораніенбаумскомъ паркъ. 21 числа флотъ удалился. Прогулкамъ въ Ораніенбаумъ не мало способствують ныньшній годь дилижансы, постоянно ходящіе, въ опредъленное время, между этимъ городомъ и Петергофомъ. За рубль серебромъ вы незамътно проъдете девяти-верстное пространство, любуясь, съ одной стороны, великоленными дачами и парками, а съ другой картиною Финскаго залива, котораго голубая поверхность живописно испещрена рыбацкими лодками, нисколько не боящимися сдълаться англійскими призами. Путешествія въ дилижансахъ тъмъ болъе пріятны, что вы можете наслушаться разныхъ новостей и анекдотовъ, изъ которыхъ одинъ, подслушанный нами, сообщаемъ нашимъ чита-

Однажды двое пріятелей собрались также посмотръть на непріятельскій флоть. Задумано — сдълано. Два друга, полюбовавшись по дорогъ дачами, очутились наконецъ на Красной горкъ.
Флотъ былъ осмотрънъ, цъль достигнута, и потому ръшено было тотчасъ же отправиться въ обратный путь. До Стръльны все шло благополучно, но тутъ съ путешественниками случилось, увы, самое обыкновенное извозщичье несчастіе—у коляски сломалась ось. Одинъ изъ путешественниковъ хладнокровно перенесъ это горе, и предложилъ остаться
ночевать въ почтовой, чистой и опрятной гостиницъ, въ которой они
могли найти все къ ихъ услугамъ, но товарищъ его непремѣню хотълъ
быть въ Петербургъ и нетерпъливо вошелъ въ станціонную комнату.

[—] Нельзя ли заложить поскоръе тройку? обратился онъ къ станціонному смотрителю.

Очень можно, отвъчаль тотъ, пожалуйте прописать вашу подорожную.

- У меня нътъ никакой подорожной!
- Такъ и лошадей нельзя дать!
- Я заплачу тройные, четверные прогоны.
- Тридцатерныхъ нельзя взять, на то служба, отвъчалъ неумолимый служака.

Ни какія просьбы не помогали, и на всѣ выгодныя предложенія слышался одинъ безотрадный отвѣтъ:

- Нельзя!
- Нечего дълать, поневолъ ты долженъ будешь остаться ночевать, Контскій, замътиль нетерпъливому путешественнику его товарищъ.

Имя это поразило слухъ смотрителя.

- Позвольте васъ спросить, сказалъ онъ, вы какъ нибудь изволите быть съ родни знаменитому Аполинарію Контскому?
 - Это я самъ.
- Не можетъ быть! а то чего бы кажется не сдёлать для такого артиста; своихъ бы лошадей далъ, даромъ что замучены.

Знаменитый скрипачъ открылъ свой портфель, вынулъ изъ него нъсколько визитныхъ карточекъ и подалъ смотрителю.

— Ну, что, теперь убъдились? спросилъ онъ.

Смотритель недовърчиво покачалъ головою.

- Карточки можно достать, возразиль онъ.
- Чемъ же мит еще васъ увтрить послт этого?
- Очень обыкновеннымъ епособомъ и самымъ върнымъ: я самъ немного музыкантъ и тоже играю на скрипкъ. Я принесу ее вамъ, сыграйте; доказательство будетъ на лицо. Угодно?
- Несите вашу скрипку, вскричалъ артистъ, желавшій непремѣнно въ тотъ же вечеръ возвратиться въ Петербургъ, и если на вашей скрипкѣ можно что нибудь сыграть, то у васъ не останется и тѣни сомнѣнія.

Скрипка была принесена, настроена и оказалась довольно порядочною, хотя далеко не такою, въ которой сокрыта душа Паганини.

Контскій сділаль нісколько акордовь, потомь заиграль и.... Природа притапла дыханіе. Соловей, оглашавшій воздухь своимь пініемь, пріумолкь и оть стыда уткнуль свой клювь подъ крылышко! Вітерь стихь, листья перестали трепетать а летівшія на возморье утки такь и повисли на одномъ містів на крылахь въ воздухів, не желая проронить ни одного звука волшебнаго смычка! О смотрителів и говорить нечего. Онъ стояль, какь окаменівлый, прижавь къ сердцу судорожно руки и развівсивь уши. Наконець, будучи не въ силахъ преодоліть своего восторга, станціонный меломанъ при звукахъ «Селянки-мазурки, и «Каскада, упалъ на кольна и захлебываясь отъ слезъ проговорилъ—нътъ, слово не точно—простоналъ:

— Вся станція къ вашимъ услугамъ! слушавъ разъ подобную игру, зачёмъ человѣку больше жить. Вы точно Контскій, позвольте облобызать пер сты, которыми вы касались струнъ. Отнынѣ скрипка эта будетъ положена въ приличный позолоченый ящикъ подъ стекломъ, чтобъ всякій могъ знать, что ее осчастливилъ великій артистъ, тотъ, отъ котораго безъ ума краснорѣчивый музыкальный писатель Рапопортъ и вся его компанія...

Смотритель приказалъ заложить собственныхъ измученныхъ лоша дей, и нашъ замъчательный виртуозъ имълъ удовольствіе, въ тотъ же вечеръ тихо покоиться подъ своимъ кровомъ, благодаря своему генію.

Разсказъ этотъ имѣлъ какое-то магическое дѣйствіе на всѣхъ слушателей, и всѣмъ непремѣнно захотѣлось посмотрѣть какъ меломана—смотрителя, такъ и станціонную его скрипку, облагороженную игрою г. Аполлинарія Контскаго; однимъ словомъ, еще разъ почерпнуть фактъ изъ самаго его перваго источника. Рѣшено было непремѣнно остановиться въ Стрѣльнѣ и всей компаніей войти въ почтовую комнату. Въ дилижансѣ поднялся страшный шумъ, ссоры и даже составились пари. Между пассажирами случилось нѣсколько меломановъ, изъ которыхъ каждый, во что бы то ни стало, хотѣлъ пріобрѣсть себѣ инструментъ, получившій съ этихъ поръ знаменитость. Со цсѣхъ сторонъ раздавались возгласы:

- Хоть бы триста рублей стоило, а ужъ соблазню я этого смотрителя!
- А я у васъ перебью, я больше дамъ.
- Хотите держать пари, что смотритель ни за что не продастъ скрипки?
 - Я тоже держу, что не продастъ.
 - Нътъ, продастъ!
 - Нътъ, непродастъ!.

Споры и крики умолкли только предъ дверью стрълинской станціи. Былъ уже часъ первый ночи, когда нарочно нанятый дилижансъ доставилъ насъ на мъсто славнаго музыкальнаго событія. Смотритель вышелъ къ намъ и, по обыкновенію, протянулъ руку за нашими подорожными; нъсколько голосовъ вдругъ поспъшили вывести его изъ заблужденія и объяснить настоящую причину появленія столькихъ позднихъ гостей.

- Мы прітхали взглянуть съ уваженіемъ лишь на вашу скрипку, сказади мы ему.
 - На мою скрипку? съ удивленіемъ воскликнуль смотритель, по-

сматривая на каждаго изъ насъ съ видомъ какого-то опасенія; да у меня отродясь никакого инструмента не было!

- Какъ-такъ! стало-быть не вы дали лошадей господину Контскому? продолжали мы, полагая, что смотритель, съ просонокъ, не хорошо понялъ и разслушалъ.
 - Когда-съ?
 - Недъли двъ, ужъ никакъ не далъе.

Смотритель началъ молча рыться въ почтовой книгъ, перечиталъ ее почти всю и отвъчалъ:

— Никакого господина Контскаго по этому тракту, въ нынъшнемъ году, ни по своей, ни по казенной надобности, по подорожнымъ неоказывается. А кто они, служащіе или иностранцы?

Увы! смотритель не зналъ даже объ имени нашего знаменитаго виртуоза.

- Нътъ ли у васъ товарища? продолжали мы спрашивать. Можетъ быть, на скринкъ товарища вашего игралъ г. Контскій?
- Ни какого товарища у меня нътъ, отвъчалъ смотритель зъвая и тъмъ, безъ словъ, желая намъ дальнъйшаго пріятнаго пути.

Но немогло же быть, чтобъ это музыкальное происшествіе быль нельный слухъ. Молва могла ошибиться въ названіи мъстности. Торжество музыки могло произойти на станціи Петергофской, Ораніенбаумской, наконець въ самой Красной-горкъ, и потому нъкоторые ръшились произвести самое тщательное изслъдованіе. Они изслъдовали, и точно на одной станціи нашли музикійское орудіе—гитару, на которой ужъ въроятно не сыграль бы никакой земной талантъ, потому что у нея была пробита верхняя дека, а изъ струнъ болталась только одна и та порванная. Вотъ какъ иногда подшучиваютъ!

Людская молва-морская волна!..

Слушателемъ г. Контскаго былъ просто ъздившій съ нимъ пріятель; а скринка? разумъется—таже услуга обязательнаго спутника!..

И что, вопросъ, за обаятельная сила скрывается въ словъ «слава», что за нею всъ такъ гонятся? и всъмъ ли она равно достается въ удълъ, не смотря на всъ старанія нъкоторыхъ добиться хоть блъднаго ен луча? Для иныхъ слово это въ искусствахъ имъетъ иногда значеніе слова смерти, а иногда еще хуже—совершеннаго нравственнаго опущенія. Нъсколько лътъ тому назадъ я былъ случайно въ провинціи и мнъ удалось видътъ примъръ этому на сценъ одной кочующей труппы. Какъ теперь помню играли и что бы вы думали—какой нибудь водевиль? ни чуть ни бывало! Режисеръ былъ слишкомъ самонадъянъ и очертя голову отчаял-

ся на «Горе отъ ума.» Занавъсь еще неподымалась и огромный сарай, обращенный на время въ пріютъ Таліи, Мельпомены и Терпсихоры только сталъ наполняться любонытными зрителями. Я стоялъ у самаго оркестра и близъ меня номъстились какіе-то два человъка, принадлежавшіе, судя по ихъ разговору, къ тъмъ непризнаннымъ талантамъ, прозою и стихотвореніями которыхъ въ безчисленномъ множествъ наполнены литературные Некрополи редакцій всъхъ петербургскихъ журналовъ, безъ всякой надежды выйти когда либо на свътъ Божій, на страницы книги, изъ своей общей литературной гробницы.

- О, говорилъ одинъ изъ нихъ другому, какъ я радъ съ вами встрѣтиться и ножать вамъ руку. Еслибъ вы знали, какъ пріятно поговорить съ вами о литературѣ, о драматическомъ искусствѣ, о музыкѣ, о славѣ, потому что вы вѣрно не знаете вполнѣ какая участь таланта въ провинціи. Непонятый, отвергаемый, подавленный завистью, онъ рѣшительно живетъ только половинною жизнію. Всякая его высокая мысль перетолковывается въ смѣшную сторону; предлагаетъ ли онъ какое улучшеніе, всякій видитъ въ немъ какую—то скрытую корысть или выгоду; нападаетъ ли онъ на предразсудокъ, онъ только получаетъ въ награжденіе общее презрѣніе и ненависть. Никто не поддерживаетъ его, никто ему не сочувствуетъ! На голосъ таланта въ провинціи отвѣчаютъ только смѣхомъ или обиднымъ безмолвіемъ.
- Покиньте вашу степь и повзжайте въ Петербургъ, отвъчалъ ему другой. Петербургъ земной Олимпъ для всъхъ наукъ, искусствъ и художествъ. Ахъ, еслибъ вы были свидътелями, какъ иногда цълый театръ рукоплещетъ сочинителю, и какъ друзья и пріятели его восторженно жмутъ ему руку въ театральномъ, буфетъ за бутылкою шампанскаго. Какой восторгъ еслибъ вамъ пришлось выходить посреди толны, шушукающей кругомъ и позади: вотъ авторъ оперы или пьесы! о, тогда вы благословляли бы жизнь и шептали: какъ она сладка вмъстъ съ славой!

Глухой смѣхъ вырвался при этихъ словахъ изъ малочисленнаго оркестра и прервалъ дальнѣйшія похвалы литературной петербургской жизни.

To быль одинь изъ актеровъ театра, притаившійся за перегородкой, человікь уже пожилыхъ льтъ.

- Не старайтесь прельщать, проговориль онъ мрачно; отъ подобныхъ радостей можно иногда умереть! и потомъ онъ прибавилъ почти что шепотомъ:
 - А иногда можетъ случиться еще и хуже этого!..

Молодые люди посмотрѣли на него съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ нъкоторою досадой, за его неумѣстное вмѣшательство.

- Слава, продолжалъ глухо провинціяльный актеръ, бываетъ похожа иногда на тотъ золотой шлемъ, который Донъ-Кихотъ воображалъ видъть надътымъ на голову могущественнаго паладина. Когда жъ онъ послъ многочисленныхъ препятствій, догналь своего соперника, -- вмъсто великольннаго шлема нашель только бритвенный тазь. А между тымь, безумець, или, лучше сказать, счастливый глупець, не переставаль упорствовать въ своемъ заблужденіи. Мнимому таланту, обманувшемуся въ самомъ себъ, не суждено и такой доли. Ему остается только одно отчаяние или стыдъ. Только два единственные исхода — смерть, или нравственное паденіе — опущеніе, какъ говорится обыкновенно. Самопроизвольная смерть-храбрость душъ ничтожныхъ и трусливыхъ, представляющая предъ судъ Божій прежде опредъленнаго срока, прежде часа прозрѣнія и раскаянія. Нравственное уничиженіе... О! это уничиженіе! Знаете ли, господа, что разъ упавши съ облаковъ въ грязь, будещь уже долго погрязать въ ней. Чтобъ какъ нибудь избавиться отъ ужасныхъ думъ, стараешься забыться, остальное довершать нищета. — Губы его оставались полуоткрытыми и съ нихъ готовились вырваться новыя восторженныя слова полныя горечи.
- Слушайте дальше, господа, продолжаль артисть: я зналь одного человъка, который будучи молодь, какь вы, убъжаль однажды тайкомъ изъ родительскаго дома, не изъ страха какого нибудь наказанія за проступки, нъть! хуже—изъ любви къ извъстности и славъ. Изъ одной любви къ этой невърной мечтъ онъ пренебрегъ довольствомъ и покоемъ роднаго гнъзда, върными надеждами въ будущемъ и нъжною святою любовію своей милой и доброй матери. Милостивые государи! Желаете ли знать теперь, каковъ былъ результатъ десятильтнихъ упорныхъ трудовъ и всевозможныхъ лишеній, результатъ такихъ десятильтнихъ испытаній, которыхъ испугался бы самый ръшительный индъйскій факиръ? И такъ если желаете знать, то посмотрите, человъкъ этотъ передъ вами, это я!..

Я и мои товарищи по театру невольно вздрогнули, поднявъ глаза на его торжественно-мрачныя черты, запечатлънныя какимъ-то роковымъ выраженіемъ, которое на нихъ отражалось, не смотря на слой румянъ и объилъ.

- Изъ состраданія къ своей молодости, воспользуйтесь такимъ ужаснымъ примъромъ, если только въ вашей натуръ нътъ врожденнаго шарлатанизма, продолжаль опъ; безъ него вы ничего недостигнете однимъ маленькимъ талантомъ, а между тъмъ, еслибъ вы знали, какъ будете страдать...
 - На сцену, на сцену проговорилъ изъ-за кулисъ режиссеръ. Провинціяльный ораторъ скрылся за завъсою.

- Жалкій чудакъ, произнесъ первый молодой человъкъ и началъ продолжать разсказъ о двухъ оконченныхъ имъ драмахъ, которыя онъ хотълъ послать въ Современникъ или въ Отечественныя Записки, всегда отличающіяся, по его словамъ, похвальнымъ обычаемъ, сами расхваливать всё напечатанныя въ нихъ произведенія, не ожидая и нисколько не стёсняясь, какимъ бы то ни было, противуположнымъ мнёніемъ публики. Кажется, впрочемъ, что пьесы не были нигдѣ напечатаны.
- Кто это? спросилъ я у одного музыканта, настроивавшаго треснувшую скрипку.
- Это-съ?.. Степанычъ, онъ же нынче и Репетиловъ, отвъчалъ онъ съ пренебреженіемъ.

Я посмотрълъ на афишу и встрътилъ въ ней противъ амплуа Репетилова совершенно другую фамилію. Последній гудокъ дряннаго оркестра, называлъ бъднаго артиста полуименемъ изъ презрънія. Не знаю, было ли то у меня предубъждение въ пользу Степаныча, но только блескъ его игры передъ прочими товарищами, былъ по моему какъ блескъ яркой лампы передъ сальною нагорфвшею свфчею, а между темъ его какъ будто не замъчали въ его бъдномъ истертомъ фракъ, не смотря на все превосходство, и не дарили рукоплесканіями, щедро падавшими на долю другихъ актеровъ, хотя они сильно гримасничали, особливо Чацкій, лве похожій въ своемь накрахмаленномь жабо и кучерской прическь, на обезьяну-каммердинера моднаго франта средней руки, чёмъ на образованнаго свътскаго человъка. Онъ безпощадно грозилъ и товарищамъ, и публикъ кулаками, потрясалъ подмостки топаньемъ ногъ и оралъ во все горло, какъ раненый быкъ Андалузскихъ горъ. Мив стало досадно и грустно за бъднаго Степаныча, и я ръшился, во что бы то ни стало, поближе сойтись съ нимъ и изучить его покороче. Степанычъ, точно, любилъ иногда топить свое горе въ стаканъ, и въ такія минуты становился общительнъе и немного откровеннъе. Если только когда нибудь вы читали фантастическія повъсти Гофмана, — припомните стараго актера, котораго онъ выставилъ въ своемъ Захарів Вернерв, и вы будете иметь почти върный портретъ Степаныча. Припомните, съ какою тщательностью странный артистъ Гофмана старался скрыть свой возвышенный умъ и было трудно и почти невозможно съ нимъ сблизиться; когда вдругъ думаешь, что онъ попался, что онъ вашъ-актеръ, ускользалъ изъподъ вашихъ рукъ прикрываясь маской уничиженія и покорности. Съ какою такою насмъшкой очертываль онъ нъсколькими чертами содержателя театра; съ какою примърною увлекательностью, послъ нъсколькихъ бутылокъ пива, говорилъ онъ о Гёте, о Шиллеръ, обнаруживая въ каждой мысли

душу сильную и высокую, но разбитую нищетою, униженную страннымъ ремесломъ, за которое онъ взялся и которое любилъ, не смотря на вст его невыгоды. Вспоминая объ этомъ Гофмановскомъ артистъ, я всегда невольно проговариваю: да, именно, это точно Степанычь!.. Бъдный артистъ бъднаго провинціяльнаго театра, употребляемый лишь на второстепенныя роли, онъ между тымъ выказываль въ этихъ неблагодарныхъ роляхъ дарованіе во сто разъ болье дъйствительное и глубокое, чемъ все прочіе его товарищи, выставленные впередъ на показъ передъ публикою и награждаемые рукоплесканіями. Всегда покорный своей участи, всегда спокойный, иногда улыбающійся, но никогда не сміявшійся, Степанычъ різдко когда різшался подымать на кого нибудь надолго свои большіе выразительные глаза; онъ смотрёль на каждаго съ какою-то боязливою украдкой, и тотчасъ же потупляль внизъ свои взоры. Никогда не обходился онъ грубо съ товарищами; напротивъ, онъ быль самый услужливыйшій изъ всыхъ провинціяльныхъ артистовъ; но за то никогда не обращался онъ къ нимъ съ какою-нибудь ръчью, не вибшавъ въ нее одного изъ техъ горькихъ сарказмовъ, которыми люди возвышенные единственно мстятъ глупцамъ, поставленнымъ природой гораздо ниже ихъ нравственно. Въ продолжение довольно долгаго пребыванія театральной труппы въ убздномъ городь, кто изъ жителей незамътилъ Степаныча, въ его въчномъ черномъ фракъ, вытертомъ и засаленномъ, начиная отъ воротника до конца фалдъ, въ его узкихъ панталонахъ, которыхъ лоснящіяся складки обращали ихъ въ какіе-то полосатые и изъ-подъ которыхъ видивлись толстые, постоянно съ скривившимися на сторону каблуками саноги. Не знаю, нашивалъ-ли прежде когда нибудь Степанычъ перчатки, по-крайней-мъръ я никогда невидалъ ихъ на его рукахъ; самое бълье его являлось безукоризненно-чистымъ только тогда, когда онъ бывалъ на подмосткахъ и игралъ или какого нибудь «благороднаго отца», или наперсника, а его черные волосы, начинавшіе уже покрываться съдиною, кажется не очень часто чувствовали на себъ прикосновение гребня. Что касается до шляны его, подозрительнаго глянца, смятей, изломанной, съ совершенно помятыми полями (потому-что ии кто кажется некланялся чаще Степаныча) она была повидимому очень часто поновляема и передълываема, судя по ея маленькому формату. Такое внимание къ своему головному убору Степанычъ оказывалъ въроятно очень давно, въ то время, когда можетъ быть еще немного занимался своимъ туалетомъ. Когда я съ нимъ познакомплея, върная эта спутница его прогулокъ, была также неряшлива, какъ и ся хозяннъ, и всегда торчала или на самомъ затылкъ, или надъ самыми глазами.

Степанычь отличался многими мелкими художественными достоин-

ствами, которыми онъ быль вирочемъ обязанъ лишь своей долговременной артистической кочующей жизни. Онъ умълъ писать декораціи, переписывать партитуры, составлять роли, устраивать машины и провалы, колебать лодки на парусинныхъ бурныхъ волнахъ, производить разныя театральныя превращенія въ одно мгновеніе ока. Если только случалась въ чемъ нибудь нужда, тотчасъ раздавались крики:

— Позвать поскоръе сюда Степаныча! Притащить сюда живо Степаныча!..

Иногда Степаныча звали со всёхъ сторонъ, и онъ всюду являлся тихимъ, спокойнымъ, покорнымъ, снималъ своего короткаго и неизмљинаго товарища - фракъ, засучивалъ за локоть рукава рубашки и принимался за работу. Ничто не останавливало его дъятельности и трудолюбія-ни несовершенство и трудность копіи, ни б'єдность матеріяльныхъ средствъ, ни сложность механики, ни краткость срока, опредъленнаго для окончанія работь. Онъ постоянно являлся озабоченнымъ, внимательнымъ къ своему труду, добросовъстнымъ и отчетливымъ, точно какъ будто игралъ назначенную ему передъ публикою роль. Въ этомъ отношеніи никто немогъ никогда упрекнуть Степаныча. Роль свою онъ всегда помнилъ слово въ слово, не прибъгая къ помощи суфлера; никогда не делаль онъ неудачнаго выхода; никогда ни одно изъ его телодвиженій и позъ небыло неумъстно. Костюмы его, принаровленные имъ самимъ къ характеру его роли, могли считаться образцовыми, безукоризненными и стоили ему многихъ трудовъ и многихъ лишеній, чтобъ скопить для нихъ хотя ничтожную сумму. Въ хорахъ необходились безъ него. и онъ пъвалъ никогда не возвышая голосъ прежде времени и никогда послѣ, нисколько впрочемъ не заботясь, ошибались ли другіе пѣвцы или нътъ. Это было, по его понятіямъ, совсъмъ не его дъло, только бы онъ самъ пълъ върно и хорошо. Ему платили за добросовъстное исполненіе, и онъ, вполит, каждый разъ, заслуживаль свою плату; все прочее его окружающее, его не озабочивало.

Въ продолжение своей многольтней кочующей жизни, Степанычъ видълъ и наблюдалъ очень многое, наблюдалъ какъ человъкъ съ высшимъ взглядомъ на вещи, и случалось, это иногда высказывалъ. Если кто, желая чъмъ угостить его, звалъ Степаныча куда нибудь въ уголокъ за кулисы, человъкъ этотъ, въ первыя минуты неповоротливый и беззаботный, мало по малу возвышалъ голову; взглядъ его обыкновенно тусклый, оживлялся, голосъ его дълался нъжнымъ и пъвучимъ, и изъ устъ сыпались разсказы блестящіе умомъ, проникнутые глубокою обдуманностью, тонкими замъчаніями, острыми, мъткими сравненіями и совершенно новымъ и оригинальнымъ взглядомъ на предметы. Подъ конецъ онъ всегда свертывалъ разговоръ о самомъ себъ.

— Чувствую, что во мив есть что-то, говориль онъ, только бъ немного побольше воздуха для силъ, средствъ для развитія, дружеской руки для поддержки... чувствую, есть во мив что-то особенное!...

Но вдругъ раздавался звонокъ режиссера и, Степанычъ, позабывая о проблескахъ, которые таились въ душт его, о могущественной силъ таланта и творчества, которая просилась наружу, обращался снова въ обыкновеннаго комедіянта, входиль на подмостки, и гдѣ игра его, всегда отличавшаяся неподражаемою истиной, но истиной безъ всякаго ложнаго блеска шарлатанизма, не могла преодольть равнодушія непонимавшей его публики. Иногда случалось ему играть даже роли шутовъ и паяцовъ. Степанычъ исполняль ихъ съ равною добросовъстностью, но только въ такіе часы, плотибе прижимался къ кулисамъ, ниже обыкновеннаго опускалъ на грудь голову и становился мрачиве и нелюдимъе, чъмъ по обыкновению. По чертамъ его можно было замътить глубокое сознаніе, что онъ не рожденъ для костюма паяца, для бъднаго и грязнаго шута, наряженаго вмъсто настоящей куртки въ фланелевую фуфайку съ пришитыми къ ней огромными бумажными пуговицами, въ старую струю шляну, попорченную мышами и въ башмаки, ные густо меломъ. Изъ-подъ слоя муки, которою пудрилось лице его, можно было замътить, что онъ быль и безъ нее страшно блёдень, что онъ страдалъ.

Но счастіе не улыбнулось ему. У него не было пріятелей, которые бы пустили о немъ первую молву и заставили обратить должное вниманіе на его игру; у него небыло никакихъ средствъ выдвинуться изъ окружавшей его тѣни, и Степанычъ продолжалъ свершать свое поприще также бѣднымъ, пренебрегаемымъ, всѣми покинутымъ, но за то все тѣмъ же, твердымъ предъ нищетою и смѣющимся въ глаза тѣмъ посредственностямъ, которыя считали себя выше его, благодаря молвѣ. Степанычъ своимъ мѣткимъ словомъ сторицею отдавалъ пренебреженіемъ за пренебреженіе. Миръ его неизвѣстному праху! Однажды утромъ сильный припадокъ схватилъ этого комико-трагическаго Діогена на его темномъ чердакѣ, который безъ всякаго сомнѣнія былъ гораздо хуже бочки аоинскаго циника; изъ той, по-крайней-мѣрѣ, можно было грѣться на солнъв. Степаныча перевезли въ больницу; это было единственное вниманіе, которое показали ему завистливые товарищи.

— Жажда славы въ искусствахъ, живая сказочная вода, а между тъмъ отъ нея можно умереть, проговориль онъ умирая, актеру, принесшему къ нему его маленькое мъсячное жалованье.

А между темъ, не смотря на все, согласитесь, въ славе есть какое-то могущественное обаяніе. Да и какъ не желать ее, когда о васъ всв пишуть, рисують ваши портреты, называють вашимь именемь польки, мазурки, вальсы и даже... вдругь, напримъръ, вы гуляете гдъ нибудь въ глуши, въ лъсахъ, и вотъ, въ ушахъ вашихъ, въ этихъ недосягаемыхъ дебряхъ, раздается ваше славное имя. Вы удивляетесь какъ могъ туда долетъть слухъ о васъ? какъ могли узнать васъ-развъ по портрету? Вы оборачиваетесь. Не удивляйтесь, не ваша извъстность возбудила такое восклицаніе! Это охотникъ зоветь свою собаку, названную вашимъ славнымъ именемъ. Я самъ видълъ одного пуделя, прозваннаго Байрономъ, и онъ кажется очень гордился подобною кличкою, потому что всякій разъ превесело махаль хвостомъ. Скоро ль прекратится такая профанація славы? думаль я, читая недавно одинь листокь въ которомъ подробно описывался портретъ маленькой собачки, породы шарло, черной, волнистой шерсти, съ желтыми лапками и подпалинами. Это миленькое животное зовется ни болье ни менье какъ Віардо. Я вспомниль про Віардо, про ен игру и пініе, и поневолів перифразироваль стихъ Пушкина:

Пъвецъ любви, пъвецъ боговъ, Скажи мнъ, что такое слава! Могильный гулъ, хвалебный гласъ, Изъ рода въ роды звукъ бъгущій Иль въ объявленьяхъ вопіющій О быствы Віардо возгласъ.

Всъмъ этимъ грустнымъ и сладкимъ размышленіямъ о славъ я предавался въ то время, когда цълое общество меломановъ отыскивало того дилетанта, котораго скрипка была одушевлена, на минуту, волшебнымъ смычкомъ г. Контскаго, по разсказамъ стоустой молвы. Я уже воображалъ, что встръчу въ почтовомъ смотрителъ человъка, въ груди котораго, невъдомо для міра, таится огнь таланта и вдохновенія, и сердце мое бользненно сжималось. Къ моему счастію, вы уже знаете, ничего подобнаго не оказалось.

Возвращаясь съ этихъ поисковъ на пароходъ, мы услышали на взморьт веселые наптвы следующей песни, которая явно можетъ показать боятся-ли у насъ союзнаго флота!

> Какъ у нашихъ финскихъ водъ Стоитъ сильный вражій флотъ,

Ай люшиньки, ай люли! Разной масти корабли!

Вражій флотъ валитъ, палитъ, Только намъ не угрозитъ, Ай люшиньки, ай люли! Сядутъ на мель корабли!

Русскій имъ пріемъ готовъ, Съ крѣпостей и береговъ! Пусть бы только подошли— Будетъ люшеньки-люли!

Англичанамъ ни на шагъ Не уступитъ нашъ морякъ! Мы наловимъ, ай люли, Красныхъ раковъ на мели!

Царство русское растеть, Крѣпнеть въ силахъ и цвѣтеть, И враги святой земли Слышутъ наше: ай люли!

Русь пусти-ка въ абордажъ, Такъ Востокъ и Западъ нашъ! Только русскій Царь вели— Будетъ люли-разлюли!

Пъсня эта стала всякому извъстна, въ самомъ непродолжительномъ времени, по натріотической пьесъ г. Григорьева 4-го подъ названіемъ: «За Въру Царя и Отечество», въ которой авторъ пламенно выразилъ чувство, одушевляющее русскихъ. Въ одномъ изъ куплетовъ, произведшихъ впечатлъніе на публику, народное чувство еще виднъе, и кто неоткликнется, при надобности, на подобный призывъ:

Наша Русь любимая, Встань со всъхъ концовъ! Грянь, непобъдимая, На своихъ враговъ! Не считая много ли, Мы враговъ уймемъ, Что-бы Русь не трогали Всъ въ огонь пойдемъ!

Иначе и быть неможеть:

Могуча въ насъ славянская природа! И старъ, и младъ на бой итти готовъ! Мы тъжъ сыны двънадцатаго года, Не постыдимъ ни гдъ своихъ отцовъ.

Болъе всего была публика довольна простонароднымъ разсказомъ о новъйшихъ славныхъ подвигахъ Англичанъ въ Балтійскомъ моръ, и вообще о политикъ лондонскаго кабинета.

Въ день св. Апостоловъ Петра и Павла, 29-го іюня, былъ двойной праздникъ въ нашей Кронштадтской эскадръ—и въ честь корабля, носящаго имя Великаго преобразователя Россіи, на которомъ развъвается адмиральскій флагъ, и въ честь имянинъ всъми уважаемаго и любимаго начальника балтійскихъ эскадръ, адмирала Петра Ивановича Рикорда.

Въ три часа пополудни, всъ друзья адмирала и весь цвътъ нашего флота прибыли на палубу карабля Петръ Великій, гдъ были приняты радушно имянинникомъ. Въ многочисленномъ обществъ мужчинъ было много дамъ и нъсколько дътей, которыя, каждый по своему, желалъ также выразить свои чувства почтенному хозяину. Послъ ведиколъпнаго объда, подъ роскошной тентой изъ флаговъ, сопровождаемаго музыкою, начались разные спичи и пожеланія. Всякій говориль ихъ какъ умълъ-и прозой, и стихами, но только равно отъ полнаго сердца. Пожеланія эти, разумъется, были весьма разнообразны потому, что просвъщенный и любознательный хозявить всегда соединяль въ близкомъ ему кругу представителей и науки, и литературы, и искуствъ. Самъ имянинникъ произнесъ прекрасную рачь, дышащую глубокимъ патріотизмомъ и преданностью къ престолу, ободрительную для его сподвижниковъ, которая кончилась громкимъ тостомъ за здравіе Государя Императора, при гимить Боже Царя храни, пропътомъ всеми гостями. Затемъ следовалъ тость Августвишему генераль-адмиралу, сопровождаемый сердечнымъ «ура» всёхъ присутствующихъ, Н. И. Гречъ произнесъ краткое привътствіе почтенному имяниннику и окончиль его чтеніемъ восторженнаго стихотворенія, присланнаго адмиралу Р. М. Зотовымъ. серьозной пьесой следоваль стихотворный приветь Ө. А. Кони. Въ шумномъ клубъ, послъ грогу Пьянымъ лордамъ за ихъ пиръ Объщанье—даже къ сроку, — . Далъ такое сэръ Непиръ:

Что придетъ въ Кронштадтъ объдать, А потомъ онъ поспъшитъ Къ Петербургу—щей отвъдать, И войну тъмъ поръшитъ.

Вотъ предъ крайнимъ нашимъ фортомъ, Размъстивъ эскадру въ строй, Съ должнымъ англійскимъ комфортомъ, Сълъ откушать нашъ герой.

Но узнавши, что «по-русски,» Гдъ объдаютъ и пьютъ, Тамъ всегда ужъ и закуски Послъ брашенъ подаютъ,

Длить не сталъ своей потъхи, Всиять отправилъ грозный флотъ! Знать каленые оръжи * Видитъ глазъ да зубъ нейметъ!

А корабль нашъ, Петръ, маститый, Средь Кронштадскихъ тихихъ водъ, Лишь смотрълъ съ улыбкой скрытой На безмърный подвигъ тотъ.

Вотъ теперь мы на Петръ-же Собрались на дружній пиръ Невредимые, все тъ же: Созваль русскій насъ Непиръ!

Онъ не празднуетъ заранъ Неодержанныхъ побъдъ, Соль не ловитъ въ океанъ И барановъ для котлетъ,

Врагъ продълокъ, козней скрытныхъ, Чтитъ торговыя права,

^{*} Всв наши форты вооружены бомбическими пушками, изъ которыхъ стредяють калеными ядрами.

И не жжетъ у беззащитныхъ Припасенные дрова.

Но въ его однакожъ въкъ Много есть прекрасныхъ дълъ Кунаширъ * Камчатка, Греки И блокада Дарданеллъ.

Всюду добрые начатки! Всюду слёдъ его трудовъ! Отъ Хіоса до Камчатки И Сандвичьихъ острововъ.

И теперь, безъ вражья слёда, Гордо флотъ нашъ здёсь стоитъ: Развъ это не побъда Если врагъ отъ насъ бъжитъ?

Выпьемъ же за Адмирала! Общій голосъ всёхъ сердецъ: — «Гдъ есть доброе начало Славный будетъ тамъ конецъ»!

Дай Богъ намъ его поздравить, Въ той же силъ и поръ, И Петровъ день снова справить — Только ужъ не на Петръ.

Послъ объда начались увеселенія матросовъ и танцы, а предъ заревою пушкою веселое общество, благодаря отъ полнаго сердца радушнаго иманиника, събхало на пароходъ и возвратилось въ Петербургъ, унося съ собою самыя живыя впечатлънія этого пріятнаго дня.

Просматривая журналы добраго стараго времени, мы нашли одну пъсню, сложенную про Наполеона Перваго, самими же французами, которую не худо бы затвердить нынъшнимъ. Пъсня эта очень хорошо показываетъ, какъ смотрълъ французскій народъ на войну своего Императора съ русскими и на возможность его успъховъ, не смотря на всъ громкіе бюллетени, которыми наполнены были всъ газеты и которые, разумъется, какъ и нынче, провозглашали только побъды и полную увъренность въ непобъдимость «Великой арміи.»

На этомъ островъ былъ спасенъ Адмираломъ Рикордомъ плъненный Японцами капитанъ Головинъ.

ALDER THE RESIDENCE - BREE DEPENDITION

1000V 2107

THE OTHER

derwant, do-

sitegic regound

-sundi exagent TOU AND METERS

ANTOGODE 4

der manner t

MICES HIMBURGHER

Napoleon à danser Voulut un jour s'exercer. Très dégouté de l'Anglaise, Il apprend la Polonaise, L'on va voir en rond Tourner Napoleon.

Les Sarmates, bons garçons, Fournissent les violons. Au bal chez eux on s'assemble, Planchers, fenêtres, tout tremble, Leurs sauts et leurs bonds Menacent les plafonds.

Mais la Polonaise enfin Le lasse de son refrain. « Traversons le Borysthene, «La me trouvant en halaine, «La Russe—sera «Ma danse d'Opera.»

Borodino du fier danseur Ne rallentit point l'ardeur. «Allons à la capitale! «La, dans une grande salle, «Serront abondants Les raffraichissements.»

Napoleon à Moscou Se foule un peu le genou; A droite, à gauche il regarde, Il s'amuse à la moutarde, Sans prevoir un moment La danse qui l'attend.

Koutousoff, l'oeil en arret, secreta emississione simple Fait tendre aux siens le jarret, Puis ordonne à la musique De son orchestre tragique D'entonner un air, Charivari d'enfer

maney arel queny

TARRET B. Sheker Pulled Lord Black

Bonaparte aux premiers sons, Tourne vite les talons.

- «Tudieu quelle farabante!
- «J'aime bien mieux l'allemande,
- «Danse qui voudra
- «Toutes ses danses là!»

Koutousoff, le goguenard, Dit à ce danseur blafard: «A peine vous entrez en danse Que vous perdez la cadense! "Pas de rigodon « Monsieur Napoleon! »

Napeleon lui reponds:

- «Votre Russe me confond;
- «A peine mon soulier craque
- «Que Calmouks, Baschkirs, Cosaques
- «Par leurs entrechats
- «Derangent tous mes pas.»

Une fugue il fait jouer, Ordonnant d'executer Cette figure à la mode Par un pas fort incommode, Jadis inconnu, Nommé chassé battu.

То есть, однажды Наполеонъ вздумалъ заняться танцовальными упражненіями, и получивъ отвращеніе отъ англійскаго танца, выучился польскому. Въ общемъ кругу посмотримъ какъ будетъ вертъться Наполеонъ.

«Сарматы, славные ребята, доставили скрипки. На балъ ихъ собрались гости; полы и окошки задрожали; ихъ прыжки и подскоки угрожають потолкамъ.

«Но наконецъ и полька утомила Наполеона. Перейдемъ Дивпръ, говорить онъ, тамъ переведя дыханіе, я выберу русскую пляску своимъ опернымъ танцемъ.

«Бородино не охладило рвенія горячаго плясуна. Пойдемъ въ столицу, говорить, тамъ, въ обширной залъ будеть въ изобиліи всякихъ угощеній.

«Въ Москвъ Наполеонъ помяль себъ немного ногу, началь смотръть

наскоро направо и налъво, нисколько не предвида другаго танца, ко-торый ему готовился.

«Кутузовъ, настороживъ взоръ, заставилъ своихъ молодцовъ вытягивать носки, потомъ приказалъ играть музыкъ, и его оркестръ издалъ такіе звуки, что хоть вонъ бъги.

«При первыхъ акордахъ, Наполеонъ поворотилъ пятки. Что за разладица! мнъ лучше нравится нъмецкая пляска, пусть кто другой танцуетъ эти русскіе танцы, сказалъ онъ.

«Ворчунъ Кутузовъ возразилъ тогда этому поблѣднѣвшему танцовщику: Едва только вы начали танцовать, какъ уже сбились съ каданса. Пожалуйста, продолжайте, хоть безъ припѣву, господинъ Наполеонъ.»

«Наполеонъ отвъчалъ ему: Ваша русская пляска сбила меня съ толку. Чуть только башмаки мои заскрипъли, какъ Калмыки, Башкиры и Казаки своими прыжками разстраиваютъ всъ мои движенія.

«И онъ велълъ играть фугу, приказывая своимъ модную фигуру начинать пренеудобнымъ na, прежде ему неизвъстнымъ и называемымъ chassé battu (слово непереводимое: это na, употребляемое въ балетныхъ танцахъ и означающее два слова выгнанъ, разбитъ.)

Кажется теперь эта пъсия позабыта, а некудо бы ее припомнить въ настоящее время французскому народу, да переведя слъдующее наше стихотворение выучить наизусть и его.

Когда на землю ниспадаетъ Мракъ ночи, и бросая лучъ Луна таинственно всилываетъ На небосклонъ изъ-за тучъ, Тогда, надъ Сеной величавой, Витаетъ нынъ тънь, иль духъ Кумира Франціи и славы, И говоритъ Парижу вслухъ:

«Парижъ, такъ много мной любимый,
Ты обезумълъ, сталъ дитей!
Твой врагъ, и врагъ непримиримый,
Тебя увлекъ въ союзъ съ собой...
Племянникъ! что за бой ты трудный
Съ плеча затъялъ?.. Иль забылъ
Что Альбіонъ и часъ мой судный,
Коварнымъ гнетомъ ускорилъ!..

Ты позабыль мои страданья

На знойномъ островъ, средь скалъ,
И Франціи забылъ рыданья,
Твой часъ, часъ гибельный насталъ!
Не мни уклончивымъ сужденьемъ
Предъ мной оправдываться ты.
Твое воинственное мнънье
Подобно призраку мечты.

Не мни нельною ты дружбой Съ Британцемъ Русскихъ устрашить, Не мни чалмъ постыдной службой Себъ безсмертье заслужить. Не върь и дружбъ неизмънной Британскихъ ты островитянъ, Внемли мой гласъ, мой гласъ священный— Врагомъ будь въчно Англичанъ: Отмсти за дядю Альбіону! Позоръ тому Наполеону, Который дружбу съ нимъ сведетъ.

На этомъ мѣстѣ умолкаетъ
Завѣтный голосъ въ облакахъ...
И голосъ эхо повторяетъ
И на Тулонскихъ берегахъ...

Упомянувъ о морскомъ празднествъ на кронштадскомъ рейдъ, нельзя умолчать о новости, которая въроятно не очень будетъ пріятна союзнымъ адмираламъ непріятельской эскадры.

Пестаго іюля, въ два часа по полудни, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Константина Николаввича происходиль, въ Новомъ адмиралтействъ, изъ каменнаго элинга, спускъ новаго, винтоваго, сорока-шести-пушечнаго фрегата «Марія», при многочисленномъ стеченіи публики, наполнявшей всю ближнюю и противоположную набережную. Нужно было видъть, съ какимъ настроеннымъ вниманіемъ
ждали всъ той минуты, когда величавый и граціозный корпусъ фрегата
соскользнетъ съ удерживающихъ его подставовъ въ ту стихію, на которой отнынъ суждено ему красоваться и торжествовать. И вотъ наконецъ эта торжественная минута настала, и при громкихъ восторженныхъ кликахъ толпы, новое дитя нашего флота «волнъ и бурь любимое дитя» плавно зашумълъ въ волнахъ Невы, чтобъ итти и стать
ъ средъ нашихъ балтійскихъ судовъ. По спускъ въ воду, фрегатъ

этотъ, построенный корабельнымъ пиженеръ-капитаномъ Шаттеномъ, углубился форштевнемъ 12 ф. 6 д., ахтеръ-штевнемъ 15 ф. 6 д., перелому оказалось полдюйма. На фрегатъ, во время спуска, находилось 480 человъкъ команды, 3000 пудъ чугуннаго баласту и чугунныя либербортовыя крышки въсомъ 519 пудъ. 8 іюля отняты были полозья съ спусковымъ устройствомъ, и не смотря на то, что было еще прибавлено чугуннаго баласту до 2,636 пудъ, фретатъ углубился лишь форштевнемъ на 4 дюйма, а ахтеръ-штевнемъ на 4 фута. Тъмъ, которые имъли случай видъть съ какою тщательностью строятся у насъ всъ суда, начиная съ самыхъ большихъ до самыхъ малыхъ, подъ наблюденіемъ опытныхъ морскихъ инженеровъ, въроятно не нужно подробно описывать соразмърности формъ и строгой точности постройки фрегата «Марія». Превосходныя достопнства его окажутся, можетъ быть, со временемъ на дълъ, къ удивленію англійскихъ кораблестроителей.

Но межу тъмъ какъ намъ представляется столько развлеченій, когда у насъ есть всегда готовый запасъ новостей, которыми мы можемъ подълиться, не думайте, чтобъ низшій классь петербургскихъ жителей не имълъ также своего рода развлеченій и удовольствій. Кромъ всегда ему доступныхъ Крестовскаго, Петровскаго острововъ и Екатерингофа, гдъ онъ можеть подивиться воздушнымъ представленіямъ и конскими Спози, и эквилибрическими Вейнертовъ и штукамъ разной подобнаго рода артистической компаніи, каждый годь въ положенный день, гдв нибудь, въ отдаленной части Петербурга, бываетъ народное гулянье, на которое цосътители сбираются десятками тысячъ и веселятся подъ открытымъ небомъ до самаго поздняго вечера. Нынтшній мъсяцъ бываетъ особенно обиленъ этими гуляньями. Такъ напримъръ, было народное гулявье на Пороховыхъ заводахъ и потомъ на Охтъ. Кому неизвъстна Охта по названію, но врядъ ли большая часть нетербургскихъ жителей когда нибудь бывала на этой окраинъ Петербурга, замъчательной въ двухъ отношеніяхъ (за исключеніемъ перваго и главнаго: снабженія всего города сливками и молокомъ): тамъ живутъ лучшіе столяры, рѣзчики и золотильщики, которыхъ работа, гордясь своимъ выходомъ изъ иностранныхъ магазиновъ, покупается въ три-дорога для самыхъ великолфиныхъ гостиныхъ; только одного недостаетъ для полной славы охтенскихъ столяровъ, впрочемъ не малаго: хорошо высушеннаго дерева, которое иногда десятки лѣтъ сохнетъ у иностранныхъ мастеровъ и отдается въ отдълку Охтенцамъ. Главнымъ же народнымъ гуляньемъ въ этомъ мъсяцъ было гулянье на Смоленскомъ кладбищъ, на которомъ всегда, между могильными памятниками можно встрътить самый разнообразный цвътникъ, а сре

ди грустныхъ вздоховъ подслушать веселый напѣвъ русской удали, не боящійся смерти и смотрящей на пее, какъ на неизбѣжный сонъ, особливо, если жизнь приносится на общую пользу. Пересчитывая тысячные примѣры готовыхъ умереть съ честію, по первому призыву, такъ и хочется напомнить прекрасные стихи А. С. Пушкина.

Не пугай насъ, милый другъ, Гроба близкимъ новосельемъ, Право, намъ такимъ бездъльемъ Заниматься недосугъ

Пусть остылой жизни чашу
Тянетъ медленно другой
Мы-жъ утратимъ юность нашу
Вмъстъ съ жизнью молодой...

Отдохнемъ отъ праздной лѣни, Круговой нальемъ сосудъ, И игриво наши тѣни Къ мирной Летѣ убѣгутъ!..

Смертный мигъ нашъ будетъ веселъ, и пр.

Но довольно о такомъ предметъ, обратимся опять къ сферъ нашей насущной жизни и будемъ продолжать о другихъ новостяхъ. Въ нашихъ уральскихъ розсыпяхъ сдёлано весьма важное открытіе: это топазы розоваго цвъта, которые до сихъ поръ были находимы только въ одной Бразиліи и въ ней даже почитались большою рѣдкостью. Обыкновенно же розовый цвътъ придавался топазамъ ювелирами, искусственно, посредствомъ запеканія въ хлібов, почему такіе искусственные, розоватые топазы и назывались topaz brulés. Розовые наши топазы были открыты совершенно случайно въ каменно-павловской розсыпи купца Бакакина и наслъдниковъ коллежского секретаря Ахматова, въ Троицкомъ увздв, Оренбургской губерніи. Промывая золото, между песчинокъ его нашлись и эти минералы, которые въ Бразиліи почитаются несомивниыми спутниками платины и алмазовъ, которые также были находимы на Уралъ, въ тридцатыхъ годахъ, въ довольно большомъ количествъ, въ четырехъ различныхъ мъстностяхъ, именно: на Кресто-Воздвиженскихъ пріискахъ княгини Бутеро ди-Радолли, найдено 40 алмазовъ, изъ которыхъ самый большой быль слишкомъ въ 2 карата; въ Кушайскомъ промыслъ, Гороблаго. датского козенного округа, найденъ одинъ алмазъ въсомъ въ 3/8 к., на бывшей заимкъ г. Меджера, нынъ коммерців совътника А. Т. Рязанова найдено два алмаза въ $\frac{5}{8}$ к. и наконецъ на Ильтабановскихъ промыслахъ г. Жемчужникова, найденъ одинъ алмазъ въ $\frac{1}{8}$ к. Теџерь уже давнымъ-давно ровно ничего объ алмазахъ не слышно; они, кажется, не были изслъдованы надлежащимъ образомъ. Вообще выборъ алмазовъ изъ груды другихъ мелкихъ галекъ очень труденъ и требуетъ большой наглялности, потому-что алмазы съ поверхности бываютъ обыкновенно покрыты непрозрачной корой (рубашкой). Извъстіе это сообщено членомъ Императорскаго С. Петербургскаго Минералогическаго Общества г. Барботомъ де Марни.

Теперь обратимся къ новостямъ въ нашемъ художественномъ петербургскомъ міръ. Талантливый нашъ художникъ г. Тиммъ продолжаетъ неутомимо знакомить насъ своими картинами со всёмъ, что только случилось замъчательнаго въ настоящую войну. Въ послъднемъ выпускъ своего Художественнаго Листка, онъ изобразилъ видъ пожара англійскаго парохода «Тигръ» предъ взрывомъ его, въ виду стоящихъ внѣ выстръловъ другихъ англійскихъ пароходовъ, у дачи Картаци, близъ Одессы, 30-го апръля нынъшняго года. Рисунскъ этотъ полученъ г. Тиммомъ отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. Художникъ Захаровъ, единственный изъ европейскихъ художниковъ, которому Султанъ давалъ съ себя сеансы и нарисовавшій все его семейство, даже дочь, выпустиль въ свъть портреть Императора Петра Великаго. Онъ изображенъ за работою ръзнаго креста изъ слоновой кости, который хранится въ Петропавловскомъ соборъ. Въ непродолжительномъ времени выйдетъ прекрасно-литографированный портретъ, ващитника Одессы, генералъ-лейтенанта, барона Остенъ-Сакенъ, блистательно подвизавшагося въ пати войнахъ, начиная съ Отечественной войны достопамятного двънадцатого года. Чтобъ показать нашимъ читателямъ, съ которыхъ поръ начинается геройская карьера барона Остенъ-Сакена, выписываемъ стихотворную краткую біографію его, написанную также ветераномъ двенадцаго года, нашимъ патріотическимъ поэтомъ Ө. Н. Глинкою. Вотъ она для желающихъ ее прочесть.

Была чудесная пора,
Когда съ Московскаго пожара
И Божья видимал кара
И наше русское ура
На Западъ гнали отъ Востока
Дванадесять чужихъ племенъ,
И послъ грознаго урока,
Въ тоскъ безъ пушекъ и знаменъ

Враги—ругатели святыни,
Грозившіе цвиями намъ,—
Какъ соръ валялись по снвгамъ,
Ихъ кровью вабрызнутой, пустыни...
Объ этомъ ввдаетъ нашъ ввкъ!..

Но съ боя въ бой, отъ драки въ драки, Шелъ далъ русскій человъкъ И засвътилъ свои биваки На берегахъ нъмецкихъ ръкъ.

Я помню время то святое,
И славу боевъ въ пору ту!..
И помню—разъ, стояли трое
На славномъ Дрезденскомъ мосту,
А пули, звонко, какъ трешетки,
Стучали по мосту въ ръшетки,
И недремалъ чужой стрълокъ....

Но важно, хладнокровно, стройный Стояль туть юноша спокойный— Героя быль ужь въ немъ ростокъ; И знаеть вся теперь Европа И вся родная сторона Его за то, что безъ окопа Одесса имъ ограждена!.. Въ немъ вышелъ и герой наружу. И рыцарь чести и добра! И государственному мужу И мужу ратныхъ дълъ «ура»!

На дняхъ появился въ Петербургѣ четвертый выпускъ издаваемыхъ въ Москвѣ картинъ, относящихся до современныхъ событій, подъ названіемъ «Раекъ.» Четвертая картина изображаетъ городъ Мачинъ, въ которомъ водруженъ былъ русскими крестъ. Подъ картиной этой, какъ и подъ первыми тремя, находится поясненіе ея содержанія, написанное въ простонародномъ духѣ, по которому наше простонародье, гдѣ нибудъ въ глуши Россіи, можетъ имѣть понятіе о настоящихъ происшествіяхъ и передавать его въ назиданіе внукамъ и правнукамъ.

Вотъ маленькій отрывокъ изъ лѣтописи вѣщаго Баяна новѣйшихъ временъ, которому нельзя отказать въ силѣ народной фантазіи и въ искусствѣ поддѣлываться подъ слогъ стариннаго цвѣтистаго языка.

— По Святой Руси много ръкъ течетъ и всякой ръкъ есть свой почеть. Во ръкъ Дивиръ Русь крестилася, Волгой, матушкой, воскормилася, на Дону отъ татаръ свободилася а Ураломъ ръкой богатилася. Вев тв ръки быстрыя на Руси зовуть по имени, а ръку Дунай и по отечеству: зовутъ его Дунай ръка, величаютъ сынъ Ивановичъ, прозывають веселый Дунай. На той ли Дунав реке стояль князь Горчаковъ, Михаилъ Дмитріевичъ, со своими солдатушками, со храбрыми русскими воинами. Пришла весна красная, поросли берега муравой со пвътами дазоревыми, и возговорить князь Михайда Дмитріевичь: со служи мив, Дунай, службу върную, переправь моихъ солдатушекъ на свою праву сторонушку. Возговорить Дунай рака человаческимъ голосомъ: Поведай мнв. Михайла Дмитріевичь, какого ты роду племени, что у тебя за войско и за какимъ дъломъ переправу чинишь на мою праву сторону?-Я скажу тебъ, Дунай, сынъ Ивановичъ, что я роду княжескаго, природы русской, а мои храбрые солдатушки, то върные слуги Царя Бълаго, а отправляюсь на праву сторону для вольготъ душъ христіанскихъ, что страждутъ ровно четыреста лѣтъ подъ игомъ мусульманскимъ. Пригожи твои ръчи княжескія, ужъ не даромъ у меня четыреста лътъ правой бокъ побаливаетъ; возмутились мои воды ясныя, слезами христіанскими зачервонились мои волны бѣлыя отъ рѣкъ крови неповинныя. Роду твоему я низко кланяюсь, природъ россійской ниже того, а предъ Бълымъ Царемъ стелюсь скатертью бранною, » и пр. Ожидаемъ съ любопытствомъ, что будетъ изображать пятый Райка.

Читателямъ нашего журнала въроятно уже извъстно изъ газетъ, о новыхъ картинахъ, написанныхъ извъстнымъ нашимъ художникомъ, профессоромъ морской живописи И. К. Айвазовскимъ, которыя были имъ выставлены въ Севастополъ, съ платой за входъ въ пользу раненыхъ и ихъ семействъ. Съ этою же самою благотворительною целью, переслалъ нынче г. Айвазовскій свои картины, изображающія въ четырехъ видахъ Синопское дъло и взятіе турецкаго парохода Первазъ-Бахри, въ Петербургъ, и предоставилъ ихъ въ распоряжение Женскаго комитета для вспомоществованія недостаточнымъ семействамъ воиновъ, назначенныхъ для защиты столицы и прибалтійскихъ береговъ. Картины эти выставлены въ Петергофъ, на дачъ И. А. Лазарева, и сборъ за входъ на выставку (открытую отъ девяти часовъ утра до семи вечера,) которая будеть продолжаться только до пятаго августа, обращень въ пользу лиць, вспомоществуемых этемъ Комитетомъ. Въ последствии, эти картины будуть перевезены въ самый Петербургь. Въроятно каждый не поскупится пожертвовать 15 к. с., чтобъ имъть двойное удовольствие посмотръть истинно образцовыя произведенія и витсть съ тьмъ быть тоже и полезнымъ семействамъ, покинутымъ ихъ отцами, сыновьями и братьями, для защиты общаго спокойствія. Изъ встхъ этихъ произведеній г. Айвазовскаго особенно неподражаема, по своему дивному эфекту, картина, изображающая зарево турецкихъ Синопскихъ кораблей. Ближе этого нельзя подражать къ природъ.

Прибавивъ къ этому отдълу новостей извъстіе о прекрасной генеральной картъ С. Петербургско-Московской желъзной дороги съ графическимъ изображеніемъ движенія пассажирскихъ и товарныхъ повздовъ, изданной Корпуса Путей Сообщенія подпоручикомъ г. Сергъевымъ, мы скажемъ покуда обо всемъ, что есть только замъчательнаго по части искусствъ. Карта эта можетъ поспорить своей величиною, полнотой и отчетливостью исполненія, со всеми возможными картами, когда либо изданными въ Европъ. Вы видите на ней все, какъ на своей ладони, во-первыхъ-все протяжение жельзной дороги отъ Петербурга до Москвы и обратно, со встми станціями, мъстами и телеграфами; во-вторыхъ-возвышенность разныхъ пунктовъ ея надъ уровнемъ Балтійскаго моря; въ-третьихъ-графическое изображение движения всъхъ поъздовъ, разстояніе станціи отъ станціи, время прибытія на каждую изъ нихъ н время отбытія; пути другихъ трактовъ, даже проселочныхъ, ведущихъ на каждую станцію, съ показаніемъ пересъченія дорогъ и часовъ, въ которые, разные транспорты могутъ поспъть въ какой нибудь нужный пунктъ жельзной, дороги и наконець-плату за различные товары, за пассажирскія мъста. Вообще всъ правила, постановленныя управленіемъ жельзныхъ дорогъ, изображены на этой картт съ толковитостью и добросовъстностью, за которыя стоить поблагодарить автора и вивств издателя г. Сергвева. Угодно-ли вамъ, напримвръ, знать на сколько высится Петербургъ надъ уровнемъ Балтійскаго моря предъ Москвою: разверните карту, и только потрудитесь смотръть, и вы увидите, что Петербургъ возвышается на 4,11 начиная отъ дебаркадера жельзной дороги, а Москва 67,93. Возвышенныя мъстности надъ уровнемъ, находятся за станціей Торбинской (190 отъ Петербурга.) въ 10 верстахъ, но самая возвышенная мъстность надъ горизонтомъ Балтики находится между прежнею подсолнечною станцією и нынашней станціей Крюковской, находящейся отъ Москвы въ разстояніи 44 верстъ, а отъ Петербурга въ 560. Тамъ возвышенность земной поверхности надъ морскою Балтійскою простирается до 102,73. Замътимъ при этомъ нашимъ читателямъ, что карта эта, составленная единственно для руководства кондукторовъ и для лучшей наглядности служащихъ по управленію желъзной дороги, до сихъ поръ еще не являлась въ магазинахъ, и ее

лишь развъ можно пріобръсть на квартиръ самаго автора, въ Гончярной улиць, въ домъ Калистратова. Жаль, что карта не продается на самыхъ станціяхъ жельзной Московско-Петербургской дороги. Мы увърены, что всякій пассажиръ посившилъ бы запастись ею. Если кто видълъ прежнія спекулативныя изданія подобнаго рода и взглянетъ на изданіе г. Сергъева, тотъ почувствуетъ такую же въ нихъ разницу, какую имъетъ небо отъ земли.

Заканчивая новости нынъшняго мъсяца, приглашаемъ читателей Пантеона участвовать въ дълъ истинно народномъ, въ дълъ близкомъ каждому, кто только любитъ русское искусство и русскую литературу. Вотъ что сообщаетъ объ этомъ, статсъ-секретарь, графъ Блудовъ:

«Съ Высочайшаго соизволенія Его Императорскаго Величества, друзья покойнаго В. А. Жуковскаго и другіе почитатели талантовъ его ръшились, въ ознаменованіе своего, и какъ можно полагать, всеобщаго уваженія къ его памяти, открыть подписку на сооруженіе монумента надъ его гробницею въ Александро-Невской Лавръ. Приглашая всъхъ участвовать въ семъ дълъ, по мъръ средствъ и усмотрънію евоему, какими бы то ни было, даже и самыми малыми приношеніями, они смъють думать, что такое изъявленіе чувства любви къ поэту, равно почтенному по блистательнымъ дарованіямъ и высокимъ нравственнымъ качествамъ, особенно прилично въ настоящее время, когда единодушное въ Отечествъ нашемъ движеніе умовъ и сердецъ, столь живо напоминаетъ войну 1812 года, а съ тъмъ вмъсть и сражавшагося подъ ея знаменами « Пъвца во станъ русскихт воиновъ».

«Суммы, которыя предназначены будуть на сей предметь, могуть быть доставляемы къ дъйствительному тайному совътнику, статсъ-секретарю, графу Блудову, въ Санктпетербургъ, на Михайловской площади, въ домъ Бодиско, для храненія въ кассъ ІІ отдъленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.»

Въроятно никто изъ нашихъ читателей, вспомнивъ о томъ, какъ всъ русскіе сочувствовали къ сооруженію памятниковъ—Ломоносову—въ Архангельскъ, Державину—въ Казани, Карамзину—въ Симбирскъ и Крылову, здъсь, въ Петербургъ, не откажется, своимъ посильнымъ приношеніемъ почтить память того, кто всю жизнь жилъ для добра и чести, и про музу котораго вдохновенно сказалъ Пушкинъ:

Его стиховъ плънительная сладость
Пройдетъ въковъ завистливую даль;
Внимая имъ вздохнетъ о славъ младость,
Утъшится угрюмая печаль
И ръзвая задумается радость!

Лучшей и другой эпитафіи не нужно будеть поэту на монументь, воздвигнутомь ему, уваженіемь кь его памяти, русскою образованною публикой. Оставшіяся по смерти В. А. Жуковскаго неизданныя сочиненія отчасти уже напечатаны въ ныньшней январской книжкь журнала Министерства Народнаго Просвъщенія, а начало его перевода Гомеровой Иліады, должно вскорь явиться въ сборникь, издаваемомь г. Леонтьевымь, подъ заглавіемь «Пропилеи».

Мы уже посылали въ типографію послѣдній листокъ петербургскихъ извѣстій, когда намъ случилось прочесть новую солдатскую пѣсню, сложенную учителемъ Пѣвческой Капеллы г. Малышевымъ; она такъ полна современнаго интереса и общаго убѣжденія, что мы рѣшились и ее помѣстить для тѣхъ, которымъ, быть можетъ, по какому-либо случаю, не скоро удастся съ нею ознакомиться.

Вотъ Французъ у Турка въ службъ, Англичанинъ съ ними въ дружбъ, Покумились, знать!

Времена настали тяжки, Два союзника въ пристяжкъ А Султанъ въ корню.

И кричатъ, что Русь погибла! А на дълъ, смотришь, — рыло У самихъ въ крови.

Вотъ Непиръ подъ парусами Сталъ надъ финскими водами— Все погоды ждетъ.

На Кронштадтъ онъ лорнируетъ, Окомъ видитъ, носомъ чуетъ, Только зубъ нейметъ!

Взять Кронштадтъ плохія шутки, Нутка, суньтесь — дудки, дудки, Обожжете носъ!

Видно васъ еще такъ мало Наше море покачало, Докачаемъ мы!

Ждутъ васъ чудныя закуски, Ужъ на славу же, по-русски, Зададимъ вамъ пиръ.

Пиръ такой, что море вспашетъ Самъ Непиръ старикъ заплящетъ Русскаго бычка. Хлѣбомъ-солью Русь богата, На пріемы торовата, Любитъ угостить.

Для друзей почнемъ картузы И чугунные арбузы Будутъ вамъ въ привътъ.

А какъ ближе будетъ къ встръчъ,
Виъсто сладкихъ дуль — картечи
Къ вамъ пошлемъ на бортъ.

А отъ скуки, для потъхи, Есть свинцовые оръхи Только разкуси!

> Какъ сойдемся носомъ къ носу, Русскій штыкъ задастъ вамъ чосу Дыбомъ встанетъ чубъ.

Не узнавши прежде броду Не соваться бъ было въ воду, Съ бухты чебурахъ.

Вамъ друзья Французы? Враки!— Кинь лишь кость, то какъ собаки Загрызетесь вы.

Уплетайтесь безъ оглядки! Нътъ, въдь съ русскихъ взятки гладки, Знаетъ цълый свътъ!

Къ долгу върностью пылая За отчизну, Николая, Ляжемъ всъ костьми!

Съ вами зависть, зло, киченье, Съ нами Въра и смиренье, Съ нами правда—Богъ!

Нътъ сомнънія, что эту пъсню мы скоро услышимъ переложенную на музыку во всъхъ хорахъ военныхъ пъсельниковъ. Кажется, это первое поэтическое произведеніе г. Малышева и въроятно останется лучшимъ, если онъ будетъ продолжать, а за симъ до будущихъ новостей въ слъдующемъ мъсяцъ.

totale compared

въсти изъ провинцій.

Переводы Финскихь стралковыхь батальоновь въ Гельзингфорсъ.—Стихи и проза по этому случаю.—Патріотизмъ и благотворительность по случаю нынашней войны. — Провинціальные спектакли и концерты. — Русская пароходная фабрика. — Пароходство между Тверью и Рыбинскомъ. — Великолъпный концерть въ Тифлисъ, въ пользу раненыхъ воиновъ. — Кантата гр. Сологуба. — Письмо изъ Одессы о дняхъ ея бомбардированія непріятельскими флотами.

Въ послъднее время, когда вниманіе отечества поглощено войною, мы уже не получаемъ изъ провинцій иныхъ извъстій, кромъ тъхъ, которыя имъютъ прямое отношеніе къ великимъ событіямъ настоящаго времени. Мы уже сообщали нашимъ читателямъ о томъ общемъ горячемъ участіи, съ которымъ повсюду всъ классы народа встръчаютъ и провожаютъ войска, отправляемыя къ театру военныхъ дъйствій. Во всъхъ провинціяльныхъ газетахъ мы встръчаемъ описанія такихъ встръчъ и проводовъ; одни изъ самыхъ замъчательныхъ были проводы лейбъгвардіи Финскаго стрълковаго баталіона (10-е марта), потому что они характеризуютъ чувства преданности и любви къ отечеству финляндцевъ.

10-го марта городъ Гельсингфорсъ угощаль всъхъ солдатъ и унтеръофицеровъ этого баталіона объдомъ, за которымъ, послъ тостовъ во
славу и благоденствіе Государя Императора и Его Августъйшаго Семейства, провозглашенъ былъ слъдующій тостъ профессоромъ Ильмони, на шведскомъ языкъ:

«Прощальный тость въ честь унтеръ-офицеровъ и солдать лейбъгвардіи Финскаго стрълковаго баталіона, выступающаго теперь въ походъ на войну! Финскій воинъ всегда отличался върностью своему Государю и храбростью въ бою: мы всъ увърены, что и вы, молодцы земляки, будете до послъдней капли крови сражаться за нашего вели каго Императора и отечество, поддержите славу финскаго имени и скоръе падете съ честью, нежели уступите. Богъ Всемогущій да хранить васъ на вашемъ опасномъ поприщъ, да пошлетъ вамъ побъды, и приведетъ васъ счастливыхъ и веселыхъ на родину, домой, къ милымъ сердцу, которые провожаютъ васъ теперь со слезами. Прощайте, храбрые воины! Съ Богомъ! Ура!»

Эти слова произвели живой восторгъ, и послъ продолжительныхъ ура, ораторъ былъ поднятъ и носимъ на стулъ.

Объдъ быль данъ въ гвардейскомъ манежъ, а на дворъ и на казарменной площади стояли толны народа.

16-го марта, данъ былъ по подпискъ завтракъ всъмъ офицерамъ лейбъ-гвардіи Финскаго стрълковаго баталіона. За завтракомъ, послъ тостовъ Государю Императору, всему Августъйшему Семейству, Великому Князю Константину Николаевичу, профессоръ Ильмони провозгласилъ тостъ въ честь офицеровъ такими словами:

«На прощанье господамъ офицерамъ лейбъ-гвардіи Финскаго стрѣлковаго баталіона отправляющимся на войну! Имъ открывается блистательное поприще: возвысить славу финскихъ воиновъ, ратуя ближе къ особъ Августъйшаго Государя Императора, и не щадя ничего для удовлетворенія своему долгу и славъ. Возможно, что въ предстоящей войнъ не одинъ изъ васъ пріосънится вънцемъ смерти; но славно умереть за великое дъло: геройская смерть не остается безъ въчной награды. Нечего мнъ напоминать о воинскихъ доблестяхъ: о върности и преданности Государю, о мужествъ и храбрости въ бою, пламенномъ чувствъ долга и объ отечественной славъ: всъмъ этимъ наполнена ваша душа! Но есть еще доблесть, душевная сила, которая дълаетъ воина поборникомъ святой истины, это спокойная преданность волѣ Всемогущаго, безъ котораго мы, слабые смертные, не можемъ ничего. Да хранить онъ васъ своимъ щитомъ необоримымъ! сколько сердецъ разширятся пламенными чувствами къ вамъ! Не только ваши жены, родители, дъти, родственники и друзья, но всякое финское сердце и милліоны сердець въ обширной имперіи будуть за вась и за другихъхрабрыхъ возсылать искреннъйшія мольбы Ему-Богу силь, Жизнедавцу, да защититъ васъ, да увънчаетъ ваши труды побъдой и успъхомъ, и да приведетъ васъ опять въ любезное отечество, въ кругъ вашихъ милыхъ! Отъ души прощальный тостъ благороднымъ, храбрымъ офицерамъ славной финской гвардіи, съ ихъ проповъдникомъ, медикомъ и другими чинами. Душевное прощай!»

Затъмъ музыка заиграла, и двъсти голосовъ вторили ей, на из-

въстный выразительный нацъвъ, стихи, сочиненные на этотъ случай профессоромъ З. Тонеліусомъ:

Вражда вновь бурей угрожаеть, Ужъ туча съ громомъ собрана, Востокъ въ огит войны иылаеть, Европа вся потрясена. Никто не знаетъ, что скрываетъ Судьба за боевымъ огнемъ; Но будь, что будетъ, а спокойно Навстръчу року мы идемъ.

Обычай нашь — Царю, отчизить, Не измънять при всъхъ бъдахъ; Мы сможемъ пасть безъ укоризны: Долгъ чести здъсь — у насъ въ сердцахъ. Подъ Люценомъ, въ борьбъ кровавой, Стояли твердо мы въ рядахъ, И нынче можемъ пасть со славой За родину и за Царя.

Сыны отчизны нашей милой, Сыны Финляндіи! впередъ! Идите съ честью, съ грозной силой Вездъ, куда васъ долгъ зоветъ! Здъсь сердце каждое за вами Слъдя съ участьемъ, будетъ ждать Въстей, какъ вашими мечами Финляндія свой платитъ долгъ.

Теперь, какъ должно намъ разстаться, Бокалы чокнемъ, выпьемъ въ разъ За тъхъ, кому въ бою остаться, За тъхъ, кому увидъть насъ! Мы ждемъ васъ—только лишь съ побъдой, Мы ждемъ васъ къ берегамъ роднымъ! Да будутъ роднив и славъ Гвардейцы Финскіе върны!

Топеліусъ одинъ изъ лучшихъ шведскихъ поэтовъ, и, можно сказать, самый популярный писатель въ Финляндіи; притомъ же въ этихъ стихахъ высказано только то, чёмъ преисполнена душа каждаго. По этому не удивительно, что эта пёсня нашла самый восторженный пріемъ.

Трудно описать словами то увлечение и готовность на всякую жертву, которыми одушевлены Финляндцы, готовясь встрътить врага въ своихъ предълахъ. Ихъ единодушие грозитъ врагамъ войною народною, вооружениемъ поголовнымъ. Общий голосъ: съ нами Богъ! Да расточатся врази Его!

18-го марта, лейбъ-гвардіи Финскій стрълковый баталіонъ выступиль въ походъ; причемъ еще у заставы было для него выставлено прощальное угощеніе нъсколькими изъ финляндскихъ купцовъ и заводчиковъ.

Русскому народу доступны стремленія обще-человъческія, мимо всякихъ корыстныхъ расчетовъ. Ему извъстно только, что на Востокъ живутъ христіане, его единовърцы, подъ страшнымъ гнетомъ мусульманъ, и онъ, увлекаемый религіознымъ чувствомъ и твердою увъренностью въ заступничествъ Божіемъ и въ побъдъ, готовъ жертвовать всъмъ для религіи и славы отечества. Многочисленныя доброхотныя пожертвованія всъхъ сословій Россіи доказываютъ, что всъ стараются принесть свою лепту на алтарь отечества и облегчить государству необходимые расходы на войну и на обезпеченіе раненыхъ на полъ славы и побъды.

Всъ движенія и желанія русскаго сердца сливаются въ одну могучую, господствующую мысль, которая обхватываетъ Россію отъ Калиша до охотничьихъ земель мъдныхъ индъйцевъ и владъній Гудсонъ-байской компаніи, и естественно, что самое пламенное желаніе каждаго изъ насъ, членовъ великой семьи русской, способствовать хоть чъмъ нибудь общему стремленію, принести свою, посильную лепту въ сокровищницу русской народности и славы.

Благородные спектакли и концерты, какъ слъдствіе этого же общаго желанія, предполагаются и выполняются съ цълію доставить каждому возможность доказать чувство святой благодарности воинамъ, проливающимъ кровь въ защиту православія. Такіе благородные спектакли были въ Вологдъ (еще въ январъ); сборъ съ нихъ простирался до 1321 рубля серебр.

Другіе два спектакля (въ февраль) были даны въ г. Бугуруслашъ (Самарской губернін) въ пользу призванныхъ на службу безсрочноотпускныхъ нижнихъ чиновъ. Жаль, что Самарскія вѣдомости (№ 13) упоминая объ этихъ спектакляхъ, не говорятъ ничего о его подробностяхъ.

Въ Пензъ, 10 марта, въ домъ Пензинскаго дворянскаго собранія. благороднымъ обществомъ данъ былъ концертъ съ живыми картинами. Всёхъ картинъ было пять; участвовали въ нихъ: С. И. Архангельская, княжна С. И. Кугушева, Т. Г. Мъшкова, М. Я. Михайлова, П. А. Кушкина, В. Н. Якоби, Ф. Ф. Эссенъ, А. А. Гильманъ, Л. Ю. Лупандинъ и Ю. А. Ушаковъ. Постановку всёхъ этихъ картинъ принялъ на себя П. П. Архангельскій, собственными трудами котораго устроены были предварительно всв нужныя декораціи, съ довольно значительными издержками. Содержание трехъ картинъ взято было изъ драмы: «Материнское благословеніе», изъ оперы «Севильскій цирюльникъ, » изъ «Ундины» Жуковскаго; четвертая представляла гаданіе русской дівины на святкахъ. Всв эти картины, по отличной ихъ постановке и изяществу костюмовъ, заслужили полное одобреніе. Пятая картина называлась: Воспоминаніе о Синопской побіді. Въ этой картині дальняя декорація представляла море съ нъсколькими сражающимися кораблями, ближняя тріумфальную арку, аттрибуты которой были составлены изъ оружія разнаго рода. Вверху картины блистало вензеловое изображение Августъйшаго Имени Его Величества, внизу быль утвержденъ Русскій гербъ, окруженный пушками и знаменами. По объ стороны арки стояли два генія, изъ которыхъ одинъ, въ видъ побъды, облокотясь на щитъ, держаль надъ двуглавымъ орломъ лавровый вѣнокъ; другой, силя у подножія противоположной стороны арки, ув'єнчанный цв тами, держаль книгу законовъ. Эти геніи были представлены С. И. Архангельскою и Т. Г. Мъшковою. Картина эта, освъщенная въсколькими перемънами бенгальского огня, была открыта при звукахъ народного гимно: Боже, Царя Храни! и въ тотъ же мигь вся зала огласилась громкимъ. нодушнымъ «ура!»

Въ Тифлисъ, 2-го и 3-го апръля, также даны были въ пользу же раненыхъ концертъ и базаръ. Въ этомъ концертъ было странно только то, что концертъ раздълился на два дня, что начало его было исполнено вчера, а конецъ сегодня.

Программа концерта объщала публикъ десять вокальныхъ и инструментальныхъ пьесъ, въ исполнени которыхъ должны были участвовать лучшие артисты тифлисской итальянской труппы, два замъчательные солиста (на гобоъ и на скрипкъ) и оркестръ подъ управлениемъ капельмейстера Шенинга. Эти десять иьесъ должны были составить первую и вторую, то есть, собственно музыкальныя части концерта. Третья должна была сотоять изъ декламаціи оды: Россія предо врагами, соч. графа В. А. Соллогуба и Е. А. Вердеревскаго, и изъ симфоніи г. Шенинга, нарочно написанной для оркестра на слова оды. Вмъстъ съ концертомъ въ одной изъ театральныхъ залъ составился небывалый въ Тифлисъ базаръ, на которомъ, въ антрактахъ концерта, нъсколько иредставительницъ высшаго въ Тифлисъ дамскаго круга продавали брошюры текста оды симфоніи, вмъстъ съ чаемъ, мороженымъ, букетами живыхъ цвътовъ и прочими принадлежностями базаровъ подобнаго рода.

Самое устройство концертной залы было поразительно. На сцента театра громадно возвышались арматуры изъ ружей, сабель и штыковъ. Эти арматуры служили также и гигантскими канделабрами, освъщавшими сцену, потому что, въ каждомъ дулъ, входившемъ въ составъ этихъ воинственныхъ канделабровъ, горъла свъча и отражалась въ стальныхъ трехграннакахъ, какъ въ мелкихъ зеркалахъ. Сцена, принявшая форму огромной палатки, заканчивалась красивою драпировкой. У балюстрады, сложенной изъ ружейныхъ стволовъ, шомполовъ и сабель, стояли орудія и мортиры, въ состаствъ барабановъ и пирамидально-сложенныхъ ядеръ. Все это вмъстъ составляло прекрасное цълое, въ грозно-воинственномъ характеръ.

Въ первыхъ двухъ отдъленіяхъ концерта слушали знакомыхъ и любимыхъ пъвцовъ и пъвицъ, и отчетливую художественную игру бывшихъ въ Тифлисъ виртуозовъ. Въ антрактъ толпа посътителей перенеслась въ залу, гдъ происходилъ базаръ... Большая комната, украшенная зеркалами и расписанная въ персидскомъ вкусъ, сама по себъ уже великолъпная, въ этотъ вечеръ обратилась въ рощу померанцовыхъ деревъ, посреди которой присутствовали тифлисскія дамы и ожидали покупателей.

На одной изъ стънъ залы была широкая пунцовая драпировка, посреди которой красовалось аллегорическое изображение праздника: два генія, развязывающіе снурки огромнаго кошелька, на которомъ блестящими буквами было изображено: Въ пользу казказскихъ воиновъ, раненыхъ за отечество. Посреди залы стояли три длинные стола, загроможденные разными вещами, предназначенными для продажи. Тутъ были кипы брошюръ, заключавшихъ въ себъ текстъ Оды-Симфоніи, съ которою всъ желали скоръе познакомиться, и чайные приборы, и кучи живыхъ цвътовъ, и груды конфектъ, и пирамиды мороженаго... Изящное и многоцънное серебро, работы знаменитыхъ лондонскихъ мастеровъ Стора и Мортимера, принадлежащее его сінтельству князю А. Ив. Барятинскому, придавало много блеска столамъ, которые въ настоящемъ случав правильные могли назваться прилавками самой очаровательной и трогательной торговли. Дамы, соревновавшій усивху концерта, завъдывали продажею, и, торговля кипъла, и толиы за толпами тъснились въ базарную залу, спъша внести свой вкладъ въ сокровищницу общаго благаго дъла.

Второй антрактъ концерта длился нѣсколько болѣе, чѣмъ всѣ ожидали. Такая продолжительность была замѣчена публикой. Возникли вопросы, и наконецъ всеобщее ожиданіе разрѣшилось извѣстіемъ, что въ слѣдствіе совершенно непредвидѣннаго обстоятельства, концертъ долженъ окончиться на другой день, для чего всѣ посѣтители приглашались на свои прежнія мѣста въ часъ по полудни.

На другой день, въ часъ по полудни, всё снова заняли свои мъста въ театральной залъ. Войнственныя принадлежности сцены оставались въ прежнемъ видъ. Послъ увертюры и вновь прибавленнаго къ программъ квартета, — на переднюю часть платформы вышли всъ артисты всъхъ четырехъ Тифлисскихъ труппъ. Впереди ихъ помъстился артистъ русской труппы г. Арнольдъ, и прочиталъ оду графа Соллогуба и г. Вердеревскаго, а г. Шенингъ, съ оркестромъ, въ тоже время исполнилъ симфонію, написанную имъ на слова оды, по какому-то странному случаю утраченную наканунъ, и вновь написанную для всего оркестра въ теченіе одной послъдней ночи! Г. Арнольдъ декламировалъ съ большимъ чувствомъ и одушевленіемъ Вотъ слова этой патріотической оды:

Что отуманился тучами черными
Неба родимаго свътлый покровъ?
Кликами зависти шумно-раздорными
Русь пробужденная, — чуетъ враговъ...
Русь встрепенулась: штыками щетинится
Вся—отъ окраинъ до сердца земли;
Ждетъ лишь, кто первый на бой съ нею кинется;
Ждетъ не дождется, чтобъ гости пришли...
Милости просимъ! Толиу безпокойную
Мы и безъ счета согласны принять;
Каждый готовитъ ей встръчу достойную,
Кто лишь оружіе въ силахъ поднять.

Дрогнетъ опять передъ нами вселенная, Съ ужасомъ въ лътопись впишется вновь, Какъ безпредъльная, въчно-священная, Мрачную злобу караетъ любовь! Въ этой любви намъ, съ надеждой отрадною. Въчная сила и върный оплотъ; Въ нихъ жизнь находятъ, семьею громадною, Русское войско и русскій народъ!.. (Вдали слышенъ барабанъ и сигналъ: на коня.)

Чу! барабанъ! Ужъ бьють тревогу, Сигналы поданы, —и вотъ Пора пришла... Ввъряясь Богу, Сившите ратники въ походъ; Пора вамъ двинуться на съчу, За въру грудью постоять; Пора врагамъ готовить встръчу, Пора прославиться опять!

(Въ оркестръ тренога, и изображается сборъ войскъ.)

Ужь не далеки супостаты, Ужъ тмы ихъ видны изъ-за горъ, Сходитесь, храбрые солдаты, Сходитесь весело на сборъ; Сбирайтесь всв въ защиту Въры Призывомъ Русскаго Царя: Вы, слава войска-гренадеры, И вы-герои егеря! Готовьте грозные перуны Артиллеристы-Божій громъ! Явитесь молодцы-драгуны Передъ блёднёющимъ врагомъ! И вы, сыны степной равнины, -Европы ужасъ-казаки! Сходитесь славныя дружины, Смыкайтесь въ стройные полки!

(Въ оркестръ отзываются Имеретинскія хоровыя пъсни и звуки зурны, выражающія приближеніе закавказскихъ ополченій).

> И вы, кавказскіе собратья, Которыхъ братски приняла Россія въ мощныя объятья

Побъдоноснаго Орла,—
Кавказа дъти боевые!
Живетъ преданье между васъ,
Какія съчи въковыя
Для въры выстрадалъ Кавказъ!
За цълый рядъ годовъ привольныхъ,
Спъшите Руси доказать,
Что вмъстъ съ ней, враговъ крамольныхъ
И вы готовы наказать!

Готовы всв... солдаты въ стров, Всв командиры по мъстамъ, И въ барабанномъ, мърномъ бов Гремитъ команда по рядамъ.

Колонны двинулись, — для назни Неправой зависти идуть, Идуть безь злобы и боязни, Знамень святыню стерегуть... Впередь! Впередь!.. Идите смёло За славное, святое дёло, Свершайте доблестный свой трудъ! (Въ оркестръ—большой маршь. Иоходь.)

Вотъ въ туманномъ отдаленьъ
Пыль зловъщая взвилась,
Вотъ зарницей на мгновенье
Нива, дрогнувши, зажглась;
Слышны выстрълы и клики;
Помоги намъ, Богъ великій!
Настаетъ сраженья часъ!

Стойте, братья! Передъ битвой Каждый сынъ святой Руси Съ теплой върою, съ молитвой, Сердце къ Богу вознеси! Помолись не о пощадъ, А о добромъ лишь концъ! О нетлъннъйшей наградъ: О безсмертія вънцъ—

Просять воины Христовы,
И чистыйшей жертвой той
Искупить они готовы
Славу родины святой.
Просять Господа въ Сіонь,
Вседержителя всёхъ силь,
Чтобъ въ незыблемомъ законъ
Онъ Россію сохраниль!

(Въ оркестръ: молитва, и потомъ сигналь къ аттакъ.)

Витсть теперь, всв по царскому слову, Всв до единаго, сколько насъ есть! Въ бой за отчизну и Въру Христову! Въ бой за Царн и за русскую честь! (Музыка выражаетъ начало сраженія.)

Впередъ и грудью и штыками — Насталъ часъ Божьяго суда, И расточатся передъ нами Враги Христовы навсегда! Впередъ!

(Симфонія, изображающая сраженіе.)

Казнь надъ врагомъ совершилась!
Врагъ пораженный бъжалъ!
Правдой Россія молилась:
Богъ ей побъду послалъ!
Слава вождямъ знаменитымъ!
Слава знамёнамъ святымъ!
Въчная память убитымъ!
Въчная слава живымъ!

Andante Belizioso, въ память съ честію павшихь въ бою.)

Братья! громкую побъду

Не стяжають безъ утратъ:

Въ полъ палъ, врагамъ по слъду,

Не одинъ нашъ кровный братъ.

Палъ—но спрая вдовица

Слезъ не лей надъ мертвецомъ;

Върь, что Божія десница

Осънитъ его вънцомъ! Не горюй надъ сиротою: Будетъ Русь ему семьёю, Будетъ Царь ему отцемъ!

(Оркестръ возвращается къ первоначальному мотиву.)

Законъ любви живетъ у насъ издавна: Одинъ за всъхъ, и всъ за одного! Вотъ чъмъ силенъ народъ нашъ Православный, Вотъ почему могучій нашъ орелъ державный Не убоится никого!

Въ насъ чувство есть, въ немъ такъ свътло и ясно, Сказалась намъ Россіи правота; Есть пъснь у насъ, которую всечасно Поють вездъ и сердце и уста! (Оркестръ умолкаетъ.)

Намъ Богъ послалъ ихъ не напрасно, Та пъснь любовію свята! То чувство върою прекрасно И чувство то и пъсня та: Боже, Царя Храни!

Тутъ распахнулась задняя драпировка сцены, и передъ присутствовавшими явился державный русскій двуглавый Орелъ, весь составленный изъ блестящихъ принадлежностей разнаго оружія, попирающій безчисленныя знамена своихъ противниковъ. Но когда на могучей груди орла блесвулъ щитъ съ именнымъ вензелемъ Государя Императора, уже не было предъла восторгу публики. Народный гимнъ былъ пропътъ всъми, кто только былъ въ театръ.

Кромѣ этихъ спектаклей и концертовъ съ благотворительною цѣлію, провинціяльная хроника за мартъ и апрѣль весьма бѣдна удовольствіями... Въ Воронежѣ единственнымъ проявленіемъ общественной жизни въ послѣднее время были живыя картины и концертъ, данный 14 марта въ театрѣ. Программа этого вечера ничѣмъ не отличалась отъ предшествовавшихъ программъ концерта и живыхъ картинъ, единственнаго, доступнаго развлеченія, и только имя г. Горшкова, совершенно незнакомое Воронежу, послужило приманкою для многихъ. Г. Горшковъ ангажированъ для сцены дирекцією Воронежскаго театра изъ Моснвы. Соединяя

въ себѣ вмѣстѣ съ основательнымъ знаніемъ музыки, обязанность капельмейстера и искусство композитора, г. Горшковъ самъ исполняетъ пъсни и исполняетъ весьма недурно. романсы и русскія что средства его невелики, но прекрасная метода делаетъ его пъніе выразительнымъ, а польки г. Горшкова очень милы. Обстановка живыхъ картинъ въ этотъ вечеръ отличалась особенною отчетливостью; лучшею изъ нихъ показалась картина, изображающая сельскій русскій праздникъ. На переднемъ планъ картины, съ боку, находился сельскій оркестръ-русская балалайка и волынка; посрединъ, хороводъ русскихъ дъвушекъ и парней исполнялъ народную пляску; во взорахъ окружающей толпы просвъчивало неподдъльное сочувствие къ танцующимъ, а въ движеніяхъ замічался широкій русскій разгуль. Вообще, во всей картинъ было столько оконченности; простоты и естественности, что нельзя не похвалить талантливаго г. Шумилина за его добросовъстный трудъ при ея постановкъ; прекрасное освъщение и живописные костюмы усиливали общій эфекть. Послів этой картины г. Шумилинъ быль вызванъ публикою и встръченъ шумными рукоплесканіями.

Въ Новгородъ труппа г. Иванова, увеличенная новыми артистами: г. Нъмовою, гг Нъмовымъ, Александровскими 1-мъ и 2-мъ, Нащокинымъ и Аоанасьевымъ, въ воскресенье, 18 числа, открыла свои представленія. Тамъ же 17 апръля, въ городскомъ саду, г. Крайбайтовъ устроилъ безилатный, великолъпный фейерверкъ, привлекшій въ садъ многочисленную публику. — Нъсколько уже недъль сталъ ходить пароходъ между Новгородомъ и Волховскою станцією желъзной дороги. А 23 апръля пришелъ въ первый разъ въ Калязинъ, общества Самолетъ, параходъ Рыбинскъ. Онъ будетъ ходить между Тверью, Рыбинскомъ, Ярославлемъ и Костромою Можно отъ души порадоваться этому новому, быстрому, и удобному сообщенію Рыбинска съ Тверью, которое будетъ имъть не малое вліяніе на нашу волжскую торговлю, надо только пожелать, чтобъ выгоды учредителей пароходства какъ нибудь сошлись съ выгодами пассажировъ, требующихъ дешевизны и удобствъ.

Кстати о пароходахъ: Въ нынъшнее время, когда враги Россіи думаютъ повредить намъ, остановивъ заказанныя Россіей пароходныя машины, Брянскій помъщикъ, г. Мальцовъ, устроилъ свои заводы такъ, что русскій можетъ вполнъ гордиться введенными имъ усовершенствованіями. Лучшее доказательство этому сдъланный на заводъ его, и нынъ спущенный, пароходъ «Сергій Радонежскій», въ 50 силъ; онъ ходитъ до 25 верстъ въ часъ, весь желъзный и превосходно отдъланъ. Другой пароходъ «Іоаннъ Богословъ», спущенный прошедшею осенью, такой же силы, желъзный, съ внутренними деревянными переборами. Болъе все-

го приносить честь г. Мальцову то, что въ этихъ пароходахъ, начиная отъ паровой машины до послъдней заклепки, все сдълано на собственныхъ его заводахъ! Слъдовательно, оба эти парохода можно назвать нашими собственными, родными, русскими пароходами!

Молитвами Святыхъ Угодниковъ, именами которыхъ названы пароходы г. Мальцова, да благословитъ Господь похвальное рвеніе нашего соотечественника! Мы отъ души благодаримъ его, ожидая, заводъ Мальцова втроятно будетъ тенерь строить частные пароходы для Чернаго моря, которые необходимы для русской торговли. До сихъ поръ, по Черному морю, съ апръля до октября, совершають плаваніе мелкія каботажныя суда, построенныя на манеръ бриговъ. Трудно себъ представить, сколько нужно отваги и навыка, чтобъ пускаться на этихъ посудинахъ въ море, столь бурное, какъ Черное, и мимо береговъ, населенныхъ хищными горцами, гдв плавателей, въ случат крушенія, витсто помощи, ждетъ тяжкая неволя; но велики для русскаго человъка слова: авось и како нибудь! Тамъ, гдъ Англича нинъ принялся бы соображать да строить, какъ наши мужички называютъ, машину, лихой Анапскій поселенецъ или Керченскій грекъ, призвавъ въ помощь св. Николая Чудотворца, снастить суденушко, начто въ рода тавлинки съ двумя мачтами, и, набожно перекрестясь, пускается въ море, съ словомъ: авось дойдемъ. Въ мирное время эти рейсы совершаются успъшно и безпрерывно; конечно, бываютъ и крушенія, но они довольно ръдки сравнительно множества плавающихъ судовъ. На Редутъ-Калескій рейдъ, считаемый опаснъйшимъ, приходитъ подобныхъ корабдей ежегодно до 150, а несчастныхъ случаевъ бываеть отъ 3 до 5-ти. Если принять въ соображение малочисленность экипажа судовъ (отъ 3 до 6 человъкъ) и плохой такелажъ ихъ, то убъдимся, что пропорція эта незначительна. Но при настоящихъ обстоятельствахъ, когда французскіе и англійскіе крейсеры ходять вдоль нашихъ береговъ и могуть отъ нечего дълать, остановить грузовое судно, попытка нашихъ промышленниковъ пробраться къ мъстамъ, близкимъ къ Турціи, ясно выражзеть безстрашіе и отвату. Въ половинъ марта, гарнизонъ Редуть-Кале быль удивлень парусомъ, показавшимся по направленію Керчи; вст трубы обратились къ этой, еще едва бълъющейся точкъ, скоръе похожей на крыло чайки, нежели на парусъ судна, и съ напряженнымъ вниманіемъ следили за ней. Легкій ветерокъ подвигаль предметь общаго любонытства къ берегу, и скоро виденъ сталъ корпусъ небольшой трамбаки, а на гафелъ русскій купеческій флагъ. Толпа осадила берегъ и привътствовала шкипера, събхавшаго на берегъ. «Что ты привезъ?» былъ первый вопросъ. - «Судаковъ и тарань, отвъчалъ шкиперъ.

Рыба эта закуплена была въ Черноморіи для перевоза въ Мингрелію, а шкиперъ, не желая потерять фрактъ, ръшился отправиться въ море. По дальнъйшимъ распросамъ оказалось, что трамбака встрътила англофранцузскіе пароходы, по по словамъ шкипера, они ничего у него не спросили, а онъ самъ не заблагоразсудилъ заговорить съ ними. Рыбу сгрузили, и суденышко, распустивъ опять паруса, отправилось во свояси, при общихъ крикахъ съ берега и при желаніи успъха.

Въ Симферополъ сооружается на одной изъ площадей бассейнъ, въ которой подземными трубами будетъ проведена вода изъ дачи Боръ-Чопракъ, Мусина-Пушкина (бывшей Муромцова). Дача находится въ трехъ верстахъ отъ Симферополя, по дорогъ въ Бахчисарай, и извъстна по своей водъ, между тъмъ, какъ Симферополь, лежащій на ръкъ Салгиръ, въ водъ нуждается. Значитъ этотъ бассейнъ, удовлетворивъ одну изъ нуживйшихъ потребностей города, вмъстъ съ тъмъ послужитъ ему и украшеніемъ.

На Ирбитскую ярмарку привезено было товаровъ на сорокъ миллісновъ, продано на тридцать милліоновъ; стеченіе народа простиралось до шести тысячъ. Сахаръ, цъна котораго угрожала было потребителямъ его пить чай во приглядку, на Ирбитской армаркъ понизился до 12 рублей за пудъ, следовательно сахаръ быль только на 3 рубл. дороже самой низкой цены на него, какая здёсь была прежде. Чай продавался съ надбавкою 6 рубл. на цыбикъ, т. е. около 170 рубл. на наличныя деньги; конечно, извъстно, что подъ словомъ чай, въ торговлъ разумъють собственно фамильный чай, какъ продающійся вт большемъ количествъ, цвъточные и прочіе чаи въ частности. Магазинные и красные товары были дешевы до невіроятности, это впрочемъ легко объясняется тімъ, что кунцы, взявъ въ Москві товаръ въ долгь на восемнадцать мъсяцевъ, продають его на наличныя деньги гораздо ниже той ціны, за которую взяли, чтобъ выручить капиталь для оборотовь. Это ихъ разсчетъ. Ирбитская ярмарка бываетъ ровно черезъ полгода послъ Нижегородской, но потому онв объ, въ движении русской торговли, занимають тоже значеніе, какое полярные круги въ движеніи солнца. Время это важно еще и въ томъ отношеніи, что ссуды подъ векселя Коммерческимъ Банкомъ производятся только на полугодичный срокъ; сроки ярмарокъ даютъ купцамъ возможность постоянно быть должными Банку: беругъ въ Нижнемъ, платятъ въ Ирбити; беругъ въ Ирбити, платятъ въ Нижнемъ.

Нельзя сказать, чтобы торговля во время сборной ярмарки, бывшей въ г. Самаръ, въ мартъ нынъшняго года, была общирна; впрочемъ, она вполнъ удовлетворила потребностямъ народа. Во временный ярмарочный

15

гостиный рядъ и на площади вокругъ его привезена была огромная масса товаровъ разнаго рода. Значительная часть ихъ поступила въ продажу. Съёздъ черни изъ здёшнихъ селеній былъ очень великъ; поселяне, продавъ свои произведенія, на ярмаркъ запаслись необходимыми въ ихъ быту товарами. Вотъ факты, показывающіе привозъ и продажу товаровъ мёстными и иногородными торговцами и поселянами: привезено было на 266,173 р., продано на 74,409 руб. сер:

Занято было торговцами давокъ 103. За нихъ, за мъста, балаганы, право продажи скота и временную ресторацію, поступило въ доходъ города всего 2342 р. 35 к. сер.

Опыты прививанія чумы рогатому скоту, производимые въ куторъ Гидиримъ, находящемся въ 41 верств отъ Одессы, колониста Зондереггера (редактора издаваемой въ Одессъ на нъмецкомъ языкъ газеты для колонистовъ Южной Россіи), который уступиль его для этой цели за установленную плату на извъстный срокъ, въ распоряжение произволителей опытовъ: директора Дерптскаго Ветеринарнаго училища г. Іенсена, которому въ помощь назначенъ былъ состоящій при главномъ медикъ Министерства государственныхъ имуществъ, магистръ ветеринарныхъ наукъ Пашкевичъ и старшій ветеринарный врачъ Харьковской Палаты Государственныхъ Имуществъ Борисевичь, и два воспитанника Деритскаго Ветеринарнаго Училища и ветеринарный помощникъ въ качествъ рисовальщика; главному же медику Министерства Государственныхъ Имуществъ поручено содъйствовать этимъ лицамъ къ усивинъйшему производству опытовъ. Донынъ получены результаты слъдующіе: 1) Животныя, перенесшія однажды натуральную чуму, не могли вновь заразиться ни чрезъ прививаніе, ни чрезъ соединеніе ихъ съ больными отъ натуральной чумы. 2) Животныя, которыя отъ прививанія несомнънно были одержимы чумою, не заразились ею вновь при соединении ихъ съ заболъвшими отъ натуральной чумы. 3) Прививание въ первой генераціи, т. е. нервичное, имъло слъдствіемъ не малую потерю, которая однакожъ не можеть равняться съ тою, какая бываеть отъ натуральной чумы. 4) По привитіи чумной матеріи второй генераціи, животныя вообще переносили бользиь столь легко, что ни у одного нельзя было замътить совершеннаго припадка чумы. Не смотря на то, повторенное прививаніе семи штукамъ осталось безъ последствій. Соединеніе этихъ животныхъ съ больными патуральною чумою въ настоящее время было невозможно, но на будущее время остается весьма желательнымъ. 5) Прививаніе чумной матеріи въ третьей генераціи остается не върнымъ, при стель маломъ объемъ опытовъ, какіе можно было произвести въ Гидиримъ. 6) Осень, особенно при ночныхъ холодахъ,

по-видимому, гораздо неблагопріятнъе для прививанія, чъмъ весна и лътнее время.

Въ Новгородской губерніи, Крестецкій помѣщикъ Кемпе учредилъ заводъ англійскихъ кроликовъ. Пара выписанныхъ имъ въ 1852 году кроликовъ такъ значительно расплодилась, что въ прошедшемъ году огромное количество шкурокъ поступило въ продажу.

Общество Одесскаго клуба, считающее въ числъ членовъ своихъ многихъ изъ знаменитъйшихъ чиновъ и гражданъ города, въ чувствахъ глубокой, неизгладимой признательности къ подвигу барона Дмитрія Ероеевича Остенъ—Сакена, въ тяжкіе для Одессы дни съ 9 по 13 апръля, положило дать, въ честь его, публичный объдъ. Дирекція клуба употребила все, что только было въ ея силахъ, для того, чтобъ сдълать объдъ этотъ сколь возможно роскошнъе и великольшье. Около ста двад цати особъ собрались на пиръ. Растенія и цвъты тропическихъ странъ украшали входъ, окна и столы. Двойной хоръ военной и хоръ музыки итальянской оперы, оглашали залы клуба во время объда.

Кстати объ Одессъ. Сообщимъ здъсь нъкоторыя подробности о ея бомбардированіи. Военная реляція не входитъ въ составъ нашего журнала; но частныя подробности такого происшествія слишкомъ интересны для того, чтобы объ нихъ не упомянуть. — Вотъ что пишутъ изъ Одессы:

Перваго апръля, рано поутру, жители Одессы узнали, что появились гости: З военные парохода, 2 англійскихъ и 1 французскій.

Въсть о нихъ многіе приняли за обманъ (не забудьте, что это быдо 1-го апръля). Но общее движение населения къ бульвару, который тянется по морскому берегу, скоро разувърило недовърявшихъ. Въ 12 часовъ бульваръ былъ биткомъ набитъ народомъ; по улицамъ двигались войска; сильные отряды стояли на всёхъ пунктахъ берега. Въ купеческой гавани всв иностранныя суда (большею частію англійскія) вывъсили свои флаги. Пароходы бродили безпрестанно около гавани, но всегда на благородномъ разстояніи отъ нашихъ батарей. Французскій пароходъ превосходилъ англійскіе бойкостью движеній и исправностью. Всё три парохода были огромныхъ размъровъ и дымъ отъ ихъ трубъ далеко видитлея. Въ продолжение всего дня они занимались ловлею нашихъ купеческихъ лодокъ, которыя, незная ничего, шли съ виномъ, солью и другими неважными продуктами. Несколько этихъ барокъ было схвачено въ виду одесскаго бульвара. При мнъ былъ слъдующій случай: цароходъ (кажется французскій) погнался за одною херсонскою баркой: шкицеръ ея на всёхъ парусахъ полетёль къ противоположному (отъ бульвара) берегу Одесскаго залива, пароходъ за нимъ, но барка никакъ не хотела сдаться; пароходъ не могъ дальше гнаться за нею по мел-

ководью, выстрелиль и подбиль ее. Некоторые слышали, что съ барки отвъчали врагу выстръломъ изъ маленькой пушки; затъмъ бывшіе на ней люди съли въ лодку и благополучно высадились на берегъ. Можете себъ представить, съ какимъ чувствомъ мы смотръли съ берега на эту сцену! Русскіе мужички не утерпъли: восклицанія и совъты градомъ сыпались нашей баркъ за 4 или за 5 верстъ отъ берега. «Живъй, живъй, поворачивай направо!».. Уйдетъ, право слово уйдетъ!..... Молодцы уплыли!..... Пароходъ спустиль баркасъ и притащилъ подбитое судно. Другое купеческое судно наше захватили враги въ то время, когда на бульваръ стоялъ хозяннъ груза. Онъ дълалъ жесты, слъдилъ глазами и сердцемъ за своимъ судномъ, какъ мать за ребенкомъ, котораго пресладуеть лютый зварь. Нечего далать, пришлось ему удовольствоваться сожальніями собратьевъ по торговль и совытами благоразумныхъ, что не следовало въ такое время отправлять судна, «маленько бы пообождать», и проч. Разсказывали про поступокъ одного изъ нашихъ шкиперовъ, совершенно противоположный поступкамъ англичанъ, Вамъ извъстно, что англійскіе корабли захватили нъсколько нашихъ додокъ, выставивъ чужой флагъ. Русскій шкиперъ, о которомъ я упомянуль, встрътивъ близъ Одессы соединенный флотъ, поравнялся съ нимъ. и гордо выставиль русскій флагь! Онъ могь бы уйти, еслибъ захотъль употребить англійскій обманъ. Весь день 4 апръля прошель для трехъ огромныхъ непріятельскихъ пароходовъ въ великомъ подвигѣ — захватывать безоружныя лодки. По временамъ одинъ изъ нихъ удалялся далеко отъ Одессы, завидевъ где нибудь нашу лодку, другой занимался промърами, третій караулилъ добычу.

Надо сказать, что еще до прибытія трехъ пароходовъ, жители одесской набережной начали переселяться въ дальнія улицы. Въ день прибытія пароходовъ, переселеніе, разумъется, увеличилось. Одесскій Пале-Рояль, близкій къ морю, опустълъ. Переселеніе преимущественно направлено было въ предмъстіе Молдаванку, которое внезанно оживилось, и по извъстному экономическому закону, квартиры въ немъ страшно вздорожали, тогда какъ въ лучшей части города, на набережной, сдълались ни почемъ. Послъ отбытія пароходовъ, жители Одессы еще денекъ поговорили о нихъ, и стали было забывать...

8 апръля показалась соединенная французско-англійская армада изъ 19 линъйныхъ кораблей и 9 пароходовъ съ 1,900 пушками. Подобный фротъ не часто приходится видъть. Любопытные отправились за городъ, гдъ съ возвышеній видно было приближеніе кораблей. На дачъ Ланжелона, находящейся на довольно высокомъ берегу моря, было настоящее

гулянье: толпы народа всёхъ классовъ расположились на высотахъ и по берегу. Сильный отрядъ пехоты стояль вблизи на площади у Михайдовскаго монастыря. Генералъ Остенъ-Сакенъ съ нъсколькими другими генералами и офицерами стояль на высотъ берега, и наблюдаль за движеніями флота. Погода была прекрасная. Непріятельскіе корабли входили въцозицію, и располагались дугою отъ одного края Одесскаго залива до другаго. Громадные корабли на всъхъ парусахъ неслись къ линіи, заворачивали, снимали паруса, бросали якорь. Зрълище очень интересное, особенно для непривыкшихъ. Въ подзорную трубку можно было видъть на корабляхъ людей, которые, кажется, также смотръли на насъ въ свои трубы. При взглядъ на этотъ громадный флотъ невольно приходила мысль: зачемъ онъ пришель къ Одессе? Для того, чтобы блокировать Одесскій портъ, достаточно двухъ или трехъ пароходовъ, по той простой причинъ, что въ немъ не было (и теперь нътъ) ни одного нашего военнаго норабля. Бомбардировать Одессу? Какъ-то не върилось этому. Конечно, англичане не разъ показали, что онъ не щекотливы въ средствахъ, - памятна до сихъ поръ бомбардировка Копенгагена!

Пятница прошла въ разговорахъ о союзномъ флотъ. Во весь день зажиточные жители приморскихъ улицъ вывозились въ предмъстія и на дачи. Это послужило въ большую выгоду одесскимъ извощикамъ (большею частію великороссамъ): работы было пропасть, и цъна самая красная. Надо отдать честь одесскому населенію: во все время опасности нигдъ не было замътно ни малодушія, ни страха.

Вечеромъ въ пятницу замътна была на всъхъ лицахъ какая-то тревожная торопливость: видно было, что важное извъстіе пробъжало въ народъ. На обычный вопросъ: что новаго? отвъчали: Слышали ли вы, что адмиралы присылали парламентера къ генералу Остенъ-Сакену съ разными требованіями? Генералъ, конечно, отказалъ, и завтра утромъ начнется бомбардировка. Какія были предложенія иностранныхъ адмираловъ, невозможно было узнать. Кто говорилъ о денежной контрибуціи, кто о требованіи выдать корабли купеческіе, нагрузивъ ихъ пшеницею, и т. д. Только изъ приказа г. генералъ-адъютанта Остенъ-Сакена мы узнали, уже послѣ отраженія враговъ, что они требовали выдачи всѣхъ своихъ и русскихъ купеческихъ кораблей, стоявшихъ въ Одесскихъ гаваняхъ. Толпы народа приходили и удалялись съ бульвара въ заботливыхъ разговорахъ; лавки, магазины, трактиры запирались; изъ нихъ и изъ домовъ близкихъ къ берегу спѣшили вывозить све, что было полегче: чего нельзя было вдругъ вывезти, то прята-

ли въ подвалы; всъ чувствовали, что на другой день будетъ что-то, чего еще не видала Одесса.

Нозвольте сказать нъсколько словъ о военномъ положеніи Одессы. Небольшой, но открытый и широкій заливъ, на одномъ изъ береговъ котораго расположена частію Одесса, тянется по прямой линіи, если не ошибаюсь, версты на 4 или 5. Для кораблей устроены двъ гавани: при началъ залива—карантинная, при концъ—практическая. Въ-первой обыкновенно останавливаются приходящіе иностранные корабли, во-второй они чинятся до выдержанія карантина, и проч. Объ гавани искусственныя, и входъ въ нихъ довольно узокъ. Берегъ моря, на которомъ расположена Одесса, очень высокъ. Шесть, недавно устроенныхъ батарей, защищаютъ берегъ: 1-я въ 8 орудій, находится при началъ залива, у дачи графа Ланжерона; 2-я въ 6 орудій и 3-я въ 16, на карантинной гавани; 4-я въ 8, посреди берега, направо отъ знаменитой лъстницы въ 200 ступень, которая идетъ отъ моря къ бульвару; 5-я и 6-я на карантинной гавани. Всъ полагали, что ударъ непріятеля обрушится прежде всего на батарею № 1-й, но ошиблись.

Въ 7-мъ часу громъ канонады разбудилъ насъ. Непріятельскіе нараходы подошли подъ шестую батарею, и стали такъ къ ней, что только одна пушка могла отвічать на ихъ выстрілы, и ядра падали уже въ новый Лицей, и даже на де-Рибасовскую улицу. Дъйствительно, на этой последней улице ядро ударило въ окно втораго этажа, изъ котораго еще не усибли выбраться жильцы; къ счастію никого не убило и не ранило. Громъ выстръловъ былъ непрерывный; по временамъ раздавался ужасный залиъ съ целаго борта большаго корабля. На Ришельевской улице были расположены: конная артиллерія и дивизіонъ уланъ. Трудно было узнать въ точности, что именно происходило. Возвращавшиеся съ бульвара говорили, что одна пушка продолжаетъ отстреливаться отъ несколькихъ пароходовъ, но что за дымомъ нельзя разсмотръть положенія дъла. Ядра между темъ долетали къ Михайловскому монастырю, что доказывало, что непріятель деласть нопытки и противъ трехъ батарей. Часовъ въ 11 прівхаль нь дивизіону одинь уланскій солдать, стоявшій вблизи бульвара. На вопросъ офицеровъ, что дълается на батареяхъ, отвічаль: наши быють; два парохода подбиты. Мы знали, что непріятельскіе нароходы подъ 6-ю батарею, такъ, что могли ее громить изъ вськъ своихъ пушекъ, между темъ, какъ она могла отвъчать тольно изъ одной: по этому каждый пойметь, что извъстіе улана было нято еъ недовърјемъ. - Да не врешь ли ты, сказалъ одинъ изъ офицеровъ: въдь ты не видаль, стояль далеко отъ 1-й батареи! - Солдать съ

самымъ хладнокровнымъ видомъ повторилъ прежде сказанное. Подвигъ Шеголева до того невъроятенъ, что и теперь всъ опытные офицеры говорять о немъ, какъ о неслыханномъ, вст въ изумлении; но надо было любоваться невозмутимымъ видомъ улана-въстника: онъ сообщалъ о подбитіи одною пушкой двухъ кораблей какъ о чемъ-то очень естественномъ, чему такъ и быть должно! До такой степени чувство непобълимости, порожденное 150-лътними побъдами, твердо укоренено въ душъ русскаго солдата! Его товарищи приняли это извъстіе съ такимъ же хладнокровіемъ и продолжали завтракать, угощаемые обывателями сосъднихъ домовъ. Множество народа стремилось къ бульвару посмотръть на пальбу, такъ, что милиція должна была удерживать безстрашное любонытство. Бодрость одесскаго населенія была по-истинъ удивительна. Въ полдень мы начали справляться, гдв бы пообъдать; трактиры были заперты, и открылось, что одна мужественная нъмка, содержательница общаго стола, приготовила объдъ, не смотря на громъ пушекъ. Тамъ было множество народа, и объдъ кипълъ среди одушевленныхъ разговоровъ и выстреловъ. Вновь приходящие сообщали новыя извъстія; что было часъ тому назадъ, то считалось старымъ. Изъ оконъ видно было, что жители улицъ, лежащихъ за соборомъ, также начали двигаться къ Молдаванкъ. Болъе мужественные увязывали драгоціннійшее имущество, и ждали на місті приближенія грозы, въ томъ числь и наша нъмка, которая посившила убрать гравюры, украшавшія ея столовыя. На соборной площади стояло несколько тысячь пехоты и кавалерін съ артиллеріей; вдругъ одинъ баталіонъ быстро пошелъ къ Пересыпи: мит сказали, что непріятель, кажется, намтренъ сделать высадку въ этой части города, лежащей въ самомъ концъ залива. Въ Одессъ, гдъ много празднаго народа, во всъ эти тревожные дни не было ни одного воровства, хотя квартиры были не заперты, и даже на лъстницахъ и дворахъ лежали узлы и стояли нагруженные экипажи, безъ всякаго присмотра. Въ 5 часовъ, по направлению новаго базара, толпа мальчишекъ катила еще теплое ядро. На вопросъ: гдв они его взяли? Упало вотъ здъсь, на новомъ базаръ, убило бабу да солдата. Мальчишки продавали свою добычу. Одинъ парень, не принадлежавшій къ компанін, владъвшей ядромъ, закричалъ мальчишкамъ: Что вы, дураки, бросьте, разорветъ сейчасъ!.. Мальчишки отпрыгнули назадъ, хитрецъ подхватиль ядро и ушель, преслъдуемый первыми пріобрътателями. Выстрелы продолжались, хотя и не такъ часто, какъ прежде. Въ 6 часовъ канонада умолкла, и толпы народа кинулись на бульваръ, осматривать ея следствія. Весь результать 12-ти часовой канонады состояль въ

нъсколькихъ сожженныхъ домахъ на Пересыци, въ разбитыхъ стеклахъ, въ пробоинахъ въ нъкоторыхъ домахъ на бульваръ, въ сбитой батареъ Щеголева, которая защищалась съ такимъ неслыханнымъ мужествомъ. Одно ядро ударило въ гранитный пьедесталъ монумента герцога Ришелье. поставленнаго среди будьвара; кусокъ гранита быль имъ оторванъ. Любопытное дело: Одесса воздвигла монументъ благородному французу, котораго память до сихъ поръ чтитъ, а французское ядро полетъло въ него какъ будто-бы съ целью показать, что тотъ народъ, къ которому принадлежить одинь изъ основателей Одессы, чрезъ 40 лътъ пришелъ истребить ее. Вся непріятельская эскадра стояла въ своей первоначальной линін; одинъ пароходъ стояль отдельно противъ бульвара. Вечеръ быль очень тихій; на практической гавани горёли моль и довольно большой купеческій корабль. Кто-то замітиль, что на непріятельскомь пароходъ снимаютъ дагеротипный видъ пожара, и что върно явится во французской или англійской Иллюстраціи картинка съ громкимъ именемъ: Bombardement d' Odessa! * На батареяхъ нашихъ кипъли работы.

Иностранцы были въ ярости и негодованіи. Если онѣ хотять драться, сказаль французь про свою и англійскую эскадры, такъ пусть идуть въ Севастополь! Не честно тревожить торговый городь, когда самый успѣхъ не представляеть никакой положительной выгоды. Всѣ почти были увѣрены, что на другой день канонада возобновится съ большимъ усиліемъ. Одинъ высшій артиллерійскій офицеръ нашъ сказаль: Еслибъ я былъ начальникомъ непріятельскихъ артиллеристовъ, дѣйствовавшихъ сегодня, то повѣсился бы на мачтѣ! Дѣйствительно, трудно представить, чтобы 350 непріятельскихъ пушекъ, въ виду и при пособіи остальнаго флота, въ теченіе дня не могли сдѣлать чего нибудь побольше тѣхъ пустяковъ, которые они сдѣлали!

Сверхъ ожиданія, день Свётлаго Воскресенія прошелъ совершенно спокойно; утромъ только подходилъ было одинъ пароходный фрегатъ, но встрёченный мёткими выстрёлами, поворотилъ назадъ. Послё обёда, на бульварё играла музыка; гуляющихъ была бездна, въ томъ числё множество дамъ; генералы и офицеры въ сёрыхъ солдатскихъ шинеляхъ весело говорили о прошедшемъ днё. Съ непріятельскаго парохода, стоявшаго насупротивъ бульварной лёстицы, лорнировали насъ: Одесса показала имъ, какъ мало она была встревожена! Понедёльникъ также прошелъ спокойно. На другой день хоронили одного изъ капитановъ непріятельскихъ кораблей; народъ, глядя съ берега на похороны, говорилъ

^{*} Что уже и есть въ № 586 французской Иллюстраціи.

что это тотъ самый капитанъ, который осмѣлился грозить пальцемъ Одессѣ; т. е. капитанъ Фурьюса. Но захваченные матросы нашихъ купеческихъ судовъ, возвратившись, объявили, что убитъ былъ французскій капитанъ. Ночью съ понедѣльника на вторникъ, по разсказамъ бывшихъ на берегу, нѣсколько пароходовъ непріятельскихъ шныряли по заливу съ фонарями. Одесскіе остряки говорили, что Дондасъ велѣлъ отыскать свой мозгъ!..

Во вторникъ поутру, 13-го числа, адмиралъ Дондасъ писалъ еще къ барону Остенъ-Сакену, чтобъ увъдомить его объ отходъ флота, который доволенъ былъ исполненнымъ имъ отомщеніемъ (въроятно за невыдачу ему русскихъ, англійскихъ и французскихъ судовъ). Съ тъмъ вмъстъ возвратилъ онъ ему плънныхъ русскихъ матросовъ, и просилъ австрійскаго консула заказать ему четверомъстныя дрожки и послать ихъ въ Константинополь. Наконецъ, въ среду утромъ, непрінтельскій флотъ снялся съ якорей, и изчезъ изъ виду.»

street the and plantacies a group or grade some will

word the state and the second state of the second state of the second se

entertagonia Anthony, ettessépetalle éterentell appenditues enter a soulle

FORE TRAVEL STORY AND SERVICE STORY AND ADDRESS OF TAXABLE PROPERTY.

enter anacomignati knoweetglertatie des best ett and enter Von ancompute and making spekingen som beste the coveres services

PEHEPTYAP'S

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

Nº 7.

ПОРЫВЪ И СТРАСТЬ

или

два женскій сердца.

ДРАМА, ВЪ ДВУХЪ ДВЙСТВІЯХЪ,

передъланная съ французскаго

н. с. юрьевой.

представлена въ первый разъ императорскими придворными актерами въ с. петербургъ, Іюля 21-го 1852 года.

дъйствующія лица:

каролина алларъ.

андре бернье.
фанни, танцовщица.

арманъ феваль, адвокатъ.
клери, банкиръ.

адель, дочь его.
г-жа моро, сестра его.
клука, горничная Адели.
Слуга Каролины.

Г-жа Жулева.
Г. Смирновъ.
Г-жа Славина.
Г. Григорьевъ 1.
Г Брянскій.
Г-жа Читау.
Г-жа Сосницкая.

Дъйствіе происходить въ Парижъ.

THE RESERVE OF THE PROPERTY OF THE PARTY OF

дъйствіе первое.

Богатая зада, въ глубянъ дверь, по бокамъ также двери и окна; налъво столъ, направо канапе.

I.

СЛУГА растворяетъ двери, входитъ КАРОЛИНА.

КАРОЛИНА (снимая шляпу и шаль). Арманъ не приходилъ? СЛУГА. Никакъ нътъ.

каролина (садится ко столу). Писемъ нътъ?

СЛУГА. Есть. (кладеть на столь письма, идеть, потомь возвращается). Ахъ, виновать, сударыня, мамзель Фанни васъ дожилается.

КАРОЛИНА. Ахъ, Боже мой, какая скука!.. Что еще надобно? **СЛУГА**. Она ъдетъ за городъ и приглашаетъ васъ съ собою.

КАРОЛИНА. Скажи, что благодарю; я нездорова. (Слуга уходить). Посль успъха въ послъднемъ балеть, она стала ужъ слишкомъ предупредительна и услужлива... Конечно, сердиться не за что, все это дълается отъ добраго сердца; но о чемъ съ нею говорить? она такъ необразована, что за тонъ, что за обращеніе!.. вотъ ужъ въ полномъ смыслъ танцовщица! (береть одно изъ писемъ). Отъ кого-бы это?.. (Распечатавъ). Боже мой!.. Андре Бернье!.. (Читаетъ). «Милая Каролина! Надъюсь, вы невабыли своего двоюроднаго брата, который только шесть лътъ съ вами разстался? Послъ многихъ приключеній, я наконецъ возвратился въ Парижъ; вотъ ужъ три мъсяца я живу съ вами въ одномъ городъ и не вижу васъ. Былъ въ прежнемъ вашемъ домъ и узналь только о банкротствъ и смерти вашего батюшки, но объ васъ ничего. Вчера мнъ посчастливилось: на художественной выставкъ я увидълъ вашъ портретъ, выпросилъ у живописца адресъ,

полетълъ къ вамъ, но не засталъ дома. Я знаю, въ Парижъ обыкновенно не бываютъ дома для незваныхъ, поэтому я ръшился
васъ увъдомить прежде письмомъ. Увъренъ, что вы не откажете товарищу дътскихъ лътъ: онъ возвратился прежнимъ Андре,
морякомъ, который не умъетъ ни порядочно причесаться, ни
разшаркаться передъ дамами, но который васъ искренно любитъ
и готовъ умеретъ, если только это будетъ для васъ нужно. Андре Бернье». Ахъ, милый, добрый Андре!.. Онъ въ Парижъ,
Боже мой, какое счастіе! Но что за шумъ?..

II.

КАРОЛИНА, АНДРЕ, СЛУГА.

АНДРЕ (въ дверяхъ слугь). Поди, доложи, говорю я тебъ.

СЛАГА. Нътъ, извините, я не смъю безпокоить барыню; пожалуйте въ другое время.

АНДРЕ. Ты, братецъ, несносенъ съ своимъ упрямствомъ! Поди и доложи, кажется, я довольно ясно говорю.

слуга. Очень понимаю, да не могу! Не приказано.

КАРОЛИНА. Ахъ, Боже, мой! это онъ! онъ! (Бъжить къ дверямь). Андре!

АНДРЕ (отталкивает слугу и бросается къ ней). Каролина!.. (Обнимаеть ее).

каролина. Андре!.. неужели я тебя вижу?.. Мить невърится!.. я ужъ и не надъялась на такое счастіе!..

АНДРЕ. О, Каролина! Да дай мнѣ на тебя наглядѣться!.. Незакрывай своихъ прекрасныхъ глазъ, вѣдь они мои любимцы, дай мнѣ и съ ними поздороваться!.. Боже мой! я въ Парижѣ! близъ тебя!.. Смотрю въ твои голубые глаза... О, да я готовъ плакать, какъ ребенокъ... Не смъйся надо мною, Каролина, вѣдь и отъ счастія умираютъ!..

КАРОЛИНА. Какъ я ждала тебя, мой милый, добрый Андре. Да, скажи-ка, злой, чъмъ ты былъ занятъ, что въ шесть лътъ не написалъ ни одной строчки?.. Это безчеловъчно, ужасно!

андре. Да въдь у бедуиновъ нътъ почтамтовъ, моя милая.

КАРОЛИНА. Какъ, у бедуиновъ? Въдь ты отправился изъ Марсельи въ Буэносъ-Айресъ?

андре. Да, такъ говорилъ нашъ капитанъ; а пассажиры должны ему върить на-слово; къ несчастію, мы всъ въ немъ ошиблись: это былъ самый низкій человъкъ, продажная душонка; онъ присталъ къ неприступнымъ африканскимъ скаламъ, откуда насъ плънниками отвезли въ Алжиръ, гдъ я прожилъ шесть лътъ, и работалъ какъ лошадь на огородъ одного араба.

КАРОЛИНА. Ахъ, Боже мой! мой бъдный Андре. Вотъ что значитъ мечта и существенность! Сбираясь въ путь, ты составлялъ такіе прекрасные планы о будущемъ... и какой конецъ... это ужасно!

АН ЧРЕ. Тогда я быль очень глупъ и слишкомъ много надъялся на себя... Счастіе такъ измѣнчиво, оно награждаетъ только своихъ любимцевъ... а время научаетъ насъ обходиться безъ того, чѣмъ не суждено владѣть.

каролина. Ты все такой же философъ.

АНДРЕ. Зачъмъ мнъ мъняться?.. Все къ лучшему! Вотъ, напримъръ, мое невольничество теперь можетъ доставить мнъ богатство.

каролина. Какъ это?

АНДРЕ. А вотъ видишь-ли, бъгство мое отъ арабовъ—цълый романъ; разсказъ мой объ немъ надълалъ много шуму, появился въ журналахъ, да ужъ въ такомъ видъ, что я и самъ не узнавалъ себя. Тамъ писали: «славный Андре Бернье, прожившій 15 льтъ въ неволъ у арабовъ, нынъ возвратился въ Парижъ.» Спустя два дня послъ этого объявленія, меня приглашаютъ къ банкиру Клери; онъ и нъсколько капиталистовъ хотятъ завести колонію въ Африкъ, на дняхъ отправляютъ туда корабль, и просятъ меня дать имъ нужныя свъдънія, посовътовать. Я разсказалъ все, что зналъ; это ихъ до того заинтересовало, что они предлагаютъ мнъ мъсто управляющаго ихъ колонією съ значительными выгодами, я согласился, и чрезъ нъсколько дней отправляюсь опять въ Алжиръ.

каролина. Какъ, ты ужъ опять хочешь утхать?!..

АНДРЕ. Ахъ, Каролина, да что жъ мнѣ дѣлать здѣсь?.. я лишній въ Парижѣ: родныхъ нѣтъ, дружбѣ я не вѣрю; мнѣ хотѣлось только увидѣть тебя, одну тебя; къ тому же я думаю ты еще помнишь, что меня выгнало изъ Парижа?..

КАРОЛИНА (*опустя глаза*). Но развъ такая долгая разлука не могла охладить...

АНДРЕ. Да, я самъ думалъ, что разлука вылечитъ мое больное сердце... но раны его не такъ легко закрываются!.. Вотъ и теперь, когда мнъ дали твой адресъ и когда я прочиталъ: «Г-жа Арманъ», вмъсто прежней дъвицы Алларъ, сердце мое сжалось,

вся кровь бросилась въ голову... Въ первыя минуты я было ръщился не видаться съ тобой...

каролина (взяво его руку со упрекомо). Ахъ, Андре!..

андре. Сознаюсь, это было бы очень глупо, я это чувствоваль, и доказательство—ты видишь, я съ тобою. Но послѣ всего, согласись, душа моя, что мнѣ должно поскорѣй убраться... Парижъ и Африка для меня теперь все тоже — пустыня!.. Ты не обижайся, я говорю это не въ упрекъ; но сердце, бѣдное сердце, его не вырвешь... Но полно объ этомъ! Прости меня, Кародина; разскажи дучше о себѣ, безъ меня многое перемѣнилось... много перечувствовано.

каролина. Да, Андре, отъвздъ твой былъ началомъ несчастій для нашего семейства. Спустя четыре мъсяца, банкротство одного купца лишило батюшку всего состоянія; онъ умеръ съ отчаянія. Мы остались нищими, однъ въ цъломъ міръ, безъ подпоры, безъ покровителя... Ахъ, Андре!.. въ одинъ день перейти отъ богатства къ ужасной бъдности тяжело, невыносимо тяжело!.. Матушка не могла перенесть этого горя и заболъла отчаянно; у меня небыло копъйки денегъ...

андре. И никто не помогъ вамъ?

КАРОЛИНА. Никто, кромъ молодой дъвушки, которая жила въ одномъ домъ съ нами.

андре. Благородная душа!

КАРОЛИНА. Къ несчастію, она могла намъ давать только совъты, нотому, что сама ничего не имъла... О, мой другъ, ты не можещь вообразить, что значитъ бользнь и бъдность!.. Видъть, что умираетъ любимое существо, знать, что его можно бы спасти, еслибъ были деньги, и не находить средствъ достать ихъ! О, да нътъ, я не въ силахъ пересказать всего, что я перечувствовала. Одно только удивительно, какъ уцълълъ мой бъдный разумъ!.. (Илачетъ.)

андре. Бъдная Каролина!.. Ты такъ страдала, и я не былъ съ тобою!.. я не утъшалъ, не помогалъ тебъ!.. О, Каролина, прости меня, я очень виноватъ! Послъ этого, за что же я считаю себя добрымъ человъкомъ?!.. гдъ же мое доброе сердце? Ты страдала, а я нътъ! О, прости, прости меня!.. (Беретъ руку и хочетъ поцъловать, вдругъ останавливается). Но, слава Богу, явился человъкъ, который съ именемъ мужа возвратилъ тебъ счастіе и богатство... теперь, надъюсь, больше и желать нечего; ты замужемъ ил върно, любищь своего мужа?.. (Каролина въ смущени опу-

скаеть глаза). Что съ тобою, Каролина?.. О, добрая душа!.. Понимаю, ты боишься оскорбить меня этой любовью?.. Нътъ, моя милая, мое первое желаніе видъть тебя счастливою; первая молитва о продолженіи этого счастія.

каролина. Добрый Андре!..

АНДРЕ. Мнъ чрезвычайно хочется видъть твоего мужа, пожать ему руку и отъ души поблагодарить за твое счастіе.

КАРОЛИНА (всторону). Я погибла!

АНДРЕ. Онъ дома?

каролина. Нътъ... но скоро... можетъ быть .. я жду... (Входить Фанни. Всторону). Фанни!.. Какъ не кстати.

III.

TE ME, PARHE.

ФАННИ. Здравствуй Каролиночка-душечка! Что съ тобою, моя сильфидочка?.. ты нездорова?

каролина. Да... такъ... немножко голова...

ФАННИ (увидя Андре). Ужъ не помъщала ли я?.. Если такъ, виновата... Я сейчасъ сдълаю шассе ан-арьеръ?..

каролина. О, нисколько! Рекомендую, товарищъ моего дътства, братъ, о которомъ я тебъ часто говорила, Андре Бернье.

ФАННИ (присъдая). А, такъ это вы, очень рада! (Смотрить на него въ лорнеть). Да онъ морякъ?

КАРОЛИНА. Да, онъ выбранъ начальникомъ корабля, который банкиръ Клери отправляетъ въ Африку.

фанни (ко пему). Какъ!.. Вы ъдете въ Африку?.. Боже мой, какія ужасти!.. въ этакой адъ!

андре: За что жъ вы такъ не любите Африку?

ФАННИ (Каролинь). Помнишь, я тебъ говорила, что случилось съ моей товаркой Жюли?... знаешь, съ которой я еще танцовала качучу?.. Какъ мы были дружны! въ одной уборной одъвались, даже изъ одной баночки румянились! Бывало, что ни пришлютъ изъ креселъ, все дълимъ пополамъ ..

КАРОЛИНА (стараясь перебить ее). А, помню, помню!.. Она, кажется, отправилась въ Алжиръ?..

фанни. Да, съ однимъ противнымъ долгоносымъ волокитой, графомъ Сенъ-Вель... Онъ сманилъ ее со сцены и отправился съ нею въ Алжиръ, подъ предлогомъ будто снимать виды и нравы

описывать. Что жъ вы думаете онъ съ нею сдълалъ? старый разбойникъ! Тихонько уъхалъ и оставилъ ее одну посреди бедуиновъ!.. Каково вамъ это покажется?

АНДРЕ. Какая низость!

фанни. Непревда-ли, ужасно? Но я и нъсколько моихъ подругъ сговорились какъ-нибудь помочь ей; (Каролинь). Пустимъ въ работу первые ряды креселъ, что имъ въ глаза-то смотръть!.. Неправда-ли, мой другъ, должно изъ всего извлекать пользу?.. Въдь тутъ сидятъ все графчики, да гусарчики, да маменькины сынки, хоть не дъломъ, такъ словомъ помогутъ... Ужъ я собрала маленькую сумму и хочу послать... Но что съ тобою, въдь на тебъ лица нътъ!..

каролина. Сама не знаю... что-то нездоровится...

ФАННИ. Что-жъ, лечись магнитизмомъ, удивительное средство! Вонъ Зефиретку одинъ магнитизеръ вылечилъ, да въдь какъ, на чудо. Каждый день приходилъ ее усыплять, до того, что и теперь во снъ имъ бредитъ. И никакой діэты, только велълъ ъсть бифстексъ по два раза въ день, вотъ и все! Просто чудеса дълаеть! теперь даже потолстъла такъ, что платье не сходится. Если хочешь, я пришлю его къ тебъ, прелюбезный человъкъ! Онъ именно то будетъ дълать, чего ты сама захочешь, а польза выйдетъ очевидная... и вообрази, онъ волочится за мною, да жалко, блондинъ! А я терпъть не могу блондиновъ: ледяныя созданія, не допросишься слова!

АНДРЕ. А еслибъ вашъ докторъ былъ брюнетъ?

ФАННИ. О, это совсѣмъ другая статья! при черныхъ усикахъ, почти всегда черные глаза... Милашки черные глаза, я обожаю ихъ!..

КАРОЛИНА (стараясь прекратить разговоръ). Но ты, Фанни, забыла о прогулкъ... я не хочу лишать тебя удовольствія... поъзжай одна...

фанни. Удовольствія? Ахъ, машерочка, еслибъ ты знала, что это за удовольствіе!.. Я взжу за городъ потому только, что это въ модѣ, но вѣдь ты неможешь вообразить, какъ это скучно! Кружиться безпрестанно въ пыли, по узкой дорожкѣ, между какимито прутьями, которые имѣютъ претензію называться лѣсомъ; а тутъ еще дюжина франтовъ съ бородками появятся съ предложенемъ своего сердца!.. Ихъ сердца!.. А что мнѣ съ ними дѣлать?.. Мнѣ, признаюсь, ужасно наскучила эта тощая сантиментальность. Я хочу заниматься только своимъ искусствомъ и копить копѣечку, а сердъ

ца мужчинъ фальшивая монета!.. Ахъ, какое у тебя прекрасное зеркало: позволь мнъ ужо пройти па изъ новаго балета... (\mathcal{A} *пълаетъ передъ зеркаломъ па и пантомиму*).

андре. Па изъ балета?.. Какъ, сударыня... вы...

КАРОЛИНА (живо Андре). Это Фанни, та добрая дъвушка, о которой я тебъ сейчасъ говорила... что помогала намъ въ бъдности...

АНДРЕ. Эта дъвица?.. А, теперь я понимаю!.. Ахъ, сударыня, какъ вамъ выразить всю мою благодарность!..

ФАННИ. Помилуйте! за что это?.. (*Всторону*). Какъ сконфузился! видно, что провинціялъ.

КАРОЛИНА (Фанни). Я ему разсказала все, что ты для меня дълала... Какъ заботилась о моей больной матери.

фанни. А, да! что я просиживала ночи у ея постели? Что жъ за важность; у меня тоже была мать, такая же старушка... она умерла на чужихъ рукахъ!.. (Утираетъ слезы). Вотъ, другое дъло, еслибъ я помогла вамъ чъмъ нибудь посущественнъе... а то я сама была еще бъдной воспитанницей, и кромъ пары эластическихъ калошъ ничего не имъла; но за то я была спокойна, весела, не знала зависти, не имъла соперницъ... Ты не повъришь, какъ мнъ было пріятно просиживать ночи съ твоей покойной маменькой... я думала, что сижу у постели моей старушки!.. Тогда, моя милая, я еще не знала мужчинъ, и была истинно счастлива!.. А теперь!.. О, мужчины, мужчины, это лютые крокодилы. Вотъ ужъ съ мъсяцъ они для меня ужасны, ненавистны; ты, Каролина, не можешь понять этого; Арманъ Феваль тебъ не измънитъ, вы никогда не разстанетесь съ нимъ, завидная парочка!..

АНДРЕ (удивленный). Какъ!.. Арманъ Феваль!.. адвокатъ?..

ФИННИ. Да, онъ. Вы его знаете? Премилашка!

АНДРЕ. Но я думаль, что... что онъ... Да развъ онъ не женать?

ФАННИ. Помилуйте, да зачъмъ же ему жениться?...

АН ГРЕ. Не женать, (смотрить на Каролину, та стоить вы отчаннии.) А!.. понимаю!.. (береть шляпу и хочеть идти.)

КАРОЛИНА (живо.) Андре!.. Останьтесь!..

андре. Нътъ... немогу... извините, у меня такъ много дъла... каролина. Умоляю васъ, останьтесь!.. Мнъ нужно поговорить съ вами! (Андре останавливается; и оба смотрять на Фанни.)

ФАННИ (всторону.) А, это върно старинный обожатель! подобныя свиданія не терпять свидътелей... поскоръй уйти! (Каролинь)

Прощай, моя милая, мнв надобно сходить къ нотаріусу, онъ объщаль проводить меня къ банкиру, который можеть переслать деньги въ Алжиръ... До свиданія! (къ Андре, присъдая) Мое почтеніе!.. (уходя, на ухо Королинъ) Счастливица!.. какъ пчелы вкругъ цвътка!..

КАРОЛИНА. Прощай, прощай, Фанни, до свиданія!.. (Провожаеть ее до дверей, потомь тихо подходить къ Андре, который закрывь руками лицо, бросается на дивань. Она останавливается позади его въ сильномъ волненіи). Вы боитесь взглянуть на меня, краснъете отъ одной мысли... Андре... (Хочеть взять его руку.)

АНДРЕ. (Вставъ.) Позвольте мнѣ уйти. (Хочетъ идти Каромина хватаетъ его за руку). О, нѣтъ, нѣтъ! Ты не уйдешъ!.. Вы выслушвете всю повѣсть моихъ страданій, выслушаете и, можетъ быть, если не оправдаете, то, по крайнѣй мѣрѣ, пожалѣете!

АНДРЕ. Васъ оправдать?.. Да что вамъ въ моемъ оправданіи? Развѣ вы не властны располагать собою? Развѣ я имѣю на васъ какія-нибудь права? Я, ей-ей, не понимаю, что вамъ вздумалось оправдываться передъ человѣкомъ совершенно для васъ постороннимъ?.. Вы захотѣли быть богатой и достигли цѣли.

КАРОЛИНА. О, остановитесь, Андре! Вы слишкомъ жестоки... **АНДРЕ**. Виноватъ, простите!.. Но позвольте мнъ (опять хочеть идти.)

КАРОЛИНА. Уйти! Для васъ пріятнъе презирать меня, чъмъ пожальть о несчастной!.. Идите, я васъ не удерживаю. . прощайте!.. (плачет».)

АНДРЕ. Вы плачете, Каролина?.. Плачеть и отъ меня!.. Отъ меня? да я за каждую слезу готовъ отдать годъ жизни!.. Каролина!.. Боже мой, зачъмъ я сюда пріъхалъ!.. (бросается въ кресла.)

КАРОЛИНА. Скажите лучше: зачъмъ я отсюда уъзжалъ! Еслибъ вы были въ Парижъ, я имъла бы надежнаго друга, хранителя моей чести.

АНДРЕ (съ упрекомъ.) А ваша матушка, Каролина?..

КАРОЛИНА. Больная, умирающая женщина, послъ которой я осталась круглой сиротой, безъ всякаго состоянія? Банкиръ, который былъ причиною нашего разоренія, возвратился въ Парижъ; мнъ совътовали предъявить въ судъ его векселя; но я была бъдна, всъ, къ кому я относилась, подъ разными предлогами, отказывались взяться за мое дъло... всъ, Андре... кромъ одного...

андре. Кромъ Феваля, понимаю!..

коралина. Онъ сжалился надъ моимъ положеніемъ и безъ просьбы протянуль мит руку помощи; посвятиль на мое дъло все время, все знаніе и даже состояніе... Сначала онъ приходиль ко мит для отобранія нужныхъ свъдъній... Я принимала его, какъ друга... съ нъжной признательностью... (движеніе Андре) но мало по малу визиты его сдълались чаще, и день отъ дня онъ становился для меня необходимъе.

АНДРЕ (съ *проніей*.) И все изъ признательности? Продолжайте.

КОРОЛИНА. Наконецъ сердце сказало мнѣ, что я его люблю... Я видълась съ нимъ каждый день... мы были всегда одни... пропасть была открыта... Вѣдь у меня никого не было, кто бы мнѣ посовѣтовалъ, предостерегъ .. (*Молчаніе*.) Онъ проигралъ мою тяжбу.

АНДРЕ. И выиграль другую? это ужъ такъ водится! Впрочемъ, онъ не въ накладъ!..

КАРОЛИНА. Ахъ! Я не знала, что первый проступокъ ведеть за собой печаль и страданіе!.. Какъ только сдълалась я виновной, съ той минуты почти всъ стали убъгать меня, какъ будто сами они всъ невинны и чисты, какъ ангелы!.. о, они ужасно поступали со мною!.. Но Богъ съ ними! (утираетъ слезы) Не знаю какъ, и совсъть не желая, я потомъ попала въ кругъ женщинъ кокетокъ, блестящихъ по виду, но низкихъ, грязныхъ по душъ! Ихъ присутствіе было для меня несносно, но я не смъла сказать имъ этого, не имъла права оттолкнуть ихъ отъ себя: я сама была виновна!.. Но это еще ничего —мнъ копилось страданіе, готовилось униженіе.

андре. Какое-же?

КАРОЛИНА. Дядя мой прітхалъ изъ Филадельфіи на житье въ Парижъ. Я не посмъла писать къ нему, старалась даже чтобъ онъ не зналъ о моемъ существованіи; но однажды получаю отъ него письмо... роковое, ужасное письмо!..

АНДРЕ. Что же онъ писалъ?

КАРОЛИНА. Дочь его гдъ-то на балъ по фамиліи приняли за меня... всъ гости удивились, отворачивались отъ нея, начали наносить ей разныя оскорбленія, и все это кончилось ссорой, въ которой дядя мой далъ пощечину дерзкому оскорбителю...

андре. Ахъ, Боже мой!...

королина. Они объяснились, узнали ощибку и, слава Богу,

все кончилось мировой. На другой день я получила письмо, въ которомъ дядя проклиналъ меня, объявлялъ, что перемъняетъ фамилію, которую я обезчестила, а вмъстъ съ тъмъ разрываетъ со мной всъ связи родства, и грозилъ, что если я когда нибудь осмълюсь показаться въ его домъ, то онъ... убъетъ меня.

АНДРЕ. Это жестоко!

каролина. Не обвиняй его, Андре! Я была достойна его гитва; еще покойница маменька говорила мнъ, что онъ крутаго нрава и очень вспыльчивъ. Ты не повъришь, я перенесла этотъ жестокій ударъ какъ нельзя легче; я ужъ такъ была несчастна, сердце мое было такъ полно горести, что каждая новая капля скатывалась безъ слъда! Въ совершенномъ отчанни есть отрадное онъмъніе!... Андре! Ты незнаешь, что такое жить въ атмосферъ стыда, не имъть ни родственника, ни друга, и никому не смъть высказать своихъ страданій!!. О, это медленный огонь, въкоторомъ совъсть сжигаетъ сердце!.. (молчаніе) Когда теперь я увидъла тебя, когда ты сжалъ мнъ руку, заговорилъ со мною по-прежнему, со мною, отъ которой всъ бъгутъ, какъ отъ язвы... я была такъ рада, такъ счастлива, что на минуту забыла даже кто я! Ко мнъ все возвратилось: мать, другь, чистота душевная... но очарование было не продолжительно! Вмъсто друга дътскихъ лътъ, предо мною грозный судья; гдъ я искала сожальнія—тамъ нашла презръніе!...

АНДРЕ. О, нътъ, не думай этого, Каролина!.. Въ первую минуту, я незнаю, что со мною сдълалось... теперь-же, когда я все узналъ, я обвиняю самаго себя, мнъ бы недолжно было оставлять тебя одну въ Парижъ, въ этомъ вертепъ разврата!... Каролина! Я тебя обидълъ, прости меня! Знаешь, когда сердце страдаетъ, мы бываемъ жестоки, не знаемъ сами, что говоримъ... прости меня, мой другъ! (подаетъ ей руку.)

КАРОЛИНА (*хватаетъ ее и цълуетъ*.) Андре!.. Ты добръ, какъ само милосердіе!..

АНДРЕ (вырывая руку.) Каролина! что ты дѣлаешь!.. Я только справедливъ. Но посмотримъ, нельзя ли перемѣнить твое теперешнее положеніе... Что же тотъ... котораго... ты любишъ, хочетъ ли онъ загладить свой проступокъ?

КАРОЛИНА. Я долго этому върила и надъялась; но вотъ ужъ нъсколько мъсяцевъ я боюсь взглянуть въ будущее.

АНДРЕ. Какъ?.. неужели онъ...

КАРОЛИНА. Не знаю, что съ нимъ сдълалось, день отъ дня онъ становится мрачнъе, убъгаетъ моихъ вопросовъ, даже ста-

рается не встрътиться взглядомъ; иногда на его лицъ проглянетъ улыбка, иногда съ языка сорвется ласковое слово, но вдругъ точно его что оттолкнетъ отъ меня, и онъ-то становится опять молчаливымъ и печальнымъ... Я прибъгала къ просъбамъ, слезамъ, но все напрасно.

андре. Я съ нимъ увижусь и переговорю.

каролина (съ боязнію береть его за руку). Андре!..

АНДРЕ. Я узнаю причину этой перемъны; не бойся: я буду съ нимъ говорить такъ, какъ бы сталъ говорить съ братомъ или другомъ; буду просить, чтобъ онъ далъ тебъ имя въ свътъ и возвратилъ спокойствіе, которое разрушилъ...

каролина. О, другъ мой!

АНДРЕ. Но должно поспъщить, теперь я думаю застать его у Клери, въдь онъ его адвокать. (Смотрить на часы). Авось еще застану!.. Прощай, Каролина. (Хочеть обнять ее, но вдругь останавливается и береть только руку). Прощай и надъйся! (Уходить).

IV.

каролина одна.

Добрый, безкорыстный другъ! Боже мой, сколько ожило воспоминаній въ моей бъдной головъ!.. Но я не должна думать ни о прошедшемъ, ни о будущемъ, настоящее, одно только настоящее, вотъ что мнъ осталось, а все прочее во власти Бога! Постараюсь быть счастливой хоть минуту, — теперь и минуты счастья слишкомъ ръдки, слишкомъ дороги для меня!.. Арманъ объщалъ нынче пріъхать... Дождусь ли я его?.. Мнъ сегодня что-то необыкновенно грустно... такъ тяжело на сердцъ... Когда онъ со мною — я все забываю, весела, счастлива!.. Карета! это его... узнаю по стуку!.. Остановилась!.. Онъ, онъ! (Бъжитъ къ дверямъ). Арманъ! (Обнимаетъ его).

V

каролина и арманъ.

АРМАНЪ (холодно цилун ее въ лобъ). Здравствуй, Каролина! (Всторону). Какъ сказать... однако должно! ($E\dot{u}$). У тебя были гости?

КАРОЛИНА. Да, мой двоюродный братъ; онъ случайно узналъ, гдъ я живу...

арманъ. Андре Бернье?

каролина. Да.

АРМАНЪ. И вы его приняли?

каролина. Да какъ же мнъ его не принять?

АРМАНЪ. Признаюсь, я этого не ожидалъ!.. Изъ участія къ вамъ, я долженъ сказать, что подобныя свиданія съ друзьями дътскихъ лътъ...

КАРОЛИНА. О, мой другъ, увъряю тебя, тутъ не было ничего предосудительнаго! Ему и съ тобой очень хотълось повидаться.

АРМАНЪ. Со мной?.. А, такъ вы ему сказали?..

каролина. Все сказала.

АРМАНЪ. Я въ этомъ былъ увъренъ! Какъ тутъ видна женщина! **КАРОЛИНА**. Но развъ это тебъ непріятно?

АРМАНЪ. И очень! Знаете ли вы, что одно слово, одинъ намекъ, и вы—жертва насмъщекъ... Въдь свътъ неумолимъ! А вашъ братецъ молодъ, хвастливъ...

КАРОЛИНА. О, не думай объ немъ такъ дурно, онъ честенъ и благороденъ; притомъ не новость, что люди злы и радуются чужому горю?.. Мой міръ въ тебъ, Арманъ! другаго для меня не существуетъ!..

АРМАНЪ. Все это прекрасно, Каролина... но посуди сама .. у меня есть семейство, знакомые... я обязанъ дорожить общественнымъ мнъніемъ... а если узнаютъ про нашу связь...

КАРОЛИНА. Вамъ придется краснъть, не такъ ли? Понимаю! Въ самомъ дълъ: друзья станутъ смъяться надъ вашимъ постоянствомъ; матери будутъ къ вамъ холоднъе, дочери не такъ любезны и даже, можетъ быть, вы лишитесь нъсколькихъ приглашеній на балъ!.. Ахъ, простите, я и не подумала обо всъхъ этихъ ужасахъ!...

АРМАНЪ. Вы не хотите меня понять!..

КАРОЛИНА. Нътъ, Арманъ, я васъ очень понимаю; ваше доброе имя для васъ дороже моего; вы хотъли, чтобъ я погубила себя для васъ, но не хотите перенесть какой нибудь глупой насмъшки для меня... Понимаю, теперь моя любовь постыдна для васъ, она вамъ наскучила... О, къ несчастію, я все понимаю!

АРМАНЪ (отходить от нея и садится на канапе). Есть слова, на которыя глупо отвъчать! Признаюсь, вы очень деликатны: въчно упреки, да жалобы... Это наконецъ несносно, Каролина!

КАРОЛИНА (nodxodums ко нему, обнимаеть и цълуеть вы голову). Мой милый!.. Ну, виновата... прости меня... не сердись же на меня, ты знаешь, это оттого, что я люблю тебя безпредъльно.

арманъ. Изъ чего же вы затъваете безпрестанно ссоры?

КАРОЛИНА. Ну; прости же меня! Въдь ты жизнь моя, моя радость, мое счастіе!.. Еслибъ ты зналь, какъ я сама раскаяваюсь, но воротить нельзя! Да, ты ужъ не такъ меня любишь, какъ прежде! И я это заслужила своимъ дурнымъ характеромъ, своими капризами; прости меня, я очень виновата!.. (Ставъ на колъна). Арманъ! Я у ногъ твоихъ, чего же ты еще хочешь?..

АРМАНЪ. Каролина, встаньте... я этого не люблю.

каролина. О, нътъ, нътъ, оставь меня, мнъ такъ хороню здъсь!.. (Молчаніе; обнимаетъ ноги). Арманъ! Я такъ тебя люблю, такъ люблю, что даже боюсь своей страсти!.. Знаень, бываютъ часы, когда я сержусь на себя за то, что не умъю выразить мою любовь съ той силою, какъ она у меня здъсь, въ сердцъ!.. (Съ улыбкой). Ты будешь смъяться, если я скажу... что часто, когда я одна, я мечтаю о какой-то вольной жертвъ, послъ которой умираю для твоего счастія... А иногда, право, мнъ и самой смъшно... я бываю твоей собакой, всюду за тобой бъгаю, защищаю, лежу у ногъ твоихъ, гляжу въ глаза и жду твоихъ приказаній!..

АРМАНЪ. Милая Каролина!.. (*Цълуетъ ее въ голову*). А я такъ часто огорчаю тебя!.. Ахъ, зачъмъ ты меня узнала!..

каролина. Что ты говоришь, Арманъ?.. Да развъ тебъ непріятно мое счастіе?

арманъ. Слезы не признакъ счастія!.. А сколько ты ихъ пролила?!.. О, нътъ, нътъ, Каролина, это не счастіе! И всегда въ глубинъ преступной любви есть горечь, въ этомъ не хотятъ только сознаться... Ну, что наша жизнь? Безпрестанно ссоры, слезы, а отчего? Оттого, что наша душа всегда не покойна, не довольна; мы никуда не смъемъ вмъстъ показаться, сами тайно видимся другъ съ другомъ, какъ преступники, и самая будущность не сулитъ намъ счастія?.. (Съ замъшательствомъ, не смотра на Королину). Взгляни вокругъ себя: какъ всегда гэнчаются подобныя связи?.. Ихъ начинаютъ въ безразсудной юности... сначала изъ этого стараются сдълать что-то серьозное, скръпляютъ клятвами, но наконецъ приходитъ день, когда очарованіе исчезаетъ, страсть уступаетъ необходимости, и влюбленные безумцы входять въ жизнь существенную, чтобъ занять въ ней свое мъсто... Тутъ начинаются жалобы—ужасныя, но необходимыя... всего лучше приготовить себя заранъе...

(Во время этого монолога Каролина постепенно подымается съ колънъ, и когда онъ кончилъ, она неподвижная, блъдная стоитъ передъ нимъ, держась за канапе, пораженная ужасною догадкой).

каролина. А!..

арманъ. Что съ тобою, Каролина?..

каролина. Я слушаю... договаривай!..

АРМАНЪ. Нътъ... ты такъ разстроена... встревожена...

КАРОЛИНА (сильно и съ отчанніемь). Кончи, ради Бога кончи!.. Что ты этимъ хотълъ сказать?..

арманъ. Ничего...

каролина. Говори, я хочу знать!

АРМАНЪ. Въ другое время...

КАРОЛИНА. Нътъ, нътъ! Теперь... сію же минуту!.. Боже мой! Онъ бросилъ въ сердце ужасное подозръніе, и когда я умоляю кончить—отвъчаетъ: въ другое время! Но въдь это безчеловъчно! Тебъ хочется убить меня?.. Арманъ! мой милый! Умоляю тебя, скажи, зачъмъ говорилъ ты о разлукъ?.. Да говори же, говори... я этого хочу, я требую!

арманъ. Успокойся, ради Бога, сюда идутъ!

VI.

тъже и андре.

АРМАНЪ (всторону). Андре!..

АНДРЕ (ему). А я васъ искалъ!.. надъялся застать у Клери, но тамъ нашелъ только это письмо, въ которомъ говорится и объ васъ...

арманъ. Обо мнъ?..

АНДРЕ. Да.

АРМАНЪ. Такъ для этого-то вы искали меня?

АНДРЕ (значительно). Нътъ, для другаго!.. (*Tuxo* Каролинь). Каролина оставь насъ!

каролина. Вы хотите...

АНДРЕ (притворяясь покойнымь). Да, я хочу поговорить съ нимъ... знаешь, что объщаль тебъ... уйди же поскоръе!.. (Провожаеть ее до двери и увърившись, что она ушла, подходить къ Арману).

АРМАНЪ. Къ чему такая таинственность?.. Что вы хотите мнв сказать?

АНДРЕ. Прочтите конецъ этого письма, присланнаго мнѣ отъ Клери!.. (Читаетъ, заставляя его слъдовать). «Поздравьте отъ меня г. Армана Феваля, онъ вступаетъ въ бракъ съ дѣвицею Адель Клери».

АРМАНЪ (съ замъшательствомъ и благородно). Это правда.

АН ТРЕ. Правда? А что будеть съ Каролиной, когда вы женитесь на другой?..

АРМАНЪ. Мнъ странно... такой вопросъ...

АНДРЕ. Васъ удивляетъ, не такъ ли? Но я имъю право вамъ его сдълать: Каролина вмъстъ со мною выросла, она сестра мнъ... и могу васъ увърить, я оправдаю имя брата!

АРМАНЪ. Оставимъ это, прошу васъ!

АНДРЕ. Оставить? Да, я знаю, вы какъ свътскій человъкъ считаете за ничто бросить женщину, которая отдалась вамъ со всею довърчивостью неопытной души!..

АРМАНЪ (горячась). Довольно!..

АНДРЕ (*такисе*). Считаете за ничто позабыть клятвы и обмануть... Ну, такъ я вамъ скажу: это низко, подло!

АРМАНЪ (*хватаетъ его за руку*). Милостивый государь, это клевета... и я не потерплю!..

АНДРЕ (съ радостью). А, вызовъ?.. Очень радъ, я готовъ! На чемъ, гдъ, когда?

АРМАНЪ (одумавшись). Послушайте! сознайтесь, что это очень неблагоразумно и несправедливо? Если я искуснъе васъ стръляю и убыю васъ, значитъ я и правъ? Нътъ, я этого не хочу! Вы назвали себя братомъ Каролины, и я стану говорить съ вами, какъ съ ея братомъ. Когда вы все узнаете, то будете вольны осудить меня; пожалуй, будетъ время и убить другъ друга, если вамъ этого непремънно хочется... Я отъ васъ ничего не скрою изъ моего ужаснаго положенія.

АНДРЕ (съ упрекомъ). Но не вы ли сами сдълали его ужаснымъ?..

АРМАНЪ. Да... но вы не знаете, могъ ли я избъжать этого?.. Не подумайте, чтобъ я старался сложить всю вину на ту, кто здъсь страдаетъ больше всъхъ, нътъ! Я былъ виноватъ, очень виноватъ; но все таки я не искалъ ея любви. Желаніе сдълать добро и потомъ дружба, вотъ что сблизило меня съ Каролиной; помогать слабому пріятно, это какъ-то льститъ нашему самолю-

бію; я быль счастливъ, слушая ея благодарность; но мало по малу выраженіе этой благодарности дѣлалось живѣе и пламеннѣе; я видѣлъ, что ужъ здѣсь говорила любовь, а неблагодарность, и я увлекся этой неожиданной страстью, я думалъ въ первую минуту что раздѣляю ее—и ошибся, меня обманули собственныя чувства. Вотъ вамъ вся моя вина.

АНДРЕ. Но когда вы увърились, что ужъ не любите Каролину, зачъмъ же вы ей не сказали? Какъ благородный человъкъ вы должны были это сдълать.

АРМАНЪ. Я и хотълъ сказать, но ужъ было поздно, она слишкомъ далеко зашла. Замътя мою перемъну, она стала укорять меня, что я не отвъчаю на ея нъжность, что я охладълъ, и она была права; но притворствовать я не могъ, и истина высказывалась сама собою... Тутъ начались подозрънія, жалобы, ссоры.

АНДРЕ. И прожить такъ три года!..

арманъ. Наконецъ случай познакомилъ меня съ Аделью Клери... движенія сердца необъяснимы и выше нашей воли... При взглядъ на эту дъвушку, я въ первый разъ почувствовалъ, что такое любовь!.. Предвидя весь ужасъ будущаго, я хотълъ истребить первое впечатлъніе, но не могъ... Матушка догадалась о моей любви, была очень рада, и безъ моего согласія объяснилась съ отцемъ Адели.

АНДРЕ. И вы не пожальли бъдной Каролины, не побоялись ея отчаянія?.. Несчастная женщина!

АРМАНЪ. Я небоялся? да развъ это можно? Вотъ ужъ шесть мъсяцевъ этотъ страхъ ни на минуту меня не оставляетъ!.. Но и безъ любви къ Адели, рано-ли, поздно-ли, а я долженъ былъ съ ней разстаться... Въ нашей жизни было слишкомъ мало счастія... и, признаюсь, я сначала думалъ, что Каролина пойметъ это сама и постепенно приготовится къ разлукъ... я зналъ, что это для насъ обоихъ будетъ очень тяжело, но надъялся на ея благоразуміе, великодушіе, на случай... однимъ словомъ, на все, на что надъятся, когда страдаютъ. Вотъ вамъ откровенное признаніе! Вы сами молодой человъкъ: какъ бы вы поступили на моемъ мъстъ, я спрашиваю у ващей совъсти?..

АНДРЕ (съ замъшательством»). Я!.. я... извъстно... все, что вы сказали... я согласенъ... Но, Каролина, Каролина?... какъ ей сказать?.. въдь это ее убъетъ!..

АРМАНЪ. Ужъ объ этомъ подумайте вы, а я не въсостояніи!.. (Каролина тихо входить и останавливается). Но повторяю вамъ,

ежели этотъ бракъ и не состоится, мы все таки должны разстаться: любить ее не могу, а обманывать я не способенъ.

VII.

ТВ ЖЕ, КАРОЛИНА

АРМАНЪ. Замедленіе можетъ номѣшать только моей женитьбъ и сдѣлаетъ несчастными трехъ, вмѣсто одной.

АНДРЕ. Такъ вы очень любите Адель Клери...

арманъ. О, больше всего на свътъ!

КАРОЛИНА (вскрикиваеть). Любить?!..

арманъ и андре. Каролина!

КАРОЛИНА (подбълаеть къ Арману). Ты любишь?.. любишь?.. Хочешь жениться, а?..

АРМАНЪ. Каролина!..

каролина. Да, ну-же, отвъчай!.. злодъй, хоть обмани меня, да сдълай счастливой!.. Молчишь?.. Такъ правда?.. правда!.. О, Боже мой!..

арманъ. Выслушай, Каролина!..

КАРОЛИНА. Правда?.. Безчестный человъкъ!.. Теперь я понимаю все, что ты сейчасъ говорилъ мнъ!.. Любитъ другую!.. О, да нътъ, нътъ!.. не можетъ быть!.. Я этого не хочу.

АРМАНЪ. Каролина!..

каролина. А, ты думаль, что бъдную, беззащитную дъвушку, лишивъ всего, можно бросить, какъ изломанную игрушку?.. Ты надъялся на мое отчаяніе, ждаль, что я убью себя?.. не такъли?.. Ты на это разсчитываль!.. Безчеловъчный!.. Но ты ошибся въ своихъ разсчетахъ, этого не будеть!.. я хочу жить!.. хочу быть счастлива!.. я объявлю мои права!.. Ты не можешь бросить меня!.. нътъ, не можешь!..

арманъ. Каролина!.. успокойся!..

КАРОЛИНА. О, вы видите, я говорю это безъ гнъва, безъ отчаянія!. Посмотрите, глаза мои сухи... я совершенно покойна. (Рыданія заглушають ен голось).

АРМАНЪ. Я заслужилъ ваши упреки, и мнв нечего сказать въ свое оправданіе.

каролина. Какъ, развъ у васъ нътъ приготовленныхъ оправаній? Или мужчины только лгутъ, оправдываясь передъ мужчинами, а женщины и этого не стоятъ... ихъ просто можно обмануть и бросить?!..

АРМАНЪ (подходя къ ней). Каролина, ради Бога...

КАРОЛИНА. О, оставьте, оставьте меня!.. Я боюсь васъ!.. (Падаетъ на канапе). Господи! Смерть, скоръе смерть!.. Сжалься надо мною!..

АРМАНЪ. Я возвращусь, когда вы будете въ состояни меня выслушать. (*Уходитъ*).

КАГОЛИНА (смотрите ему вслыде, потоме вскакивает будто во помышательство). Арманъ!.. Арманъ!.. ушелъ!.. О, голова, голова!.. больно... горячо!.. Арманъ!.. любитъ другую!.. Кто она?.. кажется, онъ сказалъ?.. да, да, сказалъ!.. Боже мой, забыла!.. что жъ мнъ дълать?.. Проклятая память!.. (къ Апдре). А! въдь ты слышалъ, Андре?.. Слышалъ! скажи же мнъ, какъ онъ ее назвалъ? Могилою матери заклинаю тебя, говори! Сжалься надо мною!.. Умоляю тебя, братъ... другъ мой!.. Скажи мнъ ея имя?..

АНДРЕ. Бъдная Каролина!.. успокойся, сядь, отдохни (Сажаетъ ее на канапе).

каролина. Ея имя! имя ея!..

VIII.

ТВ ЖЕ, ФАННИ.

ФАННИ (быстро входить). Что такое?.. Что здъсь случилось?.. **АНДРЕ** (сердито). Ничего.

фанни. Полноте, какъ ничего! Г. Арманъ выбъжалъ отсюда, какъ безумный, я было спросила у него о банкиръ, къ которому мнъ дали адресъ, но онъ точно не слыхалъ... Да и вы всъ такъ встревожены... Скажите, пожалуйста, что такое? Върно любовная ссора?

АНДРЕ (стараясь перемљишть разговоръ). А, вы имъете дъло къ банкиру?

ФАННИ. Какъ же! все для бъдной Жюли.

АНДРЕ (разстянно). А, для нея!..

ФАННИ. Вотъ его адресъ. Не знаете ли вы дома, гдт онъ живетъ?

андре. Кто?

ФАННИ, Банкиръ Клери?

каролина (вскакивает съ неистовой радостью). Клери!.. Клери!.. Вспомнила! вспомнила!.. Гдъ адресъ? (вырывает адресъ) Дай мнъ!.. О, теперь я все узнаю!.. Клери!.. (береть шаль и шляпку; звонить, — входить слуга) Карету!

фанни (смотря на нее съ удивленіемь). Моя у крыльца, если хочешь, возьми.

КАРОЛИНА (скоро, уходя). Хорошо; благодарю, Клери! Клери!.. **АНДРЕ** (уходя за нею). Я не оставлю тебя!

фанни. Что-жъ это значить?.. Оба побъжали—ужъ не съ ума ли они сошли?.. Ну, пусть себъ хлопочать, а я пока пройду свое па. (Становится передъ трюмо и танцуетъ).

дъйствіе н.

(Зала въ домъ банкира Клери, богато меблированная; по объимъ сторонамъ столы; на одномъ лежатъ разныя рукодълья, на другомъ стоятъ картоны и брачная корзина).

I.

АДЕЛЬ, Г-ЖА МОРО, ЛУИЗА, ПОТОМЪ КЛЕРИ.

АДЕЛЬ (разбирая корзину). Ахъ, тетенька, посмотрите ка: еще брилліанты!..

мого (вынимаеть вещи изь корзины). Блонды... кружева!...

АДЕЛЬ. Боже мой, какъ это прекрасно!.. Но что жъ папенька нейдетъ?.. Луиза, ты говорила ему?

луиза. Говорила, сударыня, но онъ занятъ..

адель. Чемъ?

луиза. Бранитъ кучера...

АДЕЛЬ. Ахъ, Боже мой! въчно сердится... а докторъ говорилъ, что это ему очень вредно!..

КЛЕРИ (за кулисами). Чтобъ духомъ его не пахло!.. не то я его выброшу въ окошко!.. (входить) Силъ никакихъ нътъ!.. Обманываютъ... крадутъ... просто денной грабежъ!.. Чортъ возьми, ну, ужъ городокъ, настоящій разбойничій притонъ!.. (Адель смотрить на него, онъ тотисъ перемъняеть тонъ) Что ты на меня такъ смотришь, Адель?..

АДЕЛЬ (ласкаясь къ нему). Папенька... вы все сердитесь!..

клери. Да въдь средства никакого нътъ: все дълаютъ на перекоръ... точно какъ будто весь домъ сговорился бъсить меня нынъшній день; прикащики ушли изъ конторы; у коляски переломилась ось; на дъстницъ разбили фонарь, и къ довершенію заковали мою Миледи, и она хромаетъ!.. Суди сама, тутъ никакого терпънія не хватить?.. Чортъ возьми, и это животное, кучеръ, вздумалъ еще оправдываться!

АДЕЛЬ. Полноте, папенька, успокойтесь... и стоить ли это вниманія?.. Прикащики прійдуть и сдълають вдвое за потерянное время; коляску починять, лошадь выздоровъеть; грубіяна кучера ужъньть. Полноте, голубчикь, папенька!..Ну, улыбнитесь, папуничка... я вась прошу: воть такъ... (ивлуеть его).

КЛЕРИ. Да, ты права, Адель, это не стоитъ вниманія; но что жъ дълать, морская привычка— я жилъ все съ неграми, а съ этимъ народомъ только и можно говорить бранью да палкой... Ужъ какъ я усталъ!..

АДЕЛЬ (отпраеть е иу поть). Видите ли, папаша, пожалуй еще захвораете... Какіе вы, право!..

клери. Нътъ, ничего, не бойся... вотъ ужъ и проходитъ (смотритъ на столъ). Да не помъщалъ ли я тебъ?.. Такъ и есть! ты разбирала свадебную корзину и была очень счастлива, а?..

АДЕЛЬ (*наивно*). Ахъ, папочка, посмотрите, какіе брилліанты, чудо, прелесть!

клери. Право? поздравляю; теперь, я думаю, твоя любовь къ Февалю поднялась на цълую сотню процентовъ. Ха, ха, ха!.. Брилліанты ужасно поджигаютъ въ женщинахъ страсть.

АДЕЛЬ. Ахъ, папенька! что вы это?!

клери. А что? что жъ тутъ удивительнаго!.. Это очень обыкновенно, моя милая, въдь ты женщина!.. готовишься быть женою, и въ этомъ новомъ званіи будешь принимать къ себъ завистливыхъ подругъ... блеснуть брилліантами пріятно... это ихъ взбъситъ, тъмъ лучше; безъ этого къ чему жъ бы и подругъ имъть?..

АДЕЛЬ. А! Это значить, другими словами, что я выхожу замужь изъ кокетства?.. И вы это говорите? Неужели вы такъ дурно думаете обо мнъ?.. Вы должны знать...

КЛЕРИ. Что ты выходищь по любви? знаю, мой другъ, знаю, и по этому только и согласился выдать тебя за адвоката... Я этотъ народъ терпъть не могу: торгуютъ словомъ, а подъ часъ и совъстью, дай имъ денегъ, они тебя оправдаютъ, а дастъ твой противникъ, и его сдълаютъ правымъ!.. Не скажу этого про Армана,

онъ мнѣ нравится своею честностью и безкорыстіємъ; онъ образованъ и уменъ... къ тому же съ моимъ отказомъ на этотъ бракъ соединены были истерика, мигрень, блѣдность, безсонница... Помилуй Богъ, отдать тебя на жертву всъмъ этимъ чудовищамъ! Пусть ужъ лучше владъетъ одинъ адвокатъ... Ну, скажи-ка мнѣ, плутовка, ты его очень любишь? (треплетъ ее по щекъ).

АДЕЛЬ. О, да, папаша, теперь я могу вамъ признаться... И знаете ли, если бъ вы не согласились на нашъ бракъ, я бы вамъ повиновалась, какъ дочь, но...

клери. Что-бы но...

адель (наивно). Я умерла бы! Не сердитесь на меня, папочка, въдь это не въ моей волъ: я не могу жить безъ него!

клери. Точь въ точь покойница мать! Тоже кроткое сердце, таже безграничная привязанность. Поцълуй меня, другъ мой!.. Мнъ и самому твой бракъ очень пріятенъ: по крайней мъръ, ты будешъ носить честное имя, на которое никто никогда не осмълится положить клейма позора!..

АДЕЛЬ (умоляя). Ахъ, папа, опять? Забудьте это!..

клери. Нътъ, чортъ возьми! никогда не забуду!.. объ этомъ надо сказать Арману, онъ еще не знаетъ, зачъмъ мы перемънили фамилію... О, не могу вспомнить безъ желчи, что тебя, мое дитя, милую, невинную, мою гордость, мое счастіе, приняли за...

АДЕЛЬ. Полноте, папенька, ради Бога!..

КЛЕРИ. Я никогда не прощу этой презрѣнной!.. И это дочь моего брата, честнаго, благороднаго человѣка!.. И она моя племянница! О, чортъ возьми, это ужасно!.. И если, помилуй Богъ, я гдѣ нибудь съ нею встрѣчусь, не знаю, что я сдѣлаю, но только не отвѣчаю за себя!..

АДЕЛЬ. Ахъ, папенька, что за слова!.. и въ какое время?!..

клеги. Виновать, мой другь!.. И въ самомъ дълъ, нынче я долженъ думать только о тебъ... Вонъ какъ тетка твоя, посмотри-ка, въдь она не меньше твоего занимается твоими нарядами... (Во все это время г-жа Моро собираетъ со стола всъ подарки въ свадебную корзину, и вмъстъ съ Луизой уносить ее въ комнату Адели).

адель. О, она меня любить, какъ родную дочь.

клери. И частенько бранить какъ дочь, въдь мы съ нею похожи другь на друга, она также не прочь покричать да посердиться... **АДЕЛЬ**. Будьте осторожны, папенька, вы знаете, ей кажется, что всъ отъ нея таятся и шепчутся... (Г-жа Моро входить).

клери. Да, да, она все еще не догадалась, что ужъ нъсколько лътъ ровно ничего не слышитъ...

мого. Что ты тамъ говоришь, Адель?

адель. Ничего, тетенька.

мого. Опять шушуканье!.. какъ это вамъ не надовстъ!

клери (всторону). Такъ и есть, теперь пошла писать.

моро. Знаю, что я немного кръпка на ухо, но нынче всъ сговорились шептаться. Не понимаю, что находять въ этомъ х орошато!.. Ну, что жъ вы, братецъ, стоите, сложа руки? Въдь ужъ пора итти къ нотаріусу, писать контрактъ.

клери (громко). Ждемъ г. Феваля.

мого. Теперь не время? да когда же, помилуй, скажи?

клери (смъется и еще громче). Жениха надо подождать!

мого. Послать?.. кого, послать? куда?

клери. Нътъ, ужъ лучше замолчу!

мого. Все ворчу?.. Да съ чего жъ вы это взяли?.. Вотъ тебъ разъ!.. Покорно васъ благодарю: отъ васъ только этого и жди.

клери. Да я этого не говорилъ...

моро. Человъкъ благовоспитанный никогда подобныхъ словъ не скажетъ... и я не позволю, чтобъ со мною такъ обращались!.. (Клери въ знакъ нетерпънія подымаетъ руку кверху). О, кричиге, сколько вамъ угодно, я не испугаюсь... и не уступлю... вы слишкомъ высоко занеслись и думаете, что можете помыкать мною, какъ тряпкой, нътъ, молодъ, батюшка, я, кажется, постарше тебя... Да! подика-съ.

клери. О, чортъ возьми, это ужъ слишкомъ!.. Я въдь разсержусь наконецъ...

АДЕЛЬ (подбывая къ нему). Папенька!.. успокойтесь!..

мого. Бъщеный, весь въ своихъ лошадей!.. У, глаза-то вытаращилъ.

КЛЕРИ. Что... что?..

мого. Грубіанъ!.. сударь, невъжа!.. съ дъвицей обращаться не умъешь.

АДЕЛЬ (подбъгая къ ней). Тетенька!.. Полноте!.. Что вы это?!..

клери. Замолчишь ли ты, безумная старуха?..

моро. Что, старуха! ахъ, ты безсовъстный... Ну, скажите, похожа ли я на старуху?

АДЕЛЬ. Папенька!..

клери. Оставь меня!.. Чортъ возьми... она смъстъ,...

АДЕЛЬ. Ради Бога, папенька, милый, голубчикъ... Ну, впомните, въдь она васъ не слышитъ...

КЛЕРИ (смъясь). И въ самомъ дълъ! Проклятый характеръ!.. Ну, чъмъ она виновата?.. Адель! Помири насъ, душа моя!.. (Адель радостно цълустъ его въ лобъ и подбъгая къ г-жсъ Моро, знаками показываетъ, что его должно извинить за вспыльчивость).

мого. Да въдь я и сама знаю, что его можно извинить... ужъ у него такой характеръ!.. ураганъ! гора огнедышащая, Везувій; но надо знать мъру!.. Я не сержусь, что мнъ... Богъ съ нимъ!.. коли обижаетъ беззащитную сироту! (плачето).

АДЕЛЬ (ц*пълуетъ ее и подходитъ къ отцу*). Ахъ, папенька, ну, еслибъ Арманъ пришелъ во время этой ссоры?..

клери. Да, да, это было бы забавно, но очень дурно!.. Онъ могъ бы, чортъ знаетъ что объ насъ подумать!.. Виноватъ, душа моя, виноватъ!.. если разсержусь, то не могу владъть собою... что жъ мнъ дълать!..

маро (торжествуя). А, замолчаль, небось, спохватился, давно бы такь!.. Всегда должно уступать дамамь, особливо дввиць. (Подходить къ нему, Адель подходить къ окну и смотрить).

клеги (также подходить къ г-жь Моро). Сестра, руку; виновать! (подаеть ей руку).

мого (кладя руку въ руку). А, мировая?.. Полно, братецъ, да развъ я сержусь на васъ. . что вы это, Богъ съ вами! я въдь знаю, что у васъ ужъ такой характерецъ съ винтикомъ. Вотъ лучше подумаемъ, отчего это такъ женихъ-то запоздалъ?

АДЕЛЬ (отбываеть от окна съ радостнымь крикомь).

клери. Что... вдетъ?.

моро. Что... онъ, что ли?

клери. Онъ!

АДЕЛЬ. Онъ! онъ!..

II.

TERE, APMANT.

моро. А, милости просимъ, дорогой женишокъ! **АРМАНЪ** (жметъ руку Клери). Здравствуйте, г. Клери! (къ Моро). Мое почтеніе, сударыня!... мого (подставляеть ему руку, которую онь не цълуеть). Что жъ это? фу, какой разсъянный... впрочемъ, простительно... онъ женится, при невъстъ неловко!

АРМАНЪ. Адель! простите меня, я запоздалъ немного, и ей-ей, противъ воли!..

моро (къ Клери). Братецъ, я пойду, велю заложить коляску. (уходить).

клери. Да, потрудитесь, сестрица! (Арману). Здоровы ли вы?.. А невъста на васъ сердита.

АРМАНЪ. Полноте! быть не можеть.

АДЕЛЬ. Нъть, правда.

АРМАНЪ. Да за что?

клери. Вы объщали прівхать вчера вечеромъ и не были.

АРМАНЪ. Ахъ, виноватъ!.. Меня задержало очень важное дѣло. **КЛЕРИ**. Что, я говорилъ? Знаете, женщины не могутъ понять, что можно заниматься чѣмъ нибудь другимъ, кромѣ сочиненія мадригаловъ и конфектныхъ билетцовъ для ихъ милости.

АДЕЛЬ. О, нътъ, папенька, я этого никакъ не думаю... Но онъ ужъ слишкомъ много трудится, это можетъ разстроить здоровье.

КЛЕРИ. Трудиться, мой другь, никогда нельзя слишкомъ много... онъ, какъ молодой человъкъ, долженъ совершенствовать свои способности и стараться быть полезнымъ въ свътъ. (Входить Луиза, Адель подходить къ ней и тихо разговариваетъ). Трудъ самый лучшій хранитель нравственности, по его-то милости, среди всъхъ глупостей нашей бородатой молодежи, вы остались безъ упрека.

АРМАНЪ (въ замъщательствъ). О!..

клери. Да, безъ упрека, я въдъ сдълалъ повальный обыскъ, разспращивалъ кого могъ, и кромъ хорошаго, ничего не слыхалъ объ васъ. Не взыщите, батюшка, въдъ она мнт не чужая, а я очень хорошо знаю, что такое бракъ въ наше время; ужъ довольно насмотрълся на модныхъ-то жениховъ. Это просто или безстыдная спекуляція, или прихоть развратника... Дъвушка невинная, добродтельная отдаетъ ему вмъстъ съ рукою всю свою душу, а онъ, истощенный жизнью прежде времени, беретъ ее просто для разнообразія; съ недълю любитъ, а тамъ и возвращается къ прежнимъ связямъ!.. О повърьте, не смотря на безграничную любовь Адели, я никакъ не согласился бы на этотъ бракъ, еслибъ узналъ, что у васъ есть интрижка... Я люблю мою дочь!.. Послушайте, если вы честный, благородный человъкъ, то дайте мнъ

слово ни чъмъ не оскорблять ее, не туманить свътлыхъ, прекрасныхъ дней этой малютки; будьте ей и мужъ, и отецъ!.. Въ противномъ случаъ... берегитесь, я еще смогу снять съ гвоздя мою старую, неизмънную шпагу!.. (протягивая ему руку). Но, надъюсь, до этого у насъ недойдетъ, не такъ ли?

АРМАНЪ. Помилуйте... къ чему такія мрачныя мысли?.. (Адель подходить къ нимъ).

ЛУИЗА (къ Клери). Васъ, сударь, нотаріусъ дожидается.

КЛЕРИ. Ахъ, Боже мой! заговорился здъсь и совсъмъ забылъ... (*Арману*). Я схожу за нужными бумагами и отправимся, мъшкать нечего (уходить, за нимъ и Луиза). Время дорого! не такъ ли... хе, хе, хе!

АРМАНЪ. Я готовъ. . (стоить задумавшись).

III.

ТВЖЕ, кромъ клери и луизы.

АДЕЛЬ. Что съ вами?

АРМАНЪ (какт бы пробудившись). Со мной?... ничего!.

адель. Не будьте скучны, прошу васъ!..

АРМАНЪ. Да развъ я могу быть скученъ, когда вы веселы?..

АДЕЛЬ. Я незнаю, что со мною дълается!.. Мнъ хочется и пъть, и плакать, и смъяться, а всего больше мнъ хочется, чтобъ вы были со мною и не скучали.

АРМАНЪ. Ахъ, Адель! зачъмъ не узналъ я васъ раньше... года три назадъ...

адель. О, нътъ, нътъ!.. Я тогда была глупая дъвчонка, и вы бы меня върно не полюбили, въдь я только что вышла изъ пансіона... Правда, съ похвальнымъ листомъ за географію... вы и не подозръваете всего своего счастія. Я въдь прекрасно знаю грамматику, была изъ первыхъ ученицъ въ высшемъ классъ... Милый пансіонъ! Какъ я тамъ была счастлива!.. Тамъ я познакомилась съ Гортензіей и Луизой...

арманъ. А, это подруги ваши!.. Я ихъ еще не видалъ.

адель. Онъ вчера только прівхали въ Парижъ.

арманъ. Въ самомъ дълъ?..

адель. Право! И нынче у насъ объдаютъ... Ахъ, еслибъ вы знали, какъ онъ обрадовались, что я выхожу замужъ... Я вамъ покажу ихъ письма... Онъ такія милашки, вы върно ихъ полюбите!...

АРМАНЪ. О, отъ всего сердца!..

АДЕЛЬ. Ахъ, какъ это пріятно!.. Боже мой, какъ я счастлива! **АРМАНЪ** (взявъ Адель за руку). Да, милая Адель, любить другъ друга, некраснъя носить одно имя, быть вездъ вмъстъ, соединять въ одно всъ мысли, радости, всъ желанія, всъ надежды— это высшее земное счастіе!

АДЕЛЬ (смотрить пристально на него). Ахъ, Арманъ, какъ вы нынче хорошо говорите!

IV.

ТЪЖЕ, Г-ЖА МОРО.

мого. Адель, Адель!

АДЕЛЬ. Что вамъ, тетенька?

моро. Портниха принесла свадебный нарядъ, она дожидается въ твоей комнатъ... Ступай скоръе, мой дружокъ, артистокъ недолжно заставлять ждать... онъ капризны...

АДЕЛЬ. Иду, иду! (къ Арману). Вы позволите? Въдь это также для васъ!..

АРМАНЪ (цилуеть руку Адели, она уходить).

мого (къ Арману). А васъ братъ дожидается.

АРМАНЪ. А, сію минуту! (Идеть къ среднимь дверямь).

моро. Нътъ, нътъ, черезъ садъ ступайте... Коляска у маленькой калитки (опять подставляетъ ему руку).

АРМАНЪ (цвлуеть руку). Покорно васъ благодарю. (Yходить въ боковыя двери).

V.

моро, одна.

Вотъ ужъ и видно хорошо-воспитаннаго человъка!.. Одинъ только въ немъ недостатокъ, говоритъ по модъ, все себъ подъ носъ!.. ничего не разслушаешь; глупая мода! (садится за работу, надпет очки). Ахъ, милая Адель, дай Богъ тебъ съ нимъ счастія!.. (работаетъ). Вотъ, какъ она выйдетъ за мужъ, мнъ одной и будетъ скучно... Развъ и мнъ рискнуть...

VI.

МОРО, АНДРЕ, потомъ КАРОЛИНА.

АНДРЕ (входя и невидя г-жи Моро). Въ прихожей никого...

Каролина такъ нетерпълива... такъ встревожена, если я пробуду лишнюю минуту, она не выдержитъ и выскочитъ изъ кареты. (Увидя Моро). А, наконецъ!.. (Подходитъ къ ней, кланяется, кашляетъ, чтобъ обратить на себя вниманіе). Сударыня!.. честь имъю... (всторону). Что жъ это значитъ?.. Извините, сударыня... (всторону). Какъ мертвая!..

мого (нечаянно взилядываеть на него и пугается). Ахъ!.. что это?.. Извините, сдълайте одолжение... Чужой, а я и не замътила. (Поправляется передъ зеркаломъ).

АНДРЕ. Я желаю видъть г. Клери.

мого. Что вамъ угодно?.. Не дуренъ.

АНДРЕ (всторону). А, понимаю, она глуха. (На ухо ей) Γ . Клери у себя?

моро (отскакивает съ гиљвомъ). Ахъ, да что это вы на ухото кричите, въдь я не глуха!.. Вы спрашиваете, кто замужъ выходитъ?.. это моя племянница... а я еще дъвица-съ... (Потуплеть глаза).

андре. Что такое?.. Мнъ нуженъ г. Клери.

мого. А, квартиру? Какъ же, есть: восемь комнатъ, прекрасно отдъланныхъ, подоконники марморные, полы парке, золотые багеты, сейчасъ покажу вамъ.

АНДРЕ. Вы ошибаетесь, сударыня, я совствить не заттямъ пришелъ.

моро. Дорога́? Ну, такъ есть подешевле въ четвертомъ этажъ, я велю показать вамъ. (Звонитъ).

АНДРЕ. О, да она глуха, какъ статуя!..

моро. Ахъ, Боже мой! Да куда это они всъ разбъжались? въчно въ прихожей ни души!.. (Встаеть и идеть къ среднимь дверямь). Пойти посмотръть самой... Потрудитесь подождать!..

АНДРЕ. Выслушайте меня, сударыня!.. Вы напрасно безпокоитесь!.. Не слышитъ!.. Что жъ мнѣ дѣлать, какъ узнать дома ли Клери?.. А!.. (Вынимаетъ бумажникъ и пишетъ).

мого. Никого! Этакой беззаботный наредъ! (Смотрить на Андре). Что это онъ дълаетъ?..

АНДРЕ (подаеть ей бумажку). Потрудитесь прочитать.

каролина (входя). Нетъ, я не могу долее дожидаться!

мого. Что это значитъ?.. (читает»). «Я спрашиваю, гдъ г. Клери?»

АНДРЕ. Да, сударыня, мнт очень его нужно.

мого. Такъ вы бы и сказали, а то что за манера... писать! Какъ будто я говорить не умъю. Г. Клери нътъ дома, онъ теперь у нотаріуса съ своимъ зятемъ.

КАРОЛИНА (вскрикиваеть). Боже мой!..

моро (увидя Каролину). Женщина?!..

КАРОЛИНА. Андре! Ради Бога, туда... къ нимъ... скоръе!.. (*Тащитъ его*).

моро. Вы не думаете ли туда итти? Такъ не трудитесь, его не застанете, онъ хотълъ зайти куда-то.

каролина (рышительно). Ну, такъ подождемъ здъсь.

АНДРЕ. Каролина!.. ради Бога... подумайте, что изъ этого выйдетъ?..

КАРОЛИНА. О, я теперь только думаю объ одномъ; я остаюсь! (*Cadumes*).

АНДРЕ. Ну, такъ и я останусь. (Садится подль нея).

мого (смотрить на нихь). Съли!.. и безъ приглашенія!.. Забавный народецъ! Это върно англичане!.. Ну такъ пусть дожидаются, я и сама сяду. (Садится опять за работу).

ФАННЯ (за кулисами). И здвеь никого?.. Что жъ это такое, въдь это ужасно!

каролина, (хватая руку Андре). Андре!.. это Фанни!..

АНДРЕ. Да, она, что теперь дълать?.. Несносная женщина! **КАРОЛИНА**. Она все можетъ открыть! Ради Бога, избавь меня отъ нея!

VII

ТЪЖЕ И ФАННИ.

ФАННИ (увидя Каролину). Ахъ, Каролина!.. И ты эдъсь?!..

АНДРЕ, Да, мы пришли...

ФАННИ. Стало быть, г. Клери вашъ банкиръ?

АНДРЕ. Да, да, онъ нашъ банкиръ... а вы его также знаете?

фанни. Нътъ, совершенно не знато! Вообразите, я въдь почти всъ конторы объгала по дълу Жюли, и все безъ успъха, вотъ теперь пришла къ г. Клери...

андре. Не угодно ли, я васъ провожу къ нему?

ФАННИ. Ахъ, сдълайте милость!.. Послушай, Каролина, что съ тобою?.. Ты такъ странно со мной разсталась?..

КАРОЛИНА (не перемъняя положенія). Ничего...

АН ГРЕ (стараясь увести Фанни). Я жду васъ...

фанни. Сію минуту! Какъ ничего, помилуй, душка, посмотри, какая ты бледная?.. словно фигурантка изъ Роберта.

АНДРЕ (береть Фанни подъ руку). Позвольте предложить вамъмою руку?...

ФАННИ. Ахъ, очень вамъ благодарна!.. (Хочеть подойти къ Каролинь, Андре не пускаеть). Позвольте... я только...

андре (почти тащить Фанни къ дверямь). Мнъ очень пріятно... располагайте мною...

ФАННИ. Но мив нужно...

же!.. сдълайте милость!.. (Уходять).

моро (смотрить на уходящихь). Еще дама?.. Да что жъ это значить?..

VIII.

каролина и моро.

КАРОЛИНА. Ушла!.. Отдыхаю... Скоро ли придеть Клери. **АДЕЛЬ** (за кулисами). Тетенька! тетенька!.. **КАРОЛИНА**. Что это?..

IX

ТЕЖЕ и АДЕЛЬ ВЪ подвънечномъ платъб.

АДЕЛЬ. Тетенька!

каролина. Что я вижу?!..

мого. Ахъ, какъ мило! прелесть!..

адель (смотрясь въ зеркало). Не правда ли?.. Какъ идетъ ко мнъ!.. Боже мой, какъ пріятно надъвать подвънечное платье!

моро. Я бы хотъла, чтобъ г. Феваль взглянулъ теперь на тебя!.. То-то бы ахнулъ!

адель. Еще увидить!...

КАРОЛИНА. Она!.. Она!.. Вотъ она, моя соперница!.. О какъона прекрасна!..

АДЕЛЬ (увидя Каролину). Что вамъ угодно?

каролина (подходя ко ней). Вы... върне... дочь г. Клери? адель. Точно такъ.

каролина. Мнв нужно поговорить съ вами.

АДЕЛЬ. Со мной?..

каролина. Да, съ вами, и о вашемъ бракъ.

АДЕЛЬ. О моемъ бракъ? въ такомъ случав отнеситесь къ папенькъ, онъ скоро прійдетъ.

КАРОЛИНА. Нътъ, съ нимъ послъ... а теперь я должна говорить съ вами, съ однъми вами...

АДЕЛЬ. Но къ чему же это?..

КАРОЛИНА. Я васъ прошу... умоляю!.. отъ этого зависитъ моя жизнь!..

АДЕЛЬ. О, такъ говорите, говорите скоръе! Я васъ слушаю... (Объ отходять от Моро).

мого (всторону). Это върно ея подруга! Пойти сказать портнихъ, чтобъ подождала... (Уходить въ комнату Адели).

каролина. Вы выходите замужъ за г. Феваля?..

АДЕЛЬ. Да!

каролина. И вы увърены, что этотъ бракъ возможенъ?..

АДЕЛЬ. Отчего же нътъ?..

КАРОЛИНА. Вы убъждены, что Феваль совершенно свободень?.. Точно ли вы узнали, что у него нътъ другихъ обязанностей?..

АДЕЛЬ. О, этого быть не можетъ!..

КАРОЛИНА. Нътъ, это можетъ быть, это есть!

АДЕЛЬ. Боже мой!.. Но кто же вы?..

каролина. Я? Я женщина, которую... Я его любовница!..

АДЕЛЬ (отбываеть от нея съ крикомь). Ахъ!..

КАРОЛИНА. Васъ пугаетъ одно это слово; вы находите меня безстыдной и дерзкой, что я ръшилась произнесть его передъ вами, не такъ ли?.. Вы удивляетесь, что такая женщина, какъ я, осмълилась придти сюда... не такъ ли? (Движеніе Адели). Вы правы... я заслужила это презръніе; но было время, когда и я гордилась моею невинностью, и подобно вамъ отворачивалась отъ обманутыхъ... Да, вы вправъ презирать меня... Вы можете... (Ото рыданій не может говорить). О, Боже мой!.. Боже мой!..

АДЕЛЬ (возмущенная). Ахъ, успокойтесь... ради Бога! Прошу васъ!

КАРОЛИНА. Правда, къ чему слезы! Я пришла сюда не плакать, а просить справедливости!

АДЕЛЬ. Чего же вы отъ меня хотите?

КАРОЛИНА. Чего я хочу? Развъ вы не догадались? Я хочу, чтобъ вы были судьей между нами.

АЛЕЛЬ. Я?

каролина. Да. Мы объ женщины... хотя слишкомъ далеко стоимъ другъ отъ друга: одна всего лишена и покинута, другая чиста и прекрасна, но все-таки у насъ одинакія сердца, сердца, которыя цвътутъ радостью и вянутъ отъ страданій... Представьте теперь, что случай перемѣнилъ наши роли: я была бы на вашемъ мѣстъ — юная, счастливая, съ прекрасною будущностью, а вы на моемъ — бъдная, несчастная жертва — между жизнью и смертью; скажите, что бы я должна дълать для вашего спасенія? (Адель въ сильномъ волненіи). О, отвъчайте, отвъчайте!!

АДЕЛЬ. Боже мой! Но что жъ я могу вамъ отвъчать?.. Развъ вы не видите моихъ слезъ?.. Вы пришли разрушить однимъ словомъ всъ мои мечты, уничтожить всъ мои надежды, и когда я еще не могу опомниться, прійти въ себя, вы требуете отвъта!.. хотите, чтобъ я объявила вамъ на что ръшилась, тогда, какъ я ничего не понимаю... ничего не могу сообразить... О, сжальтесь надо ми.... не требуйте отъ меня невозможнаго!..

КАРОЛИНА. Но все таки вы меня поняли!.. Сердце того, кто хочеть на васъ жениться, принадлежить мнѣ, понимаете ли вы? Арманъ мой, мой навсегда, до могилы... слышите ли вы, сударыня? онъ мой, онъ не можетъ меня покинуть... Страдали ли вы, какъ я .. плакали ли вы, какъ я кровавыми слезами... любите ли вы его такъ какъ я?.. О, нѣтъ, нѣтъ, вы его не любите, вы выходите за него потому только, что этого хочетъ вашъ батюшка, вѣдь надо жъ за кого нибудь выйти, онъ же богатъ...

АДЕЛЬ (оскорблясь). Сударыня!..

КАРОЛИНА. Нътъ... нътъ... я виновата... я оскорбила васъ!.. Простите моему безумію!.. Я не помню, что говорю... ради всего святаго, простите меня... О, я слишкомъ страдаю!.. Сжальтесь надо мною!.. Подумайте, если онъ меня оставить—я убью себя!

АДЕЛЬ (сэкимаеть ей руку съ крикомь). Ахъ!

КАРОЛИНА (прося со слезами). Не отнимайте его у меня!.. Не убивайте несчастную!.. у ногъ вашихъ прошу, не отнимайте его у меня!.. (Падаетъ на кольна).

АДЕЛЬ (хочеть ее поднять). Что вы дълаете? встаньте! Ради lora, встаньте!

каролина. Нътъ, нътъ, оставте меня здъсь, я на своемъ мъстъ!.. Вы молоды и счастливы, вы неможете быть жестоки!.. (Хвапает ся руки) Дайте, дайте мнъ поцъловать вашу руку... Не бойтесь, мой поцълуй не осквернить ее... О, Боже мой!... 1/23

когда и шла къ вамъ, тысяча мыслей толпились въ головъ моей, самыхъ убъдительныхъ... теперь же нътъ ни одной, въ головъ и тутъ какая-то могильная пустота, и я могу только плакать!.. Но взгляните на меня, и вы меня поймете!

АДЕЛЬ (стараясь ее поднять). О, Боже мой, что жъ мнъ дълать?!.. Встаньте, умоляю васъ, не мучьте меня этимъ положеніемъ! Встаньте.

КАРОЛИНА. Нѣтъ, нѣтъ, я останусь у ногъ вашихъ до тѣхъ поръ, пока вы согласитесь! Вы можете жить безъ него... вы чисты, какъ младенецъ... у васъ естъ семейство, которое васъ любитъ, а я одна въ цѣломъ мірѣ, одна и съ клеймомъ позора, съ именемъ безчестной... Осмѣлитесь ли вы послѣ этого стать со мною рядомъ и быть моей соперницей, отвѣчайте же?.. О, скажите, скажите мнѣ, что не выйдете за него замужъ.

АДЕЛЬ (въ отчаяніи). О, чего вы отъ меня требуете!..

КАРОЛЕНА (вскакивая съ кольнь, дико). А!.. такъ вы его любите?!..

адель. Послушайте!

каролина. Вы его любите?!.. (Входить Армань). Армань!..

The source of X. and the source of the total of

тъже, арманъ.

арманъ. Боже! Каролина!.. (Молчаніе).

АДЕЛЬ (опустивъ глаза, трепещущимъ голосомъ). Да, Каролина!.. ея видъ приводитъ васъ въ замъщательство; вы догадались, зачъмъ она пришла?..

АРМАНЪ (закрываето лицо). О, Боже мой!..

АДЕЛЬ. Вы, безъ сомнънія, боитесь моихъ упрековъ?.. успокойтесь, вы ихъ не услышите!.. Я была неопытна, повърила вашимъ словамъ, и вы меня обманули... Я думала, что вы женитесь на мнъ изъ сердечной привязанности, но ошиблась, вы дълали это изъ расчетовъ, непростительныхъ для благороднаго человъка!..

АРМАНЪ. И вы можете такъ думать!

адель. Я сударь отъ васъ не требую извиненій!.. И что за важность, если бъдная дъвушка обманулась? зачъмъ она върим тому, чего желала? Я сама виновата!.. Я составляла такія грекрасныя мечты, такъ была счастлива! Можетъ быть, я не дожна показывать, что это меня убиваетъ... но я не умъю притворяться: я страдаю и плачу!..

АРМАНЪ (въ отчаяніи). Адель!..

АДЕЛЬ. Не опасайтесь, я никому не буду жаловаться, я скрою мои слезы, затаю страданія и постараюсь отвыкнуть быть счастливой (къ Каролинь). Успокойтесь, сударыня, я не хочу счастія, купленнаго вашими слезами, и возвращаю вамъ всъ ваши права.

арманъ. Боже!...

(Движение Каролины).

АДЕЛЬ (въ отчаннии срываеть съ себя вънокъ и букеть). Этотъ букеть... вънокъ!.. я отказываюсь отъ нихъ и бросаю къ вашимъ ногамъ, вмъстъ со всъми моими надеждами! (Бросаеть къ ногамъ Каролины и падаеть въ кресла).

АРМАНЪ (закрывъ глаза). Несчастный!

КАРОЛИНА (смотря на Армана). Онъ плачетъ!.. (Дълаетъ движение къ Арману). Арманъ! (Арманъ удаляется отъ нея). Но что жъ я тебъ слълала?!..

АРМАНЪ. И вы спрашиваете? Вы убили всѣ мои надежды, лишили будущности, сдѣлали меня навсегда несчастнымъ... Да, навсегда, потому что этотъ союзъ былъ моею жизнью... Теперь вы отомщены, я не переживу этого!

каролина. О, Боже мой!

АДЕЛЬ. Что онъ сказаль?

арманъ. Прощайте!

каролина (желая его удержать). Арманъ!..

XI.

ТВЖЕ и АНДРЕ.

андре. Остановитесь! Г. Клери сейчасъ идетъ сюда.

арманъ. Клери?

АДЕЛЬ. Батюшка!.. ахъ, сударыня, не говорите ему ничего, именемъ Бога прошу васъ.

каролина. Какъ!..

АДЕЛЬ. Вы не знаете его характера!.. Онъ никогда не протитъ этого... если узнаетъ, то все погибло; они будутъ драться!

каролина. Что я слышу?

МЕЛЬ. Умоляю васъ, дайте мнѣ время приготовить его къ этому ивъстію, я все приму на себя... Я ему скажу, что меня обманули чувства, что не хочу больше и думать объ этомъ бра-

къ... Однимъ словомъ, я обвиню себя, перенесу одна всъ его выговоры, упреки, только ради Бога, молчите.

арманъ. Это невозможно!

АДЕЛЬ. Но это должно быть такъ!

АРМАНЪ (съ благородною твердостью). Нътъ, я ни имъю права согласиться на подобное самоотверженіе, на одного виновнаго должны пасть всъ послъдствія его вины... (движеніе Адели). Всякое противоръчіе съ вашей стороны будетъ безполезно, я ръшился, и г. Клери узнаетъ всю правду. Его справедливый гнъвъ я перенесу съ должною покорностью, и что бы ни случилось, не бойтесь за него.

каролина. Но подумайте...

July 1977, In Charles well without

АРМАНЪ (горько). Вы, сударыня, хотъли наказать меня и принесть отчаяние въ тихое, счастливое семейство—вы успъли въ этомъ и должны быть довольны.

КАРОЛИНА. Боже мой, что я сдълала! **АНДРЕ**. Вотъ и Клери!

XII.

ТВЖЕ, и КЛЕРИ.

КЛЕРИ (входя, Адели). Ну, я сейчасъ отъ Мера, имя твое и Армана выставлено на показъ всему округу; теперь все кончено... меня ужъ человъкъ десять поздравляли.

АДЕЛЬ (въ сильномъ волненіи). Батюшка!.. (Бросаеть невольно взоръ на Каролину).

КЛЕРИ. Ахъ!.. виноватъ, я и не замътилъ, г. Бернье, мое почтеніе!.. Сударыня!.. безъ сомнънія, я васъ заставилъ дожидаться...

АНДРЕ (въ замъшательствъ кланяется). Да... въ самомъ дълъ! **КЛЕРИ**. Извините, пожалуйста!.. не могу ли быть чъмъ нибудь полезенъ? Сдълайте милость, располагайте мною, я почту за счастіе!

КАРОЛИНА (въ сильномъ замъшательствъ). Я хотъла!..

клери. Что вамъ угодно? прошу васъ, говорите!

каролина. Я... я... пришла...

КЛЕРИ. Вы такъ взволнованы... Сдълайте милость, успокойтєю. **КАРОЛИНА** (закрыво лицо). О, Боже мой, Боже!..

КЛЕРИ. Что это?.. (смотрить на всьхь) Да вы всъ слущены... скажите, пожалуйста, что это значить?..

арманъ. Г. Клери!.. Я вамъ все скажу, чего бы мнъ это не

АДЕЛЬ (бросается къ Клери). О, нътъ, нътъ, батюшка, не слушайте его!.. не слушайте! Я вамъ все скажу... все... но послъ!..

клери. Ты пугаешь меня, Адель?.. (Смотрить на нее). Да ты плакала. Этотъ букетъ... вънокъ?.. Что здъсь случилось?

XIII.

ТВ ЖЕ, ФАННИ.

breadle water on manager alient

ФАННИ. А, это несносно!..

АРМАНЪ (всторону) Боже мой, чъмъ все это кончится?!..

АН ДРЕ И КАРОЛИНА (всторону.) Фанни!...

клери. Что?..

фанни. Ахъ, Каролина, какъ я рада, что еще застала тебя здъсь! Въдь г. Клери твой банкиръ, такъ сдълай милость, попроси его за меня, для тебя онъ върно сдълаетъ?..

клери. Клери? это я, сударыня!

ФАННИ. Вы?!.. такъ извините!.. Вотъ видите-ли, дъло идетъ, объ маленькой услугъ, въ которой мнъ отказали ваши прикащики...

клери. Если только могу, я готовъ удовлетворить васъ.

ФАННИ. О, я была увърена, что вы мнъ не откажете послъ рекомендаціи лучшей моей подруги (показываеть на Каролину) Каролины Алларъ.

клери. Каролины Алларъ!

АДЕЛЬ. Боже мой!..

КЛЕРИ. Такъ она Каролина Алларъ?..

фанни. Что жъ тутъ удивительнаго?...

клери. И она осмълилась придти сюда?..

АНДРЕ. Что вы говорите?..

клери. Несчастная! Ты ужъ обо всемъ забыла?..

каролина. Я васъ не понимаю?...

клери. Дядя, котораго ты принудила переменить фамилію, это л! А, теперь я понимаю, отчего нашель печаль и замъщательство на всъхъ лицахъ!.. Такъ по твоей милости г. Феваль ужъ знаетъ какої позоръ ты положила на наше семейство?.. А, такъ тебъ мало, что однажды заставила меня краснъть и ударить человъка совершенно праваго... Нътъ, ты являешься теперь, какъ злобный духъ, чтобъ разрушить и семейное мое счастіе?!.. КАРОЛИНА (отступая.) О, нътъ! нътъ!..

КЛЕРИ (съ возрастающимъ гиљвомъ.) Ты открываешь всъмъ нашъ стыдъ!.. и можетъ быть, подвергаешь опасности счастіе моей дочери?..

КАРОЛИНА (падая предъ нимъ на кольна.) Сжальтесь!.. сжальтесь надо мною!..

жаешь воздухъ, какъ язва!.. Презрънная тварь! (подходить къ ней, поднявши руки.)

АДЕЛЬ (Бросаясь ко нему) Батюшка!..

АНДРЕ (удерживая его.) Остановитесь!

КЛЕРИ (Отталкивая Адель.) Оставь меня!.. Оставь... (къ Андре) Какое имъете вы право защищать ее?

андре. Государь мой!

КЛЕРИ. Она осрамила меня!. Она обезчестила мое имя!.. (Бросается на Каролину.)

АНДРЕ (Ставо между имо и Каролиною.) Нътъ, сударь, она не носить больше вашего имени.

клери. А чье же?

АНДРЕ (Поднимая Каролину.) Мое.

клери. Ваше?!..

каролина. Что вы говорите?

АНДРЕ. (*Тихо Каролинъ*.) Успокойся, это только, чтобъ спасти тебя. Да, сударь, мое, слъдовательно я имъю полное право защищать ее... Она подъ моимъ покровительствомъ; я могу сожалъть и прощать...

КАРОЛИНА (падаеть на его руку.) Ахъ, Андре!..

клери. Но зачъмъ же она здъсь?.. чего она хочетъ?..

АНДРЕ. Она хотъла.... (смотря на Каролину) хотъла выпросить у васъ прощенія.

АРМАНЪ (всторону) Что онъ сказалъ?

АНДРЕ (съ намъреніемъ и смотря на Каролину). Надъюсь, теперь она поняла, что любовь съ забвеніемъ долга ръдко ведеть къ счастію; также надъюсь, и другіе поняли, что на обломкахъ чужаго счастія не создащь своего собственнаго.

АРМАНЪ (всторону). О, нътъ! никогда!,.

АНДРЕ. Она узнала также, что ея присутствіе только юзмущаєть ваше спокойствіе... пробуждаєть непріятныя воспоминанія, и увърилась, что ей остаєтся простившись со всъмъ прошедшимъ,

увхать отсюда навсегда, чтобъ возвратить вашему семейству покой и счастіе.

каролина. О, да, да, утхать отсюда подальше, навсегда!

АНДРЕ. Она будеть до конца великодушна и довершить жертву... вдали оть этихъ мѣстъ, постарается пріучить себя къ новой жизни; она будеть жить безбъдно, у нея еще остался другь, надежнѣе всѣхъ прежнихъ друзей, потому что онъ безкорыстенъ, потому что онъ отдастъ за нее жизнь, но не покроетъ ее безчестіемъ.

(Каролина, чрезвычайно взволнована; на лиць ея борьба любви съ самоотверженіемъ, наконецъ, на чтото ръшившись, она сжимаетъ руку Андре).

КАРОЛИНА. Да, Андре!.. благодарю!.. вы мой добрый геній... Да, я должна одна умереть... одна буду и страдать до смерти... (Смотрить вокругь себя съ какимъ-то помъшательствомъ, примычаеть на полу букеть и вънокъ, поднимаеть ихъ и подаеть Адели).

АРМАНЪ (всторону). Что я вижу?!..

АДЕЛЬ (всторону). Боже мой!

КАРОЛИНА. Возмите это... будьте счастливы и забудьте обо мнъ!.. (Въ изпеможении падаеть на руку Андре).

АДЕЛЬ (отдавая Арману букеть и вынокь). Г. Армань! я объщала вамъ въчную любовь... и ошиблась: я васъ не люблю болье... я объщала вамъ мою руку... но долгъ для честнаго человъка долженъ быть выше любви. Исполните ваши обязанности, и забудьте меня! (Бросается въ объятія отца). Батюшка! спасите дочь свою! Я такъ несчастна!

КЛЕРИ. Адель! дочь моя... Но что же наконецъ все это значить! Объясните ли вы мнъ всю эту сцену?

АРМАНЪ. Да, пора все кончить... Долой маску! Совъсть пробудилась, виновный передъ вами! Я—мужчина, краснъю передъ благородствомъ двухъ женщинъ! О, я низокъ, я подлъ, сознаюсь въ этомъ. Г. Клери, вамъ нужно объясненіе... Давича вы говочили, что еще въ силахъ владъть оружіемъ... Пойдемте, вы должны меня убить. Вы будете мстителемъ за честь вашего имени, которое ч опозорилъ въ лицъ невинной вашей племянницы, за счастіе вашего семейства, которое я разрушилъ любовью къ вашей дочери!

клерт. Какъ, презрънный!...

АДЕЛЬ (бросается между Клери и Арманом»). Нътъ! я недопущу до этого. Папенька! Я добровольно отказываюсь отъ г. Армана... для счастія моей сестры, Каролины... Я не позволю вамъ драться, вы не можете убить мужа своей племянницы... который далъ клятву передъ Богомъ и исполнить ее передъ закономъ. (Подвода Армана из Каролинь). Возмите его... сестрица! Онъ вашъ...

АРМАНЪ (падал передъ Каролиной на кольна). О, прости меня! Минутная страсть отуманила мой разсудокъ... Я чувствую, что я тебя недостоинъ! Но если я всей жизнью могу загладить мой проступокъ, располагай ею.

КАРОЛИНА. О!.. (Обращаясь къ Андре). Ты позволишъ?.. (Андре соединяето ихъ руки и хочето итти).

АНДРЕ. Г. Клери, нельзя ли сегодня-же отправить вашъ корабль въ Алжирію?

КЛЕРИ. Нътъ, погодите... Вы мнъ еще нужны на нъсколько дней... Дочь моя отплыветъ вмъстъ съ вами.

TREET HALL BOOMER TO ... O CHEST CONTROL OF THE STREET OF THE STREET

entan golkschung öbern geben giber. Donoanare gama obeschieberg um. "2007 ber hagel lagocamen an golkschie organist blandank einstren:

женоры облитери дописатов.—В Рамой женоры выпония донажего донаже

outs, evolute en culture baselie divinionell. Houseurs, multipair

Alexander (excession) in representation of the companion of the companion

обтожно съ задининарел и језиме посећ које дине, на кој правото Же од г Јидовој болин из обтобни изиштуран је задеотог - катабочни и приме

Plants, comogoner, Algo a brange.

Sugar Same, aposperiments, October

Anga Smoll , (guagaman) Prant

BEARITE DEE'E

выходить ежемъсячно, 20-го числа. Онъ состоить изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 нумерами «РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ». Отъ Редакція прилагаются къ нему лигографія, гравюры, ноты, фотолитографическіе портреты русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; повышая музыка русскихъ и пностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пъсенъ, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.

цъна за годовое изданте:

15 р., съ пересылкою или доставкою на домъ: 16 р. 50 к. с.

нодинска на 1854 годъ продолжается

исключительно

Въ С. Петербурги: въ главной контуръ журнала пантеонъ, на Невскомъ Проспектъ, въ домъ Казанскаго Собора.

Въ Москов: Въ КОНТОРЪ ПАНТЕОНА, при книжной давкъ П. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ этихъ мьстахъ, Редакція отвъчаетъ, и въ случат какой-нибуль неакуратности или ошибки въ доставкъ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому справедливому его требованію. За подписку же, принятую въ другихъ мыстахъ, она отвътственности на себя не принимаетъ.

Всъ лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ въ теченіе года, непремъпно получать всъ книжки, начицая съ перзой, со всъми слъдующими къ нимъ нриложениями.

Имъющіе нужду до Редакцін или желающіе помъщать свои статьи въ «Пантеонь», благоволять относиться къ издателю об дору Алекстевичу кони, адресуя письма на его имя: «въ С. Петербургъ, у Черпышева моста, въ домъ Льтжина.»